

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

NAUCHNYI DIALOG

Научный диалог

2021. № 9

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cnior@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки	
	10.01.00 Литературоведение	
	10.02.00 Языкознание	
География авторов выпуска	Владивосток	Пермь
	Екатеринбург	Самара
	Елец	Санкт-Петербург
	Киев (Украина)	Саранск
	Курск	Тамбов
	Москва	Тобольск
	Нальчик	Тюмень
	Нижевартовск	Улан-Удэ
	Нижний Новгород	Харбин (Китай)
	Николаев (Украина)	Череповец
	Ростов-на-Дону	Чита
	Омск	Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	86 %	

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2021. № 9

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Informa- tion Technologies and Mass Com- munications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexa- tion	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the jour- nal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, канд. филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, д-р педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

Редакционный совет

10.02.00 Языкознание

Александр Константинович Киклевич, д-р филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Арто Мустайоки, д-р философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, д-р филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Евгения Викторовна Терехова, д-р филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Рenate Ратмайр, д-р филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Татьяна Николаевна Бунчук, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

10.01.00 Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, д-р филологических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
Андреана Борисова Ефимова, д-р наук, профессор (Болгария, София)
Галина Ивановна Родина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Евгения Николаевна Кузьмина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
Иво Поспишил, д-р наук (Чешская Республика, Брно)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Павел Федорович Лимеров, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Алексеевна Савоськина, канд. филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 Исторические науки. Этнография. Этнология

Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р исторических наук, профессор (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Андрей Александрович Иванов, д-р исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, д-р исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

EDITOR-IN-CHIEF:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

SCIENCE EDITORS

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL BOARD

LINGUISTICS

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)
Vadim Vitalyevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Arzamas)
Evgenia Nikolayevna Kuzmina, Doctor of Philology, professor (Russia, Novosibirsk)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))
Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

HISTORY. ETHNOGRAPHY. ETHNOLOGY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
Andrey Aleksandrovich Ivanov, Doctor of History, professor (Russia, St. Petersburg)
Yuri Dmitriyevich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Алексеева Л. М., Мишланова С. Л.</i> Вековой путь российского терминоведения	9
<i>Бурдаева Т. В., Халиков М. М.</i> Сложноподчиненное предложение как знак синтаксической сложности, реализуемый на основе принципа иконичности (опыт исследования немецкого научного дискурса)	35
<i>Волкова Т. А.</i> Дискурсивно-коммуникативная модель перевода и стратегия письменного перевода : экспериментальное исследование.....	55
<i>Грудева Е. В., Дивеева А. А.</i> Лингвистические и экстралингвистические аспекты изучения современных русскоязычных рэп-текстов	74
<i>Зубакина Т. Н., Санко Е. Д.</i> Декодирование культурно-кодowego значения аллюзии в переводах (на материале речи Си Цзиньпина на Давосском форуме в 2021 году).....	98
<i>Трегубова Ю. А., Лаврищева Е. В.</i> Способы модификации и семантика иностранных антропонимов в русскоязычном интернет-дискурсе (на примере номинации членов Британской королевской семьи)	113
<i>Чэнь Сюэ.</i> Особенности адаптации английских заимствований в китайском языке (на примере слова hacker).....	128

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Воронченко Т. В., Фёдорова Е. В.</i> Эвенкийская литература и фольклор в пространстве трансграничья (Россия — Китай) : обзор современных отечественных и зарубежных исследований	142
<i>Мартыненко Е. А.</i> «Шотландский вопрос» и его новые культурные смыслы в «Culture Capitalism» Аласдера Грея	165
<i>Осьмухина О. Ю., Карпов А. Д., Белоглазова Е. А.</i> Христианский контекст исторического романа (на материале «Обители» Захара Прилепина).....	181
<i>Попова Г. В.</i> Организация художественного мира фантастического произведения : категориальные понятия (на материале дилогии О. Громыко «Год Крысы»).....	200
<i>Проконова М. В., Файзуллина Г. Ч., Ермакова Е. Н.</i> Образ великана в мифологии обских угров и заболотных татар	217
<i>Сазонова Ю. А., Ярошовец Т. И.</i> Особенности функционирования спортивной прессы Галиции в 1920—1930-х годах	232

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Байкалов Н. С.</i> Система бытового обслуживания населения районов строительства западного участка БАМа (1974—1989).....	257

<i>Бурнашева Н. И., Ковлеков И. И.</i> Формирование топливно-энергетической системы Якутии в 1920—1930-е годы	278
<i>Кабакова Н. В.</i> «Переписать всяких чинов людей и пришлых из русских и поморских городов» : миграции в Тарском уезде в конце XVII века.....	292
<i>Кармов А. Х.</i> К вопросу о продовольственных кризисах в Кабардино-Балкарии в 20-е годы XX века	309
<i>Клочков В. В., Назарова В. С.</i> Происхождение суверенитета и границы королевской прерогативы в торийской политической полемике в Великобритании последней трети XVIII века	324
<i>Кондаков Ю. Е., Федотьев Д. С.</i> Российский «Иерусалимский проект» середины XIX века : деятельность Б. П. Мансурова и Русское общество пароходства и торговли.....	342
<i>Корженевский К. Б.</i> Территориальное размежевание между Сибирским краем и Уральской областью в 1923—1926 годах.....	365
<i>Лантева М. Ю., Валитов А. А., Федотова Д. Ю.</i> Становление Тобольской классической гимназии в первое десятилетие XIX века.....	385
<i>Очиров Ц. С.</i> Социально-экономическое развитие Хулун-Буирского аймака провинции Хэйлунцзян (КНР) в 1969—1976 годах	400
<i>Пешков Д. А., Федирко О. П.</i> Жилищное строительство на территории возведения Байкало-Амурской магистрали в 1970—1980-е годы (на примере Хабаровского края).....	417
<i>Попов Ф. А., Цветков В. Ж.</i> Внешняя политика Временного Приамурского правительства (1921—1922) : процесс формирования и основные идеологические установки	431
<i>Самохин К. В.</i> Сезонная динамика брачности и рождаемости населения Тамбовской губернии в 1915—1916 годах : опыт модернизации.....	450
<i>Суслова Л. Н., Яркова И. В.</i> Мистические секты на территории Тобольской губернии XVIII — начала XX веков : распространение и численность последователей	468
<i>Тиховодова А. В.</i> Деятельность благотворительных обществ и заведений в Нижегородской губернии во второй половине XIX — начале XX веков	486
<i>Тычинских З. А., Муратова С. Р.</i> «... И мечети их от церквей Божиих построить в дальних местах» : к вопросу о формировании межэтнических и межконфессиональных границ в Западной Сибири в XVIII веке	512
АВТОРАМ.....	537
CONTENTS.....	542

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

.....

Алина Альбертовна Дивеева, аспирант (Череповец, Россия)
Екатерина Владимировна Лаврищева, канд. филол. наук (Елец, Россия)
Елена Валерьевна Грудева, д-р филол. наук (Череповец, Россия)
Елизавета Дмитриевна Сапко, магистрант (Екатеринбург, Россия)
Лариса Михайловна Алексеева, д-р филол. наук (Пермь, Россия)
Магомед Магомедович Халиков, д-р филол. наук (Самара, Россия)
Светлана Леонидовна Мишланова, д-р филол. наук (Пермь, Россия)
Татьяна Александровна Волкова, канд. филол. наук (Челябинск, Россия)
Татьяна Валерьевна Бурдаева, канд. филол. наук (Самара, Россия)
Татьяна Николаевна Зубакина, канд. филол. наук (Екатеринбург, Россия)
Чэнь Сюэ, канд. филол. наук (Харбин, Китай)
Юлия Алексеевна Трегубова, канд. филол. наук (Елец, Россия)

Алексеева Л. М. Вековой путь русского терминоведения / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 9—34. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-9-34.

Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2021). Age-Old Path of Russian Terminology. *Nauchnyi dialog*, 9: 9-34. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-9-34. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-9-34

Вековой путь русского терминоведения

Алексеева Лариса Михайловна
orcid.org/0000-0001-7336-1067
доктор филологических наук,
профессор
larissapsu@gmail.com

Мишланова Светлана Леонидовна
orcid.org/0000-0003-3332-9753
доктор филологических наук,
профессор
mishlanovas@mail.ru

Пермский государственный
национальный
исследовательский университет
(Пермь, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 20-112-50307

Age-Old Path of Russian Terminology

Larisa M. Alekseeva
orcid.org/0000-0001-7336-1067
Doctor of Philology, Professor
larissapsu@gmail.com

Svetlana L. Mishlanova
orcid.org/0000-0003-3332-9753
Doctor of Philology, Professor
mishlanovas@mail.ru

Perm State University
(Perm, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out with
the financial support of the Russian
Foundation for Basic Research
within the framework of a scientific
project № 20-112-50307

© Алексеева Л. М., Мишланова С. Л., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен обзор тенденций развития российского терминоведения. Освещаются вопросы об исторических корнях и этапах развития российского терминоведения, особенностях формирования данной науки. Раскрывается эволюция ключевого понятия «термин». Показано, что зарождение терминоведения как науки соотносится с эпохой великих российских естественнонаучных открытий. Отмечается, что в качестве одной из предпосылок становления теории термина выступает русская философская мысль начала XX века. Обзор терминологических концепций и взглядов выстраивается с учетом принципа целостности и преемственности основных этапов развития терминоведения. Описывается когнитивное направление в терминологии, в рамках которого разрабатываются новые модели представления термина и терминологического процесса. Исследуется современное состояние терминоведения и рассматриваются перспективы его дальнейшего развития, связанные с зарождением новых направлений: социотерминоведения, терминологической дигиталистики, терминодидактики, диатропики и др. Отмечается трансдисциплинарный характер новых терминоведческих направлений. Делается вывод, что накопленный опыт изучения терминоведения позволяет исследовать изменение терминологии под влиянием как экстралингвистических факторов, которые обусловлены динамикой частнонаучного знания, так и глобальных социальных изменений, затрагивающих институт науки в целом.

Ключевые слова:

терминоведение; термин; предмет терминоведения; объект терминоведения; жизненный цикл термина; направления терминоведения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An overview of trends in the development of Russian terminology is provided in the article. The issues of the historical roots and stages of development of Russian terminology, the peculiarities of the formation of this science are highlighted, and also the evolution of its main concept "term" is revealed. It is shown that the emergence of terminology as a science correlates with the era of great Russian natural science discoveries, characterized by social challenges. It is noted that one of the prerequisites for the formation of the theory of the term is the Russian philosophical thought of the early twentieth century. An overview of terminological concepts and views is built taking into account the principle of integrity and continuity of the main stages in the development of terminology. The object and subject of terminology in dynamics are shown with an emphasis on the specifics of the development of the term science within the framework of Russian philological science. Particular attention is paid to the description of models of terminological activity in different aspects. It is pointed out that the modern stage of terminology is in the development stage. The main conclusions of the study are formulated and the prospects for the further development of Russian terminology as a science are considered. A long way of development of Russian terminology is presented, demonstrating sufficient grounds for considering it as one of the leading directions of Russian linguistic science.

Key words:

terminology; term; subject of terminology; object of terminology; life cycle of a term; directions of terminology.

Вековой путь русского терминоведения

© Алексеева Л. М., Мишланова С. Л., 2021

1. Введение

Терминоведение как наука прошло длительную эволюцию, в ходе которой значительно изменились представления о самом термине, а также о методах, приемах и технологиях анализа. С момента зарождения русского терминоведения формировалось, скорее, как технология, а не как собственно наука, поскольку ориентировалось на прикладные инженерные задачи, связанные с систематизацией, стандартизацией, унификацией и т. п. Так, в 1933 году при Академии Наук СССР была создана Комиссия технической терминологии под руководством академика С. А. Чаплыгина, реорганизованная в 1938 году в Комитет технической терминологии. Деятельность Комитета была нацелена на решение таких проблем, как инвентаризация терминологии, разработка отраслевых терминологических стандартов, терминологическое обеспечение перевода и профессиональной коммуникации.

Предпосылками формирования русского терминоведения начала XX века послужили достижения в области естественных наук. Особенно значимыми для развития русской науки оказались труды Н. Жуковского, И. Павлова, первого русского Нобелевского лауреата (1904), И. Мечникова, лауреата Нобелевской премии (1908) и др. Как мы уже отмечали ранее, успехи в развитии естественных наук способствовали зарождению русского терминоведения и предопределили начало формирования науки о термине, поскольку любое открытие в науке предполагает использование специального языка, в основе которого лежат термины. В этом смысле описание новых открытий, воплощающих новое научное знание, предполагало развитие нового терминологического аппарата, отражающего новую познаваемую реальность [Алексеева и др., 2013].

В истории формирования русского терминоведения четко прослеживаются три источника зарождения данной науки: 1) философия; 2) лингвистика; 3) индустриализация. Рассмотрим последовательно данные направления.

2. Исторические корни русского терминоведения

Философия. Период зарождения русского терминоведения отмечен необычайно глубокими идеями о сущности термина, выдвинутыми рос-

сийскими философами начала XX века, не идущими в сравнение ни с какими-либо другими теоретическими представлениями о термине, включая современные взгляды. Научная продуктивность философских идей, а также выявление стабилизирующего и креативного начал в природе термина, как мы указывали ранее, предопределили важную роль философии в последующем развитии российского терминоведения как науки [Там же]. С самого зарождения и в последующие периоды развития терминоведения представители русской философии сосредоточили усилия на объекте и предмете терминоведения.

Первоначально объектом исследования для философов были формальные единицы языка. В области методологии исследования философы-аналитики полностью доверяли формальной логике и полагали, что язык обладает оптимальной структурой, что позволяет изучать его с помощью формального анализа. Данные представления способствовали распространению идеи о том, что можно в дальнейшем сконструировать искусственный, логически безупречный язык, на котором можно было бы формулировать прямые, недвусмысленные научные понятия [Там же].

Формально-логические представления о термине соотносились с целями и задачами терминоведческих исследований начального периода развития, посвященных поиску *первоосновы* термина. Так, в трудах, посвященных изучению природы термина, в качестве первоосновы рассматривалось обыденное слово [Дрезен, 1934, 1936; Лотте, 1931; Лесохин, 1936].

Между тем именно в рамках философии были выявлены противоречия в подходах к установлению конститутивных характеристик термина, выразившиеся в том, что в действительности термин обладает совсем иными качествами, чем это виделось представителям формально-логической теории термина, в частности, многозначностью, вариативностью, зависимостью от теории и терминосистемы. В философских исследованиях языка науки начала XX века, собственно, и была выявлена сложная и комплексная природа термина [Флоренский, 1998; Шпет, 2003, 2007; Булгаков, 2008]. Проведенный нами анализ современных теорий термина позволил заметить, что философские суждения о противоречивой природе термина в дальнейшем легли в основу будущих задач терминоведения, связанных с решением проблем однозначности и многозначности термина, социального и индивидуального характера терминотворчества, статичности и динамики терминообразования [Алексеева и др., 2013].

Лингвистика. Лингвистическое направление в терминоведении формируется в 1940-х годах в трудах В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Я. А. Климовицкого, А. Ф. Лесохина, В. П. Петушкова, Р. Г. Потровского, А. М. Терпигорева и др. Их исследования концентрировались на задачах,

связанных преимущественно с описанием таких языковых свойств термина, как отсутствие лексического варьирования (точность, однозначность, стилистическая нейтральность), независимость от контекста и др.

Терминоведческие исследования 1950-х годов были нацелены на изучение одной из наиболее важных лингвистических проблем — соотношения термина и слова. Первоначальные суждения о данной проблеме содержатся в трудах известного отечественного лингвиста А. А. Потебни, который приписывал слову функцию создания одновременно чувственного образа и понятия, ограничивая специальное слово функцией представления понятия. По мысли исследователя, содержание слова формируется с помощью его внутренней формы, имеющей подвижный, меняющийся характер. Человеческое мышление оперирует не образами, а идеей или совокупностью мыслей. Как указывает А. А. Потебня, основным компонентом языка науки являются понятия, положенные в основу терминов, составленные из объективированных фрагментов образа [Потебня, 1993, с. 142]. Идеи А. А. Потебни о термине в дальнейшем получили развитие в трудах А. А. Реформатского (1961, 1967), Р. Г. Пиотровского (1995) и других терминологов.

В 1960-е годы, известные экспонентным ростом знания, специальный язык и профессиональная коммуникация наполняются большим количеством новой терминологии, что предполагает большой интерес лингвистов к данной сфере. Изучение языка для специальных целей на новом этапе позволило изменить взгляд на объект терминоведения, терминологию как особый пласт лексики обывденного языка. В этом аспекте главные свойства термина объяснялись специфичностью языкового знака (Е. С. Анюшкин, А. С. Герд, Т. Л. Канделаки, Л. А. Капанадзе, Я. А. Климовицкий, В. М. Лейчик, А. А. Реформатский и др.).

В рамках лингвистического направления в терминоведении 1980—1990-х годов исследовалась языковая природа термина, его функции, специфика терминообразования как лексического процесса и др. [Кожина и др., 2003; Татаринов, 1996].

Индустриализация. Особенность российского терминоведения состоит в том, что его зарождение совпало с периодом индустриализации страны [Лотте, 1931]. Основоположники теории термина были представителями конкретных отраслей производства России. Так, Э. К. Дрезен, один из основоположников российского терминоведения, по профессии инженер-электротехник, был организатором российской научной работы, в частности, являлся сотрудником Всесоюзного комитета по стандартизации. Одновременно Э. К. Дрезен преподавал в ряде учебных заведений Москвы, глубоко осознавая значение технического образования для своей эпохи. Исследователь в период с 1932 года по 1936 год опубликовал 18 научных

трудов, в том числе 4 монографии, по вопросам развития и стандартизации терминологии.

Ведущий российский терминолог Д. С. Лотте, разработавший принципы стандартизации терминологии и сформулировавший требования, предъявляемые к термину, также был инженером одного из крупнейших предприятий страны. Наблюдение над процессом образования терминов позволили Д. С. Лотте заключить, что на смену общетехническим терминам идут термины отраслевые, или «цеховые» [Там же, с. 888]. Поэтому одной из главных задач Д. С. Лотте видел детальное изучение образования новых терминов.

П. А. Флоренский, философ, терминолог, лингвист и богослов, с 1927 года являлся редактором «Технической энциклопедии», в которой он опубликовал целую серию статей. Деятельность П. А. Флоренского была связана с Комиссией по стандартизации научно-технических обозначений, терминов и символов при Комитете по стандартизации. Он также являлся помощником директора Всесоюзного энергетического института по научной части.

Таким образом, с учетом направленности российского терминоведения на промышленное развитие в основу описания терминосистем легли принципы логического и «инженерного» видов анализа.

Отмеченные нами три первоначальных направления зарождающегося терминоведения в России оказываются внутренне связанными, благодаря единству постановки вопросов о принципах и началах изучения природы термина, потенциалу для обнаружения проблемных зон, нерешенных вопросов, касающихся термина, а также возможности преодоления логико-нормативных взглядов на данную единицу.

3. Формирование терминоведения как науки

Формирование любой науки начинается с разработки ее теоретических основ. Терминоведению свойствен этот же путь [Алексеева, 2009; Лейчик, 2009; Мишланова, 2003; Хомутова, 2007]. Особенностью начального периода развития российского терминоведения является решение комплекса сложнейших внеязыковых и собственно лингвистических проблем. Так, Д. С. Лотте указывал на то, что развитие терминологии может идти двумя путями — эволюционным и революционным [Лотте, 1931]. А. Ф. Лесохин рассматривал глубинные связи понятия с сущностью или теорией предмета, а терминологию определял как совокупность терминов, которые являются необходимыми и достаточными для четкой формулировки, содержащей знания о явлениях и отношениях между ними [Лесохин, 1936]. Г. О. Винокур проводил различие между бытовым и логически осмысленным терминами. По его мнению, бытовой термин связан с названием вещи,

а научно-технический термин представляет собой название понятия [Винокур, 1939].

На разных этапах развития терминоведения проблема его объекта решалась в трудах Е. М. Верещагина (1982), П. В. Веселова (1970), А. С. Герда (1991), Б. Н. Головина (1987), С. В. Гринева (1993, 2008), Т. А. Канделаки (1965), Ю. Р. Кобрина, Н. Г. Комлева (1996), В. М. Лейчика (1970, 1983, 1986, 1990, 1991), В. В. Налимова (1972, 1974), А. А. Поликарпова (1995), Г. Г. Самбуровой (1997), В. А. Татарина (1997, 1998, 2006), С. Д. Шелова (1992, 2018) и др.

Предмет терминоведения формировался в пространстве противостояния двух направлений — статике и динамике. До недавнего времени соотношение статике и динамике в языке решалось в пользу статике [Мурзин, 1983]. Идеи о динамической природе языка нашли отражение в изучении многих терминоведческих проблем, когда исследователи ограничивались в основном анализом сферы фиксации термина, его положения в конкретных терминсистемах. Но, как показывает практический анализ, данные системы включают не только устоявшиеся, готовые, но и вновь образуемые, часто спорадически изобретаемые лишь для определенного текста термины. Причем граница между готовыми и вновь порожденными терминологическими единицами весьма относительна: в одном и том же термине можно усмотреть и готовую единицу, и новую.

Особенность терминоведения в середине XX века выражалась в том, что исследователи осуществляли главным образом **описание** термина, которое показывало, что мир терминов предметен. Показателями эффективности данного метода явились множественные описания частных отраслевых терминологий [Анюшкин и др. 1996; Канделаки, 1970; Комарова, 1991; Кулебакин и др., 1970].

К концу XX века в развитии терминоведения стал доминировать динамический аспект, в рамках которого нашли решение многие сложные проблемы, такие как противоречивость термина и терминообразовательного процесса, соотношение термина со словом, текстовая природа термина и др. Большие заслуги в этой области принадлежат В. Г. Гаку, Б. Н. Головину, В. П. Даниленко, В. М. Лейчику, Л. Н. Мурзину и др.

Как показывают многочисленные исследования, идея динамизма является главной в современной лингвистике [Алексеева и др., 2002, 2019; Лейчик, 1986; Мишланова, 2003; Мурзин 1983; Новодранова, 2000; Щедровицкий, 2005 и др.]. Динамика языка, в отличие от статике, определяется как способ функционирования (бытия) языковой системы [Мурзин 1983]. Представление о языке как динамической системе, на наш взгляд, может быть соотносено с формированием и развитием категории динамизма термина.

В динамическом аспекте термин начали рассматривать как функциональную единицу. Известно, что понятие функции термина как особого знака раскрыто в трудах Г. О. Винокура [Винокур, 1939]. Как показывает исследователь, функциональные характеристики термина выстраиваются на основе суждения о том, что термины рождаются в результате осознанной работы их создателей, пересматривающих и обновляющих уже использованные ранее слова, которые часто препятствуют дальнейшему развитию научной мысли. В качестве подобной специальной функции термина Г. О. Винокур рассматривает номинативную функцию, специальность которой заключается в том, что в отличие от обыденного слова термин называет понятие, а не просто предмет [Там же, с. 8].

Таким образом, динамический аспект исследования функционирования термина способствовал расширению самого объекта терминоведения, выразившегося в изучении термина не только как готовой единицы сферы фиксации, но и в качестве сложной, многоуровневой, конструируемой единицы [Алексеева, 1998а, 1998б]. Динамический аспект исследования позволил открыть новые методы изучения термина как процесса, доминантой которых является внимание не столько к конечному результату процесса терминообразования, сколько к механизму порождения термина.

Значение исследований, проведенных в рамках динамического аспекта, заключается в том, что научные объекты в терминоведении стали рассматриваться не как названия предметов или явлений реального мира, а как специально *сконструированные* модели, предназначенные для изучения объектов и явлений действительности. В аспекте динамики термин начал исследоваться не только посредством описания, предполагающего включение термина в систему строгих логических построений. Он стал рассматриваться как языковая метаядиница, функционирующая в трансдисциплинарном пространстве.

4. Эволюция понятия «термин»

Самой сложной задачей терминоведения считается определение понятия термина. Одной из причин этого является междисциплинарный характер терминоведения, который задан объективной природой термина и терминологии [Даниленко, 1989, с. 8]. Связь теории термина с такими науками, как логика, философия, когнитология, лексикография, позволяющими в рамках междисциплинарного подхода рассматривать термины как репрезентанты понятийного знания, способствует осмыслению термина с иных позиций.

Другая причина трудности определения термина обусловлена объективной сложностью его природы, выражающейся в принадлежности этой единицы специальному знанию. Наличие данного свойства объясняется

тем, что термины «активно участвуют в производстве, накоплении, синтезе и обобществлении знания о сущности вещей, явлений, процессов в природе, обществе и мышлении» [Суперанская и др., 2005, с. 18].

Мы охарактеризовали три основных направления — философию, лингвистику и индустрию — в качестве сфер, задающих импульс и определяющих поле развития российского терминоведения. В рамках этих же направлений происходило развитие самого понятия «термин». Рассмотрим его в философском и языковом аспектах.

Термин в философском понимании. В российском терминоведении начала XX века активными исследователями термина были известные философы П. А. Флоренский, Г. Г. Шпет и С. Н. Булгаков. Так, П. А. Флоренский пытался узнать, каким образом соотносятся наука и терминология, как следует понимать и определять специальное понятие [Флоренский, 1998, с. 221].

Первый аспект его теории, *диалектика* и *антиномия* термина, основывается на характеристике природы языка [Там же, с. 193]. Диалектика термина, по П. А. Флоренскому, выражена в том, что он *не отражает предела* движущейся мысли, а соотносится с *движущимся покоем* и *покоящимся движением* мысли [Там же, с. 198]. Выявленные им характеристики термина основаны также на диалектических представлениях термина, связанных с метафорическими образами «стоянки мысли», «живого усилия мысли», а также процессами «культурного наслоения», или «уплотнения» обыденного слова.

Ключевые моменты теории термина П. А. Флоренского, связанные с дифференциацией представлений о понятии термина и номенклатуры, соотносящейся с формальными техническими выражениями, определили основное содержание традиционного российского терминоведения [Там же, с. 204].

Развитие понятия «термин» нашло продолжение в трудах Г. Г. Шпета. В его трудах центральными проблемами, подлежащими философскому осмыслению, были научное знание и формы его выражения. Исследователь разделял знание на три вида: 1) *донаучное*, 2) *собственное знание*, то есть *научное*, 3) *метанаучное*, то есть *переход анализа в критику и рефлексию*. Формы выражения научного знания объединяются единой логикой развития, предполагающей постепенный переход от практического знания к теоретическому и метанаучному, характеризующемуся критикой и рефлексией [Шпет, 2007, с. 114—115].

Главными единицами выражения научного знания Г. Г. Шпет считал термины в соотнесенности с понятиями, а не со статическими формулами. В его понимании термин логически конструирует понятие, придавая ему ясность и четкость. Логические формы Г. Г. Шпет, как и А. А. Потебня, соотносил с внутренними формами речи [Там же, с. 224].

С. Н. Булгаков занимает одно из первых мест в ряду философов-терминологов. Многие сложнейшие вопросы сформулированы им с философской осознанностью и глубиной. Хотя взгляды С. Н. Булгакова на термин практически не анализируются в теории терминоведения, отметим его как сторонника основных представлений о термине, сформулированных П. А. Флоренским и Г. Г. Шпетом. С. Н. Булгаков подчеркивал, что процесс создания слова является субъективным, индивидуальным и психологическим [Булгаков, 2008, с. 37].

Идеи С. Н. Булгакова о языковой природе термина связаны с представлением об образовании специального слова на основе уже функционирующих в языке единиц. В своем главном философском произведении «Философия имени» (1930) С. Н. Булгаков раскрывает суть образования термина, который не сочиняется специально, а конструируется из уже имеющегося словесного материала подобно тому, как составляется аптекарский рецепт. Например, для образования слова, обозначающего машину, берутся латинские слова, соотносимые с местом и движением, получается термин *locomotiv* [Там же, с. 47].

С. Н. Булгаков пытается с философских позиций исследовать специальный язык науки, который, по его мнению, обречен на относительность и условность, поскольку именно терминология создает барьер (или закрытость) отдельной науки. Когда же один и тот же термин в разных науках может обозначать разные понятия, то эта картина напоминает вавилонское смешение языков [Там же, с. 199]. Отталкиваясь от подобных рассуждений, исследователь приходит к формулировке основного противоречия научного языка, заключающегося в том, что, с одной стороны, наука стремится зафиксировать открытия и принять форму системы знания, а с другой стороны, осуществляет это в виде творческого процесса, которому свойственна не системность, а, наоборот, открытость, развитие и жизненность [Там же, с. 202].

Таким образом, исследование термина и философская реконструкция процессов его образования в трудах российских философов начала XX века приобретают особое значение при оценке развития отечественного терминоведения.

Лингвистические концепции термина. В лингвистических концепциях термина представлены решения важнейшей проблемы соотношения слова и термина, получившей определение глобально терминоведческой [Татаринов, 2006, с. 222]. Главная черта лингвистических концепций термина связана с его рассмотрением на основе свойств и характеристик, выявленных традиционным терминоведением: однозначности, стереотипности, универсальности и др., позволяющих перейти к систематизации терми-

нологии с учетом данных свойств. В рамках лингвистических концепций особую роль играют описания конкретных отраслевых терминологий на основе наблюдений и измерений языковых параметров терминологии. Этим был отмечен особый принцип наблюдаемости, с позиций которого велись многочисленные исследования. Так формировалась идея о возможности управления процессом терминообразования путем стандартизации, унификации и других методов. Это дало основание исследователям охарактеризовать лингвистику термина как «нормоцентрическую» [Лейчик, 1986, с. 87—97].

В 1960—1970 годах лингвистическая концепция термина столкнулась с серьезной проблемой, связанной с дифференциацией понятий «лексис» и «логос» в дефиниции термина [Реформатский, 1967; Хаютин, 1972 и др.]. Из анализа данных работ вытекает, что рассмотрение термина лишь на уровне «логоса» приводит к обособлению специального смысла термина в лексической системе языка, рассмотрение термина на уровне «лексиса» лишает его понятийной опоры. Важной стороной данных работ было стремление установить связь между двумя разными субстанциями — языком и логосом — в отношении понятия термина. Как подчеркивает Г. П. Мельников, цель сторонников данных взглядов на термин — вывести его из замкнутой языковой сферы интерпретаций и представить его сложной многоуровневой единицей, то есть увидеть в нем одновременно элемент уровня «логоса» и элемент уровня «лексиса», разграничивая в нем внешнюю и внутреннюю стороны [Мельников, 1991, с. 8—13].

Большим открытием в российском терминоведении стало выявление языковой природы термина (Б. Н. Головин, С. В. Гринев, В. М. Лейчик, В. В. Налимов, С. Е. Никитина, В. Н. Прохорова и др.). Исследовательские успехи в данной области во многом обусловлены работами В. М. Лейчика, заложившими теоретический фундамент отечественной лингвистики термина [Лейчик, 1971, 1976 и др.]. Исследователь сосредоточил внимание на соотношении термина и слова. Его интересовала не столько лингвистическая сторона, сколько фундаментальный, философский принцип данного взаимодействия. В. М. Лейчик размышляет о термине не как об уже созданной единице языка, а как о новой создаваемой форме, характеризующейся производностью. По В. М. Лейчику, термин, будучи языковой единицей, обладает общими свойствами лексических компонентов языка. Однако с учетом выполнения им терминологических функций он может быть охарактеризован как вторичная производная единица языка, субстратом которой является обыденное слово [Лейчик, 1989, с. 12]. Глубокое усвоение В. М. Лейчиком философской стороны решаемого вопроса дало возможность по-новому понять природу соотношения слова и термин-

на, между которыми нет четкой границы. Проблема границы понимается по-иному: она трактуется как переход из одного состояния в другое, как сугубо внутренний процесс терминологизации.

Для российского терминоведения особенно важно понятие функционирования, позволяющее более эффективно понять внутренние связи терминов. Оно сложилось в результате распространения плодотворной идеи В. П. Даниленко о двух сферах функционирования термина — сферы фиксации и сферы функционирования [Даниленко, 1977, с. 38—39].

Одним из первых природу термина как производной единицы описал российский философ, математик В. В. Налимов [Налимов, 1974]. В своем инновационном для 1970-х годов исследовании на материале многих наук В. В. Налимов раскрыл понятие полиморфизма науки и, в частности, природы термина. Под *полиморфностью*, то есть своеобразной открытостью термина В. В. Налимов понимает свойство интерпретируемости.

Понятие термина в концепции В. В. Налимова строится на следующих положениях: а) в науках нет единообразных понятий; б) до сих пор существуют неясности даже в рамках точных наук; в) метафоры создают полиморфность и напряженность в языке науки [Там же, с. 129].

В терминоведении конца XX — начала XXI веков понятия языкового субстрата и полиморфности термина получили дальнейшее развитие в текстовом и дискурсивном направлениях терминоведения [Алексеева и др., 2002; Мишланова, 2002 и др.].

5. Моделирование в терминоведении

Мы уже отмечали, что в рамках современной исследовательской парадигмы формируется постнеклассический образ науки, связанный с интересом к открытым, сложным системам, обладающим способностью к самоорганизации и эволюции, получившим название сетевых систем. В современных исследованиях науки, научной коммуникации и трансфера знания изучается новый тип мышления, сопровождающий процессы хранения, порождения и диссеминации знания [Алексеева и др., 2002; Алексеева и др., 2020б; Шевырев и др.]. Данная тенденция касается и российского терминоведения, прошедшего в методологическом плане путь последовательной смены прагматико-прескриптивного, классификационно-структурного и функционального направлений и предопределяющего появление следующего направления — когнитивного терминоведения [Шелов, 2018].

В конце XX — начале XXI веков становится очевидным, что в российском терминоведении сложилось когнитивное направление, цель которого — проникнуть в тайну природы термина, узнать, каким образом человеческое сознание репрезентирует результаты познания мира.

С учетом целей и задач когнитивного терминоведения в современной теории разрабатываются новые модели представления термина и терми-нообразовательного процесса, например, модель *интегративного жизненного цикла*. Понятие цикла в отношении терминоведения зависит от того, насколько глубоко продвигается понимание природы термина, поскольку любое знание возникает как экстериоризация понимания конкретного предмета исследования [Щедровицкий, 2005, с. 557].

Рассматривая терминоведение в аспекте жизненного цикла, то есть естественного перехода от одной структуры обобщения к другой, мы следуем принципам интеграции, усложнения понятий, категорий и моделей знания. Анализ развития методологических основ российского терминоведения позволил прийти к следующим результатам (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение типов моделей и теорий термина

Тип моделей термина	Теории термина
Линейная модель	Инженерные Логические Лингвистические Функциональные
Модель треугольник	Философские Дискурсивные
Циклическая модель	Цифровые / сетевые Социо-когнитивные

Как показано в таблице, развитие терминоведения происходит в соответствии с постепенным усложнением модели представления термина и типа теории. Мы уже отмечали, что линейные модели, применяемые в период формирования терминоведения как науки, были нацелены на изучение *средств и видов* терминообразования. В XXI веке во главу угла ставится проблема *субъекта* терминообразования, соотношенная с применением новой методологии [Алексеева и др., 2020б].

Современное дискурсивное терминоведение использует в качестве исследований методов циклические модели, о которых писал знаменитый российский психолог Л. С. Выготский [Выготский, 1934, с. 239]. Несмотря на то, что работа Л. С. Выготского написана почти столетие назад, она содержит актуальные суждения, которые развиваются в современном терминоведении. Основываясь на теоретических суждениях о формировании понятийных систем, изложенных в трудах известного российского психолога, мы разработали понятие циклической модели, отображающей

процесс формирования профессионального понятия, или процесса терминологизации [Алексеева и др., 2020б].

Принимая во внимание то, что каждой структуре обобщения соответствует специфическая система понятий, мы провели эксперимент, посвященный «движению понятия» [Выготский, 1934, с. 239]. В ходе эксперимента мы опирались на идеи существования принципов развития, преемственности и логичности. Данные принципы воплощены в понятии «живого знания» [Там же, с. 166], соотнесенного с циклами развития понятия.

С целью выявления преимуществ циклических моделей мы провели их сопоставление с линейными моделями (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение линейных и циклических моделей термина

Линейные модели	Циклические модели
Демонстрируют зависимость от языка	Демонстрируют соотнесенность с мыслью
Задают границы областей знания	Стирают границы областей знания
Используют модель готового знания	Используют модель, обусловленную потребностями знания
Являются моделями терминообразования	Являются моделями производства знания

Как видно из таблицы, в циклических моделях представления термина, в сравнении с линейными моделями, отражена смена исследовательских приоритетов, заключающаяся в необходимости моделирования термина как открытой незаданной единицы, отражающей потребности развития современного знания.

На основе сопоставления разных моделей термина были сделаны выводы, получившие дальнейшее развитие в работах по трансферу научного знания [Алексеева и др., 2019].

6. Современный этап развития терминоведения

Известный российский методолог, основатель Московского методологического кружка Г. П. Щедровицкий отметил, что современная наука в целом развивается невероятно быстро [Щедровицкий, 2005, с. 420]. Это предполагает применение новой методологии, соответствующей современной тенденции расширения объекта терминоведения и его достаточно быстрого развития и обогащения.

Когнитивное терминоведение, являющееся активно развивающимся направлением, призвано решать сложные проблемы и внутренние противоречия, выявленные еще в рамках функционального терминоведения

[Бекишева, 2013; Голованова, 2011; Новодранова, 1997, 2000 и др.]. Представители данного направления сосредоточили усилие на исследовании термина как компонента научной коммуникации, как единицы нового знания, произведенного познающей личностью. Существенными чертами когнитивного направления в терминоведении можно считать следующие факторы: необходимость изучения индивидуального терминотворчества; нерешенные проблемы термина, возникшие в традиционном терминоведении; соотнесенность терминологии с развитием системы понятий конкретной области знания и др.

Перспективным направлением в развитии российского терминоведения считается дигиталистика, рассматриваемая как ближайшая стратегия исследования термина на основе принципов моделирования в виде гипердеятельности, осуществляемой за счет интернет-ресурсов [Алексеева и др., 2020; Аршинов и др., 2016; Можейко, 2013 и др.]. Данная стратегия моделирования опосредована тремя сферами: трансдисциплинарным характером современного терминоведения, понятием профессиональной личности и социальным запросом терминологической практики.

Представим целостную структуру современного российского терминоведения в виде карты-схемы (рис. 1).

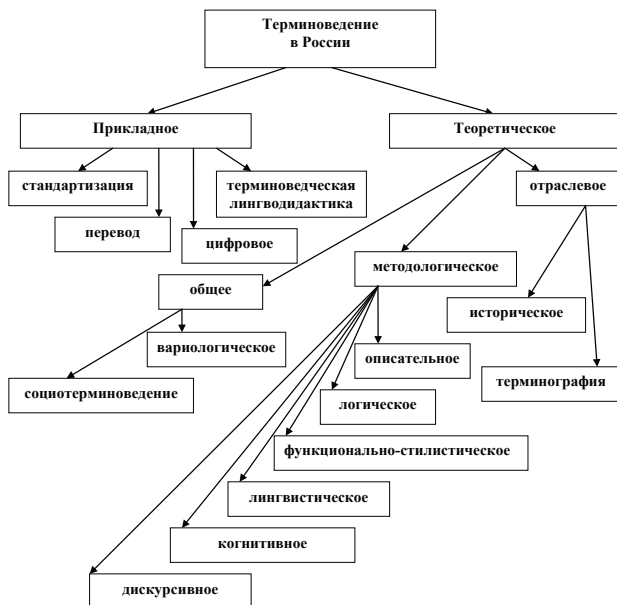

Рис. 1. Карта современного российского терминоведения

Как показано на карте, в современном российском терминоведении различаются два основных направления: *теоретическое*, ориентированное на создание теорий термина и его моделей, и *прикладное*, изучающее термин в сферах деятельности, нуждающихся в актуальных технологиях в области лингводидактики, терминографии, в методике стандартизации и унификации терминологии и др.

Более глубокий взгляд на структуру и систему современного терминоведения позволяет отметить черты постнеклассической парадигмы познания (отказ от жесткого детерминизма, гибкость, стремление к учету случайных, ситуативных факторов, первичность и приоритет периферии и разнообразия языковых единиц). В аспекте данных идей ведущим направлением терминоведческих исследований становится варьирование терминологии, в основе которого лежит идея разнообразия. Как мы выявили ранее, к наиболее существенным причинам формирования вариологического направления в терминоведении относятся такие факторы, как необходимость преодоления ограничений традиционного прескриптивного терминоведения; современное развитие информационных технологий; постмодернистский поворот в эпистемологии, выражающийся в дефундаментализме, децентризме, множественности специального знания, в доминировании обыденного и технологического знания над научным и др. [Алексеева и др., 2020a].

Современное терминоведение опирается на теоретическую базу социолингвистики (соотношение языковой нормы и профессионального диалекта), семиотики (отношение производности между языковым и специальным знаком), диатропики (закон центра и периферии, закон транзитного полиморфизма) [Алексеева и др., 2020; Аршинов и др., 2001; Буданов, 2016; Лейчик 2009; Налимов, 1974; Мурзин, 1983 и др.]. Особое внимание уделяется при этом технологиям обработки больших данных, искусственному интеллекту, открытым словарям, корпусам национальных языков, многоязычным электронным базам данных. В результате происходит расширение пространства терминологии благодаря пониманию того, что специальный язык — это не только социолект как субнормативный вариант языка, но и элитарный языковой идиом, «клубный», преодолевающий ограничения нормы; за счет исчезновения границы между общеязыковым и терминологическим (демаркации между научным и обыденным), образования трансязычного пространства, увеличения ресурсной базы терминотворчества и неологизации.

Большая перспектива заложена в направлении терминологической лингводидактики. В исследовательском фокусе данного направления находится понятие терминологической компетенции, то есть способности человека с помощью терминов выражать, понимать и создавать специальное знание [Алексеева и др., 2018]. Впервые данная проблема ставится в эн-

циклопедическом словаре «Общее терминоведение» (2006) под редакцией известного российского терминоведа В. А. Татарина [Татарин, 2006].

Среди развивающихся направлений современного терминоведения отметим социотерминологию. Очевиден трансдисциплинарный характер данной науки, опирающейся на теоретические положения терминоведения, социолингвистики и теории языкового варьирования, или вариологии. Несмотря на то что данная наука находится в стадии становления, уже можно назвать значимые теоретические достижения социотерминологии: предложена интегративная метамодель варьирования терминологии [Авербух, 2003; Бисерова, 2018; Бурдина, 2013]; разработана трансдискурсивная модель терминологизации языкового знака с целью изучения процессов варьирования терминологии [Алексеева и др., 2002]; описаны принципы возникновения метафор на основе процесса детерминологизации [Полякова, 2011; Тарасова, 2013], а также модель трансдискурсивной медиации знания [Суворова, 2019]. Помимо этого, отметим важность выявленного алгоритма детерминологизации в медийном дискурсе [Бисерова, 2018]. Особенно плодотворными оказались идеи для разработки модели жизненного цикла термина и трансфера знания [Алексеева и др., 2019].

7. Выводы

Данный обзор был посвящен основным вопросам российского терминоведения, зародившегося в 1920—1930 годы и прошедшего столетний путь развития.

В предшествующих обзорах развития терминоведения в России доминировало логико-лингвистическое осмысление и описание данного научного направления. Представленный обзор ставил цель охарактеризовать исторические корни, этапы развития и эволюции понятия «термин» в аспекте развития объекта и предмета зарождающейся науки о термине, а также обнаружить внутренние закономерности и особенности развития науки о термине. Мы остановились на конститутивном свойстве терминоведения — трансдисциплинарности, позволяющей рассматривать его как многоаспектную комплексную науку.

Особое внимание в обзоре уделено проблеме, определяющей вектор развития российского терминоведения: конфликту логических, нормоцентрических и функциональных, деятельностных тенденций. Первый вид тенденций мы соотносим со статическим терминоведением, второй вид — с динамическим, нашедшим дальнейшее развитие в дискурсивных и когнитивных направлениях российского терминоведения.

Развитие российского терминоведения переплетено с традициями изучения языка в целом. Традиционным для характеристики терминоведения

является то, что его пытались соотнести с языком, специально приспособленным для описания научного и профессионального знания. Вопросам рассмотрения термина в аспекте языка для специальных целей посвящено большое количество исследований. Хронологический и содержательный аспекты проведенного обзора позволяют отметить, что в современном российском терминоведении ускоряется эволюция взглядов на термин и терминообразование. Попытки описания терминологической деятельности дескриптивными, нормоцентрическими методами оказываются малоэффективными. На современном этапе в центре внимания оказывается терминологизация как циклический процесс, соотносимый с динамикой существования специального понятия, лежащего в основе термина. С этой целью мы отразили характер усложнения понятий, категорий и моделей, актуальных для терминологического знания: от линейных до циклических.

Вековой путь российского терминоведения отмечен формированием направлений изучения термина: нормоцентрического, функционального, когнитивного, дискурсивного, деятельностного, — а также характеризуется внутренней последовательностью этапов развития. Накопленный потенциал позволяет изучать изменение терминологии под влиянием не только экстралингвистических факторов, обусловленных динамикой частнонаучного знания (как лингвистики, так и определенной предметной сферы), но и глубинных социальных трансформаций, касающихся института науки в целом, ведущих к демократизации науки, ее открытости диалогу с обществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авербух К. Я.* Общая теория термина : комплексно-вариологический подход : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / К. Я. Авербух. — Иваново, 2005. — 324 с.
2. *Авербух К. Я.* Термин как объект изучения и как инструмент фиксации и передачи знания / К. Я. Авербух // Научно-техническая терминология. — 1991. — № 1. — С. 33—40.
3. *Алексеева Л. М.* Актуальные проблемы когнитивного терминоведения / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // «Когнитивные исследования языка. Взгляд в будущее : новые перспективы когнитивных исследований языка. — Москва ; Тамбов : Институт языкознания Российской академии наук ; Издательский дом Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, 2018. — Выпуск XXXV. — С. 473—479. — ISBN 978-5-89533-424-9.
4. *Алексеева Л. М.* К истокам отечественного терминоведения / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Материалы ежегодной международной научной конференции 1—2 февраля 2013 г. УрГПУ». — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2013. — С. 262—272.
5. *Алексеева Л. М.* К истокам социотерминоведения : социокультурные контексты функционирования термина / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // Сфера культуры. — 2020а. — № 1 (1). — С. 77—84. — DOI: 10.48164/2713-301X_2020_1_77.

6. *Алексеева Л. М.* Медицинский дискурс : теоретические основы и принципы анализа / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. — Пермь : Пермский государственный университет, 2002. — 220 с. — ISBN 5-8241-0302-X.

7. *Алексеева Л. М.* Проблемы термина и терминологизации / Л. М. Алексеева. — Пермь : Пермский государственный университет, 1998а. — 120 с. — ISBN 5-7944-0054-4.

8. *Алексеева Л. М.* Теоретические основы современного терминоведения / Л. М. Алексеева // «Языки профессиональной коммуникации» : сборник статей участников Четвертой международной научной конференции (Челябинск, 3—5 декабря 2009 г.). — Челябинск : Челябинский государственный университет, 2009. — С. 11—14.

9. *Алексеева Л. М.* Термин и метафора / Л. М. Алексеева. — Пермь : Пермский государственный университет, 1998б. — 250 с. — ISBN 5-8241-0143-4.

10. *Алексеева Л. М.* Терминологическая компетенция как основа знания, познания и профессиональной коммуникации / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова, О. Б. Бурдина // Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии. — Санкт-Петербург : Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени И. П. Павлова, 2016. — С. 7—12.

11. *Алексеева Л. М.* Трансфер знания в гуманитарных науках / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. — Пермь : Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2019. — 195 с. — ISBN 978-5-398-02289-6.

12. *Алексеева Л. М.* Циклическая модель терминологизации / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики» : Материалы ежегодной международной научной конференции 7 февраля 2020 г. УрГПУ. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020б. — № 3. — С. 12—20.

13. *Анюшкин Е. С.* Воронежская школа терминоведения : прагматические аспекты понятийно-терминологической работы / Е. С. Анюшкин, В. А. Васютин // Отраслевая терминология : Лингвопрагматические аспекты. — Воронеж : Воронежская государственная технологическая академия, 1997. — С. 3—10.

14. *Аршинов В. И.* Парадигмы сложности и социо-гуманитарные проекции конвергентных технологий / В. И. Аршинов, В. Г. Буданов // Вопросы философии. — 2016. — № 1. — С. 59—70.

15. *Бекишева Е. В.* Новые направления в исследовании медицинской терминологии / Е. В. Бекишева // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2013. — № 4 (2). — С. 260—264.

16. *Беликов В. И.* Социоллингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. — 315 с. — ISBN 5-7281-0345-6.

17. *Бисерова Н. В.* Варьирование терминологии миграционного права во французском медийном дискурсе : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. В. Бисерова. — Пермь, 2018. — 184 с.

18. *Бордовская Н. В.* Терминологическая компетентность специалиста : проявление и уровни развития / Н. В. Бордовская, Е. А. Кошкина // Человек и образование. — 2016. — № 3 (48). — С. 4—11.

19. *Булгаков С. Н.* Философия имени / С. Н. Булгаков. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — 447 с. — ISBN 978-5-02-026349-9.

20. *Бурдина О. Б.* Моделирование терминологической вариативности в фармацевтическом дискурсе : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. Б. Бурдина. — Пермь, 2013. — 211 с.

21. *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Труды Московского института истории, философии и литературы : сборник статей по языковедению. — 1939. — Т. 1. — С. 3—54.
22. *Володина М. Н.* Когнитивно-информационная природа термина / М. Н. Володина. — Москва : Московский государственный университет, 2000. — 128 с.
23. *Выготский Л. С.* Мышление и речь / Л. С. Выготский. — Москва ; Ленинград : Соцгиз, 1934. — 326 с.
24. *Герд А. С.* Проблемы становления и унификации научной терминологии / А. С. Герд // Вопросы языкознания. — 1971. — № 1. — С. 14—22.
25. *Голованова Е. И.* Введение в когнитивное терминоведение / Е. И. Голованова. — Москва : ФЛИНТА, 2011. — 224 с. — ISBN 978-5-9765-1046-3.
26. *Головин Б. Н.* Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. — Москва : Высшая школа, 1987. — 105 с.
27. *Гринев С. В.* Терминоведение : итоги и перспективы / С. В. Гринев // Терминоведение. — 1993. — № 3. — С. 5—13.
28. *Гринев-Гриневиц С. В.* Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. — Москва : Академия, 2008. — 304 с. — ISBN 978-5-7695-4951-9.
29. *Даниленко В. П.* Русская терминология : Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. — Москва : Наука, 1977. — 248 с.
30. *Даниленко В. П.* Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии / В. П. Даниленко // Современные проблемы русской терминологии : сборник научных статей. — Москва : Наука, 1989. — С. 5—23.
31. *Денисов П. Н.* Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии / П. Н. Денисов. — Москва : Московский государственный университет, 1974. — 256 с.
32. *Дрезен Э. К.* За всеобщим языком : (Три века исканий) / Э. К. Дрезен. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1928. — 269 с.
33. *Дрезен Э. К.* Интернационализация научно-технической литературы. История, современные положения и перспективы / Э. К. Дрезен. — Москва ; Ленинград : Стандартгиз, 1936. — 100 с.
34. *Дрезен Э. К.* Научно-технические термины и обозначения и их стандартизация / Э. К. Дрезен. — Москва : Стандартгиз, 1936. — 36 с.
35. *Дрезен Э. К.* Научно-технические термины и обозначения и их стандартизация / Э. К. Дрезен // Татаринцов В. А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения. — Москва : Московский лицей, 1994. — С. 104—165.
36. *Дрезен Э. К.* Стандартизация научно-технических понятий, обозначений и терминов / Э. К. Дрезен. — Москва : Стандартизация и рационализация, 1934. — 88 с.
37. *Канделаки Т. Л.* Работа по упорядочению научно-технической терминологии и некоторые лингвистические проблемы, возникающие при этом / Т. Л. Канделаки // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — Москва : Наука, 1970. — С. 40—52.
38. *Капанадзе Л. А.* Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики / Л. А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. — Москва : Наука, 1965. — С. 23—26.
39. *Климовицкий Я. А.* Некоторые вопросы развития и методологии терминологических работ в СССР / Я. А. Климовицкий. — Москва : КНТТ АН СССР, 1976. — 66 с.
40. *Кожина М. Н.* Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под редакцией М. Н. Кожинной и др. — Москва : Флинта, 2006. — 696 с. — ISBN 5-89349-342-7.

41. *Комарова З. И.* Семантические проблемы русской отраслевой терминологии : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / З. И. Комарова. — Екатеринбург, 1991. — 35 с.
42. *Кулебакин В. С.* Работы по построению научно-технической терминологии в СССР и советская терминологическая школа / В. С. Кулебакин, Я. А. Климовицкий // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — Москва : Наука, 1970. — С. 11—39.
43. *Лейчик В. М.* Место терминологии в системе современных наук / В. М. Лейчик // Научно-техническая информация. — 1969. — Серия 1. — № 8. — С. 5—8.
44. *Лейчик В. М.* О языковом субстрате термина / В. М. Лейчик // Вопросы языкознания. — 1986. — № 5. — С. 87—97.
45. *Лейчик В. М.* Терминоведение : предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — Москва : Либроком, 2009. — 256 с.
46. *Лесохин А. Ф.* Единицы измерений, научно-технические термины и обозначения / А. Ф. Лесохин. — Москва ; Ленинград : Стандартизд, 1936. — 484 с.
47. *Лотте Д. С.* Очередные задачи технической терминологии / Д. С. Лотте // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. — 1931. — Серия VII. — № 7. — С. 883—591.
48. *Мельников Г. П.* Основы терминоведения / Г. П. Мельников. — Москва : Российский университет дружбы народов, 1991. — 116 с. — ISBN 5-209-00545-3.
49. *Мишланова С. Л.* Методологические возможности когнитивного терминоведения (полипарадигмальный анализ дискурса термина) / С. Л. Мишланова // Стереотипность и творчество в тексте : межвузовский сборник научных трудов. — Пермь : Пермский государственный университет, 2001. — С. 36—62.
50. *Мишланова С. Л.* Терминоведение XXI века : история, направления, перспективы / С. Л. Мишланова // Филологические науки. — 2003. — № 2. — С. 94—101.
51. *Можейко М. А.* Постмодернизм и синергетика : формирование методологии нелинейного моделирования в философии и науке / М. А. Можейко // Социология. — 2013. — № 4. — С. 15—33.
52. *Мурзин Л. Н.* О динамической природе языка / Л. Н. Мурзин // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. — Ленинград : Ленинградский государственный университет, 1983. — С. 61—68.
53. *Налимов В. В.* Вероятностная теория языка. О соотношении естественных и искусственных языков / В. В. Налимов. — Москва : Наука, 1974. — 272 с.
54. *Новодранова В. Ф.* Когнитивные науки и терминология / В. Ф. Новодранова // Научно-техническая терминология : Научно-технический реферативный сборник. — 2000. — Выпуск 2. — С. 68—70.
55. *Новодранова В. Ф.* Когнитивный подход к изучению термина / В. Ф. Новодранова // Терминоведение. — 1997. — № 1—3. — С. 13—14.
56. *Пиотровский Р. Г.* К вопросу об изучении термина / Р. Г. Пиотровский // Татаринов В. А. История отечественного терминоведения. Направления и методы терминологических исследований. — Москва : Московский лицей, 1995. — Т. 2. — С. 203—210.
57. *Полякова С. В.* Метафорическое моделирование в русском и американском медицинском дискурсе : диссертация ... кандидат филологических наук : 10.02.19 / С. В. Полякова. — Пермь, 2011. — 180 с.
58. *Потебня А. А.* Мысль и язык / А. А. Потебня. — Киев : СИНТО, 1993. — 192 с.
59. *Прохорова В. Н.* Русская терминология (лексико-семантическое образование) / В. Н. Прохорова. — Москва : Московский государственный университет, 1996. — 125 с.

60. *Реформатский А. А.* Термин как член лексической системы языка проблемы структурной лингвистики / А. А. Реформатский. — Москва : [б. и.], 1967. — С. 103—127.
61. *Реформатский А. А.* Что такое термин и терминология / А. А. Реформатский // Вопросы терминоведения. — Москва : Наука, 1961. — С. 46—54.
62. *Сложеникина Ю. В.* Основы терминологии : Лингвистические аспекты теории термина / Ю. В. Сложеникина. — Москва : URSS, 2013. — 120 с. — ISBN 978-5-397-03887-4.
63. *Суворова М. В.* Трансдискурсивная модификация модели метафоры (на материале научного, научно-популярного и популярного дискурсов) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. В. Суворова. — Пермь, 2019. — 190 с.
64. *Суперанская А. В.* Общая терминология : Терминологическая деятельность / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. — Москва : Едиториал УРСС, 2005. — 256 с.
65. *Тарасова Н. П.* Метафорическое моделирование эпидемии в медийном дискурсе (на материале русских и немецких текстов) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. П. Тарасова. — Пермь, 2013. — 192 с.
66. *Татаринов В. А.* Общее терминоведение : Энциклопедический словарь / В. А. Татаринов. — Москва : Московский лицей, 2006. — 528 с. — ISBN 5-7611-0450-4.
67. *Татаринов В. А.* Теория терминоведения : в 3 т. Теория термина : История и современное состояние / В. А. Татаринов. — Москва : Московский лицей, 1996. — Т. 1. — 311 с. — ISBN 5-88564-125-0.
68. *Флоренский П. А.* Имена : Сочинения / П. А. Флоренский. — Москва : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 1998. — 912 с. — ISBN 5-04-001315-9.
69. *Хаяутин А. Д.* Термин, терминология, номенклатура / А. Д. Хаяутин. — Самарканд : Самаркандский государственный университет, 1972. — 129 с.
70. *Хомутова Т. Н.* Язык для специальных целей (LSP) : вопросы теории / Т. Н. Хомутова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2007. — № 15. — С. 55—62.
71. *Шевырев А. В.* Форсирование и развитие системно-креативного мышления — базовая стратегия образования в XXI веке [Электронный ресурс] / А. В. Шевырев, М. Н. Романчук. — Режим доступа : <http://spkurdyumov.ru/category/education> (дата обращения 21.03.2021).
72. *Шелов С. Д.* Очерк теории терминологии : состав, понятийная организация, практические приложения / С. Д. Шелов. — Москва : ПринтПро, 2018. — 472 с. — ISBN 5-86676-107-6.
73. *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова : Этюды и вариации на темы Гумбольдта / Г. Г. Шпет. — Москва : Едиториал УРСС, 2003. — 216 с.
74. *Шпет Г. Г.* Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Г. Г. Шпет. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 712 с. — ISBN 5-8243-0656-7.
75. *Щедровицкий Г. П.* Мышление — Понимание — Рефлексия / Г. П. Щедровицкий. — Москва : Наследие ММК, 2005. — 800 с. — ISBN 5-98808-003-0.

REFERENCES

- Alekseeva, L. M. (1998a). *Problems of the term and term formation*. Perm: Perm State University. 120 p. ISBN 5-7944-0054-4. (In Russ).
- Alekseeva, L. M. (1998b). *Term and metaphor*. Perm: Perm state University. 250 p. ISBN 5-8241-0143-4. (In Russ).

- Alekseeva, L. M. (2009). Theoretical foundations of the modern terminology. In: *"Language of professional communication": a collection of articles by participants of the Fourth international scientific conference (Chelyabinsk, December 3—5, 2009)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk state University. 11—14. (In Russ).
- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2002). *Medical discourse: theoretical foundations and principles of analysis*. Perm: Perm State University. 220 p. ISBN 5-8241-0302-X. (In Russ).
- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2013). To the origins of domestic terminology. In: *Actual problems of German studies, Romanistics and Russian studies: materials of the annual international scientific conference on February 1—2, 2013 of USPU*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 262—272. (In Russ).
- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2018). Actual problems of cognitive terminology. In: *Cognitive studies of language. Looking to the future: new perspectives of cognitive language research, XXXV*. Moscow; Tambov: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Publishing House of Tambov State University named after G. R. Derzhavin. 473—479. ISBN 978-5-89533-424-9. (In Russ).
- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2019). *Transfer of knowledge in the humanities*. Perm: Perm National Research Polytechnic University. 195 p. ISBN 978-5-398-02289-6. (In Russ).
- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2020a). To the origins of socioterminology: socio-cultural contexts of the functioning of the term. *Sphere of Culture, 1 (1)*: 77—84. DOI: 10.48164/2713-301X_2020_1_77. (In Russ).
- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2020b). Cyclic model of term formation. In: *Actual problems of Germanistics, Romanistics and Russian studies. Materials of the annual international scientific conference on February 7, 2020 of USPU, 3*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 12—20. (In Russ).
- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L., Burdin, O. B. (2016). Terminological competence as the basis of knowledge, cognition and professional communication. In: *Methodological and linguistic aspects of Greek-Latin medical terminology*. St. Petersburg: The First St. Petersburg State Medical University named after I. P. Pavlov. 7—12. (In Russ).
- Anyushkin, E. S., Vasyutin, V. A. (1997). Voronezh School of Terminology: pragmatic aspects of conceptual and terminological work. In: *Industry terminology: Linguo-pragmatic aspects*. Voronezh: Voronezh State Technological Academy. 3—10. (In Russ).
- Arshinov, V. I., Budanov, V. G. (2016). Paradigms of complexity and socio-humanitarian projections of convergent technologies. *Questions of philosophy, 1*: 59—70. (In Russ).
- Averbukh, K. Ya. (1991). Term as an object of study and as a tool for fixing and transferring knowledge. *Scientific and technical terminology, 1*: 33—40. (In Russ).
- Averbukh, K. Ya. (2005). *General theory of the term: a complex variological approach*. Doct. Diss. Ivanovo. 324 p. (In Russ).
- Bekisheva, E. V. (2013). New directions in the study of medical terminology. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky, 4 (2)*: 260—264. (In Russ).

- Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2001). *Sociolinguistics*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 315 p. ISBN 5-7281-0345-6. (In Russ).
- Biserova, N. V. (2018). *Variation of the terminology of migration law in the French media discourse*. PhD Diss. Perm. 184 p. (In Russ).
- Bordovskaya, N. V., Koshkina, E. A. (2016). Terminological competence of a specialist: manifestation and levels of development. *People and education*, 3 (48): 4—11. (In Russ).
- Bulgakov, S. N. (2008). *Philosophy of the name*. St. Petersburg: Nauka. 447 p. ISBN 978-5-02-026349-9. (In Russ).
- Burdina, O. B. (2013). *Modeling of terminological variability in pharmaceutical discourse*. PhD Diss. Perm. 211 p. (In Russ).
- Danilenko, V. P. (1977). *Russian terminology: The experience of linguistic description*. Moscow: Nauka. 248 p. (In Russ).
- Danilenko, V. P. (1989). Actual directions of linguistic research of Russian terminology. In: *Modern problems of Russian terminology: a collection of scientific articles*. Moscow: Nauka. 5—23. (In Russ).
- Denisov, P. N. (1974). *Essays on Russian lexicology and educational lexicography*. Moscow: Moscow State University. 256 p. (In Russ).
- Drezen, E. K. (1928). *For the universal language: (Three centuries of search)*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 269 p. (In Russ).
- Drezen, E. K. (1934). *Standardization of scientific and technical concepts, designations and terms*. Moscow: Standardization and rationalization. 88 p. (In Russ).
- Drezen, E. K. (1936). *Internationalization of scientific and technical literature. History, modern positions and prospects*. Moscow; Leningrad: Standartgiz. 100 p. (In Russ).
- Drezen, E. K. (1936). *Scientific and technical terms and designations, and their standardization*. Moscow: Standartgiz. 36 p. (In Russ).
- Drezen, E. K. (1994). Scientific and technical terms and designations, and their standardization. In: *Tatarinov V. A. History of domestic terminology. Classics of terminology*. Moscow: Moscow Lyceum. 104—165. (In Russ).
- Florensky, P. A. (1998). *Names: Essays*. Moscow: EKSMO-Press; Kharkiv: Folio. 912 p. ISBN 5-04-001315-9. (In Russ).
- Gerd, A. S. (1971). Problems of formation and unification of scientific terminology. *Questions of linguistics*, 1: 14—22. (In Russ).
- Golovanova, E. I. (2011). *Introduction to cognitive terminology*. Moscow: FLINT. 224 p. ISBN 978-5-9765-1046-3. (In Russ).
- Golovin, B. N., Kobrin, R. Yu. (1987). *Linguistic foundations of the doctrine of terms*. Moscow: Higher School. 105 p. (In Russ).
- Grinev, S. V. (1993). Terminology: results and prospects. *Terminology studies*, 3: 5—13. (In Russ).
- Grinev-Grinevich, S. V. (2008). *Terminology*. Moscow: Akademiya. 304 p. ISBN 978-5-7695-4951-9. (In Russ).
- Kandelaki, T. L. (1970). Work on the ordering of scientific and technical terminology and some linguistic problems that arise in this case. In: *Linguistic problems of scientific and technical terminology*. Moscow: Nauka. 40—52. (In Russ).
- Kapanadze, L. A. (1965). Interaction of terminological and commonly used vocabulary. In: *Development of the vocabulary of the modern Russian language*. Moscow: Nauka. 23—26. (In Russ).

- Khayutin, A. D. (1972). *Term, terminology, nomenclature*. Samarkand: Samarkand State University. 129 p. (In Russ).
- Khomutova, T. N. (2007). Language for special purposes (LSP): questions of theory. *Bulletin of the South Ural State University*, 15: 55—62. (In Russ).
- Klimovitsky, Ya. A. (1976). *Some issues of development and methodology of ter-minological works in the USSR*. Moscow: KNTT of the USSR Academy of Sciences. 66 p. (In Russ).
- Komarova, Z. I. (1991). *Semantic problems of Russian industry terminology*. Author's abstract of Doct. Diss. Yekaterinburg. 35 p. (In Russ).
- Kozhina, M. N. (2006). *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. Moscow: Flint. 696 p. ISBN 5-89349-342-7. (In Russ).
- Kulebakin, V. S., Klimovitsky, Ya. A. (1970). Works on the construction of scientific and technical terminology in the USSR, and the Soviet terminological school. In: *Linguistic problems of scientific and technical terminology*. Moscow: Nauka. 11—39. (In Russ).
- Lesokhin, A. F. (1936). *Units of measurement, scientific and technical terms and designations*. Moscow; Leningrad: Standardizd. 484 p. (In Russ).
- Leychik, V. M. (1969). The place of terminology in the system of modern sciences. *Scientific and technical information*, 1 (8): 5—8. (In Russ).
- Leychik, V. M. (1986). On the linguistic substrate of the term. *Questions of linguistics*, 5: 87—97. (In Russ).
- Leychik, V. M. (2009). *Terminology: subject, methods, structure*. Moscow: Librocom. 256 p. (In Russ).
- Lotte, D. S. (1931). The next tasks of technical terminology. *Bulletin AN SSSR. Department of Social Sciences*, VII (7): 883—591. (In Russ).
- Melnikov, G. P. (1991). *Fundamentals of terminology*. Moscow: People's Friendship University of Russia. 116 p. ISBN 5-209-00545-3. (In Russ).
- Mishlanova, S. L. (2001). Methodological possibilities of cognitive terminology (polyparadigm analysis of the term discourse). In: *Stereotyping and creativity in the text: An interuniversity collection of scientific papers*. Perm: Perm State University. 36—62. (In Russ).
- Mishlanova, S. L. (2003). Terminology of the XXI century: history, directions, prospects. *Philological sciences*, 2: 94—101. (In Russ).
- Mozheyko, M. A. (2013). Postmodernism and synergetics: the formation of the methodology of nonlinear modeling in philosophy and science. *Sociology*, 4: 15—33. (In Russ).
- Murzin, L. N. (1983). On the dynamic nature of language. In: *Controversial issues of Russian linguistics. Theory and practice*. Leningrad: Leningrad State University. 61—68. (In Russ).
- Nalimov, V. V. (1974). *Probabilistic theory of language. On the correlation of natural and artificial languages*. Moscow: Nauka. 272 p. (In Russ).
- Novodranova, V. F. (1997). Cognitive approach to the study of the term. *Terminology studies*, 1—3: 13—14. (In Russ).
- Novodranova, V. F. (2000). Cognitive sciences and terminology. In: *Scientific and technical terminology: Scientific and technical abstract collection*, 2: 68—70. (In Russ).
- Piotrovsky, R. G. (1995). On the question of studying the term. In: *Tatarinov V. A. The history of domestic terminology. Directions and methods of terminological research*, 2. Moscow: Moscow Lyceum. 203—210. (In Russ).

- Polyakova, S. V. (2011). *Metaphorical modeling in Russian and American medical discourse*. PhD Diss. Perm. 180 p. (In Russ).
- Potebnaya, A. A. (1993). *Thought and language*. Kiev: SHINTO. 192 p. (In Russ).
- Prokhorova, V. N. (1996). *Russian terminology (lexico-semantic education)*. Moscow: Moscow State University. 125 p. (In Russ).
- Reformatsky, A. A. (1961). What is the term and terminology. In: *Questions of terminology*. Moscow: Nauka. 46—54. (In Russ).
- Reformatsky, A. A. (1967). *Term as a member of the lexical system of language problems of structural linguistics*. Moscow: [b. i.]. 103—127. (In Russ).
- Shchedrovitsky, G. P. (2005). *Thinking-Understanding-Reflection*. Moscow: Heritage of MMK. 800 p. ISBN 5-98808-003-0. (In Russ).
- Shelov, S. D. (2018). *An essay on the theory of terminology: composition, conceptual organization, practical applications*. Moscow: PrintPro. 472 p. ISBN 5-86676-107-6. (In Russ).
- Shevyrev, A. V., Romanchuk, M. N. *Forcing and development of system-creative thinking — the basic strategy of education in the XXI century*. Available at: <http://spkurdyumov.ru/category/education> (accessed 21.03.2021). (In Russ).
- Shpet, G. G. (2003). *The inner form of the word: Etudes and variations on Humboldt's themes*. Moscow: Editorial URSS. 216 p. (In Russ).
- Shpet, G. G. (2007). *Art as a kind of knowledge. Selected works on the philosophy of culture*. Moscow: ROSSPEN. 712 p. ISBN 5-8243-0656-7. (In Russ).
- Skladenikina, Yu. V. (2013). *Fundamentals of terminology: Linguistic aspects of the theory of the term*. Moscow: URSS. 120 p. ISBN 978-5-397-03887-4. (In Russ).
- Superanskaya, A. V., Podolskaya, N. V., Vasilyeva, N. V. (2005). *General terminology: Terminological activity*. Moscow: Editorial URSS. 256 p. (In Russ).
- Suvorova, M. V. (2019). *Transdiscursive modification of the metaphor model (based on the material of scientific, popular science and popular discourses)*. PhD Diss. Perm. 190 p. (In Russ).
- Tarasova, N. P. (2013). *Metaphorical modeling of the epidemic in media discourse (based on Russian and German texts)*. PhD Diss. Perm. 192 p. (In Russ).
- Tatarinov, V. A. (1996). *Theory of terminology: in 3 volum, 1. The theory of the term: History and current state*. Moscow: Moscow Lyceum. 311 p. ISBN 5-88564-125-0. (In Russ).
- Tatarinov, V. A. (2006). *General terminology: An encyclopedic dictionary*. Moscow: Moscow Lyceum. 528 p. ISBN 5-7611-0450-4. (In Russ).
- Vinokur, G. O. (1939). On some phenomena of word formation in Russian technical terminology. In: *Proceedings of the Moscow Institute of History, Philosophy and Literature: a collection of articles on linguistics, 1*: 3—54. (In Russ).
- Volodina, M. N. (2000). *Cognitive-informational nature of the term*. Moscow: Moscow State University. 128 p. (In Russ).
- Vygotsky, L. S. (1934). *Thinking and speech*. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz. 326 p. (In Russ).

Бурдаева Т. В. Сложноподчиненное предложение как знак синтаксической сложности, реализуемый на основе принципа иконичности (опыт исследования немецкого научного дискурса) / Т. В. Бурдаева, М. М. Халиков // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 35—54. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-35-54.

Burdaeva, T. V., Khalikov, M. M. (2021). Complex Sentence as Sign of Syntactic Complexity, Realized on Basis of Principle of Iconicity (Experience of Researching German Scientific Discourse). *Nauchnyi dialog*, 9: 35-54. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-35-54. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-35-54

Сложноподчиненное предложение как знак синтаксической сложности, реализуемый на основе принципа иконичности (опыт исследования немецкого научного дискурса)

Бурдаева Татьяна Валерьевна

orcid.org/0000-0002-0654-483X

кандидат филологических наук, доцент

кафедра лингвистики

t-burdaeva@mail.ru

Халиков Магомед Магомедович

orcid.org/0000-0002-1306-632X

доктор филологических наук,

профессор кафедры лингвистики

magomed_samara@mail.ru

Самарский государственный
университет путей сообщения
(Самара, Россия)

Complex Sentence as Sign of Syntactic Complexity, Realized on Basis of Principle of Iconicity (Experience of Researching German Scientific Discourse)

Tatiana V. Burdaeva

orcid.org/0000-0002-0654-483X

PhD in Philology, Associate Professor

Department of Linguistics

t-burdaeva@mail.ru

Magomed M. Khalikov

orcid.org/0000-0002-1306-632X

Doctor of Philology, Professor

Department of Linguistics

magomed_samara@mail.ru

Samara State Transport University
(Samara, Russia)

© Бурдаева Т. В., Халиков М. М., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о том, как в пределах обособленного фрагмента интеллектуально-коммуникативной деятельности (на примере современного немецкоязычного научно-технического дискурса) раскрывается механизм реализации категории синтаксической сложности высказывания на основе принципа иконичности в процессах линейно-структурной организации текста. Показано, что иконичность представляет собой свойство языкового знака соответствовать обозначаемому им объекту или обозначаемой им реальной ситуации. Отмечается недостаточная изученность иконичности как в плане теоретико-эпистемологическом, так и в аспекте многообразия условий, целей и способов осуществления коммуникативных практик. Исследовательский материал рассматривается на основе верифицированной модели семиотического анализа в сфере синтаксиса (О. А. Кострова) в аспекте дискретной и комбинаторной реализации структурно-синтаксической, семантико-синтаксической и прагматико-синтаксической иконичности сложноподчиненных предложений в научном дискурсе. Установлено, что тот или иной вид иконичности определяется стилистическим контекстом и параметром маркированности / немаркированности. Доказывается, что в научном дискурсе одно элементарное сложноподчиненное предложение, характеризующееся немаркированностью, может одновременно включать в себя признаки всех трех видов иконичности. Указывается при этом, что, отражая реальную ситуацию, признаки того или иного вида иконичности, реализуемые в сложноподчиненном предложении, могут утрачиваться.

Ключевые слова:

сложноподчиненное предложение; иконический знак; синтаксическая иконичность; семантическая иконичность; прагматическая иконичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question is considered of how, within a separate fragment of intellectual and communicative activity (using the example of modern German-language scientific and technical discourse), the mechanism for implementing the category of syntactic complexity of an utterance based on the principle of iconicity in the processes of linear-structural organization of the text is revealed. It is shown that iconicity is the property of a linguistic sign to correspond to the object it denotes or the real situation it denotes. Insufficient study of iconicity is noted both in terms of theoretical and epistemological, and in the aspect of the variety of conditions, goals and methods of implementing communicative practices. The research material is considered on the basis of a verified model of semiotic analysis in the field of syntax (O. A. Kostrova) in the aspect of discrete and combinatorial implementation of the structural-syntactic, semantic-syntactic and pragmatic-syntactic iconicity of complex sentences in scientific discourse. It has been established that this or that type of iconicity is determined by the stylistic context and the parameter of marking / unmarking. It is proved that in scientific discourse, one elementary complex sentence, characterized by unmarking, can simultaneously include signs of all three types of iconicity. At the same time, it is indicated that, reflecting the real situation, the signs of one or another type of iconicity, realized in a complex sentence, may be lost.

Key words:

complex sentence; iconic sign; syntactic iconicity; semantic iconicity; pragmatic iconicity.

Сложноподчиненное предложение как знак синтаксической сложности, реализуемый на основе принципа иконичности (опыт исследования немецкого научного дискурса)

© Бурдаева Т. В., Халиков М. М., 2021

1. Введение

Знаковая природа языка в той или иной степени проявляется во всех аспектах его субстанции, структуры и функционирования. Семиотической сущностью является и сложноподчиненное предложение (далее — СПП) — феномен линейно-коммуникативной структурности языка, характеризующийся рядом специфических онтологических признаков, важнейшие из которых могут быть представлены в следующем виде: 1) избирательное отношение к дискурсу, в котором оно отдает предпочтение интеллектуально-содержательным письменно-монологическим текстовым формам; 2) максимализация эффекта двuasпектности процесса усложнения лингвистического знака: синтаксическая структура не только репрезентирует мыслительное содержание, но и является предпосылкой его формирования; 3) наличие двух и более предикатных узлов, один из которых является центральным, формирующим моновекторную структурную иерархию; 4) инертность в отношении разнообразия эмпирических данных, укорененность в виде знаковой константной сущности в системе языка и речи, воспроизводимость, моделируемость; 5) интенция к эксплицитности, подчеркиванию проблемно-информационной значимости (серьезности) коммуникативного события, дистанцирование от явлений семантической двуплановости, средств эмоционального самовыражения, невербалистики.

В дискурсивном ареале СПП особое место занимают письменные тексты профессиональной направленности, которые могут быть отнесены к категории реализующих научно-экспликативную (научно-информационную, научно-просветительскую, научно-аргументативную) функцию по основному своему предназначению. В этой функциональной области СПП выступает как интенционально осложненный полимодальный лингвистический знак, отличающийся особым характером реализации трех существенных аспектов семиозиса: семантики, синтактики, прагматики [Figue, 2003, S. 141, 153; Morris, 1938, p. 3; Müller, 2000, S. 150].

Знаковая онтология языковой субстанции проявляется по-разному; большое значение для развития этого научного направления имеет исследование лингвистических объектов в качестве иконических знаков. Осно-

вы этой платформы были заложены в трудах Ч. С. Пирса и Р. О. Якобсона. Согласно концепции Пирса, одним из первых признаков иконичности в синтаксисе является порядок расположения слов в предложении [Пирс, 2000, с. 204—205]. Идеи Пирса получили развитие в трудах Якобсона, полагавшего, что все языковые явления функционируют как знаки и только как знаки [Якобсон, 1985, с. 328] и что «каждое утверждение должно содержать иконический знак или ряд иконических знаков или содержать знаки, значение которых может быть объяснено лишь с помощью иконических знаков» [Якобсон, 2001, с. 111—129].

Сегодня понятие иконичности широко используется во многих областях лингвистики, в том числе в когнитивной грамматике. Данное свойство языка связывается с общими когнитивными способностями к экономии усилий, обобщению и ассоциативному мышлению. Общепринятым считается, что структура языка мотивирована структурой мира и уподобляется ей [Haiman, 1985; Сигал, 2013].

Одной из значимых работ в отечественном языкознании, посвященных вопросам иконичности в синтаксисе, является диссертация К. Я. Сигала [Сигал, 1999]. В ней принцип иконичности впервые применяется к синтаксису конкретного языка, а именно к синтаксической структуре простого осложненного предложения русского языка, анализируются глагольные и субстантивные ряды однородных членов предложения. Упорядочение синтаксически однородных единиц в простом осложненном предложении базируется на семиологическом подходе. В работе доказывается, что иконичность относится к системе языка и тексту, хотя в каждой из этих сфер она представлена на разных уровнях абстракции: от текста к системе уровень абстракции повышается одновременно с усилением роли индексальных и особенно символических элементов в определенной синтаксической структуре.

Под иконичностью понимается один из модусов существования знака (наряду с индексальностью и символическостью), имеющий глубокие нейробиологические, когнитивные и коммуникативные основания и принадлежащий к относительным (а не абсолютным) характеристикам языка. Принцип иконичности тесно связан с когнитивно-коммуникативной деятельностью человека, поскольку иконичность оказывается одновременно и одним из модусов существования познанного в человеческом сознании, и психосемиологическим предусловием восприятия текста и его единиц [Там же, с. 27—29].

К проблеме иконичности языкового знака обращается в своем диссертационном исследовании Е. В. Вильчакова, фокусируя внимание на когнитивном подходе к описанию иконичности в медиадискурсе в английском и нидерландском языках [Вильчакова, 2013]. В работе проводится системный

анализ иконичности на разных уровнях организации языковых единиц, что способствует более глубокому пониманию структуры медиадискурса и его влияния на рецепиента.

Проблему иконичности непосредственно немецкого СПП как языкового знака рассматривает О. А. Кострова [Кострова, 1998]. Предпринимается попытка раскрыть понятие синтаксической сложности с опорой на принцип иконичности. СПП представлено в работе как сложный иконический знак, который отражает посредством своей формы обозначаемый объект или обозначаемую ситуацию. Под иконичностью понимается свойство языкового знака, состоящего из нескольких элементов, соответствовать компонентам реальной ситуации [Там же, с. 74]. Заслуживает внимания то, что иконичность объединяет в себе не только формальную сторону, но и семантику с прагматикой. Благодаря такому подходу выявляются признаки иконичности / неиконичности СПП в совокупности всех его знаковых характеристик. Однако исследование ограничивается только СПП с временными придаточными предложениями, функционирующими в художественном дискурсе, что не дает полной картины по другим типам СПП, функционирующим в разных дискурсах.

Лингвистическая доктрина строится на данных исследовательской практики, уровень ее валидности определяется количеством, разнообразием и качеством обработки эмпирического материала. С опорой на этот методологический постулат была сформулирована цель данного исследования — изучение феномена синтаксической сложности, реализуемой на основе принципа иконичности, на материале немецкоязычного научного дискурса. Материалом исследования послужили 300 СПП, отобранных методом сплошной выборки из статей, опубликованных в научно-технических журналах (100 СПП), научно-популярных журналах (100 СПП), а также из учебных текстов (учебники, учебные пособия, курсы лекций и т. п.) (100 СПП) железнодорожной тематики. Весь исследуемый материал рассматривается как текстовое пространство актуального научного дискурса, под которым понимается комплексное явление, структурированное по полемому принципу: вокруг центра, представленного корпусом текстов, в полной мере отвечающих идеалам научной рациональности, формируются зоны взаимодействия научной интенциональности с другими аспектами социально-коммуникативной деятельности и репрезентирующие их массивы текстов — академические научно-технические, научно-популярные, учебно-научные. При выборе материала авторы исходили из общеэпистемологической презумпции: чем полнее и предметно-содержательнее охвачена эмпирическая реальность в научном исследовании, тем выше точность, детализованность и верифицируемость его описания. Специализированное по дискурсивной

отнесенности исследование позволяет получить ясную картину того, посредством каких конкретно-языковых форм и механизмов реализуется на практике знаково-коммуникативная деятельность.

2. Принципы иконической мотивированности

Иконическая мотивированность, означающая подобие отношений между структурой языкового знака и структурными свойствами предметно-референтной ситуации, реализуется на основе трех принципов [Naiman, 1985]:

1) последовательного порядка, согласно которому в синтаксисе предложения отражается естественная последовательность событий;

2) дистанции, который означает, что чем теснее связь между элементами в мире, тем ближе *друг к другу* обозначающие их слова; единицы языка, связанные *друг с другом* функциональными, когнитивными отношениями, обычно располагаются ближе *друг к другу*; социальная дистанция между говорящими репрезентируется следующим образом: чем меньше дистанция, тем очевиднее сокращение предложений, форм слов, вежливых формулировок;

3) количества, в соответствии с которым, чем «больше формы», тем «больше значения», то есть большее количество объектов или большая степень проявления признака маркируется дополнительными языковыми формами, менее предсказуемая информация получает больший кодирующий материал.

На синтаксическом уровне языка иконичность проявляется в диаграмматическом отражении некоторой синтаксической структурой ее означаемого, формально выражающемся в семантически / прагматически значимом порядке следования элементов, в продвижении семантически более выделенной именной группы в грамматически более выделенную синтаксическую позицию, в распределении информации между предикативным ядром и полупредикативными конструкциями (причастными, деепричастными и другими оборотами), в тема-рематическом членении предложения-высказывания и т. д. [Сигал, 1999, с. 70—71; Сигал, 2013, с. 67]. Иными словами, иконичность возникает в сознании реципиента на основе сходства знакомой ему конструкции с тем или иным объектом реальности, выраженным этой конструкцией [Вильчакова, 2013, с. 94]. Учитывая выше сказанное, условимся понимать под иконичностью свойство знака, объективированного некой синтаксической структурой, выражать отношение подобия с компонентами ситуации объективной реальности.

3. Виды иконичности в синтаксисе

Поскольку СПП иконически мотивировано своей структурой, семантикой и прагматикой, мы вслед за О. А. Костровой, различаем синтаксическую

(структурную), семантическую и прагматическую иконичность [Кострова, 1998]. Главным критерием реализации иконичности в СПП мы считаем стилистический контекст. Одним из важнейших признаков определения иконичности / неиконичности языковых единиц выступает маркированность (немаркированность), дифференцируемая по трем критериям: 1) структурной сложности, 2) частотности, 3) когнитивной сложности [Givón, 1995, p. 28]. Первый критерий сопряжен с объемом предложения и определяется уровнем его сложности: элементарное предложение тяготеет к немаркированности, а усложненное предложение считается маркированным (неиконичным). Согласно второму критерию, маркированная структура менее частотна в тексте, чем немаркированная. Третий критерий включает в себя затраты ментальных усилий, фокусированность внимания, количество времени, необходимое для продуцирования данной структуры, то есть маркированная структура является когнитивно более сложной, чем немаркированная. Как справедливо замечает К. Я. Сигал, одного параметра маркированности / немаркированности, применяемого к синтаксическому материалу, недостаточно [Сигал, 1999, с. 69]. Далее попытаемся определить соответствующие параметры определения иконичности в зависимости от ее видов.

4. Синтаксическая иконичность

Синтаксическая иконичность проявляется в моделировании СПП, связанного прежде всего с построением элементарного СПП. При этом учитываются порядок следования главного и придаточного предложений (пре-, интер- и постпозиции), ступенчатая зависимость придаточных предложений от главного или друг от друга (при наличии двух и более придаточных предложений), способ связи (союзный / бессоюзный), полнота предложения. Под элементарным сложноподчиненным предложением мы понимаем бипредикативное сложное предложение [Черемисина, 2002, с. 209], построенное по модели «S-P ..., союз (союзное слово) S-P ...», то есть СПП с одним придаточным, например:

(1) *Dies hat dazu beigetragen, dass im Jahre 2015 über 90 % der Fahrleistung durch LKW der umweltfreundlicheren Klassen 5—7 erfahren werden* [Internationales Verkehrswesen, 2015, S. 19];

(2) *Wichtiger ist der Fall der drohenden Entgleisung, weil er das Potenzial ihrer Verhinderung beinhaltet* [ETR, 2007, S. 284];

(3) *Wer solche Entwicklungen hautnah miterleben möchte, sollte sich während des Studiums um Praktika oder Diplomarbeiten bei Unternehmen bemühen* [Staufenbiel. Karrieremagazin, 2010, S. 16];

(4) *Gehen wir von einer idealen Punktlichtquelle aus, strahlt diese ihr Licht in alle Richtungen des Raumes gleichmäßig ab* [Beleuchtungstechnik, 2016, S. 23];

(5) *Da für viele Anwendungen weniger die Summe des abgestrahlten Lichtes sondern mehr dessen räumliche Ausbreitung von Interesse ist, werden für die Charakterisierung der Lichtverteilung geometrische Größen benötigt* [Ibid., S. 23];

(6) *Ein spezieller Kern, der zum Beispiel aus recycelten Autoreifen bestehen kann, absorbiert den Schall und lässt ihn nicht durch den Steinkorb passieren* [Verkehrsmanager, 2011, S. 7].

Примеры 1—6 представляют собой элементарные СПП с одним придаточным и являются синтаксически иконичными. СПП с дополнительным придаточным предложением (1) построено по модели «S-P ..., союз dass S-P ...», главное предложение находится в препозиции, придаточное следует за ним. В примере (2) СПП с придаточным предложением причины, построенное по модели «P-S ..., союз weil S-P ...», также иконично, поскольку обратный порядок слов в главном предложении является признаком синтаксического варьирования. Препозиция подлежащего придаточного предложения в (3) равно, как и препозиция придаточного предложения причины, вводимого союзом *da* в (5), обеспечивают синтаксическую иконичность, так как порядок следования в этих СПП обусловлен типичным содержанием грамматической формы, повторяющей значение внеязыковой ситуации [Кострова, 1998, с. 21]. В (4) СПП с бессоюзным условным придаточным предложением, произведенное по модели «P-S ..., P-S ...», репрезентирует синтаксический знак, иконически мотивированный последовательностью событий «условие — следствие». Интерпозиция определительного придаточного предложения в (6) способствует вариантности модели «S-P ..., относительное местоимение на d- S-P ...», при этом не ведет к нарушению традиционного порядка слов. Информация, содержащаяся в придаточном предложении, концептуально связана с опорным словом — существительным *Kern* главного предложения, и, соответственно, придаточное предложение располагается ближе к опорному слову. Синтаксическая иконичность отражает принцип дистанции.

Как известно, научный текст характеризуется синтаксической полнотой оформления высказывания [Брандес, 2004, с. 184], поэтому эллиптические конструкции подобно (7, 8) синтаксически неиконичны:

(7) *Diese Kriterien sind bislang noch nicht allgemein wirtschaftlich bewertet und sollten daher, wenn möglich, im Einzelfall mit quantitativen Bewertungsmodellen hinterlegt werden* [ETR, 2003, S. 122];

(8) *Wie für Nahverkehrsstrecken typisch, ist die Gleistopologie nicht sonderlich komplex* [EI, 2015, S. 43].

В (7) условное придаточное предложение редуцируется за счет опущения субъекта и предиката, в сравнительном придаточном (8) главные члены предложения также отсутствуют. Однако не всегда редуцирование

одного из членов предложения ведет к неиконичности, необходимо учитывать влияние стилистического контекста. Если для разговорной речи на вопрос *Wo warst du?* ответ *Im Kino* как эллипсис от конструкции *Ich war im Kino* считается более оптимальным, а сама конструкция характеризуется как немаркированная (иконичная) [Lehmann], то в научном стиле эллипсис свидетельствует о неиконичности.

Анализ фактического материала показал, что в научном железнодорожном дискурсе доминируют элементарные СПП. В учебных текстах и научно-популярной литературе частотность элементарных СПП составляет 88 % и 84 % соответственно, а в академических научно-технических текстах — 62 %. Однако синтаксическая сложность в научно-технических текстах выражена в большей степени за счет употребления усложненных (также многокомпонентных, многочленных, полипредикативных) СПП, которые характеризуются наличием двух и более придаточных предложений. Частотность подобных СПП в академических научно-технических текстах почти в два раза выше (19 %) по сравнению с научно-популярными (8 %) и учебными текстами (9 %). Например:

(9) *Brücken sind Vorzeigeobjekte — Ingenieurbauwerke, **denen** eine landwirtschaftliche oder städtebauliche Bedeutung zukommt und **die** in ihrer Form und Gestaltung das Gesicht einer Bahnstrecke prägen* [ETR, 2006, S. 457];

(10) *Akzeptiert man, **dass** Strukturschwingungen wesentlich für das Systemverhalten von Radsatz und Gleis sind, dann müssen diese als ebenso wichtig angesehen werden wie deren berührungsgeometrische Eigenschaften, **die** sie verursachen* [ETR, 2007, S. 282].

В (9) реализуются все три принципа иконичности. Принцип последовательности выражается в препозиции главного предложения и постпозиции двух определительных придаточных предложений, однородных по своему значению, расположенных друг за другом в порядке их важности. Принцип дистанции реализуется в близости придаточных предложений к опорному слову, принцип количества обеспечивает наполнение СПП дополнительными языковыми формами для описания определенного объекта действительности, что выражается в двух придаточных предложениях. СПП с тремя придаточными предложениями в (10) содержит последовательное подчинение, то есть дополнительное придаточное предложение, вводимое союзом *dass*, зависит от бессоюзного условного придаточного предложения. Определительное придаточное предложение (придаточное предложение третьей степени зависимости) относится к опорному существительному главного предложения. Придаточные предложения располагаются, соответственно, по принципу последовательности. В этом примере так же, как и в (9), реализуются принципы дистанции и количества.

Кроме того, что элементарные СПП могут усложняться за счет включения в их состав придаточных предложений, полупредикативные единицы, в которых предикативное отношение выражено частично [Черемисина и др., 1987, с. 81]: инфинитивные группы и причастные обороты — также служат средством усложнения предложения, благодаря чему возрастает его объем. В академических научно-технических текстах подобных СПП насчитывается 5 %, в научно-популярных — 7 %, в учебных — 3 %. Например:

(11) *Bei neu zu erstellenden Kreuzungen trägt der Beteiligte die Kosten, dessen Fahrweg hinzukommt* [ETR, 2006, S. 460];

(12) *Anschaulich gesprochen, ermittelt die KL-Transformation die schwingende („Stör“)-Energie, die in den Signalen steckt* [ETR, 2007, S. 284];

(13) *Um festzustellen, ob Grenzykel im Lateralverhalten von Fahrzeugen des Hochgeschwindigkeitsverkehrs auftreten, werden nach den UIC-Merkblättern 515-1 sowie 518 die Querbesehleunigungen am Fahrwerksrahmen oberhalb der Radsätze ($\ddot{y}^*$) gemessen und nach einem vorgegebenen Algorithmus ausgewertet* [Ibid., S. 282];

(14) *So ist der Kupplungshahn der Hauptluftbehälterleitung einer Korridorlokomotive ES 64 F4 weiß, während dieser bei den ES 64 U4 für Italien — abweichend von den europäischen Normen — gelb sein muss* [Railbusiness spezial, 2010, S. 10];

(15) *Wenn der einfache Bürger eine andere Meinungen vertritt, dann sollte er bei den politisch Verantwortlichen (also in den Parteien) für Mehrheiten sorgen und so versuchen, seine Meinung durchzusetzen* [Verkehrsmanger, 2010, S. 10—11].

Причастный оборот *bei neu zu erstellenden Kreuzungen* в (11), распространяющий СПП с определительным придаточным предложением, может легко трансформироваться в придаточное предложение *bei Kreuzungen, die neu erstellt werden*, в результате чего образуется СПП с неоднородным соподчинением, когда придаточные предложения одного вида относятся к разным опорным словам главного предложения. В (12) и (14) обособленные причастные обороты способствуют усложнению СПП так, что менее предсказуемая или более важная информация, требуемая для разъяснения или описания каких-либо явлений, включается в предложение по принципу количества. Обособленный причастный оборот *anschaulich gesprochen* в (12), выполняя синтаксическую функцию обстоятельства образа действия, может преобразоваться в придаточное предложение образа действия ($\rightarrow$ *Indem anschaulich gesprochen wird*), а обособленный причастный оборот *abweichend von den europäischen Normen* в (14), выступающий в качестве парентеза, может трансформироваться в условное придаточное

предложение (→ *wenn man von den europäischen Normen abweichen darf*), получая статус полной предикативной структуры.

В (13) дополнительное придаточное предложение, вводимое союзом *ob*, зависит от инфинитивной группы *um festzustellen*, которая содержит уточняющую информацию по теме высказывания, сопутствующую основному сообщению, содержащемуся в распространяемой части — дополнительном придаточном предложении. Инфинитивный оборот *seine Meinung durchzusetzen* в (15), занимая финальную позицию, включает в себя более значимую информацию, представляющую собой следствие. Причина как условие, выраженная условным придаточным предложением, называется в начале всего СПП. Соответственно, причинно-следственные отношения реализуются по принципу последовательности [Котин, 2017, с. 113]. Полупредикативные структуры (инфинитивные группы и причастные обороты) эквивалентны некоторым видам придаточных предложений [Engelen, 1986], что создает возможность для коммуникативного выбора.

Отметим, что критерий частотности СПП не является абсолютным. По отношению к научному стилю, репрезентантом которого в нашем случае выступает железнодорожный дискурс, количество доминирующих типов СПП одно, но по отношению к другому стилю может быть совершенно другим [Бурдаева 2002].

5. Семантическая иконичность

Семантическую иконичность можно выявить главным образом при рассмотрении структурно-семантических типов СПП и значения союзов. В немецком языке союзы более устойчивы по форме, некоторые союзы теряют иконичность из-за многозначности, например, союз *als* может употребляться и во временных, и в сравнительных придаточных предложениях. Возможны случаи, когда в одном СПП синтаксическая неиконичность (эмфатический порядок слов) комбинируется с семантической иконичностью (однозначность союза) и наоборот [Анохина и др., 2012, с. 84; Кострова, 1998, с. 76].

Исследуемые нами тексты принадлежат к научному стилю, в них употребляются структурно-семантические типы СПП, среди которых доминируют СПП с определительными (32 %), условными (18,6 %), дополнительными (12,2 %), подлежащими (11,9 %) и причинными (7,6 %) придаточными предложениями.

Статистические данные, однако, указывают на то, что не все типы СПП одинаково представлены в трех видах текстов. Это связано, на наш взгляд, со стилистическими особенностями самих текстов. В научно-технических академических текстах и научно-популярной литературе наи-

более типичными оказываются СПП с определительными придаточными (31 % и 37,7 %, соответственно), а также СПП с дополнительными придаточными (13,8 % и 18,4 % соответственно). Необходимость что-то охарактеризовать, описать, уточнить, пояснить, объяснить, прокомментировать сопряжена с употреблением определительных придаточных предложений в академических и научно-популярных текстах. Стремление к передаче научных мыслей, идей, доказательств, выдвинутых одним ученым или коллективом авторов, а также к изложению и обнародованию результатов интеллектуальной деятельности воплощается в использовании дополнительных придаточных предложений, что объясняет их большое количество в указанных типах текстов, в том числе содержащих косвенную речь.

В учебных текстах доля условных придаточных предложений несколько выше (33,7 %), чем доля определительных придаточных (30,8 %). В академических текстах также условные придаточные обнаружены в большом количестве (16,4 %) по сравнению с их числом в научно-популярных текстах (всего 7,1 %). Семантическая иконичность проявляется в этих двух видах текстов гораздо сильнее, поскольку возникает необходимость показать, при каких условиях (реальных, ирреальных, гипотетических, фактивных) проводятся научные изыскания и ставятся эксперименты. На иконическую близость указывает также высокая частотность подлежащих придаточных предложений в академических (13 %) и учебных текстах (15,4 %). Без описания положения вещей, обстоятельств дел, которые выступают субъектом главного предложения, невозможно представить себе любой научный текст.

Следует также отметить, что если в научно-технических текстах описание причинно-следственных отношений в равной степени способствует выбору придаточных предложений причины (6,9 %) и следствия (5,2 %), то в научно-популярных текстах относительно высокая частотность причинных придаточных предложений (10,2 %) связана с решением более важной задачи, в которой на первый план выдвигается обоснование, аргументация чего-либо, а уже затем результат.

В семантике иконичность союзов как знаковых средств связана с «прозрачностью» их внутренней формы. Если синтаксический знак или его компоненты семантически мотивированы, то его форма прозрачна. Они обычно имеют специализированное значение [Аверина и др., 2019, с. 386; Кострова, 1998, с. 74—75]. Например, союз *da* в (5) является однозначным, употребляется в СПП с причинными придаточными предложениями, семантически иконичен по двум признакам. Во-первых, этот синтаксический знак имеет одно значение (*так как, поскольку*). Во-вторых, он используется только в одном типе СПП. То же самое касается и союза *weil*,

который вводит причинные придаточные предложения (2). Напротив, многозначный союз *dass* не обладает свойством семантической иконичности, им вводятся придаточные предложения разных видов: дополнительные (1, 10), определительные (16), подлежащие (17), образа действия (16):

(16) *Theoretische und praktische Untersuchungen des Laufverhaltens von Schienenfahrzeugen beruhen im allgemeinen auf der Vorstellung, dass die rotierenden Radsätze starre Körper sind* [ETR, 2007, S. 280];

(17) *Das Neue daran ist, dass FreeFloat die Prozesse entlang der gesamten Wertschöpfungskette betrachtet (siehe Bild 1)* [Verkehrsmanager, 2011, S. 12];

(18) *Er kommt dadurch zustande, dass die frei beweglichen Elektronen mit den Atomen des Leitermaterials zusammenstoßen und dadurch in ihrer Bewegung behindert werden* [Grundlagen der Automatisierungstechnik, 2008, S. 20].

Поэтому, примеры (1, 10, 16, 17, 18) можно рассматривать как синтаксически иконичные (построены по одной модели «S-P ..., dass S-P ...,»), но семантически неиконичные.

6. Прагматическая иконичность

Прагматическая иконичность связана с произвольным выбором языковых знаков, используемых в определенной внеязыковой ситуации. К прагматической иконичности относится, например, длина предложения-высказывания, обусловленная степенью новизны информации, которая определяется ситуацией речи. Короткие предложения служат признаком близких отношений: говорящему не нужно сообщать о том, что уже известно или не является важным. И, напротив, чем больше дистанция, тем длиннее и объемнее высказывание [Кострова, 1998, с. 24]. В этом случае реализуется иконический принцип дистанции. Так, например, в научно-технических оригинальных статьях длина всего СПП составляет 21—22 слов, в научно-популярных статьях — 20—21 слов, в учебных текстах — 18—19 слов, ср.: [Vltrová, 2019, S. 223—239].

Принцип дистанции помогает объяснить меньшее количество слов в СПП в учебных текстах по сравнению с большим количеством слов в оригинальных статьях и научно-популярной литературе. Учебный текст, а именно учебно-научный текст, создает возрастоспецифичный фрагмент научной картины мира [Черемисина, 2008, с. 67]. Адресатом данных текстов являются будущие специалисты, прежде всего обучающиеся (вузов, техникумов). Объем материала в таких текстах ограничен и адаптирован, что обуславливает формирование научной и языковой картин мира у обучающихся с учетом возрастающей сложности. Для более широкой читательской аудитории предназначена научно-популярная литература (специалисты в определенной области, инженеры, обучающиеся, неспециали-

сты). По мере расширения рамок читательской аудитории увеличивается и социальная дистанция. Однако научно-популярные статьи характеризуются также определенной степенью адаптированности и переводимостью языка науки на общелитературный язык с целью популяризации, облегчения понимания [Брандес, 2004, с. 180]. Такие тексты представляют собой «компромиссный вариант, удовлетворяющий основным дидактико-методическим требованиям» [Назаренко, 2000, с. 237], обеспечивающим обучающихся возможностью овладения иностранным языком в той степени, которая позволяет им читать и понимать данные тексты, а также продуцировать самостоятельные высказывания. По возрастающей длине предложений в специальных статьях из научно-технических журналов, ориентированных в первую очередь на ученых, профессионалов, инженеров, можно судить о наибольшей социальной дистанции. Сложность восприятия такого текста создается за счет развернутого изложения свойств и функций реальных объектов действительности, научного мышления, закрепления процесса познания, изложения результатов познания, а также широкого использования номенклатуры конкретных объектов, процессов, состояний, употребления символов — математических, логических, химических, физических формул и т. д. [Основы научной речи, 2003, с. 39].

Эллиптические предложения, повторения, включения, примыкания и парентез, способствующие синтаксической сложности, относятся к прагматической иконичности [Кострова, 1998, с. 14—15]:

(19) *Zur eindeutigen Eingrenzung können, **falls erforderlich**, auch die Ergebnisse von Gleislagemessungen herangezogen werden* [ETR 05, 2007, S. 286];

(20) ***Kein Wunder**, dass auch immer mehr große Konzerne ihre Strategien auf die grünen Märkte einstellen* [Staufenbiel. Karrieremagazin, 2010, S. 12];

(21) *So **schnell**, **wie** das Ladegut auf die Bahn umgeschlagen ist, **so schnell** ist es auch wieder auf den Lkw zurückverlagert* [Railbusiness spezial, 2010, S. 5];

(22) *In Netzen der öffentlichen Stromversorgung gilt dies für Gegenden, **die** über lange Ausläuferleitungen oder Freileitungsstrecken versorgt werden oder / und in gebirgiger Umgebung (**und mit deshalb schwierigen Erdungsmöglichkeiten**) liegen* [Handbuch für die Ausbildung im Bereich „Elektrische Anlagen“, 2003, S. 51].

В (19), как и в (8), представлено СПП с эллиптическим условным придаточным предложением *falls erforderlich*, в котором опущены главные члены предложения (→ *falls es erforderlich ist*). Основная информация концентрируется в главном предложении, а эллиптическое придаточное вводится как парентез, содержащий дополнительную информацию. Противоположная картина наблюдается в (20), в котором подлежащее придаточное предло-

жение подчиняется эллиптическому главному предложению *Kein Wunder* (→ *Es ist kein Wunder, dass ...*). Эллипсис главного предложения объясняется сосредоточением наиболее важной информации в придаточном предложении. Подобные конструкции не употребляются в учебных текстах и научно-популярной литературе, в которых, несмотря на меньшую длину слов предложения, сохраняется целостная синтаксическая структура.

При экспансии синтаксической структуры, возникающей за счет ее усложнения путем введения различных видов повторов, достигается смысловое и эмоциональное усиление какой-либо части высказывания [Брандес, 2004, с. 306—309]. Повтор в (21) *so schnell ... so schnell* способствует расширению главного предложения, от которого зависит придаточное предложение образа действия. Подобные примеры могут встречаться в научно-популярной литературе, для научно-технических и учебных текстов они не характерны.

В (22) парентез *und mit deshalb schwierigen Erdungsmöglichkeiten*, заключенный в скобки, служит пояснением к основной информации и относится к цепочке событий, передаваемых однородными членами предложения. Обособленный причастный оборот *abweichend von den europäischen Normen* в (14), оформленный тире, зависит от противительного придаточного предложения, интенционально обеспечивая конкретизацию информации. Выполняя функцию экспрессивного средства синтаксической выразительности в предложении, парентез нарушает, однако, структуру всего предложения, в связи с чем примеры 14, 19—22 прагматически иконичны, но лишены семантической и синтаксической иконичности.

7. Заключение

Проведенный анализ показал, что интенция синтаксического осложнения текста, реализуемая в СПП, мотивируется признаком иконичности. В научном дискурсе проявляются все три принципа иконичности: принцип последовательности определяет, во-первых, доминирующую роль главных предложений в препозиции по отношению к придаточным предложениям, во-вторых, ступенчатую зависимость придаточных в составе СПП в соответствии с распределением информации по важности. Сокращение длины предложения в учебных текстах по сравнению с оригинальными научно-техническими текстами, а также допустимость эллиптических конструкций в научно-технических текстах и их отсутствие в научно-популярных и учебных текстах отражают принцип дистанции. Принцип количества, соотносимый с объемом предложения, позволяет констатировать его уменьшение в адаптированных текстах в отличие от оригинальных научных статей профессионального дискурса.

Кроме того, в ходе исследования была выявлена возможность исследования СПП как сложной семиотической единицы в аспекте дискретной и комбинаторной реализации синтаксической, семантической и прагматической иконичности. Главным критерием, по которому возможно было определить тот или иной вид иконичности, явился стилистический контекст. Другим критерием иконичности послужил параметр маркированности / немаркированности. Опираясь на такие закономерности моделирования СПП, как порядок следования частей, способ связи и значение союзов, объем и полнота предложения, а также его длина, и учитывая частотность разных типов СПП в соответствующих подстилях, было установлено, что в научном дискурсе одно элементарное СПП может быть немаркированным и одновременно включать в себя признаки всех трех видов иконичности. Однако СПП, имеющее признаки семантической или прагматической иконичности, может быть синтаксически неиконичным, и наоборот, синтаксически иконичное СПП при отражении реальной ситуации может терять признаки семантической (или прагматической) иконичности. Предложенная модель исследования может послужить образцом для изучения языковых единиц, в том числе синтаксических структур, и в других типах дискурсов.

Феномен иконичности только входит в область приоритетных интересов лингвистики, его исследование перспективно с точки зрения развития теории языка и возможностей прикладного использования полученных результатов. Следует также отметить значимость категории синтаксической сложности — явления, которое специфически характеризует интеллектуально-концентрированные типы дискурса и находится в настоящее время в состоянии эволюции.

Источники и принятые сокращения

1. Baer R. Beleuchtungstechnik. Grundlagen / R. Baer. — Berlin : HUSS-Medien GmbH, Verlag Technik, 2016. — 493 S. — ISBN 978-3-341-016343.
2. Ebel F. Grundlagen der Automatisierungstechnik. Fachbuch / F. Ebel, S. Idler, D. Scholz. — Denkendorf : Festo Didactic GmbH & Co, 2008. — 106 S.
3. ETR — Eisenbahntechnische Rundschau. — 2003. — № 52, Heft 3.
4. ETR — Eisenbahntechnische Rundschau. — 2006. — № 55, Heft 7/8.
5. ETR — Eisenbahntechnische Rundschau. — 2007. — № 05.
6. ETR — Eisenbahntechnische Rundschau. — 2015. — № 03.
7. Handbuch für die Ausbildung im Bereich “Elektrische Anlagen” in den Berufen Fachkraft für Abwassertechnik und Fachkraft für Wasserversorgungstechnik / H. Zander. — Essen : Landesumweltamt Nordrhein-Westfalen, 2003. — 318 S.
8. Internationales Verkehrswesen. Das technisch-wissenschaftliche Fachmagazin. — 2015. — № (67) 2.
9. Railbusiness spezial // Deutsche Logistik Zeitung. — 2010. — № 01.
10. Staufenbiel. Karrieremagazin. — 2010. — № 03.

11. *Verkehrsmanager*. Informationen und Nachrichten des Bundesverbands Führungskräfte deutscher Bahnen E. V. (*BF Bahnen*). — 2010. — № 05.
12. *Verkehrsmanager*. Informationen und Nachrichten des Bundesverbands Führungskräfte deutscher Bahnen E. V. (*BF Bahnen*). — 2011. — № 1.
13. *Verkehrsmanager*. Informationen und Nachrichten des Bundesverbands Führungskräfte deutscher Bahnen E. V. (*BF Bahnen*). — 2011. — № 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверина А. В.* Грамматика немецкого языка : учебник для вузов / А. В. Аверина, О. А. Кострова. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 449 с. — ISBN 978-5-534-09238-7.
2. *Анохина С. П.* Сравнительная типология немецкого и русского языков / С. П. Анохина, О. А. Кострова ; под общ. ред. О. А. Костровой. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 206, [1] с.; 21 см.; ISBN 978-5-9765-1123-1.
3. *Брандес М. П.* Стилистика текста. Теоретический курс / М. П. Брандес. — Москва : Прогресс-Традиция ; ИНФРА-М, 2004. — 413 с. — ISBN 5-89826-185-0.
4. *Бурдаева Т. В.* Вариантность сложноподчиненного предложения и эквивалентных ему структур : На материале современного немецкого языка как родного и иностранного : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Т. В. Бурдаева. — Самара, 2002. — 211 с.
5. *Вильчакова Е. В.* Когнитивные основы иконического кодирования в медиадискурсе : на материале английского и нидерландского языков : автореферат ... диссертации кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. В. Вильчикова. — Кемерово, 2013. — 26 с.
6. *Котин М. Л.* Нереальный условный период и автономное предложение желательного условия : проблемы грамматического статуса / М. Л. Котин // Вопросы языкознания. — 2017. — № 2. — С. 109—130. — DOI: 10.31857/S0373658X0000973-9.
7. *Кострова О. А.* Satz und Äußerung : einfach und komplex / О. А. Кострова. — Самара : Издательство СамГПУ, 1998. — 85 с. — ISBN 5-8428-0125-6.
8. *Назаренко А. Л.* Проблемы оптимизации понимания и преподавания языка для специальных целей / А. Л. Назаренко. — Москва : Издательство МГУ, 2000. — 127, [1] с. — ISBN 5-88091-058-X.
9. *Основы научной речи* / Н. А. Буре, М. В. Быстрых, С. А. Вишнякова и др. ; под ред. В. В. Химика, Л. Б. Волковой. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Москва : Издательский центр «Академия», 2003. — 272 с. — ISBN 5-8465-0139-7; ISBN 5-7695-1486-8.
10. *Пирс Ч. С.* Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс ; перевод с английского К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. — Москва : Логос, 2000. — 448 с. — ISBN 5-8163-0014-8.
11. *Сигал К. Я.* Иконичность в языке и некоторые ее синтаксические проявления / К. Я. Сигал // Язык. Текст. Дискурс. — 2013. — № 11. — С. 56—71.
12. *Сигал К. Я.* Проблема иконичности в языке (на материале русского синтаксиса) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / К. Я. Сигал. — Москва, 1999. — 240 с.
13. *Черемисина М. И.* Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. — Новосибирск : Наука : Сибирское отделение, 1987. — 197 с.

14. Черемисина М. И. Типология предложений : шкала простоты-сложности / М. И. Черемисина // Чествуйа филолога. К 75-летию Ф. А. Литвина. — Орел : Орловская правда, 2002. — С. 207—227.
15. Черемисина С. Б. Учебно-научный текст как гетерогенная когнитивная структура / С. Б. Черемисина // Мир науки, культуры, образования. — 2008. — № 5 (12). — С. 67—70.
16. Якобсон Р. О. Избранные труды / О. Р. Якобсон. — Москва : Прогресс, 1985. — 460 с.
17. Якобсон Р. О. В поисках сущности языка / Р. О. Якобсон // Семиотика : Антология / Сост. Ю. С. Степанов. — Москва : Академический проспект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. — С. 111—129. — ISBN 5-8291-0104-1, ISBN 5-88687-096-2.
18. Engelen B. Einführung in die Syntax der deutschen Sprache : B. 2 / B. Engelen. — Sulzberg : Pädagogischer Verlag Burgbücherei Schneider, 1986. — 218 S. — ISBN 3-87116-160-8.
19. Figge U. Satzsyntax in einer semiotischen Sprachtheorie / U. Figge // Syntaxtheorien. Modelle, Methoden, Motive / E. Stark, U. Wandruszka (Hrsg.). — Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2003. — S. 139—153. — ISBN 3-8233-5765-4.
20. Givón T. Functionalism and Grammar / T. Givón. — Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing, 1995. — 486 p. — ISBN 90-272-2147-2, ISBN 90-272-2148-0.
21. Haiman J. Natural Syntax : Iconicity and Erosion / J. Haiman. — Cambridge : Cambridge University Press. CUP, 1985. — 293 p.
22. Lehmann Ch. Sprachtheorie : Markiertheit [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.christianlehmann.eu/ling/ling_theo/index.html?https://www.christianlehmann.eu/ling/ling_theo/markiertheit.php (accessed 14.08.2021).
23. Morris Ch. W. Foundations of the Theory of Signs / Ch. W. Morris. — Chicago : The University of Chicago Press, 1938. — 59 p.
24. Müller G. Elemente der optimalitätstheoretischen Syntax / G. Müller. — Tübingen : Stauffenburg Linguistik, 2000. — 344 S. — ISBN 3-86057-721-2.
25. Voltrová M. Ausgewählte Lehrbücher für Deutsch als Fremdsprache unter der Lupe der Sprechaktttheorie / M. Voltrová // Aussiger Beiträge. Germanistische Schriftenreihe aus Forschung und Lehre. 13. Jahrgang : Deutsch als Fremdsprache — Didaktische und sprachwissenschaftliche Perspektiven / Hrsg. von H. Bergerová, H.-H. Lüger, G. Schuppener. — Ústí nad Labem : Univerzita J. E. Purkyně v Ústí nad Labem, Filozofická fakulta ; Wien : Praesens Verlag 2019. — S. 223—239. — ISBN 1802-6419 ; ISBN 978-80-7561-227-4 (UJEP), ISBN 978-3-7069-1080-4 (Praesens Verlag).

MATERIAL RESOURCES

- Baer, R. (2016). *Beleuchtungstechnik. Grundlagen*. Berlin: HUSS-Medien GmbH, Verlag Technik. 493 S. ISBN 978-3-341-016343. (In Germ).
- Ebel, F., Idler, S., Scholz, D. (2008). *Grundlagen der Automatisierungstechnik. Fachbuch*. Denckendorf: Festo Didactic GmbH & Co. 106 S. (In Germ).
- ETR — *Eisenbahntechnische Rundschau*, 52 (3). (2003). (In Germ).
- ETR — *Eisenbahntechnische Rundschau*, 55 (7/8). (2006). (In Germ).
- ETR — *Eisenbahntechnische Rundschau*, 05. (2007). (In Germ).
- ETR — *Eisenbahntechnische Rundschau*, 03. (2015). (In Germ).
- Handbuch für die Ausbildung im Bereich "Elektrische Anlagen" in den Berufen Fachkraft für Abwassertechnik und Fachkraft für Wasserversorgungstechnik*. (2003). Essen: Landesumweltamt Nordrhein-Westfalen. 318 S. (In Germ).

- Internationales Verkehrswesen. Das technisch-wissenschaftliche Fachmagazin*, (67) 2. (2015). (In Germ).
- Railbusiness spezial. (2010). *Deutsche Logistik Zeitung*, 01. (In Germ).
- Staufenbiel. *Karrieremagazin*, 03. (2010). (In Germ).
- Verkehrsmanager. Informationen und Nachrichten des Bundesverbands Führungskräfte deutscher Bahnen E. V. (BF Bahnen)*, 05. (2010). (In Germ).
- Verkehrsmanager. Informationen und Nachrichten des Bundesverbands Führungskräfte deutscher Bahnen E. V. (BF Bahnen)*, 1. (2011). (In Germ).
- Verkehrsmanager. Informationen und Nachrichten des Bundesverbands Führungskräfte deutscher Bahnen E. V. (BF Bahnen)*, 2. (2011). (In Germ).

REFERENCES

- Anokhina, S. P., Kostrova, O. A. (2012). *Comparative typology of the German and Russian languages*. Moscow: Flint: Nauka. 206, [1] p. ISBN 978-5-9765-1123-1. (In Russ).
- Averina, A. V., Kostrova, O. A. (2019). *Grammar of the German language: a textbook for universities*. Moscow: Yurayt Publishing House. 449 p. ISBN 978-5-534-09238-7. (In Russ).
- Brandes, M. P. (2004). *Stylistics of the text. Theoretical course*. Moscow: Progress-Tradition; INFRA-M. 413 p. ISBN 5-89826-185-0. (In Russ).
- Burdaeva, T. V. (2002). *The variant nature of a complex sentence and its equivalent structures: On the material of modern German as a native and foreign language*. PhD Diss. Samara. 211 p. (In Russ).
- Cheremisina, M. I., Kolosova, T. A. (1987). *Essays on the theory of a complex sentence*. Novosibirsk: Nauka: Siberian Branch. 197 p. (In Russ).
- Cheremisina, M. I. (2002). Typology of sentences: the scale of simplicity-complexity. *Honoring the philologist. To the 75th anniversary of F. A. Litvin*. Orel: Orlovskaya pravda. 207—227. (In Russ).
- Cheremisina, S. B. (2008). Educational and scientific text as a heterogeneous cognitive structure. *The world of science, culture, and education*, 5 (12): 67—70. (In Russ).
- Engelen, B. (1986). *Einführung in die Syntax der deutschen Sprache: B. 2*. Sulzberg: Pädagogischer Verlag Burgbücherei Schneider. 218 S. ISBN 3-87116-160-8. (In Germ).
- Figge, U. (2003). Satzsyntax in einer semiotischen Sprachtheorie. In: *Syntaxtheorien. Modelle, Methoden, Motive*. Tübingen: Gunter Narr Verlag. 139—153. ISBN 3-8233-5765-4. (In Germ).
- Fundamentals of scientific speech*. (2003). St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University; Moscow: Academy. 272 p. ISBN 5-8465-0139-7; ISBN 5-7695-1486-8. (In Russ).
- Givón, T. (1995). *Functionalism and Grammar*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing. 486 p. ISBN 90-272-2147-2, ISBN 90-272-2148-0. (In Germ).
- Haiman, J. (1985). *Natural Syntax: Iconicity and Erosion*. Cambridge: Cambridge University Press. CUP. 293 p. (In Germ).
- Kostrova, O. A. (1998). *Satz und Äußerung: einfach und complex*. Samara: SamSPU Publishing House. 85 p. ISBN 5-8428-0125-6. (In Germ).
- Kotin, M. L. (2017). An unreal conditional period and an autonomous sentence of a desirable condition: problems of grammatical status. *Questions of linguistics*, 2: 109—130. DOI: 10.31857/S0373658X0000973-9. (In Russ).

- Lehmann, Ch. *Sprachtheorie: Markiertheit*. Available at: https://www.christianlehmann.eu/ling/ling_theo/index.html?https://www.christianlehmann.eu/ling/ling_theo/markiertheit.php (accessed 14.08.2021). (In Germ).
- Morris, Ch. W. (1938). *Foundations of the Theory of Signs*. Chicago: The University of Chicago Press. 59 p. (In Germ).
- Müller, G. (2000). *Elemente der optimalitätstheoretischen Syntax*. Tübingen: Stauffenburg Linguistik. 344 S. ISBN 3-86057-721-2. (In Germ).
- Nazarenko, A. L. (2000). *Problems of optimizing the understanding and teaching of language for special purposes*. Moscow: MSU Publishing House. 127, [1] p. ISBN 5-88091-058-X. (In Russ).
- Pierce, Ch. S. (2000). *Selected philosophical works*. Moscow: Logos. 448 p. ISBN 5-8163-0014-8. (In Russ).
- Sigal, K. Ya. (1999). *The problem of iconicity in language (based on the material of Russian syntax)*. PhD Diss. Moscow. 240 p. (In Russ).
- Sigal, K. Ya. (2013). Iconicity in language and some of its syntactic manifestations. *Language. Text. Discourse, 1*: 56—71. (In Russ).
- Vilchakova, E. V. (2013). *Cognitive foundations of iconic coding in media discourse: based on the material of the English and Dutch languages*. Author's abstract of PhD Diss. Kemerovo. 26 p. (In Russ).
- Voltrová, M. (2019). Ausgewählte Lehrbücher für Deutsch als Fremdsprache unter der Lupe der Sprechakttheorie. In: *Aussiger Beiträge. Germanistische Schriftenreihe aus Forschung und Lehre. 13. Jahrgang: Deutsch als Fremdsprache — Didaktische und sprachwissenschaftliche Perspektiven*. Ústí nad Labem: Univerzita J. E. Purkyně v Ústí nad Labem, Filozofická fakulta; Wien: Praesens Verlag. 223—239. ISBN 1802-6419; ISBN 978-80-7561-227-4 (UJEP), ISBN 978-3-7069-1080-4 (Praesens Verlag). (In Germ).
- Yakobson, R. O. (1985). *Selected works*. Moscow: Progress. 460 p. (In Russ).
- Yakobson, R. O. (2001). In search of the essence of language. In: *Semiotics: An Anthology*. Moscow: Akademicheskiy Prospekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga. 111—129. ISBN 5-8291-0104-1, ISBN 5-88687-096-2. (In Russ).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода и стратегия письменного перевода : экспериментальное исследование / Т. А. Волкова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 55—73. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-55-73.

Volkova, T. A. (2021). Discourse and Communication Translation Model and Translation Strategy: an Experimental Study. *Nauchnyi dialog*, 9: 55-73. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-55-73. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-55-73

Дискурсивно-коммуникативная модель перевода и стратегия письменного перевода: экспериментальное исследование

Волкова Татьяна Александровна
orcid.org/0000-0002-9335-403X
кандидат филологических наук, доцент
tatia.volkova@gmail.com

Челябинский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Discourse and Communication Translation Model and Translation Strategy: an Experimental Study

Tatiana A. Volkova
orcid.org/0000-0002-9335-403X
PhD in Philology, Associate Professor
tatia.volkova@gmail.com

Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

© Волкова Т. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлено лонгитюдное опосредованное асинхронное процедурное экспериментальное исследование, цель которого — продемонстрировать корреляцию между дискурсивно-коммуникативной моделью перевода и стратегией письменного перевода. Проанализированы индивидуальные и взаимные ретроспективные комментарии испытуемых. Показано, что испытуемые оценивают реализованные в тексте решения с опорой на собственный перевод и собственные переводческие установки, отраженные и в индивидуальных, и во взаимных комментариях. Описаны выявленные в рамках эксперимента доминанты перевода: адресность текста (реципиент); стиль исходного текста; тип (жанр) исходного текста; тип (жанр) текста перевода; отдельные лингвистические особенности текста перевода; цели дискурса; узловые точки дискурса; ценности дискурса; функции коммуникации; типовые свойства коммуникации; коммуникативные стратегии. Установлено, что дискурсивно-коммуникативная модель перевода положительно влияет на степень детальности и системности анализа исходного текста, позволяет переводчикам принять более осознанные решения. Выявлено, что в случае, если изменения в тексте перевода продиктованы преимущественно стремлением переводчика внести правки при повторном обращении к тексту, эти изменения отражают описанные доминанты перевода. Сделан вывод, что модель опосредованно влияет на качество перевода в зависимости от степени реализации стратегии (с учетом дополнительных факторов).

Ключевые слова:

дискурсивно-коммуникативная модель перевода; стратегия перевода; переводческий эксперимент; комментарий к письменному переводу; доминанта перевода; дискурсивное досье; институциональный дискурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A longitudinal mediated asynchronous procedural experimental study is presented, the purpose of which is to demonstrate the correlation between the discourse and communication translation model and the translation strategy. Subjects' retrospective self- and peer commentaries are analyzed. It is shown that the subjects' evaluation of translation solutions implemented in the target text is based on their own translations and translating objectives, as reflected both in the self- and peer commentaries. The following translation dominants are revealed by the experiment: target text audience (recipient); source text style; source text type (genre); target text type (genre); individual linguistic features of the target text; discourse goals; discourse nodal points; discourse values; communication functions; typical properties of communication; and communication strategies. It is demonstrated that the discourse and communication translation model has a positive effect on the consistency and the degree of detail of source text analysis, and allows translators to make more informed decisions. It is noted that if changes in the target text are mainly caused by the translator's decision to make corrections when re-accessing the text, these changes reflect the described translation dominants. It is shown that the model indirectly affects the quality of translation, depending on the degree of implementation of the translation strategy, taking the additional factors into account.

Key words:

discourse and communication translation model; translation strategy; translation experiment; translation commentary; translation dominant; discursive profile; institutional discourse.

Дискурсивно-коммуникативная модель перевода и стратегия письменного перевода: экспериментальное исследование

© Волкова Т. А., 2021

1. Введение

В настоящем исследовании описываются ход и результаты лонгитюдного опосредованного асинхронного процедурного эксперимента. Его цель состоит в том, чтобы продемонстрировать взаимозависимость дискурсивно-коммуникативной модели перевода и стратегии письменного перевода. Используется корпус метаданных и переводов, которые выполнены испытуемыми без использования модели и с ее применением.

Гипотеза эксперимента состоит в следующем: дискурсивно-коммуникативная модель перевода структурирует процесс разработки переводчиком стратегии перевода и определяет принимаемые им решения на различных уровнях, при этом на реализацию стратегии перевода, выработанной на основе модели, могут влиять дополнительные факторы.

В данной статье описывается проведенное автором эмпирическое исследование, опирающееся в том числе на его предшествующие работы, содержащие обзор переводческих экспериментов [Волкова, 2018] и примеры экспериментов с использованием комментариев к письменному переводу [Волкова, 2020]. Концепция, положенная в основу настоящего исследования, и его ключевые понятия: дискурсивно-коммуникативная модель перевода, дискурсивное досье, стратегия перевода — подробнее описаны автором в [Волкова, 2016].

Для целей последующего изложения отметим, что дискурсивно-коммуникативная модель перевода содержит четыре уровня с набором параметров на каждом из них: уровень текста — лексико-семантические, синтаксические, стилистические, прагматические особенности исходного текста; авторство, адресность текста, нарратив; уровень дискурса — узловые точки дискурса, цели, ценности, тематика (поле), участники (направление), хронотоп, интердискурсивность (полидискурсивность); уровень коммуникации — функции, типовые свойства, стратегии коммуникации; уровень действительности — предметная ситуация, предметная область. Указанные параметры группируются в дискурсивное досье по результатам анализа исходного текста, чтобы сформулировать стратегию перевода.

Испытуемым предложен исходный текст общей тематики (описание новой модели смартфона, фрагмент); тип (жанр) текста может быть опреде-

лен как обзор, рецензия. Участники эксперимента — студенты факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета четвертого курса бакалавриата (далее — группа БАК), первого курса магистратуры (далее — группа МАГ.1), второго курса магистратуры (далее — группа МАГ.2). Итоговое число участников эксперимента — 20 человек. Предварительно испытуемые выполнили письменный перевод текста с английского языка на русский (версия перевода TR1), затем выполнили перевод того же исходного текста с применением дискурсивно-коммуникативной модели перевода (версия перевода TR2). Согласно инструкции, испытуемым необходимо письменно сформулировать на каждом из этапов эксперимента стратегию перевода (STR1, STR2), при этом на втором этапе при анализе исходного текста они должны опираться на предложенную модель. Переводы и комментарии испытуемых представлены здесь в оригинальной редакции.

Приведем предложенный для перевода исходный текст и коммуникативное (переводческое) задание. (Онлайн-ресурс, содержащий выбранный для перевода фрагмент, и официальный сайт производителя, указанный в коммуникативном (переводческом) задании, недоступны на момент публикации настоящей статьи.)

Переводческое задание: выполните перевод текста для русскоязычной версии официального сайта YotaPhone (<http://www.yotaphone.com>). Кратко сформулируйте свою переводческую стратегию.

YotaPhone Review — Specs & Features
of LCD & e-ink dual display Android Phone

Dual-screen phones have had only limited success so far. The main concern of dual-screen phones is battery performance as it feeds two large screens. To get better battery life from a smartphone, Moscow-based Yota Devices unveiled an Android smartphone named YotaPhone that has an LCD display on front and e-ink power-saving display on the back. It is the first Android Phone in the world to have dual screen: an LCD screen and an EPD (electronic paper display).

YotaPhone was showcased in January at CES 2013 and in Mobile World Congress 2013. It won the CES 2013 Award for its innovation. This stylish and slim phone has unique design with dual displays. Dual-screen improves usability and battery life. The difference between both displays is that e-ink display uses less battery power and can be viewed in bright sunlight. Both displays have different functions and purposes.

The LCD display is perfect for watching videos, playing games, browsing photos and other usual functions, while the electronic paper display is perfect for streaming information like messages, weather alerts, notifications & social network updates; reading content-rich news; browsing the internet, writing texts and checking emails. The e-ink display uses battery only when you refresh the screen.

The LCD and EPD are of same size: 4.3 inches with different resolutions. The color display comes with a resolution of 1280 x 720 pixels, and the black and white ePaper display has a resolution of 640 x 360 pixels. The screens are covered with scratch-resistant Corning Gorilla Glass.

Пилотное экспериментальное исследование с группой МАГ.2 (письменные переводы, индивидуальные комментарии испытуемых, реперные точки эксперимента) подробно описано нами ранее в статье [Волкова, 2019]. Испытуемым МАГ.1 и БАК необходимо было дополнительно прокомментировать работы друг друга внутри групп, таким образом, они выступали в роли переводчиков и редакторов. На каждом этапе (версии перевода TR1, TR2) предлагалось прокомментировать одну или несколько работ других испытуемых своей экспериментальной группы. Взаимные комментарии рассматривались нами с учетом следующих факторов: совпадает ли взаимный комментарий с оценками экспериментатора, дополняет ли их; переносит ли комментирующий (редактор) собственные установки во взаимные комментарии, реализованы ли установки редактора в его собственном переводе.

Далее проанализируем примеры комментариев испытуемых группы БАК, в частности, индивидуальный комментарий испытуемого У1.БАК (дискурсивное досье и стратегия перевода STR2) и взаимные комментарии (комментарии других участников к переводам испытуемого У1.БАК, комментарии этого испытуемого к переводам других участников).

2. Дискурсивное досье, стратегия перевода и взаимные комментарии испытуемых

В индивидуальном комментарии испытуемого У1.БАК учитываются уровни предложенной экспериментатором модели, переводчик осуществляет подробный анализ. Создавая дискурсивное досье, на уровне текста переводчик в первую очередь определяет жанр и стиль исходного текста («рецензия с элементами рекламы», «публицистический стиль»), затем указывает лексико-семантические («эмоционально-экспрессивная лексика», «обилие эпитетов (отчасти это необходимо для придания тексту рекламного характера)», «использование терминологии») и синтаксические особенности («короткие простые предложения, чередующиеся с “нагруженными” сложными», «уточняющие вставные конструкции»). Далее переводчик выделяет прагматические характеристики, среди которых «емкий цепляющий заголовок (выполняет рекламную функцию), имплицитное выражение авторской оценки, “доступность” изложения, несмотря на наличие терминологии». Авторство текста отмечается как неопределенное («автор текста не указан, может быть как индивидуальным, так и коллективным»), вероятно, этот вывод сделан переводчиком без обращения к гло-

бальному тексту, который мы рассматриваем вслед за И. С. Алексеевой (в ее трактовке исходный и глобальный текст соотносятся, например, как научная статья и журнал, в котором она опубликована [Алексеева, 2001, с. 150]). Заметим, что информация об авторе исходного текста доступна переводчикам, однако в ряде комментариев и другие испытуемые указывают, что автор текста неизвестен, допускают как индивидуальное, так и коллективное авторство. Адресность определяется переводчиком так: «Текст адресован широкому кругу читателей». Нарратив (данный термин применяется здесь в трактовке А. П. Чудинова [Чудинов, 2006, с. 73]) переводчик характеризует следующим образом: «текст соотносится со множеством подобных текстов (одного и того же жанра и тематики)».

Следующий уровень модели перевода связан с характеристикой дискурса: испытуемый определяет вид дискурса («медийный»), узловые точки («инновации, техника, новшество»), цели («распространение информации, воздействие на реципиента»), ценности («информативность, объективность, доступность, новизна»). Участники дискурса получают такие характеристики: «адресант — специалист в области информационных технологий, в курсе новых технических разработок», «адресат — широкий круг англоговорящих читателей, интересующихся последними техническими новинками, владеющих базовой для данной тематики терминологией, но не являющихся специалистами в данной сфере». Интересно соотношение в комментарии переводчика авторства, адресности (уровень текста) и категории участников дискурса: участникам испытуемый дал более подробную характеристику. Тематика дискурса определяется переводчиком как «информационные технологии, техника, электроника, смартфоны». Хронотоп характеризуется следующим образом: «коммуникация происходит в интернет-пространстве в наши дни (текст создан предположительно в 2013—2014 годах)».

На уровне коммуникации испытуемый выделяет следующие ее типовые свойства (испытуемым предложено выбрать параметры из списка, который составлен с опорой на терминологию и классификацию А. П. Чудинова [Современная политическая ..., 2009, с. 42—53]): «информативность, институциональность, общедоступность, диалогичность; также сочетаются редукционизм и полнота информации, стандартность и экспрессивность, явная и скрытая оценочность, агрессивность и толерантность» (обращает на себя внимание заключительная пара параметров). К функциям коммуникации переводчик относит «когнитивную, коммуникативную, побудительную, эмотивную, метаязыковую, фатическую». В категории коммуникативных стратегий выделена в качестве основной группа манипулятивных стратегий.

Описывая уровень действительности, испытуемый не характеризует отдельно предметную ситуацию и предметную область в индивидуальном комментарии, а повторяет переводческое задание («выполнить перевод текста для русскоязычной версии официального сайта») и далее отмечает, что «в тексте описываются некоторые технические характеристики и особенности функционала нового смартфона YotaPhone, его отличительные черты, а также приводится краткая информация о компании-производителе».

Стратегии перевода, составленные на первом и втором этапах эксперимента, испытуемый У1.БАК строит по схеме «трудности — решения», он предлагает детальное обоснование переводческих решений. В стратегии перевода STR2 испытуемый уточняет и дополняет стратегию перевода STR1 и описывает изменения, внесенные в версию перевода TR2 с опорой на дискурсивно-коммуникативную модель перевода. Приведем пример из индивидуального комментария:

«Синтаксические и лексико-грамматические трансформации — слияние двух предложений в одно, чтобы избежать семантической избыточности и тавтологии:

... *Moscow-based Yota Devices unveiled an Android smartphone named YotaPhone that has an LCD display on front and e-ink power-saving display on the back. It is the first Android Phone in the world to have dual screen: an LCD screen and an EPD (electronic paper display)* / Компания представила YotaPhone — первый в своём роде смартфон на базе Android, на фронтальной стороне которого находится жидкокристаллический экран (LCD), а на обратной — энергосберегающий экран на электронных чернилах (EPD).

При переводе рядов однородных членов ... герундий в оригинальном тексте [передан] глаголами, чтобы добавить тексту динамичности, сделать его более “живым”:

The LCD display is perfect for watching videos, playing games, browsing photos and other usual functions... / LCD-экран прекрасно подходит для того, чтобы играть в игры, просматривать видео, загружать фотографии и выполнять другие стандартные функции смартфона.

... Представлена более точная экспликация конструкции scratch-resistant Corning Gorilla Glass: *The screens are covered with scratch-resistant Corning Gorilla Glass* / Оба экрана защищены от царапин и повреждений высокопрочным стеклом Gorilla Glass от компании Corning».

Далее рассмотрим примеры взаимных комментариев. Версию перевода TR1 испытуемого У1.БАК комментирует участник, не представивший собственную версию перевода TR2. (В подобных работах в рамках эксперимента анализируются только взаимные комментарии). Общая оценка высокая: «Перевод очень хороший. Легко воспринимается читателем».

Редактор отмечает «интересный перевод заголовка» — «возможно, не самый точный вариант перевода, но образ телефона представляется»: Y1.БАК TR1: *YotaPhone Review — Specs & Features of LCD & e-ink dual display Android Phone / Обзор YotaPhone — характеристики и особенности «Телефона с двух сторон»*.

Использование прописных букв в заголовке остается без внимания редактора. Испытуемый Y1.БАК комментирует свое переводческое решение следующим образом: «для того, чтобы заголовок на языке перевода оставался таким же коротким и емким, как и на языке оригинала, [используется генерализация]: *LCD & e-ink dual display Android Phone* [заменяется на] “*телефон с двух сторон*”, ... неофициальное название смартфона *YotaPhone*, используемое в качестве слогана на официальном сайте компании».

Далее редактор положительно оценивает «полный развернутый эквивалент аббревиатуры CES», но отмечает, что «для сохранения единообразия перевода можно ... описать, что такое Mobile World Congress 2013».

Y1.БАК TR1: *YotaPhone was showcased in January at CES 2013 and in Mobile World Congress 2013 / YotaPhone был представлен на ежегодной выставке потребительской электроники CES в январе 2013 года и на выставке Mobile World Congress 2013*.

В следующем примере редактор указывает на нарушение узуса: «Не совсем удачно звучит выражение “получил награду за инновации” — возможно, он получил награду за инновационность или за инновационный дизайн».

Y1.БАК TR1: *It won the CES 2013 Award for its innovation / На выставке CES 2013 YotaPhone получил награду за инновации*.

Интересно, что испытуемый Y1.БАК, комментируя версию перевода TR1 того же участника, отдельно отмечает перевод этого же фрагмента: «очень понравился вариант перевода предложения»: *YotaPhone удостоился награды CES 2013 за лучший инновационный дизайн*.

Можно предположить, что ни переводчик, ни редактор не принимают во внимание официальное название упомянутой номинации *Best of Show* и прецедентные тексты, образующие соответствующий русскоязычный нарратив, ср. существующий вариант названия номинации «Лучший продукт».

Кроме того, в роли редактора испытуемый Y1.БАК комментирует в указанном переводе следующие решения: «Переводчик очень умело применил лексико-грамматические трансформации при переводе заголовка, ... заголовок получился кратким и емким, семантика не пострадала»:

YotaPhone Review — Specs & Features of LCD & e-ink dual display Android Phone / Обзор YotaPhone — технические характеристики Android-смартфона с двумя экранами: LCD и EPD.

В следующем примере, по мнению редактора У1.БАК, «очень удачно была применена экспликация»: *YotaPhone was showcased in January at CES 2013 and in Mobile World Congress 2013 / Презентация YotaPhone прошла в январе на Международной выставке потребительской электроники CES 2013 и выставке мобильной индустрии Mobile World Congress 2013.*

Остается незамеченной достаточно частотная ошибка при описании хронологии событий: Международная выставка потребительской электроники (CES) прошла в Лас-Вегасе в январе 2013 года, Всемирный мобильный конгресс — в Барселоне в феврале 2013 года.

Критические замечания редактора У1.БАК касаются выбора лексического соответствия / сочетаемости, нарушения в тексте перевода лексического единообразия; предложены варианты решений, исправлена речевая ошибка.

Комментируя версию перевода TR2 другого участника (У3.БАК), редактор У1.БАК высоко оценивает перевод и обращает внимание на положительную динамику TR1 — TR2 У3.БАК, отмечая «ряд переводческих решений, которые [представляются] более удачными по сравнению с первым переводом». Приведем его комментарий:

(1) «Семантически более верный перевод названия (речь идет о характеристиках телефона с двумя экранами, а не о характеристиках самих экранов)»:

YotaPhone Review — Specs & Features of LCD & e-ink dual display Android Phone.

У3.БАК TR1: *Обзор смартфона YotaPhone: технические характеристики и свойства LCD и EPD дисплеев двухэкранного смартфона на базе Android.*

У3.БАК TR2: *Обзор YotaPhone: технические характеристики и свойства смартфона на базе Android с LCD и EPD экранами.*

(2) «Более удачно было переведено первое предложение (передача английского времени Present Perfect через русское прошедшее)»:

Dual-screen phones have had only limited success so far.

У3.БАК TR1: *На сегодняшний день смартфоны с двумя экранами не пользуются большой популярностью.*

У3.БАК TR2: *До недавних пор смартфоны с двумя экранами не пользовались особой популярностью.*

(3) «Унификация терминологии (удачное решение — использовать слово “экран” во всем тексте, а также использовать латинские аббревиатуры, так текст не выглядит перегруженным)».

Последний комментарий отражает собственные установки редактора и соответствует переводческим решениям испытуемого У1.БАК в версии перевода TR2.

Кроме того, испытуемый У1.БАК предлагает правки в следующем примере:

(4) У3.БАК TR2: The LCD and EPD are of same size: 4.3 inches with different resolutions. The color display comes with a resolution of 1280 x 720 pixels, and the black and white ePaper display has a resolution of 640 x 360 pixels / LCD и EPD экраны имеют одинаковые параметры в 4.3 дюйма, но различаются разрешением: 1280 x 720 пикселей у цветного и 640 x 360 пикселей у черно-белого на электронных чернилах. Редактор рекомендует заменить «параметры» на «размер» («режет слух») и «добавить слово “экран” во вторую часть предложения, чтобы избежать эллиптической конструкции».

Отметим, что остается незамеченной точка в оформлении десятичной дроби, необоснованное введение (контекстуальных) синонимов при описании экранов, однако в целом внимание редактора к деталям и узуальности текста перевода отражает собственные переводческие установки испытуемого У1.БАК. Так, редактор указывает на достаточно частотную орфографическую ошибку — написание двух частей слова, на латинице и на кириллице, без дефиса; отмечает необходимость генерализации, чтобы «не перегружать и без того объемное предложение».

Таким образом, взаимные ретроспективные комментарии испытуемых служат дополнительной категорией метаданных для интерпретации результатов эксперимента, дополняют оценки экспериментатора, в ряде случаев совпадают с ними; подтверждают собственные установки комментирующих, обозначенные в индивидуальных комментариях, и позволяют выявить установки переводчика в тех случаях, когда они эксплицитно не выражены в индивидуальных комментариях.

Результаты экспериментальной апробации дискурсивно-коммуникативной модели перевода с привлечением индивидуальных и взаимных комментариев испытуемых в целом совпадают с нашими наблюдениями в процессе обучения переводчиков и позволяют говорить о некоторых общих тенденциях, часть из них описана ранее [Волкова 2020].

И в индивидуальных, и во взаимных комментариях испытуемые часто сосредоточены на менее значимых трудностях или традиционных языковых различиях, не всегда последовательны в заявленных в стратегии решениях; в ряде случаев анализ исходного текста не находит реализации в стратегии перевода.

Критические замечания и положительная оценка в комментариях редакторов косвенно свидетельствуют о сложностях при поиске решений, с которыми сами испытуемые столкнулись в процессе перевода, могут соответствовать изменениям, внесенным испытуемыми в собственные версии перевода TR2. Редакторы оценивают реализованные в тексте решения

с опорой на собственный перевод; предлагая альтернативные варианты, переносят в комментируемый текст перевода собственные переводческие решения, в том числе и ошибочные. В комментируемых переводах испытуемые видят далеко не все нарушения; сосредоточившись на менее значимых вопросах, они могут не заметить более серьезные ошибки либо неоднозначные переводческие решения.

Взаимные комментарии могут выражать эмоциональные оценки комментирующего, носить неформальный характер, содержать вопросы или обращения к переводчикам, выражать им благодарность, похвалу, поддержку. Испытуемые подбирают эвфемизмы в случае критической оценки («спорные моменты», «недочеты», «звучит неуместно», «режет слух», «замечания», «ложка дегтя»), используют эмодзи.

В следующем разделе рассмотрим доминанты перевода, выделенные на основе параметров модели по результатам эксперимента: параметры, которые испытуемые групп БАК, МАГ.1, МАГ.2 фиксируют в индивидуальных и взаимных комментариях; параметры, которые можно выявить на основе анализа положительной динамики TR1–TR2; макропараметры модели на уровне дискурса и коммуникации.

3. Доминанты перевода

В комментариях испытуемые обращают внимание на прогнозируемые потребности потенциального реципиента (адресата), ср.: «покупатель, заинтересованный как в высокотехнологичности, так и в функционале продукта»; «люди, которые интересуются современными технологиями и хотят приобрести новый телефон, [следовательно], переведенный текст должен быть прост и понятен каждому, ... должен заинтересовать потенциального покупателя». В ряде случаев переводчики предлагают детальные описания адресата, ср.: «Потенциальный покупатель ... молодой человек до 35—40 лет, ведущий активный образ жизни, который вынужден много общаться, для чего ему необходим продвинутый гаджет, соответствующий всем современным требованиям и способный заменить ряд других электронных устройств» (У6.МАГ.1).

Испытуемые отмечают рекламный характер исходного текста / текста перевода, побудительную функцию коммуникации (текста): «емкий цепляющий заголовок (выполняет рекламную функцию)»; «текст отчасти носит рекламный характер, одна из его целей — привлечь потенциальных покупателей, [что влияет] на выбор лексики (например, большое количество прилагательных), соблюдение регистра»; «стилистически окрашенная лексика, направленная на реципиента рекламного текста»; «усиление “рекламных акцентов”»; «предложение хорошо воспринимается на слух и

включает в себя детальное описание, необходимое для рекламы»; «текст действительно получился очень живым и ярким: это сплетение обзора передового отечественного гаджета и рекламных ходов, которые, в свою очередь, должны повысить уровень продаж данного чудо-устройства»; «лаконичность заголовка [побуждает] реципиента прочитать текст, [приобрести товар]»; «проинформировать читателя, повлиять на желание потенциального покупателя купить товар».

Испытуемые подчеркивают в комментариях легкость восприятия, доступность, привлекательность как необходимые свойства текста перевода: «сделать текст [перевода] более легким для чтения, упростить восприятие»; «создать [в тексте перевода] последовательную цепь повествования, где одно вытекает из другого»; «перевод текста читается очень легко, [переводчику] удалось прорекламировать товар»; «перевод очень хороший, легко воспринимается читателем»; «[принятое решение] сделало текст более “плавным” и легким в прочтении»; «четко, ясно и без тяжелых сложноподчиненных конструкций»; «живое и динамичное предложение с использованием нужных терминов гаджетмира»; «хорошо известный [реципиенту] термин, привлечет внимание»; «замечательное использование компьютерных терминов, что делает предложение более динамичным»; «англоязычные аббревиатуры ... переданы с расшифровкой, что облегчает понимание для реципиента»; «переводчик выбрал подходящее слово — демонстрация, [это] украшает текст и привлекает внимание читателей». Указанные свойства текста рассматриваются в комплексе и влияют на переводческие решения.

К доминантам перевода можно отнести стиль исходного текста (публицистический); тип (жанр) исходного текста (определяется испытуемыми как обзор, статья, пресс-релиз; рекламный текст, рецензия с элементами рекламы); тип (жанр) текста перевода, ср.: «Исходя из переводческого задания, текст перевода создан с максимальным соответствием лексическим, терминологическим, грамматическим особенностям статей, размещенных на [официальном сайте производителя]» (У2.МАГ.2).

Исследование положительной динамики TR1 — TR2 указывает на следующие доминанты перевода: легкость восприятия, ориентацию на реципиента, доступность, рекламный характер текста — вносимые испытуемыми изменения подтверждают выявленные в индивидуальных и взаимных комментариях доминанты.

Мы также полагаем, что доминанты перевода определяются макропараметрами модели на уровнях дискурса и коммуникации, отличающих дискурсивно-коммуникативную модель перевода от существующих переводческих концепций, ср.: «Ситуации, в которых читатели получают исходный текст и текст перевода, практически идентичны: [принято решение] максимально

сохранить [при переводе] особенности исходного текста на уровне дискурса и коммуникации, [поскольку] именно эти уровни модели отражают глобальные параметры ситуации, в которой действует текст» (У1.МАГ.2).

В комментариях испытуемых примерно в одной трети случаев определен конкретный вид институционального дискурса: массово-информационный (медийный, публицистический), рекламный. В ряде случаев тип дискурса (институциональный) не определен, но «институциональность» указана в типовых свойствах коммуникации.

Цели дискурса определяются испытуемыми следующим образом: «информативная, рекламная»; «проинформировать читателей данного интернет-ресурса о функциях такой технической новинки, как YotaPhone, продать товар»; «привлечь внимание читателя к достоинствам нового телефона»; «представить все отличительные особенности и преимущества устройства, опровергнуть опасения по поводу главного отличия — двух экранов»; «презентация нового товара»; «информирование, формирование заинтересованности»; «реклама товара с целью увеличения спроса»; «распространение информации, воздействие на реципиента». В целом частотные цели дискурса, выделенные испытуемыми, можно свести к следующим: «информировать», «рекламировать», «привлечь».

Узловые точки дискурса, отмеченные участниками эксперимента, можно представить следующим списком: «инновационные технологии, удобство, доступность, развитие, знание, информация»; «технология, инновация, технический прогресс»; «информирование, влияние, убеждение»; «инновационность, эффективность, дизайн, эксклюзивность»; «информативность, актуальность, маркетинг»; «продукт, товар, преимущества»; «функциональность, инновационность».

Ценности дискурса представлены испытуемыми так: «восприятие новой информации», «значимость развития современных технологий», «значимость коммуникации и обмена информацией»; «уникальность дизайна и функционала устройства»; «информация и знание»; «технологичность, инновационность, удобство»; «бренд-менеджмент»; «информативность, объективность, доступность, новизна»; «достоверность, доступность, привлекательность».

В одном из комментариев узловые точки и ценности дискурса совпадают. В отдельных случаях можно говорить о том, что данные параметры характерны для указанного испытуемыми вида институционального дискурса в целом. Частотные узловые точки дискурса можно свести к следующим: «инновации», «информация», «технологии», «маркетинг»; частотные ценности дискурса: «информация», «функциональность», «привлекательность», «уникальность».

Доминирующими функциями коммуникации в комментариях испытуемых являются побудительная и когнитивная, доминирующими типовыми свойствами коммуникации — информативность (преобладает), и далее примерно в равной степени представлены общедоступность, экспрессивность и явная оценочность. Коммуникативные стратегии определены в комментариях испытуемых примерно в одной трети случаев, при этом к доминирующим можно отнести воздействие (манипуляцию); информирование; позиционирование. Прослеживается связь доминирующих целей, узловых точек и ценностей дискурса, функций, типовых свойств и стратегий коммуникации.

Таким образом, испытуемые апеллируют к следующим уровням модели перевода: уровню текста — определяется стиль исходного текста, тип (жанр) исходного текста, тип (жанр) текста перевода; оценивается легкость восприятия, доступность, привлекательность текста перевода; уровню дискурса — устанавливаются цели дискурса («информировать», «рекламировать», «привлечь»), узловые точки дискурса («инновации», «информация», «технологии», «маркетинг»), выявляются ценности дискурса («информация», «функциональность», «привлекательность», «уникальность»); уровню коммуникации — отмечаются функции коммуникации (побудительная, когнитивная), типовые свойства коммуникации (информативность, общедоступность, экспрессивность, явная оценочность), определяются ее стратегии (воздействие, информирование, позиционирование). Доминанты перевода закономерно пересекаются на уровнях модели, образуют комплекс характеристик, ср. ориентацию на реципиента и рекламный характер текста.

Доминантами перевода могут выступать лингвистические особенности исходного текста (какие характеристики нужно обязательно передать при переводе) и / или текста перевода (какими характеристиками должен обладать текст перевода). В общем виде список параметров для выявления доминант перевода может быть представлен следующим образом: адресность текста (реципиент); стиль исходного текста; тип (жанр) исходного текста, тип (жанр) текста перевода; отдельные лингвистические особенности исходного текста и / или текста перевода; цели дискурса; узловые точки дискурса; ценности дискурса; функции коммуникации; типовые свойства коммуникации; коммуникативные стратегии.

4. Заключение

Результаты лонгитюдного экспериментального исследования (группы МАГ.2, МАГ.1, БАК) можно резюмировать следующим образом.

(1) Положительная динамика при переходе от версии перевода TR1 к версии перевода TR2 выражается, в частности, в следующем: внесены

изменения в перевод заголовка; устранены нарушения узуса, стилистические недочеты, случаи снижения регистра, избыточность; исправлены нарушения согласования, сочетаемости; устранены неточности, неясности; обеспечивается лексическое единообразие, в том числе терминологическое; использованы экспликация, амплификация; усилены «рекламные акценты»; использованы синтаксические трансформации, устранены повторы; выстроены логические связи в тексте перевода, в результате чего он легче читается. Кроме того, устраняются следующие нарушения, если они были допущены: ошибка при описании хронологии событий, необоснованная конкретизация, искусственные связи (противопоставления), ошибка в оформлении дробей, орфографические ошибки.

Однако в ряде случаев нарушения сохраняются или возникают при переходе от версии TR1 к версии TR2, среди них фактические ошибки; неясности; неточности; избыточность; нарушения узуса, сочетаемости, согласования; сложная конструкция заголовка; необоснованные опущения / дополнения; лексические кальки; необоснованное введение синонимов; неоднозначные решения при передаче имен собственных; нарушение единообразия; необоснованное использование аббревиатур; смешение кириллицы и латиницы; сложные синтаксические конструкции; синтаксические кальки; необоснованные синтаксические трансформации; повторы; нарушение логических связей, искусственные противопоставления; непонимание предметной области; несоответствие стилю текста, канцелярит; ошибки в оформлении числительных; орфографические и пунктуационные ошибки, опечатки; небрежность. Более тщательная проверка и поиск информации позволили бы испытуемым избежать 1) ошибок выбора лексического соответствия; 2) неясности при указании на хронологию событий; 3) неточности в названии номинации (награды) при наличии прецедентного варианта. В ряде случаев переводческие решения связаны преимущественно с обращением к параллельным / прецедентным текстам. Ряд переводческих решений не поясняется, изменения в версии перевода TR2 скорее носят несистемный характер. В ряде случаев заявленные решения не находят реализации в переводе, положительная динамика TR1 — TR2 отсутствует.

Мы предположили, что дискурсивно-коммуникативная модель перевода структурирует процесс разработки переводчиком стратегии перевода и определяет принимаемые им решения на различных уровнях, при этом на реализацию выработанной на основе модели стратегии перевода могут влиять дополнительные факторы. По результатам экспериментального исследования и на пилотном, и на завершающем этапах можно заключить, что дискурсивно-коммуникативная модель перевода позволяет точнее

оценить и детальнее проанализировать исходный текст, более осознанно подойти к изучению структуры, стилистики, прагматики текста перевода, выделить доминанты перевода. Однако в ряде случаев подробный анализ исходного текста по модели не находит реализации в стратегии перевода (переводческих решениях) и не позволяет добиться существенных улучшений в версии перевода TR2. Модель не заменяет общей профессиональной квалификации переводчика, не отменяет необходимого уровня владения родным языком (ср. разделение переводческих ошибок на допущенные «в процессе и по причине перевода» и «в процессе, но не по причине перевода» в концепции Е. А. Княжевой [Княжева, 2012, с. 173]); умения выстраивать причинно-следственные и иные логические связи, владения приемами перевода, знания правил орфографии и пунктуации, умения использовать необходимые для выполнения перевода параллельные тексты и справочные ресурсы. Ошибки переводчиков нередко носят системный характер и остаются незамеченными при работе над версией перевода TR2.

К дополнительным, влияющим на реализацию выработанной на основе модели стратегии перевода, можно отнести следующие факторы:

(1) Компетенцию переводчика, в данном случае — недостаточное владение технологией перевода (не установлены связи между «что нужно сделать» и «как это сделать»), нормами и узусом языка перевода; ср. отсутствие положительной динамики TR1 — TR2 в отношении ряда параметров: фактические ошибки, неясности, неточности, избыточность, нарушения сочетаемости, согласования, узуса; нарушение единообразия, нарушение логических связей; непонимание предметной области; ошибки в употреблении / оформлении числительных; канцелярит; орфографические и пунктуационные ошибки; опечатки; небрежность; недостаточная проверка и поиск информации. В ряде случаев исправление одной ошибки ведет к возникновению другой; не соблюдаются собственные установки переводчика.

(2) Разные интерпретации исходного текста испытуемыми, что закономерно влияет на переводческие решения, например, использовать или не использовать эмоциональную (оценочную) лексику, ср. индивидуальные комментарии У4.МАГ.2, У5.МАГ.1, У8.БАК:

У4.МАГ.2: «Так как публицистический стиль речи служит для воздействия на людей через СМИ, соблюдать [при переводе] логичность и оценочность ... Автор текста коллективный. Решение: не вводить личные местоимения и личностные оценки».

У5.МАГ.1: «Дать наиболее полную информацию о продукте для его рекламы и ознакомления с ним, [используя] оценочную лексику и перечисление преимуществ товара».

У8.БАК: «Сохраняем публицистический стиль, непредвзятость, избегая оценочных суждений и эмоционально окрашенной лексики».

(3) Внешние и внутренние факторы, остающиеся за пределами эксперимента: в ряде случаев мы можем предположить, что выработанная на основе модели стратегия перевода не реализована из-за недостаточной мотивации испытуемых, несоблюдения сроков и, как следствие, отсутствия времени на выполнение задания.

Представляется, что отношения «дискурсивно-коммуникативная модель перевода — стратегия перевода» могут быть экстраполированы на отношения «дискурсивно-коммуникативная модель перевода — стратегия перевода — качество перевода». В этой логике можно заключить, что, поскольку модель определяет стратегию перевода, она опосредованно влияет на качество перевода в зависимости от степени реализации стратегии (с учетом дополнительных факторов), повышая качество перевода в целом (в случае полной реализации стратегии перевода) или в части отдельных параметров (в случае частичной реализации стратегии перевода). Отметим, что стратегия перевода может не иметь самостоятельной практической ценности, если качество перевода не повышается хотя бы по каким-то отдельным параметрам, однако обладает дидактической ценностью, позволяя переводчику понять, что нужно сделать в процессе перевода, и решить, как это сделать.

В отношении характера использования модели, описанного в комментариях эксплицитно либо имплицитно, мы можем подтвердить основные тенденции, выявленные на пилотном этапе экспериментального исследования, с возможностью их комбинации.

Во-первых, как мы и предположили, дискурсивно-коммуникативная модель перевода функционирует как аналитический инструмент переводчика: испытуемые указывали, что модель оптимизирует (упрощает) процесс перевода, позволяет «дополнить общее представление о тексте», «лучше понять автора». Модель вписывается в челночный характер процесса письменного перевода.

Во-вторых, можно говорить об эффекте второго прочтения, под которым мы понимаем стремление переводчика внести изменения в собственный перевод при повторном обращении к нему. Как следует из комментариев испытуемых, изменения в версию перевода TR2 вносятся с целью привести текст перевода в соответствие с лексическими конвенциями в текстах на сайте производителя или иных параллельных / прецедентных текстах, уточнить смысл, облегчить чтение текста перевода, устранить лексические и стилистические недочеты. Мы установили, что изменения в этом случае не носят стихийный характер, а отражают описанные выше доминанты перевода.

Комментарии испытуемых указывают на то, что дискурсивно-коммуникативная модель перевода в определенной степени повлияла на глубину и системность анализа ими исходного текста, позволила им принять более осознанные решения. В то же время комментарии испытуемых свидетельствуют о необходимости процедурного сопровождения процесса применения модели в обучении переводчиков, чтобы сделать ее использование более последовательным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика / И. С. Алексеева. — Санкт-Петербург : Союз, 2001. — 288 с. — ISBN 5-94033-040-1.
2. Волкова Т. А. Комментарий к письменному переводу в обучении переводчиков : вопросы методики и экспериментальные исследования / Т. А. Волкова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. — 2020. — № 1. — С. 118—129. — DOI: 10.15593/2224-9389/2020.1.11.
3. Волкова Т. А. От модели перевода к стратегии перевода / Т. А. Волкова. — Москва : Флинта : Наука, 2016. — 304 с. — ISBN 978-5-9765-2821-5 (Флинта), 978-5-02-039280-9 (Наука).
4. Волкова Т. А. Переводческий эксперимент и развитие экспериментального переводоведения в российской науке о переводе / Т. А. Волкова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2018. — Т. 17. — № 4. — С. 102—116. — DOI: 10.15688/jvolsu.
5. Волкова Т. А. Экспериментальная апробация дискурсивно-коммуникативной модели перевода в письменном переводе : пилотное исследование / Т. А. Волкова // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 444. — С. 27—37. — DOI: 10.17223/15617793/444/3.
6. Князева Е. А. Переводческий анализ текста и качество перевода / Е. А. Князева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2012. — № 1. — С. 170—174.
7. Современная политическая коммуникация / отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2009. — 292 с. — ISBN 978-5-7186-0420-7.
8. Чудинов А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — ISBN 5-89349-897-6 (Флинта).

MATERIAL RESOURCES

- Alekseeva, I. S. (2001). *Professional training of a translator*. St. Petersburg: Soyuz. 288 p. ISBN 5-94033-040-1. (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2006). *Political linguistics*. Moscow: Flinta: Nauka. 256 p. ISBN 5-89349-897-6 (Flinta). (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (ed.). (2009). *Modern political communication*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 292 p. ISBN 978-5-7186-0420-7. (In Russ.).
- Knyazheva, E. A. (2012). Text analysis for translation and quality of translation. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication, 1*: 170—174. (In Russ.).

- Volkova, T. A. (2016). *From translation model to translation strategy*. Moscow: Flinta: Nauka. 304 p. ISBN 978-5-9765-2821-5 (Flinta), 978-5-02-039280-9 (Nauka). (In Russ.).
- Volkova, T. A. (2018). Translation experiment and the development of empirical translation research in Russian translation studies. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 17 (4): 102—116. DOI: 10.15688/jvolsu. (In Russ.).
- Volkova, T. A. (2019). Testing a discourse and communication translation model: a pilot translation experiment. *Tomsk State University Journal*, 444: 27—37. DOI: 10.17223/15617793/444/3. (In Russ.).
- Volkova, T. A. (2020). Translation commentary in translator training: teaching and learning challenges and translation experiments. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 1: 118—129. DOI: 10.15593/2224-9389/2020.1.11. (In Russ.).

Грудева Е. В. Лингвистические и экстралингвистические аспекты изучения современных русскоязычных рэп-текстов / Е. В. Грудева, А. А. Дивеева // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 74—97. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-74-97.

Grudeva, E. V., Diveeva, A. A. (2021). Linguistic and Extralinguistic Aspects of Study of Modern Russian Rap Texts. *Nauchnyi dialog*, 9: 74-97. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-74-97. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-74-97

Лингвистические и экстралингвистические аспекты изучения современных русскоязычных рэп-текстов

Грудева Елена Валерьевна
orcid.org/0000-0003-2688-4433
доктор филологических наук,
профессор
заведующий кафедрой отечественной
филологии и прикладных
коммуникаций
evgrudeva@chsu.ru

Дивеева Алина Альбертовна
orcid.org/0000-0001-9692-3886
аспирант кафедры отечественной
филологии и прикладных
коммуникаций
alina-diveeva@yandex.ru

Череповецкий государственный
университет
(Череповец, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 20-112-50270

Linguistic and Extralinguistic Aspects of Study of Modern Russian Rap Texts

Elena V. Grudeva
orcid.org/0000-0003-2688-4433
Doctor of Philology, Professor
Head of Department of Russian Philology
and Applied Communications
evgrudeva@chsu.ru

Alina A. Diveeva
orcid.org/0000-0001-9692-3886
Post-graduate student
Department of Russian Philology
and Applied Communications
alina-diveeva@yandex.ru

Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)

Acknowledgments:
The reported study
was funded by RFBR
project number 20-112-50270

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен обзор современных отечественных и зарубежных лингвистических исследований рэп-текстов. Рассмотрены особенности рэпа как части глобальной хип-хоп-культуры. Приведены доказательства того, что рэп-текст как составляющая рэп-культуры является доминантой субкультуры, а отечественный рэп представляет собой аутентичное явление. Показано, что за последнее двадцатилетие подходы к изучению русскоязычных рэп-текстов становятся более разнообразными. Выявлены основные лингвистические аспекты изучения рэп-текстов (лексикон рэперов, сленгизмы, интертекстуальные включения, гендерные особенности, паронимическая аттракция). Новизна исследования видится в том, что уточнен статус рэп-текста как объекта лингвистического исследования, а также созданы ориентиры для дальнейшего практического анализа этого типа текста. Впервые освещён ряд работ зарубежных учёных, которые ранее не были представлены в отечественном научном пространстве и которые определяют новые перспективы в изучении русскоязычного рэп-текста. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам о статусе рэп-текста, его жанровых особенностях. Авторы статьи утверждают, что ведущим механизмом текстопорождения в русскоязычном рэпе является паронимическая аттракция, что дает основания рассматривать рэп-текст как художественный текст.

Ключевые слова:

хип-хоп; рэп-культура; рэп-текст; экстралингвистические факторы; лингвистические аспекты изучения рэп-текстов; художественный текст; жанр.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An overview of modern domestic and foreign linguistic studies of rap texts is presented. The features of rap as part of the global hip-hop culture are considered. The proof is given that rap text as a component of rap culture is the dominant of the subculture, and domestic rap is an authentic phenomenon. It is shown that over the past twenty years, the subject of research in the field of studying Russian-language rap texts has become more diverse. The main linguistic aspects of the study of rap texts (lexicon of rappers, slangisms, intertextual inclusions, gender characteristics, paronymic attraction) are revealed. The novelty of the research is seen in the fact that the status of rap text as an object of linguistic research has been clarified, and guidelines have been created for further practical analysis of this type of text. For the first time, a number of works by foreign scientists that have not previously been presented in the domestic scientific space and which define new perspectives in the study of the Russian-language rap text are highlighted. Particular attention is paid to debatable issues about the status of rap text, its genre features. The authors of the article argue that the leading mechanism of text generation in Russian-language rap is paronymic attraction, which gives reason to consider rap text as a literary text.

Key words:

hip-hop; rap culture; rap text; extralinguistic factors; linguistic aspects of studying rap texts; artistic text; genre.

Лингвистические и экстралингвистические аспекты изучения современных русскоязычных рэп-текстов

© Грудева Е. В., Дивеева А. А., 2021

1. Введение

Рэп-культура представляет собой противоречивое и не имеющее системного описания в отечественной науке направление современного искусства, несмотря на постоянно растущий корпус рэп-текстов, включающий более 60 000 треков, принадлежащих ~1800 авторам [Карпушкин и др., 2018]. Оценки рэпа как культурного явления носят полярный характер [Луковников 2019], что объяснимо, поскольку и сама рэп-культура очень неоднородна. В лингвистической науке на данный момент имеется лишь несколько русскоязычных обзоров литературы, посвященной изучению современного зарубежного и / или российского рэп-текста, в том числе специфике научного анализа этого типа текста [Василевич, 2019; Завалишин и др., 2020; Янченко, 2020]. В целом корпус научных работ о рэп-текстах, в отечественной науке только начинает складываться, тогда как в зарубежной науке изучение хип-хоп- / рэп-культуры началось почти сразу после её появления, в 90-е годы XX века. Так, например, книга Триши Роуз «Чёрный шум: рэп-музыка и чёрная культура в современной Америке» о политике городской культуры и расовой политике рэпа, была выпущена в 1994 году [Rose, 1994]. Зарубежные публикации о рэпе и хип-хоп-культуре в целом (диссертации, монографии, научные статьи, научно-популярные книги) оказываются практически не изученными отечественными исследователями и представляют особый интерес для занимающихся изучением рэп-культуры в нашей стране.

Цель статьи — представить обзор современных отечественных и зарубежных исследований, посвящённых рэп-тексту и рэп-культуре в целом как феномену глобальной массовой культуры. В соответствующих разделах мы обратимся к смысловому наполнению понятий «хип-хоп-культура» и «рэп / рэп-культура» в философских и лингвистических трудах, охарактеризуем дискуссионные вопросы о статусе рэп-культуры и рэп-текста в отечественной и зарубежной научной литературе, определим основные аспекты изучения рэп-текстов в лингвистике, рассмотрим рэп-текст как художественный текст и выделим его жанрово-стилистические особенности.

Систематизация различных исследований в области рэпа позволяет более чётко выявить особенности рэп-текста как особого словесного жан-

ра современной культуры, который включает в свой арсенал различные способы языковой категоризации окружающей действительности.

2. Проблемы описания хип-хоп- и рэп-культуры

Рассмотрение феномена рэп-культуры предполагает обращение к понятию субкультуры в социогуманитарном аспекте. Анализ понятия «субкультура» с точки зрения философии позволяет выявить два основных подхода к этому феномену. Согласно одному из них, субкультура рассматривается с позиции тех или иных отличительных особенностей выделяющейся в обществе группы: системы норм и ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей (например, молодёжные субкультуры в контексте национальной культуры) [Гусев, 2005; Петрова, 2010]. Согласно другому подходу, каждая субкультура, имея свою систему ценностей, коммуникативную среду, входит в общую систему культуры [Щепанская, 2004], то есть рассматривается как способ локализации национальной культуры в составе более «крупной» культуры — глобальной. В связи с этим можно сказать, что рэп-культура выступает способом отражения определённого уровня исторического развития общества, творческих сил, возможностей и способностей человека.

В зарубежных исследованиях рэп преимущественно рассматривается как часть хип-хоп-культуры. Соотношение данных понятий определяется нами следующим образом: хип-хоп-культура включает в себя, помимо рэпа, культуры диджеев, танца, граффити. Хип-хоп-культура — более широкое понятие, чем рэп-культура, хип-хоп — это то, что определяет образ жизни рэпера.

Кроме того, рэп изучается преимущественно с позиции культурологии. В этом отношении особенно актуальным оказывается рассмотрение рэпа как явления глобальной культуры, а также факторов, обусловивших его появление.

Одно из направлений в зарубежных исследованиях связано с осмыслением предпосылок появления и развития хип-хопа и рэп-культуры. Так, в статьях Альберта Шаренберга «Глобализм и национализм в афро-американском хип-хопе» и Арно Шольца «Культурная гибридность и стратегии присвоения на примере романского рэпа под влиянием Франции» культура хип-хопа и музыкальное явление рэпа рассматриваются как культурные феномены, возникшие в качестве ответа на глобализацию, то есть как продукт процесса культурной гибридизации [Scharenberg, 2004; Scholz, 2004]. Появление в обществе глобальной субкультурной модели рэпа обусловлено увеличением пространственной сегрегации и экономической маргинализации социальных классов и этнических групп, в частности чернокожих

американцев, а также «запуском» процесса экономической реструктуризации, ведущей к укреплению исключительных прав американского общества [Scharenberg, 2004]. А. Шаренберг утверждает, что основной идеей культурного глобализма для рэп-культуры является «геттоцентризм» как символ протеста, связанный в первую очередь с расовой дискриминацией [Ibid.].

В связи с рассмотрением явления рэп-культуры / хип-хоп-культуры как глобального явления в зарубежных работах появляется понятие «хип-хоп-нация» [Global Linguistic Flows, 2008, S. 1; Langisch, 2012, S. 3]. Хип-хоп-нация — это «глобальное» хип-хоп-сообщество, имеющее определённые коды культуры и «мировой язык» [Langisch, 2012]. Введение понятия «хип-хоп-нация» обусловлено также и схожей историей появления рэп-культуры / хип-хоп-культуры в той или иной стране: по мнению исследователей, которые используют указанный термин, в любой стране хип-хоп-культура так или иначе реализует идею «глобального геттоцентризма». Так, в Германию рэп-культура приходит из США в 80-х годах. Рэп-культура появляется в среде подростков-мигрантов из Турции, так как именно им, как и молодёжи американских гетто, в большей мере знакома дискриминация, в связи с которой у них и возникает ощущение исключительности (избранности) [Kimminich, 2004; Klein et al., 2003; Langisch, 2012].

Для отечественной рэп-культуры понятие хип-хоп-нации оказывается менее актуальным. Несмотря на то, что рэп-культура в нашей стране также появляется в конце 80-х годов как заимствование афроамериканской культуры, уже к середине 90-х годов русский рэп становится политизированным, но это вызвано не «геттоцентричностью», а социально-экономическим положением страны в 90-е годы. Противопоставляя себя русскому року, который перестаёт быть запрещённым (см. об этом выпуски аналитической телепередачи «Уроки русского» З. Прилепина: «В игре наверняка что-то не так ...»; «Русский рэп: от Ротару до Face»), рэп пытается не только занять субкультурные позиции, но и стать выразителем протеста, национальным голосом молодёжи (а это более значимо, чем идея «геттоцентризма»). Можно сказать, что идея «хип-хоп-нации» оказалась переосмыслена в отечественном рэпе: речь идёт о «сообществе» («ZM Nation» (лидер — Алексей Долматов — Guf и др.), где ZM является сокращением от *Замоскворечье*, а это «концептуально значимый» район для русской классической литературы (вспомним произведения А. Н. Островского и И. С. Шмелёва; здесь жили А. Н. Радищев, А. А. Фет, А. А. Григорьев, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, С. А. Есенин, М. И. Цветаева и др.).

Традиционным является рассмотрение рэп-культуры как молодежной субкультуры. Так, например, в статье «Лингвистика хип-хопа, уличная культура и мужественность гетто» Розы Райтсамер и Райнера Про-

копа раскрывается социальное и политическое значение транслокальной культурной практики молодых, родившихся и выросших в Австрии, мужчин-рэперов второго поколения [Reitsamer et al., 2013]. Как молодёжная субкультура рэп рассматривается и в докторской диссертации «Слова и винил (коммуникативные аспекты рэп-музыки в Германии)» Тины Цейзе. Исследователь характеризует рэп как «неотъемлемую часть гибридной и перформативной молодежной культуры с многочисленными глобальными и локальными влияниями», а также доказывает, что рэп-музыке свойственны многочисленные перформативные приемы, практики и обряды, обычно недоступные взрослым посторонним, но выполняющие в молодежной культуре важные конституирующие, социальные и коммуникативные функции [Zeise, 2006].

В современной отечественной гуманитарной науке русский рэп исследуется в философском [Иванов, 2012; Коробов-Латынцев, 2016; Ключков, 2020], педагогическом (с отрицанием рэпа как продуктивного явления) [Есаков и др., 2016], политико-культурологическом [Фролова, 2015], социолого-этнологическом [Венцель и др., 2017] аспектах, а также с позиций массовой коммуникации [Фадеева, 2016].

Рэп-текст является формой словесной репрезентации рэп-культуры. Текстовая (вербальная) составляющая является доминирующей в рэп-композиции, так как именно текст служит выражением коммуникативных стратегий исполнителя, отражает основные смысловые доминанты. В связи с этим тексты песен в стиле рэп, или рэп-тексты, всё чаще становятся объектом лингвистических исследований разного рода.

3. Лингвистические аспекты изучения рэп-текстов

Диссертационные исследования языковых особенностей рэпа в российском научном пространстве пока немногочисленны, выполнены на материале разных языков и преимущественно с использованием лингвокультурологического и лингвокогнитивного подходов: «Лингвокультурные характеристики афроамериканского рэп-дискурса» [Богданов, 2007], «Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе» [Дуняшева, 2012], «Прагмалингвистические характеристики маскулинного дискурса (на материале текстов рэперов Германии)» [Чурушкина, 2012].

Ряд диссертационных исследований посвящен изучению лексикона хип-хоперов, рэперов, в том числе сленга как яркой черты языка рэперов: «Лингвистические особенности языка представителей хип-хоп культуры» (материалом исследования послужили тексты песен англоязычных и русскоязычных исполнителей) [Колесников, 2016]; «Сленг как средство

субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп-текстах» [Кожелупенко, 2009].

Обзор лингвистических работ показывает, что за последнее двадцатилетие предметом научных исследований языка рэперов становятся самые разные характеристики соответствующих текстов: жанровые, когнитивные, стилистические и др. В период с 2000 по 2010 годы внимание исследователей сосредоточено на конструировании концептосферы языковой личности рэпера [Шевченко, 2009а] и его слушателя (подростка) [Титоренко, 2003]. В это же время появляются первые работы о жанре рэпа, выполненные на материале англоязычного молодёжного дискурса [Шевченко, 2009б].

В 2010—2015 годах исследуется субкультурный лексикон русскоязычного рэпера [Андреев, 2011а; Андреев, 2011б], появляются первые работы о «провинциальном» российском рэпе, о базовых концептах, отражающих значимые региональные субкультурные реалии [Андреев, 2012]. Кроме того, исследователи продолжают рассматривать жанровую специфику субкультуры рэпа — при изучении трансформации постфольклорных жанров (на материале субкультуры диггеров) [Андреев, 2010]; при сопоставлении рэп-культуры и фильмов-сказок в художественном дискурсе [Тульнова, 2013]. Результатами этих исследований становится выявление специфического фрагмента языковой картины мира носителей субкультуры [Андреев, 2010], а также признание факта адаптации глобальной культуры к русской культуре на содержательном, ценностном и формально-языковом уровнях [Тульнова, 2013].

Современный этап лингвистических исследований в сфере рэп-текстов связан с дальнейшим поиском ответов на вопрос, что представляет собой рэп как художественный текст и как жанр. Особенно актуальными в этом отношении становятся исследования, посвящённые рэп-батлам [Бутурлин, 2020; Лассан, 2018], интертекстуальным включениям [Летохо, 2019], сопоставлению рэпа и рока [Русская рок-поэзия ..., 2020]. Продолжают появляться работы и об особенностях стилистики рэп-текстов [Исаев и др., 2020; Карпушкин и др., 2018].

Особое направление в отечественной науке, которое становится всё более популярным в последние годы, связано с изучением и описанием опыта использования рэп-текстов в языковом образовании [Беспалова 2019; Михайлова 2021], в том числе на уроках русского языка в школе [Солдатов, 2021]. Любопытно, что предлагается использовать рэп-тексты при изучении разных уровней языка — фонетики, лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса.

Одним из ведущих направлений в изучении рэпа за рубежом является гендерный аспект [Langisch, 2012; Lüdtke, 2007]. В отношении русскоязычного

зычных рэп-текстов это направление изучения оказывается неактуальным в силу того, что поэтика русских рэп-текстов преимущественно связана с репрезентацией мужского представления о мире. Это обуславливает, в частности, стилистическую сниженность, вульгарность, «эстетику безобразного» и большое количество ненормативной лексики в русскоязычных рэп-текстах.

По мысли Лизы Лангиш, гендерные исследования культуры хип-хопа представляют собой два направления: 1) критические высказывания в адрес сексистских текстов (что чаще всего репрезентируют такие направления, как гангста-рэп и порно-рэп (последнее не представлено в отечественной рэп-культуре)) и 2) описание женских рэп-текстов, «эмансипаторский» хип-хоп [Langisch, 2012, S. 16]. При этом исследователь отмечает, что тексты рэп-исполнителей женщин охватывают тот же тематический репертуар, что и рэп-батлы между мужчинами: тема подлинности, биографии, наркотиков, денег, преступности, морали и др. В своей работе Лиза Лангиш выделяет ряд следующих особенностей, которые рэп-исполнители женщины используют при конструировании своей гендерной идентичности: с одной стороны, это сценические псевдонимы, которые помогают создать образ сильной, самостоятельной и достойной уважения женщины (в переводе на русский — *Королева, Леди* и пр.), с другой стороны, женщины-рэперы, считая себя равными мужчинам, обвиняют друг друга в неумении реализовывать своё истинное женское предназначение. Обозначая ещё целый ряд особенностей гендерной идентичности женщин в рэп-культуре, Лиза Лангиш приходит к выводу о том, что рэперы воспроизводят стереотипные представления о мужественности и женственности: женщины-рэперы «едва отрываются от образца сексистского и гомофобного “мужского” рэпа ...» [Langisch, 2012, S. 40—41]. Выступление женщин-рэперов способствует укреплению сексистских представлений и классических гендерных иерархий в рэп-культуре. Женщин-рэперов, репрезентирующих в своих текстах мужские гендерные роли, часто не воспринимают всерьёз.

Исследуются и способы репрезентации маскулинности в рэпе. Так, в статье «Мужественность в хип-хоп-дискурсе» Сольвейга Людтке показаны способы построения мужественности в американском и немецком рэпе [Lüdtke, 2007]. Анализ рэп-текстов направлен на изучение различных языковых средств, в частности, сравнений и метафор, для представления определенных жанровых ролей, дифференцирующих репрезентацию мужественности, маскулинного дискурса в рэп-культуре.

Одним из интересных результатов исследования С. Людтке является утверждение автора о метафоризации как о ведущем механизме в рэпе, который позволяет представлять те или иные взгляды, гендерные стереотипы. На наш взгляд, в этом случае уместнее говорить об употреблении

эвфемизмов, что обусловлено как «патриархальностью» субкультуры, так и её стремлением к табуированности некоторых тем, высказываний и пр.

Что касается русскоязычного рэп-текста, то, по нашим наблюдениям, ведущим механизмом текстопорождения и базой для различных стилистических приёмов и языковой игры является паронимическая аттракция [Грудева и др., 2017], которая также может выполнять функцию поддержки эвфемизмов. Ведущий механизм порождения рэп-текста влияет на определение статуса рэп-текста как художественного феномена.

4. Вопрос о статусе рэп-текста как художественного текста

Текст — одно из фундаментальных понятий в системе современного гуманитарного знания. Он является объектом исследования во многих гуманитарных областях. Наиболее значимым при работе с рэп-текстами становится разграничение двух подходов: 1) рэп-текст как объект семиотического изучения; 2) рэп-текст как продукт речи, говорения.

С точки зрения методологии следует учитывать, что в лингвистической науке современные музыкальные тексты (например, тексты рок-композиций) продолжают рассматриваться в «расчленённом» виде, то есть выделяются субтексты (словесный компонент) и анализируются. В литературе отмечается, что «результаты такого исследования будут верными, но ограниченными, простирающимися не далее тех рамок, за которыми начинается область корреляции, эстетического взаимодействия и синтеза» [Свиридов, 2002, с. 12].

Текст как продукт синтеза разных искусств (например, слова и музыки) в современной научной литературе называется синтетическим текстом. Под этим понимается «вторично синтезированный, принципиально открытый, трансформирующий комплекс различных семиотических блоков (подсистем) метадискурсивной матрицы культуры, включающий в себя компоненты других синтетических систем, в пространстве которого фиксируется, структурируется и функционирует синтетическая языковая личность, определяющая специфику его структуры (контроль за сужением / расширением условных границ текста), функционирования и качественные особенности его эволюции» [Иванов, 2015, с. 95]. Общепринятой методологии изучения синтетического текста как целостного явления на данный момент нет. По нашим наблюдениям, при изучении рэп-текста в отечественной науке наблюдается подход к нему как вербальному тексту в различных лингвистических аспектах, в зарубежной науке преимущественно используется междисциплинарный подход к тексту. Интересно в связи с этим попытка Е. В. Баклановой и И. Ю. Колесова экспериментально изучить восприятие вербальной и авербальной (музыкальной) со-

ставляющей песенно-поэтических текстов с точки зрения определения их жанровой принадлежности [Бакланова и др., 2020]. Авторы назвали такой подход комбинированным вербально-авербальным методом, выполнили своё исследование на материале англоязычных песенно-поэтических текстов в стиле джаз, рэп, рок и поп.

Рэп как жанр представляет собой сложное семиотическое образование, совокупность субтекстов, в первую очередь вербального и музыкального. В связи с этим дискуссионным является вопрос о том, какая составляющая доминирует в рэпе: словесная (рэп — это поэзия / стих?) или музыкальная (рэп — это музыка / бит?) (см. фильм «BEEF: Русский хип-хоп», реж. Рома Жиган, 2019 [BEEF: Русский хип-хоп, 2019]).

По мнению Т. Б. Щепанской, в субкультуре особое место занимает текст, потому что он представляет собой реализацию основ субкультурной системы и обеспечивает общность культурных кодов той или иной «надгрупповой общности». В тексте отражаются различные символы и мифы, которые используются для самоидентификации, за счёт чего и происходит выбор того или иного фрагмента общего культурного кода и признания его, фрагмента, каждой группой «своим» [Щепанская, 2004, с. 59]. Исследования о взаимосвязи культуры и рэп-текстов посвящены преимущественно выделению и описанию базовых концептов и топосов в рэпе [Gruber, 2017]. Особый статус текста подчёркивается и исследователями В. Г. Карпушкиным и Т. В. Шмелёвой при характеристике русскоязычной рэп-культуры как лингвоцентричной, то есть предполагающей «повышенное внимание к их языковому качеству» [Карпушкин и др., 2018, с. 106]. Позиция по вопросу о тексте как центральной части рэп-субкультуры представлена и в работе зарубежного исследователя Янниса Андруцопулоса «Хип-хоп: глобальная культура — местные практики». Автор подчёркивает, что рэп-текст, с одной стороны, доступен филологическим методам анализа текста, а с другой стороны — позволяет напрямую ссылаться на другие социальные дискурсы [Androutsopoulos, 2003, S. 16]. Аргументация в данном случае основана на традиционном исследовании стиха в литературе. Особая значимость рэпа в рамках этого направления связана с тем, что он позволяет оживить те или иные художественные приемы, забытые (мало использованные в последнее время) виды рифм и т. д.

Кроме того, при выборе материала из существующего корпуса рэп-текстов для исследователя может стать принципиальным разграничение рэп-текста как продукта словесного творчества и как продукта художественной речи. Применительно к рэп-тексту понятие словесного творчества, на наш взгляд, шире, чем художественная речь: можно быть автором рэп-текста, но при этом текст может не обладать признаками художествен-

ности. Разница между продуктом словесного творчества и продуктом художественной речи заключается в степени проявления категории эстетического как сущности художественной речи.

Кроме того, использование термина *словесное творчество* в некоторых случаях позволяет обойти вопрос об отнесенности рэп-текстов к определённому жанру в рамках существующих классификаций художественных текстов, так как рэп-тексты не укладываются в них.

Вопрос об эстетическом статусе рэп-текстов остаётся дискуссионным. Так, некоторые исследователи не признают эстетическую функцию рэпа как художественного текста, на это, в частности, указывается в зарубежных исследованиях. В монографии Фабиана Вольбринга «Поэтика немецкого рэпа» приводится две точки зрения на соотношение рэпа и художественной литературы: одна из них связана с трактовкой рэпа как стихов низкого эстетического качества [Wolbring, 2015, S. 134—138], вторая указывает на доминирование поэтической функции в рэп-тексте [Ibid., S. 138—141].

В отечественной науке преимущественно складывается подход к рэп-текстам как к таким текстам, которые обладают определённой эстетической значимостью, соотносящейся в целом с постмодернистской эстетикой. Г. Г. Коломиец отмечает изменения в понимании эстетического в современном цивилизационном мире, связанные со смещением в полюсах духовно-телесного пространства [Коломиец, 2014]. По ее мнению, традиционный смысл эстетического, заключающийся «в стремлении к совершенству, вечной красоте, гармонии» [Там же, с. 120], меняется на «коммерческие интересы брендов <...> и извращенные страсти людской плоти, биотехнологии в биоэстетике» [Там же, с. 121]. И если раньше эстетическое начало «призвано было донести слаженное смысловое прочтение творения до всех участников единого созидательного процесса», то «теперь полюса меняются, встает проблема некоммуникабельности в инновационном пространстве» [Там же].

В связи с этим в философии рэп-культура рассматривается с новых позиций — в свете неопрагматической эстетики. По Р. Шустерману, это определяется «эстетикой повседневности, новых форм художественного выражения, не принимаемых сторонниками классических, традиционных форм искусства» [цит. по: Коломиец, 2014, с. 121], а также актуальностью изображаемых событий и ситуаций, имеющих социально-политическую окраску и этическую значимость, что так или иначе отражается во всём современном искусстве. Г. Г. Коломиец пишет: «Новая прагматическая эстетика призывает признать художественность и творческие ценности популярного искусства, определяющего стиль жизни молодых. Она указывает, что произошел разрыв между природным и культурным, между элитным, катарсически и возвышающе воздействующим искусством меньшинства, и массовым

<...> Рэперы не чувствуют гармонии, устойчивости мира и видят истину и красоту по-своему, наоборот, в дисгармоничном отсутствии своего места в мире — это то, о чем они информируют нас в песнях» [Там же].

Как в философской, так и в лингвистической литературе отмечается сближение эстетики рэпа с жанрами народной музыки [Лапина, 2015; Орлицкий, 2016; Шустерман, 2012, с. 329].

5. Жанрово-стилистические особенности рэп-текста

На современном этапе осмысления феномена рэпа в научном и мета-текстовом пространстве этой культуры принято трактовать данное явление как жанр, см., например, название статьи: «Некоторые лингвистические особенности текстов жанра рэп (на англоязычном и русскоязычном материале)» [Мухтарова и др., 2020]. Отметим, что подход к рэп-тексту как песне является менее актуальным для научного описания этого феномена. Так, отнесение рэпа к песне встретилось нам только в работе [Zielińska, 2015].

Жанрообразующий признак рэп-текста может быть определён при подходе к рэп-текстам как музыкально-словесному жанру, потому что узнаваемость текста, «память жанра», обеспечивается совокупностью музыкальных средств (бит, сэмпл и пр.), формально-содержательной организацией вербального субтекста и способом вокального исполнения текста («читка под бит», речитатив). Рэп как жанр отличает нежесткость структуры, связанная с фрагментарностью как попыткой ухода от жестких жанровых канонов, установкой рэп-исполнителя на свободное самовыражение и рефлексивность, поиск оригинальных звуко сочетаний.

Результаты двухэтапного эксперимента (на первом этапе респондентам предлагали для определения жанровой принадлежности текстовый (вербальный) компонент песенно-поэтического текста, на втором этапе испытуемые прослушивали произведение), проведенного Е. В. Баклановой и И. Ю. Колесовым на англоязычном материале, позволили выявить следующие жанровые особенности рэп-текстов: «В текстах жанра “рэп” многократно использованы сленговые сочетания и ненормативная лексика. Эти средства способны наиболее точно передать суть данного жанра, который нацелен на передачу в эмоциональной, прямой форме проблем, которые переживает автор-исполнитель, его недовольство социальным, политическим или иным положением. Как правило, цель песенно-поэтических текстов данного жанра — выразить протест, негодование, что вполне оправдывает выбор специфических лексических средств. Ритм, темп и мелодия рэп-произведений стабильны, порой даже монотонны, что позволяет реципиенту фокусироваться на текстовом компоненте, содержание которого в несколько раз превышает норму других жанров» [Бакланова и др., 2020, с. 32].

Адресатом рэп-текста, как правило, являются представители молодого поколения, что обусловлено отнесенностью рэпа к молодёжным субкультурам. При этом стоит отметить, что сами рэп-исполнители часто не ограничиваются при выборе адресата его определёнными социально-возрастными характеристиками.

Представления о мире адресата и адресанта рэп-текста сопряжены с такими понятиями, как «правда», «справедливость». Это подтверждается исследованиями отечественных и зарубежных авторов. Так, в статье «Рэп-риторика (один семиотико-лингвистический анализ швейцарской рэп-лирики)» Эрнест В. Б. Гесс-Льеж утверждает, что субкультура хип-хопа основана на ценностях подлинности и уважения, что обусловлено нормами и кодексом поведения человека в рамках этой субкультуры, её механизмами управления и группообразования, которые регулируют вопрос о доступе к ней (входе в неё) или исключении из неё [Hess-Lüttich, 2009, s. 113].

Настоящий рэп стремится к неразделимости автора биографического и автора художественного произведения. Фабиан Вольбринг в своей монографии, характеризуя рэп-текст как лирический жанр, указывает именно на то, что говорящий считается идентичным исполнителю, который обращается к аудитории. Образу повествователя в отечественной рэп-культуре посвящена монография «Проблема повествователя в русском рэпе» [Дрок, 2020], где исследователь тоже отмечает, что «МС (“эмси” — рэп-исполнитель. — *прим. Е. Г., А. Д.*), в отличие от писателя и поэта, автоматически становится героем созданных им текстов» [Там же, с. 7]. И далее автор пишет о том, что в современном русскоязычном рэпе «наблюдается интересная трансформация героя, так как автобиографическое начало в тексте все больше переплетается с вымышленным образом, создавая лирического героя — alter ego или вовсе персонажа определенного художественного пространства. И данная трансформация приближает рэп к жанру лиро-эпического произведения» [Там же].

На жанровое своеобразие рэпа влияет также его тематическая неоднородность. В лингвистической науке уже предпринимались попытки изучения тематического своеобразия рэп-текстов (см. об этом, например, в работе А. А. Дивеевой [Дивеева, 2021]). Тематическая разнородность рэп-текстов может быть обусловлена подходом к рэпу как к форме саморефлексии современного поколения [Гришина, 2019].

С точки зрения тематического своеобразия в рамках русского рэпа можно выделить такие его направления (субжанры), как «интеллектуальный», политизированный [Фролова, 2015], религиозный / православный [Пырова, 2017], развлекательный рэп. Особой тематикой и структурно-содержательными особенностями обладают рэп-батлы [Лассан, 2018; Са-

дыкова, 2014; Степанов и др., 2018; Семенова, 2019]. Батлы в лингвистической литературе часто рассматриваются как особый речевой жанр или сложное жанровое образование, см., например, использование термина «комплексное жанровое явление» в отношении политического рэп-батла в работе «Политический рэп-батл как новая форма дискурсивной эристики» [Романов и др., 2020].

В зарубежной рэп-культуре отдельно рассматривается ещё одно направление — гангста-рэп. Считается, что образ гангста-рэпера выражает определённые ценностные установки субкультуры в целом, которые могут вести к изменениям в общей национальной картине мира [Dietrich et al., 2013]. В зарубежной рэп-культуре с направлением гангста-рэпа связаны также темы насилия и расизма [Шимберг и др., 2020]. В статье «Прагматизм, искусство и насилие. Дело “рэп”» Ричарда Шустермана рассматриваются способы выражения в рэпе восприятия и осмысления насилия, с которым человек сталкивается в жизни [Shusterman, 2004].

Наиболее ярким лингвостилистическим маркером рэп-текста является сленг. В современном русскоязычном рэп-тексте мы наблюдаем уменьшение количества афроамериканизмов, а также процесс адаптации иностранной лексики за счёт паронимической рифмы. Афроамериканизмы, сленгизмы чаще всего обнаруживаются в рэп-текстах, посвящённых теме творчества, поскольку она предполагает самоидентификацию автора как представителя и носителя данной субкультуры (более подробно лингвостилистические особенности русскоязычного рэп-текста рассмотрены в нашей работе [Дивеева, 2018]).

Образный потенциал рэп-текста, представленный метафорами, анти-тезами, приёмами языковой игры, фразеологическими единицами, пословицами, поговорками, признаётся значимой чертой рэпа как глобального явления культуры [Гриценко и др., 2013]. Тем не менее ряд исследований, в частности, на уровне стилистического анализа, показывает, что «русский рэп-текст более поэтичен в силу большого количества метафор, аллегорий и сравнений» [Тульнова, 2013, с. 5].

6. Заключение

В предложенном научном обзоре мы представили понимание рэп-текста как междисциплинарного объекта исследования, проанализировали подходы к изучению его как художественного феномена, рассмотрели разнообразные исследовательские установки авторов, используемые ими методы.

Анализ зарубежных работ (преимущественно немецкоязычных статей) о рэп-культуре и рэп-текстах позволил прийти к следующим выводам. Во-первых, ведущими аспектами исследования рэп-текстов в зарубежной

гуманитарной науке являются гендерный и риторический; они не обладают актуальностью в отечественной науке. Во-вторых, ряд работ посвящены гангстерской рэп-культуре, для которой в качестве ведущей указывают идею насилия. Можно считать, что это обусловлено глобальной идеей субкультуры рэпа — «геттоцентричностью». В-третьих, актуальными для зарубежного рэпа оказываются проблемы меньшинств, с чем, в частности, связана и репрезентация популярных феминистских идей («эмансипаторский» рэп). Для русскоязычного рэпа образ гангстера и тематика, отсылающая к проблемам меньшинств, характерны в меньшей степени. Русский рэп затрагивает вопросы веры и национальной культуры. Тем не менее как в русскоязычной рэп-культуре, так и в зарубежной преобладает, безусловно, развлекательный рэп, коммерческие проекты.

Обзор отечественной лингвистической литературы по данной теме позволяет выявить разные аспекты изучения рэп-текстов: если первоначально исследователей интересовал субкультурный лексикон рэперов, то сегодня можно говорить о возросшем интересе к самим рэп-текстам как готовому продукту речевой деятельности. Эти тексты, являясь репрезентацией того или иного фрагмента языковой картины мира, отражают актуальные изменения в языке и культуре.

Исследование показало, что русскоязычный рэп-текст включен в процесс культурной гибридизации и представляет собой результат смешения междискурсивных практик различных видов искусства и трансляции субкультурных смыслов, свойственных афроамериканскому рэпу. Тем не менее своеобразие русскоязычных рэп-текстов не отрицается, о чём, в частности, свидетельствует изучение регионального рэпа, позволяющее говорить в целом о его аутентичности.

Адаптация рэп-культуры к русскому контексту проявляется на уровне текста, что подтверждают исследования его лингвистических, жанровых и структурно-семантических особенностей. Вся национальная песенная, фольклорная и поэтическая культура оказывает влияние на рэп, наделяя рэп-тексты национально-специфичными смыслами и значениями, расширяя их тематическое своеобразие, адаптируя тексты под «своего» слушателя.

Вопрос о статусе рэп-текста как художественного произведения остаётся дискуссионным, что обусловлено, во-первых, отсутствием общепринятой методологии при подходе к рэп-тексту как к синтетическому явлению искусства; во-вторых, разной степенью проявления категории эстетического в рэп-текстах. В-третьих, неоднозначность статуса рэп-текста продиктована тем, что он не укладывается в рамки существующих классификаций художественных текстов. В связи с этим в работе было уделено

внимание жанрово-стилистическим особенностям, тематическому своеобразию и образному потенциалу рэп-текстов.

В целом можно утверждать, что на сегодняшний день корпус лингвистических работ свидетельствует об устранении ещё до недавнего времени имевшихся «белых пятен» в теоретическом, методологическом и практическом изучении русскоязычных рэп-текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В. К. Город в номинациях и текстах (на материале молодежных субкультур г. Пскова) / В. К. Андреев // Вестник Орловского государственного университета. — 2012. — № 2 (22). — С. 125—128.
2. Андреев В. К. Лингвистические параметры типологизации современных молодежных субкультур / В. К. Андреев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия «Языкознание». — 2011а. — № 1 (13). — С. 92—98.
3. Андреев В. К. Номинационная деятельность как лингвокреативная составляющая современной молодёжной культуры хип-хоп / В. К. Андреев // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». — 2011б. — № 2 (4). — С. 261—265.
4. Андреев В. К. Реалии молодежных субкультур в текстах русского постфольклора / В. К. Андреев // Вестник Новгородского государственного университета. Серия «Филология. История». — 2010. — № 57. — С. 7—9.
5. Бакланова Е. В. Комбинированный вербально-авербальный метод в определении жанровой принадлежности песенно-поэтических текстов / Е. В. Бакланова, И. Ю. Колесов // Язык и культура. — 2020. — № 49. — С. 29—41. — DOI: 10.17223/19996195/49/2.
6. Беспалова Д. С. Рэп-композиция как средство иноязычного образования будущего учителя (на материале французского языка) / Д. С. Беспалова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2019. — № 6. — С. 94—102. — DOI: 10.25588/CSPU.2020.79.56.006.
7. Богданов А. В. Лингвокультурные характеристики афроамериканского рэп-дискурса : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. В. Богданов. — Москва, 2007. — 291 с.
8. Бутурлин И. С. Арабские рэп-баттлы как сфера функционирования и развития «среднего языка» / И. С. Бутурлин // Гуманитарный акцент. — 2020. — № 2. — С. 63—70.
9. Быкова Н. В. Рэп. История возникновения в России и Германии / Н. В. Быкова // Научные исследования и разработки 2017 года : сборник материалов II Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С. С. Чернова. — Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2017. — С. 128—132. — ISBN 978-5-00068-972-1.
10. Василевич Е. Литературное «поколение интернета» и рэп-культура : векторы научной и критической рецепции / Е. Василевич // European journal of literature and linguistics. — 2019. — № 4. — С. 37—41. — DOI: <https://doi.org/10.29013/EJLL-19-4-37-41>.
11. Венцель А. Рэп как средство выражения социальных изменений на северо-востоке Сибири : хип-хоп, урбанизация и этничность якутов (Саха) / А. Венцель, Э. К. Пирс, З. Е. Тарасова // Этнографическое обозрение. — 2017. — № 1. — С. 168—182.
12. Гришина Е. А. Русский рэп как саморефлексия поколения / Е. А. Гришина // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2019. — № 3—1 (17). — С. 86—96.

13. Грудева Е. В. Коммуникативный потенциал языковой игры (на материале песен в стиле рэп) / Е. В. Грудева, А. А. Дивеева // Коммуникация в современном мире : теория и практика : монография ; [под ред. Е. В. Грудевой]. — Новосибирск : Издательство АНС «СибАК», 2017. — С. 129—144.
14. Гусев В. Л. Молодёжная субкультура в политической культуре общества : социально-философский анализ : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.11 / В. Л. Гусев. — Москва, 2005. — 26 с.
15. Дивеева А. А. Опыт лингвистического анализа современных рэп-текстов / А. А. Дивеева // Русский язык в школе. — 2018. — № 7. — С. 18—24. — DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-18-24.
16. Дивеева А. А. Концепты «человек», «время», «жизнь» и способы их репрезентации в русскоязычных рэп-текстах / А. А. Дивеева // Litera. — 2021. — № 5. — С. 198—206. — DOI: 10.25136/2409-8698.2021.5.35524.
17. Дрок В. В. Проблема повествователя в русском рэпе / В. В. Дрок. — Москва, Берлин : Директ-Медиа, 2020. — 101 с. — ISBN 978-5-4499-1682-2.
18. Есаков В. А. Воздействие музыки в стиле рэп на сознание современной молодёжи / В. А. Есаков, И. В. Логвинова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2016. — № 1 (69). — С. 102—106.
19. Завалишин А. Ю. Русская рэп-культура : специфика научного анализа / А. Ю. Завалишин, Н. Ю. Костюрина // Журнал интегративных исследований культуры. — 2020. — № 1. — С. 60—68.
20. Иванов Д. И. Логоцентрическая модель рок-текста в контексте изучения синтетической языковой личности / Д. И. Иванов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 4. — С. 95—100.
21. Исаев И. И. Фонетика русского рэпа : об одной лингвистической художественной тенденции / И. И. Исаев, А. В. Корчинский // Русская рок-поэзия : текст и контекст. — 2020. — S 20. — С. 16—21.
22. Карпушкин В. Г. Не путай комическое и каноническое : креатив на равном месте / В. Н. Карпушкин, Т. В. Шмельёва // Лингвистика креатива-4. Коллективная монография / под ред. Т. А. Гридиной. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2018. — С. 104—135.
23. Клочков М. В. К вопросу популярности рэпа в современной российской культуре с позиций психоанализа / М. В. Клочков // Общество : философия, история, культура. — 2020. — № 4 (72). — С. 107—112. — DOI: 10.24158/fik.2020.4.20.
24. Кожелупенко Т. П. Сленг как средство субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп-текстах : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Т. П. Кожелупенко. — Санкт-Петербург, 2009. — 117 с.
25. Колесников А. А. Лингвистические особенности языка представителей хип-хоп культуры : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. А. Колесников. — Москва, 2016. — 158 с.
26. Коломиец Г. Г. К вопросу о новых тенденциях прагматической эстетики / Г. Г. Коломиец // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2014. — № 7 (168). — С. 119—123.
27. Коробов-Латынцев А. Ю. Русский рэп : философские очерки / А. Ю. Коробов-Латынцев. — Санкт-Петербург : Реноме, 2016. — 264 с. — ISBN 978-5-91918-649-6.
28. Лассан Э. Рэп-баттлы как культурный и лингвокультурный феномен / Э. Лассан // Коммуникативные исследования. — 2018. — № 3 (17). — С. 129—143.

29. *Летохо Е. В.* Библейские аллюзии как способ мотививной организации в альбоме Охххуmтiгoн'a «ГoрГoрд» / Е. В. Летохо // Проблемы Науки. — 2019. — № 11—2 (144). — С. 44—46. — DOI: 10.24411/2304-2338-2019-11104.
30. *Луковников М. А.* Национальные особенности восприятия рэп-культуры в США и России / М. А. Луковников // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. — 2019. — № 4. — С. 50—54.
31. *Михайлова О. А.* Тексты рэп-культуры на уроках РКИ : опыт и анализ применения / О. А. Михайлова // TERRA RUSISTICA. Сборник материалов Первого международного форума молодых русистов / сост. Е. В. Ковалых, С. В. Лукьянова, Н. С. Молчанова. — Псков : Псковский государственный университет, 2021. — С. 229—232.
32. *Мухтарова А. С.* Некоторые лингвистические особенности текстов жанра рэп (на англоязычном и русскоязычном материале)» / А. С. Мухтарова, О. А. Алимуратов, А. Н. Манцаева // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2020. — № 3. — С. 124—134. — DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-133-146.
33. *Орлицкий Ю. Б.* Раёк — это райский стих ... (раешный стих в новейшей русской поэзии) [Электронный ресурс] / Ю. Б. Орлицкий // Арион. — 2016. — № 3. — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/arion/2016/3/ra yok-eto-rajskij-stih.html> (дата обращения 5.04.2021).
34. *Петрова Ю. А.* К проблеме сущности и типологии субкультур / Ю. А. Петрова // Гуманитарные и социальные науки. Философия. (Статьи по специальности 09.00.13). — 2010. — № 1. — С. 30—39.
35. *Пырова Т. Л.* Слово и образ : эстетические особенности русского религиозного хип-хопа / Т. Л. Пырова // Философия и культура. — 2017. — № 7. — С. 77—87. — DOI: 10.7256/2454-0757.2017.7.23525.
36. *Романов А. А.* Политический рэп-баттл как новая форма дискурсивной эристики / А. А. Романов, Л. А. Романова // Мир лингвистики и коммуникации : Электронный научный журнал. — 2020. — № 60. — С. 46—101.
37. *Русская рок-поэзия : текст и контекст.* — Тверь ; Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020. — № S20.
38. *Садыкова Д. А.* Эволюция танца в современной культуре / Д. А. Садыкова // Омский научный вестник. — 2014. — № 4 (131). — С. 214—217.
39. *Свиридов С. В.* Рок-искусство и проблема синтетического текста / С. В. Свиридов // Русская рок-поэзия : текст и контекст. — 2002. — № 6. — С. 5—32.
40. *Семенова Е. А.* Смех в российской молодежной культуре рэп-баттла / Е. А. Семенова // Ярославский педагогический вестник. — 2019. — № 1. — С. 235—241. — DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10305.
41. *Солдатов А. С.* Креативный дидактический материал для современного урока изучения грамматики / А. С. Солдатов // TERRA RUSISTICA. Сборник материалов Первого международного форума молодых русистов / сост. Е. В. Ковалых, С. В. Лукьянова, Н. С. Молчанова. — Псков : Псковский государственный университет, 2021. — С. 324—327.
42. *Степанов В. Н.* Жанрово-стилистические признаки рэп-батла / В. Н. Степанов, С. К. Болотова, А. Р. Леонова // Верхневолжский филологический вестник. — 2018. — № 3. — С. 204—210. — DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10146.
43. *Титоренко М. Ю.* Сленг как составляющая языковой личности подростка : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. Ю. Титоренко. — Москва, 2003. — 25 с.

44. Тульнова М. А. О способах локализации текстов глобальной культуры / М. А. Тульнова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2013. — № 1 (76). — С. 4—7.
45. Фадеева Д. Е. Рэп как разновидность массовой коммуникации / Д. Е. Фадеева // PR и реклама : традиции и инновации. — 2012. — № 7—2. — С. 246—250.
46. Фролова Е. В. Рэп как форма социально-политической рефлексии в современной российской культуре (2009—2013 гг.) / Е. В. Фролова. — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015 — (Серия WP20 «Философия и исследования культуры»). — 52 с.
47. Шевченко О. В. Лингвосемиотика молодежного песенного дискурса : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / О. В. Шевченко. — Волгоград, 2009а. — 20 с.
48. Шевченко О. В. Молодёжная субкультура как объект лингвокультурологических исследований / О. В. Шевченко // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. — 2009б. — № 114. — С. 241—248.
49. Шимберг С. С. Концепт расизм в афроамериканском рэп-дискурсе / С. С. Шимберг, Д. Н. Лобякова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — № 1. — С. 235—239. — DOI: 10.30853/filnauki.2020.1.47.
50. Шустерман Р. Прагматическая эстетика : живая красота, переосмысление искусства. Научная монография / Р. Шустерман. — Москва : Канон+, 2012. — 407 с. — ISBN 978-5-88373-243-9.
51. Щепанская Т. Б. Система : тексты и традиции субкультуры / Т. Б. Щепанская. — Москва : ОГИ, 2004. — 286 с. — ISBN 5-94282-108-9.
52. Янченко Я. М. История изучения хип-хоп дискурса в зарубежной и отечественной лингвистике / Я. М. Янченко // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 3 (82). — С. 398—399. — DOI: 10.24411/1991-5497-2020-0059.
53. BEEF : Русский хип-хоп [Документальный фильм]. 2019, Россия, режиссёр Р. Жиган, длит. 90 мин.
54. Global Linguistic Flows. HipHop Cultures, Youth Identities, and the Politics of Language. New York [Electronic resource] / H. Samy Alim, Awad Ibrahim and Alastair Pennycook. — Available at: https://www.researchgate.net/publication/263043273_Global_Linguistic_Flows_Hip_Hop_Cultures_Youth_Identities_and_the_Politics_of_Language_edited_by_H_Samy_Alim_Awad_Ibrahim_and_Alastair_Pennycook (accessed 19.04.2021).
55. Androutsopoulos J. HipHop : globale Kultur — lokale Praktiken / J. Androutsopoulos. — Verlag : Bielefeld, 2003. — S. 1—23.
56. Dietrich M. Gangsta-Rap als ambivalente Subjektkultur / M. Dietrich, M. Seeliger // Psychologie und Gesellschaftskritik. — 2013. — № 37 (3—4). — Pp. 113—135.
57. Gruber J. Performative Lyrik und lyrische Performance (Profilbildung im deutschen Rap) / J. Gruber. — Bielefeld: transcript Verlag, 2017. — 392 p.
58. Hess-Lüttich Er. W. B. Rap-Rhetorik (eine semiolinguistische Analyse schweizerischer rap-lyrics) / Er. W. B Hess-Lüttich // Kodikas. Code, Ars Semeiotica — 2009. — Volume 32. — № 1—2. — Gunter Narr Verlag Tübingen. — S. 109—121.
59. Kimminich E. Rap : More Than Words. Frankfurt am Main / E. Kimminich // Rap. More than Words / Hg. v. Eva Kimminich. — Frankfurt / M.: Peter Lang, 2004. — 273 S.
60. Langisch L. Repräsentation von Geschlechterrollen in female Rap-Battles [Electronic resource] / L. Langisch // Freiburger Arbeitspapiere zur Germanistischen Linguistik. — 2012. — № 8. — S. 1—44. — Access mode: <https://portal.uni-freiburg.de/sdd/fragl/langisch2012.8> (accessed 23.04.2021).

61. Lüdtké S. Männlichkeit im HipHop-Diskurs / S. Lüdtké // Budrich Journals. Freiburg-er GeschlechterStudien. — 2007. — Issue 21. — S. 175—189.
62. Reitsamer R. HipHop Linguistics, Street Culture und Ghetto- Männlichkeit / R. Reitsamer, R. Prokop // Kultur Active Gestalten. — 2013. — Issue 02. — S. 1—12.
63. Rose T. Black Noise : Rap Music and Black Culture in Contemporary America / T. Rose. — Middletown, Connecticut : Wesleyan University Press, 1994. — 543 p.
64. Scharenberg A. Globalität und Nationalismus im afro-amerikanischen Hip Hop / A. Scharenberg // Rap. More than Words. Hg. v. Eva Kimminich. — Frankfurt / M.: Peter Lang, 2004. — S. 13—44.
65. Scholz A. Kulturelle Hybridität und Strategien der Appropriation an Beispielen des romanischen Rap unter besonderer Berücksichtigung Frankreichs / A. Scholz // Rap. More than Words. Hg. v. Eva Kimminich. — Frankfurt / M.: Peter Lang, 2004. — S. 45—65.
66. Shusterman R. Pragmatismus, Kunst und Gewalt. Der Fall (des) Rap / R. Shusterman // Rap. More than Words. Hg. v. Eva Kimminich. — Frankfurt / M.: Peter Lang, 2004. — S. 1—12.
67. Sokol M. Verbal Duelling. Ein universeller Sprachspieltypus und seine Metamorphosen im US-amerikanischen, französischen und deutschen Rap / M. Sokol // Rap. More than Words. Hg. v. Eva Kimminich. — Frankfurt / M.: Peter Lang, 2004. — S. 113—160.
68. Wolbring F. Die Poetik des deutschsprachigen Rap / F. Wolbring. — Göttingen : V&R unipress GmbH, 2015. — 627 S.
69. Zeise T. Worte und Vinyl (Kommunikative Aspekte der Rapmusik in Deutschland) / T. Zeise // Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität. — München, 2006. — S. 1—47 ; 131—138.
70. Zielińska L. Die Hip-Hop-Subkultur und ihre Sprache. Eine linguistische Analyse am Beispiel des Rap-Songs von Advanced Chemistry / L. Zielińska // Polilog. Studia Neofilologiczne. — 2015. — Nr. 5. — S. 275—288.

REFERENCES

- Andreev, V. K. (2010). Realities of youth subcultures in the texts of the Russian post-folklore. *Bulletin of the Novgorod State University. The series "Philology. History"*, 57: 7—9. (In Russ).
- Andreev, V. K. (2011a). Linguistic parameters of typologization of modern youth subcultures. *Bulletin of the Volgograd State University. The series "Linguistics"*, 1 (13): 92—98. (In Russ).
- Andreev, V. K. (2011b). Nominal activity as a linguocreative component of the modern youth culture of hip-hop. *Bulletin of universities. The series "Humanities"*, 2 (4): 261—265. (In Russ).
- Andreev, V. K. (2012). The city in nominations and texts (based on the material of youth subcultures of Pskov). *Bulletin of the Orel State University*, 2 (22): 125—128. (In Russ).
- Androutsopoulos, J. (2003). *HipHop: globale Kultur — lokale Praktiken*. Verlag: Bielefeld. 1—23. (In Germ).
- Baklanova, E. V., Kolesov, I. Yu. (2020). Combined verbal-verbal method in determining the genre belonging of song and poetic texts. *Language and culture*, 49: 29—41. DOI: 10.17223/19996195/49/2. (In Russ).

- BEEF: *Russian hip-hop [Documentary]*. (2019). Russia, directed by R. Zhigan, dl. 90 min. (In Russ).
- Bespalova, D. S. (2019). Rap composition as a means of foreign language education of a future teacher (based on the material of the French language). *Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University*, 6: 94—102. DOI: 10.25588/CSPU. 2020. 79. 56. 006. (In Russ).
- Bogdanov, A. V. (2007). *Linguistic and cultural characteristics of the African-American rap discourse*. PhD Diss. Moscow. 291. (In Russ).
- Buturlin, I. S. (2020). Arab rap battles as a sphere of functioning and development of the “middle language”. *Humanitarian accent*, 2: 63—70. (In Russ).
- Bykova, N. V. (2017). Rap. The history of its origin in Russia and Germany. In: *Scientific research and development of 2017: a collection of materials of the II International scientific and practical Conference*. Novosibirsk: CRNS Publishing House. 128—132. ISBN 978-5-00068-972-1. (In Russ).
- Dietrich, M., Seeliger, M. (2013). Gangsta-Rap als ambivalente Subjektkultur. *Psychologie und Gesellschaftskritik*, 37 (3—4): 113—135. (In Germ).
- Diveeva, A. A. (2018). Experience of linguistic analysis of modern rap texts. *Russian language at school*, 7: 18—24. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-18-24. (In Russ).
- Diveeva, A. A. (2021). Concepts “man”, “time”, “life” and ways of their representation in Russian rap texts. *Litera*, 5: 198—206. DOI: 10.25136/2409-8698. 2021.5.35524. (In Russ).
- Drok, V. V. (2020). *The problem of the narrator in Russian rap*. Moscow, Berlin: Direct-Media. 101 p. ISBN 978-5-4499-1682-2. (In Russ).
- Esakov, V. A., Logvinova, I. V. (2016). The impact of rap music on the consciousness of modern youth. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 1 (69): 102—106. (In Russ).
- Fadeeva, D. E. (2012). Rap as a kind of mass communication. *PR and advertising: traditions and innovations*, 7—2: 246—250. (In Russ).
- Frolova, E. V. (2015). *Rap as a form of socio-political reflection in modern Russian culture (2009—2013)*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (WP20 series “Philosophy and Cultural Studies”). 52 p. (In Russ).
- Grishina, E. A. (2019). Russian rap as a self-reflection of the generation. *Bulletin of the Russian State University. The series “Philosophy. Sociology. Art history”*, 3—1 (17): 86—96. (In Russ).
- Gruber, J. (2017). *Performative Lyrik und lyrische Performance (Profilbildung im deutschen Rap)*. Bielefeld: transcript Verlag. 392 p. (In Germ).
- Grudeva, E. V., Diveeva, A. A. (2017). Communicative potential of the language game (based on the material of rap songs). In: *Communication in the modern world: theory and practice: monograph*. Novosibirsk: Publishing house of ANS “SibAK”. 129—144. (In Russ).
- Gusev, V. L. (2005). *Youth subculture in the political culture of society: socio-philosophical analysis*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 26 p. (In Russ).
- Hess-Lüttich, Er. W. B. (2009). Rap-Rhetorik (eine semiolinguistische Analyse schweizerischer rap-lyrics). *Kodikas. Code, Ars Semeiotica*, 32 (1—2): Gunter Narr Verlag Tübingen. 109—121. (In Germ).
- Isaev, I. I., Korchinsky, A. V. (2020). Phonetics of Russian rap: about one linguistic artistic trend. *Russian rock poetry: text and context*, S20: 16—21. (In Russ).

- Ivanov, D. I. (2015). Logocentric model of a rock text in the context of studying a synthetic linguistic personality. *Bulletin Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 4: 95—100. (In Russ).
- Karpushkin, V. G., Shmeleva, T. V. (2018). Don't confuse the comic and the canonical: creativity out of the blue. In: *Linguistics of creativity-4. Collective monograph*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 104—135. (In Russ).
- Kimminich, E. (2004). *Rap. More than Words*. Frankfurt / M.: Peter Lang. 273 p. (In Germ).
- Klochkov, M. V. (2020). On the question of the popularity of rap in modern Russian culture from the standpoint of psychoanalysis. *Society: philosophy, history, culture*, 4 (72): 107—112. DOI: 10.24158/fik. 2020.4.20. (In Russ).
- Kolesnikov, A. A. (2016). *Linguistic features of the language of representatives of hip-hop culture*. PhD Diss. Moscow. 158 p. (In Russ).
- Kolomiets, G. G. (2014). On the question of new trends in pragmatic aesthetics. *Bulletin of the Orenburg State University*, 7 (168): 119—123. (In Russ).
- Korobov-Latyntsev, A. Yu. (2016). *Russian rap: philosophical essays*. St. Petersburg: Renome. 264 p. ISBN 978-5-91918-649-6. (In Russ).
- Kozhelupenko, T. P. (2009). *Slang as a means of subcultural coding in modern American and Russian rap texts*. PhD Diss. St. Petersburg. 117 p. (In Russ).
- Langisch, L. (2012). Repräsentation von Geschlechterrollen in female Rap-Battles. *Freiburger Arbeitspapiere zur Germanistischen Linguistik*, 8: 1—44. (In Germ).
- Lassan, E. (2018). Rap battles as a cultural and linguocultural phenomenon. *Communicative research*, 3 (17): 129—143. (In Russ).
- Letokho, E. V. (2019). Biblical allusions as a way of motivic organization in the album Oxxxymiron'a "GorGorod". *Problems of Science*, 11—2 (144): 44—46. DOI: 10.24411/2304-2338-2019-11104. (In Russ).
- Lukovnikov, M. A. (2019). National peculiarities of rap culture perception in the USA and Russia. *International Postgraduate Bulletin. Russian language abroad*, 4: 50—54. (In Russ).
- Lüdtke, S. (2007). Männlichkeit im HipHop-Diskurs. *Budrich Journals. Freiburger GeschlechterStudien*, 21: 175—189. (In Germ).
- Mikhailova, O. A. (2021). Texts of rap culture at the lessons of the RCT: experience and analysis of application. TERRA RUSISTICA. In: *Collection of materials of the First International Forum of Young Russian Scientists*. Pskov: Pskov State University. 229—232. (In Russ).
- Mukhtarova, A. S., Alimuradov, O. A., Mantsaeva, A. N. (2020). Some linguistic features of the texts of the rap genre (on English and Russian-language material). *Bulletin of the Pyatigorsk State University*, 3: 124—134. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-133-146. (In Russ).
- Orlitsky, Yu. B. (2016). Raek is a paradise verse ... (a raeshny verse in the newest Russian poetry). *Arion*, 3: Available at: <http://magazines.russ.ru/arion/2016/3/ra yok-eto-rajskij-stih.html> (accessed 5.04.2021). (In Russ).
- Petrova, Yu. A. (2010). On the problem of the essence and typology of subcultures. *Humanities and social Sciences. Philosophy. (Articles on the specialty 09.00.13)*, 1: 30—39. (In Russ).
- Pyrova, T. L. (2017). Word and image: aesthetic features of Russian religious hip-hop. *Philosophy and culture*, 7: 77—87. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.7.23525. (In Russ).
- Reitsamer, R., Prokop, R. (2013). HipHop Linguistics, Street Culture und Ghetto- Männlichkeit. *Kultur Active Gestalten*, 02: 1—12. (In Germ).

- Romanov, A. A., Romanova, L. A. (2020). Political rap battle as a new form of discursive eristics. *The world of linguistics and communication: Electronic scientific journal*, 60: 46—101. (In Russ).
- Rose, T. (1994). *Black Noise: Rap Music and Black Culture in Contemporary America*. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press. 543 p. (In Germ).
- Russian rock poetry: text and context*, 20. (2020). Yekaterinburg; Tver: Ural State Pedagogical University. (In Russ).
- Sadykova, D. A. (2014). The evolution of dance in modern culture. *Omsk Scientific Bulletin*, 4 (131): 214—217. (In Russ).
- Samy Alim, H., Awad Ibrahim, Alastair Pennycook. *Global Linguistic Flows. HipHop Cultures, Youth Identities, and the Politics of Language*. New York. Available at: https://www.researchgate.net/publication/263043273_Global_Linguistic_Flows_Hip_Hop_Cultures_Youth_Identities_and_the_Politics_of_Language edited by H_Samy_Alim_Awad_Ibrahim_and_Alastair_Pennycook (accessed 19.04.2021). (In Germ).
- Scharenberg, A. (2004). Globalität und Nationalismus im afro-amerikanischen Hip Hop. In: *Rap. More than Words*. Hg. v. Eva Kimminich. Frankfurt / M.: Peter Lang. 13—44.
- Scholz, A. (2004). Kulturelle Hybridität und Strategien der Appropriation an Beispielen des romanischen Rap unter besonderer Berücksichtigung Frankreichs. In: *Rap. More than Words*. Hg. v. Eva Kimminich. Frankfurt / M.: Peter Lang. 45—65. (In Germ).
- Semenova, E. A. (2019). Laughter in the Russian youth culture of rap battle. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1: 235—241. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10305. (In Russ).
- Shchepanskaya, T. B. (2004). *Sistema: texts and traditions of subculture*. Moscow: OGI. 286 p. ISBN 5-94282-108-9. (In Russ).
- Shevchenko, O. V. (2009). *Linguosemiotics of youth song discourse*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 20 p. (In Russ).
- Shevchenko, O. V. (2009). Youth subculture as an object of linguoculturological research. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*, 114: 241—248. (In Russ).
- Shimberg, S. S., Lobyakova, D. N. (2020). The concept of racism in the African-American rap discourse. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 1: 235—239. DOI: 10.30853/filnauki.2020.1.47. (In Russ).
- Shusterman, R. (2004). Pragmatismus, Kunst und Gewalt. Der Fall (des) Rap. In: *Rap. More than Words*. Hg. v. Eva Kimminich. Frankfurt / M.: Peter Lang. ДИАПАЗОН СТРАНИЦ
- Shusterman, R. (2012). *Pragmatic aesthetics: living beauty, rethinking art. Scientific monograph*. Moscow: Canon+. 407 p. ISBN 978-5-88373-243-9. (In Russ).
- Sokol, M. (2004). Verbal Duelling. Ein universeller Sprachspieltypus und seine Metamorphosen im US-amerikanischen, französischen und deutschen Rap. In: *Rap. More than Words*. Hg. v. Eva Kimminich. Frankfurt / M.: Peter Lang. 113—160. (In Germ).
- Soldatov, A. S. (2021). Creative didactic material for a modern lesson of studying grammar. In: *TERRA RUSISTICA. Collection of materials of the First International Forum of Young Russian Scientists*. Pskov: Pskov State University. 324—327. (In Russ).

- Stepanov, V. N., Bolotova, S. K., Leonova, A. R. (2018). Genre-stylistic signs of rap battle. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, 3: 204—210. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10146. (In Russ).
- Sviridov, S. V. (2002). Rock art and the problem of synthetic text. *Russian rock poetry: text and context*, 6: 5—32. (In Russ).
- Titorenko, M. Yu. (2003). *Slang as a component of the linguistic personality of a teenager*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 25 p. (In Russ).
- Tulnova, M. A. (2013). On the methods of localization of texts of global culture. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 1 (76): 4—7. (In Russ).
- Vasilevich, E. (2019). Literary “Internet generation” and rap culture: vectors of scientific and critical reception. *European journal of literature and linguistics*, 4: 37—41. (In Russ).
- Vershinin, M., Makarova, E. Modern youth subcultures: rappers. In: *PSI-FACTOR: information resource center for scientific and practical psychology*. Available at: <http://psyfactor.org/rap.htm> (accessed 22.03.2021). (In Russ).
- Wenzel, A., Pierce, E. K., Tarasova, Z. E. (2017). Rap as a means of expressing social changes in the north-east of Siberia: hip-hop, urbanization and ethnicity of the Yakuts (Sakha). *Ethnographic review*, 1: 168—182. (In Russ).
- Wolbring, F. (2015). *Die Poetik des deutschsprachigen Rap*. Göttingen: V&R unipress GmbH. 627 S. (In Germ).
- Yanchenko, Ya. M. (2020). The history of the study of hip-hop discourse in foreign and domestic linguistics. *The world of science, culture, and education*, 3 (82): 398—399. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-0059. (In Russ).
- Zavalishin, A. Yu., Kostyurina, N. Yu. (2020). Russian rap culture: the specifics of scientific analysis. *Journal of integrative studies of Culture*, 1: 60—68. (In Russ).
- Zeise, T. (2006). Worte und Vinyl (Kommunikative Aspekte der Rapmusik in Deutschland). In: *Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität*. München. 1—47; 131—138. (In Germ).
- Zielińska, L. (2015). Die Hip-Hop-Subkultur und ihre Sprache. Eine linguistische Analyse am Beispiel des Rap-Songs von Advanced Chemistry. *Polilog. Studia Neofilologica*, 5: 275—288. (In Germ).

Зубакина Т. Н. Декодирование культурно-кодového значения аллюзии в переводах (на материале речи Си Цзиньпина на Давосском форуме в 2021 году) / Т. Н. Зубакина, Е. Д. Сапко // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 98—112. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-98-112.

Zubakina, T. N., Sapko, E. D. (2021). Decoding Cultural-Code Meaning of Allusion in Translations (Xi Jinping's Speech at Davos Forum 2021). *Nauchnyi dialog*, 9: 98-112. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-98-112. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-98-112

Декодирование культурно-кодového значения аллюзии в переводах (на материале речи Си Цзиньпина на Давосском форуме в 2021 году)

Зубакина Татьяна Николаевна

orcid.org/0000-0001-7885-0126

кандидат филологических наук, доцент

кафедра лингвистики и

профессиональной

коммуникации на иностранных языках

zoubakina@mail.ru

Сапко Елизавета Дмитриевна

orcid.org/0000-0001-6542-6756

магистрант кафедры лингвистики

и профессиональной коммуникации

на иностранных языках

lsapko.nt_98@mail.ru

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

Decoding Cultural-Code Meaning of Allusion in Translations (Xi Jinping's Speech at Davos Forum 2021)

Tatiana N. Zubakina

orcid.org/0000-0001-7885-0126

PhD in Philology, Associate Professor

Department of Linguistics and

Professional

Communication in Foreign Languages

zoubakina@mail.ru

Elizaveta D. Sapko

orcid.org/0000-0001-6542-6756

Master's student

Department of Linguistics and Professional

Communication in Foreign Languages

lsapko.nt_98@mail.ru

Ural Federal University

named after the first President

of Russia B. N. Yeltsin

(Yekaterinburg, Russia)

© Зубакина Т. Н., Сапко Е. Д., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты риторического анализа публичного выступления Си Цзиньпина. Новизна исследования заключается в попытке сопоставительной интерпретации аллюзивных языковых репрезентаций текста речи и его переводов на английский и русский языки. Подчеркивается, что толкование языковых репрезентаций или их декодирование возможно в контекстах лингвокультурных акцентов аллюзий текста и словарных статей, поскольку по своей знаковой сущности язык выступает одним из кодов культуры. Авторы исходят из того, что аллюзия, являясь когнитивной категорией, имеет культурно-кодвое значение, которое отражается не только в словарном понятийном содержании, но и в системе экстралингвистических знаний, ассоциаций и образов, обретающих смысл, закрепленный в культуре языковой общности. Представлены результаты интерпретационного анализа с целью выявления аллюзивных скрытых смыслов и культурно-кодowych значений исследуемых единиц. Предлагается алгоритм интерпретационного анализа образных единиц в речи китайского лидера путем сопоставления их репрезентаций на трех языках. Поднимается вопрос о том, что аллюзии в выступлении китайского лидера и их смысловые соответствия в текстах переводов обращены как к внутренним адресатам (носителям китайского языка), так и к внешним (иноязычной аудитории).

Ключевые слова:

аллюзия; интерпретация; культурный код; культурно-кодвое значение; публичное выступление.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of the analysis of the rhetoric of Xi Jinping's public speech are presented. The novelty of the research lies in an attempt of a comparative interpretation of allusive linguistic representations of the text of the speech and its translations into English and Russian. It is emphasized that the interpretation of linguistic representations or their decoding is possible in the contexts of linguacultural accents of allusions of the text and dictionary entries, since by its sign essence language is one of the codes of culture. The authors proceed from the fact that the allusion, being a cognitive category, has a *cultural-code meaning (CC-meaning)*, which is reflected not only in the vocabulary conceptual content, but also in the system of extralinguistic knowledge, associations and images that acquire meaning, enshrined in the culture of linguistic community. The results of an interpretative analysis in order to identify allusive hidden meanings and cultural-code meanings of the units under study are presented in the article. An algorithm is proposed for the interpretative analysis of figurative units in the speech of Xi Jinping by comparing their representations in three languages. The question is raised that the allusions in the speech of the Chinese leader and their semantic correspondences in the translation texts are addressed both to the internal addressees / speakers of the Chinese language and to the external — foreign-language audience.

Key words:

allusion; interpretation; cultural code; cultural code meaning; public speaking.

Декодирование культурно-кодového значения аллюзии в переводах (на материале речи Си Цзиньпина на Давосском форуме в 2021 году)

© Зубакина Т. Н., Сапко Е. Д., 2021

1. Введение

В публичном выступлении главным «орудием» кодирования и передачи мысли выступает язык, который сравнивается с «сеткой знаков, как бы наброшенной на наше поле восприятия ...» [Рикер, 2008, с. 346]. В силу своей знаковой сущности язык выступает одним из ключей кодирования или декодирования мысли оратора. Одной из форм апелляции к культурному коду в речи оратора является аллюзия.

С позиции когнитивной лингвистики и семиотики *аллюзия* (от лат. *alludere* — ‘ссылаться, играть’) понимается как «имплицитное указание, ссылка на что-либо в тексте ...» [Англо-русский словарь ..., 2001, с. 17]. В качестве аллюзивных единиц выступают отсылки к известным историческим событиям, личностям, фактам культуры, вызывающие в сознании адресата «внутренние картинки» и обеспечивающие понимание имплицитного смысла высказывания. Корректная интерпретация аллюзии в переводе подтверждается результатом поиска таких языковых единиц, которые передают сходное с оригиналом *культурно-кодového значение* (далее также — *КК-значение*) образной лексики. КК-значение аллюзивных единиц находит отражение не только в понятийном содержании словарных статей, но и в системе экстралингвистических знаний, а также ассоциаций и образов, обретающих для адресата тот смысл, который присутствует в культуре его языковой общности.

Можно согласиться, что «фактор адресата в речевом воздействии — это один из важнейших факторов коммуникации, предполагающий учет говорящим или пишущим специфических особенностей той аудитории, к которой он обращается в устной публичной речи или письменно. Адресатом может быть и человек, и группа, и национальная аудитория в целом» [Стернин, 2012, с. 3]. Текст перевода рассматривается как одна из интерпретаций авторской мысли внешним адресатом, когда понимание и изложение аллюзии в переводе воссоздается без утраты ее исходного смысла и образа.

Понимание аллюзии и ее перевод не ограничиваются только фиксированием аллюзивного элемента, важно параллельное выявление связи

между двумя и более контекстами, когда в восприятии реципиента возникает «игра смыслов». И. А. Арнольд подчеркивает, что аллюзия опирается на «экстралингвистические пресуппозиции говорящего и слушающего» [Арнольд, 1982, с. 89]. Действительно, имплицитный смысл и образ, передаваемые аллюзивной единицей, возможно понять и воссоздать в иноязычном переводе, обладая определенной глубиной экстралингвистических знаний.

Следуя утверждениям, что а) стилистика декодирования «является теоретической базой интерпретации текста» [Кожина, 2011, с. 48]; б) интерпретация не должна быть просто вероятной, а более вероятной¹ («An interpretation must not only be probable, but more probable») [Ricoeur, 2016, p. 175]; в) «код представляет собой систему вероятностей, которая накладывается на равновероятность исходной системы, обеспечивая тем самым возможность коммуникации» [Эко, 2006, с. 56], мы рассматриваем декодирование аллюзивных контекстов в переводах как попытку адресата представить одну из более вероятных интерпретаций смыслов, заложенных в изначальном контексте использованной языковой единицы.

Вариативность интерпретаций «сдерживается объективными компонентами текста и тезаурусом читателя» [Арнольд, 2019, с. 348]. Культурный код индивидуален, понимание оттенков смысла высказывания зависит от широты фоновых знаний адресата, его ассоциативного тезауруса. При этом для понимания смысла текста «субъективное “вживание” в чужую культуру необходимо ...» [Там же, с. 348—349]. Исходным положением является тот факт, что полноценная коммуникация со слушателями возможна при обращении оратора к понятной для аудитории системе культурных ценностей.

В фокусе данного лингвистического исследования — интерпретация смысла аллюзивных выражений оратора, своего рода толкование языковых репрезентаций аллюзии в авторской речи в контексте лингвокультурной специфики образных средств. Предпринята попытка анализа декодирования культурного кода, заложенного в контекст риторики китайского лидера.

Предметом лингвистического анализа является смысловое содержание обозначенных в тексте аллюзий, обладающих *КК-значением*, в аспекте языкового выражения.

Материалом исследования послужили тексты речи Си Цзиньпина на Давосском форуме 25 января 2021 года на китайском, английском и русском языках.

1 Здесь и далее при отсутствии ссылки перевод с английского языка на русский наш. — Т. З.

2. Интерпретационный анализ при декодировании аллюзивных языковых единиц публичного выступления

Выборка из языковых репрезентаций аллюзий сопровождается в таблицах английским и русским переводами. Здесь и далее мы обращаемся к текстам переводов официальных китайских источников:

— китайский: (первая колонка таблицы) [Выступление Си Цзиньпина на экономическом форуме, 2021];

— английский: (вторая колонка таблицы) [Special Address, 2021];

— русский: (третья колонка таблицы) [Специальная речь, 2021].

Методику анализа языковых репрезентаций аллюзий мы соотносим с семантическим и контекстуальным анализом изучаемых единиц, поскольку исходным положением является тот факт, что аллюзия как когнитивная категория имеет определенное *КК-значение*, понимаемое через контекст своего изначального использования. Языковые репрезентации аллюзий в рамках представленных таблиц сопровождаются интерпретациями, своего рода попытками выявления скрытых исходных смыслов аллюзии, или *КК-значений* исследуемых единиц. Анализ аллюзивных единиц ориентирован на их последовательность в тексте выступления оратора.

3. Прагматический аспект при декодировании аллюзивных языковых единиц

Обратимся к языковым репрезентациям аллюзии публичного выступления китайского лидера и к вариантам декодирования смысла аллюзии средствами иноязычного перевода (табл. 1).

Таблица 1

Варианты перевода аллюзивного элемента
«нет двух одинаковых листьев» в речи Си Цзиньпина

Китайский	Английский	Русский
世界上没有两片完全相同的树叶, 也没有完全相同的历史文化和社会制度 / В мире нет двух идентичных листьев, также и нет абсолютно одинаковых историй, культур и социальных систем (подстрочн. пер.).	No two leaves in the world are identical, and no histories, cultures or social systems are the same.	Нет на свете двух одинаковых листьев, так нет и стран с одинаковой историей, культурой и государственным строем.

Сопоставление приведенных фрагментов позволяет предположить, что источником аллюзии здесь может быть объяснение принципа «всеобщих различий» немецким философом Г. Лейбницем: ... *two leaves in a garden, or*

two drops of water; perfectly alike, are not to be found [Philosophical Works ..., 1890, p. 259] / ... нельзя найти двух листьев в саду или двух капель воды, совершенно похожих друг на друга. Менее вероятно, на наш взгляд, хотя и допустимо, литературная аллюзия на роман П. Коэльо «Алеф»: *I once read that in a forest of a hundred thousand trees, no two leaves are alike* [Coelho, 2011, p. 60] / Как-то раз я прочитал, что в лесу, где сотня тысяч деревьев, нет ни одного похожего листика.

Согласно воззрениям И. В. Арнольд, «предложить единственно правильное толкование не может никто. Текст живет в “большом времени” (термин Бахтина), и окружающая его семиосфера исторически изменчива» [Арнольд, 2019, с. 349]. Осмысление текстового фрагмента речи оратора и последующее толкование выявленной аллюзии в переводах с позиции поиска смысловых ассоциаций могут быть расширены или детализированы адресатами при их понимании и индивидуальном восприятии современного звучания источника аллюзии.

В приведенном выше фрагменте публичного выступления за счет аллюзии возникает подтекст. Внутренние и внешние адресаты могут свести аллюзивное послание оратора к прагматическому выводу о том, что все страны разные и имеют свои национальные интересы.

Перейдем к рассмотрению следующей аллюзии в трех языковых презентациях, за которыми далее приводятся данные словарных статей в подтверждение предложенных интерпретаций и прагматического вывода при декодировании *КК-значения* аллюзии (табл. 2).

В представленном фрагменте изучаемой речи и его переводах присутствуют аллюзии на высказывания мыслителей, особо значимые в китайской культуре. Оратор обращается к аллюзии, исходя из понимания смысла высказывания древнекитайского философа Сюнь-цзы, последователя Конфуция и его учения о «совершенном правлении»: 法者，治之端也 [Zhu, 2005, p. 111]. Эта аллюзия отражает не только мировоззрение китайцев в их историческом прошлом, но и их современное мировосприятие. Русский и английский переводы соответствуют оригиналу и передают смысловые оттенки аллюзии авторского текста. Для усиления аргументации в выступлении Си Цзиньпин противопоставляет закон, принятый международным сообществом, «закону джунглей», используя аллюзию на образный мир Р. Киплинга, известный в первую очередь англоговорящим народам. Значение 滑向 ‘скользить к...’ в данном контексте подразумевает движение сверху вниз, поэтому можно утверждать, что оно сохраняется в переводах на английский — *fall back* и русский языки — *сползти к* и указывает на то, что еще в прошлом веке «закон джунглей» был в действии, но сегодня к реалиям прошлого возвращать-

Таблица 2

Варианты перевода аллюзивного элемента «закон джунглей»
в речи Си Цзиньпина

Китайский	Английский	Русский
法者，治之端也…联合国宪章是公认的国与国关系的基本准则。没有这些国际社会共同制定、普遍公认的国际法则，世界最终将滑向弱肉强食的丛林法则，给人类带来灾难性后果 / Закон — первооснова управления ... Устав ООН — это общепризнанные базовые нормы межгосударственных отношений. Без общепризнанных принципов международного права, установленных мировым сообществом, мир в конечном итоге скатился бы к закону джунглей, что привело бы к катастрофическим для человечества последствиям. *滑 — ‘скользить’ [Фань и др., 2002, с. 315]; 滑下 — ‘скатываться’ [Баранова и др., 1990, с. 438].	... the law is the very foundation of governance ... The Charter of the United Nations is the basic and universally recognized norms governing state-to-state relations. Without international law and international rules that are formed and recognized by the global community, the world may fall back to the law of the jungle, and the consequence would be devastating for humanity. *<i>Fall back</i> — ‘to move or turn back’ [Oxford Advanced ..., 2015, p. 555].	В основе государственного управления лежит закон ... Устав ООН является общепризнанной нормой межгосударственных отношений. Без таких общих правил мир сполз бы к закону джунглей, что привело бы к катастрофе. *<i>Сползти</i> — ‘перен. постепенно отходя от правильных позиций, оказаться на ложном пути’ [Ожегов, 2012, с. 991].

ся нельзя. Анализ представленных переводов позволяет заключить, что смысл исходного контекста аллюзии понятен как внутреннему, так и внешнему адресату.

Роль аллюзии как когнитивной категории, обладающей *КК-значением*, подтверждается в следующих текстовых фрагментах некой понятийной «постулатностью» (табл. 3).

В высказывании оратора репрезентирована идея, в настоящее время не требующая доказательства. Возможно, китайский лидер обращается к тексту речи «Remarks at Earth Day event» бывшего Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна (Ban Ki-moon), который в своем выступлении, посвященном 40-летию празднования Дня Земли, сказал: *For forty years, Earth Day has helped create a sense of shared responsibility for our*

Таблица 3

Варианты перевода аллюзивного элемента
«земля — дом» в речи Си Цзиньпина

Китайский	Английский	Русский
地球是人类赖以生存的唯一家园 ... / Земля — единственный и жизненно необходимый дом для человечества. *生存 — ‘существование, выживание’ [Фань и др., 2002, с. 676]. **唯一 — ‘единственный’ [Баранова и др., 1990, с. 111].	The Earth is our one and only home.	Земной шар — единственный дом для человечества.

environment and our one and only home [Remarks at ..., 2010] / Сорок лет День Земли помогал создать чувство коллективной ответственности за нашу окружающую среду и наш общий и единственный дом. Интерпретируя использование оратором лексемы 唯一 ‘единственный’, можно предположить, что в контексте ее употребления присутствует скрытое указание на тесную связь всех стран и народов, общность их судьбы, что и отсылает адресата к дипломатической концепции Китая (построение «сообщества единой судьбы» человечества), в основе которой принцип «в тебе есть я, а во мне есть ты» [Ключевые слова ..., 2021, с. 327]. Смысловые акценты прагматического вывода изначального контекста аллюзии присутствуют в трех языковых репрезентациях. Аллюзия, обращенная лидером Китая к внешнему и к внутреннему адресату, понята и истолкована корректно. В обоих переводах выступления оратора присутствует ключевая мысль, изложенная в оригинале, о существовании и выживании человечества.

4. Философский аспект при декодировании аллюзивных языковых единиц

В следующем текстовом фрагменте речи и его переводах репрезентирована аллюзия, помогающая понять и дополнить новым смысловым содержанием англо-американское изречение, которое обладает очевидным *КК-значением* и констатирует различие философий (табл. 4).

Можно предположить, что Си Цзиньпин имеет в виду не только сам принцип «победитель получает все», который, по сути, отвергает любой компромисс, но и использует аллюзию на латинский афоризм *Omnes vincit accipit* / Победитель получает все.

Таблица 4

Варианты перевода аллюзивного элемента
«Победитель забирает все» в речи Си Цзиньпина

Китайский	Английский	Русский
你输我赢、赢者 不是中国人的处世哲学 / “Ты проигрываешь — я выигрываю”, “победитель забирает все” не являются философией жизни китайцев. *输 — ‘проиграть, потерпеть поражение’ [Фань и др., 2002, с. 703]. **赢 — ‘выиграть, одержать победу’ [Там же, с. 945]. ***处 — ‘жизнь’ [Китайско-русский словарь ..., 1980, с. 380]. ****哲学 — ‘философия’ [Фань и др., 2002, с. 1009].	Zero-sum game or winner-takes-all is not the guiding philosophy of the Chinese people.	В воззрение китайской философии не входит закон “либо победитель, либо лузер” и логика “победитель получает всё”.

При рассмотрении варианта декодирования аллюзивной языковой единицы в этом фрагменте русскоязычного перевода можно предположить, что *КК-значение*, заложенное в изречение оратора и сохраненное в английском переводе, при смысловом сохранении подтекста аллюзии приобрело благодаря стилистическому выбору переводчика дополнительный образный оттенок, понятный как внешнему, так и внутреннему адресату. Использование лексемы *лузер* в русском переводе, на наш взгляд, может акцентировать смысловой подтекст аллюзии и придать современное звучание прецедентному латинскому тексту.

Далее, китайский лидер, обращаясь прежде всего к внешнему адресату, предлагает (табл. 5):

Мы полагаем, что Си Цзиньпин обращается в этом фрагменте к работе А. Смита «The Wealth of Nations», а именно к его рассуждениям о том, что хороший торговец покупает свои товары там, где они дешевле и лучше. Смит пишет: *By such maxims as these, however, nations have been taught that their interest consisted in beggaring all their neighbours* / С такими принципами, как эти, однако, людей научили тому, что их интерес состоит в разорении всех их соседей [Smith, 2007, p. 380].

Не исключено также, что Си Цзиньпин использует в речи идиоматическое выражение 以邻为壑, ссылаясь на трактат «Мэн-цзы», посвященный идеям философа конфуцианской традиции Мэн-цзы: 今吾子以邻国为壑, 水逆行谓之泽水。泽水者, 洪水也。仁人之所恶也 [Мэн-цзы, 2003,

Таблица 5

Варианты перевода аллюзивных элементов в речи Си Цзиньпина

Китайский	Английский	Русский
... 拒绝以邻为壑、自私自利的狭隘政策, 抛弃垄断发展优势的片面做法 ... / ... отказаться от узкой, своекорыстной политики разорения соседа, прекратить монополистический способ развития, при котором доминирует только один ... *自私自利的 — ‘своекорыстный’ [Фань и др., 2002, с. 1084]. **以邻为壑 — ‘перекладывать трудности на плечи соседа’ [Там же, с. 929].	... say no to narrow-minded, selfish beggar-thy-neighbor policies, and stop unilateral practice of keeping advantages in development all to oneself.	... не допуская при этом ни узкокорыстной политики “разорения соседа”, либо шкурничества, ни попыток сохранить абсолютное доминирование.

с. 244] / ... если ты обратишь соседние владения в сток воды, то вода потечет вспять, и это будет называться разливом. Разлив же приводит к наводнению, то есть к тому, что противно для человека, относящегося с нелицеприятностью к людям [Мэн-Цзы, 1999, с. 183].

Отвергая политику «разорения соседа» и «игру с нулевой суммой», Си Цзиньпин предлагает обратиться к противоположным ценностям в одной из своих ранее произнесенных речей: 我们只有坚持多边主义, 讲团结、促合作, 才能互利共赢, 福泽各国人民 [Выступление Си Цзиньпина на саммите ...] / *Only by upholding multilateralism, unity and cooperation can we deliver shared benefits and win-win for all nations* [President Xi's ...] / *Только настаивая на многосторонности, выступая за единство и содействие сотрудничеству, мы можем достичь взаимной выгоды и благословлять народы.* Буквальный смысл лексической единицы *win-win* — ‘беспроеигрышная конструкция’ / ‘взаимная выгода’ выявляет свою противоположность понятийному восприятию «игры с нулевой суммой» и принципу «победитель получает все».

5. Учет метафор при переводческом декодировании аллюзии

Лексема *мультилатерализм* подается в авторском метафорическом обрамлении (*факел мультилатерализма, освещать путь*). Как показывает сравнительный анализ перевода аллюзивных языковых единиц, заложенное в метафорический образ *КК-значение* аллюзии нашло подтверждение в ее переводческом декодировании и сохранило жизнеутверждающий акцент обращения (табл. 6).

Таблица 6

Варианты перевода метафоры света в речи Си Цзиньпина

Китайский	Английский	Русский
让多边主义火炬照亮人类前行之路，向着构建人类命运共同体不断迈进！ / Пусть факел мультилатерализма осветит путь человечества к сообществу единой судьбы! *火炬 — ‘факел’ [Фань и др., 2002, с. 332]. **照亮 — ‘освещать, озарять’ [Там же, с. 1007].	... let multilateralism light our way toward a community with a shared future for mankind. *<i>Light the way</i> — ‘to use a light to show a way that has to be followed’ [Merriam-Webster].	... пусть факел мультилатерализма осветит путь к сообществу единой судьбы человечества!

В контекстах языковых репрезентаций *мультилатерализм* метафорически сравнивается с факелом, который освещает дорогу во мраке ночи. Аллюзия на концептуальную метафору света архетипична и узнаваема внутренним и внешним адресатами. В английском варианте идиома *light the way* фиксирует представления о свете во тьме как указателе верного направления. Обращение оратора к универсальному архетипу создает позитивную основу воздействия и убеждения, поскольку метафора света соотносима с понятиями тепла и правоты, здоровья и выживания. Позитивное содержание метафорического образа, понятного носителям разных культур, позволяет адресату сделать заключение о жизнеутверждающем мировосприятии оратора.

6. Заключение

Мы обратились к вопросу о декодировании аллюзии в текстах публичного выступления и его переводов, изначально определяя ее когнитивной языковой единицей, обладающей *культурно-кодovým значением*, понятным аудитории, в том числе и иноязычной. Аллюзия опирается на систему экстралингвистических знаний, на ассоциации и образы, закрепленные в культуре языковой общности.

Сопоставление перевода аллюзивных единиц с оригиналом, а также поиск источников аллюзий позволяют заключить, что в представленных фрагментах двуязычных переводов выступления китайского лидера репрезентировано неискаженное восприятие текста оригинала, переводчиком выбраны наиболее вероятные интерпретации смысловых подтекстов разных единиц, что свидетельствует об успешности работы переводчиков.

Итак, корректное восприятие переводчиками аллюзивных контекстов нашло отражение в переводах: авторская мысль передается без утраты исходного смысла, заложенного в аллюзии, и реконструируется образная нагрузка источника прецедентных языковых единиц. Как показали результаты проведенного анализа, корректная интерпретация контекста аллюзий в публичном выступлении возможна при учете многоаспектности процесса декодирования аллюзивных языковых единиц, при полноценном понимании адресатами системы культурных ценностей оратора, что дает возможность прояснить его мировосприятие. В данной публикации было представлено исследование ограниченного корпуса языковых единиц, однако перспектива видится в использовании разработанного алгоритма интерпретации аллюзивных контекстов в переводах с учетом выявления точности при передаче *культурно-кодовых значений* исходных языковых репрезентаций.

Источники

1. *Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике* : около 9000 терминов / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. — Москва : Азбуковник, 2001. — 623 с.
2. *Баранова З. И. Русско-китайский словарь* : ок. 40000 слов / З. И. Баранова, А. В. Котов. — Москва : Русский язык, 1990. — 566 с.
3. Выступление Си Цзиньпина на экономическом форуме, 2021 — 习近平在世界经济论坛“达沃斯议程”对话会上的特别致辞 (Специальное выступление Си Цзиньпина во время диалога «Давосская повестка дня» на Всемирном экономическом форуме) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2021-01/25/c_1127023884.htm (accessed 21.03.2021).
4. *Китайско-русский словарь*. 60000 слов / З. И. Баранова, Б. Г. Мудров и др. — Москва : Русский язык, 1980. — 528 с.
5. *Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка* : около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под общей редакцией Л. И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — Москва : ОНИКС, 2012. — 1375 с. — ISBN 978-5-94666-657-2.
6. *Современный китайско-русский словарь* / Фань Минсянь и др. — Пекин : Преподавание иностранных языков и исследовательская пресса, 2002. — 1104 с.
7. Специальная речь, 2021 — *Специальная речь* председателя КНР Си Цзиньпина во время диалога «Давосская повестка дня» ВЭФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://russian.news.cn/2021-01/26/c_139697958.htm (дата обращения 12.03.2021).
8. *Merriam-Webster Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 14.03.2021).
9. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. — Oxford : Oxford University Press, 2015. — 1820 p.
10. *President Xi's speech at Climate Ambition Summit 2020* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.chinadaily.com.cn/a/202012/13/WS5fd575a2a31024ad0ba9b7ac.html> (accessed 16.03.2021).

11. *Remarks at Earth Day event* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2010-04-22/remarks-earth-day-event> (accessed 17.03.2021).

12. *Special Address by Chinese President Xi Jinping at the World Economic Forum Virtual Event of the Davos Agenda* [Electronic resource]. — Access mode : http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/25/c_139696610.htm (accessed 17.03.2021).

13. 习近平在气候雄心峰会上的讲话 (Выступление Си Цзиньпина на саммите по климатическим амбициям) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-12/12/c_1126853600.htm (accessed 19.03.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмета филологического изучения / И. В. Арнольд // Вопросы языкознания. — 1982. — № 4. — С. 83—91.

2. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. — Москва : Флинта, 2019. — 448 с. — ISBN 978-5-9765-2812-3.

3. Ключевые слова Си Цзиньпина / перевод с китайского А. В. Семенова, Т. Г. Семеновой ; научный редактор Ван Бинь. Сост. : «Учебная группа» зарубежного издания «Жэньминь жибао». — Москва : «Шанс», 2021. — 351 с. — ISBN 978-5-907277-58-8.

4. Кожина М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. — 4-е изд. — Москва : Флинта, 2011. — 464 с.

5. Мэн-цзы / предисл. Л. Н. Меньшикова., перевод с китайского, указ. В. С. Колоколова / под. ред. Л. Н. Меньшикова. — Санкт-Петербург : «Петербургское Востоковедение», 1999. — 272 с.

6. Мэн-цзы, 2003 — 孟子/王亚丽, 曹惠民著. — 北京 : 中国社会科学出版社, 2003. — 299页(Мэн-цзы / Ван Я Ли, Цао Хуэйминь. — Пекин : Академия общественных наук КНР, 2003. — 299 с.).

7. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / перевод с французского, вступительная статья и комментарий И. С. Вдовиной. — Москва : Академический проект, 2008. — 695 с. — ISBN 978-5-8291-1025-3.

8. Стернин И. А. Фактор адресата в речевом воздействии / И. А. Стернин. — Воронеж : «Истоки», 2012. — 51 с.

9. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко ; перевод В. Г. Резник. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. — 544 с. — ISBN 5-89091-252-6.

10. Coelho P. Aleph / P. Coelho, trans. M. Jull. — Detroit : Thorndike Press, 2011. — 355 p.

12. *Philosophical Works of Leibnitz* / trans. by G. M. Duncan. — New Haven : Tuttle, Morehouse & Taylor, Publishers, 1890. — 393 p.

13. Ricoeur P. Hermeneutics and the Human Sciences. Essays on Language, Action and Interpretation / P. Ricoeur. — New York : Cambridge University Press, 2016. — 267 p.

14. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations [Electronic resource] / ed. by S. M. Soares. — MetaLibri Digital Library, 2007. — Access mode : https://www.ibiblio.org/ml/libri/s/SmithA_WealthNations_p.pdf / (accessed 21.03.2021).

15. Zhu G. «荀子» 與先秦兩漢典籍重見資料彙編 (The Xunzi with Parallel Passages from Other Pre-Han and Han Texts) / G. Zhu, S. Fan, Z. He. Hongkong : The Chinese University of Hongkong, 2005. — 288 p.) .

MATERIAL RESOURCES

- Baranov, A. N., Dobrovolsky, D. O. (eds.). (2001). *English-Russian dictionary of Linguistics and semiotics: about 9000 terms*. Moscow: Azbukovnik. 623 p. (In Russ.).
- Baranova, Z. I., Kotov, A. V. (1990). *Russian-Chinese dictionary: about 40,000 words*. Moscow: Russian language. 566 p. (In Russ.).
- Baranova, Z. I., Mudrov, B. G. (1980). *Chinese-Russian dictionary. 60,000 words*. Moscow: Russian language. 528 p. (In Russ.).
- Fan Mingxian. (2002). *Modern Chinese-Russian dictionary*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press. 1104 p. (In Russ.).
- Merriam-Webster Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 14.03.2021).
- Oxford Advanced Learner's Dictionary*. (2015). Oxford: Oxford University Press. 1820 p.
- Ozhegov, S. I. (2012). *Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions*. Moscow: ONYX. 1375 p. ISBN 978-5-94666-657-2. (In Russ.).
- President Xi's speech at Climate Ambition Summit 2020*. Available at: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202012/13/WS5fd575a2a31024ad0ba9b7ac.html> (accessed 16.03.2021).
- Remarks at Earth Day event*. Available at: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2010-04-22/remarks-earth-day-event> (accessed 17.03.2021).
- Special Address by Chinese President Xi Jinping at the World Economic Forum Virtual Event of the Davos Agenda*. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/25/c_139696610.htm (accessed 17.03.2021).
- Special speech by Xi Jinping during the Davos Agenda dialogue at the World Economic Forum*. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2021-01/25/c_1127023884.htm (accessed 21.03.2021). (In Chin.).
- Special speech of the President of the People's Republic of China Xi Jinping during the dialogue "Davos Agenda" of the WEF*. Available at: http://russian.news.cn/2021-01/26/c_139697958.htm (accessed 12.03.2021). (In Russ.).
- Xi Jinping's speech at the summit on climate ambitions*. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-12/12/c_1126853600.htm (accessed 19.03.2021). (In Chin.).

REFERENCES

- Arnold, I. V. (1982). Implication as a method of constructing a text and a subject of philological study. *Questions of linguistics*, 4: 83—91. (In Russ.).
- Arnold, I. V. (2019). *Semantics. Stylistics. Intertextuality*. Moscow: Flint. 448 p. ISBN 978-5-9765-2812-3. (In Russ.).
- Coelho, P. (2011). *Aleph*. Detroit: Thorndike Press. 355 p.
- Eco, U. (2006). *Missing structure. Introduction to Semiology*. St. Petersburg: Symposium. 544 p. ISBN 5-89091-252-6. (In Russ.).
- Keywords of Xi Jinping*. (2021). Moscow: "Chance". 351 p. ISBN 978-5-907277-58-8. (In Russ.).
- Kozhina, M. N., Duskaeva, L. R., Salimovsky, V. A. (2011). *Stylistics of the Russian language*. Moscow: Flint. 464 p. (In Russ.).
- Menshikov, L. N. (ed.). (1999). *Meng-tzu*. St. Petersburg: "Petersburg Oriental Studies". 272 p. (In Russ.).

- Philosophical Works of Leibnitz*. (1980). New Haven: Tuttle, Morehouse & Taylor, Publishers. 393 p.
- Ricoeur, P. (2016). *Hermeneutics and the Human Sciences. Essays on Language, Action and Interpretation*. New York: Cambridge University Press. 267 p.
- Riker, P. (2008). *Conflict of interpretations. Essays on Hermeneutic*. Moscow: Academic Project. 695 p. ISBN 978-5-8291-1025-3. (In Russ.).
- Smith, A., Soares, S. M. (ed.). (2007). An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. In: *MetaLibri Digital Library*. Available at: https://www.ibiblio.org/ml/libri/s/SmithA_WealthNations_p.pdf/ (accessed 21.03.2021).
- Sternin, I. A. (2012). *The addressee's factor in speech influence*. Voronezh: "Istoki". 51 p. (In Russ.).
- Wang, Ya Li, Cao Huimin. (2003). *Meng-tzu*. Beijing: Academy of Social Sciences of the People's Republic of China. 299 p. (In Chin.).
- Zhu, G., Fan, S., Hongkong, Z. H. (2005). *The Xunzi with Parallel Passages from Other Pre-Han and Han Texts*. The Chinese University of Hongkong. 288 p. (In Chin.).

Трегунова Ю. А. Способы модификации и семантика иностранных антропонимов в русскоязычном интернет-дискурсе (на примере номинации членов Британской королевской семьи) / Ю. А. Трегунова, Е. В. Лаврищева // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 113—127. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-113-127.

Tregubova, Y. A., Lavrishcheva, E. V. (2021). Methods of Modification and Semantics of Foreign Anthroponyms in Russian Internet Discourse (Example of Nomination of Members of British Royal Family). *Nauchnyi dialog*, 9: 113-127. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-113-127. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-113-127

**Способы модификации
и семантика иностранных
антропонимов
в русскоязычном
интернет-дискурсе
(на примере номинации
членов Британской
королевской семьи)**

Трегунова Юлия Алексеевна

orcid.org/0000-0002-0864-4543

кандидат филологических наук, доцент
кафедра романо-германских языков
и перевода
tregubova@elsu.ru

Лаврищева Екатерина Владимировна

orcid.org/0000-0002-4218-718X

кандидат филологических наук, доцент
кафедра романо-германских языков
и перевода
eklav@mail.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

**Methods of Modification
and Semantics of Foreign
Anthroponyms
in Russian Internet Discourse
(Example of Nomination
of Members of British Royal
Family)**

Yulia A. Tregubova

orcid.org/0000-0002-0864-4543

PhD in Philology, Associate Professor
Department of Romance-Germanic
Languages and Translation
tregubova@elsu.ru

Ekaterina V. Lavrishcheva

orcid.org/0000-0002-4218-718X

PhD in Philology, Associate Professor
Department of Romance-Germanic
Languages and Translation
eklav@mail.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

© Трегунова Ю. А., Лаврищева Е. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты исследования особенностей функционирования модифицированных иностранных антропонимов в русскоязычном интернет-дискурсе. Рассматриваются основные способы словообразования, структура и семантика иностранных окказиональных антропонимов в русскоязычном интернет-дискурсе. Актуальность и новизна исследования обусловлены выбором языкового материала, в качестве которого выбраны иноязычные антропонимы в русском языке, в частности, модифицированные имена членов Британской королевской семьи, выражающие эмоционально-оценочные суждения русскоязычных пользователей сети Интернет. Приводятся результаты структурного и сопоставительного анализа модифицированных иностранных антропонимов, используемых русскоязычными интернет-пользователями. Предпринята попытка показать, как словообразовательные средства русского языка могут отражать субъективную коннотацию окказиональных дериватов. Выявлены основные словообразовательные модели в области окказиональной антропонимики русского языка. Сделан вывод о том, что наиболее продуктивным способом модификации иностранных антропонимов в русскоязычном интернет-дискурсе является суффиксация. Анализируется семантика выявленных словообразовательных моделей, изучается их эмоционально-экспрессивная функция в языке. Приводятся результаты статистического анализа применения основных способов создания модифицированных иностранных антропонимов в русскоязычном интернет-дискурсе.

Ключевые слова:

антропонимы; модификация иностранных антропонимов; Британская королевская семья; суффиксация; сокращение; ономастическая игра.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a study of the functioning peculiarities of modified foreign anthroponyms in the Russian-language Internet discourse is presented in the article. The main methods of word formation, the structure and semantics of foreign occasional anthroponyms in the Russian-language Internet discourse are considered. The relevance and novelty of the study is due to the choice of linguistic material, which were foreign-language anthroponyms in Russian, in particular, modified names of members of the British royal family. It is shown that these occasional nominations embody the emotional and evaluative attitude of Russian-speaking Internet users to members of the royal family. The results of a structural and comparative analysis of modified foreign anthroponyms used by Russian-speaking Internet users are presented. An attempt is made to show how the derivational means of the Russian language can reflect the subjective connotation of occasional derivatives. The main word-formation models in the field of occasional anthroponymy of the Russian language are revealed. It is concluded that the most productive way of modifying foreign anthroponyms in the Russian-language Internet discourse is suffixation. The semantics of the identified word-formation models is analyzed, their emotional-expressive function in the language is studied. The results of a statistical analysis of the use of the main methods of creating modified foreign anthroponyms in the Russian-language Internet discourse are presented.

Key words:

anthroponyms; modification of foreign anthroponyms; British royal family; suffixation; reduction; onomastic game.

УДК 811.161.1'373.23

Способы модификации и семантика иностранных антропонимов в русскоязычном интернет-дискурсе (на примере номинации членов Британской королевской семьи)

© Трегубова Ю. А., Лаврищева Е. В., 2021

1. Введение

Сегодня Интернет, являясь одним из основных медиасредств, дает людям почти неограниченные возможности для общения и самовыражения. Как отмечают исследователи современных массмедиа, «компьютерно-опосредованная форма коммуникации — это способ быстрого получения информации, возможность общения людей, находящихся в разных частях света, независимо от их расы, общественного положения, рода занятий и возраста» [Зими́на и др., 2014, с. 67].

Любой человек может создавать свои интернет-каналы, публиковать статьи и комментировать записи других пользователей. Интернет-среда в современных условиях — это не только средство получения информации, но и неотъемлемая часть культуры любого общества, где пользователи сети могут посредством комментариев, выражать свое мнение о различных событиях и известных личностях. Антропонимы во всем их многообразии являются неотъемлемой частью современного русскоязычного интернет-дискурса [Гудым, 2014; Замальдинов, 2019].

Как показывает анализ статей русскоязычных интернет-пользователей, большой интерес и обсуждение вызывают не только отечественные медийности (политики, артисты, спортсмены и др.), но и представители иноязычных культур. Особое внимание в русскоязычных блогах и статьях уделяется жизни Британской королевской семьи (далее также — БКС).

Британская монархия — одна из старейших в Европе (существует с 827 года). Жизнь членов Британской королевской семьи всегда привлекала внимание людей во всем мире. Кроме того, события нескольких последних лет активно обсуждаются людьми во многих странах, в том числе и в России. В русскоязычной сети Интернет можно найти множество частных публикаций, посвященных событиям, происходящим в Британском королевском доме, а также статьи почти о каждом члене семьи.

Наибольший интерес у аудитории вызывает новое поколение: принцы Уильям и Гарри и их семьи. Проведя анализ частных русскоязычных публикаций, мы выяснили, что читателей интересовали события, проис-

ходившие с четой Кембриджей (Уильям и Кейт), Сассекских (Гарри и Меган Маркл). В сети обсуждались свадьбы обоих принцев, поведение обеих герцогинь и их взаимоотношения друг с другом и членами семьи, скандальный «Мегзит» и его последствия для Британской королевской семьи, смерть и похороны принца Филиппа.

Отношение русскоговорящей аудитории к обсуждаемым персонам довольно неоднозначно, пользователи не стесняются высказывать в комментариях свое восхищение или неодобрение. Следует отметить тот факт, что положительное или негативное мнение аудитории выражается в том числе и в создании модифицированных антропонимов членов Британской королевской семьи. Так, для выражения нейтрального или положительного отношения к обсуждаемым персонам пользователи употребляли официальные имена представителей правящей династии, например: Королева Великобритании: *Елизавета II, Елизавета, Королева*; Филип, принц Эдинбургский — *Филип*; Чарльз, принц Уэльский — *Чарльз*; Камилла, герцогиня Корнуольская — *Камилла*; Уильям, герцог Кембриджский — *Уильям, Уил*; принц Гарри, герцог Сассекский — *Гарри*; Кэтрин, герцогиня Кембриджская — *Кэтрин, Кейт*; Меган, герцогиня Сассекская — *Меган, Меган Маркл*. Наряду с этим пользователи сети Интернет создавали различные окказиональные модифицированные варианты обсуждаемых имен, интересные с той точки зрения, что они выражают отношение к называемым лицам.

В данной статье предпринята попытка изучить словообразовательные модели модифицированных окказиональных антропонимов, выявленных в контенте Рунета (блогах и публикациях на платформе ДЗЕН), которые называют членов Британской королевской семьи, определить их семантику и специфику употребления русскоязычными пользователями. Источником языкового материала послужили тексты статей о жизни Британской королевской семьи и комментарии русскоязычных пользователей к ним. Было проанализировано 35 интернет-публикаций с общим числом комментариев более 8 тыс.

Теоретической основой нашего исследования послужили труды ученых-лингвистов, посвященные вопросам антропонимики и словообразования в русском и иностранных языках: В. Ц. Бонджоловой, Т. А. Гридиной, И. И. Зиминой, Н. В. Саварцевой, А. Г. Крыловой, К. М. Медведевой, И. В. Родионовой, М. Э. Рут и др.

2. Модифицированные антропонимы членов Британской королевской семьи как материал исследования

В результате исследования русскоязычных публикаций и комментариев в отношении представителей королевской семьи нами было выявлено

83 модифицированных иностранных антропонима, называющих королеву Елизавету II, принца Филиппа, принца Гарри, Меган Маркл и их пары. Большая часть собственных имен употреблялась для номинации супруги принца Гарри, Меган Маркл, герцогини Сассекской — 32 антропонима (39 %); принца Гарри, герцога Сассекского — 12 лексических единиц (14 %); четы герцогов Сассекских — 11 единиц (13 %); королевы Елизаветы — 9 единиц (11 %); принца Чарльза — 4 единицы (5 %); герцогини Кетрин Кэмбриджской — 4 единицы (5 %); принца Уильяма — 3 единицы (4 %); Арчи Сассекского — 3 единицы (4 %); принца Филиппа — 2 единицы (2 %); принца Луи Кебриджского — 1 единица (1 %); четы герцогов Кембриджских — 1 (1 %); других членов Британской королевской семьи — 1 единица (1 %).

Статистические данные показывают, что самое большое количество модифицированных имен было создано русскоязычными пользователями сети Интернет для наименования принца Гарри и его супруги, что объясняется повышенным интересом к событиям, происходящим в их жизни.

Следует отметить, что «модификация исходных официальных имен может быть выражена в разных формах и реализована на различных уровнях языка» [Дьяченко, 2007, с. 62]. Структурный анализ имен-окказионализмов позволил выявить некоторые особенности образования и семантики подобных модифицированных антропонимов, употреблявшихся в комментариях пользователей Рунета.

3. Модели номинации представителей Британской королевской семьи в Рунете и их оценочная специфика

В русскоязычных комментариях отмечается номинация старейших членов королевской семьи — королевы Елизаветы и принца Филиппа — по схеме «личное имя + патроним» соответственно русским традициям названия по имени-отчеству: *Елизавета Георгиевна* (отец Елизаветы II — Георг VI) и *Филипп Андреевич* (отец принца Филиппа — Андрей Греческий): *Филипп Андреич жжжет; Не судите строго, любящая королева и бабушка Елизавета Георгиевна* (орфография и пунктуация оригинальных текстов сохранены) [АА]. В данных примерах можно отметить немного ироничное, но все же уважительное отношение к королеве Великобритании и ее супругу.

Подобная модель образования креативного антропонима встречается и в комментариях относительно других членов Британской королевской семьи: *Елена, принцессы Андреевны вообще хохотушки, неудивительно, а вот Карла Филипыча, да и Вильгельма Карлыча разобрало не на шутку* [Там же]. Интересным представляются варианты имен *Вильгельм, Карл* —

традиционных для передачи англоязычных антропонимов *William, Charles* в русской лингвокультуре. Использование фамильно-разговорных вариантов отчеств на *–ич / ыч* показывает ироничное отношение комментирующих к происходящему событию и людям, участвующим в нем. В приведенном примере пользователи описывают реакцию принцесс Беатрисы и Евгении Йоркских, дочерей принца Эндрю, Чарльза, принца Уэльского и Уильяма, герцога Кембриджского, на выступление епископа Майла Карри на свадьбе принца Гарри и Меган Маркл.

Отметим еще один вариант модифицированного антропонима в комментарии в адрес принца Луи, сына герцогов Кембриджских. Оним создан по той же схеме, но с использованием матронима: *Какой славный “Луишка Катеринович”, так на Кейт похож, а об иных фото и сказать нечего ...* [Там же]. Используя матроним, образованный от имени матери Луи — Кэтрин, русскоязычный пользователь подчеркивает свое восприятие герцогини Кембриджской как значительной фигуры. Кроме того, стоит отметить и необычную, деминутивную форму имени Луи, образованную суффиксальным способом.

Следующим способом модификации иностранных имен являются антропонимы, образованные по схеме «термин кровного родства + личное имя», например, *бабушка Лиза, баба Лиза, бабушка Лизавета, дедя Чарльз, дедуля Фил: Дедуля Фил сидит с таким видом, что ему не хватает слухового рожка, а Зара и не стремится скрыть, что наблюдает нечто постыдное ...; Баба Лиза тоже крепкий орешек; Доведут бабушку Лизу до инфаркта* [Там же].

Другой интересный креативный антропоним для именованной Елизаветы II — *мадам Лилибет* — представляет собой комбинацию британского уменьшительно-ласкательного варианта имени королевы, которым ее называли в детстве — *Лилибет*, и официального, уважительного обращения к женщине *мадам*, которое в современном русском языке часто используется в ироничном и негативном смыслах [Зуга, 2018]. Отмечается, что данная лексема имеет ироничный и негативный оттенки значения, когда используется в функции обращения, однако в нашем примере она употреблена как уважительное наименование правящего монарха, обладающего властью: *Устоит ли монархия Англии после этой расистской бомбы, брошенной Мегги в Королеву? Да конечно устоит. И не такое бывало. Меган хоть и думает, что собаку съела на интригах, но она и представления не имеет о силе и возможностях Королевы. Мадам Лилибет сожрет ее с потрохами и не подавится* [АА].

Одним из редких способов модификации иностранных антропонимов является создание двухкомпонентной окказиональной антропоними-

ческой конструкции, имитирующей схему «личное имя + фамилия»: *Ну, судя по всему, Гарику Марклу остаётся только заявить, что на самом деле он старший брат, но БКС запретила ему рождаться первым* [Там же]. В данном примере пользователи добавили принцу Гарри фамилию его жены, хотя русская традиция предполагает противоположный процесс: после замужества жена берет фамилию мужа. Таким образом, данным окказиональным антропонимом подчеркивается пренебрежительное отношение аудитории к именуемому лицу как к мужчине, который находится в полном подчинении у жены (подкаблучнику).

Другим примером модифицированной номинации можно назвать использование только фамилии без личного имени, что в русской лингвокультуре может свидетельствовать о фамильярном, чаще пренебрежительном отношении к именуемому лицу. В русскоязычных комментариях такая антропонимическая особенность отмечается в наименовании Меган Маркл, а также супругов Сассекских, при этом англоязычные антропонимы склоняются по правилам русского языка, к примеру: *Маркла утверждает, что в свидетельстве о браке, который висит у них в Монтесито на стене в золотой рамочке, стоит дата именно заднего двора без свидетелей; перспектива у марклы / эйча даже ближее чем думают — лишение всех титулов ...; Natalia, Да черт с ним с Байденом. Народ все равно обвинит Марклов* [Там же].

Кроме того, нами выявлена окказиональная замена исходного антропонима русским именем: в комментариях русскоязычных пользователей отмечены подобные замены с русскими именами Игорь и Гаврила / Гавриил и их уменьшительными вариантами: *мелкая месь Кетрин за теплую сестринскую дружбу с Гаврилой, папе Чарльзу плевков за ущемление денежек; А вот Гавря, тот подленько со своей семьёй обошёлся; Гаврюша старье донашивает ... шоб жене на новые платья хватило; А вот наша Херцогиня в это время в актрису играет — одна рука на пузе, другая в Гаврилову руку вцепилась — это чтобы с диванчика не упасть от жутких воспоминаний и переживаний; А с чего вы взяли что Игорек чем то опечален?* [Там же]. Окказиональные имена принца в приведенных примерах имеют, скорее, шуточный характер. Имя Гавриил устаревшее и сегодня не пользуется популярностью в России, в данном случае Гавриил, Гаврюша — это скорее аллюзия, намек на персонажа из советского мультфильма «Каникулы в Простоквашино» бычка Гаврюшу, который известен своим добрым и покладистым характером, а апеллатив антропонимического происхождения *гавря / гаврик* в некоторых русских говорах используется в значениях ‘простак, простофиля, глупец’, ‘неавторитетный, неуважаемый человек’ [Родионова, 2005, с. 162—189].

Подобная тенденция наблюдается и при именовании герцогинь Сассекской и Кембриджской. К примеру, для наименования Меган Маркл пользователи сети выбирают простонародное русское имя *Марфа* и его уменьшительную форму *Марфуша*, а также уничижительную форму имени *Манька*: *Блин, эта Марфа, если присмотреться, такая стремная; такими темпами Гарик с Манькой занервируют старых и расчистят досрочно брату путь к трону, а тот и не при делах!* [АА]. Для наименования Кэтрин Миддлтон используется имя *Катерина* и его варианты *Катя*, *Катюха*, *Катюша*: *Как же мне нравится Катерина!*; *Хочется, чтобы королевой Великобритании стала Катюша!*; *Есть Виля с Катюхой и тремя отпрысками. Что надо от Гарика?* [Там же]. Королеву Елизавету русскоязычные пользователи именовали *Лизой* и *Лизаветой*: *Кого безумно жалко — так это Лизавету* [Там же].

Следует отметить, что некоторые из приведенных выше аллюзивных антропонимов (*Гаврюша*, *Марфуша*, *Манька*) содержат культурно-исторический компонент, присущий русской лингвокультуре, а именно «“аккумулируют” коннотации, отражающие позитивное или негативное общественное отношение к ним» [Сысоева, 2019, с. 215].

Учитывая экспрессивную внешнюю форму подобных номинативных единиц, которые употреблены не в полной исходной форме, мы можем утверждать, что выбор этих экспрессивно-оценочных антропонимов обусловлен намерением выразить личное отношение русскоязычных пользователей к обсуждаемым личностям. При этом некоторые варианты упомянутых номинативных единиц обладают негативной коннотацией в русских говорах [Родионова, 2005], что подтверждает факт актуализации социокультурной коннотации окказиональных антропонимов.

Онимизация имен нарицательных («переход имени нарицательного в имя собственное и его дальнейшее становление и развитие в любом разряде онимов» [Милль, 2011, с. 95]) является одним из способов модификации антропонимов в различных языках. К примеру, в русскоязычных комментариях нами были отмечены адаптированные заимствования таких английских окказиональных антропонимов, как аппелятивы-акронимы *Хаз* (слововое сокращение от англ. *Husband* — рус. муж) и *Эйч* (от англ. *Н* — *Harry*) для именовании принца Гарри; *Монтеситские* — оттопонимный окказиональный антропоним, образованный от названия города Монте-сито, штат Калифорния, США, где проживает чета герцогов Сассекских. Отказ от использования имени в пользу подобных аппелятивов также свидетельствует об ироничном, пренебрежительном отношении аудитории к называемому лицу: *А маркла потом будет трещать, дескать, “Уильям не был в военной форме, потому что всегда завидовал Хазу и старался*

*походить на младшего брата”; Она его **Эйч** назвала, но не **Хаз**; Может **Монтеситские** стесняются лица своего ребенка? [АА].*

Одним из популярных способов модификации антропонимических единиц в интернет-сфере является аббревиация. Полученный антропоним, по мнению лингвистов, выполняет не только компрессивную, но и экспрессивную и стилистическую функции [Антонов, 2013]. В комментариях русскоязычных пользователей Интернета можно встретить следующие русские и заимствованные английские аббревиатурные антропонимы: *Е II*, *Е 2* (королева Елизавета II), *М* (Меган), *М. М.* и *ММ* (Меган Маркл), *Г и М* (Гарри и Меган), *МГ* (Меган и Гарри), *Г* (Гарри), *М&Н* (Меган и Гарри), *Н&М* (Гарри и Меган), например: *Но **М&Н** не успокоились, в интервью погрозили королеве и заявили, что борьба ещё впереди, и они ещё вернутся; Наверное больше **Г и М** будет не о чем рассказывать до тех пор пока не родится след. Ребёнок ...; **Е2** очень умная Королева.. думаю, она все-таки найдет способ* [Там же].

Интересными представляются также и созданные путем контаминации акронимы-сокращения от первых слогов имен Меган Маркл и принца Гарри, к примеру: *У Елизаветы есть мощный тыл — ее семья. А что есть у **Мегарики**?; Удивительное дело: почему практически на всех фото **МеХарики** так нелепы?!; Старая гвардия может и будет держать дистанцию, а вот молодые леди и виконты встанут на защиту БКС, смогут так учтиво по шам надавать, что **МаГлам** мало не покажется!* [Там же]. Следует отметить, что в отношении других членов Британской королевской семьи подобный способ модификации антропонимов в русскоязычной интернет-сфере не отмечается.

Используются интернет-коммуникантами и возможности ономастической игры, в частности приемы графического словообразования. Ономастическая игра, по мнению лингвистов, «активно эксплуатирует именно социокультурный шлейф, который составляет коннотат соответствующего онима» [Гридина, 2011, с. 219]. Большинство подобных окказионализмов на основе фонематической субституции созданы для наименования Меган Маркл, герцогов Сассекских, их сына Арчи Сассекского, к примеру: *МегаМаркла, Марк Клуша, Мракла / Мраклы, Мыркла, Муркл, Марклака, Шмаркла, Херцогиня, Сустики, Суслики, Харчонок (И теперь она всему миру покажет **КТО** такая **МегаМаркла**, да так, что королева на коленях будет умолять её вернуться!; Опять святая **Мракла** в центре. А эти, двое, так, фон; Хохотала долго! Бедная **Мыркла**; Не надо было с биглем рядом **МаркКлуше** интервью давать; Едет один, без **Марклаки**; По поводу фото, на первом она явно видела фотографа и улыбается в камеру, непонятно за что засудили издание, ради того чтобы бабла срубить и*

самый справедливый суд на свете (суд США), пародоксальным образом встал на сторону Сусликов ...; Как удобен накладной живот! Посадила на него своего Харчонка — и таскай [AA]. Ономастическая игра в данных примерах несет ярко выраженную экспрессивную функцию. Используемый для создания указанных антропонимов прием какэмфатона, то есть «случайного, а иногда и нарочитого стечения звуков / или слогов, омофонически напоминающих совсем другие слова, с совершенно иным значением, обычно сниженным, смешным или грубым по сравнению со значением исходного слова» [СЛТ, 2005, с. 187—188], указывает на ироническую / сатирическую коннотацию употребленных лексических единиц. Функционирование подобных окказиональных антропонимов отражает личностное отношение аудитории к именуемому лицу и его субъективную оценку, в исследуемых случаях чаще — негативную. Лингвисты отмечают, что «наличие словообразовательного элемента с негативной коннотацией относит подобные окказионализмы к инвективной и обценной лексике» [Бонджолова, 2020, с. 360].

Уменьшительно-ласкательные суффиксы русского языка, которые, по мнению лингвистов, можно отнести к словообразовательным средствам экспрессивного характера [Карпенко 1980; Крылова, 2016, Медведева, 2013], чаще всего использовались в русскоязычных комментариях для наименования многих известных королевских персон. Например, антропонимы-дериваты для наименования королевы Елизаветы, принца Чальза, принца Гарри и Меган Маркл были образованы при помощи суффиксов *-к-, -ешк-, -ушк-, -ха-, -ша-, -уся-*, которые характеризуются эмоционально-оценочной семантикой. Форма имени *Лизка* выражает фамильярную субъективную оценку говорящим объекта номинации (выражение пренебрежения), которая репрезентируется посредством эмоционально-экспрессивного суффикса *-ка*: *Лизка рядом с ним везде цветет, а он сдержан* [AA]. Такую же стилистическую окраску можно отметить и в случае создания окказиональных антропонимов от имени принца Чарльза: *Да пусть они там все перегрызут друг друга — мне то что? Вам реально жаль Чарлика?!; А так то значит не “тянет” Чарльзушка на Короля ...* [Там же].

Подобный способ окказионального словообразования использовался для модификации имени принца Уильяма, к примеру: *ну у катки с вилькой улыбки то тоже отрепетированные) ну да ладно, это их работа ...* [Там же]. Данный антропоним представляет собой усечение от имени Уильям (в русской традиции встречается также написание Вильям) с русским суффиксом *-ка*.

В комментариях пользователей можно встретить несколько вариантов окказиональных антропонимов для называния Меган Маркл с помощью

уменьшительных суффиксов снисходительно-грубой, пренебрежительной семантики:

— образованные от личного имени *Меган* — *Меганка* (почему вам **Меганка** не нравится?), *Мегашечка* (*И жо же то делается то???!!! Гарюсик с мегашечкой* два часа страдали давали интервью, а тугая бкс все не бежит к ним извиняться), *Мегушка* (*Разговоры, обвинения, обиды ... Я жду другого. Когда БКС обвинит Мегушку в воровстве драгоценностей*), *Мегах* (*Да не было у них траура! А про сайт забыли просто, ну не успевает Мегах!*), *Мегуся* (*А Мегуся вся такая внезапная и противоречивая*) [Там же]. Интересным представляется окказиональный антропоним *Меганиша*, отмеченный нами в одном из комментариев, поскольку в русском языке суффикс *-ша* присоединяется обычно к первому слогу имени, оканчивающемуся на гласный (*Гриша, Алеша, Глаша*), и почти никогда не употребляется в именах, имеющих после начального слога *-н* (редкое исключение составляет разве что окказиональное словообразование: *Ниниша*): *Надо убрать этих лишних из семьи, а сделать это надо по умному, Англия правит миром, что они с Меганшей не справятся, мне даже кажется, что это и есть главное подставное лицо*», «*Не понимаю возмущения кого бы то ни было (общественности, королевы и прочая и прочая) по поводу “убытия” Гарика с Меганшей* [Там же].

— образованные от аббревиатуры *ММ* — *Мемка*, *Мэмэшка*, *Ммешка* (*То есть, англичане, особенно члены БКС, настолько глупы, что озаботились цветом кожи дитя только тогда, когда Мемка забеременела?; У ммешки на ногах опять шишки выросли, операцию ж делала; Как уже надоела эта Мэмэшка. Я не могу представить, что у нее еще есть фанаты*) [Там же].

Окказиональные деривативы с уменьшительным суффиксом *-к-* употребляются и в отношении принца Гарри: *Гарик / Гаррик, Гарька, Гарюсик* (*Гарик просто попался под руку, видимо был какой-то косяк, за который ухватились, чтобы начать процесс развала монархии; Не-не, Марклуша про БКС и Гарьку ни разу не слышала-ни фото не видела; И жо же то делается то???!!! Гарюсик с мегашечкой* два часа страдали давали интервью, а тугая бкс все не бежит к ним извиняться [Там же]). Использование уменьшительных имен характерно для личного общения с близкими людьми. При помощи подобных окказиональных антропонимов русскоязычные пользователи сети старались выразить фамильярное отношение и иронию по отношению к соответствующим лицам. Кроме того, по мнению лингвистов, «в литературной норме закреплена негативная окраска именных форм с суффиксом *-к-*» [Рут, 2001, с. 64].

Суффикс *-онок* использовался русскоязычными пользователями для создания окказионального антропонима *Арчонок* — от имени сына четы

Сассекских Арчи: *И из-за Филиппа героев фотки, даже, Арчонка, никто не обсуждает* [АА]. Следует отметить, что данный суффикс в русском языке не используется для создания деминутивных антропонимов, а служит для наименования детей, представителей социальной прослойки, профессии, национальности, кроме того, детёнышей животных, имен существительных мужского рода с уменьшительно-ласкательным или только с ласкательным значением [СТСРЯ].

Анализ семантики суффиксов, использованных русскоязычными пользователями для создания модифицированных антропонимов членов Британской королевской семьи, показал, что данные словообразовательные элементы не только выполняют эмоционально-экспрессивную функцию, но и позволяют говорящему «ярче выразить нужный эмоциональный нюанс» [Карпенко, 1980, с. 100].

Одним из самых редких способов создания окказиональных антропонимов членов Британской королевской семьи можно назвать усечение. Данный способ отмечен нами всего в двух случаях: он использован для модификации имени принца Уильяма при помощи сочетания усечения и суффиксации (см. пример выше) и для наименования четы Уильяма и Кейт (*У Кембри всегда пластмассовые улыбки*). В данном примере *Кембри* представляет собой усечение от титула пары — герцоги *Кембриджские*.

4. Заключение

Интернет, являясь на сегодняшний день одной из самых популярных площадок общения, дает пользователям широкие возможности для творчества и для того, чтобы выразить свое отношение к событиям в мире, в том числе и посредством модификации иностранных антропонимов.

В результате изучения антропонимов, называющих членов Британской королевской семьи, мы получили следующие статистические результаты. Анализ словообразовательных моделей изученных лексических единиц показал, что самым продуктивным способом является суффиксация: данный способ использовался в 26 % случаев. Способом сокращения было образовано 22 % антропонимов. Ономастическая игра и окказиональная замена использовались примерно в равном количестве случаев — 16 % и 15 % антропонимических единиц. Другие способы использовались реже: схема «личное имя + патроним / матроним» отмечена в 8 % случаев, схема «термин кровного родства + личное имя» — в 6 %, апеллятивы — в 3 %, усечение — 2 %, схема «личное имя + фамилия» — 1 %, схема «обращение + уменьшительно-ласкательная форма личного имени» — 1 %, замещение личного имени фамилией — 1 %. Во всех случаях модифицированные окказиональные антропонимы имеют оценочную семантику.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов, собранный на интернет-платформе «Яндекс.Дзен». — Режим доступа : <https://zen.yandex.ru/> (дата обращения 23.06.2021).
2. СЛТ, 2005 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Изд. 3-е. — Москва : КомКнига, 2005. — 576 с. — ISBN 5-354-00600-7.
3. СТСРЯ — *Современный* толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения 03.05.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В. П. Лингвопрагматический потенциал аббревиатурных антропонимов современной эпохи / В. П. Антонов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. — 2013. — № 4 (26). — С. 189—194.
2. Бонджолова В. Ц. Окаzionaliальные трансформации антропонимов как инвективная лексика / В. Ц. Бонджолова // Медиалингвистика. — 2020. — № 7 (3). — С. 357—367. — DOI: 10.21638/spbu22.2020.307.
3. Гридина Т. А. Этносоциокультурный контекст ономастической игры / Т. А. Гридина // Политическая лингвистика. — 2011. — № 1 (35). — С. 219—223.
4. Гудым Г. В. Антропонимика интернет / Г. В. Гудым // Культура. Наука. Интеграция. — 2014. — № 1 (25). — С. 73—76.
5. Дьяченко В. В. Основные способы образования субстандартных антропонимов в английском и русском языках / В. В. Дьяченко // Вестник Ставропольского государственного университета. — 2007. — № 48. — С. 58—65.
6. Замальдинов В. Е. Антропонимы как источник новообразований в языке СМИ и интернет-коммуникации / В. Е. Замальдинов // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. — 2019. — Т. 29. — № 3. — С. 435—441. — DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-3-435-441.
7. Зими́на И. И. К вопросу об особенностях виртуальных антропонимов в интернет-коммуникации / И. И. Зими́на, Н. В. Саварцева // Диалог культур — диалог о мире и во имя мира. — 2014. — № 2. — С. 67—72.
8. Зуга О. В. “Мадам!” оскорбление или вежливое обращение? / О. В. Зуга // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. — 2018. — Т. 28. — № 2. — С. 248—253.
9. Карпенко А. Ю. Деминутивное антропонимическое словообразование (на материале русских говоров юга Украины) / А. Ю. Карпенко // Вопросы ономастики. — Свердловск : Издательство Уральского университета, 1980. — С. 99—110.
10. Крылова А. Г. Словообразовательные средства экспрессивности в системе антропонимов (на примере произведений Ю. В. Буйды) / А. Г. Крылова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2016. — № 3. — С. 36—43. — DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-36-43
11. Медведева К. М. Семантика эмоционально-экспрессивных суффиксов качественных форм русских антропонимов / К. М. Медведева // Молодой ученый. — 2013. — № 7 (54). — С. 487—490.
12. Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной / Дж. Ст. Милль. — Москва : Ленанд, 2011. — 832 с. — ISBN 978-5-9710-0181-2.

13. Родионова И. В. Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах / И. В. Родионова // Русский язык в научном освещении. — 2005. — № 2 (10). — С. 159—189.

14. Рут М. Э. Антропонимы : размышления о семантике / М. Э. Рут // Известия Уральского государственного университета. — 2001. — № 20. — С. 59—64.

15. Сысоева Е. С. Аллюзия в семантике английских оценочных антропонимов / Е. С. Сысоева // Мир. Человек. Язык : сборник научных трудов. — Владимир : Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2019. — С. 211—216.

MATERIAL RESOURCES

AA — *An archive of authors collected on the Yandex. Zen Internet platform*. Available at: <https://zen.yandex.ru/> (accessed 23.06.2021).

SLT — Akhmanova, O. S. (2005). *Dictionary of linguistic terms*. Moscow: KomKniga. 576 p. ISBN 5-354-00600-7. (In Russ).

STSRYA — *Modern explanatory dictionary of the Russian language by Efremova*. Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (accessed 03.05.2021). (In Russ).

REFERENCES

Antonov, V. P. (2013). Linguopragmatic potential of abbreviated anthroponyms of the modern era. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*, 4 (26): 189—194. (In Russ).

Bondzholova, V. Ts. (2020). Occasional transformations of anthroponyms as an invective vocabulary. *Media linguistics*, 7 (3): 357—367. DOI: 10.21638 / spbu22. 2020. 307. (In Russ).

Dyachenko, V. V. (2007). The main ways of forming sub-standard anthroponyms in English and Russian. *Bulletin of the Stavropol State University*, 48: 58—65. (In Russ).

Gridina, T. A. (2011). Ethnosociocultural context of the onomastic game. *Political Linguistics*, 1 (35): 219—223. (In Russ).

Gudym, G. V. (2014). Anthroponymy of the Internet. *Culture. The science. Integration*, 1 (25): 73—76. (In Russ).

Karpenko, A. Yu. (1980). Deminutive anthroponymic word formation (based on the material of Russian dialects of the south of Ukraine). In: *Questions of onomastics*. Sverdlovsk: Ural University Press. 99—110. (In Russ).

Krylova, A. G. (2016). Word-forming means of expressiveness in the system of anthroponyms (on the example of the works of Yu. V. Buida). *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 3: 36—43. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-36-43. (In Russ).

Medvedeva, K. M. (2013). Semantics of emotionally expressive suffixes of qualitative forms of Russian anthroponyms. *Young Scientist*, 7 (54): 487—490. (In Russ).

Mill, J. St. (2011). *System of syllogistic and inductive logic*. Moscow: Lenand. 832 p. ISBN 978-5-9710-0181-2. (In Russ).

Rodionova, I. V. (2005). Characterological nominations of anthroponymic origin in Russian folk dialects. *Russian language in scientific coverage*, 2 (10): 159—189. (In Russ).

- Ruth, M. E. (2001). Anthroponyms: reflections on semantics. *Bulletin of the Ural State University*, 20: 59—64. (In Russ).
- Sysoeva, E. S. (2019). Allusion in the semantics of English evaluative anthroponyms. In: *Mir. Person. Language: a collection of scientific papers*. Vladimir: Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoleto. 211—216. (In Russ).
- Zamaldinov, V. E. (2019). Anthroponyms as a source of neoplasms in the language of mass media and Internet communication. *Bulletin of the Udmurt University. History and Philology series*, 29 (3): 435—441. DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-3-435-441. (In Russ).
- Zimina, I. I., Savartseva, N. V. (2014). On the question of the features of virtual anthroponyms in Internet communication. *The dialogue of Cultures is a dialogue about peace and for the sake of peace*, 2: 67—72. (In Russ).
- Zuga, O. V. (2018). “Madame!” insult or polite treatment? *Bulletin of the Udmurt University. History and Philology series*, 28 (2): 248—253. (In Russ).

Чэнь Сюэ. Особенности адаптации английских заимствований в китайском языке (на примере слова *hacker*) / Чэнь Сюэ // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 128—141. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-128-141.

Chen Xue. (2021). Features of Adaptation of English Borrowings in Chinese (Using of Word ‘Hacker’). *Nauchnyi dialog*, 9: 128-141. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-128-141. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-128-141

Особенности адаптации английских заимствований в китайском языке (на примере слова *hacker*)

Чэнь Сюэ

orcid.org/0000-0001-9756-9073

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
Научно-исследовательский центр
русской филологии и культуры
luckyvscx@126.com

Хэйлунцзянский университет
(Харбин, Китай)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
государственного фонда общественных
наук, проект «Сравнительное
исследование по адаптации
и культурной идентичности
англицизмов-терминов в русском
и китайском языках» в 2020 году
(20BYU220)

Features of Adaptation of English Borrowings in Chinese (Using of Word ‘Hacker’)

Chen Xue

orcid.org/0000-0001-9756-9073

PhD in Philology
researcher of language
Literature and Culture Research Center
of Russian Language
luckyvscx@126.com

Heilongjiang University
(Harbin, China)

Acknowledgments:

The study was carried out
with the financial support
of the State Foundation for Social
Sciences, the project “Comparative study
on adaptation and cultural
identity of English terms
in Russian and Chinese” 2020
(20BYU220)

© Чэнь Сюэ, 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности и тенденции адаптации англицизмов в китайском языке. Показано, что проникновение английских слов в китайский язык является современной тенденцией, особенно в сфере компьютерных технологий. Отмечается, что морфемы заимствованных слов, проникая в китайский язык, принимают участие в словообразовании в роли классификаторов, становясь постоянным компонентом сложного слова, что обеспечивает в китайском языке продуктивность определенной модели. Особое внимание уделяется анализу семантического объема термина *hacker*. Установлено, что слово *hacker* на протяжении последних десятилетий развило несколько значений в языке-источнике. Указывается, что под влиянием внешних факторов слово приобретало новые толкования: от нейтрального 'специалист' до негативного 'злоумышленник'. Показано, что наиболее активным способом заимствования англицизмов является транслитерирование: слово *hacker* функционирует в китайском языке в форме двух иероглифов 黑客, где второй компонент входит в модель «X+客», по которой создаются другие неологизмы. Выявлено, что модель является наиболее продуктивной для образования слов со значением лица, занимающегося какой-либо деятельностью, что во многом обусловлено активностью использования слова *hacker* в китайском языке.

Ключевые слова:

китайский язык; термины; иноязычная лексика; англоязычные заимствования; семантика; адаптация; транслитерирование; hacker.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The peculiarities of adaptation of anglicisms in the Chinese language are considered. It is shown that the penetration of English linguistic units into the Chinese language is a modern trend, especially in the field of computer technology. It is noted that the morphemes of borrowed words, penetrating into the Chinese language, take part in word formation in the role of classifiers, becoming a constant component of a complex word, which ensures the productivity of a certain model in the Chinese language. Particular attention is paid to the analysis of the semantic scope of the term *hacker*. It has been established that the word *hacker* has developed different meanings over the past decades. It is pointed out that as the role of the hacker in life changed, the word acquired new interpretations, from neutral 'specialist' to negative 'miscreant'. It is shown that the most active way of borrowing anglicisms is transliteration: the word *hacker* functions in the Chinese language in the form of two hieroglyphs 黑客, where the second component is included in the "X + 客" model, according to which other neologisms are created. It was revealed that the model is the most productive for the formation of words with the meaning of a person engaged in a certain activity, which is largely due to the active use of the word *hacker* in the Chinese language.

Key words:

Chinese; terms; foreign language vocabulary; English-speaking borrowings; semantics; adaptation; transliteration; hacker.

Особенности адаптации английских заимствований в китайском языке (на примере слова *hacker*)

© Чэнь Сюэ, 2021

1. Введение

В китайском языке под заимствованным словом (по-китайски 外来词 *wàiláicí*, букв. ‘слова, пришедшие извне’; другой вариант — 外来语 *wàiláiyǔ*, букв. ‘языковой материал, входящий в свой язык из других’), как правило, «подразумевается слово китайского языка, значение которого соответствует значению слова другого языка, частично или полностью сохранившее звуковую оболочку иностранного слова и в той или иной степени прошедшее “китаизацию”; заимствованным, в полном смысле этого слова, оно может стать при наличии такого условия, как использование его в китайском языке в течение длительного времени» [Ши Ювэй, 2003, с. 4]. Исследования заимствованной лексики в китайском языке начались в первой половине XX века, в фокусе внимания лингвистов находились сферы функционирования заимствованных слов, их этимология и история появления в китайском языке, методы перевода заимствований, нормативный аспект их употребления и т. д. Наиболее значимые результаты в отмеченных областях исследования заимствованных единиц отражены в работах лингвистов [Гао Минкай и др., 1958; Ли Хайянь, 2018а, 2018б; Хуан Хэцин, 2020; Ши Ювэй, 2003, 2019; Ян Сипэн, 2007 и др.]. С конца XX века благодаря расширению международных контактов, а также в результате экономической, политической и культурной экспансии американской и британской культур английский стал основным языком международного общения. Как следствие, главным источником заимствованной лексики во многих языках в настоящее время является английский язык.

Если обратиться к истории развития китайского языка, можно отметить, что первыми источниками заимствований стали санскрит, гуннский, персидский, тюркский, тибетский и другие языки. На сегодняшний день в китайском языке фиксируются заимствованные слова из 84 языков. С началом проведения в Китае в 70—80-е годы политики реформ и открытости основным источником заимствования слов стал английский язык. Поэтому, на наш взгляд, изучение функционирования англицизмов в китайском языке не утрачивает актуальности, более того, развитие технологий, создание новых средств коммуникации влечет за собой появление новых понятий и соответствующей лексики, в том числе заимствованной из английско-

го языка. Анализируя типичные случаи словоупотребления англицизмов, мы исследуем динамический процесс эволюции формы и содержания заимствованного слова, устанавливаем его место в лексической системе китайского языка и выявляем некоторые закономерности функционирования англицизмов в речи.

В Китае англицизмы трактуются в широком смысле как «заимствованные слова, вошедшие в китайский язык из английского языка в своей изначальной форме» [Ли Хайянь, 2018, с. 2]. Добавим, что англицизмы являются заимствованиями из американского, австралийского, британского и др. вариантов английского языка.

Особое внимание в китайской лингвистике уделяется процессу адаптации заимствованных терминов, под которым понимается «внедрение научно-технических терминов на иностранном языке в родной язык, предполагающее изменение языковой формы термина, его перевод на родной язык» [Ли Юймин, 2005, с. 229]. Процесс адаптации терминов-заимствований отличается от вхождения заимствованных общелитературных слов через посредство их перевода.

В данной статье анализируются семантические особенности и тенденции адаптации английской терминологической единицы *hacker* в китайском языке, рассматривается вопрос о влиянии расширения спектра англицизмов на китайский язык; делается попытка дать научное обоснование принципам перевода англицизмов и выработке способов адаптации заимствований.

2. Процесс заимствования английского термина *hacker*

С вступлением в новый век по мере развития во всем мире электроники, информатизации и проникновения других глобальных инновационных изменений, в том числе в связи с развитием сети Интернет, Китай устанавливает все более и более тесные связи с другими странами, особенно с активно развивающимися научно-технологическую сферу, в частности, со странами Европы и США. Нельзя не признать, что западные технологии проникают во все сферы жизни китайского общества — социальную, культурную, бытовую и др. Именно в таком социокультурном контексте иностранные слова, называющие новые понятия, которые отражают достижения западной науки, техники, а также культурные тенденции, проникают в китайский язык в большом количестве. Этот процесс наиболее интенсивно проявляется в сфере IT-технологий, язык которой чаще других заимствует англицизмы. В настоящей статье на примере заимствованного слова *hacker* / 黑客 мы рассмотрим процесс адаптации английских заимствований к системе китайского языка.

Слово *hacker* произошло от глагола *to hack*, который имеет значение ‘ударить и порезать кого-то / что-то грубым, тяжелым способом’ [Hack_1 verb]. Как профессионализм *hacker* появился в 1960-х годах в стенах Массачусетского технологического института. Хакерами называли себя студенты, увлеченные любительской радиосвязью, телефонией или компьютерами. В дальнейшем термин *hacker* стал использоваться в компьютерной среде.

В качестве термина слово *hacker* было включено в Оксфордский словарь английского языка в значении ‘человек, который использует компьютеры для получения доступа к данным в чужой компьютерной или телефонной системе без разрешения’ [Hacker noun]. В английском языке, несмотря на присутствующие в значении семы ‘чужой’, ‘без разрешения’, слово *hacker* не имеет явно выраженной положительной или негативной оценки, отношение к обозначаемому феномену актуализируется в контексте. Изначально в американском варианте английского языка у данного слова как компьютерного термина не было значения ‘взлом’, соответственно, не появлялась и негативная коннотация.

Позднее термином *hacker* стали называть людей, специально использующих компьютерные сети для саботажа или розыгрыша, — и слово получило негативную окраску. В «Англо-китайском словаре терминов высоких технологий» в первом значении слово представлено как ‘человек с особыми навыками в области компьютерных технологий’, позже появились значения ‘компьютерный вор’ и — как наиболее часто актуализирующееся в современной речи — ‘компьютерные злоумышленники или лица, которые разрабатывают компьютерные вирусы’ (обратим внимание на множественное число, частотное с точки зрения словоупотребления) [Англо-китайский словарь ..., 2001a, с. 541]. В «Англо-китайском словаре XXI века» даны три значения этого слова: ‘человек, который рубит что-то’ (словом *хакер* первоначально называли рабочих, которые рубили деревья топорами), ‘компьютерный фанат, любитель компьютерных программ’, ‘хакер, лицо, совершающее систематические несанкционированные доступы в компьютерные системы и сети’ [Англо-китайский словарь ..., 2001b, с. 313].

В 90-е годы XX века начался период стремительного развития Интернета во всем мире, в том числе в Китае. Слово *hacker* как номинация нового феномена появилось в китайском языке, оформившись посредством транслитерации 黑客. Позже в этом варианте оно было включено в «Нормативный словарь современного китайского языка» со следующим определением ‘это транскрипция английского термина “hacker”, в первоначальном значении — человек, не являющийся специалистом в компьютерной сфере, но хорошо разбирающийся в компьютерных технологиях;

в современном значении — человек, создающий вредоносные программы, с помощью которых он незаконно проникает в компьютерные сети других людей с целью развлечения, мошенничества или нанесения ущерба' [Нормативный словарь, 2004, с. 533].

В «Новом англо-китайском сетевом словаре» термин *hacker* фиксируется как полисемант 黑客: 'лицо, имеющее высокую квалификацию в области компьютерной техники или одержимое компьютерными программами, техникой и коммуникационными системами'; 'лицо, применяющее свои технические знания для создания и применения специальных средств с целью получения неправомерного доступа к чужой компьютерной системе или сети' [Новый англо-китайский, 2002, с. 183].

В «Словаре иностранных слов агентства Синьхуа» толкование термина 黑客 несколько изменилось: 'лицо, хорошо владеющее компьютерной техникой, умеющее выявлять дефекты и уязвимости в Интернете и предлагающее меры по их устранению (исчезла сема 'одержимость')'; 'лицо, которое незаконно проникает через Интернет в компьютерные системы других лиц для обнаружения, изменения, кражи конфиденциальных данных или саботажа или вмешательства в компьютерные программы' (конкретизирована цель неправомерного доступа: 'обнаружение, изменение, кража конфиденциальных данных', 'саботаж', 'вмешательство') [Словарь иностранных слов ..., 2019, с. 446].

После заимствования китайским языком термина *hacker* (黑客) в КНР, он был переведен на Тайване как 駭客. До сих пор нет четкого представления о семантическом объеме обоих терминов 黑客 и 駭客. Впоследствии по мере изменения характера действий хакеров в значении слова *hacker* появились семы с негативным смыслом, более того, активно стал использоваться тайваньский синоним 駭客, который эквивалентен термину *cracker* 'лицо, занимающееся злонамеренным взломом коммерческого программного обеспечения, вторжением на чужие сайты и т. д.; близко по значению к слову 黑客'. Фактически же 黑客 и 駭客 — близкие по значению слова, они означают взломщиков компьютерных систем / программного обеспечения. Основное семантическое отличие терминов состоит в том, что у слова 黑客 (*hacker*) есть значения с коннотациями нейтральной ('лицо, имеющее высокую квалификацию в области компьютерной техники' [Новый англо-китайский, 2002, с. 183]) и позитивной ('лицо, хорошо владеющее компьютерной техникой, умеющее выявлять дефекты и уязвимости в Интернете и предлагающее меры по их устранению'), то есть действия 黑客 направлены на созидание, а у слова 駭客 (*cracker*) в значении наличествует негативная коннотация 'злонамеренный взлом', которая указывает на разрушительный характер его деятельности.

3. Процесс адаптации английского термина *hacker* в китайском языке

3.1. Сфера применения 黑客 (*hacker*)

Как показал онлайн-поиск, термин 黑客 используется в Китае главным образом в следующих специальных областях (включается в глоссарии соответствующих дисциплин — см. ниже в скобках) (рис. 1):

— научно-технической: используется в сфере связи в значении ‘лицо, использующее недостатки в системе безопасности для совершения атак на сеть или хищения информации’ («Научно-техническая терминология сферы связи»);

— строительной: в значении ‘лицо, осуществляющее несанкционированный доступ в компьютерные системы и сети’ («Строительная терминология»);

— компьютерной: в значении ‘злоумышленник с глубокими знаниями компьютеров и сетей, способный обойти систему контроля сети и получить доступ к компьютерной системе или сетям, вывести их из строя’ («Компьютерная терминология»).

3.2. Особенности словообразования термина 黑客

Транслитерация и «вольный» перевод являются двумя основными методами перевода иностранных слов на китайский язык. В китайской лингвистике транслитерацией называется «фонетический способ заимствования, то есть при перенесении слова в другой язык сохраняется его звуковая форма, это наиболее удобный способ для всех языков при заимствовании слов друг у друга» [Ли Хайянь, 2018б, с. 38]. Так называемый «вольный» перевод «заключается в переводе в соответствии со значением исходного слова на иностранном языке» [Ян Сипэн, 2007, с. 106]. Китайское слово 黑客 является транслитерацией англицизма *hacker*. Фонетически 黑 передает звучание компонента *hac*, а 客 — *ker*, вторая часть иероглифа 黑客 вносит негативный оттенок. В результате модель «黑 + 客» идеально подходит для транслитерации термина-англицизма *hacker*. С точки зрения семантики иероглиф 黑 в китайской культуре имеет два значения — с положительной и негативной коннотацией. С одной стороны, 黑 в Китае означает ‘твердость, упорство, строгость, бескорыстность’, с другой стороны, данный иероглиф символизирует ‘тьму, коварство, террор, заговор’, поэтому он может служить номинацией таких характеристик понятия «黑客», как загадочность, удивительные способности, скрытность и т. д. Второй иероглиф 客 означает ‘гость’ в противопоставление ‘хозяину’, он также приобретает переносное значение ‘дерзкий, бродящий по виртуальному миру Интернета, обладающий исключительным умением’, ‘рыцарь’ или ‘супермен’. Сочетание двух слов точно отражает концептуальный смысл термина *hacker*. Таким образом, можно утверждать, что 黑 + 客 — это идеальное сочетание

транслитерации и вольного перевода. Слово 黑客 вошло в лексическую систему и активно используется в речи носителями китайского языка. Это обусловлено во многом тем, что китайское письмо — это идеографическая система записи китайцев, которые, исходя из своих когнитивных установок, как правило, определяют значение слова по внешнему виду иероглифов. В китайском языке также существует много иностранных слов, проникших в язык путем фонетического заимствования и со временем постепенно вытесненных семантическими заимствованиями. Например, фонетическое заимствование 德律风 (*délǜfēng* ‘телефон’) впоследствии было заменено калькой 电话 (*diànhuà* ‘телефон’). Поэтому можно сказать, что такой локализованный подход также является наиболее эффективным методом заимствования иностранных слов.

3.3. Семантическая эволюция 黑客

По мере того, как постепенно менялся характер поведения хакеров, слово 黑客 развило новые значения и вошло в состав устойчивых сочетаний, имеющих переносное значение: *хакеры в белой шляпе (white hacker)*, *хакеры в серой шляпе*, *хакеры в черной шляпе*. Они различаются в зависимости от целей и характера работы. Тайваньский вариант 骇客 — также называет один из видов хакеров, чье поведение выходит за рамки легальной работы IT-специалиста, поскольку ради личных предпочтений, денег и / или других целей 骇客 совершает атаки, более того, ради денег — он готов на всё. Хотя они относятся к той же категории хакеров, которые занимаются взломами, их поступки наносят более серьезный ущерб сетевой и компьютерной безопасности объектов хакерской агрессии, каждая атака таких хакеров приводит к широкомасштабным последствиям и экономическим потерям, поэтому они получили особое название — 骇客.

Кроме того, в Китае появился термин 红客 (*красный хакер*) — группа, совершающая атаки на враждебные Китаю сайты или системы. Различия между этим термином и другими номинациями хакеров лежат не в технической сфере: термин 红客 называет компьютерного специалиста, который защищает государственные интересы, он использует интернет-технологии не для вторжения в компьютерные системы своей страны, а для защиты справедливости, для борьбы за славу Китая, противодействия иностранным атакам и поддержания безопасности отечественных сетей. Деятельность 红客 воплощает дух любви к родине, справедливость и новаторство. 红客 можно дать следующее краткое определение — это ‘хакер-патриот, занятый в сфере кибербезопасности’. Иероглиф 红 (*красный*) всегда занимал важное место в истории и культуре Китая, он олицетворяет справедливость: в китайском языке есть такие выражения, как *красное сердце* (‘преданность, верность’), *красная армия*, *красная власть* и т. д. В послед-

нее время красный цвет стал олицетворением пролетарской революции, приобрел глубокую политическую окраску, чем и обусловлено название хакера-патриота — 红客.

4. Модель образования термина «X+客»

4.1. Виды терминов, созданных по модели «X+客»

Для нашего исследования важно следующее: «Типологическая функция, возникающая в связи с терминологией, то есть создание новых терминов на основе аналогичных элементов в соответствующей терминологической форме, может либо установить связь сходства между уже существующими и новыми концепциями, либо передать обоснованную связь между терминологией и упомянутым предметом» [Чэнь Сюэ, 2017, с. 186].

После того, как слово 黑客 (*hacker*) проникло в китайский язык, в нем появился ряд слов, образованных по модели «X+客», например, 博客 (*блог*), 闪客 (*флеш-аниматор*), 播客 (*подкаст*), 维客 (*Википедия*), 极客 (*гик*), 摩客 (*участник флеш-моба*), 威客 (*Witkey*), 秀客 (*Xiuke*) и т. д. Важно отметить, что в данных языковых единицах использование морфемы 客 различается в соответствии с означаемым: слова можно разделить на те, которые указывают на лица, и те, которые называют предметы.

4.2. «X+客» — указание на лицо

В таких терминах, как 极客 (*гик*), 炒客 (*биржевой спекулянт*), 闪客 (*флеш-аниматор*) и др., 客 указывает на лицо, занимающееся какой-либо деятельностью. Как видно из сопоставления китайских терминов с исходными словами английского языка, в процессе словообразования применяется два способа. Первый — транслитерация: например, слово 极客 образовано путем транслитерации американского профессионализма *geek*, которое служит для обозначения людей, обладающих обширными специальными знаниями в так называемой «гиковской» области — науке и высоких технологиях. Второй способ предполагает, что 客, присоединяясь к слову, вносит значение классовой / социальной принадлежности («занимающийся (чем-либо) ... человек»). Так, термин 闪客 называется флеш-аниматора — человека, принадлежащего к сообществу людей новой культуры в Интернете. Слово 闪 имеет значение *flash* (англ. «молния» или «вспышка»), а морфема 客 указывает на род деятельности. Получается конструкция, выражающая смысл: «человек, часто использующий *flash*».

4.3. «X+客» — указание на предметы

Слов, образованных по модели «X+客» и указывающих на предметы, появляется меньше, чем номинаций человека. К ним относятся, например, 博客 (*blog*), 播客 (*podcaster*), 酷客 (*cooco*), 维客 (*wiki*) и т. д. Эти термины образованы путем транслитерации: 博客 (*blog*) — это сетевой журнал, 维

客 (*wiki*) — это свободно распространяемое средство для коллективного создания и редактирования, хранения, структуризации гипертекста, 酷客 (*cooco*) — передовая коммерческая мультимедийная система связи, также известная как система видеоконференций в Интернете. Термин 播客 (*podcast*) появился в результате сочетания слов *iPod* и *broadcasting*. Поскольку английские слова *podcast*, *podcaster* и *podcasting* соотносятся друг с другом как однокоренные, в китайском языке для них часто используется один термин — 播客.

Таким образом, модель «X+客» имеет высокую продуктивность главным образом при создании слов, называющих лицо. Возможно, это обусловлено тем, что на протяжении истории развития языка слово 客 называло преимущественно человека. Так, в древнем китайском языке у 客, помимо глагольного значения 1) ‘жить на чужбине’, выделяется шесть значений существительного: 2) *сущ.* человек, живущий в чужих краях; 3) *сущ.* клиент, гость; 4) *сущ.* прихлебатель, приживальщик; 5) *сущ.* друг, приятель; 6) *сущ.* мастер (*чего-либо*), или имеющий какой-либо статус; 7) *сущ.* объект; противопоставляется субъекту; сторона, подчиненная субъекту [Древнекитайский словарь, 2014]. В современном китайском языке 客 имеет следующие значения: 1) приглашенный человек (противопоставляется хозяину); 2) человек, занимающийся какой-либо деятельностью, перемещающаяся с места на место; 3) торговец, занимающийся перевозкой в разные места товаров с целью сбыта; 4) в сферах торговли, транспорта и сферы услуг — лица, приходящие с какой-нибудь целью [Нормативный словарь, 2001, с. 746].

Как мы видим, значение производных слов, построенных на основе модели «X+客», соотносится со значением производящего слова 客, современное значение которого ‘занимающийся (чем-либо) ... человек’. Это наиболее продуктивная словообразовательная модель, поскольку передаёт и принадлежность к определенной категории, и совпадение фонетического звучания и слогов. В то же время можно предположить, что продуктивность данной модели связана с появлением понятия «хакер» и заимствованием соответствующего слова *hacker*.

5. Заключение

Анализ особенностей адаптации слова *hacker* в китайском языке позволил сделать ряд выводов в отношении заимствований из английского как языка-донора и вхождения англицизмов в лексическую систему языка-реципиента.

(1) Английский язык является одним из основных источников пополнения китайского языка новыми словами, в том числе терминологической и профессиональной лексикой, обслуживающей сферу компьютерных тех-

нологий. В связи с развитием интернета специальная лексика получила широкое распространение в речи китайцев и стала использоваться людьми, не связанными с IT-сферой профессионально.

(2) Семантика слова *hacker* претерпела изменения в соответствии с трансформацией феномена, обозначением которого оно служит: от безоценочного названия специалиста в сфере компьютерных технологий до номинации злоумышленника, занимающегося незаконными взломами компьютерных систем. Актуальность данного языкового факта обусловила появление производных единиц, в том числе устойчивых выражений (*хакеры в белой шляпе / white hacker* и др.), как с позитивной, так и с негативной оценкой.

(3) Основным приемом заимствования англицизмов в китайском языке является транслитерация. Английское слово *hacker* транслитерировано китайскими иероглифами 黑客, при этом второй символ стал частью модели, по которой образуются другие единицы, связанные семантически со сферой интернет-технологий (*摩客 / участник флеш-моба* и др.). По модели «X+客» образуются слова, преимущественно со значением лица. Отмечается высокая продуктивность данной модели.

(4) Очевидно, что транслитерация обеспечивает процесс проникновения новых слов в китайский язык. При выборе китайских иероглифов в процессе фонетического заимствования следует учитывать как значение самого китайского иероглифа и соответствующее значение слова, так и способность китайского иероглифа сочетаться с другими языковыми элементами в составе новых языковых единиц, то есть служить компонентом словообразовательной модели.

Источники

1. *Англо-китайский словарь*, 2001a — 英汉高科技词典[Z]. — 江苏科学技术出版社, 2001. — 1369 页. (*Англо-китайский словарь терминов высоких технологий*. — Нанкин : Научно-техническое издательство Цзянсу, 2001a. — 1369 с.).
2. *Англо-китайский словарь*, 2001b — 21世纪英汉词典[Z]. — 外文出版社, 2001. — 840 页. (*Англо-китайский словарь 21 века*. — Пекин : Издательство иностранной литературы, 2001b. — 840 с.).
3. *Древнекитайский словарь*, 2014 — 古汉语词典[Z]. — 商务印书馆, 2014. — 1990 页. (*Древнекитайский словарь*. — Пекин : Издательство Шаньхуа, 2014. — 1990 с.).
4. *Новый англо-китайский словарь*, 2002 — 新英汉网络词典[Z]. — 北京邮电大学出版社, 2002. — 689 页. (*Новый англо-китайский словарь по сетевым технологиям*. — Пекин : Издательство Пекинского университета связи и телекоммуникаций, 2002. — 689 с.).
5. *Нормативный словарь*, 2004 — 现代汉语规范词典[Z]. — 外语教学与研究出版社, 2004. — 1758 页. (*Нормативный словарь современного китайского языка*. — Пекин : Преподавание и исследование иностранных языков, 2004. — 1758 с.).

6. *Hack_1* verb — *Definition*, pictures, pronunciation and usage notes // Oxford Advanced Learner's Dictionary at OxfordLearnersDictionaries.com. — Access mode : https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/hack_1?q=+hack (accessed 15.05.2021).

7. *Hacker* noun — *Definition*, pictures, pronunciation and usage notes // Oxford Advanced Learner's Dictionary at OxfordLearnersDictionaries.com. — Access mode : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/hacker?q=hacker> (accessed 15.05.2021).

Литература

1. Гао Минкай и др., 1958 — 高名凯, 刘正琰. 现代汉语外来词研究[M]. — 文字改革出版社, 1958. — 239 页. (*Гао Минкай*. Исследование иностранных слов в современном китайском языке / Гао Минкай, Лю Чжэнтань. — Пекин : Издательство Текстовой Реформы, 1958. — 239 с.).

2. Ли Хайянь, 2018 — 李海燕. 英源外来词的引进与演变研究[M]. — 中国社会科学出版社, 2018. — 249 页. (*Ли Хайянь*. Исследование вхождения и изменения английских заимствованных слов в китайском языке / Ли Хайянь. — Пекин : Китайские общественные науки, 2018. — 249 с.).

3. Ли Юймин, 2005 — 李宇明. 中国语言规划论[M]. — 东北师范大学出版社, 2005. — 348 页. (*Ли Юймин*. Языковая ситуация в Китае / Ли Юймин. — Чанчунь : Издательство Северо-восточного педагогического университета, 2005. — 348 с.).

4. Чэнь Сюэ, 2017 — 陈雪. 认知术语学概论[M]. — 商务印书馆, 2017. — 283 页. (*Чэнь Сюэ*. Введение в когнитивное терминоведение / Чэнь Сюэ. — Пекин : Издательство Шаньгу иньшугуань, 2017. — 283 с.).

5. Ши Ювэй, 2003 — 史有为. 汉语外来词[M]. — 北京 : 商务印书馆, 2003. — 239 с. (*Ши Ювэй*. Иностранные заимствования в китайском языке / Ши Ювэй. — Пекин : Издательство Шаньгу иньшугуань, 2003. — 239 с.).

6. Ши Ювэй, 2019 — 史有为. 新华外来词词典[Z]. — 商务印书馆, 2019. — 1604 с. (*Ши Ювэй*. Словарь заимствованных слов Синьхуа / Ши Ювэй. — Пекин : Издательство Шаньгу иньшугуань, 2019. — 1604 с.).

7. Хуан Хэцин, 2020 — 黄河清. 近现代汉语辞源 (两卷本) [Z]. — 上海辞书出版社, 2020. — 2305 页. (*Хуан Хэцин*. Источник слов современного китайского языка / Хуан Хэцин. — Шанхай : Шанхайское издательство словарей 2020. — 2305 с.).

8. Ян Сипэн, 2007 — 杨锡彭. 汉语外来词研究[M]. — 上海 : 上海人民出版社, 2007. — 295 页. (*Ян Сипэн*. Изучение китайских иностранных слов / Ян Сипэн. — Шанхай : Шанхайское народное издательство, 2007 — 295 с.).

MATERIAL RESOURCES

Ancient Chinese Dictionary. (2014). Beijing: Shangwu yinshuguan Publishing House. 1990 p. (In Chin.).

English-Chinese Dictionary of High-tech terms. (2001). Nanjing: Jiangsu Scientific and Technical Publishing House. 1369 p. (In Chin.).

English-Chinese Dictionary of the 21st century. (2001). Beijing: Publishing House of Foreign Literature. 840 p. (In Chin.).

Hack_1 verb. Definition, pictures, pronunciation and usage notes. In: *Oxford Advanced Learner's Dictionary at OxfordLearnersDictionaries.com*. Available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/hack_1?q=+hack (accessed 15.05.2021).

Hacker noun. Definition, pictures, pronunciation and usage notes. In: *Oxford Advanced Learner's Dictionary at OxfordLearnersDictionaries.com*. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/hacker?q=hacker> (accessed 15.05.2021).

New English-Chinese Dictionary of Network Technologies. (2002). Beijing: Publishing House of the Beijing University of Communications and Telecommunications. 689 p. (In Chin.).

Normative Dictionary of the Modern Chinese language. (2004). Beijing: Publishing House "Teaching and research of foreign languages". 1758 p. (In Chin.).

REFERENCES

Chen Xue. (2017). *Introduction to cognitive terminology*. Beijing: Shangwu yinshuguan Publishing House. 283 p. (In Chin.).

Gao Mingkai, Liu Zhengtan (1958). *The study of foreign words in the modern Chinese language*. Beijing: Publishing House of Text Reform. 239 p. (In Chin.).

Huang Heqing. (2020). The source of words of the modern Chinese language. 2305 p. (In Chin.).

Li Haiyan. (2018). *The study of the occurrence and change of English loanwords in the Chinese language*. Beijing: Chinese Social Sciences. 249 p. (In Chin.).

Li Yuming. (2005). *The language situation in China*. Changchun: Publishing House of the North-Eastern Pedagogical University. 348 p. (In Chin.).

Shi Yuwei. (2003). *Foreign borrowings in Chinese*. Beijing: Shangwu yinshuguan Publishing House. 239 p. (In Chin.).

Shi Yuwei. (2019). *Xinhua / Shi Yuwei Dictionary of Loanwords*. Beijing: Shangwu yinshuguan Publishing House. 1604 p. (In Chin.).

Yang Sipeng. (2007). *Learning Chinese foreign words*. Shanghai: Shanghai People's Publishing House. 295 p. (In Chin.).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

.....

Антон Дмитриевич Карпов, аспирант (Саранск, Россия)

Галина Владимировна Попова, канд. пед. наук (Курск, Россия)

Гузель Чахваровна Файзуллина, д-р филол. наук (Тюмень, Россия)

Екатерина Александровна Белоглазова, аспирант (Саранск, Россия)

Екатерина Александровна Мартыненко, аспирант (Ростов-на-Дону, Россия)

Екатерина Владимировна Фёдорова, старш. преп. (Чита, Россия)

Елена Николаевна Ермакова, д-р филол. наук (Тюмень, Россия)

Майя Владимировна Прокопова, канд. филол. наук (Тюмень, Россия)

Ольга Юрьевна Осьмухина, д-р филол. наук (Саранск, Россия)

Татьяна Викторовна Воронченко, д-р филол. наук (Чита, Россия)

Татьяна Ивановна Ярошовец, канд. филос. наук (Киев, Украина)

Юлия Александровна Сазонова, канд. наук по соц. ком. (Николаев, Украина)

Воронченко Т. В. Эвенкийская литература и фольклор в пространстве трансграничья (Россия — Китай) : обзор современных отечественных и зарубежных исследований / Т. В. Воронченко, Е. В. Фёдорова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 142—164. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-142-164.

Voronchenko, T. V., Fyodorova, E. V. (2021). Evenk Literature and Folklore in Transboundary Space (Russia — China): a Review of Modern Domestic and Foreign Studies. *Nauchnyi dialog*, 9: 142-164. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-142-164. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-142-164

**Эвенкийская литература
и фольклор в пространстве
трансграничья (Россия —
Китай): обзор современных
отечественных и зарубежных
исследований**

Воронченко Татьяна Викторовна

orcid.org/0000-0001-7913-3057

доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы
tavoronch@mail.ru

Фёдорова Екатерина Владимировна

orcid.org/0000-0001-8156-119X

старший преподаватель
кафедра европейских языков
и лингводидактики
katyaz@bk.ru

Забайкальский государственный
университет
(Чита, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-112-50206
«Эвенкийская литература и фольклор
в пространстве трансграничья
(Россия-Китай): обзор современных
отечественных и зарубежных
исследований»

**Evenk Literature and Folklore
in Transboundary Space
(Russia — China):
a Review of Modern Domestic
and Foreign Studies**

Tatiana V. Voronchenko

orcid.org/0000-0001-7913-3057

Doctor of Philology, Professor
Department of Literature
tavoronch@mail.ru

Ekaterina V. Fyodorova

orcid.org/0000-0001-8156-119X

Senior Lecturer
Department of European Languages
and Linguodidactics
katyaz@bk.ru

Transbaikal State University
(Chita, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR
project number
20-112-50206
“Evenk literature and folklore
in the cross-border space (Russia-China):
review of modern domestic and foreign
studies”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена обзору научных трудов и критических публикаций отечественных и зарубежных учёных 2000—2021 годов, в которых представлен современный взгляд на вопросы изучения эвенкийской литературы и фольклора Забайкалья, Приамурья и Северного Китая. Актуальность темы научного обзора обусловлена усилением в конце XX — начале XXI веков интереса мировой общественности к проблемам сохранения и развития культур коренных малочисленных народов мира. В связи с этим рассмотрение эвенкийской (тунгусской) этнокультуры различных регионов, включая трансграничный (Россия — Китай), в глобальном масштабе требует особого внимания. Авторы обращаются к выявлению исследовательских стратегий представителей научных центров России и других стран мира с учётом достижений в области тунгусоведения XX века и расширения проблемного поля в первые десятилетия XXI века. Доказано, что в 2000—2021 годах существенно изменяется география публикаций научных трудов в данной области в мировом масштабе: Россия, Китай, европейские страны, США, Япония. Характерной чертой современных исследований является междисциплинарная направленность. Отмечаются усиление академического интереса к «эвенкийскому феномену» в литературе и рост числа литературоведческих работ.

Ключевые слова:

эвенки; эвенкийская литература; фольклор; эвенки России; эвенки КНР; трансграничье Россия — Китай.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to a review of scientific works and critical publications of domestic and foreign scientists in 2000—2021, which presents a modern view of the study of Evenk literature and folklore of Transbaikalia, the Amur Region and North China. The relevance of the topic of the scientific review is due to the increasing interest of the world community in the problems of preserving and developing the cultures of the indigenous small-numbered peoples of the world in the late XX — early XXI centuries, in connection with which the consideration of the Evenk (Tungus) ethnoculture of various regions, including the transboundary (Russia-China), in the global scale requires special attention. The authors turn to the identification of research strategies of representatives of scientific centers in Russia and countries of the world, taking into account the achievements in the field of Tungus studies of the XX century and the expansion of the problem field in the first decades of the XXI century. It is proved that in 2000—2021 the geography of publications of scientific works in this field on a global scale changes significantly: Russia, China, European countries, USA, Japan. A characteristic feature of modern research is an interdisciplinary focus. There is an increase in academic interest in the “Evenk phenomenon” in literature and an increase in the number of literary works.

Key words:

Evenki; Evenk literature; folklore; Evenki of Russia; Evenks of the PRC; cross-border area Russia — China.

Эвенкийская литература и фольклор в пространстве трансграничья (Россия — Китай): обзор современных отечественных и зарубежных исследований

© Воронченко Т. В., Фёдорова Е. В., 2021

1. Введение

Актуальность темы научного обзора, представленного в статье, обусловлена тем, что на рубеже XX—XXI веков усиливается внимание мировой общественности к проблемам сохранения и развития культур коренных малочисленных народов мира, в том числе населяющих трансграничные регионы. Объектом исследования в данной статье является корпус работ, посвящённых этнокультуре эвенков, проживающих на приграничных территориях России и Китая; предмет анализа — общие характеристики исследовательских стратегий современных отечественных и зарубежных учёных, которые обращаются к изучению эвенкийской литературы и фольклора в пространстве трансграничья в 2000—2021 годах.

Генеральная Ассамблея ООН учреждает Международный день коренных народов мира в 1994 году. В дальнейшем силами ООН и ЮНЕСКО 2019 год провозглашается Международным годом языков коренных народов. Период с 2022 по 2032 годы объявлен Международным десятилетием языков коренных народов. В связи с этим особую остроту приобретает рассмотрение эвенкийской этнокультуры в качестве мирового феномена. Широкая география расселения эвенков (до 1930-х годов известны как «тунгусы») при относительно небольшой их численности (около 35 тыс. в России и 39 тыс. в Китае) «представляет уникальное явление в истории человечества» (Туголуков). Литература и фольклор эвенков, населяющих приграничные территории России (в частности, Забайкалье и Приамурье) и Китая (в особенности вдоль речной границы, на южном, правом, берегу реки Аргунь), рассматриваются в трудах учёных России, Китая и других стран, однако к настоящему моменту разработки в данном проблемном поле носят разрозненный характер и в большинстве своём сосредоточены в отдельных академических центрах. В связи с этим возникает необходимость в представлении комплекса сведений об исследованиях, посвящённых эвенкийской словесности по обе стороны российско-китайской границы: монографиях, сборниках, статьях как известных, так и начинающих учёных разных стран.

Цель обзорной статьи — представить и обобщить труды современных отечественных и зарубежных исследователей (2000—2021 года), посвя-

щённые эвенкийской литературе и фольклору Забайкалья, Приамурья и Северного Китая, выявить особенности исследовательских стратегий, отражающих логику изучения вопроса в культурной антропологии, литературоведении, истории. Собранный на этой основе корпус работ позволит расширить представление о возможностях применения междисциплинарного подхода к изучению феномена традиционной культуры коренного народа в глобальном измерении.

2. Изучение фольклора эвенков России и Китая в XXI веке: характерные черты исследовательских стратегий

Обращаясь к изучению эвенкийской литературы и фольклора в пространстве трансграничья, современные исследователи опираются на достижения тунгусоведов XX века. Разыскания известных учёных в этой области создают базу для изучения эвенкийского творчества в Забайкалье, Приамурье и Северном Китае в XXI веке. В России на протяжении десятилетий выходят фундаментальные труды Г. М. Василевич (1936, 1950, 1966), М. Г. Воскобойникова (1960, 1967, 1980), М. А. Сергеева (1955) и др.; они освещают малоизвестные факты развития фольклора и литературы эвенков в различных регионах страны, привлекают редкие материалы и вводят в научный оборот ряд новых этнографических и литературоведческих понятий.

В первые десятилетия XXI века фундаментальные исследования фольклора народов Сибири и Дальнего Востока продолжают выполняться на базе Сибирского отделения РАН. Об усилении академического интереса к эвенкийскому фольклору свидетельствует тот факт, что в 2014 году выходит том «Обрядовая поэзия и песни эвенков» (сост. Г. И. Варламова, А. Н. Мыреева, Ю. И. Шейкин [Обрядовая поэзия ..., 2014]) — первое комплексное издание эвенкийского поэтического фольклора. Важно подчеркнуть, что серию изданий РАН «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» открывает том «Эвенкийские героические сказания» (сост. А. Н. Мыреева), опубликованный в Новосибирске в издательстве «Наука» ещё в 1990 году.

К изучению фольклора непосредственно забайкальских эвенков обращается Т. Ю. Сем (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург). В статье «Идеи о богатстве в фольклоре восточных эвенков» [Сем, 2015] исследователь рассматривает сказки эвенков Забайкалья, записанные М. Г. Воскобойниковым, сказание забайкальских эвенков «Небесная Суву», зафиксированное И. Г. Георги в XVIII веке. Большую ценность представляет книга историко-этнографических очерков Т. Ю. Сем «Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи)» (Санкт-Петербург, 2012) [Сем, 2012]), в которой исследуется мировоззренческая

основа картины мира и верховный пантеон тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока XIX—XX веков, при этом особое внимание уделяется выявлению особенностей репрезентации мифологического образа мира тунгусов в фольклоре на уровне сказки, эпоса, мифа и ритуала. Т. Ю. Сем выделяет три периода истории изучения картины мира тунгусо-маньчжурских народов в отечественной и зарубежной этнологии: первый период (XIII—XVII) — период накопления сведений, второй (XVIII — начало XX) — историко-этнографический, третий (середина XX — начало XXI) — культурно-антропологический. Обозначенные Сем периоды отражают происходящие трансформации исследовательских стратегий в области изучения эвенкийской литературы и фольклора учёными России и других стран мира.

Современные труды зарубежных учёных, в которых рассматривается фольклор эвенков Забайкалья, Приамурья и Северного Китая, в большинстве своём носят культурно-антропологический характер. География появления работ довольно широка: публикации разного уровня, в которых отчасти уделяется внимание фольклору, создаются учёными европейских стран, США, Китая, Японии. Знаковой фигурой в современном тунгусоведении является французская исследовательница, доктор антропологии Александра Лаврилье (*Alexandra Lavrillier*) — автор около 40 научных трудов, посвящённых этнокультуре эвенков. В 2017 году выходит книга Лаврилье, написанная в соавторстве с эвенкийским оленеводом и охотником С. Габышевым, «Арктическая система знаний коренных народов о ландшафте, климате и человеческих взаимодействиях: эвенкийские оленеводы и охотники» (*«An Arctic indigenous knowledge system of landscape, climate, and human interactions: Evenki reindeer herders and hunters»*, Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2017) [Lavrillier et al., 2017]. Выходу книги предшествует издание ряда статей, посвящённых вопросам образования детей-эвенков в условиях кочевого образа жизни [Lavrillier, 2013a; Lavrillier, 2013b] и традиционным верованиям эвенков Амурской области, нашедшим отражение в народных легендах [Lavrillier, 2013c]. При проведении многочисленных полевых исследований образа жизни кочевого народа Лаврилье обращается к изучению представлений эвенков о природной среде, воплощённых в фольклоре.

Интересный вывод о взаимосвязи традиционных принципов обустройства жилища эвенка с архаическими мифологическими представлениями делает Оле Грюн (*Ole Grøn*, Копенгагенский университет), который проводит археологические и этнографические исследования непосредственно на территории Забайкальского края. О. Грюн и О. В. Кузнецов анализируют, в частности, текст мифа забайкальских эвенков о происхождении человека от медведя [Gron et al., 2003, p. 218].

К определению роли традиционных ритуальных практик в жизни современных эвенков Амурской области обращается французский исследователь Анри Леконт (*Henri Lecomte*) [Lecomte, 2006]. В последнее десятилетие большой вклад в изучение культуры эвенков Забайкалья и Приамурья вносит доктор социальной антропологии Вильнюсского университета (Литва), сотрудник Центра арктических и сибирских исследований Социологического института РАН (Санкт-Петербург) Донатас Брандишаускас (*Donatas Brandišauskas*). Его монография «Оставляя следы в тайге: удача, духи и амбивалентность сибирских оленеводов и охотников» (*«Leaving Footprints in the Taiga: Luck, Spirits, and Ambivalence among the Siberian Orochen Reindeer Herders and Hunters»*) [Brandišauskas, 2017], которая выходит в Нью-Йорке в 2017 году, содержит реминисценции из области обрядового фольклора. Работа базируется на ряде статей, посвящённых изучению уклада жизни и традиционных верований эвенков Забайкалья: «Символика и экологическое использование огня у эвенков-олленеводов» (*«Symbolism and Ecological Uses of Fire among Orochen-Evenki»*, 2007) [Brandišauskas, 2007], «Дом в тайге: передвижения, тропы и знаки эвенкийских оленеводов и охотников Забайкальского края (Юго-Восточная Сибирь)» (*«Making a Home in the Taiga: Movements, Paths, and Signs among Orochen-Evenki Hunters and Herders of Zabaikal Krai (South East Siberia)»*, 2012) [Brandišauskas, 2012] и др.

К сравнительно-сопоставительному изучению мифов о медведе, бытующих у эвенков (тунгусов) Приамурья, и особенностей их репрезентации в фольклоре обращается финский исследователь Ю. Янхунен (*Juna Janhunen*) в статье «По следам мифов о медведе в Северо-Восточной Азии» (*«Tracing the bear myth in northeast Asia»*, 2003) в журнале *«Acta Slavica Iaponica»* [Janhunen, 2003] японского Научного центра славистики и евразийских исследований (Университет Хоккайдо, Саппоро). Следует отметить, что интерес к культуре эвенков прослеживается в публикациях японских научных журналов начиная с 1990-х годов, среди них издания *«Asian Folklore Studies»* (с 2008 года переименован в *«Asian Ethnology»*), *«Senri Ethnological Reports»*. Среди работ последних лет выделяются труды японского исследователя Сиро Сасари (*Shiro Sasari*), представителя Национального музея этнологии (Осака, Япония). Сасари изучает жизнь коренных народов Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период и сосредоточивает внимание на культурном наследии эвенков Байкало-Амурского региона. В 2015 году он выступает редактором спецвыпуска № 128 журнала *«Senri Ethnological Reports»*, в котором размещена статья «Культурное наследие бурят, эвенков и семейских: объекты материальной и духовной культуры в фондах Этнографического музея народов Забайка-

ля» (*«The Cultural Heritage of Buryats, Evenks and Semeyskiye: Material and Religious Articles From the Collections of the Ethnographic Museum of Transbaikalian Peoples»*) [Senri Ethnological Reports, 2015].

Существенной новизной и перспективностью отличаются работы сотрудников Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), которые предлагают новые стратегии сравнительно-сопоставительного изучения творческого наследия этноса эвенков в пространстве трансграничья. В 2018—2019 годах выходят статьи М. П. Дьяконовой и Г. И. Варламовой: «Мифы о творении эвенков-оленьеводов Китая» [Дьяконова, 2018], «Новые данные о фольклоре эвенков Китая: сюжеты о творении мира» [Варламова и др., 2019]. В них описаны и проанализированы три фольклорных сюжета эвенков КНР о сотворении мира, выделены сходства и различия с соответствующими сюжетами в произведениях устного народного творчества эвенков Забайкальского края, Иркутской и Амурской областей. Авторы справедливо указывают на исторически сложившуюся разобщённость эвенков России и Китая в предыдущие периоды и интенсификацию контактов между сородичами с начала 2000-х годов. Исследователи отмечают: несмотря на то, что «в мифах эвенков КНР сохранился общий эвено-эвенкийский мотив — хищная птица как помощник творца у эвенов России и яко-эвенков КНР» [Варламова и др., 2019, с. 19], «отсутствие контактов повлекло за собой определённые изменения: сюжетный и мотивный фонды российских и китайских эвенков обрели свои локальные характеристики» [Там же].

Закономерный интерес в плане расширения поля применения стратегии сравнительно-сопоставительного изучения эвенкийских фольклорных мотивов, которые оказали влияние на творчество писателей в России и Китае, вызывает статья Е. Ф. Афанасьевой (Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ) «Фольклорное начало в литературе эвенков Китая» [Афанасьева, 2021]. Автор обращается к текстам забайкальского писателя-эвенка XX века Никиты Сахарова и современной писательницы Северного Китая Чи Цзыцзянь. Е. Ф. Афанасьева указывает на проблему, связанную с недостаточным количеством взаимных переводов фольклорных текстов, которая актуализируется в исследованиях XXI века: «Устное народное творчество локальных групп эвенков Китая неизвестно российским эвенкам, так же как зарубежные эвенки не знакомы с российскими мифами, сказками, народными песнями, легендами, преданиями» [Афанасьева, 2021, с. 8].

Внимание китайской академической аудитории к различным жанрам эвенкийского фольклора подтверждается выходом в последние годы ряда публикаций, посвящённых развёрнутому анализу распространённых фоль-

клорных текстов. Например, исследователи из Северо-Западного университета Миньцзу (*Northwest Minzu University*), ранее известного как Северо-Западный университет национальных меньшинств КНР, обращаются к изучению эвенкийских народных песен с позиций акустических характеристик [Shiliang et al., 2021]. Фу Чжунфын (*Fu Zhongfeng*), начинающий исследователь из Университета Хэйхэ, который находится в провинции Хэйлунцзян, граничащей с российским Приамурьем, публикует статьи «Анализ народных сказок ороочонов¹ и их культурная значимость в процессе создания иллюстрированных книг» (*«An Analysis of Oroqen Folk Tales and Their Cultural Value in the Creation of Picture Books»*, 2018) [Fu, 2018a] и «Новые подходы к созданию иллюстрированных книг ороочонских народных сказок» (*«A New Approach to the Creation of the Oroqen Folk Story Picture Book»*, 2018) [Fu, 2018b]. Он подчёркивает важность изучения устного народного творчества эвенков и популяризации ороочонских фольклорных образцов, которое призвано сыграть значительную роль в деле сохранения традиционной культуры коренного народа по обе стороны российско-китайской границы.

Наряду со сказками внимание учёных традиционно привлекают жанры несказочной прозы. Лоретта Ким (*Loretta Kim*) из Гонконгского университета занимается изучением современной истории Китая, культуры пограничья, языков и литератур национальных меньшинств КНР. В статье «Святые для шаманов? Культура, религия и политика в пространстве пограничья в бассейне реки Амур (XVII—XIX вв.)» (*«Saints for Shamans? Culture, Religion and Borderland Politics in Amuria from the Seventeenth to Nineteenth Centuries»*, 2012—2013) Ким приводит пересказ предания о тунгусском князе Гантимуре, который в середине XVII века вместе с подданными перешёл с китайской стороны на русскую, начав «России верное служение». В фольклорном тексте, найденном Л. Ким, Гантимур предстаёт как рассудительный предводитель, который делает разумный выбор в пользу «меньшего из двух зол» (*the lesser of two evils*) [Kim, 2013, с. 179] и принимает российское подданство, обретая при этом более надёжного покровителя.

3. Культура эвенков России и Китая в зеркале литературы: основные тенденции изучения специфики художественного творчества

Что касается изучения эвенкийской художественной литературы Забайкалья, Приамурья и Северного Китая, то период 2000—2021 годов отмечен появлением содержательных и глубоких исследований, посвящённых совре-

1 Ороочоны / ороочоны — генетические родственники эвенков Амурской области, Забайкальского края, Республики Бурятия, проживающие на территории провинции Хэйлунцзян и во Внутренней Монголии Китая. На территории Китайской Народной Республики эвенки и ороочоны на государственном уровне признаны отдельными этносами.

менной трактовке вопросов становления и развития литературного творчества по обе стороны границы. В России и КНР в XXI веке выходят труды, в которых даётся периодизация эвенкийской литературы, содержатся литературные портреты наиболее крупных писателей, подвергаются анализу произведения разных жанров. Новой тенденцией в изучении этнической литературы становится появление критических работ, посвящённых развитию «эвенкийской» темы в творчестве региональных авторов «неэвенкийского» происхождения в России и Китае (русские, ханьцы и др.).

Первую попытку системного описания истории развития эвенкийской литературы, заметную роль в которой играют эвенки Забайкалья, в 2002 году предпринимает Ю. Г. Хазанкович, профессор кафедры русской литературы XX века и теории литературы Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Якутск). Хазанкович — автор нескольких монографий и статей по литературе малочисленных народов Севера, учебного пособия «Эвенкийская литература» (Москва, 2002). Ряд серьёзных работ, связанных с масштабными архивными разысканиями, Ю. Г. Хазанкович посвящает первому эвенкийскому писателю, уроженцу Забайкалья Гамалиилу Гантимурову (1850—1921). В статьях «Потомок эвенкийского князя пишет роман» (2006) [Хазанкович, 2006а], «Эвенки, Китай и Россия (исторические метаморфозы и литературные парадоксы)» [Хазанкович, 2008] и «Первый роман в эвенкийской литературе начала XX века: опыт историко-культурной интерпретации» [Хазанкович, 2020] исследователь вводит в научный оборот архивные и малоизвестные материалы из истории эвенкийского княжеского рода Гантимуровых, рассматривает литературное наследие первого эвенкийского писателя Г. С. Гантимурова, потомка князя Гантимура.

Литературе малочисленных народов Севера, в том числе эвенкийской, посвящены научные и публицистические работы Вячеслава Огрызко, главного редактора газеты «Литературная Россия». Среди них: биобиблиографический справочник «Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока» (Москва, 1998), «Литература малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Лица и лики» (Москва, 2013), «Эвенкийская литература» (Москва, 2006). Последний сборник — часть масштабного проекта «писательской артели “Литрос”», посвящённого литературам коренных малочисленных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России (к настоящему моменту выпущено 16 томов этой серии, книга «Эвенкийская литература» является седьмой из цикла).

Эвенкийской литературе и фольклору в пространстве трансграничья Россия — Китай посвящены исследования научного коллектива под руководством профессора Т. В. Воронченко Забайкальского государственного

университета. Среди новейших публикаций в данном направлении следует отметить статьи Т. В. Воронченко «Эвенкийский сегмент забайкальской словесности в парадигме литературного образования» в журнале «Русская словесность» (Москва, 2021) [Воронченко, 2021б]; Т. В. Воронченко и К. Р. Потаповой «“Тунгусский след”: рецепция словесности эвенков Сибири и Северного Китая XVIII—XXI веков в свете глобальных стратегий этнополитики и геокультуры» (Чита, 2021) [Воронченко, 2021а] и учебное пособие Т. В. Воронченко, Е. А. Гладких, Е. В. Фёдоровой «Эвенкийский мир в устном народном творчестве и художественной литературе Забайкалья» (Чита, 2020). Авторы рассматривают особенности художественного мира произведений забайкальских писателей-эвенков (Г. С. Гантимуров, Н. В. Сахаров, Г. А. Нергунеев, А. Г. Латкин), обращаются к выявлению специфики «эвенкийской темы» в прозе региональных писателей XIX—XXI веков (Ф. И. Бальдауф, П. К. Белецкий, Г. С. Донец, Н. Д. Кузаков, В. Б. Гармаев, М. Е. Вишняков, О. А. Димов, Ю. Ф. Курц) и уделяют внимание выработке новых стратегий в изучении эвенкийского творчества в глобальном измерении с учётом современных тенденций этнополитики и геокультуры России и Китая.

Развитие эвенкийской темы в литературе Приамурья последовательно рассматривается в трудах профессора Анны Анатольевны Забияко (Амурский государственный университет). Она исследует опыт художественного освоения русскими писателями XX века (Г. А. Федосеев, В. Г. Лецик) сведений о материальном быте и религиозных традициях коренного населения Амурской области — эвенков [Забияко, 2012а]. Особое внимание А. А. Забияко уделяет творчеству Г. А. Федосеева [Забияко, 2012б] как источнику реконструкции традиций амурских эвенков XIX — середины XX веков, отображению их анимистических верований, космогонической и этиологической мифологии, мифов, связанных с сакрализацией природных объектов. В коллективной монографии «Эвенки Приамурья», подготовленной под редакцией профессора Андрея Павловича Забияко в 2012 году, представлен раздел «Традиционная культура эвенков в творчестве амурских писателей» [Эвенки Приамурья ..., 2012], который обобщает опыт исследования учёными Амурского государственного университета творчества региональных авторов, обращающихся к изображению эвенкийского мира.

Широко известным в России и за рубежом является творчество известной эвенкийской писательницы и не менее известной исследовательницы литературы и фольклора Галины Кэптукэ (Варламовой), уроженки Амурской области. Ю. Г. Хазанкович [Хазанкович, 2006б], Д. А. Копьева [Копьева, 2016] обращаются к изучению фольклорно-эпических традиций в прозе Кэптукэ. Исследователь из Университета Тромсё (Норвегия)

в статье в журнале «*Annual Review of Anthropology*» (2015), написанной в соавторстве с А. Алексеевым, справедливо называет литературное наследие Галины Кэптукэ заметным явлением литературы малочисленных народов Севера [Vitebsky et al., 2015, p. 444]. Знаменателен тот факт, что фрагменты повестей Г. Кэптукэ в переводе на английский язык включены в первую англоязычную антологию литературы коренных народов Сибири «Дорога родства: антология литературы коренных народов Сибири» («*The Way of Kinship: An Anthology of Native Siberian Literature*») (Миннеаполис, Университет Миннесоты, 2010), которую подготовили совместно профессор МГУ Александр Ващенко и профессор Университета Огайо, писатель Клод Клейтон Смит [The Way of Kinship ..., 2010]. Профессор Ващенко, к сожалению, рано ушедший из жизни в 2013 году, отмечает, что феномен обретения голоса литературами коренных народов связывается с обозначившимся во второй половине XX века в разных частях света интересом к вопросам этничности и мультикультурализма. В предисловии к книге Александр Владимирович проводит параллели между литературой коренных американцев и коренных народов Сибири: интересы авторов сближаются в тематическом поле: святость земли как общего дома человечества, единство со всем живым, жизнестойкость народной мифологии. Подготовка антологии в издательстве США служит подтверждением интереса к идее этнокультурного параллелизма Сибири и Америки и высвечивает возможности и перспективы дальнейшего изучения связанных с ним вопросов. В формирование представлений о «родстве» народов Сибири и Америки вносят вклад и китайские исследователи: в 2012 году в Пекине выходит книга «История эвенкийского общества» [Ушоугуи, 2012], в которой приведён текст легенды о переселении нескольких эвенкийских родов по морю на территорию Аляски. Перевод легенды с китайского на русский язык выполнен аспирантом Забайкальского государственного университета Вэй Хунбо и опубликован в журнале «Переводчик» (г. Чита) в 2013 году [Легенда о происхождении ..., 2013].

Необходимо подчеркнуть, что в XXI веке фиксируется рост количества научных работ на китайском и английском языках, посвящённых литературе национальных меньшинств КНР. А. Н. Коробова (Институт Дальнего Востока РАН, Москва) в разделе «Литература КНР» сборника «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014—2015» (Москва, 2016) отмечает, что «одним из приоритетных направлений политики Китая в области литературы на протяжении последних лет продолжает оставаться проект “Развитие литератур нацменьшинств Китая”» [Коробова, 2016, с. 364]. Как указывает автор, в рамках данного проекта в 2015 году были изданы три тома из серии «Избранные литературные

произведения нацменьшинств Китая в новейшее время», в которые вошли произведения, написанные эвенками, ороचनाми и даурами. Том, посвящённый эвенкийской литературе Китая, включает 50 рассказов и отрывков из романов 22 авторов, среди которых самым известным является Ужэртү (настоящее имя: Ту Шаоминь), неоднократно удостоенный всекитайских литературных премий. Писатель родился в 1952 году в семье эвенка и даурки в Улан-Хото, Автономном районе Внутренняя Монголия, граничащем с Забайкальем. Несмотря на относительно небольшое количество изданных произведений, Ужэртү становится известным в литературном мире этническим автором. Он пишет об эвенках Внутренней Монголии, обращается к «поиску корней, воссозданию региональной, этнической культуры» [Дрейзис, 2019, с. 181]. По справедливому замечанию китайских литературоведов Сяофэна и Яньцзюня, писатель «воссоздаёт такие образцы эвенкийской культуры, которые, с одной стороны, препятствуют искажению представлений о ней, с другой — способствуют восстановлению и укреплению традиционных культурных ценностей эвенков» [Xiaofeng et al., 2020, с. 50]. К настоящему времени на русский язык переведены две новеллы Ужэртү: «Судьба охотника» (сборник «Современная новелла Китая», 1988, пер. Е. И. Рождественской-Молчановой) и «Янтарный костёр» (антология «Современная китайская проза. Багровое облако», 2007, пер. Н. А. Спешнева). Изучению поэтики произведения «Судьба охотника» и специфики осмысления автором судьбы коренного народа через жизненный путь главного героя в период Культурной революции посвящена статья Т. В. Воронченко и Е. В. Фёдоровой «Новелла Ужэртү “Судьба охотника”: этнический герой на переломах истории КНР XX века» (2020) [Воронченко и др., 2020б]. В новейших публикациях зарубежных учёных Ужэртү (англоязычные варианты передачи имени: *Ureltu*, *Wure'ertu*) позиционируется как этнический писатель, в творчестве которого раскрываются экологические проблемы Северного Китая [Dou et al., 2020; Chung, 2021], и как исследователь песенного фольклора эвенков КНР [Huang, 2019]. Ужэртү также известен работой с текстами эвенкийских легенд о происхождении и древних миграциях народа. На английский язык его материалы переведены французской исследовательницей Авророй Дюмон, которая в соавторстве с Александрой Лаврилье составляет предисловие и подробные комментарии-разъяснения к тексту легенд [Wure'ertu, 2018].

Высокую оценку исследователей (см. рецензии: [Anderson, 2017; Fondahl, 2016; Ruan, 2019]) получает коллективная монография «Требуем лес обратно. Эвенки-оленоводы Аолугуи» (*Reclaiming the Forest: The Ewenki Reindeer Herders of Aoluguya*), New York, 2015) под редакцией Осхильда Колоса (*Åshild Kolås*) и Юаньюань Се (*Yuanyuan Xie*), посвящён-

ная жителям эвенкийского поселения Аолугуя уезда Гэньхе, Хулунбуир, Внутренняя Монголия, КНР [Kolås et al., 2015]. Монография издана на английском языке и содержит разделы по истории, антропологии, фольклору и литературе эвенков Китая. В книге отмечены писатели эвенкийского происхождения, среди них выделяется Гу Синьцзюнь (*Gu Xinjun*), автор нескольких рассказов, впервые переведённых на английский язык, в том числе «Охота вдоль реки Быстрой» («*Hunting along the Bei'erci River*»).

В 2010—2021 годах в России выходит ряд публикаций, в которых рассматриваются произведения писателей КНР, обращающихся к эвенкийской теме. Традиционно творчество этих авторов относят к направлению «литература родных краёв» («этнопроза»): [Аюшеева, 2010; Войтишек, 2014а; Войтишек, 2014б; Воронченко, 2020а; Рисухина, 2019]. О. Н. Рисухина (Отдел китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток) отмечает: «Интерес к национальной истории и культуре во многом связан с тенденциями глобализации. Понимание своего места в мировой литературе и культуре в целом содержится в китайском выражении “быть вместе, но не сливаться воедино”. Разрабатывая местную тематику, писатели Северо-Востока вносят свой оригинальный вклад не только в национальную, но и мировую литературу» [Рисухина, 2019, с. 73].

Последнее утверждение справедливо в отношении современной китайской писательницы Чи Цзыцзянь (*Chi Zijian*), которая является одним из наиболее ярких представителей направления «литературы родных краёв» в КНР [Аюшеева, 2010, с. 62]. Её знаковый роман «Правый берег реки Аргунь» (2005) переведён на ряд языков мира: английский, французский, японский, корейский, итальянский, испанский, шведский, арабский. Аналитические наблюдения по поводу вариантов перевода заглавия известной книги Чи Цзыцзянь содержатся в статье Т. В. Воронченко, К. Р. Потаповой «“Тунгусский след”: рецепция словесности эвенков Сибири и Северного Китая XVIII—XXI веков в свете глобальных стратегий этнополитики и геокультуры» (2021) [Воронченко, 2021а]. Название романа имеет символическое значение. Подобно Амуру, Аргунь — река пограничная, по ней проходит государственная граница между Россией и Китаем. Южный, правый берег реки — китайские земли; северный, левый — российская территория. Символика названия в данном случае особенно близка жителям трансграничья Россия — Китай. Вызывает сожаление тот факт, что книга Чи Цзыцзянь пока ещё не переведена на русский язык, хотя есть несколько статей российских исследователей, которые посвящены рассмотрению жанровых особенностей романа, фольклорных мотивов и специфики отображения исторических реалий жизни эвенков КНР в тексте: см. [Аюшее-

ва, 2010; Войтишек, 2014а; Войтишек 2014б; Воронченко, 2020а]. В Китае творчество Чи Цзыцзянь становится объектом внимания специалистов научных центров столицы КНР, а также Северо-Востока и Востока страны [Вэй, 2012; Хунсю и др., 2007; Хэмэй, 2010; Чуньлин, 2012].

Перспективными выглядят попытки исследователей XXI века рассмотреть проблемы этнических культур на литературном материале в глобальном масштабе. В этом плане выделяется работа Вэнь Цзинь (*Wen Jin*), представителя Колумбийского университета (США), которая занимается изучением азиато-американской литературы и современной литературы Китая. Особый интерес вызывает её книга «Плюралистический универсализм: азиато-американская критика мультикультурализма в США и Китае» (*«Pluralist Universalism: An Asian Americanist Critique of U.S. and Chinese Multiculturalisms»*) [Jin, 2012], которая вышла в 2012 году в издательстве Университета Огайо. В одной из глав Цзинь, анализируя роман китайско-американского писателя Алекса Куо (Цо) (*Alex Cuo*) «Дневники панды» (*«Panda Diaries»*, 2006), действие которого происходит в Северном Китае, сравнивает этнополитические процессы в США и Китае. Исследователь резюмирует: политика КНР, отразившаяся на жизни орочонов (эвенков) во время Культурной революции в Китае, в некоторой степени схожа с действиями правительства США по отношению к индейцам в XIX веке. Цзинь подчёркивает глобальный характер проблемы сохранения «жизненного мира» (*lifeworlds*) коренных народов, крайне важной в XXI веке.

4. Заключение

Изучение культуры коренных малочисленных народов является востребованным и перспективным направлением мировой гуманитарной науки. Для первых десятилетий XXI века характерно возрастание исследовательского интереса к литературе и фольклору приграничных территорий России и Китая и развитию эвенкийской темы в художественной литературе обеих стран. География научных трудов, посвящённых эвенкийской словесности Забайкалья, Приамурья и Северного Китая, достаточно широка; в этом поле в настоящее время работают представители академических центров России, КНР, европейских стран, США, Японии. Необходимо отметить, что значительное число рассматриваемых трудов носит междисциплинарный характер. Они посвящены не только вопросам изучения фольклорных и литературных текстов, но и ряду общих проблем этнологии, культурной антропологии, истории. Исследователи XXI века вводят в научный оборот новые фольклорные тексты, новые имена представителей литературного мира Забайкалья, Приамурья и Северного Китая. Предлагая ретроспективный взгляд на идеи и достижения предшественников, совре-

менные учёные рассматривают их в контексте движения во времени и формируют новые стратегии изучения материала с учётом глобализации. Следует отметить, что в XX веке внимание тунгусоведов было сосредоточено главным образом на фольклоре, «литературный поворот» в исследованиях «эвенкийского феномена» в пространстве трансграничья обусловлен появлением на рубеже XX—XXI веков ярких творческих индивидуальностей из числа писателей эвенкийского и «неэвенкийского» происхождения, обращающихся к эвенкийской теме, по обе стороны границы.

Большую роль в позиционировании трансграничья как особого пространства этнокультурного многообразия играют научные и научно-образовательные учреждения России: Институт этнологии и антропологии РАН и Институт Дальнего Востока РАН (Москва), Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток), Бурятский государственный университет (Улан-Удэ), Забайкальский государственный университет (Чита), Амурский государственный университет (Благовещенск). В мировой практике фиксируется изменение издательской политики в сторону поддержки специалистов, которые занимаются изучением эвенкийской словесности, в том числе в компаративном плане. Об этом свидетельствует выход в 2000—2021 годах фундаментальных монографических исследований (преимущественно в США: в издательствах *Berghahn Books*, *Ohio State University Press*, *Columbia University Press*, *University of Minnesota Press*) и публикаций в высокорейтинговых научных журналах: «*Asian Folklore Studies*», «*Asian Ethnology*» (Япония), «*Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*», «*Journal of Asian Studies*» (США), «*Central Asiatic Journal*», «*Anthropos*» (Германия) и др. Вместе с тем необходимо отметить, что серьёзной проблемой для исследователей эвенкийского литературного и фольклорного материала является труднодоступность общей информации в открытых источниках (*open access*) по странам, а также отсутствие перевода оригинала текста на русский, китайский, английский языки, о чём неоднократно высказывались российские специалисты, см. об этом, в частности [Афанасьева, 2021].

Представляется, что в перспективе реализация стратегий учёных стран мира в изучении эвенкийской литературы и фольклора приграничных территорий России и Китая может быть связана со сближением собственно филологических исследований с *border studies* и учётом задач этнополитики и геокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева Е. Ф. Фольклорное начало в литературе эвенков Китая / Е. Ф. Афанасьева // Сибирь — единое фольклорно-литературное полиэтническое пространство :

материалы региональной научно-практической конференции с международным участием. — Улан-Удэ : Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2021. — С. 6—12. — ISBN 978-5-9793-1567-6.

2. Аюшеева Н. Г. Место «литературы родных краев» в творчестве современной писательницы Чи Цзыцзянь / Н. Г. Аюшеева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 8. — Часть 8. — С. 61—64.

3. Варламова Г. И. Новые данные о фольклоре эвенков Китая : сюжеты о творении мира / Г. И. Варламова, М. П. Дьяконова // Урало-алтайские исследования. — 2019. — № 2. — С. 16—21.

4. Войтишек Е. Э. Фольклорные мотивы в творчестве Чи Цзыцзянь (на материале романа «Правый берег реки Аргунь») / Е. Э. Войтишек, Д. С. Бочкарева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. — 2014. — № 4. — С. 75—83.

5. Войтишек Е. Э. Этническая культура эвенков Китая (по материалам романа Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь») / Е. Э. Войтишек, Д. С. Бочкарева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия. История, философия. — 2014. — Т. 13. — Выпуск 5. — С. 297—305.

6. Воронченко Т. В. «Берег левый, берег правый» : русско-эвенкийский диалог культур в китайском пограничье (на материале творчества Чи Цзыцзянь) / Т. В. Воронченко, Т. М. Бут // Русский язык в современном Китае : материалы VIII Международной научно-практической конференции. — Чита : ЗабГУ, 2020. — 200 с. — ISBN 978-5-9293-2679-0.

7. Воронченко Т. В. Новелла Ужэртү «Судьба охотника» : этнический герой на переломах истории КНР XX века / Т. В. Воронченко, Е. В. Фёдорова // Русский язык в современном Китае : материалы VIII Международной научно-практической конференции. — Чита : ЗабГУ, 2020. — 200 с. — DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-4-73-83.

8. Воронченко Т. В. «Тунгусский след» : рецепция словесности эвенков Сибири и Северного Китая XVIII—XXI вв. в свете глобальных стратегий этнополитики и геокультуры / Т. В. Воронченко, К. Р. Потапова // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2021. — № 4. — Т. 27. — С. 73—83. — DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-4-73-83.

9. Воронченко Т. В. Эвенкийский сегмент забайкальской словесности в парадигме литературного образования / Т. В. Воронченко // Русская словесность. — 2021. — № 2. — С. 61—69.

10. Вэй Ч. Об отношении к жизни в романе «Правый берег реки Аргунь» / Ч. Вэй. — Цзинань : Издательство союза писателей провинции Шаньдун, 2012. — С. 106—107.

11. Дрейзис Ю. А. Основные тренды в развитии литературы КНР с 1949 года по настоящее время / Ю. А. Дрейзис // Проблемы Дальнего Востока. — 2019. — № S5—1. — С. 173—188. — DOI: 10.31857/S013128120007140-5.

12. Дьяконова М. П. Мифы о творении эвенков-оленьеводов Китая / М. П. Дьяконова // Теоретические и методические аспекты преподавания эвенкийского языка и культуры в условиях модернизации образования : материалы всероссийской научно-практической конференции. — Улан-Удэ : Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2018. — С. 51—58. — ISBN 978-5-9793-1243-9.

13. Забияко А. А. Материальная и духовная культура эвенков в художественной этнографии амурских писателей / А. А. Забияко // Филологическая регионалистика. — 2012. — № 1 (7). — С. 12—31.

14. Забияко А. А. Религиозные традиции амурских эвенков в художественной этнографии ГА Федосеева / А. А. Забияко // Религиоведение. — 2012. — № 1. — С. 144—164.

15. Копьева Д. А. Национально-культурное пространство в творчестве эвенкийской писательницы Галины Кэптук / Д. А. Копьева // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе : материалы Всероссийской научно-методической видеоконференции. — Благовещенск : Амурский государственный университет, 2016. — С. 167—176. — ISBN 978-5-93493-261-0.

16. Коробова А. Н. Литература Китая / А. Н. Коробова // Китайская Народная Республика : политика, экономика, культура. 2014—2015. — Москва : Форум, 2016. — 475 с. — ISBN 978-5-8199-0676-7.

17. Легенда о происхождении и переселении эвенков : перевод с китайского Вэй Хунбо // Переводчик. — 2013. — № 13. — С. 176—179.

18. Обрядовая поэзия и песни эвенков / сост. Г. И. Варламова, А. Н. Мыреева, Ю. И. Шейкин. — Новосибирск : Академическое издательство «Гео», 2014. — 487 с. — ISBN 978-5-906284-69-3.

19. Рисухина О. Н. Художественная литература Северо-Восточного Китая в начале XXI века / О. Н. Рисухина // Азия и Африка сегодня. — 2019. — № 1. — С. 70—74. — DOI: 10.31857/S032150750003347-3.

20. Сем Т. Ю. Идеи о богатстве в фольклоре восточных эвенков / Т. Ю. Сем // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока : традиции и инновации : материалы научно-практической конференции. — Ханты-Мансийск : Макс-принт, 2015. — С. 102—108.

21. Сем Т. Ю. Картина мира тунгусов : пантеон (семантика образов и этнокультурные связи) : историко-этнографические очерки / Т. Ю. Сем. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2012. — 626 с. — ISBN 978-5-8465-1304-4.

22. Ушоугуи. История эвенкийского общества / Ушоугуи. — Пекин : Народное издательство, 2012. — 548 с.

23. Хазанкович Ю. Г. Первый роман в эвенкийской литературе начала XX века : опыт историко-культурной интерпретации [Электронный ресурс] / Ю. Г. Хазанкович // Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации : материалы Международной интернет-конференции. — 2020. — Режим доступа : https://philology.s-vfu.ru/?page_id=1958 (дата обращения 12.03.2021).

24. Хазанкович Ю. Г. Потомок эвенкийского князя пишет роман / Ю. Г. Хазанкович // Эвенкийская литература. — Москва : Литературная Россия, 2006а. — 320 с.

25. Хазанкович Ю. Г. Фольклоризм повести г. Кэптук «Имеющая свое имя, Джелтула-река» / Ю. Г. Хазанкович // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. — 2006б. — Т. 3. — № 3. — С. 100—105.

26. Хазанкович Ю. Г. Эвенки, Китай и Россия (исторические метаморфозы и литературные парадоксы) / Ю. Г. Хазанкович // Проблемы Дальнего Востока. — 2008. — № 5. — С. 171—178.

27. Хунсю Л. О романе «Правый берег реки Аргунь» / Л. Хунсю, Л. Ээргунах // Споры о литературе и искусстве. — Чанчунь : Союз литературы и искусств провинции Цилинь, 2007. — С. 4—9.

28. Хэмэй Ч. Влияние фольклора эвенков Аолугуя на роман «Правый берег реки Аргунь» / Ч. Хэмэй. — Пекин : Издательство университета Чжунъян-миньцзу, 2010. — 65 с.

29. Чуньлин Л. Интерпретация мифов в романе «Правый берег реки Аргуни» / Л. Чуньлин // Вестник Цилиньского педагогического университета (Серия : гуманитарные и социальные науки). — 2012. — № 2. — С. 18—22.

30. *Эвенки Приамурья : оленная тропа истории и культуры* / А. П. Забияко, С. Э. Аниховский, Е. А. Воронкова, А. А. Забияко, Р. А. Кобызов. — Благовещенск : Амурский государственный университет, 2012. — 384 с. — ISBN 978-5-93493-177-4.
31. *Anderson D. G.* Review of “Reclaiming the Forest : The Ewenki Reindeer Herders of Aoluguya” by Åshild Kolås and Yuanyuan Xie [Electronic resource] / D. G. Anderson // *Pastoralism*. — 2017. — № 7 (17). — Access mode : <https://doi.org/10.1186/s13570-017-0087-z> (accessed 15.03.2021).
32. *Brandišauskas D.* Leaving Footprints in the Taiga : Luck, Spirits, and Ambivalence among the Siberian Orochen Reindeer Herders and Hunters / D. Brandišauskas. — New York : Berghahn Books, 2017. — 306 p.
33. *Brandišauskas D.* Making a Home in the Taiga : Movements, Paths, and Signs among Orochen-Evenki Hunters and Herders of Zabaikal Krai (South East Siberia) / D. Brandišauskas // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. — 2012. — № 1. — Pp. 9—25.
34. *Brandišauskas D.* Symbolism and Ecological Uses of Fire among Orochen-Evenki / D. Brandišauskas // *Sibirica*. — 2007. — № 1. — Pp. 95—109.
35. *Chung L.* Environmentalism and Allegory in Zhang Wei’s Novels / L. Chung // *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*. — 2011. — Vol. 18. — № 2. — Pp. 341—358.
36. *Dou Y.* Analysis of the relationship between cross-cultural perceptions of landscapes and cultural ecosystem services in Genheyuan region, Northeast China / Y. Dou, X. Yu, M. Bakker, R. Groot, G. Carsjens, H. Duan, C. Huang // *Ecosystem Services*. — 2020. — T. 43. — Pp. 101—112.
37. *Fondahl G.* Review : Reclaiming the Forest : The Ewenki Reindeer Herders of Aoluguya / G. Fondahl // *The Journal of Asian Studies*. — 2016. — № 75 (3). — Pp. 830—831.
38. *Fu Z.* An Analysis of Oroqen Folk Tales and Their Cultural Value in the Creation of Picture Books / Z. Fu // 2nd International Conference on Art Studies : Science, Experience, Education (ICASSEE 2018). — Atlantis Press, 2018a. — Pp. 47—49. — ISBN 978-94-6252-627-3.
39. *Fu Z.* A New Approach to the Creation of the Oroqen Folk Story Picture Book [Electronic resource] / Z. Fu // *Journal of Chifeng University (Philosophy and Social Science Chinese Edition)*. — 2018b. — № 8. — Access mode : <http://218.195.18.6:88/KCMS/detail/detail.aspx?filename=ZWDM201808039&dbcode=CJFD&dbname=CJFD2018> (accessed 22.03.2021).
40. *Gron O.* Ethno-Archaeology among Evenkian Forest Hunters. Preliminary Results and a Different Approach to Reality / O. Gron, O. Kuznetsov // *Mesolithic on the Move : papers presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm 2000*. — Publisher: Oxford : Oxbow Books, 2003. — Pp. 216—221.
41. *Huang H.* Afterthoughts : Nature, Culture, and Shamanism in Inner Mongolia, PRC [Electronic resource] / H. Huang // *EnviroLab Asia*. — 2019. — Vol. 3. — № 3. — Access mode : <https://scholarship.claremont.edu/envirolabasia/vol3/iss3/2> (accessed 23.03.2021).
42. *Janhunen J.* Tracing the bear myth in northeast Asia / J. Janhunen // *Acta Slavica Iaponica*. — 2003. — № 20. — Pp. 1—24.
43. *Jin W.* Pluralist Universalism : An Asian Americanist Critique of U.S. and Chinese Multiculturalisms / W. Jin. — Ohio : The Ohio State University Press, 2012. — 280 p.
44. *Kim A.* Saints for Shamans? Culture, Religion and Borderland Politics in Amuria from The Seventeenth to Nineteenth Centuries [Electronic resource] / A. Kim // *Central Asiatic Journal*. — 2013. — Vol. 56. — Pp. 169—202.
45. *Kolås Å.* Reclaiming the Forest : The Ewenki Reindeer Herders of Aoluguya / A. Kolås, Y. Xie. — New York : Berghahn Books, 2015. — 212 p. — ISBN 9781782386308.

46. *Lavrillier A.* A nomadic school in Siberia among Evenk reindeer herders / A. Lavrillier // *Keeping Languages Alive : Documentation, Pedagogy and Revitalization.* — Cambridge University Press, 2013a. — Pp. 140—154.
47. *Lavrillier A.* An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions. Evenki Reindeer Herders and Hunters / A. Lavrillier, S. Gabyshev. — Fürstenberg/Havel : Kulturstiftung Sibirien, 2017. — 467 p. — ISBN 978-3942883313.
48. *Lavrillier A.* Anthropology and applied anthropology in Siberia : Questions and solutions concerning a nomadic school among Evenk reindeer herders / A. Lavrillier // *Sustaining indigenous knowledge : Learning tools and community initiatives for preserving endangered languages and local cultural heritage.* — Fürstenberg/Havel : Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2013b. — 284 p.
49. *Lavrillier A.* Climate change among nomadic and settled Tungus of Siberia : Continuity and changes in economic and ritual relationships with the natural environment / A. Lavrillier // *Polar Record.* — 2013c. — № 49 (3). — Pp. 260—271. — DOI: 10.1017/S0032247413000284.
50. *Lecomte H.* Approches Autochtones Du Chamanisme Sibérien Au Début Du XXle Siècle / H. Lecomte // *Cahiers De Musiques Traditionnelles.* — 2006. — Vol. 19. — Pp. 37—52.
51. *Ruan C.* Review : Reclaiming the forest : the Ewenki reindeer herders of Aoluguya / C. Ruan // *Asian Anthropology.* — 2019. — № 18—1. — Pp. 73—74. — DOI: 10.1080/1683478X.2018.1455257.
52. *Senri* Ethnological Reports [Electronic resource]. — 2015. — № 128. — Access mode : <http://hdl.handle.net/10502/5712> (accessed 25.03.2021).
53. *Shiliang L.* The Application of Phonetic Acoustic Analysis in Ewenki Traditional Folk Songs / L. Shiliang, N. Lin, B. Fan // *2nd International Conference on Computers, Information Processing and Advanced Education.* — New York : Association for Computing Machinery, 2021. — Pp. 529—532.
54. *The Way of Kinship : An Anthology of Native Siberian Literature* / A. Vaschenko, C. C. Smith. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 2010. — 251 p.
55. *Vitebsky P.* Siberia / P. Vitebsky, A. Alekseyev // *Annual Review of Anthropology.* — 2015. — № 44. — Pp. 439—455.
56. *Wure'ertu.* Evenki migrations in early times and their relationship with rivers [Electronic resource] / Wure'ertu // *Etudes mongoles et siberiennes, centrasiatiques et tibétaines.* — 2018. — № 49. — Access mode : <http://journals.openedition.org/emscat/3196> (accessed 26.03.2021).
57. *Xiaofeng L.* Ureltu's Ewenki narratives and the crisis of minority cultures in China / L. Xiaofeng, L. Yanjun // *Race & Class.* — 2020. — № 61 (3). — Pp. 50—64.

REFERENCES

- Afanasyeva, E. F. (2021). Folklore origin in the literature of the Evenks of China. In: *Siberia — a single folklore and literary polyethnic space: materials of a regional scientific and practical conference with international participation.* Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University. 6—12. ISBN 978-5-9793-1567-6. (In Russ).
- Anderson, D. G. (2017). Review of “Reclaiming the Forest: The Ewenki Reindeer Herders of Aoluguya” by Åshild Kolås and Yuanyuan Xie. *Pastoralism*, 7 (17). Available at: <https://doi.org/10.1186/s13570-017-0087-z> (accessed 15.03.2021).

- Ayusheeva, N. G. (2010). The place of “literature of native lands” in the work of the modern writer Chi Zijian. *Bulletin of the Buryat State University*, 8 (8): 61—64. (In Russ.).
- Brandišauskas, D. (2007). Symbolism and Ecological Uses of Fire among Orochen-Evenki. *Sibirica*, 1: 95—109.
- Brandišauskas, D. (2012). Making a Home in the Taiga: Movements, Paths, and Signs among Orochen-Evenki Hunters and Herders of Zabaikal Krai (South East Siberia). *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 1: 9—25.
- Brandišauskas, D. (2017). *Leaving Footprints in the Taiga: Luck, Spirits, and Ambivalence among the Siberian Orochen Reindeer Herders and Hunters*. New York: Berghahn Books. 306 p.
- Chung, L. (2011). Environmentalism and Allegory in Zhang Wei’s Novels. *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*, 18 (2): 341—358.
- Chunlin, L. (2012). Interpretation of myths in the novel “The Right bank of the Arguni River”. *Bulletin of the Jilin Pedagogical University (Series: humanities and Social Sciences)*, 2: 18—22. (In Russ.).
- Diakonova, M. P. (2018). Myths about the creation of the Evenks-reindeer herders of China. In: *Theoretical and methodological aspects of teaching the Evenk language and culture in the conditions of modernization of education: materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University. 51—58. ISBN 978-5-9793-1243-9. (In Russ.e).
- Dou, Y., Yu, X., Bakker, M., Groot, R., Carsjens, G., Duan, H., Huang, C. (2020). Analysis of the relationship between cross-cultural perceptions of landscapes and cultural ecosystem services in Genheyuan region, Northeast China. *Ecosystem Services*, 43: 101—112.
- Dreyzis, Yu. A. (2019). Main trends in the development of literature of the People’s Republic of China from 1949 to the present. *Problems of the Far East*, S5—1: 173—188. DOI: 10.31857/S013128120007140-5. (In Russ.).
- Fondahl, G. (2016). Review: Reclaiming the Forest: The Ewenki Reindeer Herders of Aoluguya. *The Journal of Asian Studies*, 75 (3): 830—831.
- Fu, Z. (2018). An Analysis of Oroqen Folk Tales and Their Cultural Value in the Creation of Picture Books. In: *2nd International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education (ICASSEE 2018)*. Atlantis Press. 47—49. ISBN 978-94-6252-627-3.
- Fu, Z. (2018). A New Approach to the Creation of the Oroqen Folk Story Picture Book. *Journal of Chifeng University (Philosophy and Social Science Chinese Edition)*, 8. Available at: <http://218.195.18.6:88/KCMS/detail/detail.aspx?filename=ZWDM201808039&dbcode=CJFD&dbname=CJFD2018> (accessed 22.03.2021).
- Grøn, O., Kuznetsov, O. (2003). Ethno-Archaeology among Evenkian Forest Hunters. Preliminary Results and a Different Approach to Reality. In: *Mesolithic on the Move: papers presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm 2000*. Publisher: Oxford: Oxbow Books. 216—221.
- Hamei, Ch. (2010). *The influence of the folklore of the Aolugui Evenks on the novel “The Right Bank of the Argun River”*. Beijing: Zhongyang-minzu University Press. 65 p. (In Russ.).
- Hongxiu, L., Eergunakhe, L. (2007). About the novel “The Right bank of the Argun River”. In: *Disputes about literature and art*. Changchun: Union of Literature and Arts of Jilin Province. 4—9. (In Russ.).

- Huang, H. (2019). Afterthoughts: Nature, Culture, and Shamanism in Inner Mongolia, PRC. *EnviroLab Asia*, 3 (3). Available at: <https://scholarship.claremont.edu/envirolabasia/vol3/iss3/2> (accessed 23.03.2021).
- Janhunen, J. (2003). Tracing the bear myth in northeast Asia. *Acta Slavica Iaponica*, 20: 1—24.
- Jin, W. (2012). *Pluralist Universalism: An Asian Americanist Critique of U.S. and Chinese Multiculturalisms*. Ohio: The Ohio State University Press. 280 p.
- Kopyeva, D. A. (2016). National-cultural space in the work of the Evenk writer Galina Kaptuke. In: *Teaching a foreign language to students of higher and secondary educational institutions at the present stage: materials of the All-Russian scientific and methodological videoconference*. Blagoveshchensk: Amur State University. 167—176. ISBN 978-5-93493-261-0. (In Russ.).
- Korobova, A. N. (2016). Literature of China. In: *People's Republic of China: politics, economy, culture. 2014—2015*. Moscow: Forum. 475 p. ISBN 978-5-8199-0676-7. (In Russ.).
- Khazankovich, Yu. G. (2020). The first novel in the Evenk literature of the early twentieth century: the experience of historical and cultural interpretation. In: *Humanities and problems of modern communication: materials of the International Internet Conference*. Available at: https://philology.s-vfu.ru/?page_id=1958 (accessed 12.03.2021). (In Russ.).
- Khazankovich, Yu. G. (2006). A descendant of the Evenk prince writes a novel. In: *Evenk literature*. Moscow: Literary Russia. 320 p. (In Russ.).
- Khazankovich, Yu. G. (2006). Folklore of the story of G. Kaptuke “Having its own name, the Jeltula River”. *Bulletin of the North-Eastern Federal University named after MK Ammosov*, 3 (3): 100—105. (In Russ.).
- Khazankovich, Yu. G. (2008). Evenki, China and Russia (historical metamorphoses and literary paradoxes). *Problems of the Far East*, 5: 171—178. (In Russ.).
- Kim, A. (2013). Saints for Shamans? Culture, Religion and Borderland Politics in Amuria from The Seventeenth to Nineteenth Centuries. *Central Asiatic Journal*, 56: 169—202.
- Kolås, Å., Xie, Y. (2015). *Reclaiming the Forest: The Ewenki Reindeer Herders of Aoluguya*. New York: Berghahn Books. 212 p. ISBN 9781782386308.
- Lavrillier, A. (2013). A nomadic school in Siberia among Evenk reindeer herders. In: *Keeping Languages Alive: Documentation, Pedagogy and Revitalization*. Cambridge University Press. 140—154.
- Lavrillier, A., Gabyshev, S. (2017). *An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions. Evenki Reindeer Herders and Hunters*. Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien. 467 p. ISBN 978-3942883313.
- Lavrillier, A. (2013). Anthropology and applied anthropology in Siberia: Questions and solutions concerning a nomadic school among Evenk reindeer herders. In: *Sustaining indigenous knowledge: Learning tools and community initiatives for preserving endangered languages and local cultural heritage*. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien. 284 p.
- Lavrillier, A. (2013). Climate change among nomadic and settled Tungus of Siberia: Continuity and changes in economic and ritual relationships with the natural environment. *Polar Record*, 49 (3): 260—271. DOI: 10.1017/S0032247413000284.
- Lecomte, H. (2006). Approches Autochtones Du Chamanisme Sibérien Au Début Du XXe Siècle. *Cahiers De Musiques Traditionnelles*, 19: 37—52. (In Fren.).

- Risukhina, O. N. (2019). Fiction literature of North-Eastern China at the beginning of the XXI century. *Asia and Africa today*, 1: 70—74. DOI: 10.31857/S032150750003347-3. (In Russ.).
- Ruan, C. (2019). Review: Reclaiming the forest: the Ewenki reindeer herders of Aoluguya. *Asian Anthropology*, 18—1: 73—74. DOI: 10.1080/1683478X.2018.1455257.
- Sem, T. Yu. (2015). Ideas about wealth in the folklore of the Eastern Evenks. In: *Indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations: materials of the scientific and practical conference*. Khanty-Mansiysk: Maks-print. 102—108. (In Russ.).
- Sem, T. Yu. (2012). *The picture of the Tungusov world: the pantheon (semantics of images and ethno-cultural connections): historical and ethnographic essays*. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. 626 p. ISBN 978-5-8465-1304-4. (In Russ.).
- Senri Ethnological Reports, 128. (2015). Available at: <http://hdl.handle.net/10502/5712> (accessed 25.03.2021).
- Shiliang, L., Lin, N., Fan, B. (2021). The Application of Phonetic Acoustic Analysis in Ewenki Traditional Folk Songs. In: *2nd International Conference on Computers, Information Processing and Advanced Education*. New York: Association for Computing Machinery. 529—532.
- The legend of the origin and resettlement of the Evenks: translated from Chinese by Wei Hongbo. *Translator*, 13: 176—179. (In Russ.).
- Ushougui. (2012). *History of the Evenk society*. Beijing: People's Publishing House. 548 p. (In Russ.).
- Varlamova, G. I., Diakonova, M. P. (2019). New data on the folklore of the Evenks of China: stories about the creation of the world. *Ural-Altai studies*, 2: 16—21. (In Russ.).
- Varlamova, G. I., Myreeva, A. N., Sheikin, Yu. I. (2014). *Ritual poetry and songs of the Evenks*. Novosibirsk: Academic Publishing House "Geo". 487 p. ISBN 978-5-906284-69-3. (In Russ.).
- Vaschenko, A., Smith, C. C. (2010). *The Way of Kinship: An Anthology of Native Siberian Literature*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 251 p.
- Vitebsky, P., Alekseyev, A. (2015). Siberia. *Annual Review of Anthropology*, 44: 439—455. (In Russ.).
- Voitishek, E. E., Bochkareva, D. S. (2014). Folklore motifs in the works of Chi Zijian (based on the novel "The Right Bank of the Argun River"). *Bulletin of the St. Petersburg University. Oriental and African studies*, 4: 75—83. (In Russ.).
- Voitishek, E. E., Bochkareva, D. S. (2014). The ethnic culture of the Evenks of China (based on the materials of Chi Zijian's novel "The Right Bank of the Argun River"). *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series. History, philosophy*, 13 (5): 297—305. (In Russ.).
- Voronchenko, T. V., Booth, T. M. (2020). "The left Bank, the right bank": the Russian-Evenk dialogue of cultures in the Chinese borderland (based on the material of Chi Zijian's creativity). In: *Russian language in modern China: materials of the VIII International Scientific and Practical Conference*. Chita: ZabGU. 200 p. ISBN 978-5-9293-2679-0. (In Russ.).
- Voronchenko, T. V., Fedorova, E. V. (2020). Novella of Uzheertu "The Fate of the hunter": an ethnic hero at the turning points of the history of the People's Republic of China of the XX century. In: *Russian language in modern China: materi-*

- als of the VIII International Scientific and Practical Conference*. Chita: ZabGU. 200 p. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-4-73-83. (In Russ).
- Voronchenko, T. V., Potapova, K. R. (2021). "The Tunguska trace": reception of the literature of the Evenks of Siberia and Northern China of the XVIII—XXI centuries in the light of global strategies of ethnopoltics and geoculture. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 4 (27): 73—83. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-4-73-83. (In Russ).
- Voronchenko, T. V. (2021). Evenk segment of trans-Baikal literature in the paradigm of literary education. *Russian literature*, 2: 61—69. (In Russ).
- Wei, Ch. (2012). *About the attitude to life in the novel "The Right Bank of the Argun River"*. Jinan: Publishing House of the Union of Writers of Shandong Province. 106—107. (In Russ).
- Wure'ertu. (2018). Evenki migrations in early times and their relationship with rivers. In: *Etudes mongoles et siberiennes, centrasiatiques et tibetaines*, 49. Available at: <http://journals.openedition.org/emscat/3196> (accessed 26.03.2021).
- Xiaofeng, L., Yanjun, L. (2020). Ureltu's Ewenki narratives and the crisis of minority cultures in China. *Race & Class*, 61 (3): 50—64.
- Zabiyako, A. P., Anikhovsky, S. E., Voronkova, E. A., Zabiyako, A. A., Kobyzov, R. A. (2012). *The Evenks of the Amur region: the deer trail of history and culture*. Blagoveshchensk: Amur State University. 384 p. ISBN 978-5-93493-177-4. (In Russ.).
- Zabiyako, A. A. (2012). Material and spiritual culture of the Evenks in the artistic ethnography of Amur writers. *Philological regionalism*, 1 (7): 12—31. (In Russ.).
- Zabiyako, A. A. (2012). Religious traditions of the Amur Evenks in the artistic ethnography of the Fedoseyev Family. *Religious Studies*, 1: 144—164. (In Russ.).

Мартыненко Е. А. «Шотландский вопрос» и его новые культурные смыслы в «Culture Capitalism» Аласдера Грея / Е. А. Мартыненко // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 165—180. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-165-180.

Martynenko, E. A. (2021). “Scottish Question” and Its New Cultural Meanings in “Culture Capitalism” by Alasdair Gray. *Nauchnyi dialog*, 9: 165-180. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-165-180. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-165-180

«Шотландский вопрос» и его новые культурные смыслы в «Culture Capitalism» Аласдера Грея

Мартыненко

Екатерина Александровна
orcid.org/0000-0003-3478-9807
аспирант второго года обучения,
преподаватель кафедры теории и
истории мировой литературы
emartynenko@sfedu.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-312-90055

“Scottish Question” and Its New Cultural Meanings in “Culture Capitalism” by Alasdair Gray

Ekaterina A. Martynenko

orcid.org/0000-0003-3478-9807
Second year postgraduate student
Lecturer
Department of Theory and History
of World Literature
emartynenko@sfedu.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR
project number 20-312-90055

© Мартыненко Е. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается интерпретация рассказа «Culture Capitalism», помещенного в авторитетную антологию «Every Short Story: From 1951 to 2012» классика шотландской литературы Аласдера Грея, в контексте оригинальной трактовки писателем-патриотом «шотландского вопроса». Отмечается, что проблематика рассказа, написанного в 1990 году, тесно связана с учреждением в том же году статуса Глазго как культурной столицы. Показано, что сомнение Грея в декларируемых культурных посылах, которое получило отражение в рассказе, можно рассматривать сквозь призму концепций П. Бурдьё и С. Жижека. Замечено, что отдельные сюжеты и образы указывают на развитие в творчестве Грея идей, близких исследователям постколониальной литературы, и в особенности тезиса о «внутренней колонизации» Шотландии. Предлагается интерпретация ряда образов, имеющих аллегорический смысл и выражающих критику английской культурной, политической и экономической гегемонии. Кроме того, с опорой на идеи Дж. Хомберг-Шрамм о характере представлений нации о своей гендерной, классовой и языковой идентичности в статье рассматриваются особенности репрезентации Аласдером Греем национальных автостереотипов, связанных с осознанием шотландцами себя как «побежденной», феминной нации, с глубокой саморефлексией о своем обществе как об эгалитарном и с изображением специфического национального диалекта в качестве одной из базовых составляющих феномена «шотландскость».

Ключевые слова:

культурный капитализм; постколониализм; национальные аллегории; шотландская литература; Аласдер Грей.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An interpretation of the story “Culture Capitalism”, placed in the authoritative anthology “Every Short Story: from 1951 to 2012” of the classic of Scottish literature Alasdair Gray, in the context of the original interpretation by the patriotic writer of the “Scottish question «is offered in the article. It is noted that the problems of the story, written in 1990, are closely related to the establishment in the same year of the status of Glasgow as a cultural capital. Gray’s doubt about the declared cultural messages is analyzed through the prism of the concepts of P. Bourdieu and S. Žižek. It is proved that certain plots and images indicate the development in Gray’s work of ideas close to researchers of postcolonial literature, and in particular the idea of “internal colonization» of Scotland. An interpretation of a number of images that have an allegorical meaning in the light of criticism of English cultural, political and economic hegemony is offered in the article. In addition, based on the ideas of J. Homberg-Schramm about the nature of the nation’s ideas about its gender, class and linguistic identity, the author considers the representation of national auto-stereotypes and their consistent revision. The author concludes that Alasdair Gray sees the possible peaceful coexistence of England and Scotland beyond the boundaries of the model of exploitative colonialism.

Key words:

cultural capitalism; postcolonialism; national allegories; Scottish literature; Alasdair Gray.

«Шотландский вопрос» и его новые культурные смыслы в «Culture Capitalism» Аласдера Грея

© Мартыненко Е. А., 2021

1. Введение

В августе 2012 года увидела свет девятисотстраничная антология «Every Short Story: From 1951 to 2012», явившаяся одним из последних прижизненных изданий художественной прозы Аласдера Грея. В ней под одной обложкой собраны все рассказы знаменитого писателя, начиная со «Звезды» («The Star», 1951), впервые опубликованной в журнале для детей и подростков, и заканчивая десятью новыми рассказами, входящими в цикл «Tales Droll & Plausible». Однако красноречив тот факт, что писатель посчитал необходимым включить в антологию под заголовком «Glaswegians» полный текст романа в рассказах 1990 года «Something Leather». Несмотря на негативную реакцию критиков и неоднозначную оценку широкой публикой читательской аудитории, Аласдер Грей выделял его как один из своих самых сильных текстов о Глазго [O'Rourke].

Роман охватывает период с 1963 по 1990 годы и рассказывает о жизни четырех женщин: Джун, Сенги, Дональды и Гарри. Подобно тому, как в «1982, Жанин» («1982, Janine», 1984) эротический сюжет выступает в качестве политической аллегории, «Something Leather» в иносказательной форме отражает различные грани «шотландского вопроса».

Ключевое место в этом тексте занимает рассказ «Culture Capitalism». Условно он делится на две части: местом действия первой становится Лондон, а второй — Глазго. Содержание «лондонской» части сводится к пространной беседе трех англичан: Линды, причастной к организации культурного фестиваля, художницы Гарри и ее арт-дилера — с помощью чего писатель стремится представить город и Шотландию, какими они должны видиться южному «соседу». Приезд Линды и Гарри в Глазго позволяет показать истинный облик города, его невзрачную изнанку. В данном рассказе Аласдер Грей, коренной житель Глазго, выражает свое критическое отношение к избранию города культурной столицей Европы 1990 года и поднимает проблему «внутреннего колониализма» [Эткинд, 2013]. В дополнение к этому писатель в художественной форме исследует суть шотландской национальной идентичности, базирующейся на политике гендера, класса и языка.

2. Культурный капитализм и культурная столица

Заглавие «Culture Capitalism» отсылает к двум понятиям: «культурный капитализм» («cultural capitalism») и «культурная столица» («culture capital»), — которые в исследуемом рассказе оказываются неразрывно взаимосвязанными.

Согласно П. Бурдьё, капитал существует в трех обликах: экономическом (деньги, собственность), социальном (социальные связи, репутация) и культурном [Бурдьё, 2002, с. 60]. В качестве элементов последнего могут выступать обычаи, традиции, знаки, символы и даже национальный язык [Большаков, 2013, с. 4]. Ценность культурного капитала абстрактна и выстраивается на основании некоего знания [Бурдьё, 2002, с. 62]. С. Жижек замечает, что в условиях современного культурного капитализма имеет место любопытный парадокс: не образ представляет продукт, а продукт — образ [Жижек, 2006, с. 43]. Наблюдение словенского философа актуально не только в отношении международных брендов (Nike, Starbucks), но и отдельных инициатив Евросоюза, таких как практика ежегодного избрания культурной столицы Европы.

Начало проекта было положено в 1985 году, когда первой культурной столицей стали Афины. В последующие годы этого звания удостоилась Флоренция, Амстердам, Берлин и Париж. В 1990 году эстафету вслед за общепризнанными культурными мегаполисами, к удивлению многих, принял шотландский город Глазго [Tretter, 2009, p. 119].

Необходимо специально прокомментировать исторический контекст этого события. На протяжении XX века в общественном сознании британцев Глазго прочно ассоциировался со старым барачным жильем и рабочим классом. В 1970-х годах город погрузился в затяжной экономический кризис, вызванный широкомасштабной приватизацией промышленных предприятий и муниципальной собственности [Там же]. Однако избрание Глазго культурной столицей позиционировало город иначе, а исторический центр города с его изысканной викторианской архитектурой способствовал привлечению дополнительных инвестиций и развитию туризма. Тем не менее изменения практически не затронули городские окраины, куда после массового сноса трущоб переселился рабочий класс, составлявший большую часть населения. Иными словами, новый «товарный» вид принял только центр Глазго, что не могло не вызвать горькой иронии писателя.

Так, в «Culture Capitalism» одним из центральных выступает вопрос «потребительской стоимости» культуры и искусства. Важную роль в рассказе играет внутренний монолог арт-дилера художницы Гарри. Его размышления являются блестящей иллюстрацией концепции П. Бурдьё о том, что ценность произведения искусства определяется не самим творцом или

отдельными агентами, а целым «полем художественного производства» [Бурдые, 2005, с. 410]. Он перебирает в уме имена известных писателей и интеллектуалов, которые могли бы стать авторами пояснительного каталога к будущей работе Гарри: *Get the show an explanatory catalogue written by a brainier than usual popular writer (William Golding too old and grand perhaps but try him and Muriel Spark Iris Murdoch Fay Weldon Germaine Greer George Melly Angela Carter David Lodge...* [Gray, 2015, p. 394] / Пусть пояснительный каталог к выставке состроит какой-нибудь писатель из тех, что поумнее (Уильям Голдинг слишком стар и незауряден, возможно, стоит попробовать уговорить его и Мюриэл Спарк, Айрис Мердок, Фэй Уэлдон, Жермену Грир, Джорджа Мелли, Анджелу Картер, Дэвида Лоджа ... (здесь и далее в отсутствие ссылки перевод наш. — Е. М.). Затем персонаж рассматривает варианты адаптации творения художницы посредством других видов искусства: ... *it could be a small bestseller, a cult book if televised why not a feature film?* / ... оно могло бы послужить основой для небольшого бестселлера, культовой книги, что если сделать телепередачу, почему бы и не снять художественный фильм? [Ibid.]. Существенное влияние на «рыночные котировки» произведений Гарри оказывает факт ее родства с королевской семьей и личные интересы отдельных агентов культурного поля. Например, один из крупнейших арт-дилеров специально раздувает цены на работы художницы, рассчитывая получить в благодарность за свои труды рыцарский титул: ... *and one who wants a knighthood has boosted the sales-price of Harry's work to a height which knowing heads of the London art market think cannot last* / ... и кое-кто, мечтающий о рыцарском титуле, до такой степени вздул цены на работы Гарри, что, по мнению одного из воротил лондонского арт-рынка, не может быть надолго [Ibid., p. 393].

Подобным образом культурный капитал города Глазго присваивается ему извне агентами поля культурного производства. Линда отмечает вклад выдающегося английского поэта и писателя Джона Бетчмана, в 1960 годах заново открывшего шедевры викторианской и эдвардианской архитектуры города. Впоследствии весомый вклад в процесс популяризации и коммерциализации шотландской культуры вносит избрание города культурной столицей Европы. Заметим, что Линда, как и арт-дилер, рассуждает об искусстве с сугубо материалистической точки зрения. Для нее понятия «культура» и «туризм» совпадают: *Commercially speaking cultcha and tourism a the same thing* [Ibid., p. 391] / С коммерческой точки зрения, культура и туризм — это одно и то же.

Линда проводит параллель между продажей муниципальной собственности частным лицам и превращением Глазго в туристическую мекку: *Howeva, they want to show they can do moa than just sell public propaty to pri-*

vate speculatas, so they have gone in fo Cultcha with a capital C — and tourism [Ibid.] / Однако они хотят показать, что способны не только продавать государственную собственность рыночным спекулянтам, поэтому они решили взяться за Культуру с большой буквы К — и туризм. Тем самым писатель намекает на то, что администрация в прямом и переносном смысле «продает» собственный город. Городская инфраструктура претерпевает существенные изменения: старые склады, рынки, многоквартирные дома и церкви переделываются в шикарные гостиницы, рестораны и торговые центры. Однако в результате всех этих преобразований центр города перестает быть собственностью коренных жителей и переходит в руки английских туристов: *The old warehouses and markets and tenements and churches are being turned into luxury flats and shopping malls and a surprising variety of very decent foreign restaurants. Which is wha we come in — I mean the English* [Ibid., p. 390] / Старые склады, рынки, многоквартирные дома и церкви переделываются в шикарные апартаменты, торговые центры и новомодные рестораны заграничной кухни. Поэтому-то мы и бываем там, — я имею в виду англичане. Весьма интересна сцена посещения Линдой и Гарри барахолки, где малоимущие жители окраин пытаются продать подержанные вещи. Линда выражает надежду на то, что в скором времени рынок будет снесен: *... these people [...] should be put somewha wha we can't see them. The city planas will pull this place down eventually, oh God make it soon!* [Ibid., p. 398] / Этих людей [...] должны убрать куда-то подальше, где мы не будем их видеть. Градостроители все равно в конечном счете разрушат это место. Господи, поскорее бы! Писатель показывает, как английские туристы «покупают» культурную столицу, постепенно вытесняя из нее местных жителей.

Особого внимания заслуживает факт «культурной колонизации» страны, поскольку именно англичане контролируют деятельность учреждений, осуществляющих трансляцию национальных ценностей: *It [Glasgow]'s the headquartas of Scottish Opera, Scottish Ballet, Scottish National Orchestra, the Burrell Collection, the Citizen's Theata, the Third Eye Centa and an intanational drama festival: all of them directed and mostly administaed by the English, of course* [Ibid., p. 391] / Это [Глазго] штаб-квартира Шотландской оперы, Шотландского балета, Шотландского национального оркестра, Музея Баррелла, Гражданского театра, Центра Третьего глаза и международного фестиваля драмы: все они, конечно, в основном управляются англичанами. При этом независимое творчество шотландцев вызывает у них отрицательную реакцию, что иллюстрирует комментарий Линды о современной национальной литературе, кажущейся ей одновременно маргинальной, грубой и претенциозной: *Half seem to be written in phonetic Scotch about people with names like Auld Shug. Every second word seems to*

be fuck, though hardly any fucking happens. The otha half have complicated plots ... [Ibid., p. 392] / Половина произведений написана на скотсе о людях с именами вроде Бэу Бэйба. Каждое второе слово является нецензурным, хотя в тексте и нечего цензурировать. Остальная же часть слишком сложна для понимания...

Спустя двадцать лет с момента публикации рассказа взгляды писателя на «культурную колонизацию» не претерпели существенных изменений. В 2012 году широкий общественный резонанс вызвало эссе «Settlers and Colonists», где он вновь подверг критике практику назначения англичан на руководящие должности в шотландских учреждениях культуры и осудил их вмешательство во внутреннюю политику страны. Наряду с этим писатель отметил вклад английских «поселенцев», не эксплуатирующих Шотландию, а, напротив, способствующих ее развитию [Gray, 2012].

3. Постколониальные аллегории

Вопрос о «внутренней колонизации» — один из самых широко обсуждаемых в современных постколониальных исследованиях, область которых в последние несколько десятилетий значительно расширилась: если ранее в фокусе внимания были преимущественно бывшие колонии Великобритании в Африке, Азии и Карибском бассейне, то теперь в поле зрения оказывается империализм во всем многообразии его проявлений [Ashcroft et al., 2012, p. XVII]. В одной из ключевых теоретических работ, посвященных исследованию постколониальной литературы, — «The Empire Writes Back» — отмечается, что Ирландия, Уэльс и Шотландия стали первыми «жертвами» английской экспансии [Ashcroft et al., 1994, p. 31]. В связи с этим при исследовании шотландской литературы успешно используется методологический инструментарий, применяемый для анализа литературы бывших колоний.

Как утверждает в работе «Scottish Literature and Postcolonial Literature», между известными произведениями постколониальных авторов (Салмана Рушди, Ханифа Курейши, Джин Рис, Чинуа Ачебе и Бена Окри) и текстами современных шотландских писателей (Джоном Келманом, Агнес Оуэнс, Ирвином Уэлшем и Изном Рэнкином) обнаруживается целый ряд общих мест. Сходство этих литератур выражается в стремлении подорвать гегемонию английского канона, развенчать культурные стереотипы, а также выразить осуждение по поводу политики Великобритании в отношении колоний [Homburg-Schramm, 2018, p. 24—27].

В отличие от своих собратьев по перу Аласдер Грей нередко прибегает к языку аллегорий, которые встречаются практически во всех его знаковых произведениях. В «1982, Жанин» важную роль играют фантазии Джока Маклюиша, в которых женские персонажи, олицетворяющие Шотлан-

дию, подвергаются насилию. Ввиду того что главный герой работает на англичан, он также причисляет себя к числу насильников-эксплуататоров: *Scotland has been fucked and I am one of the fuckers who fucked her and I REFUSE TO FEEL BITTER OR GUILTY ABOUT THIS* [Gray, 2019, p. 126] / *Шотландию трахнули, и я один из тех, кто принимал в этом участие, но Я ОТКАЗЫВАЮСЬ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ВИНОВАТЫМ ИЛИ РАССТРАИВАТЬСЯ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ* [Грей, 2005, с. 241]. Вместе с тем Маклюйш ассоциирует себя и с образом Жанин Кристал. Подобно тому как она является персонажем его фантазий, он чувствует себя героем в сценарии, написанном английской компанией по установке систем безопасности: *For more than twenty-five years before these minutes I was a character in a script written by National Security* [Ibid., p. 323] / *Целых двадцать пять лет накануне этих последних десяти минут я был персонажем истории, которую писала компания «Нэшнл секьюрити»* [Грей, 2005, с. 576].

В романе «Бедные-несчастные» («Poor Things», 1992) прослеживаются аналогии между судьбой Беллы-Виктории и историей Шотландии. Главная героиня выходит замуж за генерала британских колониальных войск Коллингтона, однако их брак нельзя назвать счастливым. Сюжет о побеге от мужа в контексте политической аллегии Грея выступает как призыв к «разводу» с Англией.

Постколониальная рефлексия составляет и основное содержание рассказа «Culture Capitalism». Уже в самом начале Шотландия сравнивается с Родезией, непризнанным государством, некогда расположенным на территории британской колонии Южная Родезия (Зимбабве): *You see Glasgow is in Scotland and from our point of view Scotland is slightly like Rhodesia in the early years of the century* [Gray, 2015, p. 390] / *Понимаешь, Глазго находится в Шотландии и, с нашей точки зрения, она чем-то напоминает Родезию начала этого века.*

По мнению арт-дилера, будущая инсталляция Гарри отражает ее травматический опыт учебы в школе для девочек («*eerily horrid schooldays*» [Ibid., p. 394]). Однако экфразистическое описание художественного объекта с говорящим названием «The Bum Garden» («Отстойный сад») может быть рассмотрено и как аллегория колониализма. Для создания инсталляции Гарри собирается использовать сталь, глазированную керамику и хрусталь — материалы, наводящие на мысли о Викторианской эпохе, на которую пришелся расцвет британского колониального господства. Пространственную композицию арт-объекта составляют деревья, птицы и фигуры девочек, выполненные из различных материалов: одни сделаны из терракоты, другие — из глазированной керамики, что служит указанием на разный цвет кожи и, соответственно, их расовую принадлежность. Терракотовые девочки кажутся

младше и одеты в фартуки: *Little gels stand in odd places nobody sees at first, little terracotta gels wearing real frocks of the period* [Ibid., p. 393] / *Маленькие девочки стоят в таких местах, где их сперва никто не замечает, маленькие терракотовые девочки, одетые в короткое платьица того периода.* Для Гарри они олицетворяют субъекты колониального правления, обслуживающие метрополию. Возраст девочек говорит об их незрелости, «нецивилизованности». Другие девочки облачены в одежды ярко белого цвета с игривыми узорами: *The olda gels will be glazed ceramic, the clothes ceramic too, all bright white ... polka dots on a dress, candy stripes on a blouse* [Ibid.] / *Девочки постарше будут сделаны из глазурованной керамики, одежда из того же материала ярко белого цвета ...платья в горошек, блузки с узором в виде карамельных полосок.* Очевидно, что они воплощают образ колониального гегемона. Любопытно, что сама Гарри указывает на их существенное отличие от своих современниц: *Anotha breed from us, the olda gels. We squawk, they turma and soo* [Ibid.] / *Другая порода, эти девочки постарше. Мы кудахчем — они шепчут и воркуют.* По сути дела, Гарри выражает сожаление по поводу утраты современной Британией своего политического влияния. Экфрастическая вставка дополняется элементом интертекста (*I met an old woman no I met a young woman who gave me a rainbow* [Ibid.] / *Я встретил старушку, нет, я встретил молодую женщину, что подарила мне радугу*) — строкой из песни протеста Боба Дилана «A Hard Rain's A-Gonna Fall» о войне, людском страдании и загрязнении окружающей среды. В центре инсталляции возвышается крепость в форме человеческих ягодич: *But the huge dark bum-shaped Fortress is the middle of everything* [Ibid.] / *А посередине всего этого возвышается огромная темная крепость в форме зада.* Посредством данного нарочито сниженного телесного образа писатель разоблачает имперскую идеологию «бремени белого человека».

Листая книгу «Another Part of the Forest», англичанка Гарри случайно обнаруживает занятный диалог между богатой американкой и чернокожей горничной. В нем женщины довариваются о том, что хозяйка будет платить ей в четыре раза больше, если та сможет безропотно сносить оскорбления: *I've a mouth like Satan's ass-hole. This shitty language pours out of me over anybody near, especially if they're — you know — subordinate* [Ibid., p. 395] / *Я ругаюсь как сапожник. Достается всем и каждому, но больше всего, знаешь ли, слугам.* Гарри обращает внимание на то, что в книге отсутствует сюжет и мужские персонажи, а все действие сводится к бесконечным попыткам женщин обмануть друг друга. Отметим, что, за исключением цвета кожи и социального статуса, они мало чем отличаются. Героини совершают идентичные действия (зажигают сигарету) и обмениваются схожими колкостями (*“Well ... nigger bitch?” “... I slapped the face of the last white*

bitch who called me that [Ibid.] / “Ну, ... черная сучка?” “... В последний раз, когда одна белая сучка назвала меня так, я от души залепила ей пощечину”). Наглость и высокомерие оказываются присущи как хозяйке (*She is fascinated by her potential servant and seeks to hide this under condescending insolence* [Ibid., p. 394] / Она совершенно очарована своей будущей прислугой, но старательно скрывает это под маской снисходительного презрения), так и горничной (*She too is insolent, but her insolence is put in words which could be interpreted as compliance* [Ibid.] / Ей тоже не занимать наглости, но она облекается в выражения, которые можно легко принять за проявление услужливости). Разница лишь в том, что первая может открыто проявлять эти качества в силу своего доминирующего положения. Так и неравенство между тем, кто колонизирует и кого колонизируют, определяется исключительно фактором экономической власти.

Гарри внимательно рассматривает обложку книги «Another Part of the Forest». Сперва героине кажется, что на ней изображены джунгли, но вскоре она понимает, что нарисованные растения, в частности боярышник, бузина и ежевика, распространены только в умеренных широтах: *Then Harry sees the leaves are not tropical but are hawthorn and elder and bramble leaves painted big* [Ibid., p. 392] / Затем Гарри видит, что на обложке изображены не тропические растения, а листья боярышника, бузины и ежевики в увеличенном размере. В силу этого диалог между хозяйкой и горничной начинает восприниматься не только как аллегория межэтнических отношений в США, но и как возможное указание на взаимоотношения между разными субъектами в Великобритании.

Прибыв в Глазго, Гарри намеревается нанять горничную. Она отказывает англичанкам и тем из местных, кто пытается копировать английское произношение. Не ясны и цели героини, портрет которой преподносится с несколько гротескными, маскулинными и имперскими акцентами: *With the addition of a machine-gun and facial hair she would look like a mercenary soldier in a tropical campagne* [Ibid., p. 398] / Если прибавить пулемет и бороду, она будет выглядеть точь-в-точь как наемник во время тропической военной кампании. В конце рассказа Гарри все же находит подходящую кандидатуру — Сенгу, коренную жительницу Глазго. Примечательно, что она описана как полная женщина невысокого роста («*a small full-bodied woman*» [Ibid., p. 399]). Портрет Сенги схож с «фигурой Шотландии» из романа «1982, Жанин», где контуры страны сравниваются с телом женщины. Заинтригованный читатель ждет, что Гарри разыграет со своей горничной колониальный сюжет по типу того, что представлен в книге «Another Part of the Forest». Но вместо взаимных оскорблений и упреков женщины выпивают по бокалу рома с содовой, сидя на противоположных концах боль-

шого дивана, после чего Сенга соглашается взять на себя заботу о Гарри: «*You've found your wee Scotch auntie so your troubles are at an end*» [Ibid., p. 400] / *Ты наконец-то нашла свою махонькую шотландскую тетюшку, которая решит все твои проблемы.* Так, Аласдер Грей утверждает возможность мирного сосуществования Англии и Шотландии за пределами модели эксплуатационного колониализма.

4. Национальные автостереотипы и их ревизия

Во второй части рассказа Линда и Гарри приезжают в Глазго. Для Аласдера Грея квинтэссенцией «шотландскости» является именно этот город, а не столица Эдинбург, описанная в его романе «1982, Жанин» как декорация к пьесе под названием «История Шотландии». В рассказе «Culture Capitalism» изображение Глазго и его обитателей строится с опорой на национальные автостереотипы, которые, согласно Дж. Хомберг-Шрамм, соотносятся с представлениями нации о своей гендерной, классовой и языковой идентичности [Homberg-Schramm, 2018, p. XI].

По наблюдениям Р. У. Коннела, в рамках имперского дискурса колонизатор ассоциируется с категорией маскулинности, в то время как колонизированный наделяется женскими чертами [Connell et al., 2005, p. 75]. Современные шотландские писатели в своем творчестве все чаще проводят параллели между национальной и гендерной маргинализацией. В связи с этим широкое распространение получила практика «cross-writing», когда повествование в тексте автора-мужчины ведется от лица женщины. Наглядным примером этому служат романы А. Уорнера «Morvern Callar» (1995) и «The Sopranos» (1998). Отметим также, что на литературной авансцене Шотландии множество блистательных писательниц, в числе которых А. Оуэнс, Дж. Галлоуэй и А. Л. Кеннеди. В своем творчестве Аласдер Грей уделяет пристальное внимание женскому опыту в связи с метафорической феминизацией колонизованной нации. Так, в фокусе внимания рассказа «Culture Capitalism» находятся отношения между женщинами. Мужские персонажи будто играют малозначимую роль, однако, оставаясь на заднем плане, они предстают источниками насилия и эксплуатации. Прохаживаясь по рынку в Глазго, Гарри замечает женщину со следами побоев на лице: *A woman with a twisted smile on her newly bruised face ...* [Gray, 2015, p. 398] / *Женщина с кривоватой улыбкой на подбитом лице ...* Во время беседы Сенга признается, что не раз подвергалась избиениям: *I'll take anything but kicks and slaps. I've had too many of those* [Ibid., p. 398] / *Я снесу все, что угодно, кроме побоев. Сколько их было на моем веку!* Вопрос физического насилия поднимается и в диалоге между богатой американкой и чернокожей горничной: *"Just words?" "What else could it be?" asks the white woman, smiling* [Ibid., p. 395] / *«Только сло-*

ва?» «А что еще может быть?» — улыбаясь спросила женщина. Не удивительно, что арт-дилер буквально эксплуатирует талант Гарри: *He sees that if Harry now makes a lavish indoor sculpture park ... then Harry's work will be profitably sold by the London art market to the end of the century* [Ibid., p. 394] / Он понимает, что если Гарри сейчас создаст грандиозный скульптурный парк ..., то ее работы будут с успехом продаваться на лондонском арт-рынке до окончания века.

Как отмечает Дж. Хомберг-Шрамм, понятие «шотландскость» представляет собой культурный парадокс: с одной стороны, образ Шотландии конструируется на основе метафорической феминизации «побежденной», колонизированной нации, с другой — является воплощением ценностей патриархатной маскулинности («“Original” Scotland as “male”») [Homberg-Schramm, 2018, p. 130]. В шотландской литературе одним из наиболее популярных является образ «крутого парня», идеалом которого считается герой романа У. Макилванни «Docherty» (1975). Поэтому в контексте шотландской культуры образ женщины подвергается двойной маргинализации: колониальной и гендерной. Все это и обуславливает идейную направленность рассказа «Culture Capitalism», подрывающего одновременно и гегемонию маскулинности, и культурный диктат колонизатора.

Другой аспект нашего рассмотрения в связи с постколониальным разворотом проблематики рассказа — классовые представления. В британской культуре «шотландскость» традиционно ассоциируется с рабочим классом, а «английскость» — с высшими слоями общества. В дополнение к этому в стране широко распространены представления о принципиально различном социальном укладе в Шотландии и Англии. Согласно им, для шотландского общества характерна эгалитарность, развитая социальная мобильность и большая доля рабочего класса [Homberg-Schramm, 2018, p. 106].

В рассказе Аласдера Грея данные авто- и гетеростереотипы намеренно подчеркнуты. Так как в историческом центре обосновались туристы, сердцем города становятся окраины, население которых составляет рабочий класс и маргиналы. Стоит отметить, что сцена посещения «рынка неудачников» («*poa market — a losers' market*») [Gray, 2015, p. 397]) напоминает описание жизни низших слоев общества в творчестве таких современных шотландских писателей, как Дж. Келман и И. Уэлш.

Англичанка Линда отмечает, что в Глазго отсутствуют четкие границы между классами: *But London is vast, so the classes segregate themselves easily and naturally. They couldn't do that in Glasgow ...* [Ibid., p. 390] / Но Лондон огромен, поэтому социальные классы способны легко сегрегироваться. Здесь в Глазго они не могут себе этого позволить ... Прибыв в город, Гарри наблюдает социальное многообразие уличной толпы: *She has never*

before wandered through crowds where shabby and smart folk mix ... [Ibid., p. 397] / *Ей еще никогда не приходилось бродить среди такой разношерстной толпы. Шотландский эгалитаризм вызывает критическую оценку Линды, сравнивающей когда-то расположенные в центре города бараки с островом собак — «Isle of Dogs»* [Ibid., p. 390].

Любопытны и акценты, связанные с политикой языка. Если великие писатели прошлого, такие как В. Скотт, шли по пути апроприации, то есть включения в текст элементов скотса и гэльского лишь для нюансировки речевой характеристики персонажей, то современные писатели делают выбор в пользу стратегии абrogации, выраженной в отказе от нормативной фонетики, лексики и грамматики. Дж. Келман детально воспроизводит косноязычную речь жителей рабочих кварталов Глазго. Причем на «народном языке» говорят не только герои, но и повествователь, выступающий в качестве одного из членов описываемой им социальной группы. И. Уэлш также проявляет повышенный интерес к языку маргинальных групп, шотландскому диалекту и молодежному сленгу.

Аласдер Грей менее, чем Дж. Келман и И. Уэлш, склонен к использованию шотландского диалекта как элемента речевой характеристики, его прежде всего интересует язык как инструмент власти. В «Ланарке» («Lanark», 1981) и «Бедных-несчастных» («Poor Things», 1992) оппозиция «английский — скотс» устанавливает языковые границы не только между частями Соединенного королевства, но и внутри шотландского общества. Например, в романе «Бедные-несчастные» шотландские студенты-медики смеются над региональным акцентом Арчибальда Свичнета: *... to hear you steadily quoting Comte and Huxley and Haeckel in your broad Border dialect was like hearing the Queen opening Parliament in the voice of a Cockney costermonger* [Gray, 2002, p. 16] / *Извини, что мы над тобой смеялись, Свичнет, но, когда ты со твоим деревенским выговором пошел цитировать Конта, Гексли и Геккеля, это было как если бы королева, открывая сессию парламента, заговорила языком лондонских торговков* [Грей, 2000, с. 38]. В романе «1982, Жанин» нарочито правильный английский становится маской, за которой герои прячут свое социальное происхождение, вызывающее у них глубокое чувство стыда. Примером этому служит речь Брайана, режиссера глазгианской труппы, которая изобилует клише: *We're all of us absolutely delighted to see you, we'll be totally dependent on what you're going to do for us but I'm going to ask you to be angelically patient because you've interrupted us in the middle of something important* [Gray, 2019, p. 210] / *Мы совершенно счастливы тебя видеть, мы очень от тебя зависим, нам нужна твоя помощь, но я сразу хочу тебя попросить набраться терпения, потому что ты нас прервал на самом важном месте* [Грей, 2005, с. 382].

Борьбу со скотсом на своих уроках ведет и учитель английского, «сумасшедший Хилзлоп», усматривающий в употреблении диалектных слов и выражений проявление языкового сепаратизма: *So your employment of local slang is either a conscious or unconscious effort to destroy communication between the provinces of once mighty empire* [Ibid., p. 74] / *Значит, ты используешь местные сленговые значения, руководствуясь сознательным или подсознательным стремлением затруднить коммуникацию между регионами некогда мощной империи* [Грей, 2005, с. 150].

Интересный материал для анализа речи персонажей дает и рассказ «Culture Capitalism». В нем Аласдер Грей передает специфическое произношение как шотландцев (*Hawf deid flooers tenpence! [...] Split the stalks, pit them in water wi an asprin an thull revive! Thull revive!* [Gray, 2015, p. 398]), так и англичан (*The city centa is a mastapiece of Victioan and Edwardian achi-tectcha* [Ibid., p. 390]), уравнивая в правах шотландский и английский акценты: второй выступает не в качестве нормы, а как один из региональных вариантов.

Отметим также, что в рассказе «Culture Capitalism» шотландский акцент оказывает гипнотическое воздействие на Гарри, напоминая ей о любимой няне (*a voice with the tones and accents of Harry's long-lost, best-beloved nursemaid* [Ibid., p. 396—397] / *голос с неповторимой интонацией и акцентом ее давно потерянной и горячо любимой няни*).

В исследуемом рассказе специфический акцент, от которого шотландцы старательно избавлялись, начиная с середины XVI века, вновь властно заявляет о себе и о своей культурной ценности.

5. Выводы

Таким образом, в рассказе «Culture Capitalism» Аласдер Грей дает критическую оценку событию избрания Глазго культурной столицей Европы, проводя аналогии между «рыночными котировками» произведений искусства и конвертацией культурного наследия в экономический капитал с помощью развития туристической индустрии. Писатель также касается проблемы постепенного вытеснения англичанами коренных жителей из центра и установления ими контроля над шотландскими учреждениями культуры. Аласдер Грей как убежденный сторонник независимости Шотландии выражает радикальные взгляды на современную ситуацию в стране, превратившейся из «равного партнера» Англии в жертву «внутренней колонизации». С помощью аллегорий писатель осмысляет колониальный опыт различных стран мира, включая Шотландию в постколониальную парадигму. Вместе с тем Аласдер Грей утверждает возможность мирного сосуществования Англии и Шотландии за пределами модели эксплу-

атационного колониализма. В «Culture Capitalism» рассматриваются различные грани шотландской постколониальной идентичности, строящейся на основании таких категорий, как гендер, класс и язык. Феминистская направленность рассказа связана с проблемой двойной маргинализации шотландских женщин, выступающих в роли «другого» как в национальном, так и в гендерном отношениях. Писатель изображает национальную идентичность эгалитарной и пролетарской в противовес английской, приветствующей классовую сегрегацию. Наконец, в данном рассказе Аласдер Грей обращается к проблеме использования языка, стремясь уравнять в социальном статусе шотландский и английский диалекты.

Источники

1. Gray A. 1982 Janine / A. Gray. — Edinburgh : Canongate Books, 2019. — 352 p.
2. Gray A. Culture Capitalism / A. Gray // Every Short Story : From 1951 to 2012. — Edinburgh : Canongate Books, 2015. — Pp. 390—400. — ISBN 085786561.
3. Gray A. Lanark : A Life in Four Books / A. Gray. — Edinburgh : Canongate Books, 2016. — 574 p.
4. Gray A. Poor Things / A. Gray. — London : Bloomsbury Publishing, 2002. — 318 p. — ISBN 0747562288.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большаков Н. В. Измерение культурного капитала : от теории к практике / Н. В. Большаков // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2013. — № 6 (118). — С. 3—12.
2. Бурдьё П. Поле литературы / П. Бурдьё ; Перевод с французского Н. А. Шматко // Социальное пространство : поля и практики. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. — С. 365—472. — ISBN 5-89329-761-X.
3. Бурдьё П. Формы капитала / П. Бурдьё ; перевод с французского М. С. Добряковой // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5. — С. 60—74.
4. Жижек С. Славой Жижек : неизвестное известное рекламы / С. Жижек // Рекламные Идеи. — 2006. — № 6. — С. 37—43.
5. Эттингер А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эттингер ; Перевод с английского В. Макаровой. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013. — 448 с. — ISBN 978-5-4448-0090-4.
6. Ashcroft B. Introduction : A Convivial Critical Democracy — Post-Colonial Studies in the Twenty-First Century / B. Ashcroft, R. Mendis, J. McGonegal // Literature for Our Times Postcolonial Studies in the Twenty-First Century. — Amsterdam & New York : Rodopi, 2012. — Pp. XV—XXV.
7. Ashcroft B. The Empire Writes Back : Theory and Practice in Post-Colonial Literatures / B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. — London ; New York : Routledge, 1994. — 246 p. — ISBN 0415012082.
8. Connell R. W. Globalization, Imperialism, and Masculinities / M. S. Kimmel, J. Hearn, R. W. Connell // Handbook of Studies on Men & Masculinities. — Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2005. — Pp. 71—89.

9. Gray A. Setters and Colonists / S. Hames // *Unstated : Writers on Scottish Independence*. — Edinburgh : Word Power, 2012. — Pp. 100—110.
10. Homberg-Schramm J. “Colonised by Wankers” : Postcolonialism and Contemporary Scottish Fiction / J. Homberg-Schramm. — Cologne : Modern Academic Publishing, 2018. — 262 p. — ISBN3946198287.
11. O'Rourke D. Alasdair Gray : «The Gray Matter» [Electronic resource] / D. O'Rourke. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=AwWzNBvGoT8> (accessed 23.04.2021).
12. Tretter E. The Cultures of Capitalism : Glasgow and the Monopoly of Culture / E. Tretter // *Antipode*. — 2009. — № 1 (41). — Pp. 111—132.

MATERIAL RESOURCES

- Gray, A. (2002). *Poor Things*. London: Bloomsbury Publishing. 318 p. ISBN 0747562288.
- Gray, A. (2015). Culture Capitalism. In: *Every Short Story: From 1951 to 2012*. Edinburgh: Canongate Books. 390—400. ISBN 085786561.
- Gray, A. (2016). *Lanark: A Life in Four Books*. Edinburgh: Canongate Books. 574 p.
- Gray, A. (2019). *1982 Janine*. Edinburgh: Canongate Books. 352 p.

REFERENCES

- Ashcroft, B., Griffiths, G., Tiffin, H. (1994). *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. London; New York: Routledge. 246 p. ISBN 0415012082.
- Ashcroft, B., Mendis, R., McGonegal, J. (2012). Introduction: A Convivial Critical Democracy — Post-Colonial Studies in the Twenty-First Century. In: *Literature for Our Times Postcolonial Studies in the Twenty-First Century*. Amsterdam & New York: Rodopi. XV—XXV.
- Bolshakov, N. V. (2013). Measurement of cultural capital: from theory to practice. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 6 (118): 3—12. (In Russ).
- Bourdieu, P. (2005). The field of literature. In: *Social space: fields and practices*. Saint-Petersburg: Aleteya. 365—472. ISBN 5-89329-761-X. (In Russ).
- Bourdieu, P. (2002). Forms of capital. *Economic sociology*, 3 (5): 60—74. (In Russ).
- Connell, R. W., Hearn, J., Connell, R. W. (2005). Globalization, Imperialism, and Masculinities. In: *Handbook of Studies on Men & Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 71—89.
- Etkind, A. (2013). *Internal colonization. The Imperial Experience of Russia*. Moscow: New Literary Review. 448 p. ISBN 978-5-4448-0090-4. (In Russ).
- Gray, A. (2012). Setters and Colonists. In: *Unstated: Writers on Scottish Independence*. Edinburgh: Word Power. 100—110.
- Homberg-Schramm, J. (2018). “Colonised by Wankers”: *Postcolonialism and Contemporary Scottish Fiction*. Cologne: Modern Academic Publishing. 262 p. ISBN3946198287.
- O'Rourke, D. Alasdair Gray: «The Gray Matter». Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=AwWzNBvGoT8> (accessed 23.04.2021).
- Tretter, E. (2009). The Cultures of Capitalism: Glasgow and the Monopoly of Culture. *Antipode*, 1 (41): 111—132.
- Zizek, S. (2006). Slava Zizek: the unknown known of advertising. *Advertising Ideas*, 6: 37—43. (In Russ).

Осьмухина О. Ю. Христианский контекст исторического романа (на материале «Обители» Захара Прилепина) / О. Ю. Осьмухина, А. Д. Карпов, Е. А. Белоглазова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 181—199. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-181-199.

Osmukhina, O. Y., Karpov, A. D., Beloglazova, E. A. (2021). Christian Context of Historical Novel (Zakhar Prilepin's "Abode"). *Nauchnyi dialog*, 9: 181-199. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-181-199. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-181-199

Христианский контекст исторического романа (на материале «Обители» Захара Прилепина)

Осьмухина Ольга Юрьевна

orcid.org/0000-0002-1456-4793

доктор филологических наук,
профессор

зав. кафедрой русской
и зарубежной литературы
osmukhina@inbox.ru

Карпов Антон Дмитриевич

orcid.org/0000-0001-6579-2035

аспирант кафедры русской
и зарубежной литературы
antonkarpov1996@yandex.ru

**Белоглазова Екатерина
Александровна**

orcid.org/0000-0001-6198-1365

аспирант кафедры русской
и зарубежной литературы
e.a.beloglazova@yandex.ru

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

Christian Context of Historical Novel (Zakhar Prilepin's "Abode")

Olga Yu. Osmukhina

orcid.org/0000-0002-1456-4793

Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Russian
and Foreign Literature
osmukhina@inbox.ru

Anton D. Karpov

orcid.org/0000-0001-6579-2035

Postgraduate student,
Department of Russian
and Foreign Literature
antonkarpov1996@yandex.ru

Ekaterina A. Beloglazova

orcid.org/0000-0001-6198-1365

Postgraduate student,
Department of Russian
and Foreign Literature
e.a.beloglazova@yandex.ru

National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается специфика синтеза элементов, включенных в историческое повествование, и христианских мотивов, образов в романе крупнейшего современного отечественного прозаика Захара Прилепина. Актуальность статьи обусловлена необходимостью построения целостной и непротиворечивой истории развития русской словесности последних двух десятилетий, важной частью которой является наследие писателей «первого ряда». Научная новизна работы состоит в том, что впервые в отечественном литературоведении роман «Обитель» рассматривается в предлагаемом ракурсе: проанализирована его жанровая специфика в христианском контексте. Установлено, что, несмотря на наличие элементов документального, авантюрного, любовно-психологического романов, в жанровом отношении «Обитель» можно отнести к историческому роману (изображен переломный момент отечественной истории через конфликт между историческими личностями и вымышленными «средними» героями, сочетаются исторические факты и художественный вымысел). При этом особенностью осмысления исторической темы у Прилепина становится интерес к вечным нравственным вопросам, проблемам жизни и смерти, совести и долга, любви и верности в их христианском понимании. Авторы статьи использовали сравнительно-исторический, биографический, социокультурный методы, а также метод целостного анализа художественного произведения.

Ключевые слова:

Захар Прилепин; исторический роман; христианский контекст; современная проза; исторический роман; Обитель; жанровый синтез.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The specificity of the synthesis of elements included in the historical narrative, and Christian motives, images in the novel of the largest contemporary Russian prose writer Zakhar Prilepin is comprehended in the article. The relevance of the article is due to the need to build a coherent and consistent history of the development of Russian literature over the past two decades, an important part of which is the legacy of the popular writers. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time in Russian literary criticism "Abode" is considered from the proposed perspective: its genre specificity is analyzed in a Christian context. It has been established that, despite the presence of elements of documentary, adventurous, love-psychological novels, in terms of genre, "The Abode" can be attributed to a historical novel (it depicts a turning point in Russian history through a conflict between historical figures and fictional "average" heroes, combines historical facts and fiction). At the same time, an interest in eternal moral issues, problems of life and death, conscience and duty, love and fidelity in their Christian understanding becomes a feature of Prilepin's understanding of the historical theme. In their work, the authors of the article used comparative historical, biographical, socio-cultural methods, as well as the method of a holistic analysis of a work of art.

Key words:

Zakhar Prilepin; historical novel; Christian context; contemporary prose; historical novel; Abode; genre synthesis.

Христианский контекст исторического романа (на материале «Обители» Захара Прилепина)

© Осьмухина О. Ю., Карпов А. Д., Белоглазова Е. А., 2021

1. Введение

Актуальными проблемами современного литературоведения являются осмысление жанровой специфики того или иного произведения и — шире — проблема жанра вообще. Ю. Н. Тынянов еще в 1929 году отмечал, что «вопрос наименее исследованный — вопрос о литературных жанрах» [Тынянов, 1929, с. 24], а в 2010 году эту мысль фактически повторил и Н. Л. Лейдерман, резюмировавший, что «литературоведение до сих пор не располагает достаточно убедительными представлениями о сущности жанра как об одном из фундаментальных законов художественного творчества» [Лейдерман, 2010, с. 12].

Примечательно, что на протяжении всего XX столетия одним из наиболее востребованных жанров, форм художественного отражения действительности продолжает оставаться репрезентированный целым рядом разновидностей роман, и это отнюдь не случайно. Согласно М. М. Бахтину, «роман — единственный становящийся и еще неготовый жанр. Жанрообразующие силы действуют на наших глазах: рождение и становление романного жанра совершаются при полном свете исторического дня. Жанровый костяк романа еще далеко не затвердел, и мы еще не можем предугадать всех его пластических возможностей» [Бахтин, 1986, с. 392]. Бахтинский тезис вполне проецируется и на литературный дискурс рубежа XX—XXI веков, при этом подчеркнем, что сегодня роман приобретает синтетический характер, чаще всего соединяя элементы нескольких разновидностей (приключенческого, романа воспитания, психологического, исторического и т. д.). Более того, по-прежнему немаловажную роль в нем продолжают играть христианские образы и мотивы, носящие вневременный характер, чему способствует «сама неоднозначность идеологической обстановки в России»: именно она «подталкивает художников к поиску ценностных ориентиров, адекватных сегодняшнему дню, современная литература ставит перед собой задачу их сформулировать» [Круглов, 2019]. В прозе современной мотивы и сюжеты новейшего времени нередко экстраполируются в контекст православный, в едином текстовом пространстве органично соединяются элементы, условно говоря, светских и религиозных жанров. Действительно, в отечественном романе последних двух

десятилетий в исторический, авантюрно-приключенческий или антиутопический нарратив вплетены евангельские притчи («Тобол» А. Иванова, в котором святой грешник Ремезов дважды бросает вызов Богу, или его же «Ненастье», где история кроткой Танюши ассоциируется с библейским жертвенным агнцем, «Ланселот» Ю. Вознесенской, отсылающий к истории апокалипсиса), житийные традиции (достаточно вспомнить «Сорок лет Чанчжоэ» Дм. Липскерова, в истории полковника Шаллера, интерпретирующего каноническое житие, или «Лавр» Евг. Водолазкина, прочитывающийся как притча о жизни-жертве, или во многом переосмысливающий традиционные вертограды «Современный патерик. Чтение для впадших в уныние» М. Кучерской) и др.

В этом контексте весьма примечателен роман Захара Прилепина «Обитель» (2014), формально относящийся к «лагерной прозе», где, условно говоря, христианский контекст не просто становится центром «сцепления» разножанровых элементов (исторического, любовно-психологического, авантюрного романа), но и высвечивает историософскую и аксиологическую авторскую парадигму. Цель настоящей статьи — осмыслить «Обитель» как исторический роман, выявив тот христианский контекст, который определяет сравнимую с пастернаковским «Доктором Живаго» (на наш взгляд, в связи с этим весьма показательна параллель: пастернаковский текст завершается стихами из «тетради» Юрия Живаго, «Обитель» венчает дневник Галины, приведенный приложением к основному тексту) концепцию мира и человека, где первоосновами становятся традиционные христианские ценности, а судьба личности в историческом срезе есть не что иное, как универсальная метафора вселенского движения от небытия к победе над смертью в ее христианском понимании.

2. Роман «Обитель» в рецепции отечественного литературоведения

«Обитель» Захара Прилепина с момента публикации в 2014 году неоднократно становилась объектом внимания литературных критиков и литературоведов [Александрова и др., 2015; Безруков, 2019; Большев, 2016; Вальняк, 2019; Глазкова и др., 2015; Данилкин, 2014; Иванова, 2016; Ильина, 2017; Ковтун, 2019; Кучерская, 2014; Рылова, 2016; Сухих, 2015]. И дело здесь не столько в «титулованности» текста, получившего три престижные российские премии («Большая книга», «Книжная премия Рунета», «Книга года»), сколько в его масштабности, значимости и для творчества самого прозаика, как известно, обретшего до выхода романа весьма однозвучную писательскую репутацию, так и для всей современной отечественной словесности. «Обитель», фактически являющаяся *opus magnum* Прилепина и маркирующая его очевидную писательскую эволюцию, стала подлинным событием литерату-

ры современной, соединив в себе исторические реалии, традиции русского фольклора и художественной словесности, «лев-толстовскую изобразительность» [Захар Прилепин, 2014], значительную аксиологическую парадигму; обращенный к трагическим вехам национальной истории XX века, роман изобразил личностные метания главного героя, в соловковском хронотопе дал срез нового советского общества конца 1920-х годов и явился «концентрированной метафорой» [Там же] дня сегодняшнего.

Будучи явным продолжением традиции «лагерной прозы», роман приписывается к корпусу так называемого «соловецкого текста» [Франк, 2017]. Действительно, события «Обители» разворачиваются в 1920-х годах на Соловках, в связи с чем исследователи ищут параллели с наследием А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова, С. Довлатова [Большев, 2016]. Н. В. Ковтун, в частности, видит в прилепинском герое характерные черты типа «голого человека» и относит роман к «новой лагерной прозе» [Ковтун, 2019]. Однако, как справедливо замечает Л. Данилкин, это не просто «лагерная проза», ибо писателя «интересует <...> национальная история, которая здесь представлена в химически чистом, лабораторном варианте. Соловки и есть Россия, макрокосм в микрокосме; остров как модель страны» [Данилкин, 2014].

Некоторые литературоведы обращаются к осмыслению отдельных аспектов поэтики прилепинского текста [Безруков, 2019], подчеркивая при этом сложность и многомерность его хронотопической организации, образной системы, неоднозначность трактовки исторического контекста. Так, О. С. Сухих характеризует «Обитель» как «художественный эксперимент», утверждая его самобытность [Сухих, 2015, с. 297]. Литературовед выдвигает тезис о том, что в основе сюжета романа лежит принцип «синусоиды», то есть судьба персонажа представляет собой череду взлетов и падений [Там же, с. 298].

При всей «разности» исследовательских интерпретаций ученые отмечают неоспоримость акцентуации писателем нравственной проблематики [Кучерская, 2014; Вальчак, 2019]. К примеру, М. Кучерская пишет: «Прилепин показывает, как легко могут сочетаться в одной душе, на одном клочке земли ад и рай, любовь и смерть, вой и песня, бред и прозрение» [Кучерская, 2014]. Кроме того, исследователи справедливо указывают на многочисленные отсылки к православным традициям, подчеркивают изображенную писателем эволюцию отношения к вере верующих и неверующих персонажей [Александрова и др., 2015; Вальчак, 2019; Глазков и др., 2015; Иванова, 2016; Рылова, 2016]. При этом ни в одном исследовании целостно не проанализирована жанровая специфика романа, своеобразие соотношения в нем элементов исторического романа и христианской образности и мотивики.

3. Жанровая специфика «Обители» Захара Прилепина

Как мы уже указали, вопрос о жанровой специфике «Обители» до сих пор окончательно не прояснен. Л. Данилкин, указывая на принадлежность текста к корпусу «лагерной прозы», выделяет в нем мотивы плутовского романа, полагая, что сюжет построен как ряд перипетий, в которые попадает герой, но всегда остается невредимым, что роднит его со средневековым пикаро [Данилкин, 2014]. О. С. Сухих выявляет черты полифонического романа, близкого наследию Ф. М. Достоевского, отмечая диалог голосов героев [Сухих, 2015]. С подобными высказываниями исследователей можно согласиться частично: во-первых, в отличие от традиционного пикаро, для героя прилепинского романа «остаться невредимым» означает «остаться живым», к тому же, сталкиваясь с очередной «метаморфозой» (общие работы, театр, больница, камера смертников), Артем, в отличие от пикаро, везде и для всех остается чужим и не находит «благоприятного» места. Во-вторых, несмотря на противоречивые мнения персонажей о лагере (для одних он — необходимое зло и «новая цивилизация»: Ф. Эйхманис и лагерное начальство; для других — ад: Василий Петрович и большинство заключенных), главный герой придерживается нейтральной позиции, примыкая то к одной стороне, то к другой. Именно поэтому вслед за Артемом Горяиновым, по замечанию В. Бондаренко, читатель лишь задает вопросы: «Чем была для России XX века Соловецкая обитель? Это обитель зла? Или же обитель преображения? Это узилище или уникальная лаборатория по переделке человека?» [Бондаренко, 2014].

На наш взгляд, наиболее явно в «Обители» прослеживаются черты исторического романа как «эпического произведения, в котором преобразование народной жизни передается через типичных героев, на чьи судьбы воздействуют сокрушительные общественные силы. Среди действующих лиц могут быть и известные исторические личности, но в произведении им чаще всего отведены второстепенные роли» [Лукач, 2015]. Напомним, что в основе исторического романа лежит важное, с точки зрения автора, событие, ставшее переломным для всего этноса, и обращение к нему зачастую обусловлено желанием писателя ответить на животрепещущие вопросы современности, понять закономерность происходящего [Альтшуллер, 1996; Бреева, 2011; Варфоломеев, 1979; Долинин, 1988]. События «Обители» становятся своего рода «преамбулой» к одному из трагичных периодов отечественной истории — массовым репрессиям, причина которых, равно как и возникновение последующей разветвленной сети ГУЛАГа, по мнению прозаика, как раз коренится в ссылке в 1920—30-е годы на Соловки «особо опасных» уголовных и политических преступников.

Как известно, достоверность повествования в историческом романе обеспечивается за счет привлечения документов эпохи, опоры на свиде-

тельства очевидцев (дневники, воспоминания, письма). В контексте заявленной проблематики это принципиально, ибо жанрообразующими признаками исторического романа выступают, как известно, ярко выраженное документальное начало, а также синтез исторических фактов и художественного вымысла [Оскоцкий, 1980; Пауткин, 1970; Петров, 1961]. В предисловии к «Обители» сообщается о том, что история, ставшая основой сюжета, была рассказана автору прадедом, а во время работы над текстом он обращался к отчетам, докладным запискам и рапортам в архивах. Так писатель задает вектор объективного воссоздания прошлого, придает художественному тексту элементы историографии. Однако, помимо документальной точности, для исторического романа характерна мистификация, чаще всего воплощенная в мотиве таинственной рукописи, которая чудом попала к рассказчику и вдохновила писателя на создание текста [Долинин, 1988]. Таким мистифицирующим читателя «фикциональным» источником в «Обители» становится дневник Галины Кучеренко, который раскрывает внутренний мир героини, рисует Соловки глазами большевиков, но не является историческим документом.

Исторические реалии — Соловецкие острова, Соловецкий лагерь — воссозданы в романе с большой точностью. При этом описание самой обители зачастую субъективно и зависит от состояния главного героя Артема Горяинова: *Обитель была угловата — непомерными углами, неопрытна — ужасным разором <...> Она высилась так тяжело и огромно, будто была построена не слабыми людьми, а разом, всем своим каменным туловом, упала с небес и уловила оказавшихся здесь в западню* [Прилепин, 2014, с. 19]. Позже в речи других персонажей (например, Ф. Эйхманиса) появляются документальные подробности: *Монастырь: 509 трехаршинных сажень по кругу, высота девять метров, ширина — шесть, Восемь башен. Твердь!..* [Там же, с. 265]. Приводятся факты из истории обители от основания до прибытия большевиков в 1923 году: восстание против реформ Никона и его жесткое подавление в 1666 году; зверства, всегда присутствовавшие в монастыре (так, упоминается о наказании расстриги Ивана Бурянского, которого в 1722 году посадили в каменный мешок на 30 лет и др.). Исторические справки, транслируемые через персонажей, реконструируют точный «портрет» эпохи, а яркие пейзажные зарисовки становятся своеобразной «оркестровкой» эмоциональному состоянию героев, дают понять внутреннее состояние заключенных.

Проводя своего героя через все круги лагерного ада, подобно персонажу «Божественной комедии» Данте, писатель показывает структуру этого «государства в государстве»: описывается ротная система, бараки, больница, кабинеты начальства, некоторые виды работ, к которым привлекаются

заклученные. Все разнообразие хозяйства лагеря сложно описать даже начальнику: *Лесозаготовка <...> Рыбная и тюленья ловля. Скотное и молочное хозяйство. Известково-алебастровый, гончарный, механический заводы. Бондарная, канатная, наждачная, карбасная мастерские ...* [Там же, с. 275]. Соловки, по словам Эйхманиса, есть не что иное, как лаборатория по созданию нового человека и новая цивилизация. Особое внимание уделено языку, соединяющему арг (шкеры, мойка, святцы, ненаряженный), лексику образованной интеллигенции и новояз: *Все смешалось: фрак, армяк и блуза!* [Там же, с. 267]. Такая невообразимая смесь демонстрирует, насколько разных людей, помимо их воли, объединила судьба в едином пространстве лагеря-тюрьмы и заставила существовать бок о бок. Соловки, вмещающие палачей-чекистов, мучеников-священников, уголовников, представителей русской интеллигенции и т. д., становятся микрокосмом, символическим образом всей послереволюционной страны.

Главным героем классического исторического романа зачастую становится «типичный, усредненный, представитель эпохи» [Долинин, 1988, с. 123]. У Прилепина это Артем Горяинов, через призму восприятия которого изображается все происходящее, в том числе исторические события и исторические личности: он недоучившийся студент, из-за непреднамеренного убийства отца попавший в лагерь. Он не обладает особыми талантами, выдающимися способностями, навыками или знаниями, отличает его только любовь к поэзии Серебряного века. В то же время, подобно герою-авантюристу, он ловко выпутывается из безвыходных, казалось бы, ситуаций. Более того, Артем часто стоит перед выбором, причем всякий раз в последний момент появляется вариант, спасительный для героя. Так, после столкновения с блатными, которое должно было привести к гибели, он попадает в спортивную роту. Когда в лагере появляется новое начальство и начинаются репрессии, героя «прячут» на Лисий остров, где он остается невредимым. Возвращение после побега с Галиной должно было обернуться расстрелом, но суматоха из-за проверки из Москвы вновь спасает Артема.

Традиционно герои Прилепина (достаточно вспомнить «Грех», «Патологии», «Саньку» и др.) — это «личности сильные, нередко жесткие в принятии решений и поступках, но при этом наделенные способностью к тотальной рефлексии, не ожесточившиеся даже после перенесенных жизненных тягот или трагического военного опыта, познавшие подлинную ценность бытия, пытающиеся обрести собственное место в мире» [Осьмухина, 2018, с. 277], Артем Горяинов отличается от них. Хотя на протяжении сюжетного развертывания он не теряет веры в лучшее, трезво оценивает происходящее, но в финале череда страшных потрясений полностью меня-

ет его мировидение. Герой приходит к выводу, что смерть есть избавление от страданий, когда во время карательной акции по приказу начальника лагеря Ногтева расстрелять каждого десятого, предлагает Захару поменяться и быть расстрелянным вместо него. В этом, на первый взгляд, шаге отчаяния видится желание главного героя освободиться; кажется, что смерть принесет ему покой и наконец закончит звучать навязчивое «Не по плису, не по бархату хожу, а хожу-хожу по острому ножу», являющееся лейтмотивом всей лагерной жизни Артема. Смерть герой воспринимает как спасение, шаг от не-бытия в лагерном аду к бытию вечному. Однако расстрела не случается, и Артем становится неприметным, не ищет лучшей жизни, сторонится людей, перестает быть свидетелем важных событий.

Заметим, кроме того, что в историческом романе изображаются реальные деятели той или иной эпохи (Ричард Львиное Сердце, Мария Стюарт, Кромвель у В. Скотта; Емельян Пугачев у А. С. Пушкина; М. И. Кутузов, Наполеон Бонапарт у Л. Н. Толстого и т. д.). При этом исторические личности, нередко выведенные в качестве «анонимов», «фоновых» фигур, — это представители «общественного движения» [Лукач, 2015, с. 123], влияющего на этнос в целом. Среди реальных личностей в романе Захара Прилепина встречаются деятели революции А. П. Ногтев (в действительности — первый начальник лагеря, приговоренный впоследствии к пятнадцати годам заключения) и Г. И. Бокий. В Мите Щелкачове, собирающем словарь тюремной брани, угадывается будущий академик Д. С. Лихачев. Однако центральной исторической фигурой, выведенной в романе, оказывается Федор Иванович Эйхманис. Эйхманис «реальный» был приближенным Л. Троцкого, главой ЧК всей Туркестанской республики, автор ряда успешных операций по устранению членов белогвардейского командования, начальник СЛОНа, один из организаторов сталинских репрессий, ставший их жертвой и расстрелянный в 1938 году как английский шпион. Его судьба, деятельного и умного, беспринципного и жестокого, убежденного большевика, как нельзя лучше олицетворяет судьбы многих его современников.

Согласно традиции исторического романа, Эйхманис как реальная историческая фигура, абсолютное порождение эпохи, дан в статике: характер его лишен развития, причины поведения или эмоциональные реакции не анализируются. Федор Иванович в «Обителях» изображен глазами, во-первых, Артема Горяинова, во-вторых, его любовницы Галины Кучеренко. При этом Артем видит в Эйхманисе небожителя и вершителя судеб всех жителей лагеря; Галина, упоминая о близости к Троцкому, причисляет его к советскому пантеону, всячески (даже в мелочах) демонстрируя его превосходство: *Эйхманис выше среднего роста — выше Артема с Афанасьевым ...* [Прилепин, 2014, с. 61]. Для заключенных он полугероическая фигура, овеванная

легендарным ореолом. В то же время портрет персонажа неоднозначен: *Он был красив, напоминал какого-то известного поэта десятих годов ... Только в линии скул — слишком скользкой, делающей лицо более худым, чем на самом деле, было что-то неприятное и болезненное* [Там же].

Волей случая Артем становится приближенным Ф. Эйхманиса и вступает с ним в диалог, позволяя апологету большевистской идеологии объяснить причины жестокости режима. Прием этот, заметим, типичен для исторического романа: достаточно вспомнить общение Гринева и Пугачева в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина или диалог на равных между героем и королем Ричардом Львиное Сердце в «Айвенго» В. Скотта. Федор Иванович убеждает Артема, что методы советской власти оправданы спецификой времени, напоминает о том, что на Соловках всегда была тюрьма с более жестким, по сравнению с нынешним, режимом. Оговоримся, что после неудавшегося покушения на смену Эйхманису приходит А. П. Ногтев, в котором не было ни человечности, ни намека на просвещенность предшественника. Он подлинный палач, упивающийся властью, не обремененный желанием модернизации лагеря, не занимающийся разведением редких видов животных, не имеющий культурного багажа своего предшественника. Неоправданная жестокость Ногтева маркируется сценой расстрела собаки Блэка, всеобщего любимца. В подобной смене начальства лагеря со всей очевидностью Прилепин показывает будущее «закручивание гаек», знаменующее начало нового исторического этапа — эпохи «большого террора» 1930-х годов.

Таким образом, при наличии элементов авантюрного (Артему присущи отдельные черты героя-авантюриста), любовно-психологического романов все-таки «Обитель» в жанровом отношении можно причислить к жанру романа исторического (изображен переломный момент отечественной истории через конфликт между историческими личностями и вымышленными «средними» героями, ярко выражено документальное начало повествования, осуществлен синтез исторических фактов и художественного вымысла). При этом особенностью осмысления исторической темы в романе Прилепина становится интерес к вечным нравственным вопросам, проблемам жизни и смерти, совести и долга, любви и верности в их христианском понимании, в связи с чем можно с уверенностью говорить о нравственно-философском постижении минувшего как характерного свойства «Обители».

4. Специфика репрезентации христианских образов и мотивов в «Обители»

Уже само заглавие романа отсылает к вполне определенному образу, однако горизонт читательских ожиданий не оправдан: обитель оказывается

не святым местом (монастырем, храмом), повенчанным с добром, но тюрьмой с жесточайшими порядками, где царят бесчеловечность, жестокость и произвол, и жизнь здесь становится не бытием стремящихся к Богу, но адом для заключенных, которым нет и не будет исхода. Справедливости ради укажем, что в «обители» живут священнослужители и монахи, но уже не по прежнему укладу: они лишены прежней свободы и возможности служить Богу — теперь они служат новому начальству. «Обитель» превращена в макет будущего советского государства эпохи «большого террора»: в ней есть фермы с животными, спортивная секция, издается собственная газета, создан театр, ведутся научные исследования, работает ларек с продовольствием; некоторые из заключенных даже получают зарплату, но по пути к этому самому ларьку можно «услышать смерть»: расстреливают на территории «обители» без лишних объяснений. Примечательно в связи с этим уже упомянутое нами высказывание Эйхманиса, подчеркивающего, что на Соловках создается новая цивилизация для воспитания нового человека, а потому прежде всего придается забвению прежняя ценностная система, основанная на православной нравственности и категории памяти: на храм водружена пятиконечная советская звезда, на монастырское кладбище отправлены лагерники разрушать могилы.

Роман насыщен христианскими мотивами и образами. Так, Артём Горяинов признаётся Гале, что убил отца не за измену матери, но *за наготу*. Остаток своих дней Горяинов проведёт на Соловках. И, несмотря на то что другие заключённые уверены, что Артем «фартовый», он умирает в неволе, причем сначала духовно. Вполне очевидна здесь параллель с библейским сюжетом: у праведника Ноя было трое сыновей, только их семья пережила всемирный потоп. Ной начал возделывать землю и насадил виноградник. Согласно Библии, он не знал о пьянящем свойстве виноградного нектара, поэтому выпил и крепко заснул обнажённым. Наготу отца увидел Хам и повёл себя постыдным образом: стал насмехаться над родителем и рассказал братьям обо всём. Сим и Иафет «взяли одежду и, положив её на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего» (Быт. 9:23). Придя в себя, Ной проклял младшего сына Хама: «Проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих» (Быт. 9:25). Отцеубийца Артем фактически превращается в Соловецком лагере в «раба» лагерного начальства [Ветхий ...].

На Соловках Горяинов, как мы уже указали, попадает под обаяние начальника лагеря Федора Эйхманиса, стоящего на вершине иерархии «нового» социума: *У нас здесь свои классы, своя классовая рознь <...> Пирамида такая — сверху мы, чекисты. Затем казры. Затем бывшие священнослужители, попы и монахи. В самом низу уголовный элемент —*

основная рабочая сила [Прилепин, 2020, с. 268]. При этом, по мнению Эйхманиса, в массовых расстрелах, бесчеловечных условиях содержания, тяжёлых работах, голоде виноваты сами заключённые: *Кто вас мучает? Вы сами себя мучаете лучше любого чекиста!* [Там же, с. 272]. Эйхманис подобен Деннице, который возгордился, захотел стать выше Бога и был изгнан. Начальник лагеря в собственной гордыне пытается через подмену идеологических понятий стать выше всех — «вождем пролетариата». Как и Денница, Эйхманис в конечном итоге изгнан: арестован по обвинению в участии в заговоре в НКВД и расстрелян.

Как известно, самым страшным местом на Соловках считалась Секирная гора, или Русская Голгофа. В 1920—30-е годы там, в здании церкви, действительно располагался штрафной изолятор, где заключённых содержали в нечеловеческих условиях, смертность была очень высокой. Бывший политзаключённый, писатель М. М. Розанов вспоминал: «Секирка — это венец системы угнетения, надругательств, террора и истребления, последняя, высшая пред расстрелом ступень карательной лестницы спецотдела ОГПУ — предшественника ГУЛАГа. От первой ступени — от прозябания на безответственной, хлебной, нефизической работе и до Секирки много, много ступеней и чем выше, тем мучительней переживать лагерь телесно или духовно, а чаще приходится страдать сразу и телом, и душой» [Розанов, 1979]. Примечательно, кстати, что и название горы Голгофы, на которой был распят Иисус Христос, переводится как «череп». Существует версия, что в древнем Иерусалиме на Голгофе складывали головы казнённых преступников.

В «Обители» именно на Секирке заключённый Горяинов теряет свое близкое окружение: расстрелян Василий Петрович; позднее, задохнувшийся в штабелях, погибает владычка Иоанн. Но именно одна из первых казней — расстрел никогда не унывающего Афанасьева — надломила Артема. Когда доведенные до ужаса заключённые иступленно калялись в страшных грехах на общей исповеди (*«расстрелял жидка!», «зарезал жену!», «задушил ребёнка!»*) [Прилепин, 2020, с. 563]), Горяинов не калялся, а бесновался и хохотал: *Мерзну! — с бесноватой радостью соглашался Артем. — Хочу жрать и мерзну!* [Там же, с. 561]; *Не верил, — кивал Артем с тем бесстыдным лицом, с которым пьяница ждёт у кабака, что ему нальют* [Там же].

Важно отметить, что в «Обители» встречается подмена «новой» властью христианских понятий. Так, чекист, являющийся в штрафной изолятор вызывать заключённых на расстрел, кощунственно цитирует Евангелие: *Шлёпнул губами, словно удерживая спадающую улыбку, и ответил такими же улыбчивыми, влажными, как его губы, словами: — Жатвы много, работников мало ... Надумал отречься, Зиновий? <...> От Антихриста, — коротко ответил Зиновий* [Там же, с. 552—553]. «Жатвы мно-

го, а делателей мало» (Мф. 9:36—38) [Евангелие ...], — так Господь сказал своим ученикам, подразумевая под созревшей пшеницей человечество, под жатвой — проповедование истинной веры, а под «делателями» — проповедников. Заметим, что подобное кошуństwo с точки зрения носителя христианской нравственности, с позиции представителя «нового» мира и «новой» нравственности есть не что иное как, с одной стороны, издевательская, а с другой — «удобная», хорошо понятная, веками опробованная форма для проповедования собственной идеологии.

Кроме того, кошуñственная сцена связана с описанием бытового факта: в бывших церквях, а ныне карцерах «параша» находилась на месте Святого жертвенника: *В тринадцатой роте, — вдруг вспомнил Артем, — параша стоит в алтаре. В моей партии был один священник — так он ни разу туда не сходил. Ночью поднимался и шел на улицу. Пока ходил — его место занимали на нарах. Утром встаем — он сидя спит где-нибудь в уголке, чуть не замерзший <...> Я думаю, дурак. У Василия Петровича дрогнула челюсть — будто бы Артем у него на глазах толкнул больного; он отвернулся* [Там же, с. 68]. Примечателен комментарий Артема здесь («*думаю, дурак*»), пока еще не осознавшего ни подлинных ценностей, ни собственного места в мире, ни смысла бытия вообще.

В сюжете романа присутствуют и персонажи-священнослужители, наиболее показательный из которых осужденный владыка Иоанн, кого на первый взгляд насмешливо, но на самом деле ласково-уважительно все называют «*владычкой*». Из-за преклонных лет ему очень тяжело жить в невыносимых лагерных условиях, но, как подлинный пастырь, Иоанн для каждого находит ласковое слово, ведет поистине праведное бытие, сохраняя в себе подлинно человеческое: жертвует свою порцию баланды безпризорнику, уступает свое место на нарах, безгранично сочувствует всем сокамерникам, хотя ему самому пришлось многое перенести:

“У него попадьё красноармейцы насильовали — а он всё про общежитие рассказывает! Слушай его, он тебе наговорит!” <...> Артем увидел, как батюшка Иоанн тихо сидит, переплетя пальцы и шепча что-то. Дождался, пока ругань прекратится, поднял глаза, снова улыбнулся Артему: вот, мол, как. <...> Владычка вдруг заплакал, негромко, беспомощно, по-стариковски, стыдясь самого себя — никто не мог решиться успокоить его <...> Продолжалось то меньше трети минуты. Владычка вздохнул и вытер глаза рукавом.

— *Но и этих надо любить, — сказал он и осмотрел всех, кто был вокруг. — Сил бы* [Там же, с. 513].

Батюшка как подлинный праведник-мученик за веру, чей дух оказывается несломленным, продолжает проповедь добра и любви, призывая к со-

хранению человечности всех остальных, ибо «Бог есть любовь»: нужно любить детей «убийц святых мучеников», и новых мучеников, которые сами «дети убийц» [Там же, с. 515]. Когда замерзающим заключенным в изолятор на Секирке кинули несколько курток, которых явно бы на всех не хватило, поэтому намечалась драка среди отчаянных и несчастных людей, именно «владычка» Иоанн предложил лагерникам укладываться на ночь «в штабеля», чтобы не замерзнуть насмерть. На наш взгляд, образ «владычки» со всей очевидностью отсылает к образу святого Иова Многострадального, который за все благодарил Бога. Как известно, ветхозаветный Иов был счастлив в детях, его уважали за мудрость, семья жила в достатке. В скором времени у праведника от болезней погибли все близкие, а он сам разорился и покрылся язвами. Но ни разу он не обвинил Творца в своих несчастьях. За свое смирение Господь воздал Иову вдвое: он снова стал богат, у него родились дети, и прожил он длинную счастливую жизнь.

Ещё один священник Зиновий, казалось бы, потерял самого себя. Он вечно ходил сначала по больнице, потом по карцеру и выклиничивал «сахарку, сольцы, хлебушка». Но и он находит в себе силы сказать, что не отречется от Бога, но отрекается от антихриста, имея в виду новую советскую (соловецкую) власть: *Зиновий, видел Артём, оказался вовсе не столь жалок <...> За юродством явственно просматривались необычайная крепость духа и яростное человеческое мужество* [Там же, с. 554]. Столь разные по характеру священнослужители продолжают оставаться носителями подлинных христианских ценностей и добродетелей: наставляют персонажей, помогают им, обессиленным от постоянного страха за жизнь, покаяться; вместе проводят общую исповедь для всех заключенных; собственным примером демонстрируют стойкость веры и несломленность духа.

Под воздействием не только «светских» персонажей, но и священнослужителей подлинную внутреннюю эволюцию претерпевает Артем Горяинов, отцеубийца, блудодей, в чем-то справедливый, нередко бескорыстный и храбрый (показательна здесь история с немощным Филиппком, которого Артем сначала защитил на Баланах от десятника, затем в больнице от блатного Жабры, а после Артем отдал ему свою порцию еды), постепенно приходящий к пониманию ценностей истинных. Первоначально он смеется над заключенными на Секирке, когда Иоанн и Зиновий призывают всех покаяться, смеется, когда видит, что Зиновия-попрошайку стали уважать больше, чем раньше: *Они тайне надеются, что он может их спасти* [Там же]. Лежа на нарах в штрафном изоляторе, Артем, отколупывая известку от стены, обнаруживает лик святого (см. подробнее об этом [Вальчак, 2019, с. 86—97]), начинает разговаривать с ним, но, когда умирает задавленный «владычка» Иоанн, герой, слабый верой, ложкой полосует лицо

своему «князю», за что его жестоко избивают измотанные голодом и холодом заключенные. Оказавшись с Галей в лодке посреди моря, Артем вполне осознанно обращается к Богу: *Господи, я Артем Горяинов, рассмотри меня сквозь темноту. Рядом со мной женщина — рассмотри и ее. Ты же не можешь взять меня в одну ладонь, а вторую ладонь оставить пустой? Возьми и ее ... Она не чужой мне человек, я не готов ответить за ее прошлое, но готов разделить ее будущее* [Прилепин, 2020, с. 614]. Но тут же останавливается, уговаривая себя, что никого «тут нет», а сам он не знает, любит «эту женщину или нет». И всё же, когда Галю приговорили к расстрелу, Артем осознанно принимает решение расстаться с жизнью, ибо наконец-то, неосознанно для самого себя пройдя путь духовных исканий, он понимает подлинные ценности: верность, любовь, долг, совесть, жизнь, смерть. Смерть для него не драма, но избавление и обретение настоящей жизни. И хотя к истинному (христианскому) покаянию герой не приходит, но сохраняет в себе человеческое: *Человек тёмен и страшен, но мир человека вечен и тёпл* [Там же, с. 746].

5. Заключение

Резюмируя сказанное выше, можно заключить, что «Обитель» Захара Прилепина как один из образцов современного исторического романа занимает в отечественной словесности 2010-х годов совершенно особое место. И дело здесь не только в популярности у широкой читательской аудитории, «премиальном» статусе книги или же ее финансовом успехе. Как это ни парадоксально, Прилепину удалось создать текст синтетической природы, не только органично совмещающий в историческом романе авантюрно-приключенческие, любовно-психологические элементы, но и активно осваивающий библейский контекст. В исторической по своей структуре «Обители» (изображение переломного момента отечественной истории, достоверное описание реалий, наличие в сюжетном развертывании исторических фигур, ярко выраженный документализм, сочетание художественного вымысла с историческими фактами) важнейшей становится христианская тема: трансформация личности под воздействием несчастий и ее диалог с Богом. Все персонажи романа так или иначе обозначают собственное отношение к религии в целом: Эйхманис сам стремится стать новым «богом» и проповедует «религию» нового мира; священники наставляют, стараются укрепить в вере, ободрить остальных; заключенные нередко смеются над верой, но гораздо чаще умирают с молитвой на устах (Василий Петрович). Главный же герой (Артем Горяинов), по сути, воплощает авторскую историософскую концепцию, согласно которой «усредненный» человек, пройдя путь через заблуждения, преступление,

страдания, духовные и физические испытания, все-таки метафорически воплощает личность, участвующую не только в историческом процессе, но и в универсально-вселенском движении от небытия и забвения (жизнь Артема и других заключенных в лагере) к подлинному бытию (смерть воспринимается героем как избавление и спасение).

Источники

1. *Ветхий Завет*. Синодальный перевод. Бытие [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.my-bible.info/biblio/biblija/bytie.html#g9> (дата обращения 23.04.2021).
2. *Евангелие по Матфею* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://azbyka.ru/biblio/?Mt.9:36-38&t> (дата обращения 23.06.2021).
3. *Прилепин З.* Обитель : роман / З. Прилепин. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 746 с. — ISBN 978-5-17-084483.
4. *Розанов М. М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922—1939. Факты — Домыслы — «Параши». Обзор воспоминаний соловчан соловчанами [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://solovki-monastyr.ru/library/687/> (дата обращения 20.06.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова М. В.* Пространство «Обители» как основание бытия в романе З. Прилепин / М. В. Александрова, В. А. Антонец // Ярославский педагогический вестник. — 2015. — № 4. — С. 312—317.
2. *Альтшуллер М. Г.* Эпоха Вальтера Скотта в России : Исторический роман 1830-х годов / М. Г. Альтшуллер. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1996. — 342 с. — ISBN 5-7331-0014-1.
3. *Бахтин М. М.* Эпос и роман (о методологии исследования романа) / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. — Москва : Художественная литература, 1986. — С. 392—427.
4. *Безруков А. Н.* Механизмы конфигурации художественной реальности в прозе Захара Прилепина / А. Н. Безруков // Libri Magistri. — 2019. — № 3 (9). — С. 136—145.
5. *Большев А. О.* Роман Захара Прилепина «Обитель» в контексте тюремно-лагерной русской прозы XX века / А. О. Большев // Филология и культура. — 2016. — № 4 (46). — С. 129—138.
6. *Бондаренко В.* Власть Соловецкая. О романе З. Прилепина «Обитель» [Электронный ресурс] / В. Бондаренко. — Режим доступа : <http://zavtra.ru/content/view/vlastsolovetskaya/> (дата обращения 22.04.2021).
7. *Бреева Т. Н.* Концептуализация национального в русском историософском романе ситуации рубежности : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Т. Н. Бреева. — Екатеринбург, 2011. — 452 с.
8. *Вальчак Д.* Святыня под слоем известки. Икона в лагерной зоне в романе З. Прилепина «Обитель» / Д. Вальчак // ART LOGOS. — 2019. — № 2 (7). — С. 86—97.
9. *Варфоломеев И. П.* Типологические основы жанров исторической романистики. Классификация видов / И. П. Варфоломеев. — Ташкент : Фан, 1979. — 168 с.
10. *Глазкова М. М.* Функциональность библейского интертекста в романе Захара Прилепина «Обитель» [Электронный ресурс] / М. М. Глазкова, И. М. Попова // Концепт. — 2015. — № 12 (декабрь). — С. 1—5.

11. Данилкин Л. «Обитель» Захара Прилепина : лагерный ад как модель страны / Л. Данилкин // Афиша. Воздух. 2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://vozduh.afisha.ru/books/obitelzahara-prilepina-lagernyy-ad-kak-model-strany/> (дата обращения 22.05.2021).
12. Долинин А. А. История, одетая в роман : В. Скотт и его читатели / А. А. Долинин. — Москва : Наука, 1988. — 245 с.
13. Захар Прилепин. Новый роман «Обитель» [Электронный ресурс] // Свободная пресса. Нижний Новгород. — 2014. — № 45 (2186). 25 апреля. — Режим доступа : <https://svpressa-nn.ru/2014/323/zahar-prilepin-novyi-roman-obitel.html> (дата обращения 20.07.2021).
14. Иванова И. С. Концепт «душа» в романе Захара Прилепина «Обитель» / И. С. Иванова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 42. — С. 58—62.
15. Ильина С. А. Символика художественного пространства романа Захара Прилепина «Обитель» / С. А. Ильина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 12—4 (78). — С. 22—27.
16. Ковтун Н. В. «Голый человек» А. Солженицына на фоне «новой лагерной прозы» : pro et contra / Н. В. Ковтун // Филологический класс. — 2019. — № 2 (56). — С. 157—167. — DOI: 10.26170/FK19-02-21.
17. Круглов Р. Христианские темы и мотивы в современной русской литературе [Электронный ресурс] / Р. Круглов // Заря. — 2019. — № 1. — Режим доступа : <http://журнальныймир.рф/content/hristianskie-temy-i-motivy-v-sovremennoy-russkoy-literature> (дата обращения 22.07.2021).
18. Кучерская М. По острому ножу [Электронный ресурс] / М. Кучерская. — Режим доступа : <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/04/18/po-ostromu-nozhu> (дата обращения 18.03.2021).
19. Лейдерман Н. Л. Теория жанра / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО ; Уральский государственный педагогический университет / Н. Л. Лейдерман. — Екатеринбург, 2010. — 904 с. — ISBN 978-5-904205-64-1.
20. Лукач Г. Исторический роман / Г. Лукач ; вступительная статья П. Андерсона. — Москва : Common place, 2015. — 178 с.
21. Оскоцкий В. Д. Роман и история : традиции и новаторство советского исторического романа / В. Д. Оскоцкий. — Москва : Художественная литература, 1980. — 384 с.
22. Осьмухина О. Ю. Образ героя в прозе Захара Прилепина (на материале романов «Патологии», «Санька») / О. Ю. Осьмухина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 6 (84). — С. 275—280. — DOI: 10.30853/filnauki.2018-6-2.14.
23. Пауткин А. И. Советский исторический роман (в русской литературе) / А. И. Пауткин. — Москва : Знание, 1970. — 107 с.
24. Петров С. М. Исторический роман в русской литературе / С. М. Петров. — Москва : Издательство министерства просвещения, 1961. — 233 с.
25. Рылова К. Проблема духовного самосохранения в романе З. Прилепина «Обитель» / К. Рылова // Филология и культура. — 2016. — № 4 (46). — С. 250—254.
26. Сухих О. С. Роман З. Прилепина «Обитель» : поэтика художественного эксперимента / О. С. Сухих // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 1. — С. 297—304.
27. Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы / Ю. Н. Тынянов. — Ленинград : Прибой, 1929. — 595 с.

28. Франк С. Соловецкий текст. Часть 2 [Электронный ресурс] / С. Франк // Имагология и компаративистика. — 2017. — № 8. — Режим доступа : http://journals.tsu.ru/imagology/&journal_page=archive&id=1611&article_id=37011 (дата обращения 22.04.2021)

MATERIAL RESOURCES

- Prilepin, Z. (2020). *The monastery: Roman*. Moscow: Publishing House AST. 746 p. ISBN 978-5-17-084483. (In Russ).
- Rozanov, M. M. *Solovetsky concentration camp in the monastery. 1922—1939. Facts-Conjectures — “Parashas”*. Review of the memories of Solovchans by Solovchans. Available at: <http://solovki-monastyr.ru/library/687/> (accessed 20.06.2021). (In Russ).
- The Gospel according to Matthew*. Available at: <https://azbyka.ru/biblio/?Mt:9:36-38&r> (accessed 23.06.2021). (In Russ).
- The Old Testament. Synodal translation. Genesis*. Available at: <http://www.my-bible.info/biblio/biblija/bytie.html#g9> (accessed 23.04.2021). (In Russ).

REFERENCES

- Alexandrova, M. V., Antonets, V. A. (2015). The space of the “Monastery” as the basis of being in the novel Z. Prilepin. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 4: 312—317. (In Russ).
- Bakhtin, M. M. (1986). Epos and the novel (on the methodology of the study of the novel). In: *Literary and critical articles*. Moscow: Fiction. 392—427. (In Russ).
- Bezrukov, A. N. (2019). Configuration mechanisms artistic reality in prose Zakhar Prilepin. *Libri Magistri*, 3 (9): 136—145. (In Russ).
- Bolshev, A. O. (2016). Zakhar Prilepin’s novel of “Resident” in the context of prison-camp of Russian prose of the twentieth century. *Philology and culture*, 4 (46): 129—138. (In Russ).
- Bondarenko, V. *The power of Solovetskaya. About Roman Z. Prilepina “Abode”*. Available at: <http://zavtra.ru/content/view/vlastsolovetskaya/> (accessed 22.04.2021). (In Russ).
- Breeva, T. N. (2011). *Conceptualization of the national in the Russian historiosophical novel of the situation of the frontier*. Doct. Diss. Yekaterinburg. 452 p. (In Russ).
- Danilkin, L. (2014). “Abode” of Zakhar Prilepin: camp hell as a model of the country. In: *Afisha. Air*. Available at: <http://vozduh.afisha.ru/books/obitelzahara-prilepina-lagernny-ad-kak-model-strany/> (accessed 22.05.2021). (In Russ).
- Dolinin, A. A. (1988). *A story dressed in a novel: V. Scott and his readers*. Moscow: Nauka. 245 p. (In Russ).
- Frank, S. (2017). Solovetsky text. *Imagology and comparative studies*, 2 (8). Available at: http://journals.tsu.ru/imagology/&journal_page=archive&id=1611&article_id=37011 (accessed 22.04.2021). (In Russ).
- Glazkova, M. M., Popova, I. M. (2015). Functionality of the biblical intertext in Zakhar Prilepin’s novel “The Monastery”. *Concept*, 12: (December). 1—5. (In Russ).
- Ilyina, S. A. (2017). Symbolism of the artistic space of Zakhar Prilepin’s novel “The Monastery”. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 12—4 (78): 22—27. (In Russ).
- Ivanova, I. S. (2016). The concept of “soul” in Zakhar Prilepin’s novel “The Monastery”. *Scientific and methodological electronic journal “Concept”*, 42: 58—62. (In Russ).

- Kovtun, N. V. (2019). "The Naked man" Solzhenitsyn on the background of the "new camp prose": pro et contra. *Philological class*, 2 (56): 157—167. DOI: 10.26170/FK19-02-21. (In Russ).
- Kruglov, R. (2019). Christian themes and motives in modern Russian literature. *Zarya*, 1: Available at: <http://журнальныймир.рф/content/hristianskie-temy-i-motivy-v-sovremennoy-russkoy-literature> (accessed 22.07.2021). (In Russ).
- Kucherskaya, M. *On a sharp knife*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/04/18/po-ostromu-nozhu> (accessed 18.03.2021). (In Russ).
- Leiderman, N. L. (2010). *Theory of genre / Institute of Philological Research and Educational Strategies "Slovesnik" UrO RAO; Ural State Pedagogical University*. Yekaterinburg. 904 p. ISBN 978-5-904205-64-1. (In Russ).
- Lukach, G. (2015). *Historical novel*. Moscow: Common place. 178 p. (In Russ).
- Oskotsky, V. D. (1980). *Novel and history: traditions and innovation of the Soviet historical novel*. Moscow: Fiction. 384 p. (In Russ).
- Osmukhina, O. Yu. (2018). The image of the hero in the prose of Zakhar Prilepin (based on the material of the novels "Pathologies", "Sankya"). *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 6 (84): 275—280. DOI: 10.30853 / filnauki. 2018-6-2. 14. (In Russ).
- Pautkin, A. I. (1970). *The Soviet historical novel (in Russian literature)*. Moscow: Znanie. 107 p. (In Russ).
- Petrov, S. M. (1961). *Historical novel in Russian literature*. Moscow: Publishing House of the Ministry of Education. 233 p. (In Russ).
- Prilepin, Z. (2014). The new novel "The Monastery". *Svobodnaya pressa*, 45 (2186). April 25. Nizhniy Novgorod. Available at: <https://svpressa-nn.ru/2014/323/zahar-prilepin-novyi-roman-obitel.html> (accessed 20.07.2021). (In Russ).
- Rylova, K. (2016). The problem of spiritual self-preservation in the novel Z. Prilepina "Abode". *Hilology and culture*, 4 (46): 250—254. (In Russ).
- Sukhoi, O. S. (2015). Roman Z. Prilepina "Abode": poetics of artistic experiment. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 1: 297—304. (In Russ).
- Tynyanov, Yu. N. (1929). *Archaists and innovators*. Leningrad: Priboy. 595 p. (In Russ).
- Valchak, D. (2019). The shrine under a layer of lime. The icon in the camp zone in the novel by Z. Prilepina "Abode". *ART LOGOS*, 2 (7): 86—97. (In Russ).
- Varfolomeev, I. P. (1979). *Typological bases of genres of historical novelistics. Classification of species*. Tashkent: Fan. 168 p. (In Russ).

Попова Г. В. Организация художественного мира фантастического произведения : категориальные понятия (на материале дилогии О. Громыко «Год Крысы») / Г. В. Попова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 200—216. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-200-216.

Popova, G. V. (2021). Organization of Artistic World of Fantastic Work: Categorical Concepts (dilogy of O. Gromyko “Year of Rat”). *Nauchnyi dialog*, 9: 200-216. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-200-216. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-200-216

**Организация
художественного мира
фантастического
произведения:
категориальные понятия
(на материале дилогии
О. Громыко «Год Крысы»)**

Попова Галина Владимировна
orcid.org/0000-0002-5859-7968
кандидат педагогических наук, доцент
кафедра теоретической
и прикладной лингвистики
fantgaw80@mail.ru

Юго-Западный
государственный университет
(Курск, Россия)

**Organization of Artistic
World of Fantastic Work:
Categorical Concepts
(dilogy of O. Gromyko
“Year of Rat”)**

Galina V. Popova
orcid.org/0000-0002-5859-7968
PhD in Pedagogy, Associate Professor
Department of Theoretical
and Applied Linguistics
fantgaw80@mail.ru

Southwest State University
(Kursk, Russia)

© Попова Г. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности организации художественного мира фантастического произведения. Материалом послужили произведения О. Громько, написанные в жанре фэнтези. Анализируются основные параметры организации художественного мира: художественное пространство, художественное время и картина мира героев, понимаемая как система их ценностных установок и правил. Актуальность исследования обусловлена не только широкой популярностью произведений фантастики, но и возможностью на данном материале проанализировать языковые средства создания «вторичного мира». Научная новизна данной работы видится в том, что исследуются языковые номинативные средства формирования основных категорий художественного мира: пространства, времени и картины мира. Показано, что понимание фантастического произведения как особого «инобытия действительности» связано в литературоведческой науке с проблемой художественной условности. Уделяется внимание описанию основных научных подходов к пониманию первичной и вторичной художественной условности. Отмечается, что представление о создании особого художественного мира в фантастике соотносится со вторичной условностью и вымыслом, которые трактуются как сущностные признаки любого художественного произведения. Автор приходит к выводу, что исключительная правдоподобность рассматриваемой вселенной обусловлена концептуальностью, ассоциативностью и двойственностью созданного повествования.

Ключевые слова:

художественная условность; фэнтези; вымысел; художественный мир; художественное пространство; художественное время; картина мира.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the organization of the artistic world of a fantastic work are considered. The material was the works of O. Gromyko, written in the genre of fantasy. The main parameters of the organization of the artistic world are analyzed: artistic space, artistic time and the picture of the heroes' world, understood as a system of their value attitudes and rules. The relevance of the study is due not only to the wide popularity of works of science fiction, but also to the ability to analyze the linguistic means of creating a "secondary world" using this material. The scientific novelty of this work is seen in the fact that linguistic nominative means of forming the main categories of the artistic world: space, time and the picture of the world are investigated. It is shown that the understanding of a fantastic work as a special "otherness of reality" is associated in literary science with the problem of artistic convention. Attention is paid to the description of the main scientific approaches to understanding the primary and secondary artistic conventions. It is noted that the idea of creating a special artistic world in fiction correlates with secondary conventions and fiction, which are interpreted as essential features of any work of art. The author concludes that the exceptional plausibility of the universe under consideration is due to the conceptuality, associativity and duality of the created narrative.

Key words:

artistic convention; fantasy; fiction; artistic world; artistic space; artistic time; picture of the world.

Организация художественного мира фантастического произведения: категориальные понятия (на материале дилогии О. Громыко «Год Крысы»)

© Попова Г. В., 2021

1. Художественная условность и фантастика

Вопрос о специфике организации художественного мира обсуждается в науке о литературе достаточно давно. Особенности действительности, создаваемой в пределах художественного произведения, рассматриваются в контексте проблемы художественной условности с 50—60 годов XX века. В теоретических исследованиях (Ю. Манн [Манн, 1966], А. А. Михайлова [Михайлова, 1970], М. С. Каган [Каган, 1972], В. Дмитриев [Дмитриев, 1974]) рассматриваются как вопросы особой природы искусства вообще, «исторических истоков художественного освоения мира», связанных с процессом «вычленения искусства в особую и самостоятельную сферу человеческой деятельности» [Каган, 1972, с. 183, 203], так и проблемы своеобразия художественного отражения как процесса», которое заключается «в живом, нерасторжимом единстве непосредственного чувственного восприятия действительности и ее обобщения» [Михайлова, 1970, с. 63].

Условность — одно из важнейших понятий, характеризующих специфику художественной действительности, — по словам В. Дмитриева, касается «тех способов художественного воссоздания действительности, которые основаны на видимом отступлении от внешнего правдоподобия» [Дмитриев, 1974, с. 19]. Как правило, понятие художественной условности в широком смысле (первичная условность) трактуется как «изначальное свойство искусства, проявляющееся в определенном отличии, несовпадении художественной картины мира, отдельных образов с объективной реальностью» [Новая философская ..., 2001, с. 147]. Согласно такому подходу, любое произведение художественного творчества, созданное посредством языка и основанное на принципе жизнеподобия, является априорно условным, следовательно, представляющим «другую» реальность. Условность вторичная характеризуется в литературоведческой традиции «демонстративным и сознательным нарушением художественного правдоподобия», когда «нарушение пропорций, комбинирование и акцентирование компонентов художественного мира» порождают откровенный авторский вымысел, авторскую игру с реальностью [Литературный энциклопедический ..., 1987, с. 458].

Фантастическое в литературе соотносится, как правило, с «высокой степенью» вторичной условности (по типологии Е. Ковтун), обозначая явный, хорошо вычленимый из ткани повествования вымысел [Ковтун, 1999, с. 23—24]. Вымысел рассматривается в науке о литературе как «средство создания художественных образов», присущее только искусству, это «форма отражения жизни, ее познания и обобщения» [Словарь литературоведческих ..., 1974, с. 56]. Определяя сущность вымысла, его значения для литературного творчества, исследователи практически единодушно отмечают связь «вымысел — действительность», которая выстраивается в процессе «деятельности воображения писателя», выступая как «формообразующая сила», приводя «к созданию сюжетов и образов, не имеющих прямых соответствий в предшествующем искусстве и реальности» [Литературный энциклопедический ..., 1987, с. 71]. Однако вымысел предстает не как откровенное безудержное фантазирование, он всегда ограничен возможностями и особенностями реальной действительности, базируясь на мощном психологическом основании — законах и приемах работы воображения [Левидов, 1983, с. 209—227]. В произведении реалистическом наличие вымысла, создающего сущностную, «природную» условность текста, практически неощутимо. Здесь вымысел логично и ровно вплетается в ткань повествования, перестраивая жизнь прототипа в бытие персонажа, соотнося основные посылки художественной действительности с законами реальности.

В фантастике авторский вымысел нарушает главенствующий принцип жизнеподобия, формируя образы, как правило, резко контрастирующие с реальностью. Вопрос о том, что именно следует считать фантастическим, какой образ или идея будут восприниматься таковыми, связан прежде всего историческими представлениями о том, что возможно в реальности, а чего не может быть. Т. Чернышева выделяет три группы «фантастических образов, идей и ситуаций, порожденных разными эпохами и различными системами представлений о мире» [Чернышева, 1985, с. 45]. В первую входят образы, связанные со сказками и языческими верованиями, во вторую — суеверия, рожденные в эпоху Средневековья, наконец, в третью — образы, возникшие на научной материалистической основе в XIX—XX веках [Чернышева, 1985, с. 45—46].

Подобные образные комплексы вплетаются в создаваемое «инобытие действительности» [Левидов, 1983, с. 16], где основополагающими категориями, формирующими границы «нового дивного мира», предстают *художественное время* и *пространство*, а также систематико-ценностные постулаты, формирующие *картину мира*.

В произведении реалистическом подобные характеристики подразумеваются, принимаются априорно, поскольку новая художественная дей-

ствительность строится согласно логике и законам привычного читателю окружающего пространства. В фантастическом художественном произведении такие категориальные характеристики определяются спецификой **вымысла**, особенностями **логической посылки**, которые очерчивают границы и представляют основные постулаты созданного писателем мира.

Именно в фантастике автор становится своеобразным демиургом, творцом мироздания, где все устроено по его законам и правилам. Как сильно и в чем именно эти законы отличаются от существующей реальности, свидетельствует принадлежность текста к научной фантастике или фэнтези (выделяем две разновидности фантастики весьма условно, ориентируясь на классификации Е. Н. Ковтун, Т. А. Чернышевой [Ковтун, 1999; Чернышева, 1985]).

2. Специфика логической посылки в научной (рациональной) фантастике и фэнтези

В научной (или рациональной) фантастике структура повествования объединяется единой фантастической посылкой, одним фантастическим допущением (что будет, если?). Как отмечает Т. Чернышева, современное произведение подобного рода «изображает не то, что произошло, а то, что могло бы произойти, если бы существовал такой-то закон природы или если бы было сделано такое-то открытие или изобретение» [Чернышева, 1985, с. 71].

Этому типу повествования свойственна, по свидетельству Г. Уэллса, «самая строгая верность фантастической посылке», поскольку выход за ее границы «придает целому оттенок глупого сочинительства» [Уэллс, 1964, с. 351].

В произведении фэнтезийном (fantasy), игровой фантастике повествование строится на многих посылках, имеющих иррациональный характер. Фантастическое допущение в данном случае не имеет логической мотивации в тексте, «фэнтези преподносит мир как артефакт, вечно длящуюся реальность» [Ковтун, 1999, с. 102], когда действительность преобразуется мгновенно и всеобъемлюще: может утверждаться существование магии, чудесных мифологических существ, богов и т. д. Однако такое многообразие вполне может быть осмыслено в качестве единой посылки, объединенной главенствующей мыслью: «Мир не таков, каким кажется».

Фэнтези (игровая фантастика) связана, как видится исследователям, с культурой карнавала, который перестраивает мир по определенным правилам. По свидетельству М. Бахтина, карнавальное бытие, иллюзорное, сконструированное по принципу «обратности», переворачивало мир наизнанку [Бахтин, 1986]. Участвуя в карнавальном действе, человек, тем не менее, хорошо осознавал временность такого переустройства, затейного ради познания и осознания окружающей действительности. В произведе-

нии с таким типом повествования с миром затевается веселая игра, призванная «память его в руках, почувствовать его послушную податливость» [Чернышева, 1985, с. 62]. Кроме того, в фэнтези сильна «волшебно-сказочная» традиция [Неелов, 1986, с. 8], относящая действие к некому отвлеченному «тридевятому царству», к мифологическому времени, когда мир был пластичен и податлив, когда все могло превратиться во все.

В условном мире фэнтези черты и категории действительности преобразовываются, переосмысливаются в игровой манере, становясь приметами новой действительности. Вообще понятие «мир» чаще всего соотносится именно с фантастикой: «Вселенная Гарри Поттера», «Миры Ника Перумова», «Миры У. Ле Гуин». Дж. Р. Р. Толкиен в статье «О волшебных сказках» отмечал, что «каждый писатель, создающий вторичный мир, фантазию, каждый творец вторичной реальности в какой-то степени мечтает быть истинным творцом или надеется, что приближается к реальности» [Толкин, 2008, с. 210].

В дилогии Ольги Громыко (белорусской писательницы) «Год Крысы» (произведение включает романы «Год Крысы. Видунья» и «Год Крысы. Путница») создается особый художественный мир, основные черты которого имеют приметы славянского раннего Средневековья. Логическая *посылка* дилогии, как и принято в фэнтези, не имеет прямой мотивации в сюжете, сразу погружая читателя в реальность, которая представляет описываемое как подлинный облик бытия. Так, первый роман начинается с эпизода, когда жители *вески* составляют список вопросов для *путника*, готовясь заплатить *сребрами*: *В конце весны дела вески стали до того плохи, что жители посоветались, скинулись и наняли путника. Двадцать сребров. На двадцать развилок. Вопросы составили заранее, споря так, что общинная изба дрожала* [Громыко, 2020а, с. 5]. В приведенном отрывке упомянуты несколько ключевых понятий выстроенной модели мира, однако авторские комментарии относятся только к одному (*сребр* — серебряная монета), остальное читатель должен уяснить сам, следя, как постепенно, последовательно, сообразно с осведомленностью героини создается полотно повествования.

Необходимо отметить, что в фантастике для создания целостной картины бытия чрезвычайно важными оказываются именно средства создания художественного мира. Те слова, которые автор выбирает (а иногда и создает) для обозначения краеугольных характеристик моделируемой действительности, несут важнейшую смысловую нагрузку, формируя параметры времени, пространства, преподнося компоненты ценностной картины мира. Смысловое наполнение и языковое оформление этих категорий определяет своеобразные границы модели мира, его базовые характеристики. Остановимся на некоторых из них.

3. Художественное пространство

Художественное время и пространство, являющиеся сущностными характеристиками «условного» мира, обеспечивают «целостное восприятие художественной действительности и организуют композицию произведения» [Литературная энциклопедия ..., 2001, с. 1174], воплощаются в понятии хронотопа (термин М. Бахтина), который обозначается как существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе (времяпространство). Такое сложное единство, разворачиваясь последовательно в тексте, «своим содержанием воспроизводит пространственно-временную картину мира, притом в ее символично-идеологическом, ценностном аспекте» [Там же].

В романах О. Громыко, написанных в лучших традициях фэнтезийной литературы, воплощается модель мира во всей его полноте, в единстве повседневного, иногда нарочито бытового, и чудесного. Важно, что чудесное (необычайное) считается таковым не только в мире читателей, но и в изображаемом мире. Практически все «чудесности» данного фантастического инобытия созданы именно языковыми средствами, которые позволяют увидеть глубину и правдоподобие новой реальности. Представленный автором мир узнаваем, интертекстуален, его основания подразумеваются, угадываются, но существование основных категорий не объясняется автором, а проявляется опосредованно через характеры и поступки героев, обусловленные выбором.

Пространство романов организовано и ограничено двумя странами, находящимися в состоянии хрупкого перемирия почти два десятка лет. Ринтар и Саврия разделены только рекой Рыбкой, но связаны общей историей (когда-то были одной страной) и множеством «похожестей». Такая конкретная территориальность вполне соответствует классическим канонам фэнтези (вспомним Средиземье Дж. Р. Р. Толкина, острова У. Ле Гуин и т. д.), есть и карта местности.

Во главе двух сопредельных, извечно противостоящих друг другу государств стоят *тсари*, власть которых практически не ограничена. Такое лингвистическое «расчленение» (аффрикат Ц *царь-тсарь*) служит источником нескольких производных: *тсарство*, *тсарский*, *тсаревич*, *тсаревна*, *тсец* (тсарский воин) — и создает некий оборотнический эффект, подменную реальность, законы бытия в некоторых аспектах кардинально отличаются от привычных читателю.

Художественная пространственно-временная реальность наполняется «перевертышами», показывающими изнанку привычных понятий и явлений. Так, главным скаковым и рабочим животным этого мира является ко́рова, на которой ездят, которую доят, которую берегут, мечтают получить,

чтобы обзавестись добротным хозяйством: У коновязи ... стояла изрядно озадаченная Рыжуха, лучшая телка из скакового стада, затянутая в новое седло, хрустящее при каждом движении [Громыко, 2020а, с. 109]; ... Послышался звон бубенцов, и из-за поворота вылетел резной возок о три коровы — черная, рыжая и белая [Там же, с. 111]. В соответствии с логикой выстроенной реальности появляется *коровнюх* (человек, ухаживающий за коровами), а также переосмысливается высказывание *как корове седло*, обозначающее теперь, что обновка удивительно к лицу человеку:

— А она мне и правда идет?

— Как корове седло, — искренне заверил Жар [Там же, с. 275].

Появляется также и *корова отпущения*, причем во вполне привычном значении.

Смысловой трансформации, деактуализации узуального фразеологического значения [Беспалова, 2021, с. 39], подвергается также выражение *ворон считать*, становясь буквальным: *Открыли почти сразу, но, увидев на пороге бедного хозяйского родича, батрак согнал с лица приветливую улыбку и потерял к гостям всякий интерес. Только буркнул:*

— Хозяин на заднем дворе, ворон считает [Громыко, 2020а, с. 30].

Оказывается, что на ворон нужно охотиться, потому что *«недавно вылетевшие из гнезда птенцы еще не успели набраться ума и растряссти детский жирок»*, битые тушки складывать в короба, а готовить «с горохом и укропчиком» [Там же, с. 31].

Переосмысливаются с большой долей остроумия, приобретая порой противоположное значение, даже традиции, обычаи и праздники Ринтара и Саврии. Так, весной (!) ринтарские мужчины отмечают «великий праздник — День Бабы». История его такова: однажды Богиня Хольга, разозлившись на ленивого мужа Сашия, заявила, что ничего по дому делать не будет. Сашию пришлось и солнце направлять по небу, и дороги прятать, и души по земле рассевать: *С той поры и повелось: один день в году ринтарские женщины сидели сложа руки, дабы напомнить мужьям, на ком дом держится. А дабы оный за это время не рухнул, все бабские дела следовало переделать загодя да вдобавок напечь праздничных пирогов и наvertеть голубцов* [Там же, с. 139].

В сопредельном государстве немного другие обычаи. Например, саврянские мужчины не могут помогать женщинам носить тяжести, это считается унижительным, почти позорным: *Я тебе не выючная корова, — надменно заявил он, с омерзением косясь на корзину, из которой торчали луковые перья, колбасный хвостик и прочие низменные продукты. — У нас в Саврии женщина постыдилась бы даже намекнуть мужчине о подобном!* [Громыко, 2020б, с. 209].

В Ринтаре обеспеченный человек может взять двух жен: *жену* (правую) и *женку* (левую). Первая является законной хозяйкой, вторая — управляет хозяйством и, по сути, мало чем отличается от служанки. Такие «обманки» в созданной реальности позволяют автору вести с читателем интеллектуальную игру, в саркастично-ироничной манере переиначивая факты истинного бытия, раскрывая не просто их противоречивость, а иногда и абсурдность.

Четкие пространственные координаты в произведении логически выстроены: страна — город — *веска* (маленькое селение) — хутор. Жители — *весчане*, *весчанин* и *весчанка*, соответственно. Деньги — стилизованные старославянские неполногласные наименования — *сребр*, *злат*, а также *медька*. Расстояния в Ринтаре и Саврии измеряют *вешками* (ср. века): *покуда один человек другого видит — одна* [Громыко, 2020а, с. 151]. Такие наименования создают смысловые и ассоциативные связи с реальностью, причем связи очень глубокие и устойчивые, обусловленные языковым созвучием и близостью со знакомыми и значимыми лексемами, порождая «эффект правдоподобия».

Далее детали описываемого мира уточняются автором, обрастая новыми узнаваемыми, глубинно славянскими подробностями. Так, место, где можно поест и выпить вина, называется *кормильней*, а его хозяин — *кормильцем*; главный человек в *веске* — *голова*. Некоторые номинации, используемые в романах, обозначают характеристики предметного реального мира, утверждая фундаментальную языковую достоверность новой действительности: *охлупень* (деталь крыши на традиционных деревянных русских избах), *жалыник* (кладбище), *шесток* (площадка перед устьем печи), *торба*, *глашатай*, *батрак* — *батрачить*, *байка* — *баячица* (от *баять* — рассказывать истории), *приданое*, *стража*, *купец*, *изба* и т. д.

Отметим, что степень прописанности бытовой стороны жизни ринтарцев и саврян очень высока, изложение наполнено хорошо узнаваемыми деталями, что дает романному пространству своеобразную «энергетическую» подпитку от реальности, делая его очень ярким, выпуклым и живым.

4. Художественное время

Временные параметры диалогии базируются на содержательном переосмыслении понятия, обозначаемого словом *сейчас*, которого в этом мире просто не существует, зато есть *щас*. Время измеряется *лучинами* (около 15 секунд) и *щепками* (около 15 минут), неделями, месяцами и годами. Интересно, что годы в рассматриваемой вселенной получают имена собственные в зависимости от степени благополучия: Год Коровы — все в достатке, год Овцы — тихий и спокойный, год Собаки — жить можно, далее

годы Жабы, Рыбы, Вороны. И самый плохой — год Крысы. Яркая прецедентность этих замен и названий очевидна, что формирует чрезвычайно устойчивую иллюзию достоверности, утверждающую на уровне языка подлинность создаваемой вселенной.

На первый взгляд, время в романах О. Громыко линейно, оно движется последовательно, умножая годы жизни персонажей. Однако черты мифологического времени, когда все события мыслятся как происходящие одновременно, присутствуют в процессе *выбора дороги*, категориального понятия данного мира.

Мир сузился до полосы шириной в два шага: на одном конце девочка, на другом — приближающийся зверь.

Рыска смотрела.

Полоса — или рычаг огромного ворота, скачками отсчитывающего зубцы шестерни.

Р-р-раз ...

... лиса впиается в ногу, мертво смыкает челюсти ...

Два ...

... лиса подпрыгивает, лицо обдает гнилым дыханием, слюна брызгает на кожу, в глаза ...

Три ...

... лиса уворачивается от пинка и снова нападает ...

Четыре ...

... лиса нападает, как будто не почувствовав его ...

Пять ...

... лиса ...

Рыска сжала пальцы, стиснула зубы. Уперлась ногами, словно пытаясь удержать, остановить что-то непосильное [Громыко, 2020а, с. 63].

Такое представление о множественности выбора соотносится с древним мифологическим, божественным «бесвременьем», так как для доисторического мышления характерно «представление об одновременности всех событий в мире, то есть восприятие временной среды как покоящейся длительности» [Светлов, 1989, с. 6].

5. Картина мира как система представлений и установок

Некая ценностно-мировоззренческая система ощутима в любом произведении фэнтези, это особая «законодательная база», формирующая картину мира описываемой модели действительности. Чудесность этого мира строго детерминирована, обусловлена как особенностями авторского взгляда на происходящее, так и некими сущностными параметрами, которые необходимо представить и объяснить. Кроме того, важны и так на-

зываемые идеологические координаты, которые устанавливают градацию категорий «добро» — «зло» в ценностной концепции созданного бытия.

В рассматриваемых романах концептуальные ценностные категории воплощаются в религиозной системе, состоящей из двух богов (двоебожие): *Пресветлой Хольги* и *Злокозненного Сашия*. Они муж и жена, олицетворяющие мужское и женское начала как в природе, так и в человеческой сути. Внутри романного пространства Хольга являет собой положительное начало, дарующее удачу во всяких добрых начинаниях, она примерная жена, хозяйка и одна из творцов всего сущего: *Взяла Богиня Хольга горсть земли и сотворила из нее зверей, опустила ладонь в воду — и сотворила рыб, дунула на воздух — и сотворила птиц ... Поглядел на это Саший, хмыкнул, зачерпнул клоч тумана и сотворил крысу. (Боготись, глава 7)* [Громько, 2020а, с. 5]. Ее величания — *Пресветлая, Благодатная, Лучезарная* — подчеркивают исключительно чистый и светлый образ Богини.

Саший же не зря получил свое величание: он своеобразный антипод своей жены, пьяница и гуляка, покровитель всякого лихого люда, любителей ловить удачу. Практически все отрицательные или считающиеся таковыми качества характера, поступки и свойства человека так и или иначе связываются с именем второго божества: *катись ты к Сашию, чтоб тебе Саший дорогу попутал, пожатый Сашием за руку (вороватый)* и т. д.

В целом религиозный культ имеет некоторые черты христианской традиции, но общие постулаты перерабатываются автором в критически ироническом ключе. Как и положено, у Хольги есть свой дом — *молешня*, служитель — *молец, коптилучки*, которые возжигают перед статуей богини. Сашию тоже поклоняются, но перед не совсем благородными делами, которые Хольга бы точно не одобрила. Отношения Хольги и Сашия не складываются: богиня изгоняет мужа из небесного чертога за измену. Кроме того, имена божественных супругов — откровенная насмешка, поскольку представляют собой варианты имен самого автора и ее мужа. Учитывая, что в фантастике писатель по умолчанию является творцом особого мира, то здесь создается не совсем обычная ситуация, когда автор «возглавляет» сформированную модель действительности, возвещая о своих «божественных» правах демиурга.

Религиозно-идеологическая концепция, реализуемая в романах, также имеет специфические черты. Ведущей ее категорией является понятие *дороги*, представляемой в качестве глобальной метафоры, охватывающей весь созданный мир, составляющей его метафизическую основу и реализующейся в нескольких смысловых репрезентациях. Самое крупное осмысление — *паутина дорог* или *нить дороги*, которую плетет Хольга, — ассоциативно связывается с античными Мойрами, прядущими нити человеческой жизни.

Дорога как путь целого мира и как путь жизни одного человека, всегда связана с **выбором** и **жертвой**, как и положено в фэнтези: *Такая наша жизнь земная, постоянно чем-то жертвовать приходится, чтоб дальше по дороге идти* [Там же, с. 121].

Бездорожье как отсутствие приемлемого выбора составляет концептуальную пару понятию дороги и становится страшной угрозой, практически проклятием для любого человека: *Так нельзя! Верните его немедленно! — надрывно потребовала Рыска и впервые в жизни с угрозой заявила: Не то напушу бездорожье на весь твой хутор, будешь знать!* [Там же, с. 120]. Хольга, прядущая нить дороги, и Саший, придумавший выбор на ней, не столько творят свою божественную волю, сколько распределяют удачу, дают возможность изменить судьбу.

Менять дорогу своей жизни может любой человек, но вершить судьбы множества людей, расчетливо перебирая *вероятности и противоположности*, под силу только тому, кто обладает *Даром*. Дар позволяет угадывать наиболее вероятное и поворачивать удачу в чью-то пользу. Обладающие Даром могут быть *видунами* (*видуньями*) или *путниками*. В этих авторских номинациях представлено осмысление способа изменения дороги (глобальная метафора распадается на компоненты): *видун* — тот, кто *видит*, а *путник* — тот, кто *ходит*. Причем ходить по дорогам судьбы (менять их) нужно, освещая себе путь *свечой*. *Свеча* как еще одна составляющая дорожной метафоры преподносится автором в образе крысы, омерзительного существа, в теле которого объединяются человек, обладающий даром, и животное. Именно при условии слияния ипостасей путника, видуна, крысы в одном существе дары умножаются, делая управление удачей более успешной затеей: *Два путника — полпутника ... Охотиться на удачу можно только в одиночку, иначе она улетит без оглядки как испугнутая птица. В присутствии других путников наш дар резко уменьшается* [Там же, с. 232].

Образ *путника* как человека, способного управлять удачей, *ходить по дорогам судьбы*, играет одну из ведущих ролей в повествовании, поскольку именно он *выбирает* дорогу из тех, что уже созданы Хольгой. Этот выбор — всегда ответственность, всегда размышления о *жертве*, которую нужно принести, чтобы добиться желаемого. Важно, что «нормальный» путник, обученный в *Пристани* (ведь нужно же пристанище, аналог дома для тех, кто ходит), обязательно имеет свечу. Причем в тело крысы заключаются такие же обладатели дара, которым не повезло с выбором. Риторика, объясняющая необходимость превращать друзей в крыс, раздираемых болью и медленно сходящих с ума, сводится к понятию о *добровольной жертве*, которая позволит спасти жизни других людей.

— *Это неправильно, нечестно! Каждый имеет право на жизнь!*

— *И на выбор, дитя. Мы с первого дня готовим учеников к мысли, что взять «свечу» и стать ею — равная честь. Это как на войне: слабые погибнут, сильные пройдут по их трупам и победят. Мы скорбим о потерях, но они неизбежны* [Громыко, 2020б, с. 69—70].

Вопрос о природе путничьего дара чрезвычайно сложен и не решается однозначно.

— *Ты ж тоже ничего не создаешь, только делишь в пользу тех, кто больше заплатит. Вон один такой перевел тучи на нашу веску, а соседняя сгорела*

— *У нашего дара полно иных применений. Можно стать умелым воином. Можно — успешным торгашом. Можно — проницательным советником. Можно — удачливым скотоводом. ...*

— *Иди уж сразу в великие тсари!*

— *Надорвусь ... Слишком много судеб на кону, такое только Хольге ворочать* [Громыко, 2020а, с. 327].

Именно *выбор* ведет главных героев по дорогам судьбы, заставляя задумываться о его правомерности, принуждая персонажей меняться под влиянием испытаний. Дорога как путешествие, как выполнение важной миссии (квеста, согласно традициям фэнтези) составляет каркас сюжета и соединяет главных героев диалогии, причем сталкиваются персонажи весьма колоритные. Рыска, весковая порядочная девушка, сирота при живой матери, дитя войны, молодая «видунья», плохо осознающая свой дар, но решившаяся изменить собственную судьбу. Ее друг детства Жар — вор, убегающий от возмездия. Альк — знатный саврянин, человек и крыса, видун, стремящийся стать путником и не смирившийся с выбором.

Образы героев, построенные на соединении противоположностей, следуют традиции формирования «перевертышей», связанных с композиционным и смысловым положением крысы как одного из важнейших мотивов повествования. Это отвратительное существо занимает особое положение в созданном мире, воплощая, с одной стороны, все самое гадкое и подлое, что в нем есть. Например, ругательства и оскорбления сконструированы с отсылками (во внутренней форме слов и буквальном значении выражений) именно к этому образу: *крысеныйш, крысиный сын, крыса безродная, Рыска-крыска, саврянская крыса, ни крысиного хвоста, крысиная погода, крысиный урожай*. С другой стороны, крыса — существо, обладающее сакральной значимостью, поскольку она ближе всего к человеку по интеллекту, навыкам, умению жить в сообществе, поэтому именно ее выбирают для свечи. Кроме того, в диалогии крыса воплощает звериное, дикое начало

в человеке, заставляющее его терять разум. Так, Алык, которого соединяют с животным во время обряда, борется, выцарапывая свою человеческую суть у крысиного тела: — *Крыса не понимает, что убивает ... Она просто дерется. Защищается. Утверждает главенство. Ей будет достаточно побега, а не смерти врага ...* [Громыко, 2020б, с. 223].

Рыска боится крыс с детства, но именно ей приходится соседствовать с Альком-крысом. Жар, освоивший «ночное» воровское ремесло, сам уподобляется усатой твари, которая с упоением тащит чужое, не считаясь ни с чем.

Путешествие по Ринтару и Саврии для Рыски, Алька и Жара перерастает в личный путь исканий и преодоления, когда от каждодневного выбора зависит судьба не только одного конкретного человека, но и, как показывает финал, и судьба государств.

Важно отметить, что ценностные категории и установки, составляющие концептуальную парадигму данного мира, не раскрываются автором в виде системно выстроенного объяснения, а словно разлиты и растворены в тексте, проявляясь в виде размышлений, высказываний, комментариев героев. Их умозаключения полифоничны, диалогичны, полярны, всегда неоднозначны. Однако все это в совокупности создает целостное метафизическое полотно, сотканное из разных взглядов и точек зрения. Такой подход придает художественному миру философскую глубину, а актуальность рассматриваемых вопросов, их связь с реальной действительностью говорят об исключительном жизнеподобии и масштабности повествования.

6. Заключение

Итак, целостное полотно художественной действительности, созданное в диалогии «Год Крысы», обладает специфическими характеристиками фэнтезийного произведения, выражающего сложность мироздания. «Чуждость» этого фантастического мира обусловлена логической посылкой, когда описываемая действительность оказывается принципиально иной, резко контрастирующей с реально существующей. В этой модели мира существование людей (видунов и путников), способных менять судьбу как отдельного человека, так и мира, признается важнейшим фактором, выражающим смысл бытия.

Художественный мир произведений организуется в четких пространственно-временных координатах, которые воплощаются в текстовом поле на уровне языковой номинации. Художественное пространство романов диалогии территориально ограничено, наполнено конкретными деталями, обладающими высокой прецедентностью и ассоциативностью, что создает в свою очередь стойкую «иллюзию достоверности» происходящего. Кон-

цепция художественного времени представляет собой сочетание мифологического «бесвремения», когда все вероятности мыслятся как существующие одновременно, доступные только богам и путникам в период смены дороги, и времени линейного, привычного для большинства.

Картина мира как сложная система ценностно-мировоззренческих установок и правил имеет в данных произведениях, впрочем, как в фэнтезийной литературе в целом, особое значение, поскольку такой своеобразный философский комплекс является концептуальной основой романов, определяющей их идейное содержание. Глобальная текстовая метафора (дорога как путь с необходимым выбором) соединяет все темы и мотивы произведения в единое идейное полотно, утверждая глубокую метафизическую осмысленность и правдоподобие созданного мира.

Языковые средства создания художественного мира ярко прецедентны и двойственны, поскольку представляют собой «перевертыши», «обманки», созданные из деталей реального мира, переосмысленного для нового существования. Следование автора «оборотнической», игровой логике позволяет создать удивительно выпуклый, правдоподобный и живой в своей сложности художественный мир.

Источники

1. *Громыко О.* Год Крысы. Видунья : Фантастический роман. — Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2020а. — 344 с. — ISBN 978-5-9922-0389-9.
2. *Громыко О.* Год Крысы. Путница : Фантастический роман. — Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2020б. — 506 с. — ISBN 978-5-9922-0627-2.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества / М. Бахтин ; прим. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. — 2-е изд. — Москва : Искусство, 1986. — 444 с.
2. *Беспалова Е. А.* Фразеологизмы мифологического происхождения с компонентом — прецедентным именем: особенности строения и употребления (на примере газетных текстов) / Е. А. Беспалова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2021. — № 69. — С. 29—46. — DOI: 10.17223/19986645/69/2.
3. *Дмитриев В. А.* Реализм и художественная условность / В. А. Дмитриев. — Москва : Советский писатель, 1974. — 279 с.
4. *Каган М. С.* Морфология искусства / М. С. Каган. — Ленинград : Искусство, 1972. — 440 с.
5. *Ковтун Е. Н.* Поэтика необычайного : художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи, и мифа / Е. Н. Ковтун. — Москва : Издательство Московского университета, 1999. — 306 с. — ISBN 5-211-02571-7.
6. *Краткая литературная энциклопедия.* — Москва : «Советская энциклопедия», 1972. — Т. 7. — 1008 стб.
7. *Левидов А. М.* Автор — образ — читатель / А. М. Левидов. — Ленинград : Издательство ЛГУ, 1983. — 350 с.

8. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / под редакцией А. Н. Николюкина. — Москва : Интелвак, 2001. — 1600 стб. — ISBN 5-93264-026-X.
9. *Литературный энциклопедический словарь* / под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. — Москва : Советская Энциклопедия, 1987. — 752 с.
10. Манн Ю. О гротеске в литературе / Ю. Манн. — Москва : Советский писатель, 1966. — 290 с.
11. Михайлова А. А. О художественной условности (в искусстве и литературе) / А. А. Михайлова. — 2-е изд. — Москва : Мысль, 1970. — 300 с.
12. Неелов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1986. — 200 с.
13. *Новая философская энциклопедия* : В 4 т. / Институт философии РАН, Национальный общественно-научный фонд. — Москва : Мысль, 2001. — Т. IV. — 605 с. — ISBN 5-244-00961-3.
14. Светлов Р. В. Формирование концепции времени в древнегреческой философии : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.03 / Р. В. Светлов. — Ленинград, 1989. — 16 с.
15. *Словарь литературоведческих терминов* / редактор-составитель Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. — Москва : Просвещение, 1974. — 509 с.
16. Толкин Дж. Р. Р. О волшебных сказках / Чудовища и критики : перевод с английского / Дж. Р. Р. Толкин ; под редакцией К. Толкина. — Москва : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2008. — 413 с. — ISBN 978-5-17-106417-4.
17. Уэллс Г. Собрание сочинений : в 15 т. — Москва : Правда, 1964. — Т. 14. — С. 351.
18. Чернышева Т. Природа фантастики / Т. Чернышева. — Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1985. — 336 с.

MATERIAL RESOURCES

- Gromyko, O. (2020). *The Year of the Rat. The traveler. A fantastic novel*. Moscow: ALPHA-BOOK. 506 p. ISBN 978-5-9922-0627-2. (In Russ.).
- Gromyko, O. (2020). *The Year of the Rat. Vidunya: A fantastic novel*. Moscow: ALPHA-BOOK. 344 p. ISBN 978-5-9922-0389-9. (In Russ.).

REFERENCES

- Bakhtin, M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity. 2nd ed.* Moscow: Iskusstvo. 444 p. (In Russ.).
- Bespalova, E. A. (2021). Phraseological units of mythological origin with a component — a precedent name: features of the structure and use (on the example of newspaper texts). *Bulletin of the Tomsk State University. Philology*, 69: 29—46. DOI: 10.17223/19986645/69/2. (In Russ.).
- Chernysheva, T. (1985). *The nature of fiction*. Irkutsk: Irkutsk University Press. 336 p. (In Russ.).
- Dmitriev, V. A. (1974). *Realism and artistic convention*. Moscow: “Soviet writer”. 279 p. (In Russ.).
- Kagan, M. S. (1972). *Morphology of art*. Leningrad: Iskusstvo. 440 p. (In Russ.).

- Kovtun, E. N. (1999). *Poetics of the extraordinary: the artistic worlds of fantasy, fairy tale, utopia, parable, and myth*. Moscow: Moscow University Press. 306 p. ISBN 5-211-02571-7. (In Russ.).
- Kozhevnikov, V. M., Nikolaev, P. A. (eds.). (1987). *Literary encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 752 p. (In Russ.).
- Levidov, A. M. (1983). *Author-image-reader*. Leningrad: LSU Publishing House. 350 p. (In Russ.).
- Mann, Yu. (1966). *About the grotesque in literature*. Moscow: Soviet writer. 290 p. (In Russ.).
- Mikhailova, A. A. (1970). *About artistic conventions (in art and literature)*. 2nd ed. Moscow: Mysl. 300 p. (In Russ.).
- Neelov, E. M. (1986). *The magic and fairy-tale roots of science fiction*. Leningrad: Leningrad University Press. 200 p. (In Russ.).
- New Philosophical Encyclopedia: In 4 volumes, IV / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National Socio-Scientific Foundation*. (2001). Moscow: Mysl. 605 p. ISBN 5-244-00961-3. (In Russ.).
- Nikolyukin, A. N. (ed.). (2001). *Literary encyclopedia of terms and concepts*. Moscow: Intellivak. 1600 stb. ISBN 5-93264-026-X. (In Russ.).
- Short literary encyclopedia*, 7. (1972). Moscow: "Soviet Encyclopedia". 1008 stb. (In Russ.).
- Svetlov, R. V. (1989). *Formation of the concept of time in ancient Greek philosophy*. Author's abstract of PhD Diss. Leningrad. 16 p. (In Russ.).
- Timofeev, L. I., Turaev, S. V. (eds.). (1974). *Dictionary of literary terms*. Moscow: Prosveshchenie. 509 p. (In Russ.).
- Tolkien, J. R. R. (2008). *About fairy Tales / Monsters and Critics*. Moscow: AST: AST MOSCOW: GUARDIAN. 413 p. ISBN 978-5-17-106417-4. (In Russ.).
- Wells, G. (1964). *Collected works: In 15 volumes, 14*. Moscow: Pravda. P. 351. (In Russ.).

Проконова М. В. Образ великана в мифологии обских угров и заболотных татар / М. В. Проконова, Г. Ч. Файзуллина, Е. Н. Ермакова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 217—231. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-217-231.

Prokopova, M. V., Faizullina, G. Ch., Ermakova, E. N. (2021). Image of Giant in Mythology of Ob Ugrians and Zabolotny Tatars. *Nauchnyi dialog*, 9: 217-231. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-217-231. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-217-231

Образ великана в мифологии обских угров и заболотных татар

Проконова Майя Владимировна

orcid.org/0000-0001-7691-8123

кандидат филологических наук, доцент
кафедра филологического образования
prokopova.maya@yandex.ru

Файзуллина Гузель Чахваровна

orcid.org/0000-0002-2721-4063

доктор филологических наук,
профессор
кафедра теории и методики начального
и дошкольного образования
utgus@mail.ru

Ермакова Елена Николаевна

orcid.org/0000-0002-6454-6745

доктор филологических наук,
профессор
кафедра филологического образования
ermakova25@yandex.ru

Тюменский государственный
университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 19-012-00398А

Image of Giant in Mythology of Ob Ugrians and Zabolotny Tatars

Maya V. Prokopova

orcid.org/0000-0001-7691-8123

PhD in Philology, Associate Professor
Department of Philological Education
prokopova.maya@yandex.ru

Guzel Ch. Faizullina

orcid.org/0000-0002-2721-4063

Doctor of Philology, Professor
Department of Theory and Methods
of Primary and Preschool Education
utgus@mail.ru

Elena N. Ermakova

orcid.org/0000-0002-6454-6745

Doctor of Philology, Professor
Department of Philological Education
ermakova25@yandex.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 19-012-00398А

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты сопоставительного анализа образов великанов в мифологических традициях территориально близких неродственных народов: обских угров (ханты и манси) и заболотных татар. Актуальность исследования обусловлена тем, что образ великана имеет значительные перспективы при реконструкции этнического культурного пространства, так как, будучи одним из самых архаических персонажей мифов, одновременно остается частью современного культурного сознания. Материалами исследования послужили мифы и сказания народов Западной Сибири, записи устных рассказов коренных жителей региона, собранные авторами в ходе полевых экспедиций. Новизна исследования видится в том, что впервые сопоставляются генезис, атрибуты и функции мифологических героев неродственных народов, проживающих на смежных территориях, — обских угров и заболотных татар. Отмечается, что ассимиляции и нивелирования особенностей образов великанов в самобытных культурах не произошло, несмотря на то что мифы западносибирских народов подвергались процессам взаимного влияния. Особое внимание уделяется взаимосвязи внешних черт и происхождения мифологических персонажей (великанов) со спецификой геоклиматических ландшафтов проживания народов, формирующих эпос. В статье представлено авторское видение общих и уникальных черт великанов как характерных действующих лиц обско-угорской и сибирскотатарской мифологической систем.

Ключевые слова:

геокультурное этническое пространство; мифология; фольклор; великан; менгкв; Зэнгер-Мэнгер; Алыф.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a comparative analysis of the images of giants in the mythological traditions of geographically close unrelated peoples — the Ob Ugrians (Khanty and Mansi) and the Zabolotny Tatars are presented in the article. It is noted that the assimilation and leveling of the features of the giants images in original cultures did not occur, despite the fact that the myths of the West Siberian peoples were subjected to processes of mutual influence. Particular attention is paid to the relationship between the external features and the origin of mythological characters (giants) with the specifics of the geoclimatic landscapes inhabited by the peoples that form the epic. The novelty of the research is seen in the fact that for the first time the genesis, attributes and functions of the mythological heroes of unrelated peoples living in adjacent territories — the Ob Ugrians and the Zabolotny Tatars — are compared. The relevance of the study is due to the fact that the image of a giant has significant prospects in the reconstruction of an ethnic cultural space, since, being one of the most archaic characters in myths, at the same time it remains a part of modern cultural consciousness. The author's vision of the common and unique features of giants as distinctive characters of the Ob-Ugric and Siberian Tatar mythological systems is presented in the article. The research materials were myths and legends of the peoples of Western Siberia, records of oral stories of the indigenous inhabitants of the region, collected by the authors during field expeditions.

Key words:

geocultural ethnic space; mythology; folklore; giant; mengkv; Zenger-Menger; Alyf.

Образ великана в мифологии обских угров и заболотных татар

© Прокопова М. В., Файзуллина Г. Ч., Ермакова Е. Н., 2021

1. Введение

В современной гуманитарной науке изучение геокультурных ландшафтов занимает одно из ведущих мест в силу очевидности того факта, что культура не формируется вне связи с пространственными, климатическими и биолого-географическими характеристиками той местности, где проживает создающий её народ. В частности, значительный потенциал в плане реконструкции этнического культурного пространства имеют фольклорные и мифологические персонажи: их происхождение, внешний облик и функции.

Одним из самых древних персонажей, встречающихся в мифологических системах народов мира, является великан. Это антропоморфное существо, обладающее размерами, подчёркнуто превышающими человеческие, и колоссальной физической силой. Исследователей привлекает разнообразие персонажей этого типа. Мифологический образ великана стал предметом изучения в трудах О. В. Беловой [Белова, 2017], В. Я. Петрухина [Петрухин, 2003], З. Э. Тбоевой [Тбоева, 2018а; Тбоева 2018б] и др. исследователей; образы великанов в фольклоре различных народов рассматривают Т. Г. Басангова (фольклор калмыков) [Басангова, 2011], А. Гусейнова (фольклор тюркоязычных народов) [Гусейнова, 2010], А. Ф. Корякина, С. Д. Львова (якутский и долганский эпосы) [Корякина и др., 2019], Л. Н. Панченко [Панченко, 2018; Панченко, 2019], Т. Д. Слинкина (фольклор манси) [Слинкина, 2017] и др.; эволюцию образов великанов от мифа к фольклорным жанрам исследует О. А. Плахова [Плахова, 2011; Плахова 2012], трансформацию мифологических персонажей при тесных межэтнических контактах рассматривают Г. Ч. Файзуллина, М. В. Прокопова, Е. Н. Ермакова [Файзуллина и др., 2019]; проблемы изучения геокультурного пространства поднимаются в работах Е. И. Зеленева [Зеленев, 2009] и Ю. А. Узлова [Узлов, 2012], мифологического пространства — В. И. Сподиной [Сподина, 2001]. Общие сведения по исследуемой проблеме находим в справочной литературе; источниками фольклорных текстов выступают сборники мифов, преданий, легенд, сказок.

Как показывает обзор научной литературы, образы великанов в мифопоэтическом наследии и обрядовой деятельности отдельных этносов

рассматриваются автономно, сравнительный анализ персонажей сходной природы в разных мифологиях носит фрагментарный характер. В статье предпринята попытка сопоставить значение образов великанов, бытующих в культуре обских угров и заболотных татар, выделить общие и отличительные черты, определить их роль в контексте представлений, отражающих формирование этнического самосознания и культуры.

Материалами исследования послужили мифы и сказания народов Западной Сибири, опубликованные в фольклорных сборниках; записи рассказов коренных жителей, собранные авторами в ходе полевых экспедиций в Ханты-Мансийском автономном округе и Тобольском районе Тюменской области.

При написании статьи использовались методы и приёмы общелингвистических, лингвокультурологических исследований. Метод реконструкции культуры применяется при моделировании фрагментов логико-понятийных систем, связанных с особенностями облика, бытования и деятельности великанов. Сравнительно-сопоставительный метод позволил выделить общее и особенное в образах великанов разных этносов.

2. Основные направления исследования образов великанов как мифологических персонажей

Великаны — неоднозначные, различные по своим характеристикам персонажи, принадлежащие к наиболее архаическим слоям мифологии и фольклора. Многообразие функций, выполняемых великанами, приводит к большому разбросу в их описаниях: размеров (высота с гору; высота с дерево; просто высокий рост, нетипичный для человека); внешнего облика (многоглавость, многорукость, наличие зооморфных черт или, напротив, человекоподобие); интеллектуальных возможностей (от великой мудрости, владения самим источником мудрости и тайной бессмертия до удивительной глупости, позволяющей находчивому ребёнку обмануть великана); деяний и поступков, а также их мотивов (от создания мира и чудесных предметов, защиты людей и покровительства им до похищения чудесных предметов и женщин у богов и людей, кровожадности, яростного неистовства и людоедства); великаны отличаются склонностью к разрушению: вырывают с корнем деревья, бросают огромные камни, растаптывают постройки; гибели (смерть от рук богов, культурного героя, чародея; поражение от богатыря, воина или даже обычного человека, наделённого хитростью и смелостью).

Версий генезиса образа великана довольно много. Прежде всего человек нуждался в понимании устройства окружающего мира и его законов, соответственно, появилась потребность в мифах, объясняющих происхождение природных объектов (скал, ущелий, холмов и других больших

объектов рельефа), причины природных климатических и атмосферных явлений, стихийных бедствий, превосходство в физических возможностях и военной мощи иноземных завоевателей и прочее. Масштабность этих явлений, объектов и событий наводила людей ранних эпох на мысль о вмешательстве силы, во много раз превосходящей человеческую.

Амбивалентность великана объясняется наличием в природе этого персонажа как разрушительного потенциала воплощённой в антропоморфном образе хтонической силы, предшествующей созданию упорядоченного мира, так и функций защиты и помощи человеку. Несовместимость этих свойств — разрушителя и созидателя — и приводит к противоречиям. Если на ранних этапах существования человека физическая мощь была гарантией выживания, то в более поздних культурах, когда человек находит способы обуздывать природные стихии при помощи разума, исполинские размеры и колоссальная сила вызывают меньше уважения и больше страха. У человека появляется представление о пользе физической мощи — она должна быть разумной и адекватной. Сила без разума несёт только разрушение. Образ великана практически во всех мифологических и фольклорных системах тесно связан с землёй: земля способна их порождать, отторгать, проглатывать или, напротив, поддерживать.

Очевидна взаимосвязь внешних черт и происхождения великанов, порождённых мифологией того или иного народа, со спецификой геоклиматических ландшафтов проживания самих носителей мифологической традиции.

Характеристики территорий проживания коренных сибирских народов в наши дни не претерпели принципиальных изменений, сохранив пространственную удалённость от современной цивилизации, тесную связь человека и природы, особенности климата, условий и способов выживания. Сопоставление традиций в изображении антропоморфных исполинов, присущих культурам соседствующих сибирских народов и сохраняющихся в современный период, позволит глубже изучить эволюцию этнокультурного пространства Сибири. С этой целью сравним образы великанов в фольклоре обских угров и заболотных сибирских татар.

3. Великаны в эпосе обских угров

В сакральной истории манси появлению на земле людей предшествовала раса богатырей-исполинов — традиционный элемент космогенеза в развитых мифологиях. Упоминается несколько поколений божественных существ: после гибели во время потопа первого поколения исполинов бог Торум спускает с неба на землю для управления ею семь своих сыновей и одну дочь, наделяя их необычайной силой (в отдельных преданиях указывается, что у Торума был только один сын, в других — четыре, в третьих — не упо-

минается дочь). Второе поколение исполинов представляет собой богатырей (*отыров* — манс.), вокруг которых выстраиваются сюжеты героических сказаний о военных походах и сражениях. Отыры вступают в противостояние с угнетателями или захватчиками и погибают на поле боя. В преданиях подобного типа место действия и пространственные объекты, его организующие, часто принадлежат уже не мифологической сакральной географии, а реальному пространству: упоминаются существующие (в ряде случаев — существующие до сих пор) поселения, посёлки, городки. Богатыри-отыры становятся основателями этих селений, первопредками проживающих в них семей. По наблюдениям учёных, территориальные владения отыров совпадают с границами диалектных групп мансийского народа. Среди самых популярных героев мансийского эпоса — Полум-Торум (Полум-ойка), Топал-ойка — охранитель мест по реке Пелым; Ай-Ас-Торум — охранитель бассейна реки Малая Обь; Нёр-ойка (Нёр-Торум) — охранитель Урала; Тахт-котль-ойка (Тахт-котль-Торум) — охранитель мест по среднему течению Северной Сосьвы; Тэк-Торум (Тэк-ойка) — богатырь с. Теги на Оби; женщина-богатырь Хангласам-най-эква — хозяйка селения Хапгласам на Северной Сосьве [Мифы, предания ..., 1989; Мифы, сказки ..., 2005].

Часто отыры становятся охранителями семей своих потомков — духами (*пути, пупых*). По преданиям манси, каждое поселение может иметь своего духа (*пупых*). Облик этого духа может быть как человекоподобным, так и звероподобным. Интересен тот факт, что если в мифологии манси богатыри спустились с небес и в итоге стали духами-покровителями потомков, то богатыри хантов Конды превратились в почитаемых духов после того, как за свои благие деяния были вознесены богами на небо. В фольклорных традициях народа ханты потомки богатырей превратились в *лунк'ов, юнк'ов, тонх'ов* — духов-покровителей определённых территорий, которые, как правило, предстают бесплотными невидимыми существами, способными менять свою форму и мгновенно перемещаться в пространстве.

В эпоху людей богатыри-великаны уже не являются активными участниками эволюции мироздания, однако в преданиях манси сообщество людей существует параллельно с сонмом духов, которые живут везде, особенно ими населена тайга. Духи представлены тремя основными категориями: это *менгкв'ы* (лесные великаны), *мис* (*миши*) — лесные духи.

Менгкв'ы (*менкв'ы*; у восточных хантов — *Сэвэс, Сэвс-ики*) — это первые люди, созданные Нум-Торумом из лиственницы и убежавшие в лес, где они и живут до сих пор. По другим версиям, *менгкв'ы* — это люди, погибшие в лесу, и тогда их почитание привязано к местности. В любом случае *менгкв* как персонаж мифологии и фольклора северных лесных охотников восходит к образам леса и деревьев.

В работах Л. Н. Панченко [Панченко, 2019], Т. Д. Слинкиной [Слинкина, 2017] образ *менгкв*’а характеризуется как образ охотника на оленей и пушных зверей с антропоморфным обликом, сохраняющий тем не менее признаки хтонического чудовища, например, многоголовость (от одной до двенадцати, при этом головы у них заостренные) и шерстяной покров. В отдельных преданиях у *менгкв*’а железное тело, длинные ногти. Великан *Менк-ики* — *менгкв* ханты — одноглазый, глаз у него расположен прямо на лбу, а рот — сзади. За одну ночь он съедает шесть-семь лосей [Мифы, предания ..., 1989, с. 174]. *Менгкв*’ы почти неуязвимы для стрел, уязвима лишь какая-нибудь небольшая часть тела. О них нельзя говорить вечером и ночью, так как именно в это время они ведут активную деятельность. *Менгкв*, как и положено великану, может быть людоедом и похитителем женщин, с другой стороны, может выступать и покровителем рода или сказочным дарителем, вознаграждающим персонажа-человека за правильное поведение. *Менгкв*’ы у хантов, в отличие от аналогичных мансийских персонажей, враждебны по отношению к людям, в чём можно убедиться, обратившись к сюжетам сказок: два великана *Менк-ики* жарят на костре и едят того человека, который не молится; «шесть коварных женщин» съели своих детей [Там же, с. 185] и т. д.

Т. Д. Слинкина упоминает архаические этиологические мифы, где *менгкв* от попавшей в него стрелы распадается на части, из которых возникают озёра, острова, реки и деревни — классический вариант древнейшей космогонии [Слинкина, 2017]. Аналогичный мотив — возникновение элементов рельефа из частей тела и предметов облачения *менгкв*’а — звучит и в мансийском предании [ИМА 1: Албин]. Образ *менгкв*’а представляет интерес прежде всего тем, что существует в ритуально-обрядовой деятельности современных носителей фольклорной традиции.

Лесные духи (лесные люди) *мис*, *мис-хум* (манс.), *мис-нэ* (манс., жена *мис-хума*, лесная или водяная женщина), равные по росту деревьям или превышающие их размерами, похожие на *менгкв*’ов (на Сосье их считают детьми *менгкв*’ов). Они тоже обладают большой физической силой, но доброжелательно относятся к людям. Иногда рассказчики подчеркивают, что это «такие же люди, как мы», называют их родственниками людей.

Характерной чертой богатырей и духов является их рост, намного превышающий человеческий. В ритуальных традициях манси для исполнения пантомим, воссоздающих события сакральной истории, изготавливалась соответствующая атрибутика: богатырские пояса и шлемы, по размерам которых можно судить о росте их владельцев. Адекватный упомянутым предметам рост составил бы не менее 5—6 метров. Другой ключевой особенностью угорских великанов являются их поступки-деяния эпических

масштабов. Так, мансийский великан получает прозвище *Богатырь с Вертелом для Осенней Сушки Рыбы*, когда убивает одним выстрелом сразу семь рыб, нанизав их на стрелу. В одной из легенд *менгкв* Менк-ики ... *та-скал всякие сосны, лесины, чтобы люди не проезжали, не проплывали. А сам стоит через Юган, ноги расставил* [Мифы, предания ..., 1989, с. 411]. В легенде «Окаменевшие братья» так описывается сила и величина Горного человека, Лесного человека: *Пришёл мужчина к лодке. Опрокинутую лодку перевернул — она величиной с три острова* [Там же, с. 411].

4. Великаны в эпосе заболотных татар

Образ богатыря-исполина является неотъемлемым элементом и системы мифологических представлений сибирских татар. Территория проживания этнической группы заболотных татар охватывает большое пространство заболоченных земель, расположенных в Тобольском районе. Изолированность территории и ограниченность контактов с внешним миром определили самобытность и уникальность культуры заболотных татар, одновременно сохранив в их фольклоре черты архаической картины мира.

В условиях, удалённых от цивилизации, ценится выносливость и навыки выживания, поэтому закономерно, что образ великана / богатыря — один из самых популярных в фольклоре Заболотья. Местные жители рассказывают легенду о Зэнгер-Мэнгер — братьях-великанах, рост которых, по преданиям, составлял около шести метров. Эти великаны — прежде всего воины: *Алар элэмләр велән тың сугышгылаганнар тиф эйтәтләр. Пәстә, эйтмешләре пуенца порынгыларның, килселәгәннәр игән ух йаралар велән Зэнгер-Мэнгерләр. Қайтан килүләрен иңгем пелмейт* [ПМА 2: Хабибуллин] (букв.: Они с кем-то воевали. Иногда, как говорили старейшины, возвращались они домой израненные. Откуда они пришли, никто не знает). Зэнгер-Мэнгер участвуют в устройстве местного рельефа: *Суккәсе тә пар ит, сайғау ағацлары тирле пар ит. Алар аллайтан ахотатан килеф утырышларынта чай эңселәре килеф тухтаганнар. Куахлы поунта анта туры йере пар. Ул пулмаган элег. Алар ул тура йерне пер чайниг қайнаганцы қасыф қыққаннар аны* [Там же] (букв.: Они откуда-то с охоты возвращались, остановились чай попить. Там одно прямое место есть. Раньше его не было. Они это прямое место раскопали за то время, пока вода в чайнике вскипела). Однако этот мотив местного предания, согласно которому братья-великаны за короткое время прокопали короткий водный путь по реке Изметка, указывает на присутствие фольклорных, но не мифологических черт в повествовании: здесь идёт речь не о создании собственно пространства, как это происходит в истории о распавшемся на части *менгкв*'е, а лишь о преобразовании уже существующего пространства. Упоминание временного

промежутка (время имеет значение для человека, но не для хтонических или божественных существ), возможность для персонажа быть раненым или убитым говорят о принадлежности великанов Зэнгер-Мэнгер в большей степени человеческому, а не сверхъестественному миру. Это подтверждается и наличием материальных свидетельств существования братьев-великанов: *Мин ус күсем пелән күреф йөрегән Зәңгер- Мәңгерләрнең қәверләрен. Икке оллы қәвер утыратған. Примерно 5—6 метр оссынныгы* [Там же] (букв.: Я своими глазами видел могилы Зэнгер-Мэнгер. Две большие могилы стоят. Примерно 5—6 метров в длину).

Ещё один персонаж — великан-богатырь Алыф: *Порын саман пер қаты көңле кеше пулған, аның исеме Алыф пулған. Ул қарағай қатәр осын пулған. Аны иңгем еңә алмаған, ул пер оллы войскалар пелән сугышып цыққан. Пер саман Север йақтан йау килгәң, ул пер усе алар пелән сугышып цыққан, пашларын кисеп алып қасыққа тесеп утырған пулған*» [ПМА 3: Кальметов] (букв.: Давным-давно жил очень сильный человек, его звали Алып. Он был высокий, как сосна. Его никто одолеть не мог, он один с большими войсками сражался. Однажды, когда со стороны севера пришло наступление, он один их победил, рубил вражеские головы и в яму складывал). Большая физическая сила и гигантский рост позволяют причислить Алыпа к великанам; функционально этот персонаж, как и Зэнгер-Мэнгер, сближается с образами воинов-богатырей.

Обращает на себя внимание отчётливая связь лесных и заболотных великанов с образом дерева. Великаны сибирских народов сопоставляются по своим размерам и облику с высокими деревьями. *Менгкв'*ы обских угров созданы из лиственницы. Л. Н. Панченко цитирует одно из преданий, записанное Н. Л. Гондатти: *Вначале Нуми-Торум сделал из лиственницы два образца человеческой фигуры, укрепил голову гвоздём между грудью и шеей, положил фигуры перед собой на спину и дунул в них, и в них вошла жизнь; оживлённые изображения свистнули, убежали в лес и стали мёнкв'ами* [Цит. по: Панченко, 2019, с. 660]. Выбор лиственницы на роль «модели» и материала для создания лесного великана не случаен: лиственница — самое высокое дерево сибирских лесов, в подходящих условиях достигающее высоты 80 метров. Лиственница сибирская имеет конусовидную, пирамидальную крону, что, вероятно, отразилось в одной из деталей облика *менгкв'*ов: во многих этнографических источниках сообщается об остроконечной форме головы *менгкв'*а, например, В. И. Сподина отмечает, что «остроголовость *менгкв'*ов была самой узнаваемой чертой их скульптурных изображений» [Сподина, 2001, с. 15]. Л. Н. Панченко упоминает, что, согласно фольклорным данным, мансийские великаны *менгкв'*ы живут триста лет [Панченко, 2019, с. 662], это также согласуется с утверждениями ботаников о продолжи-

тельности жизни лиственницы, которая составляет в среднем 300—400 лет. Великаны заболотных татар сопоставляются с сосной: Алып был «высокий, как сосна». Высота сосны примерно в два раза меньше, чем у лиственницы (35—40 метров), что поддерживает большую антропоморфность облика сибирскотатарских исполинов по сравнению с *менгкв*’ами. В отличие от *менгкв*’ов, которые стараются избегать людей, Алып живёт в человеческом доме, защищает местных жителей от северного народа *иштэх* и принимает смерть от человеческой руки: местные жители обманом искалечили великана, разобрав лестницу у его дома и выманив его наружу просьбой о помощи: *Пе йохлаган цахта моның пасларын ватыф таишлаганнар та. «Алып павай йау килэт!» — тип агырғаннар. Пе йөгерең цыгып айағын сындырган. Моңы алай ғына еңкәннәр. Янгутум аулынта пулган пу хэл. Аның өе утырган урыны та пар анта* (букв.: Пока он спал, разобрали лестницу в его доме. «Алып, наступают!» — позвали его. Тот выбежал и сломал ногу. Только так его одолели. В деревне Янгутум всё это было. Место, где стоял его дом, сохранилось по сей день) [ПМА 3: Кальметов].

Образ Алыпa обладает и архаическими чертами предка-покровителя, который возвращается из потустороннего мира, чтобы защитить свой народ. По преданию, перед смертью великан наказал *аванам* (*аван* — самоназвание жителей Лайтамака) откопать его в самое тяжёлое время. Для оживления мёртвого тела великана следовало осуществить ритуал — двенадцать раз проехать вокруг его могилы на лошади. Однако жителей одолело сомнение, и они, совершив необходимые действия, увидели ожившего Алыпa, который сказал: *Ну, авань, поторопились вы. Теперь меня родит двенадцатилетняя девочка или двухлетний жеребёнок* [Там же].

6. Заключение

Подытоживая сказанное, обобщим в образах обско-угорских и сибирскотатарских исполинов единые и различные черты:

Характеристики	Менгкв’ы	Заболотные великаны
общие	Исполинский рост, большая физическая сила, связь с лесом и деревом — лиственницей и сосной; функции защитника и покровителя рода, участие в формировании окружающего пространства.	
отличные	При общем антропоморфном облике черты хтонических чудовищ: многоголовость, звероподобность (шерстяной покров, длинные ногти).	Облик человека гигантского роста.

Преимущественно охотники.	Преимущественно войны.
Обладание сверхъестественными способностями (стирание памяти, насылание страха и пр.).	Обладание только физической мощностью, быстротой и ловкостью.
Создание нового ландшафта — озёр, рек, островов и пр.	Преобразование существующего пространства в соответствии с человеческими представлениями о пользе.
При отголосках черт социального устройства человеческого мира — отдельная от человеческой культура.	Жизнь среди людей, по их правилам.
Наличие словесных свидетельств о встречах человека с <i>менгкв</i> 'ом, отраженные в том числе в топонимике.	Наличие материальных свидетельств существования великанов (<i>«Я своими глазами видел могилы Зәңгер-Мәңгер»</i> ; <i>«Место, где стоял его дом, сохранилось по сей день»</i>).
Восприятие <i>менгкв</i> 'ов как некой целостной общности, скрытой культуры, индивидуализация отдельных <i>менгкв</i> 'ов как представителей целого народа.	Единичность великанов, подчёркивание их уникальности, индивидуализация посредством использования имён собственных.

Менгкв'ы ближе к архаике мифа — к образам древних великанов как первичных существ с их хтоническими чертами, превратившихся в более поздние времена в сказочных людоедов; в преданиях о *менгкв*'ах нашли отражение отголоски космогонических и этиологических мифов. В отличие от *менгкв*'ов великаны заболотных татар имеют черты предков-покровителей и фольклорных богатырей-защитников.

Итак, образ великана в мифологии сибирских, в том числе обско-угорских народов отражает общечеловеческую потребность в осознании своей роли в мироздании. Человек не может существовать в «пустом» с символической точки зрения пространстве, лишённом смысла, он наполняет окружающее его пространство образами, объясняющими каждую деталь, устанавливающими причину существования каждого природного объекта, создаёт в разной степени сакрализованную семантику места своей жизни.

В «осмысленном» пространстве существование самого человека обретает значение и цель, человек получает возможность чувствовать себя звеном в цепи развития, усовершенствования мира — от приоритета физической силы к превосходству интеллектуального и духовного начал, от разрушения — к созиданию, что и является сутью культуры.

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АВТОРОВ

1. ПМА 1 — *Полевые материалы авторов: Экспедиция в с. Ломбовож Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа. Июль 2019* (информант : В. В. Албин, 1956 г. р.).

2. ПМА 2 — *Полевые материалы авторов: Экспедиция в д. Иземень Тобольского района Тюменской области. Июль 2020* (информант : М. А. Хабибуллин, 1969 г. р.).

3. ПМА 3 — *Полевые материалы авторов: Экспедиция в д. Лайтамак Тобольского района Тюменской области. Июль 2020* (информант : С. Б. Кальметова, 1942 г. р.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Басангова Т. Г. Демонические персонажи в фольклоре калмыков / Т. Г. Басангова // Новые исследования Тувы. — 2011. — Т. 2. — № 2. — С. 175—178.

2. Белова О. В., Петрухин В. Я. Великаны Евразии : от мифа к истории / О. В. Белова, В. Я. Петрухин // Этнографическое обозрение. — 2017. — № 4. — С. 56—64.

3. Гусейнова А. Неземные и демонические существа в фольклоре тюркоязычных народов / А. Гусейнова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. — 2010. — № 3. — С. 70—73.

4. Зеленев Е. И. Геокультурное пространство и геокультурные поля : теория вопроса / Е. И. Зеленев // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2009. — Серия 13. — Выпуск 1. — С. 19—28.

5. Корякина А. Ф. Якутский и долганский эпосы о богатырях с лошадиным происхождением : общность и отличия / А. Ф. Корякина, С. Д. Львова // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 138—151. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-138-151.

6. Мифология манси. — Новосибирск : ИАиЭ СО РАН, 2001. — 196 с.

7. Мифы народов мира. В 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Советская энциклопедия, 1980—1982. — Т. 1. — 672 с. ; — Т. 2. — 720 с.

8. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., пред. и примеч. Н. В. Лукиной. — Москва : Наука, 1990. — 578 с. — ISBN 5-02-016771-1.

9. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / сост. Е. И. Ромбандеева. — Новосибирск : Наука, 2005. — 475 с. — ISBN 5-02-032380-2.

10. Панченко Л. Н. Лесной великан Менкв — персонаж мансийского фольклора / Л. Н. Панченко // Вестник угроведения. — 2018. — Т. 8. — № 4. — С. 658—671. — DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-4-658-671.

11. Панченко Л. Н. Огонь как один из мотивов смерти менквы / лесного великана / Л. Н. Панченко // Горизонты цивилизации. — 2019. — № 10. — С. 337—354.

12. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров / В. Я. Петрухин. — Москва : АСТ, 2003. — 465 с. — ISBN 5-17-019005-0.

13. Плахова О. А. Динамика мифологического концепта «великан» (на материале английских народных сказок) / О. А. Плахова // Вестник Пермского университета. Серия : Российская и зарубежная филология. — 2011. — Выпуск 2 (14). — С. 95—100.
14. Плахова О. А. Образы английских великанов : на перекрестке традиций / О. А. Плахова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. — 2012. — Выпуск 2. — № 2. — С. 74—80.
15. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2012. — Т. 5. — С. 560—562.
16. Слинкина Т. Д. Реликтовые Менквы в верованиях народа манси / Т. Д. Слинкина // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера : сборник статей по материалам научно-практической конференции. — Тюмень : Формат, 2017. — Часть 2. — С. 206—214.
17. Сподина В. И. Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района / В. И. Сподина. — Новосибирск : Агро, Солярис, ЦЭРИС, 2001. — 124 с. — ISBN 5-7007-0139-1.
18. Тбоева З. Э. Сопоставительный анализ мифологической семантики языкового образа великана на материале русского, осетинского и английского фольклора / З. Э. Тбоева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2018. — № 2 (30). — С. 104—111. — DOI: 10.29025/2079-6021-2018-2(30)-104-114.
19. Тбоева З. Э. Сравнительный анализ образа великана как реализация концепта «смерть» на материале русского, осетинского и английского фольклора / З. Э. Тбоева // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 3 (70). — С. 496—499.
20. Узлов Ю. А. Геокультура как фактор развития цивилизации / Ю. А. Узлов // Общество : философия, история, культура. — 2012. — № 4. — С. 48—54.
21. Campbell J. The Power of Myth / J. Campbell. — New York : Anchor Book Press, Ltd, 1991. — 293 p.
22. Hamilton E. Mythology : Timeless Tales of Gods and Heroes / E. Hamilton. — New York, NY : Grand Central Publishing, 2011. — 512 p.

MATERIAL RESOURCES

- PMA 1 — *Authors' field materials: Expedition to the village of Lombovosh of the Berezovsky district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug. July 2019 (informant: V. V. Albin, born in 1956). (In Russ.).*
- PMA 2 — *Authors' field materials: Expedition to D. Izemen of the Tobolsk district of the Tyumen region. July 2020 (informant: M. A. Khabibullin, born in 1969). (In Russ.).*
- PMA 3 — *Authors' field materials: Expedition to the village of Laitamak in the Tobolsk district of the Tyumen region. July 2020 (informant: S. B. Kalmetova, born in 1942). (In Russ.).*

REFERENCES

- Basangova, T. G. (2011). Demonic characters in the folklore of the Kalmyks. *New studies of Tuva*, 2 (2): 175—178. (In Russ.).

- Belova, O. V., Petrukhin, V. Ya. (2017). Giants of Eurasia: from myth to history. *Ethnographic review*, 4: 56—64. (In Russ.).
- Campbell, J. (1991). *The Power of Myth*. New York: Anchor Book Press, Ltd. 293 p.
- Fayzullina, G. Ch., Prokopova, M. V., Ermakova, E. N. (2019). Female demonic characters in myths and folklore of the peoples of Western Siberia: genesis, functions, attributes. *Scientific dialogue*, 12: 198—209. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-198-209. (In Russ.).
- Hamilton, E. (2011). *Mythology: Timeless Tales of Gods and Heroes*. New York, NY: Grand Central Publishing. 512 p.
- Huseynova, A. (2010). Unearthly and demonic creatures in the folklore of the Turkic-speaking peoples. *Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts*, 3: 70—73. (In Russ.).
- Jean-Pierre Vernant. *L'Univers, les Dieux, les Hommes. Récits grecs des origines*. <https://www.seuil.com/ouvrage/l-univers-les-dieux-les-hommes-recits-grecs-des-origines-jean-pierre-vernant/9782020382274> (accessed 23.07.2020).
- Knots, Yu. A. (2012). Geoculture as a factor in the development of civilization. *Society: philosophy, history, culture*, 4: 48—54. (In Russ.).
- Koryakina, A. F., Lvova, S. D. (2019). Yakut and Dolgan Epics about Heroes with a Horse Origin: Commonality and Differences. *Nauchnyi dialog*, 12: 138-151. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-138-151. (In Russ.).
- Mythology Muncie*. (2001). Novosibirsk: IAI SB RAS. 196 p. (In Russ.).
- Myths, fairy tales, legends of Mansi (vogulov)*. (2005). Novosibirsk: Nauka. 475 p. ISBN 5-02-032380-2. (In Russ.).
- Myths, legends, fairy tales of the Khanty and Mansi*. (1990). Moscow: Nauka. 578 p. ISBN 5-02-016771-1. (In Russ.).
- Panchenko, L. N. (2018). The forest giant Menkv — a character of the Mansi folklore. *Bulletin of Ugric Studies*, 8 (4): 658—671. DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-4-658-671. (In Russ.).
- Panchenko, L. N. (2019). Fire as one of the motives for the death of menkva / forest giant. *Horizons of civilization*, 10: 337—354. (In Russ.).
- Petrukhin, V. Ya. (2003). *Myths of the Finno-Ugric Peoples*. Moscow: AST. 465 p. ISBN 5-17-019005-0. (In Russ.).
- Plakhova, O. A. (2011). Dynamics of the mythological concept “giant” (based on the material of English folk tales). *Bulletin of the Perm University. Series: Russian and Foreign Philology*, 2 (14): 95—100. (In Russ.).
- Plakhova, O. A. (2012). Images of English giants: at the crossroads of traditions. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology*, 2 (2): 74—80. (In Russ.).
- Slinkina, T. D. (2017). Relict Menquas in the beliefs of the Mansi people. In: *Problems and prospects of socio-economic and ethno-cultural development of indigenous small-numbered peoples of the North: a collection of articles based on the materials of a scientific and practical conference*, 2. Tyumen: Format. 206—214. (In Russ.).
- Spodina, V. I. (2001). *The idea of space in the traditional worldview of the forest Nenets of the Nizhnevartovsky district*. Novosibirsk: Agro, Solaris, TSARIS. 124 p. ISBN 5-7007-0139-1. (In Russ.).
- Tboeva, Z. E. (2018). Comparative analysis of the mythological semantics of the language image of a giant on the material of Russian, Ossetian and English folklore. *Ac-*

- tual problems of philology and pedagogical linguistics*, 2 (30): 104—111. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-2(30)-104-114. (In Russ.).
- Tboeva, Z. E. (2018). Comparative analysis of the image of a giant as the realization of the concept of “death” on the material of Russian, Ossetian and English folklore. *The world of science, culture, and education*, 3 (70): 496—499. (In Russ.).
- Tokarev, S. A. (ed.). *Myths of the peoples of the world: In 2 volum, 1, 2.* (1980—1982). Moscow: Soviet Encyclopedia. 672 p.; 720 p. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. (ed.). (2012). *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*, 5. Moscow: International Relations. 560—562. (In Russ.).
- Zelenev, E. I. (2009). Geocultural space and geocultural fields: the theory of the question. *Bulletin of the St. Petersburg University*, 13 (1): 19—28. (In Russ.).

Сазонова Ю. А. Особенности функционирования спортивной прессы Галиции в 1920—1930-х годах / Ю. А. Сазонова, Т. И. Ярошовец // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 232—255. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-232-255.

Sazonova, Yu. A., Yaroshovets, T. I. (2021). Features of Galicia Sports Press Functioning in 1920s — 1930s. *Nauchnyi dialog*, 9: 232-255. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-232-255. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-232-255

Особенности функционирования спортивной прессы Галиции в 1920—1930-х годах

Сазонова Юлия Александровна
orcid.org/0000-0003-0928-847X
кандидат наук по социальным
коммуникациям, доцент
кафедра журналистики
saz.iuliya@ukr.net

Ярошовец Татьяна Ивановна
orcid.org/0000-0003-3690-416X
кандидат философских наук, доцент
кафедра журналистики, издательского
дела, полиграфии и редактирования
yti36@ukr.net

Черноморский национальный
университет им. Петра Могилы
(Николаев, Украина)

Университет “Украина”
(Киев, Украина)

Features of Galicia Sports Press Functioning in 1920s — 1930s

Yuliia A. Sazonova
orcid.org/0000-0003-0928-847X
PhD in Social Communications
Associate Professor
Department of Journalism
saz.iuliya@ukr.net

Tatiana I. Yaroshovets
orcid.org/0000-0003-3690-416X
PhD in Philosophy, Associate Professor
Department of Journalism, Publishing,
Printing and Editing
yti36@ukr.net

Petro Mohyla Black Sea
National University
(Nikolaev, Ukraine)

University of “Ukraine”
(Kiev, Ukraine)

© Сазонова Ю. А., Ярошовец Т. И., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты типологического анализа галицкой спортивной прессы 1920—1930-х годов. Отмечается количественный рост спортивных изданий Галиции в данный период вопреки факту пребывания региона под польской гегемонией. Подчёркивается роль региональной спортивной прессы как катализатора национального сознания. Определены социополитические условия развития спортивной периодики и общие тенденции в программной политике галицких спортивных изданий. Новизна исследования видится в выявлении характерных региональных доминант спортивной периодики Галиции посредством реализации контент-анализа галицких изданий и сопоставительного анализа спортивной журналистики Галиции и УССР 1920—1930-х годов. Представлена авторская разработка периодизации спортивной прессы Галиции обозначенной эпохи на основе унификации социополитических, типологических, проблемно-тематических, жанровых особенностей изданий в определённый хронологический отрезок, обозначены конституционные доминанты каждого периода. Особое внимание уделяется обзору и контент-анализу наиболее репрезентативных СМИ каждого периода спортивной прессы Галиции 1920—1930-х годов. Единицами научного наблюдения выступали цели и задачи изданий, состав редакций, жанровый и проблемно-тематический диапазоны материалов. Выводы к статье содержат обзорный анализ условий развития, особенностей содержания, структуры, жанрово-тематической палитры спортивных СМИ Галиции в контексте спортивной журналистики Украины первой половины XX века.

Ключевые слова:

спортивные издания; Галиция; Польша; спорт; спортивные общества; период; контент; рубрика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of the typological analysis of the Galician sports press of the 1920s—1930s are presented. The quantitative growth of sports publications in Galicia during the analyzed period is noted, despite the fact that the region is under Polish hegemony, and the role of the regional sports press as a catalyst of national consciousness is emphasized. The sociopolitical conditions for the development of sports periodicals and general trends in the program policy of Galician sports publications have been determined. The novelty of the research is seen in the identification of the characteristic regional dominants of the sports periodicals in Galicia through the implementation of content analysis of Galician publications and a comparative analysis of sports journalism in Galicia and the Ukrainian SSR of the 1920s—1930s. The author's development of the periodization of the sports press of Galicia of the indicated era based on the unification of sociopolitical, typological, problem-thematic, genre features of publications in a certain chronological period is presented, constitutional dominants of each period are indicated. Particular attention is paid to the review and content analysis of the most representative media of each period of the sports press of Galicia in the 1920s and 1930s, where the units of scientific observation were the goals and objectives of the publications, the composition of the editorial boards, the genre and problem-thematic ranges of materials. An overview analysis of the conditions of development, the characteristics of content, structure, genre-thematic palette, authorship of the sports media of Galicia in the context of sports journalism of Ukraine in the first half of the twentieth century is presented in conclusion.

Key words:

sports publications; Galicia; Poland; sport; sports societies; period; heading, content.

Особенности функционирования спортивной прессы Галиции в 1920—1930-х годах

© Сазонова Ю. А., Ярошовец Т. И., 2021

1. Введение

Спортивная периодика Галиции 1920—1930-х годов представляет собой самобытный феномен в истории украинской журналистики. Данный период по качественным и количественным показателям изданий является наиболее продуктивным в истории украинской спортивной прессы, несмотря на то что Галиция входила в это время в состав Польши и, соответственно, не имела самостоятельности. Территория исторической области Галиция включает сегодняшние Львовскую, Ивано-Франковскую и Тернопольскую области Украины. В отличие от этнических польских земель, которые считалась Польшей «А», западноукраинские земли были второстепенными территориями в государстве и позиционировались как Польша «Б». А. Бойко отмечает: «Давление польского правительства становилось невыносимым. Польское правительство пыталось вытравить сами понятия “Украина” и “украинец” ... Украинскую территорию называли Восточной Малопольшей» [Бойко, 2007, с. 433]. Польские власти не воспринимали украинскую журналистику как таковую, хотя это не мешало её активному развитию в Галиции. В. Владимиров отмечает, что с 1923 года западноукраинские галицкие земли решением государств-победительниц в Первой мировой войне отошли к Польше и именно на них восстановилась и, несмотря на сопротивление польских властей, начала активно развиваться украинская пресса [Владимиров, 2007].

В начале 1920-х годов Польша проводила комплекс политических и денационализационных мер в отношении украинского населения: отменила автономные права и самоуправление края, запретила издание украинской прессы. В таких условиях чрезвычайно важным было пробуждение национального сознания, роль катализатора которого стала выполнять украинская пресса, неоднократно подвергавшаяся цензуре. Наиболее активно среди других сегментов развивалась спортивная периодика. Как отмечает С. Кость, это было обусловлено тем, что народ с тысячелетней историей и культурой, утративший государственность и стремящийся её вернуть, должен был соревноваться и доказывать свою интеллектуальную и физическую силу в каждой сфере общественной жизни [Кость, 2008]. Подтверждением реализации этой миссии стало значительное увеличение числа

спортивных изданий Галиции в 1920—1930-х годах по сравнению с довоенным периодом (1881—1914), когда в регионе вышло всего 8 спортивных СМИ. В проанализированный нами период в Галиции функционирует 42 спортивных СМИ, что свидетельствует о пятикратном количественном росте спортивной журналистики Галиции в сравнении с предыдущим периодом и актуализирует тему нашего исследования.

Генезис спорта и спорадично издания спортивной тематики на западноукраинских землях рассматривались в работах М. Житарюка [Житарюк, 1997], Я. Кулика [Кулик, 1997], А. Леоненко [Леоненко, 2003], Э. Жарского [Жарский, 1956]. Общая история галицкой прессы первой половины XX века представлена в работах украинских [Животко, 1999; Кость, 2008] и польских учёных [Jarowiecki, 2008; Misiło, 1984; Myśliński, 1972], но в этих обзорных трудах в контексте общей типологии журналистики спортивная периодика региона остается на периферии исследований. История спортивной прессы Галиции первой половины XX века была предметом трудов С. Гайдучка, где поданы библиографические данные некоторых спортивных изданий Галиции 1920—1930-х годов [Гайдучок, 1937]; В. Ковпака, где анализируется процесс становления и условий функционирования спортивной прессы Галиции на примере 20 спортивных СМИ, фрагментарно рассматриваются основные рубрики изданий и терминологический аппарат спортивной периодики [Ковпак, 2008]; Ю. А. Сазоновой, где представлен анализ спортивной прессы Галиции до 1917 года [Сазонова, 2015].

Научная новизна данного исследования определяется авторской разработкой периодизации галицкой спортивной периодики 1920—1930-х годов и выявлением её характерных региональных черт (как в каждом выделенном минипериоде, так и целостно) посредством реализации типологического и структурно-функционального анализа спортивной прессы Галиции, систематизации, контент-анализа наиболее репрезентативных изданий и компаративного анализа спортивной журналистики Галиции и УССР 1920—1930-х годов. Материалом нашей работы стали 42 спортивных издания (газеты и журналы), выходившие в Галиции в обозначенный период. Переводы текстов выполнены авторами данного исследования.

2. Концептуальные доминанты спортивной прессы Галиции первой половины XX века

Система спортивной прессы Галиции в 1920—1930-х годах представляет собой достаточно многогранный феномен. В ходе анализа мы разделили все спортивные СМИ региона данного периода на три группы: 1) самостоятельные СМИ (26 изданий); 2) «однодневки» (вышли только один

раз) (4 издания); 3) издания-приложения (12 изданий). Учредителями и издателями большинства западноукраинских спортивных СМИ были спортивные общества: «Украинский Спортивный Союз», «Сокол», «Пласт» и «Луг», которые выступали катализаторами развития спорта и спортивной журналистики в регионе. Как отмечают М. Романюк и М. Галушко, всего во Львове в течение 1848—1939 годов издавалось около 850 изданий СМИ [Романюк и др., 2002]. Среди них — 50 изданий спортивного сегмента (включая 8 изданий до 1917 года), что составит 6 % от общего количества. И это довольно высокие количественные показатели, учитывая, что население Львова в 1920—1930-х годах составляло 219 388 человек и спортивная сфера была ещё недостаточно развитой.

В условиях польской цензуры спортивные издания Галицкого региона были нацелены на формирование общественного мнения, развитие национального сознания, утверждение самобытности украинцев в целом и галицкого народа, в частности. Несмотря на структурно-технические различия, многие СМИ Галиции 1920—1930-х годов отличались идентичной программной политикой. Проведенный нами контент-анализ позволяет выделить следующие общие тенденции в программной политике спортивных изданий Галиции обозначенного периода:

1. Акцент на пропаганде спорта в следующих направлениях: реклама и распространение спортивной прессы (поскольку все издания позиционировали себя в системе журналистики как союзные органы, а не издания-конкуренты, агитировали читателей на приобретение разных спортивных СМИ региона); организация спортивных соревнований для объединения украинцев через спорт, освещение спортивных соревнований с участием украинцев со всех регионов и стран (УССР, Буковины, Закарпатья и украинцев в диаспоре) с целью идентификации и сплочения нации).

2. Пропаганда девизов «Спорт в массы» (этот принцип принимался в качестве существенной составляющей развития галицкого региона) и «За национальный характер спорта», «чтобы быть не мертвыми подражателями чужого, но живыми создателями своего и чтобы не попасть галицкому физическому воспитанию в абсолютный интернационализм» (эта фраза была лозунгом многих спортивных СМИ, выходивших под патронатом «Украинского Спортивного Союза», «Сокола», «Пласта», и подразумевала объединение нации через спортивные соревнования).

3. Критика «рекордомании», одобрение стремлений к разумным достижениям (в контексте этой нормы программной политики поощрялись принципы гуманизма, морали, этики, взаимоуважения, джентльменства и порицались эгоистические порывы к рекордам и славе в сфере спорта, фанатичный шовинизм публики).

4. Призывы к гармоничному развитию личности (акцент на важности как духовного, так и физического развития человека, нации, значимости синтеза этих двух направлений как пути к становлению нации).

5. Пропаганда идей самовоспитания: религии собственной воли и преимуществ психики конкистадора, сильных черт характера, принципов честной игры, жажды жить, для чего необходимо найти источник в себе.

6. Критика концепции аполитичности спорта, сторонниками которой являлись больше спортсмены, чем обычные украинцы (соответственно, были непосредственные призывы к объединению через спорт и обретению украинской державности на фоне достижений галицких и украинских спортсменов из других регионов).

7. Пропаганда здорового образа жизни (акцент на важности занятий спортом для укрепления духовного и физического здоровья, профилактики, лечения от множества заболеваний), в том числе антиалкогольных принципов.

8. Акцент на важности физического воспитания детей и женщин как на особо значимой общественной и государственной задаче (декларировалась идея, что от детей и женщин зависит сила и мощь нации).

Для того чтобы определить отличительные характеристики и обозначить динамику развития спортивной прессы региона, нам представляется важным рассмотреть наиболее репрезентативные спортивные СМИ обозначенного исторического этапа в контексте периодизации системы спортивной прессы Галиции. Комплексный контент-анализ спортивных изданий региона позволил выделить три периода формирования и развития спортивной прессы Галиции в рамках 1920—1930-х годов.

3. Первый период. Генезис и формирование спортивной прессы в Галиции

Первый период охватывает 1918—1924 годы и определяет основные векторы зарождения и развития спортивной прессы в Галиции в межвоенную эпоху. Первопроходцем в возрождении спортивной прессы региона становится спортивно-гимнастическое общество «Сечь». В этот период появляется 7 спортивных СМИ: «Січовий голос» (1918—1919), «Przewodnik gimnastyczny Sokil» (польскоязычный, 1918, 1926—1928, 1931), «Молоде життя» (1921—1930), «Січові Вісти» (1922—1924), «Руханково-Спортовий Вісник» (1922—1923), «Байдужі гинуть» (1923), «Український Пласт» (1923—1926).

Украинская спортивная журналистика в Галиции возобновляется сразу после окончания Первой мировой войны, когда в Коломые в 1918 году под эгидой общества «Сечь» выходит двухнедельник «Січовий голос» (1918—

1919), редактируемый К. Трилевским. Важным фактором развития спортивной прессы в рамках первого периода стало создание «Руханково-Спортового Вісника», функционировавшего в течение 1922—1923 годов как приложение к журналу «Поступ». Издателем и ведущим автором приложения был 16-летний Э. Жарский. Редактор издания — К. Косарь. Авторы и соредакторы: Е. Ю. Пеленский, В. Костюк, В. Коцюба, В. Шайон. Основные рубрики: «Отчёты-рецензии», «Движение в украинских гимнастически-спортивных обществах», «Из спортивной хроники», «Вести из «Сокола-Отца», «Всячина». Среди авторов преобладали гимназисты и студенты. Тираж издания «Поступ» и его приложения составлял 10 000 экземпляров, что было рекордом для спортивных СМИ. Как отмечает В. Ковпак, «это издание было призвано к всестороннему лелеянию спорта, гимнастики и здорового образа жизни среди молодёжи с целью её духовного возрождения, физического и нравственного воспитания, к координации и распространению спортивного среднешкольного движения» [Ковпак, 2008, с. 29].

Среди особенностей первого периода можно выделить локализацию спортивных СМИ во Львове (и, как исключение, — в Коломые); акцент на освещении развития, организации и достижений украинского спортивного движения, его проблем (в национальном, аксиологическом, дидактическом ракурсах); акцент на освещении образа спорта как значимого компонента сферы воспитания; первоочередное освещение темы гимнастики во всех спортивных изданиях; первые шаги в спортивной медийной сфере И. Боберского и Э. Жарского (в дальнейшем ставших аксакалами спортивной прессы Галиции 1920—1930-х и украинских диаспорных спортивных изданий 1940—1950-х годов), национально-патриотические мотивы спортивных СМИ. Конец периода ознаменован запретом общества «Сечь» в регионе в 1924 году польскими властями.

4. Второй период. «Медовая эра» развития спортивной периодики Галиции

Второй период охватывает 1925—1934 годы, на которые приходится пик развития спортивной прессы в регионе. Начало этого этапа ознаменовано формированием спортивно-гимнастических обществ УСС («Украинский Спортивный Союз», созданный в конце 1924 года), «Луг» (создан в 1925 году) — и активным функционированием обществ «Сокол» и «Пласт». В этот период возникает 31 спортивное издание: «Спорт» (1925—1926), «Руханка і Спорт» (1926), «Жінка і Спорт» (1926), «Пластова стежа», «Пластова зірка», «Пластовий вісник», «Пластовий впоряд» (1926—1930), «Записки Українського пластуна» (1927), «Довкруги пластових справ» (1927), «Пластовий провід» (1928—1929), «Пластовий шлях»

(1930), «Сокільські Вісти» (1928—1929, 1931—1939), «Спорт і Руханка» (1928), «Спорт» (1929—1931), «Руханковий додаток Сокільських Вістей» (1929), «Спортові Вісти» (1931—1933), «Готові» (1934—1935), «Спорт» (1936—1937), «Змаг» (1937—1939), «Вісти з Лугу» (1926—1939, 1942—1944), «Луговик» (1926—1928), «Радіо-Фото-Кіно-Спорт» (1931), «Спорт і Молодь» (1931), «На старт!» (1932), «Соколи, соколи!» (1932), «Гарт» (1932—1933), «Szachista» (польськоязычний, 1933—1935, 1938—1939), «Плай» (1934), «Пластові Вісти» (1934—1936), «Спортивний альманах» (1934), «Руханка й Спорт» (1934).

Фундамент дальнейшего развития закладывает в 1925 году издание «Спорт: журнал посвященный усім ділянкам спорту» (1925—1926, Львов), которое В. Ковпак называет «первым западноукраинским самостоятельным спортивным журналом» [Ковпак, 2008, с. 48]. Редакторами журнала выступали В. Решетилович и И. Вольнец. Журнал издавался «Украинским Спортивным Союзом» (УСС). Ведущими авторами были П. Франко, С. Гайдучок, К. Мулькевич, В. Стоцкий, Д. Беленькая. Журнал освещал в основном новости футбола и лёгкой атлетики, что декларировал логотип издания с изображением легкоатлета и футболиста, подавались также материалы о плавании и теннисе. Журнал освещал соревнования УСС и СО «Украина», пропагандировал мужской, женский и юношеский спорт. Содержание формировалось в рубриках «Обзор заграничного спорта» (соревнования в Чехословакии, Германии, Англии и Франции), «Обзор польского спорта» (соревнования польских и украинских спортсменов), «Из жизни клубов», «Юмор в спорте» (карикатуры на спортсменов), «Коммуникаты и объявления» (письма читателей в редакцию и объявления разного характера). Важным выглядит тот факт, что, освещая соревнования украинских спортсменов в рубрике «Обзор польского спорта», редакция при этом часто представляла материалы без рубрик, где отчётливо подчеркивалась национальная идея («День Украинского спортсмена» (№ 1, 1926), «Украинский копаный мяч в весеннем сезоне» (№ 3, 1926)). Журнал активно освещал соревнования в УССР («Спорт на Советской Украине», № 1, 1926), имплицитно подчеркивая идею объединения всех украинцев.

В 1926 выходит издание «Жінка і Спорт» как приложение к газете «Нова хата», где пропагандировался женский спорт в контексте понимания важной роли женщины в формировании силы нации, репрезентировалась концепция спорта как моды. Эта концепция реализовалась во вступительной статье приложения «Женщина и спорт», где отмечалось: «Сегодня спорт овладевает модой. Он изменил её коренным образом, он помог женскому телу достичь совершенства, принёс с собой стройную линию, освободил от оков грудь, шею, руки и ноги. Как и спортивная идея, спортивная

целесообразность получила доступ к женской моде, овладела модой большая простота. Она заставляет женщину заботиться о подлинной культуре своего тела. Чего не делает женщина, чтобы быть и остаться красивой и элегантной, чтобы быть — модной» [Жінка і Спорт, 1926, № 1]. Занятия спортом, согласно точке зрения редакции, становятся основой воспитания нового — свободного, здорового и счастливого поколения женщин. В издании акцентировалось внимание на значении женского спорта для сохранения красоты женщины, стройности тела, что способствовало привлечению в сферу спорта женской аудитории.

В 1928 году появляется гигант западноукраинской спортивной прессы «Сокільські Вісти» (1928—1939, Львов) — «издание, посвященное воспитанию тела». Газета выходила ежемесячно, а затем раз в два месяца под лозунгом «Все вперед. Все сразу!». В состав редколлегии входили Т. Франко, С. Гайдучок, М. Триль, А. Будзиновский, М. Левицкий. Первым главным редактором этого издания стал И. Гижа. В 1932—1933 годах газету редактировал В. Мигаль, затем Р. Копач и И. Мриц. Издание имело целью не только физическое, но и духовное развитие населения Галиции, стремилось воспитать патриотизм у своих читателей. Во вступительной статье «Задача Сокольского органа» отмечалось, что газета будет «объединять украинских соколов в одну большую семью, разрабатывать идею сокольства и применять её к потребностям украинской нации, следить за жизнью сокольства у других народов, обсуждать все вопросы, отнесённые к физическому воспитанию, гимнастике и спорту, предоставляя попутно рекомендации, советы и указания, быть проводником между украинским сокольством и другими спортивными гимнастическими организациями» [Сокільські Вісти, 1928, № 1]. Ведущие рубрики издания: «Организационные дела», «Из Сокольской жизни», «Из жизни сокольских гнёзд», «Из края и мира», «Курсы для воспитания тела», «Из жизни украинского Сокольства за рубежом», «Предания», «Из новых изданий «Сокола-Отца», «Из Сокольской прессы», «Страница участника (для детей)». В газете освещались соревнования в УССР, странах Европы, а также США, Канаде, Аргентине. С изданием сотрудничали И. Боберский, Э. Жарский, И. Каличак, С. Гайдучок, Т. Франко, И. Мриц, Т. и Я. Белостоцкие, М. Триль, В. Гафткович. Специфической чертой издания было превалирование в нём публицистики (очерков, фельетонов, зарисовок и беллетристики). Ведущие топосы газеты: пути развития сокольства, методы сокольского воспитания, значение сокольского движения для общества, история сокольского движения в Украине и за рубежом, развитие спорта в селе, физиология спорта, художественные рассказы и стихи, обзоры зарубежной сокольской прессы, обзоры спортивной жизни Закарпатья, Буковины и УССР («Мы и они»,

№ 9, 1928, «Телесное воспитание в УССР», № 11—12, 1929) проблемы женского спорта («Некоторые замечания о телесном воспитании женщин», № 1—3, 1931, «Женщина в Соколе», № 8, 1937, «Женщина и теловоспитание», № 8, 1938), очерки о выдающихся политических и общественных деятелях (И. Франко, М. Грушевском и др.) и лидерах сокольского движения (Ф. Яне, М. Тырше). В газете освещались такие виды спорта, как плавание, шахматы, футбол, лыжный спорт.

За национально-патриотический регистр публикаций газета неоднократно подвергалась конфискации. Её тираж в таких условиях был впечатляющим: в 1928 — 2000 экземпляров, в 1936 — 3200, в 1937 — 3300. Эффективной была обратная связь с читателями, которая была организована в рамках рубрик «Переписка редакции» и «Из писем в редакцию». В газете существовала практика, согласно которой опубликованные статьи издавались отдельными сборниками и брошюрами. Их продажа приносила хорошую прибыль, и это был фактически первый опыт реализации коммерционного издательского проекта.

В течение 1931—1933 годов во Львове функционировал иллюстрированный еженедельник (потом двухнедельник) «Спортові Вісті», который издавался под эгидой УСС и считался одним из самых популярных в Западной Украине. И. Парийчук называет «Спортові Вісті» «предтечей» западноукраинской спортивной журналистики первой трети XX столетия [Парийчук, 2003]. Издателем и редактором газеты стал К. Мулькевич, соредакторами — С. Попель и А. Микитович. При аргументировании важности рождения спортивной газеты в статье «От редакции» (№ 1, 1931) отмечалось, что спортивное движение прочно вошло в общественные круги во всех культурных народах и завоевало себе должный и всесторонний интерес и что целью газеты будет развитие у читателя осознания воспитательной функции спорта. Среди авторов издания были Т. Франко, Э. Жарский, А. Курдыдык, Т. Лискевич, И. Чернявая, У. Кравченко, И. Сталевич. Газета имела соборов в разных городах Галиции, а также за границей: А. Петрина (Милан), Б. Галибей (Лион), С. Орест (Берлин), П. Ярицкий (Нью-Йорк).

Содержание газеты включало в себя материалы, распределяемые по рубрикам «Спортивная жизнь в крае», «Спортивная жизнь студентов», «Шахматные вести», «Спортивный юмор», «Из школьного спорта», «Из украинской прессы», «Спортивные новинки», «Кино во Львове», «Новые книги», «Всячина», «Наш почтовый ящик» (переписка с авторами и читателями, призывы авторам к сотрудничеству с изданием, указывались ошибки в материалах и давались советы авторам по оптимизации текстов). В газете освещался галицкий и зарубежный спорт, о чём свидетельствуют публикации за 1931 год: «Спорт и гимнастика в школах Франции», «Спорт

в Германии», «Большая манифестация швейцарского спорта». Ведущими темами издания были сельский спорт и женское физическое воспитание.

В первое время газета была неофициальным органом футбольного спортивного общества «Украина», а с № 16 выходила как орган «Украинского Спортивного Союза». Здесь освещались такие виды спорта, как «копанный мяч» (футбол), джиу-джитсу, теннис, хоккей, лёгкая атлетика, волейбол, водный спорт. Широко освещалась тема шахмат — единственного вида спорта, который был представлен целой рубрикой «Шахматные вести», функционировавшей практически как «газета в газете», с рядом под рубрик: «Лиговые соревнования», «Консультационный турнир», «Сведения из шахматного мира», «Наш почтовый ящик». Такой интерес к шахматам был обусловлен как популярностью шахмат во Львове, так и личными предпочтениями соредатора, известного шахматиста С. Попеля. Ведущими жанрами издания были инструктивно-технические статьи по различным видам спорта и статьи медико-профилактической тематики. Подавалась на страницах издания и публицистика: фельетоны А. Курдыдыка: «Первое изложение о спорте» (№ 4, 1931), «Второе изложение о спорте» (№ 5, 1931); стихи о спорте: И. Чернявой «Песня мышц» (№ 1, 1931), У. Кравченко «Из песен спортсменов» (№ 7, 1931), А. Курдыдыка «Идём» (№ 1, 1933), поэма Н. Лукияновича «Викинги» (№ 11, 1933), зарисовки Т. Франка «Спортивные миниатюры» (№ 18, 1933). Издание имело высокий аналитико-публицистический уровень статей. Информационные материалы были уникальными, что обусловливалось политикой редакции и подчёркивалось в статье «От редакции»: «... редакция желает иметь не только регистрационные, поверхностные уведомления о спортивных упражнениях и соревнованиях. Жаждем подробных докладов в форме образных фельетонов, критических заметок, индивидуальных советов, пожеланий, описаний» [Спортові Вісті, 1931, № 1]. В издании превалировала концепция спорта как воспитания («Будем лелеять спорт», № 2, 1933; «Олимпийская идея и мы», ч. VIII, 1933) и фактора развития языка («Спорт как творческий фактор языка», № 17, 1933). Содержались частые призывы к читателем о подписке на галицкие издания «Українське життя», «Вогні», «Кіно», «Літопис Червоної Калини», «Світ дитини».

Почти в каждом номере редакция размещала обращение к читателям с просьбой о подписке еженедельника. Но его финансовое положение ухудшалось. И. Парийчук отмечает: «Специфической чертой газеты стало создание сети добровольных корреспондентов, “спорткоров”, и подъём уровня издания к лучшим европейским образцам благодаря поставленным высоким требованиям к себе. Еженедельник пытался стать своеобразным центром организации активной спортивной жизни в крае. Однако препят-

ствием для этого послужило тяжёлое материальное положение ... и сложная политическая ситуация» [Парийчук, 2003, с. 230].

В 1931—1932 годах выходило издание «Спорт і Молодь» как приложение к газете «Вогні» под эгидой УСС. В. Ковпак отмечает, что «сочетание понятий “спорт” и “молодёжь» в названии приложения не было случайностью, поскольку редакция активно отстаивала идею о возможности молодёжи с помощью всестороннего спортивного воспитания создать сильную и прекрасную нацию» [Ковпак, 2008, с. 71]. Освещались такие виды спорта, как лёгкая атлетика, велоспорт, плавание, теннис, баскетбол, пропагандировались украинские и зарубежные соревнования. Ведущим автором был Э. Жарский. В материалах превалировала концепция спорта как залога здоровья («Ценность спорта», № 3, 1931) и средства воспитания («Спорт», № 1, 1931, «Физическое воспитание молодёжи», № 1, 1932, где отмечалось, что спорт может дать силу тела, красоту души, закалку, сформировать характер).

В течение 1934—1939 годов функционировало еженедельное приложение газеты «Новий Час» «Руханка і Спорт». На логотипе были изображены легкоатлет и футболист, что подчёркивало приоритетность этих видов спорта для газеты. Редактором и ведущим автором выступал Э. Жарский. Основными рубриками приложения были следующие разделы: «Из жизни обществ» (освещение соревнований «Пласта», «Сокола», «Карпатского Лыжного Клуба»), «Спортивные новости» (из Польши, СССР, Италии, Англии, Швеции, Германии, Бельгии, Франции, США, Канады, Японии), «Спортивная терминология» (разъяснение спортивных терминов из различных видов спорта), «Новые книги» (анонсы об украиноязычных спортивных книгах), «Из путешествий по родному краю» (путевые заметки В. Кострычина о достопримечательностях Галиции). В издании осуществлялась активная коммуникация с авторами, освещался мужской, женский, студенческий, школьный спорт, презентовались парадигмы спорта как условия здоровья и средства воспитания.

Интересно, что в небольшом по объёму издании освещался широкий спектр видов спорта: лыжный, конный и велоспорт, бокс, хоккей, настольный теннис, футбол, плавание, джиу-джитсу, волейбол, бейсбол, спортивный туризм, гимнастика, альпинизм, автомобилизм. Нельзя не отметить богатую жанровую палитру: информационные отчёты; репортажи; аналитические обзоры; открытые письма; проблемные, передовые, инструктивно-технические, спортивно-медицинские статьи, некрологи, путевые заметки и др. Особо стоит выделить жанр «лекции», изобретённый Э. Жарским («Удар в подбородок», № 3, 1934; «Как надо защищаться от бандитов. 8 лекций джиу-джитсу», № 26, 1934; «Шесть лекций бокса», № 28, 1934).

В конце 1934 года меняется редакционная политика издания, начинают появляться элементы желтой прессы (различные сенсации), подаётся хроника о количестве несчастных случаев на спортивных соревнованиях.

В 1934 году под патронатом УСС во Львове выходит еженедельник «Готові» (1934—1935), редакторами которого стали Е. Вреційона, С. Моисеевич, Р. Рыбачек. Авторы журнала: С. Гайдучок, Т. Лискевич, Э. Жарский, Б. Ситницкий, Б. Кабаривский, Д. Беленькая. Авторы литературных материалов: Б. Кравцов, У. Кравченко, М. Семенко, Т. Демчишин. Появление нового издания приветствовала газета «Руханка і Спорт» (1934, № 15): «Украинский Спортивный Союз возобновил выпуск постоянного спортивного журнала. 1 мая появился первый номер его органа “Готові”, содержание которого составляли статьи “Спорт в массы”, “Отличие спортивного искусства и его национально-воспитательное значение”, важные практические статьи “Заметки к деятельности секций копаного мяча” и “Труд в клубах”. Выпуск составлен живо и интересно. В статьях важно то, что предлагаются здравые взгляды на задачи украинского спорта, а не телячий восторг в адрес отдельных личностей с “талантом в ногах, а сеном в голове”. На передний план в статьях выходит забота об интересах нации в контексте воспитания тела, а не узкие интересы “спортивных” единиц. Поэтому и надо поручить этот журнал нашей молодёжи, которая найдет в нём много интересных и практичных вещей» [Руханка і Спорт, 1934, № 15]. Ведущей интенцией издания была борьба за массовость спорта, в частности, во вступительной статье «Спорт в массы» подчёркивалось, что спорт необходим для воспитания нации, формирования её характера, «ведь только нация, сложенная из полноценных единиц, сможет исполнить ту задачу, которую должна исполнить, если хочет занимать подобающее ей место на земле» [Руханка і Спорт, 1934, № 15].

Материалы журнала были представлены в рубриках «Правительственные Известия» (с подрубриками «Субреферат копаного мяча», «Спортивный Совет»), «Спортивная хроника», «Спортивные новинки», «Прессовое правительство» и др. Освещались соревнования по футболу, лёгкой атлетике, плаванию, лыжному и велоспорту, хоккею, баскетболу, волейболу, боксу, пинг-понгу, туризму (водному, лыжному и горному). Основные жанры: инструктивно-технические и историко-обзорные статьи. Журнал популяризовал книги журналистов / спортсменов по физвоспитанию и спорту («Відбиванка» С. Гайдучка, «Легкоатлетика» Э. Жарского) и газеты («Студентський Вісник», «Дажбог», «Рідний Грунт»), велась эффективная обратная связь с читателями через рубрики «Переписка редакции», «Переписка», «От редакции». Для оптимизации работы журнала редакция проводила различные конкурсы: «На самого точного репортера» (подписчи-

ка), «На наибольшее количество подписчиков», «На лучшую спортивную фотографию» — и награждала победителей призами, прежде всего книгами по физическому воспитанию. Кроме того, в журнале проводилось анкетирование «Наша анкета», читатели могли высказывать замечания и пожелания касательно функционирования издания, его содержания, формата, цены. Издание «Готові» наиболее часто из всех спортивных СМИ Галиции подвергалось конфискации за национально-патриотические мотивы.

Среди особенностей второго периода можно выделить активное формирование изданий спортивной тематики под патронатом спортивных обществ УСС, «Луг», «Сокол», «Пласт»; локализацию изданий во Львове (и, как исключение, в Ивано-Франковске); появление спортивных изданий узкого профиля (например, по шахматам — «Szachista» (1933—1935, 1938—1939); некоторые издания были ориентированы на разные типы аудиторий по гендерным («Жінка і Спорт», 1926) и возрастным характеристикам («Спорт і Молодь», 1931)); акцент на аксиологическом потенциале спорта; пропаганду массового спорта; освещение концепций спорта как фактора национального воспитания, духовного и физического здоровья, как моды (в газете «Жінка і Спорт», 1926) и искусства (в газете «Радіо-Фото-Кіно-Спорт», 1931); освещение соревнований как в Галиции, Польше, так и в УССР, Закарпатье, Буковине и диаспоре; формирование идейной группы авторов спортивных СМИ (И. Боберский, П. и Т. Франко, Э. Жарский, С. Гайдучок, К. Мулькевич, А. Курдыдык, ставших корифеями украинской спортивной прессы 1920—1930-х в Галиции и в 1940—1950-х годах — в украинской диаспоре Европы и США); публикацию материалов соборов из разных стран мира (Франции, Германии, Италии, США), сотрудничество со спортивными СМИ журналистов-женщин (Д. Беленькая, И. Чернявая, У. Кравченко и др., что было феноменальным явлением для спортивной прессы первой половины XX века), акцент на освещении спорта через призму юмора; превалирование публицистики (очерки, фельетоны, зарисовки, беллетристика); активную обратную коммуникацию с авторами и читателями и эффективные методы оптимизации СМИ, усиление национально-патриотических мотивов, следствием чего были случаи конфискации номеров. Конец периода «медовой эры» обусловлен цензурой: ликвидацией общества «Пласт» в Галиции в 1930 году, участвовавшей в конфискации изданий УСС и временными запретами этого общества польской властью в конце 1934 года.

5. Третий период. Стагнация и упадок спортивной прессы Галиции

Хронологические рамки периода охватывают 1935—1939 годы и демонстрируют стагнацию спортивной прессы Галиции, обусловленную

фактическим уничтожением в 1937 году «Украинского Спортивного Союза». В этот период появляется только четыре новых издания: «Спорт» (1936—1937), «Змаг» (1937—1939), «Ловецтво» (1937—1939) и «Фізичне виховання» (1939). Также продолжают функционировать четыре издания, уже осуществлявшие издательскую деятельность в предшествующий период: «Szachista» (1933—1935, 1938—1939), «Вісти з Лугу» (1926—1939), «Сокільські Вісти» (1928—1929, 1931—1939), «Пластові Вісти» (1934—1936). Несмотря на свою непродолжительность, этот период дал два оригинальных и самобытных журнала: «Спорт» (1936—1937) и «Змаг» (1937—1939).

Двухнедельник «Спорт» функционировал в течение 1936—1937 годов во Львове под эгидой УСС и редакцией Б. Ситницкого. Ведущими авторами издания были Б. Ситницкий, И. Козаченко, С. Мудрик, Я. Сиракуза, Д. Беленькая. В газете осуществлялась обратная связь с читателями, содержались анкеты с вопросами по оптимизации публикуемой информации. Основные рубрики издания: «Спортивная хроника», «Спортивные игры», «Из целого мира», «Правительственные вести», «Из жизни наших членов», «Спортивная жизнь», «Переписка», «К нашим читателям». Обсуждаемые темы касались разных видов спорта: футбола, гребли, лёгкой атлетики, волейбола, настольного тенниса, санного и лыжного спорта. Освещались соревнования украинских эмигрантов, галицкий и зарубежный спорт (в частности, в Финляндии, Норвегии, Германии, Японии). Среди жанров преобладали отчёты, репортажи, инструктивно-технические и спортивно-медицинские статьи, путевые заметки. Позиционировалась концепция спорта как средства воспитания. Редакция стремилась пробудить у читателей национальное сознание, например, в публикации «Где сила — там и свобода (воля) витает» подчёркивалось, что украинский народ должен быть сильным, поскольку только сильный может стать свободным, а сильный дух — это единственное средство для получения свободы [Спорт, 1936, № 10].

Как отметила О. Вацеба, важное место в издании было отведено «вопросам идеологического, программного, социального и воспитательного характера, в частности, в контексте развития и консолидации спортивного движения, его широкого распространения, взращивания волевых качеств спортсменов, воспитания молодёжи. Большой блок материалов газеты был насыщен вопросами учебно-методического, познавательного и медико-профилактического характера [Вацеба, 1997].

В 1937—1939 годах в Перемышле, а затем во Львове функционировал еженедельник «Змаг». Издатель журнала — С. Шах, главный редактор — Р. Сливка. В редколлегию входили также М. Куник, Е. Зибликевич и А. Ко-

стик. Авторы издания: Р. Сливка, Э. Жарский, Б. Лискевич, И. Смолий, Р. Купчинский, Т. Франко, А. Навроцкий, Г. Брунька, Эмбард. В редакционной статье «Наши позиции» подчёркивалось, что издание будет направлять свою деятельность в три русла: воспитательно-идеологическое, организационное и информационное. Ведущими задачами издания редакция определяла следующие: организовать и укрепить психологическую и материальную базу для развития галицкой физкультуры, утвердить место спорта в системе общественно-национальных ценностей, актуализировать объединяющие принципы для представителей различных звеньев украинского теловоспитания с целью их гармоничного и плодотворного существования, создать атмосферу взаимоуважения в спортивной среде, ознакомить читателей с известными украинскими и мировыми спортсменами, помочь галичанам, закарпатцам, буковинцам и украинцам в эмиграции самоидентифицироваться и поддерживать старые спортивные связи [Змаг, 1937, № 1].

В журнале были представлены рубрики «Последние известия», «Послушаем отчёты», «Шумно по сёлам», «Радиоуголок», «Врачебный уголок», «Из школьного спорта», «Футбол», «Бокс», «Пинг-понг», «Циклизм», «Борьба», «Лёгкая атлетика», «На ледяном зеркале», «Следом белого мячика». Освещались такие виды спорта, как футбол, лёгкая атлетика, хоккей, лыжный спорт, теннис, бокс, волейбол, гандбол, велоспорт. Большинство материалов издания представляли футбол, что позволяет говорить о «Змаге» как о завуалированном первом украинском футбольном журнале Западной Украины. Среди жанров преобладали отчёты, исследовательские, инструктивно-технические статьи, очерки, зарисовки, фельетоны и беллетристика. В журнале презентовались соревнования, проходившие в Галиции, СССР, Чехословакии, США и Канаде.

Редакция журнала «Змаг» (по примеру киевского издания «Красный спорт» (1922—1923) [Сазонова, 2014]) стремилась создать «энциклопедию украинского спортивного движения», поэтому обращалась ко многим спортивным обществам Галиции, СССР и эмиграции с просьбой присылать материалы об истории этих обществ и отдельных спортсменов. Журнал имел эффективную обратную коммуникацию через рубрики «Из писем в редакцию», «Переписка редакции», «Коммуникат» и «Переписка администрации», которые демонстрировали большое количество подписчиков издания из разных городов Европы (Брюсселя, Праги и др.). С изданием сотрудничали корреспонденты из разных городов Украины (Ужгорода, Черновцов, Ивано-Франковска, Тернополя и т. д.) и из-за рубежа (Праги, Будапешта, Лондона, Мюнхена, Гамбурга, Парижа, Нью-Йорка).

Характеризуя это издание, В. Ковпак отметил, что все материалы «Змага» затрагивали в основном аспекты массовости, распространения,

координации, консолидации и конкурентоспособности украинского физкультурного движения, развития спортивной прессы, морально-этического и ценностного фундамента физической культуры, физического развития молодёжи, финансового обеспечения клубов, строительства спортивных площадей [Ковпак, 2008].

В 1939 году выходит издание «Фізичне Виховання» как приложение газеты «Шлях Молоді». Само название передовой статьи «Воспитание нового человека» подтверждало декларируемый заголовком издания дидактический характер; в тексте отмечалось, что задачи физического воспитания состоят в том, чтобы обеспечить здоровье, телесную исправность и духовные принципы, посредством которых человек сможет лучше исполнить свой долг перед нацией. В приложении превалировали материалы по футболу, волейболу и лёгкой атлетике. Этот печатный орган стал последним спортивным изданием Галиции 1920—1930-х годов.

Среди особенностей третьего периода можно выделить репрезентацию в сфере СМИ узкотематических изданий по разным видам спорта: охота — («Ловецтво», 1937—1939), гимнастика — («Фізичне виховання», 1939), футбол — («Змаг», 1937—1939), шахматы — («Szachista», 1938—1939); акцент на национальных позициях через пропаганду лозунга «Где сила — там и свобода (воля) витает» и насаждение идеи, согласно которой через спорт закаляется сильный дух украинца и нации, что является фактором к обретению государственности; пропаганду идеи самоидентификации украинцев в разных частях мира; комплексное освещение различных видов спорта во многих странах мира; превалирование аналитико-публицистического дискурса; распространение галицких спортивных изданий в странах Европы (Бельгии, Чехословакии); расширение базы соборов галицких изданий в Европе (Венгрия, Чехословакия, Англия, Германия, Франция) и США; акцент на парадигме спорта как средстве воспитания индивида и нации и укрепления здоровья; попытки создания в галицкой региональной спортивной прессе «энциклопедии украинского спортивного движения». Конец периода обусловлен вхождением западноукраинских земель в 1939 году в состав СССР.

6. Заключение

Таким образом, проведённый нами анализ позволяет обозначить характерные особенности функционирования спортивного сегмента периодики Галиции 1920—1930-х годов в контексте спортивной прессы Украины первой половины XX века.

Динамика развития спортивной прессы Галиции может быть представлена через разработанную нами периодизацию, в рамках которой обо-

значаются периоды формирования, пика и стагнации спортивной прессы в регионе, в частности: I период (1918—1924) — генезис и формирование спортивной прессы в Галиции (появляется 7 спортивных СМИ); II период (1925—1934) — «медовая эра» развития спортивной периодики Галиции (функционирует 31 спортивное издание); III период (1935—1939) — стагнация и упадок спортивной прессы Галиции (выходят в свет всего 4 спортивных издания).

Социолтурные условия, в которых развивалась спортивная журналистика в Галиции, были сходны с ситуацией в данной отрасли в других регионах Украины. В Галиции в 1920—1930-е годы спортивные издания подвергались цензуре и конфискации со стороны польских властей, закрывались спортивные общества, отстаивавшие украинскую национальную идею, что затрудняло развитие спортивной периодики. В УССР спортивная журналистика была также под надзором цензурных комитетов, кроме того, спад активности спортивной журналистики в УССР в 1937—1938 годах был обусловлен репрессиями против спортивных журналистов. В то же время только спортивная пресса Галиции активно отстаивала национальную идею, через спорт призывая украинцев к сохранению идентичности, единству и обретению независимости.

Все спортивные СМИ региона можно разделить на три группы: 1) самостоятельные СМИ (26 изданий); 2) «однодневки» (4 издания); 3) издания-приложения (12). Спортивная пресса в Галиции, не имея государственной поддержки, существовала только в силу инициативности гражданского общества. Иначе говоря, она не была институциональной: в Польше не принималось никаких законов, постановлений, декретов для её развития (как это наблюдалось в УССР в аналогичный период, где издано более 15 постановлений ЦК КПСС СССР и УССР и ВСФК о развитии спорта и физической культуры [Зуев, 2002]). Не было в Галиции и руководящего спортивного органа (наподобие ВСФК в УССР), который инициировал бы развитие спортивной прессы, но всё же функционировало много спортивных обществ («Пласт», «Луг», «Сечь», «Сокол», «Украинский Спортивный Союз»), издававших собственные спортивные СМИ на некоммерческой (идейной) основе.

Практически все спортивные СМИ Галиции (38 из 42) локализовались во Львове (исключение составляют ивано-франковские газеты: «Соколи, соколи!», «Український Пласт» и коломиевский журнал «Січковий голос»), что позволяет говорить о централизации западноукраинской спортивной журналистики (это является феноменальным фактом, поскольку спортивная пресса УССР была региональной, децентрализованной и функционировала в 14 городах). По количественным показателям

в Галиции выходило меньше спортивных изданий, чем в УССР (42 против 63 в УССР [Сазонова, 2014]), но в среднем на душу населения показатели спортивного сегмента по тиражам изданий в Галиции превосходили показатели в УССР.

Все спортивные издания Галиции представляли собой непродолжительные информационные проекты, которые реализовывались от одного до трёх лет (исключения — «Сокільські Вісти» та «Вісти з Лугу»). Спортивная пресса УССР аналогичного периода имела и более длительные проекты: «Фізкультура і спорт» (1922—1940, 1955—1999), «Вестник физической культуры» (1922—1931), «Спорт» (1922—1941), «Спортивна газета» (1934—1939, 1949—2008), но в большинстве своем спортивные издания УССР также были кратковременными.

Галицкая спортивная пресса этого периода издавалась на украинском языке, то есть была молилингвальной; исключения составляют два польскоязычных журнала «Przewodnik gimnastyczny Sokil» 1918, 1926—1928, 1931 годов и «Szachista» 1933—1935, 1938—1939 годов. Спортивная периодика УССР выходила как на украинском, так и на русском языке (в частности, из 63 спортивных изданий 22 функционировали на русском языке), что позволяет считать спортивную прессу УССР билингвальной.

Большинство спортивных СМИ Галиции были универсальными по тематике (из 42 изданий только шесть были узкоотраслевыми: 3 — посвященные гимнастике («Przewodnik gimnastyczny Sokil», «Руханковий додаток Сокільських Вістей», «Фізичне виховання»), 1 — охоте («Ловецтво»), 1 — шахматам («Szachista»), 1 — футболу («Змаг», но завуалировано)). В системе галицкой спортивной прессы функционировали СМИ, различные в отношении характеристик аудитории: для женщин — «Жінка і Спорт», для молодёжи — «Спорт і Молодь», аналогов которым не было в УССР. Однако в системе спортивной прессы Галиции не было такого сегмента, как физкультурно-производственная периодика, составлявшая существенную часть спортивной журналистики УССР.

Ведущими разделами в западноукраинских спортивных изданиях были рубрики общего характера: «Спортивна жизнь в крае», «Из жизни наших членов», «Вести из “Сокола-Отца”», «Из украинской прессы», «Обзор заграничного спорта», «Обзор польского спорта», «Из путешествий по родному краю», «Спортивная терминология»; рубрики юмора и медицины: «Спортивный юмор», «Курсы для воспитания тела», «Врачебный уголок»; рубрики, предназначенные для определенной аудитории: «Спортивная жизнь студентов», «Из школьного спорта»; а также рубрики, специализированные по видам спорта: «Футбол», «Бокс», «Пинг-понг», «Легкая атлетика», «На ледяном зеркале», «Шахматные вести». В спортивной прессе

УССР среди наиболее распространенных рубрик назовём «Научные статьи», «Красная армия и спорт», «Всеобуч и допризывная подготовки молодёжи», «Официальный отдел», «По СССР», «Рабочий спорт на Западе», «Буржуазный спорт на Западе», «Детское движение», «Спорт и здоровье», «К турниру заводов-гигантов», «Сельспартиада». Среди общих тенденций обоих регионов относительно содержания изданий следует отметить акцентуацию на спортивно-медицинских материалах (о пользе разных видов спорта, их влиянии на организм человека для профилактики, лечения болезней) и ориентацию на разные целевые группы по возрастному принципу (для детей, школьников, студентов). Отличительными чертами содержания прессы Галиции и УССР являются милитаризованность изданий УССР; репрезентация научных материалов и освещение спортивных соревнований на предприятиях в прессе УССР; отсутствие рубрик спортивной юмористики и спортивной терминологии в прессе УССР, характерных для многих спортивных изданий Галиции.

В спортивной прессе Галиции сотрудничали спортсмены, теоретики физической культуры и спорта, в частности, И. Боберский, Э. Жарский, С. Гайдучок, С. Попель, Т. и П. Франко (сыновья поэта и писателя И. Франко). Особенно значимой была фигура Э. Жарского, который являлся журналистом или редактором практически всех спортивных изданий Галиции, автором учебников по физическому воспитанию. С каждым вторым спортивным СМИ Галиции сотрудничали Т. и П. Франко. Аналогичная тенденция наблюдалась в спортивной прессе УССР 1920—1930-х годов, где редакторами и ведущими журналистами были спортсмены и теоретики физической культуры и спорта, в частности, В. Блях, В. Бедункевич, Л. Ордин, В. Соха, А. Безруков, А. Старостин, Ф. Богатырчук. Отличительными чертами СМИ Галиции являлось сотрудничество со спортивными изданиями журналистов-женщин (Д. Беленькая, И. Чернявая, У. Кравченко) и широкая база соборов из разных стран мира (Венгрии, Чехословакии, Англии, Германии, Франции, Италии, США).

Обратная связь с читателями была организована через такие рубрики в изданиях Галиции, как «Переписка редакции», «Из писем в редакцию», «Переписка», «К нашим читателям», «Наш почтовый ящик», «Коммуникат». Достаточно эффективной была обратная связь и в спортивной прессе УССР, которая реализовалась в рубриках «Почтовый ящик» и «Письма в редакцию». Благодаря этим рубрикам редакции активно коммуницировали на страницах изданий с читателями и авторами, проводили анкетирование читателей, улучшали качество своих материалов, художественное оформление.

Основные виды спорта, которым были посвящены публикации в спортивной прессе Галиции: копанный мяч (футбол), руханка (гимнастика), лёг-

как атлетика, шахматы, плавание, велосипедный, конькобежный, лыжный спорт, теннис, бокс, борьба, волейбол, баскетбол, гандбол, хоккей, туризм, джиу-джитсу. Если говорить об отличительных характеристиках, то надо отметить, что спортивная пресса Галиции широко освещала соревнования по копаному мячу (футболу), в то время как в УССР в 1920—1930-х годах футбол считался вредным видом спорта и в газетах даже велась борьба с «футболоманией». Идентичная ситуация в УССР была и с боксом, который воспринимался как буржуазный вид спорта и мало освещался в СМИ, однако в галицкой спортивной прессе боксу уделялось внимание как одному из самых популярных видов спорта. Комментируя общие черты галицкой и в целом украинской спортивной прессы, отметим, что в той и другой одним из наиболее репрезентативных видов спорта были представлены шахматы, который позиционировались как направление спорта, способствующее массовому интеллектуальному развитию населения. Общей чертой спортивной прессы Галиции и УССР также были лозунги за массовость спорта.

Спортивная журналистика Галиции широко освещала спорт в Советской Украине, Буковине, Закарпатье и в эмиграции, что свидетельствовало о попытке галицких СМИ поддерживать связи с украинцами, проживающими в разных регионах страны и мира, для сохранения единства нации. В то же время спортивные издания УССР до 1939 игнорировали соревнования, проводившиеся на Западной Украине.

Среди жанров в изданиях Галиции преобладали репортажи, информационные и аналитические отчёты, обзоры прессы, передовые, проблемные, инструктивно-технические, спортивно-медицинские статьи, путевые заметки, фельетоны, беллетристика. Более широкая жанровая парадигма была присуща спортивным изданиям УССР, где были также представлены пропагандистско-агитационные, научно-методические статьи, портретные и путевые очерки, дневники, шаржи. Для спортивных изданий как Галиции, так и УССР было характерным отсутствие материалов в жанре интервью.

Спортивные СМИ Галиции отличались особой религиозностью: концепты БОГ, ХРИСТИАНСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ и МОРАЛЬ были перманентно присущи содержанию многих спортивных изданий региона. Особое внимание уделялось освещению женского спорта, подчёркивалось, что от женщин зависит сила нации. В спортивной прессе УССР эти аспекты не затрагивались.

Спортивная пресса Галиции представляла концепции спорта как: 1) средства воспитания индивида и нации; 2) условия духовного и физического здоровья; 3) моды; 4) спектакля; 5) искусства. Особенно значимой была концепция спорта как воспитания украинского патриота. Ввиду отсутствия государственности спортивные издания региона акцентировали

внимание на победах украинцев в спорте, способствуя стабилизации психологического тонуса галичан, осознанию себя нацией и, главным образом, самоидентификации и объединению украинцев. Спорт в прессе Галиции не только концептуализировался как показатель жизнеспособности, живучести нации, престижа, достоинства, имиджа украинцев, но и способствовал воспитанию сильного духом и физически молодого поколения.

Источники и принятые сокращения

1. *Готові* : журнал. — Львов, 1934—1935.
2. *Жінка і Спорт* : газета. — Львов, 1926.
3. *Змаг* : журнал. — Перемишль-Львов, 1937—1939.
4. *Руханка і Спорт* : газета. — Львов, 1934—1939.
5. *Руханково-Спортовий Вісник* : газета. — Львов, 1922—1923.
6. *Сокільські Вісти* : газета. — Львов, 1928—1939.
7. *Спорт і Молодь* : газета. — Львов, 1931—1932.
8. *Спорт : журнал присвячений усім ділянкам спорту* : журнал. — Львов, 1925—1926.
9. *Спорт* : журнал. — Львов, 1936—1937.
10. *Спортові Вісті* : газета. — Львов, 1931—1933.
11. *Фізичне Виховання* : газета. — Львов, 1939.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бойко О. Д.* Історія України : навч. посіб. / О. Д. Бойко. — Киев : Академвидав, 2007. — 687 с.
2. *Вацеба О. М.* Нариси з історії спортивного руху в Західній Україні / О. М. Вацеба. — Ивано-Франковск : Лілея-НВ, 1997. — 232 с. — ISBN 966-7263-14-2.
3. *Владимиров В. М.* Історія української журналістики (1917—1991) : навч. посіб. / В. М. Владимиров. — Киев : МАУП, 2007. — 174 с. — ISBN 966-608-700-6.
4. *Гайдучок С.* Півстоліття сокільських видань : бібліографічна збірка / С. Гайдучок. — Львов, 1937. — 64 с.
5. *Жарський Е.* До історії нашого спорту / Е. Жарський // Спортовий репортер. — 1956. — № 1. — С. 6—7.
6. *Животко А. П.* Історія української преси / А. П. Животко. — Киев : Наша культура і наука, 1999. — 360 с.
7. *Житарюк М. Г.* Великий спорт і мас-медіа / М. Г. Житарюк. — Львов : Світ, 1997. — 84 с.
8. *Зуев В. Н.* Нормативно-правовые акты в регуляции управления отечественной сферой физической культуры и спорта / В. Н. Зуев // Теория и практика физической культуры. — 2002. — № 7. — С. 46—58.
9. *Ковпак В. О.* Українська спортивна періодика Галичини 20—30 рр. XX ст. / В. О. Ковпак. — Львов : «Науково-дослідний центр періодики», 2008. — 234 с. — ISBN 978-966-02-4673-7.
10. *Кость С. А.* Історія української журналістики (західноукраїнська преса першої половини XX ст. : структура, проблематика. Книга перша) / С. А. Кость. — Львов : Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2008. — 217 с. — ISBN 978-966-613-596-7.

11. Кулик Я. Л. Історія виникнення й розвитку фізичної культури та спорту на Україні / Я. Л. Кулик. — Вінниця : Логос, 1997. — 133 с.
12. Леоненко А. Передумови виникнення та розвиток фізкультурно-спортивного руху «Сокіл» / А. Леоненко // Молода спортивна наука України. — 2003. — Вип. 7. — Т. 1. — С. 214—217.
13. Парійчук І. «Спортові Вісті» — як предтеча західно-української спортивної журналістики першої третини ХХ століття / І. Парійчук // Молода спортивна наука України. — 2003. — Вип. 7. — Т. 1. — С. 221—230.
14. Романюк М. М. Українські часописи Львова 1848—1939 рр. : Історико-бібліографічне дослідження / М. М. Романюк, М. В. Галушко. — Львов : Світ, 2002. — 692 с. — ISBN 966-603-146.
15. Сазонова Ю. А. Зарождение и формирование украинской спортивной прессы на территории Галиции (конец XIX — начало XX в.) / Ю. А. Сазонова // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. — 2015. — № 3. — С. 85—91.
16. Сазонова Ю. А. Спортивная пресса УССР 1920—30-х годов : типология, периодизация, особенности развития, историко-функциональный аспект / Ю. А. Сазонова // Вестник Московского университета. Серия Журналистика. — 2014. — № 3. — С. 119—134.
17. Jarowiecki J. Dzieje prasy polskiej we Lwowie do 1945 roku. / J. Jarowiecki. — Wrocław : Edukacja, 2008. — 502 p.
18. Miśiło E. Prasa ukraińska w Polsce (1918—1939) / E. Miśiło // Kwartalnik Historii Prasy Polskiej. — 1984. — № 4. — Pp. 57—88.
19. Myśliński J. Prasa Galicji w dobie autonomicznej / J. Myśliński // Zarys Historii Prasy Polskiej. — 1972. — № 6. — Pp. 66—67.

MATERIAL RESOURCES

Competition: magazine. (1937—1939). Przemysl-Lviv. (In Ukr.).
Exercise and sports: newspaper. (1934—1939). Lviv. (In Ukr.).
Physical Education: newspaper. (1939). Lviv. (In Ukr.).
Ready: log. (1934—1935). Lviv. (In Ukr.).
Rukhankovo-Sportovyy Vestnik: Gazeta. (1922—1923). Lviv. (In Ukr.).
Sokolsky Vesti: Gazeta. (1928—1939). Lviv. (In Ukr.).
Sport and Youth: newspaper. (1931—1932). Lviv. (In Ukr.).
Sports: the magazine is dedicated to all areas of sports: the magazine. (1925—1926). Lviv. (In Ukr.).
Sport: magazine. (1936—1937). Lviv. (In Ukr.).
Sports News: Gazeta. (1931—1933). Lviv. (In Ukr.).
Women and sports: newspaper. (1926). Lviv. (In Ukr.).

REFERENCES

Boyko, O. D. (2007). *History of Ukraine: textbook*. Kiev: Akademizdat publ. 687 p. (In Ukr.).
Gaiduchok, S. (1937). *Half a century of Sokolsky publications: a bibliographic collection*. Lviv. 64 p. (In Ukr.).
Jarowiecki, J. (2008). *History of the Polish press in Lviv until 1945*. Wrocław: Education. 502 p. (In Polis.).

- Kostya, S. A. (2008). *History of Ukrainian journalism (western Ukrainian press of the first half of the twentieth century: structure, problematics. Book One)*. Lviv: Publishing center of LNU named after I. Franko. 217 p. ISBN 978-966-613-596-7. (In Ukr.).
- Kovpak, V. A. (2008). *Ukrainian sports periodicals of Galicia 20—30 PP. XX St.* Lviv: “Scientific research center of periodicals”. 234 p. ISBN 978-966-02-4673-7. (In Ukr.).
- Kulik, Ya. L. (1997). *History of the emergence and development of Physical Culture and sport in Ukraine*. Vinnytsia: Logos publ. 133 p. (In Ukr.).
- Leonenko, A. (2003). Prerequisites for the emergence and development of the physical culture and sports movement “Sokol”. *Young sports science of Ukraine*, 7 (1): 214—217. (In Ukr.).
- Misiło, E. (1984). Ukrainian press in Poland (1918—1939). *Kwartalnik historii Presy polskiej*, 4: 57—88. (In Polis.).
- Myśliński, J. (1972). Press of Galicia in the autonomous era. *Outline of the history of the Polish press*, 6: 66—67. (In Polis.).
- Pariychuk, I. (2003). “Sports News” — as a forerunner of western Ukrainian sports journalism of the first third of the XX century. *Young sports science of Ukraine*, 7 (1): 221—230. (In Ukr.).
- Romanyuk, M. M., Galushko, M. V. (2002). *Ukrainian journals of Lviv 1848—1939: historical and bibliographic research*. Lviv: Mir publ. 692 p. ISBN 966-603-146. (In Ukr.).
- Sazonova, Yu. A. (2014). Sports press of the USSR of the 1920s — 30s: typology, periodization, features of development, historical and functional aspect. *Bulletin of the Moscow University. Journalism series*, 3: 119—134. (In Russ.).
- Sazonova, Yu. A. (2015). The origin and formation of the Ukrainian sports press on the territory of Galicia (late XIX — early XX century). *Bulletin of the Belarusian State University. Series 4. Philology. Journalism. Pedagogy*, 3: 85—91. (In Russ.).
- Vatseba, O. M. (1997). *Essays on the history of sports movement in western Ukraine*. Ivanovo-Frankovsk: Lilia-NV. 232 p. ISBN 966-7263-14-2. (In Ukr.).
- Vladimirov, V. M. (2007). *History of Ukrainian journalism (1917—1991)*. Kiev: IAPM publ. 174 p. ISBN 966-608-700-6. (In Ukr.).
- Zharsky, E. (1956). To the history of our sport. *Sports reporter*, 1: 6—7. (In Ukr.).
- Zhitaryuk, M. G. (1997). *Bolshoy sport and mass media*. Lviv: Mir publ. 84 p. (In Ukr.).
- Zhivotko, A. P. (1999). *History of the Ukrainian press*. Kiev: Our culture and science. 360 p. (In Ukr.).
- Zuev, V. N. (2002). Normative legal acts in the regulation of the management of the domestic sphere of physical culture and sports. *Theory and practice of physical culture*, 7: 46—58. (In Russ.).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

.....

Александр Александрович Валитов, канд. истор. наук (Тюмень, Россия)
Амерби Хазретович Кармов, канд. истор. наук (Нальчик, Россия)
Анастасия Владимировна Тиховодова, канд. филос. наук (Н. Новгород, Россия)
Василий Жанович Цветков, д-р истор. наук (Москва, Россия)
Вероника Сергеевна Назарова, старш. преп. (Ростов-на-Дону, Россия)
Виктор Викторович Клочков, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону, Россия)
Дарья Юрьевна Федотова, канд. филол. наук (Тюмень, Россия)
Дмитрий Андреевич Пешков, аспирант (Владивосток, Россия)
Дмитрий Сергеевич Федотьев, ассистент (Санкт-Петербург, Россия)
Зайтуна Аптрашитовна Тычинских, канд. истор. наук (Тобольск, Россия)
Иван Иванович Ковлеков, д-р техн. наук (Якутск, Россия)
Ирина Васильевна Яркова, канд. истор. наук (Тюмень, Россия)
Константин Брониславович Корженевский, преп. (Нижевартовск, Россия)
Константин Владимирович Самохин, канд. истор. наук (Тамбов, Россия)
Людмила Николаевна Суслова, канд. истор. наук (Тюмень, Россия)
Марина Юрьевна Лаптева, д-р истор. наук (Тюмень, Россия)
Наталия Ивановна Бурнашева, д-р истор. наук (Якутск, Россия)
Наталья Васильевна Кабакова, канд. истор. наук (Омск, Россия)
Николай Сергеевич Байкалов, канд. истор. наук (Улан-Удэ, Россия)
Оксана Петровна Федирко, д-р истор. наук (Владивосток, Россия)
Светлана Раиловна Муратова, канд. истор. наук (Тобольск, Россия)
Фёдор Алексеевич Попов, аспирант (Москва, Россия)
Цыден Солбонович Очиров, аспирант (Улан-Удэ, Россия)
Юрий Евгеньевич Кондаков, д-р истор. наук (Санкт-Петербург, Россия)

Байкалов Н. С. Система бытового обслуживания населения районов строительства западного участка БАМа (1974—1989) / Н. С. Байкалов // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 257—277. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-257-277.

Baikalov, N. S. (2021). System of Consumer Services for Population of Western Section of BAM Construction Areas (1974—1989). *Nauchnyi dialog*, 9: 257-277. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-257-277. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-257-277

Система бытового обслуживания населения районов строительства западного участка БАМа (1974—1989)

Байкалов Николай Сергеевич
orcid.org/0000-0002-2511-9003
кандидат исторических наук, доцент
baikalov@bsu.ru

Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
финансовой поддержке РФФИ и
Правительства РБ, проект № 18-49-
030010p_a

System of Consumer Services for Population of Western Section of BAM Construction Areas (1974—1989)

Nikolay S. Baikalov
orcid.org/0000-0002-2511-9003
PhD in History, Associate Professor
baikalov@bsu.ru

Buryat State University
named after D. Banzarov
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR
and the Government of the Republic
of Buryatia, project number 18-49-
030010r_a

© Байкалов Н. С., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена истории организации бытового обслуживания населения в районах сооружения западного участка БАМа в 1974—1989 годах. Рассматриваются особенности материально-технического обеспечения службы быта, проблемы комплектования кадров, структура и динамика услуг в городах и поселках строителей. Отмечается, что сеть предприятий бытового обслуживания проектировалась во временном варианте на период возведения магистрали. Показано, что отставание в ее развитии было вызвано отраслевым механизмом управления стройкой, корректировками проектно-сметной документации, сокращением финансирования гражданского строительства. Подчеркивается, что в отличие от других объектов социальной сферы, получавших поддержку общесоюзных министерств, организация службы быта находилась в территориальном ведении. Показано, что в бытовом обслуживании населения зоны стройки выявлялись такие проблемы, как недостаток производственных площадей, материалов и комплектующих, незначительная степень механизации и автоматизации труда, высокая кадровая текучесть. Автор приходит к выводу, что попытки реформирования отрасли во второй половине 1980-х годов не смогли значительно повысить эффективность службы быта в связи с завершением строительства БАМа и одновременным кризисом советской системы.

Ключевые слова:

Байкало-Амурская железнодорожная магистраль; районы нового хозяйственного освоения; сфера обслуживания; советский сервис; служба быта; дома быта; комбинаты бытового обслуживания; платные услуги.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the history of the organization of consumer services for the population in the areas of construction of the BAM western section in 1974—1989. The features of the material and technical support of the household service, the problems of staffing, the structure and dynamics of services in cities and townships of builders are considered. It is noted that the network of consumer services enterprises was designed in a temporary version for the period of construction of the main railway. It is shown that the lag in the development of the public services system was caused by the sectoral mechanism of construction management, adjustments to design estimates, and a reduction in funding for civil construction. It is emphasized that, unlike other objects of the social sphere, which received the support of the all-Union ministries, the organization of the welfare service was under the territorial jurisdiction. In consumer services for the population of the construction site, such problems as a lack of production space, materials and components, an insignificant degree of mechanization and automation of labor, and a high staff turnover have been identified. Summing it up, the author comes to the conclusion that attempts to reform the industry in the second half of the 1980s could not significantly increase the efficiency of the household service in connection with the completion of the BAM construction and the simultaneous crisis of the Soviet system.

Key words:

Baikal-Amur Mainline; areas of new economic development; service sector; Soviet service; household service; consumer services; consumer services factories; paid services.

Система бытового обслуживания населения районов строительства западного участка БАМа (1974—1989)

© Байкалов Н. С., 2021

1. Введение

Бытовое обслуживание в СССР представляло собой относительно молодую отрасль народного хозяйства страны, появившуюся в ходе реализации серии постановлений партии и правительства в 1960-х годах. В этот период разрозненные отраслевые группы бытовых услуг начали консолидироваться в самостоятельную отрасль путем передачи предприятий из ведения различных министерств и ведомств в главные управления бытового обслуживания населения при советах министров союзных республик (с 1965 года — отраслевые республиканские министерства быта). Кардинальное значение в становлении новой отрасли народного хозяйства имело постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 10 августа 1962 года «О дальнейшем улучшении бытового обслуживания населения», которым были предусмотрены государственные капитальные вложения для расширения и укрепления материально-технической базы службы быта. В системе Минбыта РСФСР, доля которого в общем объеме реализации бытовых услуг в республике достигла более 70 %, было организовано свыше 200 отраслевых производственных объединений и ремонтно-строительных трестов по различным видам услуг, широкое распространение получили дома бытовых услуг (дома быта) и комбинаты бытового обслуживания (КБО). Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 26 августа 1967 года «О мерах по дальнейшему развитию бытового обслуживания населения» была поставлена задача превращения службы быта в крупную механизированную отрасль народного хозяйства. Для этого с 1968 года крупные предприятия бытового обслуживания имели право всю свою прибыль направлять на расширение предлагаемых работ и услуг, действующей сети приемочных пунктов, а также приобретение оборудования и т. д.

Служба быта являлась уникальной отраслью экономики, в которой было сконцентрировано все, что имело отношение к повседневному быту человека [Журавлев и др., 2013, с. 159]. Традиционно бытовые услуги разделялись на работы промышленного характера (пошив и ремонт одежды или обуви, ремонт бытовой техники и телерадиоаппаратуры, химчистка) и непромышленные виды бытового обслуживания (фотография, парикмахерская, прокат). Все вышеназванные работы рассматривались в местном

делопроизводстве в разделе «Бытовое обслуживание». Бани, прачечные и гостиницы относились к перечню вопросов, касавшихся жилищно-коммунального хозяйства [Симанова, 2017, с. 91]. Столь неопределенный правовой статус сферы быта заставлял исследователей рассматривать бытовое обслуживание населения, с одной стороны, как самостоятельную отрасль хозяйства, а с другой — как составную часть сферы общественного обслуживания населения наряду с ЖКХ, торговлей, общественным питанием и городским транспортом [Орлов, 2011, с. 41—42].

Длительное время система бытового обслуживания в СССР находилась на периферии исследовательских интересов. Отдельных аспектов темы касались авторы работ, посвященных вопросам социалистического строительства, индустриального развития, формирования рабочего класса. Внимание к истории бытового обслуживания советских граждан возрастает в 1980-х — начале 1990-х гг., что было связано с общим интересом к проблемам сервиса и культуры потребления в СССР на фоне экономических и политических реформ периода перестройки и постсоветского времени. В большинстве работ освещались вопросы партийного и советского руководства организацией и развитием службы быта в различных регионах страны, в том числе в Западной и Восточной Сибири. Если в работах рубежа 1970—1980-х годов продемонстрированы главным образом достижения советской системы бытового обслуживания [Майдан, 1978; Куксанова, 1980], то в более поздних исследованиях усилился критический подход к оценке работы партийных организаций по управлению бытовым обслуживанием в ряде регионов страны, подчеркивался противоречивый характер развития отрасли [Яковлева, 1988; Метелев, 1991; Смурова, 1992].

К. А. Широков отмечал: «Несмотря на высокие устойчивые темпы развития, потребности населения в бытовом обслуживании удовлетворялись далеко не в полной мере», что было связано с «серьезными просчётами и ошибками в политике обобществления сферы бытовых услуг ..., породившей чрезмерно централизованный, неэффективный механизм хозяйствования в экономике страны» [Широков, 1990, с. 2]. И. А. Обертяева обратила внимание на то, что со второй половины 1970-х годов нарастала тенденция снижения спроса на бытовые услуги. По мере наращивания объемов бытовых услуг их качество и культура обслуживания все больше не удовлетворяли заказчиков, а частичные улучшения, вызванные деятельностью местных и центральных партийных и государственных органов, оказались неэффективными [Обертяева, 1991, с. 198—199].

Противоречивым оценкам историков подверглась система бытового обслуживания, сформировавшаяся во второй половине XX века в Сибири и на Дальнем Востоке. С. С. Букин и В. И. Исаев отмечают, что в середине

1970-х годов в регионе сложилась разветвленная сеть предприятий бытового обслуживания: в Западной Сибири их количество составило 11,6 тыс., в Восточной — 6,5 тыс. К 1980 году объем услуг на душу населения увеличился по сравнению с 1965 годом более чем втрое [Букин и др., 2006, с. 39]. Н. В. Куксанова, напротив, делает вывод, что в сибирских городах становление системы бытового обслуживания не принесло «осязаемых результатов» для массовых потребителей. Организация предприятий быта и оценка их деятельности ориентировали отрасль на валовые показатели в ущерб интересам граждан. На протяжении 1950—1980-х годов сибирский регион не только существенно отставал от среднероссийского уровня по обеспеченности населения предприятиями быта, но и имел более скромную структуру предоставляемых услуг. Незначительным ростом характеризовалась доля затрат на бытовые услуги в структуре расходов населения [Куксанова, 1993, с. 207—208].

Особым образом служба быта развивалась в районах пионерного и нового хозяйственного освоения, где в большинстве случаев она ранее не существовала и формировалась практически «на пустом месте». Исследователи отмечали, что социально-бытовая сфера на данных территориях финансировалась «по остаточному принципу» и не в полной мере отвечала потребностям граждан, что препятствовало закреплению населения на данной территории и нередко приводило к его оттоку [Чернова, 2001, с. 212—213].

Целью настоящей работы является изучение особенностей организации бытового обслуживания населения в условиях района нового освоения на материалах одного из крупнейших строительных проектов позднесоветского периода — Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (далее — БАМ). Территориальные рамки исследования охватывают западный участок БАМа в границах, определенных ИЭОПП СО РАН, и включают притрассовые районы от Усть-Кута до Тынды. Выбор западного участка связан с тем, что на данных территориях магистраль сооружалась методом комсомольской стройки и это требовало развертывания в зоне строительства сети предприятий бытового обслуживания. Для сравнения также привлекались данные по восточному участку БАМа (от Тынды до Комсомольска-на-Амуре), где строительство осуществлялось силами железнодорожных войск и служба формировалась в «усеченном варианте».

Хронологически исследование ограничено периодом осуществления Всесоюзной ударной комсомольской стройки с 1974 по 1989 годы. Начальная граница определяется временем выхода постановления ЦК КПСС и СМ СССР № 561 «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» (8 июля 1974 года). В качестве верхней границы выбран 1989 год, когда пусковой комплекс БАМ был сдан в постоянную эксплуатацию.

Методология работы лежит в области пересечения документальной истории и современных подходов, основанных на устно-исторической и историко-антропологической традициях. Эмпирическую базу исследования составили материалы центральных, региональных и муниципальных архивов районов, пересеченных трассой БАМа. В выявленном комплексе документов основное место принадлежит организационно-распорядительной и отчетной документации районных, городских и поселковых советов народных депутатов, а также партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Наряду с архивными документами в работе были использованы воспоминания и рассказы бывших строителей, собранные автором в ходе полевых работ в городах и поселках западного участка БАМа.

2. Организация службы быта

В системе бытового обслуживания специалисты выделяют четыре уровня: крупные предприятия областных центров, объединявшие фабрики трикотажных изделий, химчистку, ремонт теле-радиотехники; предприятия районных центров, где наиболее распространенными были парикмахерские, бани, прачечные; отдельные мастерские по пошиву и ремонту одежды, обуви; стационарные приемные пункты в небольших поселениях [Ложкина, 2011, с. 64].

В условиях районов сооружения БАМа, характеризовавшихся суровостью климата, низкой плотностью населения, удаленностью от развитых промышленных центров, требовалась многоуровневая организация бытового обслуживания. С первых дней стройки в палаточных лагерях строителей были организованы специальные «палатки быта», куда приезжали специалисты бытовой службы из районных центров или близлежащих поселков. Темпы трудовой миграции в районы строительства опережали развертывание объектов социальной инфраструктуры. Мощностей местных предприятий быта не хватало. Например, в г. Усть-Куте было сосредоточено более 24 тыс. строителей, для которых не было построено ни одного нового здания службы быта [АО УКМО, ф. р-29, оп. 1, д. 190, л. 136—137]. В Казачинско-Ленском районе Иркутской области собственная служба быта вообще отсутствовала и население обслуживалось силами филиала РКБО соседнего Киренского района [АО КЛИР, ф. р-1, оп. 1, д. 347, л. 171]. Строители бурятского участка БАМа обслуживались сетью предприятий Северо-Байкальского РКБО, которая первоначально также оказалась неготовой к резкому росту населения, испытывала недостаток производственных площадей, квалифицированных специалистов и оборудования [УКАД СБМО, ф. р-1, оп. 1, д. 339, л. 156]. В результате в обслуживании отдаленных участков случались перебои. Например, в местностях

Янчуй и Гаинда рабочие в течение двух-трех месяцев ни разу не мылись, не получали сменного белья и не обслуживались парикмахерами [ГАРБ, ф. п-8, оп. 8, д. 3, л. 5—6].

В целях улучшения бытового обслуживания Минбытом РСФСР совместно с ГлавБАМСтроем было разработано положение «О порядке организации бытового обслуживания транспортных строителей БАМ», предусматривавшее выделение помещений для предприятий и жилья для работников службы быта, транспортных средств для организации выездного обслуживания. Однако проверки, проведенные в 1975—1976 годах, показали, что облисполкомы Иркутской, Читинской, Амурской областей и Совет министров Бурятской АССР не выполнили обязательств по капитальному строительству объектов службы быта. Стационарная сеть предприятий службы быта не была организована в поселках Кунерма и Ния Иркутской области, Бельнская, Зейск, Февральск Амурской области, а также на бурятском и читинском участках стройки. При этом в ряде районов отсутствовало выездное обслуживание строителей [ГАХК, ф. р-2021, оп. 1, д. 9, л. 3—4]. В результате Комиссия Совета Министров РСФСР по вопросам строительства БАМ и развития хозяйства в районе ее сооружения приняло решение обязать Минбыт РСФСР и ГлавБАМСтрой разработать в двухмесячный срок «схему развития службы быта в районах БАМа» и перечень объектов, подлежащих строительству в 1976—1977 годах. В соответствии с данным решением Госплан РСФСР выделил автомобили УАЗ-469 для организации выездного обслуживания рабочих на стройучастках. Минторговли РСФСР направило на БАМ 42 тыс. м кирзы и 11 тыс. м искусственного меха для ремонта и пошива одежды и обуви [ГАХК, ф. р-2021, оп. 1, д. 9, л. 5]. До 1 июля 1978 года ГлавБАМСтрой должен был организовать помещения для парикмахерских и фотоателье во всех населенных пунктах зоны сооружения БАМа.

Данные действия существенно активизировали развертывание сети предприятий бытового обслуживания на БАМе. В 1977 году в притрассовых поселках действовало уже 44 предприятия службы быта, в том числе 23 дома быта и комплексных приемных пункта (КПП), введенных в текущем году. Объем бытовых услуг вырос на 23 % по сравнению с 1976 года [Там же, д. 23, л. 25]. В следующем 1978 году реализацией бытовых услуг только в Усть-Кутском районе занималось уже 21 предприятие на 248 рабочих мест, в которых было занято 606 человек [АО УКМО, ф. р-29, оп. 1, д. 208, л. 8]. Через год в Усть-Куте было построено новое здание районного дома быта, а в 1983 году запущен еще один дом быта на станции Лена. Всего к открытию сквозного движения по магистрали в 1984 году в населенных пунктах иркутского участка стройки насчитывалось 11 предприятий бытового обслуживания [Там же, д. 379, л. 11; АО КЛМР, ф. р-1, оп. 1, д. 460, л. 16—23].

Аналогичные показатели характеризовали динамику развития службы быта в других притрассовых районах. На бурятском участке трассы в данное время дома быта были открыты в десяти населенных пунктах, на читинском — было организовано 13 подразделений службы быта [УКАД СБМО, ф. р-1, оп. 1, д. 481, л. 31; ГАЗК, ф. р-927, оп. 1, д. 552, л. 87].

Однако, несмотря на принимаемые меры, охват населения бытовыми услугами был недостаточным. Согласно концепции немецкого историка Й. Грюцмахера, в управлении строительством БАМа постоянно сталкивались интересы двух групп: неокOLONиальной европоцентричной («Запад») и сибирской областнической («Восток»). Первая была ориентирована на добычу минеральных ресурсов и экспорт сырья при минимальных расходах на инфраструктуру и отстаивала секторальный (отраслевой) принцип управления стройкой. Вторая выступала за комплексное развитие региона, базируясь на территориальном подходе к осуществлению проекта [Grützmacher, 2012, S. 200—201]. В конечном счете, по мнению ученого, при сооружении БАМа был реализован отраслевой подход. Участвовавшие в строительстве министерства концентрировались на выполнении своих плановых показателей, не особо заботясь о проекте в целом. В итоге за первые десять лет стройки соотношение объектов производственного и непроизводственного назначения в общем объеме капиталовложений составило 89 к 11 % [Медведева, 1988, с. 44].

На завершающем этапе сооружения БАМа характер строительства и размещения предприятий бытового обслуживания изменился. С одной стороны, окончание основных работ и свертывание временных поселков строителей привели к сокращению объектов службы быта. С другой стороны, в этот период ускоренными темпами осуществлялось возведение постоянных поселков железнодорожников, в типовых проектах которых предусматривались дома быта и торгово-общественные центры в капитальном исполнении.

В работе шефских предприятий, на которые возлагалось строительство стационарных поселков, все время происходили сбои, вызванные задержкой поступления генпланов поселков, корректировками проектно-сметной документации, проблемами поставки стройматериалов. Минтрансстрой СССР регулярно осуществлял проверки, организовывал выездные комиссии и всеми средствами пытался добиться выполнения плановых показателей. В результате подрядчики были вынуждены сдавать объекты незавершенными. При проверке ПМК «ЛенинградБАМстрой», обеспечивавшего возведение Северобайкальска, комиссия Госстроя РСФСР отмечала, что здания для предприятий быта не были закончены в установленные сроки из-за ошибок в распределении финансовых средств и недостатка квали-

фицированных специалистов [РГАЭ, ф. р-9538, оп. 16, д. 2941, л. 79—82]. В ходе проверки торгово-общественного центра п. Звездного (подрядчик — СМУ «АрменияБАМстрой») были обнаружены неисправная канализационная система, недостаточное для обогрева помещения количество радиаторов, отсутствие гибких шлангов на раковинах в парикмахерской и т. д. [АО УКМО, ф. р-34, оп. 1, д. 104, л. 186—188]. Затягивание ввода новых объектов бытового обслуживания привело к тому, что сроки их сдачи оказались перенесенными на 1990—1991 год. Однако начавшийся в стране системный кризис и последовавший распад советского государства помешали осуществлению этих планов.

3. Материально-техническое оснащение предприятий быта

Материально-техническая база сферы бытового обслуживания в городах и поселках БАМа формировалась в сложных условиях района нового хозяйственного освоения. Одной из основных проблем являлся хронический дефицит производственных площадей. Наиболее трудная ситуация сложилась на иркутском участке стройки. В п. Магистральном имелось в наличии 310 кв. м площадей при потребности в 942, в п. Улькане — 198 из 373, в с. Казачинском — 105 из 183, в п. Небеле — 18 из 60. Местные руководители искали выход в организации дополнительных рабочих мест, введении двухсменного графика работы, оказании услуг «на дому». В парикмахерских организовывались общие залы, где попеременно принимали мужской и женский мастера. Типичной являлась ситуация, когда на рабочее место каждого сотрудника приходилось по одному квадратному метру. К примеру, в пошивочном цехе ульканского дома быта за одной швейной машиной размещалось двое мастеров, а из двух имевшихся гладильных досок использовалась только одна, так как вторую было негде поставить. Сотрудники своими силами обустраивали предприятие: «Воду в парикмахерскую мы подводили шабашкой, просили людей после работы <...> В бане открыли парикмахерскую» [АО КЛМР, ф. р-39, оп. 1, д. 21, л. 38—40].

Во второй половине 1980-х годов значительных изменений в обеспечении предприятий быта производственными площадями не произошло. Упомянутый выше дом быта в п. Улькане при тех же мощностях обслуживал в 1976 году две тыс., а в 1985 году — восемь тыс. чел. Проверка народного контроля установила, что помещение нуждалось в капитальном ремонте: в здании не работали вентиляция, септик, готовая продукция из-за отсутствия места хранилась «в навал» [Там же, д. 79, л. 102].

Другой проблемой в материальном обеспечении служб быта был постоянный недостаток материалов и инструментов. Швейные и обувные мастерские испытывали дефицит тканей, искусственного меха, сукна, ниток,

пуговиц, молний, хрома, клея и пр. К широко представленным в торговой сети ОРСов Минтрансстроя СССР импортным изделиям в случае ремонта было трудно подобрать фурнитуру. Парикмахерские и химчистки не обеспечивались нужным набором химикатов. Особенно сильно их недостаток стал ощущаться в перестроечные годы, когда нараставший по всей стране товарный дефицит вызвал отсутствие в продаже моющих и красящих средств [Лебина, 2019, с. 75].

Больше всего трудностей возникало со снабжением мастерских по ремонту сложной бытовой техники, которая получила распространение в сибирских городах начиная с 1960-х годов (так называемая «техническая революция в быту») [Рафикова, 2019, с. 342]. Из-за отсутствия запасных частей приемные пункты отказывали посетителям в ремонте. В одном из докладов руководитель Казачинско-Ленской службы быта отмечал: «У нас стало правилом ремонтировать сложную бытовую технику по 5—6 месяцев, телевизоры — по 1,5—2 года» [АО КЛМР, ф. р-1, оп. 1, д. 514, л. 58].

По тем же причинам ежегодно не выполнялся план работы пунктов проката. Пользующиеся высоким спросом у населения товары поступали в прокат в ограниченном количестве и быстро выходили из строя. Заявки на увеличение прокатных фондов по данным группам, как правило, не удовлетворялись областными организациями. В то же время имевшиеся в торговой сети вещи, на которые наблюдался невысокий спрос, например, детские коляски, в большом объеме поступали в пункты проката. В одном из ежегодных отчетов о бытовом обслуживании говорилось: «Большим спросом пользуются стиральные машины, но, чтобы ее получить, строителям БАМа нужно несколько дней стоять в очереди, и не исключена возможность, что вас забудут и, опять-таки, вы ее не получите ...» [Там же, д. 347, л. 172].

Несмотря на провозглашенный в официальных документах курс на автоматизацию службы быта, в большинстве предприятий бытового обслуживания преобладал ручной труд. Поставки оборудования были затруднены низкой транспортной доступностью районов стройки, отсутствием специалистов по установке, обслуживанию и ремонту машин. В итоге техника выходила из строя из-за неправильного монтажа, перебоев в электро-, тепло- и водоснабжении, нарушений правил эксплуатации. Запасными частями приборы не снабжались, каждый случай поломки нуждался в оформлении отдельной заявки, обслуживание которой могло занять длительное время.

Перебои в снабжении предприятий быта были также вызваны неудовлетворительным состоянием собственного автопарка либо его полным отсутствием. Например, в 1983 году в распоряжении Усть-Кутского управления бытового обслуживания было десять арендованных машин, из которых

только одна-две находились в рабочем состоянии. Как следствие, прием и доставка заказов в рабочие поселки осуществлялись не чаще полутора-двух месяцев. По своей личной инициативе сотрудники службы быта договаривались со строительными предприятиями и попутным транспортом и переправляли заказы. В архивах сохранились сведения о работниках, которые перевозили изделия в рюкзаках и сумках «на себе» [АО УКМО, ф. р-34, оп. 1, д. 104, л. 186—188].

Недостаточная техническая оснащенность создавала определенные неудобства для населения, а также снижала отраслевую эффективность вследствие значительного роста трудовых затрат на производство услуг. Медленное сокращение малопроизводительных ручных операций приводило к привлечению в отрасль дополнительных трудовых ресурсов.

4. Кадровый состав предприятий быта

Укомплектованность кадрами предприятий быта в районах БАМа зависела от вида услуг. По парикмахерским она составляла 81,2 %, по ремонту и пошиву одежды — 81 %, по ремонту телерадиоаппаратуры — 55 %, по ремонту обуви — 43 %, по услугам фотографий — 32 % [Аргудяева, 1988, с. 37—38]. Хотя на стройку прибывало большое количество квалифицированных специалистов с опытом работы в сфере обслуживания, многие из них трудоустраивались не по специальности из-за сложностей в получении жилья, места в детских дошкольных учреждениях и др., например, в 1983 году в Усть-Кутское управление бытового обслуживания поступило 57 заявлений на получение квартир, 48 — на улучшение жилищных условий, 97 — на предоставление мест в детских садах. При этом за три года для сотрудников РКБО была выделена только одна неблагоустроенная квартира [АО УКМО, ф. р-29, оп. 1, д. 379, л. 12]. Несмотря на увеличение объемов жилищного строительства во второй половине 1980-х годов, работники службы быта обеспечивались жильем в последнюю очередь. Так, в 1987 году по Усть-Кутскому району улучшили свои жилищные условия только 773 бытовика из 9017 нуждавшихся [Там же, д. 494, л. 105].

Чтобы компенсировать дефицит кадров, районные объединения вводили вахтовую организацию труда, направляли востребованных сотрудников в командировки на места, прибегали к совместительству должностей. Последнее использовалось особенно часто, так как позволяло не только занять вакансию, но и увеличить относительно невысокие заработки сотрудников. Например, в доме быта п. Звездного обязанности фотографа осуществлял сторож предприятия, а работу семи штатных единиц пошивочного цеха выполняли три человека [АО УКМО, ф. р-34, оп. 1, д. 52, л. 62—67]. В п. Улькане долгое время не могли подобрать кандидатуру за-

ведущего домохозяйства, в результате чего руководство предприятием осуществлялось мастером по пошиву [АО КЛМР, ф. р-39, оп. 1, д. 52, л. 2]. Качество услуг, оказываемых такими специалистами, часто вызывало претензии жителей.

В отдельных случаях решению кадровой проблемы способствовала организация внутренней подготовки специалистов. Например, в учебном комбинате Казачинско-Ленского района было организовано обучение швей, часовых мастеров, фотографов, закройщиков, механиков радиоаппаратуры [АО КЛМР, ф. р-1, оп. 1, д. 460, л. 24].

Принимаемые меры позволяли лишь на время заполнить ту или иную вакансию, однако не решали проблем частой сменяемости работников и кадрового дефицита в целом. Стройка постоянно нуждалась в рабочей силе и забирала специалистов непромышленных отраслей, в том числе из службы быта. Трудоустройство в подразделения Минтрансстроя позволяло повысить доход, получить доступ к ряду льгот в снабжении, а также рассчитывать на скорое получение жилья и прочие социальные гарантии, которых не было в сфере обслуживания.

5. Структура услуг и качество обслуживания

Границы сферы сервиса в СССР являлись подвижными и постоянно расширялись за счет включения новых функций. По подсчетам специалистов за 1962—1981 годы количество видов работ, официально закрепленных за предприятиями службы быта Госпланом и Госкомстатом СССР, возросло с 9 до 59 [Орлов, 2011, с. 41]. Система бытового обслуживания на БАМе включала стандартный набор услуг производственного и непроизводственного типов, в том числе ремонт и пошив одежды и обуви, ремонт часов и ювелирных изделий, сложной бытовой техники и телерадиоаппаратуры, химчистку, прокат, фотографию и парикмахерские. За первые десять лет объем бытовых услуг в целом по БАМу вырос на 131 млн руб., или в 2,3 раза, число предприятий увеличилось на 1900 единиц, численность работающих в отрасли — на 42 % [Власов, 2015, с. 69].

Однако в целом уровень работы службы быта в регионе был недостаточно высок, о чем свидетельствует объем реализации бытовых услуг в расчете на душу населения. Согласно данным Госплана, данный показатель был примерно на 15—20 % ниже, чем в среднем по РСФСР, и в полтора-два раза ниже, чем в районах с высоким уровнем бытового обслуживания [Аргудяева, 1988, с. 38—39]. Обеспеченность услугами предприятий химчистки на БАМе в расчете на одного жителя была ниже нормативной на 50—55 %, ремонта автотранспорта — на 55—60 %, ремонта и строительства жилого фонда — на 40—45 %, ремонта бытовой техники

и радиовещательной аппаратуры — на 20—25 % [Власов, 2014, с. 70]. Отставание сферы бытового обслуживания от потребностей населения было характерной чертой развития районов нового хозяйственного освоения в СССР. Как отмечают историки, проходили десятилетия, прежде чем «новые города по уровню предоставленных услуг сравнивались со средними по регионам показателями» [Долголюк, 2013, с. 412]. По оценкам ЦЭННИИ, для обеспечения потребностей населения БАМа уровень бытовых и торговых услуг в расчете на одного жителя было необходимо увеличить в 2—2,5 раза [Аргудяева, 1988, с. 39—40].

С 1972 года к бытовым услугам в СССР стало приравняться производство предприятиями службы быта мелких партий товаров без предварительных заказов. Качество данной продукции было ниже, чем в соответствующих отраслях промышленности, однако в условиях товарного дефицита такие товары приобретались потребителями [Орлов, 2011, с. 41]. В районах БАМа дефицит промтоваров ощущался не так остро благодаря привилегированному торговому обслуживанию через систему отделов рабочего снабжения (ОРСов). Тем не менее в изготовлении одежды и обуви было занято 40—50 % персонала служб быта [БАМ: строительство ..., 1984, с. 61]. Согласно Н. Чернышевой, в этот период многие советские граждане стали более разборчивыми и взыскательными к ассортименту и качеству товаров, получили доступ к импортной одежде и обуви, старались следить за модными тенденциями и копировать западный стиль [Chernyshova, 2013, р. 17]. Вокруг пошивочных ателье постоянно скапливались очереди. Председатель Усть-Кутского райисполкома в одном из докладов сетовал: «Обидно смотреть, когда у швейных цехов горбыткомбината стоит толпа, чаще всего, женщин, а перед ними висит объявление, что закройщик принимает по 10 заказов в день ...» [АО УКМО, ф. р-29, оп. 1, д. 190, л. 137].

Социологические исследования, проведенные среди строителей западного и центрального участков магистрали, свидетельствовали о неудовлетворенности населения бытовым обслуживанием. Среди недовольных качеством бытовых услуг фиксировалось в 2,5 раза больше желающих покинуть район строительства. Бытовое обслуживание находилось на седьмом месте среди 18 основных факторов, определяющих отношение к длительности пребывания строителей на БАМе [Железко, 1980, с. 167—168].

Государство стремилось строго регламентировать сферу обслуживания. В постановлении ЦК КПСС и СМ СССР № 847 местным партийным и советским органам было рекомендовано «усилить контроль за работой предприятий бытового обслуживания и повысить ответственность работников партийного и советского аппарата за организацию этой работы» [Симанова, 2017, с. 91]. Типичные для других регионов страны формы

злоупотреблений, такие как завышение расценок относительно прейскуранта, недостатки дефицитных деталей в ремонтных мастерских, хищения [Гуменюк, 2008], были характерны и для предприятий быта на БАМе. Комиссиями народного контроля выявлялись факты сокрытия прейскурантов стоимости услуг от посетителей, намеренное завышение сложности изготовления изделия и его цены, некомплектность сервиса.

В соответствии с приказом Минтрансстроя СССР и Министерства бытового обслуживания населения РСФСР «О мерах по дальнейшему улучшению бытового обслуживания строителей БАМ» (1981) была осуществлена специализация таких услуг, как ремонт бытовых машин, приборов, теле- и радиоаппаратуры, химчистка, прачечная, изготовление трикотажных изделий. Больше внимания стало уделяться организации приема заказов, новым формам и методам обслуживания населения. На предприятиях быта внедрялись бригадные методы работы и конвейерные технологии (например, комплексная система управления качеством пошива одежды «Ритм»), которые были призваны сократить сроки исполнения заказов и количество жалоб потребителей, а также повысить объем «сдачи изделий заказчику с первого предъявления» [АО УКМО, ф. р-29, оп. 1, д. 314, л. 43]. К середине 1980-х годов были сокращены официальные сроки выполнения индивидуальных заказов по пошиву верхней одежды до десяти суток, по пошиву легкой одежды и нижнего белья — до пяти суток. Однако на практике они зачастую не выдерживались, и для ускорения заказа клиенты доплачивали 30—40 % его стоимости [Журавлев, 2013, с. 165].

К существовавшим ранее услугам стали добавляться новые: индивидуальная вязка трикотажа, ароматизация белья, химчистка мягких игрушек, ремонт новых видов техники, ремонт жилья и автотранспорта, выделка кожи, растяжка обуви, ювелирные и гравюрные работы. В планах развития бытового обслуживания в XII пятилетке предусматривались организация системы самообслуживания через салоны «Сделай сам» и «Умелые руки», оказание услуг по абонементу и в кредит, организация почасового проката и его введение в общежитиях, зонах массового летнего и зимнего отдыха и пр. Таким образом, для службы быта на БАМе был характерен более широкий ассортимент услуг и разнообразие форм обслуживания в сравнении с другими регионами. Например, в сибирских городах, как отмечают исследователи, многие из вышеперечисленных услуг не получили массового развития [Куксанова, 1993, с. 208].

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности ...» (1984) расширялась самостоятельность предприятий быто-

вого обслуживания, получившая в документах название «новый экономический эксперимент». Дальнейшая децентрализация отрасли произошла в ходе кампании по развитию кооперативного движения. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О создании кооперативов ...» (1987) предусматривало организацию самостоятельных предприятий, деятельность которых должна была компенсировать низкое качество бытового обслуживания государственными предприятиями [Перцев, 2007, с. 56]. В числе первых в кооперативы выделились мастерские по ремонту сложной бытовой техники, теле- и радиоаппаратуры. Позднее к ним присоединились фотосалоны, пошивочные ателье, прочие организации.

Однако данные изменения не смогли существенно повысить эффективность работы отрасли в целом. В 1988—1991 годах по большинству оказываемых услуг планы бытового обслуживания населения не выполнялись, постоянно поступали жалобы на культуру обслуживания и качество сервиса. Это было связано с начавшимся в стране социально-экономическим кризисом, тотальным дефицитом, введением талонной системы распределения, а также сокращением инвестиций в строительство БАМа в связи с завершением проекта.

6. Заключение

Подводя итоги, следует выделить следующие характерные черты развития службы быта в зоне строительства БАМа. В отличие от соседствовавших со стройкой районов Сибири и Дальнего Востока сеть предприятий бытового обслуживания на БАМе формировалась в условиях новоосваиваемых территорий одновременно с возникновением населенных пунктов и под воздействием интенсивных миграционных потоков. Темпы организации службы быта опережали среднероссийские и областные показатели. В короткие сроки произошло не только увеличение количества учреждений, оказывающих населению бытовые услуги, но также существенно расширился ассортимент последних. В сравнении с «добамовским» временем объем бытовых услуг возрос более чем в 2,5 раза, укреплялась материально-техническая база отрасли, увеличивалось количество квалифицированных кадров.

В то же время в притрассовых поселениях наблюдался более низкий уровень материально-технической оснащенности системы бытового обслуживания в сравнении с другими регионами страны. Это было связано как с непродолжительным периодом существования службы быта на новых территориях, так и с приоритетным развитием производственного сектора, прежде всего транспортного строительства в районах БАМа. В отличие от других отраслей социальной сферы, получавших поддержку отраслевых министерств и ведомств (система ОРСов Минтрансстроя СССР, Врачебно-

санитарная служба МПС, сектор общеобразовательных школ и дошкольных учреждений МПС, профсоюзные клубы и библиотеки дорпрофсоюзей транспортных строителей и работников железнодорожного транспорта), служба быта находилась полностью на содержании территориальных властей и не получала дополнительных средств из других источников.

Недостаток производственных площадей, перебои в снабжении материалами и запчастями, преобладание ручного труда, отсутствие собственного автопарка сопровождали повседневную деятельность предприятий бытового обслуживания. Темпы развертывания отрасли не успевали за быстро растущей численностью населения региона. Уровень потребления услуг был на 15—20 % ниже средних показателей по РСФСР. Плотность предприятий быта была также недостаточной: один приемный пункт приходился на три тыс. человек, в то время как в среднем по РСФСР — на 2,1 тыс.

Несмотря на высокую плотность населения и переизбыток рабочей силы в районах стройки, сфера обслуживания постоянно испытывала кадровый дефицит, что было связано с низкими заработками, непредоставлением работникам ведомственного жилья, мест в детских дошкольных учреждениях, различных материальных льгот, которыми пользовались строители. Поэтому при первой же возможности трудоустройства в организации, подведомственные Минтрансстрою и МПС, сотрудники предприятий бытового обслуживания оставляли свою работу. Таким образом, стройка вбирала в себя лучшие рабочие кадры, оставляя в службе быта пенсионеров, учащуюся молодежь, малоквалифицированных работников.

Однако даже в таких условиях, благодаря скоординированной работе Минбыта РСФСР, областных и республиканских органов власти и коллективов предприятий бытового обслуживания, в населенных пунктах БАМа удалось обеспечить широкий спектр оказываемых услуг. В сравнении с другими территориями сибирского и дальневосточного регионов в городах и поселках БАМа развивались такие редкие для советского сервиса направления, как ремонт и изготовление мебели, строительство и ремонт жилья, автотехобслуживание и др. Расширение ассортимента услуг стало возможным вследствие высокой концентрации в притрассовых районах работников строительных и технических специальностей, которые обладали более высокой платежеспособностью, связанной с повышенными районными коэффициентами оплаты труда в районах, приравненных к Крайнему Северу. Они снабжались товарами повышенного спроса включая импортную одежду и обувь, бытовую технику, теле- и радиоаппаратуру, внедрялась практика целевых вкладов на льготное приобретение автомобилей.

Во второй половине 1980-х годов были предприняты попытки реформирования службы быта за счет специализации и кооперации услуг, рас-

ширения хозяйственной самостоятельности предприятий. Как и в большинстве других регионов, данные меры в условиях плановой экономики оказались малоэффективными и не смогли существенно повысить качество услуг и культуру обслуживания. Сокращение инвестирования районов стройки на завершающем этапе строительства магистрали, общий социально-экономический и политический кризис в стране нарушили поступательное развитие данной отрасли на новых территориях, что в конечном счете привело к расформированию государственной системы бытового обслуживания.

Источники и принятые сокращения

1. АО КЛМР — *Архивный* отдел Казачинско-Ленского муниципального района Иркутской области. Ф. р-1 (Казачинско-Ленский районный совет народных депутатов). Оп. 1. Д. 347. Л. 171 ; Д. 460. Л. 16—23 ; Д. 514. Л. 58 ; Ф. р-39 (Ульканский поселковый совет народных депутатов). Оп. 1. Д. 21. Л. 38—40 ; Д. 52. Л. 2 ; Д. 79. Л. 102.
2. АО УКМО — *Архивный* отдел администрации Усть-Кутского муниципального образования Иркутской области. Ф. р-29 (Усть-Кутский городской совет народных депутатов). Оп. 1. Д. 190. Л. 136—137 ; Д. 208. Л. 8 ; Д. 314. Л. 43 ; Д. 379. Л. 11—12 ; Д. 494. Л. 105 ; Ф. р-34 (Звезднинский поселковый совет народных депутатов). Оп. 1. Д. 52. Л. 62—67 ; Д. 104. Л. 186—188.
3. ГАЗК — *Государственный* архив Забайкальского края. Ф. р-927 (Каларский районный совет депутатов трудящихся). Оп. 1. Д. 552. Л. 86—87.
4. ГАРБ — *Государственный* архив республики Бурятия. Ф. п-8 (Северобайкальский районный комитет КПСС). Оп. 8. Д. 3. Л. 5—6.
5. ГАХК — *Государственный* архив Хабаровского края. Ф. р-2021 (Управление Байкало-Амурской железной дороги имени Ленинского комсомола). Оп. 1. Д. 9. Л. 3—4 ; Д. 23. Л. 25.
6. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. р-9538 (Министерство транспортного строительства СССР). Оп. 16. Д. 2941. Л. 79—82.
7. УКАД СБМО — *Управление* культуры и архивного дела Северо-Байкальского муниципального образования. Ф. р-1 (Северо-Байкальский районный совет народных депутатов). Оп. 1. Д. 339. Л. 156 ; Д. 481. Л. 31.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргудяева Ю. В. Труд и быт молодежи БАМа : настоящее и будущее / Ю. В. Аргудяева. — Москва : Мысль, 1988. — 174 с. — ISBN 5-244-00046-2.
2. БАМ : строительство и хозяйственное освоение / ред. А. Г. Аганбегян, А. А. Кин, В. П. Можин. — Москва : Экономика, 1984. — 144 с.
3. Букин С. С. Тенденции формирования и развития быта городского населения Сибири в XX в. / С. С. Букин, В. И. Исаев // Гуманитарные науки в Сибири. — 2006. — № 2. — С. 32—40.
4. Власов Г. П. Социально-демографические процессы в новых районах освоения Сибири / Г. П. Власов. — Братск : Издательство БрГУ, 2015. — 162 с. — ISBN 978-5-8166-0410-9.

5. Гуменюк А. А. Развитие сферы обслуживания в СССР в 1953—1985 гг. (по материалам Саратовской области) / А. А. Гуменюк // Клио. — 2008. — № 4. — С. 74—83.
6. Долголюк А. А. Сибирские строители в 1946—1970 гг. / А. А. Долголюк. — Новосибирск : Сибирское научное издательство, 2013. — 476 с. — ISBN 978-5-98901-113-1.
7. Железко С. Н. Социально-демографические проблемы в зоне БАМ / С. Н. Железко. — Москва : Статистика, 1980. — 184 с.
8. Журавлев С. В. Мода по плану : история моды и моделирования одежды в СССР, 1917—1991 / С. Журавлев, Ю. Гронов. — Москва : ИРИ РАН, 2013. — 496 с. — ISBN 978-5-8055-0253-9.
9. Куксанова Н. В. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по развитию сферы обслуживания в городах и рабочих поселках, 1956—1960 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / Н. В. Куксанова. — Новосибирск, 1980. — 228 с.
10. Куксанова Н. В. Социально-бытовая инфраструктура Сибири (1956—1980-е гг.) / Н. В. Куксанова ; ответственный редактор С. С. Букин. — Новосибирск : Издательство Новосибирского университета, 1993. — 223 с. — ISBN 5-7615-0183-X.
11. Лебина Н. Б. Пассажиры колбасного поезда : Этюды к картине быта российского города : 1917—1991 / Н. Б. Лебина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 584 с. — ISBN 978-5-4448-0948-8.
12. Ложкина Н. Н. Особенности бытового обслуживания населения национальных регионов Сибири в 1965—1975 гг. (на примере Горно-Алтайской автономной области) / Н. Н. Ложкина // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 1. — С. 63—66.
13. Майдан Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по развитию бытового обслуживания населения, 1966—1970 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / Н. М. Майдан. — Новосибирск, 1978. — 215 с.
14. Медведева Л. М. Трудовая и политическая активность строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974—1984 гг.) / Л. М. Медведева. — Москва : Наука, 1988. — 144 с. — ISBN 5-02-013292-6.
15. Метелев А. С. Партийное руководство бытовым обслуживанием на селе в 70-е годы : на материалах Куйбышевской и Саратовской областей : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / А. С. Метелев. — Саратов, 1991. — 193 с.
16. Обертяева И. А. Бытовое обслуживание населения : социальные и исторические аспекты 1971—1980 годы, на материалах государственных, партийных и хозяйственных организаций областей Центрального Черноземья : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / И. А. Обертяева. — Воронеж, 1991. — 205 с.
17. Орлов И. Б. Советский сервис : сущностные характеристики и границы отрасли / И. Б. Орлов // Сервис в России и за рубежом. — 2011. — № 7. — С. 36—48.
18. Перцев В. А. Бытовое обслуживание населения Центрального Черноземья в 1960—1980-е годы / В. А. Перцев // Вестник ВГУ. Серия : история, политология. Социология. — 2007. — № 2. — С. 48—58.
19. Рафикова С. А. Живая история повседневности : сибирские горожане в 1960-е годы / С. А. Рафикова. — Красноярск : СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2019. — 484 с. — ISBN 978-5-86433-767-7.
20. Симанова О. С. Реализация законодательных норм в развитии городской службы быта Ставрополя-Тольятти в 1960-е гг. / О. С. Симанова // Вектор науки ТГУ. Серия : Юридические науки. — 2017. — № 1. — С. 90—97.

21. *Смурова О. В.* Бытовое обслуживание сельского населения : 50—80-е годы : партийно-государственный аспект проблемы на материалах Верхнего Поволжья : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / О. В. Смурова. — Ярославль, 1992. — 253 с.

22. *Чернова Ю. В.* Новые города Иркутской области, 1950—1980 гг. : историческое исследование : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ю. В. Чернова. — Иркутск, 2001. — 255 с.

23. *Широков К. А.* Опыт работы партийных организаций и проблемы в развитии сферы бытового обслуживания в городских промышленных центрах Среднего Поволжья, середина 70-х — первая половина 80-х годов : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / К. А. Широков. — Куйбышев, 1990. — 18 с.

24. *Яковлева Л. Ю.* Деятельность партийных организаций Западной Сибири по развитию службы быта, 1976—1980 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / Л. Ю. Яковлева. — Новосибирск, 1988. — 216 с.

25. *Chernyshova N.* Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era / N. Chernyshova. — London : Routledge, 2013. — 260 p. — ISBN 9780203362020.

26. *Grützmacher J.* Die Baikal-Amur-Magistrale. Vom stalinistischen Lager zum Mobilisierungsprojekt unter Brežnev / J. Grützmacher. — München : R. Oldenbourg Verlag, 2012. — 503 s. — ISBN 978-3-486-70494-5.

MATERIAL RESOURCES

Archive Department of the administration of the Ust-Kut municipal formation of the Irkutsk region. F. r-29 (Ust-Kut City Council of People's Deputies). Op. 1. d. 190. l. 136—137; d. 208. l. 8; d. 314. l. 43; d. 379. l. 11—12; d. 494. l. 105; f. r-34 (Zvezdninsky settlement Council of People's Deputies). Op. 1. d. 52. l. 62—67; d. 104. l. 186—188. (In Russ.).

Archive Department of the Kazachinsko-Lensky municipal district of the Irkutsk region. F. r-1 (Kazachinsko-Lensky district Council of People's Deputies). Op. 1. d. 347. l. 171; d. 460. l. 16—23; d. 514. l. 58; f. r-39 (Ulkan village Council of People's Deputies). Op. 1. d. 21. L. 38—40; d. 52. L. 2; D. 79. L. 102. (In Russ.).

Department of Culture and Archival Affairs of the North Baikal Municipal formation. F. r-1 (North Baikal District Council of People's Deputies). Op. 1. d. 339. l. 156; d. 481. L. 31. (In Russ.).

Russian State Archive of Economics. F. r-9538 (Ministry of Transport Construction of the USSR). Op. 16. d. 2941. l. 79—82. (In Russ.).

State Archive of the Khabarovsk Territory. F. r-2021 (Management of the Baikal-Amur Railway named after the Leninsky Komsomol). Op. 1. d. 9. l. 3—4; d. 23. l. 25. (In Russ.).

State Archive of the Republic of Buryatia. F. p-8 (Severobaikalsky district Committee of the CPSU). Op. 8. d. 3. L. 5—6. (In Russ.).

State Archive of the Trans-Baikal Territory. f. r-927 (Kalarsky district Council of Worker's Deputies). Op. 1. d. 552. l. 86—87. (In Russ.).

REFERENCES

Aganbegyan, A. G., Kin, A. A., Mozhi, V. P. (eds.). (1984). *BAM: construction and economic development*. Moscow: Ekonomika. 144 p. (In Russ.).

- Argudyaeva, Yu. V. (1988). *Labor and life of the youth of BAM: the present and the future*. Moscow: Mysl. 174 p. ISBN 5-244-00046-2. (In Russ.).
- Bukin, S. S., Isaev, V. I. (2006). Trends in the formation and development of the life of the urban population of Siberia in the twentieth century. *Humanities in Siberia*, 2: 32—40. (In Russ.).
- Chernova, Yu. V. (2001). *New cities of the Irkutsk region, 1950—1980: historical research*. PhD Diss. Irkutsk. 255 p. (In Russ.).
- Chernyshova, N. (2013). *Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era*. London: Routledge. 260 p. ISBN 9780203362020.
- Dolgolyuk, A. A. (2013). *Siberian builders in 1946—1970*. Novosibirsk: Siberian Scientific Publishing House. 476 p. ISBN 978-5-98901-113-1. (In Russ.).
- Grützmacher, J. (2012). *Die Baikal-Amur-Magistrale. Vom stalinistischen Lager zum Mobilisierungsjekt unter Brežnev*. München: R. Oldenbourg Verlag. 503 s. ISBN 978-3-486-70494-5. (In Germ.).
- Gumenyuk, A. A. (2008). Development of the service sector in the USSR in 1953—1985 (based on the materials of the Saratov region). *Klio*, 4: 74—83. (In Russ.).
- Kuksanova, N. V. (1980). *Activity of party organizations in Western Siberia on the development of the service sector in cities and working settlements, 1956—1960*. PhD Diss. Novosibirsk. 228 p. (In Russ.).
- Kuksanova, N. V., Bukin, S. S. (ed.). (1993). *Social and household infrastructure of Siberia (1956—1980)*. Novosibirsk: Novosibirsk University Press. 223 p. ISBN 5-7615-0183-X. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (2019). *Passengers of the sausage train: Sketches for the picture of the life of the Russian city: 1917—1991*. Moscow: New Literary Review. 584 p. ISBN 978-5-4448-0948-8. (In Russ.).
- Lozhkina, N. N. (2011). Features of consumer services for the population of the national regions of Siberia in 1965—1975. (on the example of the Gorno-Altai Autonomous Region). *Bulletin of the Tomsk State University*, 1: 63—66. (In Russ.).
- Maidan, N. M. (1978). *Activity of party organizations in Western Siberia for the development of consumer services for the population, 1966—1970*. PhD Diss. Novosibirsk. 215 p. (In Russ.).
- Medvedeva, L. M. (1988). *Labor and political activity of the builders of the Baikal-Amur railway (1974—1984)*. Moscow: Nauka. 144 p. ISBN 5-02-013292-6. (In Russ.).
- Metelev, A. S. (1991). *Party leadership of household services in rural areas in the 70s: based on the materials of the Kuibyshev and Saratov regions*. PhD Diss. Saratov. 193 p. (In Russ.).
- Obertyaeva, I. A. (1991). *Household services of the population: social and historical aspects 1971—1980, based on the materials of state, party and economic organizations of the regions of the Central Chernozem region*. PhD Diss. Voronezh. 205 p. (In Russ.).
- Orlov, I. B. (2011). Soviet service: essential characteristics and boundaries of the industry. *Service in Russia and abroad*, 7: 36—48. (In Russ.).
- Pertsev, V. A. (2007). Consumer services for the population of the Central Chernozem region in the 1960s—1980s. *Bulletin VSU. Series: history, political science. Sociology*, 2: 48—58. (In Russ.).

- Rafikova, S. A. (2019). *The living history of everyday life: Siberian citizens in the 1960s*. Krasnoyarsk: SibSU named after M. F. Reshetnev. 484 p. ISBN 978-5-86433-767-7. (In Russ.).
- Shirokov, K. A. (1990). *Work experience of party organizations and problems in the development of consumer services in urban industrial centers of the Middle Volga region, mid-70s — first half of the 80s*. Author's abstract of PhD Diss. Kuibyshev. 18 p. (In Russ.).
- Simanova, O. S. (2017). Implementation of legislative norms in the development of the city life service of Stavropol-Togliatti in the 1960s. *Vector of Science TSU. Series: Legal Sciences, 1*: 90—97. (In Russ.).
- Smurova, O. V. (1992). *Household services of the rural population: 50—80 — ies: the party-state aspect of the problem on the materials of the Upper Volga region*. PhD Diss. Yaroslavl. 253 p. (In Russ.).
- Vlasov, G. P. (2014). *Socio-demographic processes in new areas of development of Siberia*. Bratsk: BrSU Publishing House. 162 p. ISBN 978-5-8166-0410-9. (In Russ.).
- Yakovleva, L. Yu. (1988). *The activity of party organizations in Western Siberia on the development of the life service, 1976—1980*. PhD Diss. Novosibirsk. 216 p. (In Russ.).
- Zhelezko, S. N. (1980). *Socio-demographic problems in the BAM zone*. Moscow: Statistics. 184 p. (In Russ.).
- Zhuravlev, S. V., Gronov, Yu. (2013). *Fashion according to plan: the history of fashion and clothing modeling in the USSR, 1917—1991*. Moscow: IRI RAS. 496 p. ISBN 978-5-8055-0253-9. (In Russ.).

Бурнашева Н. И. Формирование топливно-энергетической системы Якутии в 1920—1930-е годы / Н. И. Бурнашева, И. И. Ковлеков // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 278—291. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-278-291.

Burnasheva, N. I., Kovlekov, I. I. (2021). Formation of Fuel and Energy System of Yakutia in 1920s—1930s. *Nauchnyi dialog*, 9: 00-00. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-00-00. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-00-00

Формирование топливно-энергетической системы Якутии в 1920—1930-е годы

Бурнашева Наталья Ивановна¹

orcid.org/0000-0002-7045-8717

доктор исторических наук

ведущий научный сотрудник

отдел истории

и арктических исследований

n_burnasheva@mail.ru

Ковлеков Иван Иванович²

orcid.org/0000-0002-5121-8240

доктор технических наук, профессор

кафедра горного дела

Kovlekov@mail.ru

¹ Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера

Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

² Северо-Восточный федеральный
университет имени М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Formation of Fuel and Energy System of Yakutia in 1920s—1930s

Natalia I. Burnasheva¹

orcid.org/0000-0002-7045-8717

Doctor of History

Leading Researcher

Department of History

and Arctic Research

n_burnasheva@mail.ru

Ivan I. Kovlekov²

orcid.org/0000-0002-5121-8240

Doctor of Technical Science, Professor

Department of Mining

Kovlekov@mail.ru

¹ The Institute for Humanities Research
and
Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

² M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается история формирования топливно-энергетической системы Якутии в 1920—1930-е годы, показан процесс ее становления как базы индустриального развития Якутской АССР. Отмечается, что, начавшись с поиска и разведки месторождений угля, процесс создания угольной промышленности в Якутии только в конце 1920-х годов ознаменовался переходом к этапу промышленной разработки и добычи угля. Показано, что в течение последующего десятилетия, с первых объемов добытого угля на Сангарском, Зырянском, Джебарики-Хайском, Кангаласском месторождениях, угольная промышленность республики выросла в основную базу ее промышленного развития. Отмечено, что главной целью освоения угольных месторождений являлось решение народнохозяйственных задач, среди которых ведущим было создание условий для развития золотодобывающей промышленности. Подчеркивается, что не менее важным стало обеспечение углем морского и речного транспорта, постепенно превратившегося в основную транспортную артерию по перевозке грузов в республику. Указывается, что создание угольной промышленности стало основой для индустриального развития Якутской АССР. Сделан вывод о том, что исторический опыт становления угольного производства служит примером планового, комплексного подхода к формированию отраслей промышленности региона.

Ключевые слова:

история Якутии; история экономики; минерально-сырьевые ресурсы; разработка полезных ископаемых; освоение месторождения угля; угольная промышленность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The history of the formation of the fuel and energy system of Yakutia in the 1920s—1930s is considered, the process of its formation as the basis of the industrial development of the Yakut ASSR is shown. It is noted that, starting with the search and exploration of coal deposits, the process of creating a coal industry in Yakutia only at the end of the 1920s was marked by a transition to the stage of industrial development and coal mining. It is shown that over the next decade, from the first volumes of coal mined at the Sangarsky, Zyryansky, Dzhebariki-Khaisky, Kangelassky deposits, the coal industry of the republic has grown into the main base of its industrial development. It is noted that the main goal of the development of coal deposits was the solution of national economic problems, among which the leading was the creation of conditions for the development of the gold mining industry. It is emphasized that it is no less important to provide coal for sea and river transport, which has gradually turned into the main transport artery for the transportation of goods to the republic. It is indicated that the creation of the coal industry became the basis for the industrial development of the Yakut ASSR. It is concluded that the historical experience of the formation of coal production serves as an example of a planned, integrated approach to the formation of industries in the region

Key words:

history of Yakutia; history of economics; mineral resources; development of minerals; development of a coal deposit; coal industry.

Формирование топливно-энергетической системы Якутии в 1920—1930-е годы

© Бурнашева Н. И., Ковлеков И. И., 2021

1. Введение

Переход любого государства на новый, более передовой уровень развития, подготовка к прорыву в экономической сфере, к осуществлению крупных проектов имеет прямую зависимость от состояния его топливно-энергетической базы. В России традиционно перспективы промышленного роста соотносились с мощностями и потенциалом угледобывающей отрасли промышленности, которая и сегодня составляет один из основных источников роста отечественной экономики и служит платформой нового строительства. Поэтому выявление особенностей и закономерностей формирования топливно-энергетической основы экономики России остается актуальным и в настоящее время. Этим объясняется огромный интерес исследователей к вопросам становления и развития прежде всего угольной промышленности в условиях России [Баканов, 2009; Маклюков, 2020; Соколов и др., 2016].

История отрасли берет начало с первых «угольных указов» Петра I и возникновения на рубеже XIX—XX веков отечественной угольной промышленности, быстрое развитие которой привело к тому, что в 1900 году Россия уже занимала 8-е место в рейтинге крупных угледобывающих стран, уступая Великобритании, США, Германии, Франции, Австро-Венгрии, Бельгии и Польше. В 1914 году был зафиксирован максимальный уровень добычи угля в Российской империи, составивший 36,1 млн тонн. В годы первой мировой войны в общероссийской добыче угля заметно увеличилась доля Сибири и Дальнего Востока, которая перед революцией достигла 14 % [Петров, 2019, с. 28—29]. В результате войн и революций 1917—1922 годов объем добычи угля в России стал значительно снижаться и вернулся на уровень конца XIX века. Общий спад экономики России и, самое главное, топливный дефицит, усилившийся в предреволюционные годы, стали, по мнению специалистов, одной из важных причин крушения империи [Там же, с. 32].

Начало формированию советской топливно-энергетической отрасли было заложено планами ГОЭЛРО (государственной комиссии по электрификации России), в соответствии с которыми в русле решения задач восстановления хозяйства страны угольная промышленность вошла в перечень наиболее приоритетных отраслей экономики. Быстрое становление топливно-энергетической базы СССР, ключевым звеном которой стало раз-

витие угольной промышленности, предопределило принятие в 1925 году курса на индустриализацию СССР. В 1928 году завершился период восстановления хозяйства и был взят курс на форсированную индустриализацию, в ходе которой добычу угля предполагалось увеличить до 160—170 млн тонн в год [Грунь и др., 2017, с. 9—10]. Развернувшаяся в стране борьба за выполнение первых пятилетних планов позволила в сравнительно короткие сроки не только восстановить, но и осуществить прорыв в развитии угольной промышленности. Основным средством достижения такого прорыва являлось значительное увеличение объемов шахтного строительства. Характерной особенностью развития угольной промышленности в советское время стало продвижение отрасли в восточные регионы страны и создание новых угольных центров в Западной Сибири и на Дальнем Востоке, имеющих целью формирование прочного фундамента будущего индустриального развития азиатской части СССР.

2. Топливо-энергетический вопрос в Якутии в 1920-е годы

Первые описания угольных месторождений Якутии относятся к XVIII веку. Они были представлены в трудах члена Петербургской Императорской Академии наук И. Г. Гмелина сведениями о «Сургуевом камне» — Кангаласском месторождении угля (1733); в работах члена Петербургской Императорской Академии наук П. С. Палласа в 1771—1776 годах, в которых были даны сообщения о находках угля по берегам р. Вилюй; в конце XVIII века стали известны сведения о якутском угле, собранные полярным исследователем Г. А. Сарычевым, и др. [Долгополов, 1946, с. 4].

В силу отсутствия хозяйственной (и тем более какой-либо промышленной) потребности практические разработки месторождений угля в дореволюционной Якутии не проводились. В условиях начавшегося разрушения хозяйственной жизни, вызванного революционными политическими переменами, внимание большевистской власти сосредоточилось на удовлетворении потребностей населения в дровяном топливе. Осенью 1920 года Якутским ревкомом решение данного вопроса в городах Якутске и Олекминске было переведено в разряд первостепенных. Исходя из общей годовой потребности г. Якутска, составлявшей 30 тыс. погонных саженой дров, постановлением президиума Якутского губернского Совета народного хозяйства (далее — губСНХ) от 28 марта 1921 года отделу гублескома была поручена заготовка дров для населения и хозяйственных нужд губернских учреждений в количестве 36 тыс. саженой и 52 тыс. шт. бревен, из них 12 тыс. саженой дров и 26 тыс. шт. бревен предназначались для г. Якутска, а 4 тыс. саженой дров и 20 тыс. шт. бревен — для г. Олекминска. Во исполнение задания постановлением губСНХ от 26 ноября 1920 года насе-

нию, проживающему по берегам р. Лены и ее притокам, была установлена специальная дровяная разверстка. Для определения ее размеров властями были использованы данные переписи населения 1917 года, в соответствии с которыми жителям приленских районов, насчитывавшим 9176 душ мужского пола, на каждую мужскую душу или на каждого работника от 18 до 55 лет полагалась заготовка 4 сажень дров и 5 бревен [НА РС (Я), ф. 51, оп. 1, д. 78, лл. 8—8 об.]. Весной 1921 года разверстка была дополнена введением трудовой повинности, например, для граждан с. Текстюр Покровской волости Якутской губернии предусматривалась заготовка и доставка леса сплавом в г. Якутск в количестве 28 сажень [Там же, ф. 49, оп. 1, д. 138, л. 26]. На организацию работ по сбору дровяной разверстки в зиму 1920 / 1921 года местным органам власти потребовалось выделить обменный товарный фонд, составивший 30 тыс. аршин мануфактуры, 1875 кирпичей чая и 93 п. 90 ф. табака. Помимо этого, на заготовку, доставку и выгрузку 40 тыс. погонных сажень дров требовалось выделить 40 тыс. аршин мануфактуры, 2700 кирпичей чая, 145 пуд. табака листового, 1000 пуд. муки ржаной, 450 пуд. мяса, 50 пуд. масла, 200 пачек спичек и 50 пуд. соли [Там же, ф. 51, оп. 1, д. 78, лл. 9—9 об.].

Между тем в деле обеспечения топливом постепенно стала усиливаться тенденция первоочередного удовлетворения нужд советских учреждений и предприятий государственного сектора кустарного производства, а не потребностей населения. Приоритетность снабжения действующих кустарных производств губернии, прежде всего соляного, кирпичного, столярного, слесарного и свинцового завода, объяснялась необходимостью принятия мер «к недопущению со стороны частных производителей и продавцов чрезмерного повышения цен на предметы промышленного производства» [Там же, ф. 49, оп. 1, д. 299, л. 65]. Большого внимания со стороны местных хозяйственных органов требовала и электростанция, действовавшая в г. Якутске с 1914 года и переданная летом 1920 года в ведение губСНХ. Работа электростанции осуществлялась мощностью двух локомотивей системы «Ланца» по 150 л.с. каждая. Двигатель был паровым, использовавшим дровяное топливо, для доставки дров использовалась паровая лесотаска [Там же, ф. 51, оп. 1, д. 30, л. 7]. Усиливающаяся потребность быстро растущего советского губернского хозяйства в топливе потребовала рассмотрения дровяного вопроса на одном из первых заседаний губСНХ в августе 1920 года. Представленные в докладе заведующего лесным подотделом земельного отдела результаты обследования лесов с промышленной точки зрения показали, что лесная промышленность, представленная в крае «небольшим лесопильным заводом инородца Барашкова и примитивным дегтекуренным заводом инородца Пудова в урочище Дая»,

была не в состоянии в полной мере удовлетворять существующие потребности городского хозяйства и населения в топливе и материалах [Там же, ф. 51, оп. 1, д. 18, лл. 46, 48]. Среди временных мер, принятых производственным отделом губСНХ, была, в частности, организация работ по выжигу угля, осуществлявшаяся довольно примитивным способом [Там же, ф. 51, оп. 1, д. 30, л. 7]. В декабре 1921 года вопрос о состоянии лесохозяйственной экономики был вынесен на рассмотрение Якутского ревкома [Там же, ф. 49, оп. 1, д. 140, лл. 178—179 об.], а 22 сентября 1922 года было издано Обращение СНК ЯАССР ко всему трудовому народу республики с призывом «оказать всемерное содействие по сплаву дров, имеющихся в заготовленном виде, по р. Лене на протяжении от Олекминска до Якутска», а также напрячь все усилия к заготовке дров для доставки их первым зимним путем, с тем чтобы обеспечить нормальные условия экономического строительства ЯАССР [Там же, ф. 286, оп. 20, д. 199, л. 106].

Образование Якутской АССР (апрель 1922 года) и переход к социалистическому строительству повысили значение топливно-энергетического вопроса для хозяйственной жизни республики. Планируемый экономический рост потребовал от правительства ЯАССР более масштабного подхода к вопросу создания энергетической базы развития. Поэтому наряду с поиском, разведочными и исследовательскими работами на месторождениях полезных ископаемых края республиканскими органами были поставлены задачи промышленной разработки недровых богатств Якутии, среди которых значительное место было отведено освоению угольных месторождений. Особую актуальность планы разработки угольных месторождений получили в связи с острой необходимостью обеспечения энергией ведущей отрасли экономики республики — золотодобычи, которая вышла на путь быстрого развития в районах бассейна р. Алдан. В связи с этим в отчете Всеякутского учредительного съезда Советов (декабрь 1922 — январь 1923), посвященном деятельности Наркомата торговли и промышленности за период с 1 июня по 1 октября 1922 года, была обнародована информация о начале обследования и разработки вопроса об эксплуатации каменноугольных залежей в устье р. Алдан [Всеякутские ..., 1972, с. 7—8].

Сведения о выходах угольных пластов на поверхность земли по берегам р. Алдан были известны еще с XIX века. Одно из первых описаний угольных месторождений бассейна р. Алдан было дано Н. Ивановым в отчете, посвященном деятельности лаборатории Департамента горных и соляных дел за 1849 год. В данном отчете, опубликованном в 1851 году на страницах российского Горного журнала, практически впервые были приведены примерные количественные и качественные характеристики алданского угля. Через несколько лет в Горном журнале за 1859 год была

опубликована статья Н. Лаврова и Ф. Караваева под названием «О каменных углях русских месторождений», в которой представлены данные и об углях территории Якутской области, в том числе и алданских, в частности «Джебарики-хайское» [Долгополов, 1946, с. 4]. Более полное научное описание алданских угольных месторождений Якутии присутствует в результатах геологических исследований Якутской комплексной экспедиции Академии наук СССР (1925—1930 годы). В частности, участником экспедиции В. П. Зверевым фактически впервые было дано геологическое описание месторождения Джебарики-Хая как составной части единой угольной системы республики [Зверев, 1927, с. 188—189].

Вопросы практической эксплуатации каменноугольных залежей Якутии перешли в плоскость более реальных перспектив только с образованием Якутской АССР, когда среди угольных месторождений, требующих первоочередной разработки для удовлетворения нужд алданской золотодобычи, правительством республики стали рассматриваться угли, расположенные в бассейне р. Алдан [НА РС (Я), ф. 807, оп. 1, д. 1, л. 52]. В конце 1922 года на одном из республиканских межведомственных совещаний рассматривался вопрос об экономической эффективности добычи каменного угля на Джебарики-Хайском месторождении. Участники совещания пришли к выводу о том, что для обеспечения топливом Бодайбинских золотых приисков потребуется создание угольного рудника в районе данного месторождения с объемом годовой добычи в 16 тыс. тонн каменного угля. Такой шаг был крайне необходим в связи с тяжелейшим топливным кризисом в Бодайбинском районе, наблюдавшимся в течение ряда лет. Одной из причин кризиса называлась многолетняя хищническая вырубка леса по р. Витим выше г. Бодайбо. С другой стороны, необходимость промышленной добычи каменного угля на месторождении Джебарики-Хая была вызвана растущей потребностью в обеспечении топливом городского населения столицы республики — г. Якутска. По предварительным расчетам специалистов, наряду с дровами городу требовалось до 4 тыс. тонн угля. Вскоре предпринятые в начале 1920-х годов мероприятия по расширению промышленного освоения месторождения Джебарики-Хая принесли первые практические результаты. Так, в 1924 году руководитель Наркомата промышленности и торговли А. Л. Бахсыров в докладе «О хозяйственном положении ЯАССР» сообщил о том, что экспедиция, снаряженная на р. Алдан, установила наличие черного угля на правом берегу, в 460 верстах от г. Якутска, с мощностью пласта в 1,8 м и за несколько дней смогла добыть 49 тонн угля [Чудинов и др., 1969, с. 16].

Таким образом, в 1920-е годы топливно-энергетическая проблема Якутии от бытовых вопросов по обеспечению дровами населения городов

Якутии сделала переход к разработке планов промышленной разработки угольных месторождений, открыла этим перспективу создания топливно-энергетической основы будущего индустриального развития республики. Наметившиеся в середине 1920-х годов на территории Якутской АССР быстрые темпы развития золотодобывающей промышленности значительно усилили потребность в промышленной разработке новых, ранее не осваивавшихся видов полезных ископаемых, среди которых на первое место по важности вышла необходимость промышленной разработки месторождений каменного угля, так как добыча угля была сопряжена с меньшими затратами средств и рабочей силы, чем практиковавшаяся в 1920-е годы заготовка и вывозка древесного топлива.

3. Уголь на службе республики в 1930-е годы

В Генеральном плане реконструкции народного хозяйства Якутской АССР на ближайшие 10—15 лет, принятом в 1927 году, была поставлена задача максимального использования естественных богатств края в интересах строительства социалистического хозяйства. При этом рост добывающей промышленности и промыслов определялся в документе как единственный эффективный способ создания прочной базы для накопления капиталов, крайне необходимых в период перевода республики из состояния отсталости и нищеты к этапу реконструкции экономики [Генеральный ..., 1927, с. 9]. Поэтому Генеральным планом было предусмотрено ускорение работ по эксплуатации платиновых россыпей, серебросвинцовых, угольных, железорудных, соляных и других месторождений. Однако в силу отсутствия «более или менее точных данных исследовательского порядка» в конце 1920-х годов вопрос пока мог ставиться только об изучении месторождений полезных ископаемых Якутии, правда, уже с оговоркой об «одновременном втягивании их в процесс производства» [Там же, с. 10].

Окончательный перелом в изменении подходов к вопросам освоения недровых богатств Якутии и переход от планирования освоения в практическое русло промышленной разработки месторождений фактически начались только со времени получения Алданской золотопромышленностью статуса общесоюзного предприятия (1925 год). Первым практическим шагом в данном направлении стало решение Геологического комитета ВСНХ СССР о начале систематического изучения угольных месторождений Якутии. В результате начавшихся с этого момента поисковых работ в течение 1930-х годов на территории Якутии было зарегистрировано около 70 угольных месторождений. Большая часть исследованных месторождений угля располагалась в бассейне р. Лена к северу от г. Якутска и на побережье моря Лаптевых; довольно крупные месторождения угля были

зарегистрированы на северо-востоке территории республики в бассейнах рек Индигирки и Колымы; было установлено, что на западе республики вклинивались угли Тунгусского бассейна. В целом поисково-разведочные работы установили наличие на территории Якутской АССР достаточно богатых угольных месторождений, которые давали основания полагать, что площадь распространения отдельных месторождений угля может достигать площади до тысячи квадратных километров [XX лет ..., 1942, с. 29].

Обнадеживающие значительные изыскательские данные по запасам угольных месторождений позволили Якутской АССР включиться в первые пятилетние планы развития хозяйства СССР. Якутские месторождения угля были представлены в них по четырем основным группам: а) угли долины р. Лены; б) месторождения Полярной зоны — по р. Хатанге, низовьям р. Оленек, в бухте Тикси, на о. Новая Сибирь и о. Тастах; в) месторождения бассейна р. Алдан — Алданское, Хандыгское, Нюкжинское и бассейна р. Чульман; г) угли бассейна р. Вилюй [РГАЭ, ф. 4372, оп. 31, д. 2266, л. 2]. В ходе составления планов второй пятилетки наиболее изученными и подготовленными к этапу промышленной разработки были названы 23 угольных месторождения Якутии. Среди них выделялись месторождения нижнего течения р. Лены, где имелись залежи каменного и бурого угля, общий геологический запас которых был определен в 115 млн тонн. По мнению специалистов, из якутских углей лучшим как по своим основным техническим характеристикам, качеству, так и по экономическому значению являлся уголь Сангарского месторождения, расположенного в низовьях р. Лены. Сангарский уголь мог послужить основной базой для снабжения топливом флота северного морского пути и речного транспорта; хорошо спекающиеся свойства сангарского угля делали его пригодным и для широкого применения в промышленных целях. Одновременно не исключалась и возможность его коксования, а высокая степень выхода смолы давала повод надеяться даже на перспективу получения из него жидкого топлива путем переработки [Там же, л. 4].

В основу начавшейся в 1930-е годы промышленной разработки угольных месторождений Якутии были заложены прежде всего цели народнохозяйственного назначения. Добыча угля должна была решить задачи удовлетворения потребностей быстро развивающейся экономики Якутской АССР в качественном топливе и послужить надежной базой для появления новых отраслей промышленности. Помимо внутренних потребностей республики, с конца 1920-х годов стала расти потребность в снабжении топливом золотодобывающей промышленности соседнего Бодайбинского района Иркутской области. Острый недостаток древесного топлива, возникший еще в 1920-е годы вследствие неконтролируемых хищнических за-

готовок леса в районе Бодайбо, вынуждал правительство Якутской АССР оказать помощь Ленской золотодобывающей промышленности в снабжении якутским углем. В связи с этим в 1931 году были ускорены работы по геологической разведке месторождения Джебарики-Хая на р. Алдан под руководством П. А. Алексеева [Долгополов, 1946, с. 6]; в 1937 году Ф. И. Пленкиным было представлено полное геологическое описание месторождений Джебарики-Хая и Тыры-Тумул-хаята [Пленкин, 1937, с. 50—54; Долгополов, 1946, с. 7]. Основные качественные характеристики алданского угля получили одобрение и высокие оценки как академических ученых (в ходе экспедиции КЯР АН СССР), так и отдельных геологов-практиков. На основе полученных данных Наркоматом промышленности республики был предпринят переход от эпизодической практики добычи угля на месторождении Джебарики-Хая к организации постоянно действующего горнодобывающего производства.

Промышленная разработка угольных месторождений Якутии и организация добычи угля в 1930-е годы активизировались и в результате растущей необходимости практического применения угля для выработки электрической энергии. В 1934 году сотрудником Якутского отделения Союзредметгеологоразведки К. А. Околовичем была представлена технологическая характеристика алданского угля с описанием одного из проведенных экспериментов, продемонстрировавших достаточно высокие качественные характеристики угля с месторождения Джебарики-Хая. В ходе эксперимента по опробованию качества угля, проведенного в топке локомотива электростанции г. Якутска, было израсходовано 1058 кг угля. Полученные результаты анализа золы показали высокую эффективность угля, что подтверждалось содержанием в золе несгоревших горючих веществ, составивших от 28 до 31 %. В результате сжигания угля было получено 190,5 кг отходов и произведено 272 квт энергии, испарительная способность угля была исчислена в 6,3 единицы [Околович, 1934, с. 20—21]. В 1938 году значительно возросла потребность в угле Кангаласского месторождения, которая была непосредственно связана с пуском Центральной электрической станции в г. Якутске [Боякова, 1995, с. 71].

В 1930-е годы увеличивалась потребность в качественном топливе и в связи с начавшимися в Якутской АССР работами по освоению Северного морского пути. С целью развития морского и речного транспорта была начата промышленная эксплуатация Сангарского месторождения угля, где в 1928 году были добыты первые 1800 т угля. Высокие теплотворные качества угля и отсутствие вблизи от трассы Северного морского пути других месторождений угля сделали Сангарский рудник основной топливной базой морского и речного флота Главсевморпути, осуществлявшего пере-

возки необходимых грузов для развития горнодобывающих предприятий по Северному морскому пути, северным рекам Яне, Индигирке и частично Колыме [Там же, с. 69, 78].

Вместе с тем освоение природных богатств Якутской АССР в годы довоенных пятилеток все больше связывалось с созданием золотодобывающей промышленности и дальнейшим расширением территории геологической разведки золотonosных россыпей по руч. Кабахта, Нальдикан, Амедичи, промышленная разработка которых способствовала росту численности населения прилегающих к ним районов. Это стало и основной причиной поиска, разведки и промышленной разработки угольных месторождений южной территории Якутии. Первым шагом к разворачиванию работ стала добыча южноякутских углей по р. Чульман, которое ускорилось в 1926 году в связи с начавшимся строительством Амуро-Якутской автомобильной магистрали (АЯМ) [Куренчанин, 1971, с. 74—75]. Промышленная добыча угля на Чульманском руднике Чульмаканского месторождения началась в 1934 году. Объемы добываемого там сырья неуклонно росли. Так, в 1934 году было добыто 0,9 тыс. тонн угля, в 1935 году — 5,3, в 1936 году 6,9, 1937 году — 7,0, в 1940 году — 6,0 [Чудинов и др., 1969, с. 18, 19, 25, 30]. В первые годы существования Чульманский рудник находился в подчинении управления Амуро-Якутской магистрали, позже — эксплуатировался трестом «Алданзолото» для обеспечения потребностей Алданского горнопромышленного района. Сегодня составной частью обширного Южно-Якутского каменноугольного бассейна является всемирно известное Нерюнгринское угольное месторождение, объемы добычи угля на котором составляют миллионы тонн.

4. Выводы

В 1920—1930-е годы в Якутии была создана топливно-энергетическая система, основанная на промышленной разработке угольных месторождений. Включение республики в общесоюзную экономическую систему пятилетнего планирования и в программы развития производительных сил страны впервые позволило создать на территории Якутии угольную отрасль промышленности. В годы индустриализации СССР, когда перед Якутской АССР стояла задача перехода к социалистическому строительству, топливно-энергетическая система послужила базой для выхода экономики края на совершенно новый уровень развития. Увеличивающиеся с каждым годом объемы добычи угля открыли перед экономикой Якутии возможности развития местного промышленного производства, расширения золотодобычи, разведки и промышленной разработки таких полезных ископаемых, как олово, серебро, железная руда, каменная соль и других. Развитие угольной промышленности послужило основой для развития

речного и морского транспорта, становления в Якутской АССР электроэнергетики, дорожного строительства и связи.

Источники и принятые сокращения

1. НА РС (Я) — *Национальный архив Республики Саха (Якутия)*. Ф. 49 (Якутский губернский революционный комитет). Оп. 1. Д. 138. Л. 26 ; Д. 140. Л. 178—179 об. ; Д. 299. Л. 65 ; Ф. 51 (Якутский губернский Совет народного хозяйства). Оп. 1. Д. 18. Л. 46, 48 ; Д. 30. Л. 7 ; Д. 78. Л. 8—9 об. ; Ф. 286 (Якутский республиканский союз потребительских обществ «Холбос» и его районные отделения). Оп. 20. Д. 199. Л. 106 ; Ф. 807 (Центральный Совет народного хозяйства Якутской АССР). Оп. 1. Д. 1. Л. 52.
2. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 4372 (Государственный плановый комитет СССР (Госплан СССР) Совета Министров СССР). Оп. 31. Д. 2266. Л. 2, 4.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баканов С. А.* Угольная промышленность Урала в условиях перехода к новой экономической политике / С. А. Баканов // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2009. — № 23 (161). — История. — Выпуск 33. — С. 110—118.
2. *Боякова С. И.* Главсевморпуть в освоении и развитии севера Якутии (1932 — июнь 1941 г.) / С. И. Боякова. — Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1995. — 128 с. — ISBN 5-02-030762-9.
3. *Всеякутские съезды Советов : документы и материалы : 1922—1937 / под общ. ред. М. М. Федорова*. — Якутск : Якутское книжное издательство, 1972. — 375 с.
4. *Генеральный план реконструкции народного хозяйства Якутской АССР Республики на ближайшие 10—15 лет / ЯАССР, Государственная плановая комиссия*. — Якутск : Издание Госплана ЯАССР, 1927. — 248 с.
5. *Грунь В. Д.* Основные вехи в истории развития угольной промышленности России / В. Д. Грунь, А. А. Рожков // *Горная промышленность*. — 2017. — № 4 (134). — С. 9—12.
6. *Долгополов Н. Н.* Угли Якутии / Н. Н. Долгополов // *Труды горно-геологического управления*. — Москва-Ленинград : Издательство Главсевморпути, 1946. — Выпуск 29. — 98 с.
7. *Зверев В. Н.* Очерк полезных ископаемых Якутской республики / В. Н. Зверев // *Якутия : сборник статей / под ред. П. В. Виттенбурга*. — Ленинград : Издательство АН СССР, 1927. — 820 с.
8. *Куренчанин В. К.* Разработка угольных месторождений Северо-Востока СССР / В. К. Куренчанин. — Москва : Издательство «Наука», 1971. — 199 с.
9. *Маклюков А. В.* Топливо-энергетическая база Дальнего Востока СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны : проблемы формирования и развития / А. В. Маклюков // *Вестник НГУ. Серия : история, филология*. — 2020. — Т. 19. — № 1. — С. 84—96. — DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-1-84-96.
10. *Околович К. А.* Главнейшие месторождения полезных ископаемых Якутии / К. А. Околович // *Якутская АССР : стат. справ. / Управление народно-хозяйственного учета ЯАССР*. — Якутск : Якутское государственное издательство, 1934. — 126 с.
11. *Петров И. М.* Угольная промышленность России до революции 1917 года / И. М. Петров // *Горная промышленность*. — 2019. — № 5 (147). — С. 28—32. — DOI: 10.30686/1609-9192-2019-05-28-32.

12. Пленкин Ф. И. Алданское месторождение каменного угля / Ф. И. Пленкин // Горный журнал. — 1937. — № 13. — С. 50—54.
13. Соколов А. Д. Тенденции развития промышленности восточных регионов России как составляющей топливно-энергетического комплекса на перспективу / А. Д. Соколов, Л. Н. Такайшвили // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2016. — Т. 20. — № 11. — С. 157—169. — DOI: 10.21285/1814-3520-2016-11-157-169.
14. Чудинов Г. М. Угольная промышленность и топливный баланс Якутской АССР / Г. М. Чудинов, И. П. Готовцев. — Москва : Издательство «Наука», 1969. — 158 с.
15. XX лет социалистического строительства Якутской АССР. — Якутск : Издание ЧК ЯАССР, 1942. — 149 с.

MATERIAL RESOURCES

- ON the RS (Ya) — *National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)*. F. 49 (Yakut Provincial Revolutionary Committee); F. 51 (Yakut Provincial Council of National Economy); F. 286 (The Yakut Republican Union of Consumer Societies “Holbos” and its district branches); F. 807 (Central Council of the National Economy of the Yakut ASSR). (In Russ).
- RGAE — *Russian State Archive of Economics*. F. 4372 (State Planning Committee of the USSR (Gosplan of the USSR) Council of Ministers of the USSR). (In Russ).

REFERENCES

- Bakanov, S. A. (2009). Coal industry of the Urals in the conditions of transition to a new economic policy. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 23 (161) / 33. History. 110—118. (In Russ).
- Boyakova, S. I. (1995). *Glavsevmorput in the development and development of the north of Yakutia (1932 — June 1941)*. Novosibirsk: “Science”. Siberian Publishing Company of the Russian Academy of Sciences. 128 p. ISBN 5-02-030762-9. (In Russ).
- Chudinov, G. M., Gotovtsev, I. P. (1969). *Coal industry and fuel balance of the Yakut ASSR*. Moscow: Nauka Publishing House. 158 p. (In Russ).
- Dolgopopov, N. N. (1946). Ugli of Yakutia. In: *Proceedings of the mining and Geological department*, 29. Moscow-Leningrad: Glavsevmorputi Publishing House. 98 p. (In Russ).
- Fedorov, M. M. (ed.). (1972). *All-Yakut congresses of Soviets: documents and materials: 1922—1937*. Yakutsk: Yakut Book Publishing House. 375 p. (In Russ).
- Grun, V. D., Rozhkov, A. A. (2017). The main milestones in the history of the development of the coal industry of Russia. *Mining industry*, 4 (134): 9—12. (In Russ).
- Kurenchanin, V. K. (1971). *Development of coal deposits in the North-East of the USSR*. Moscow: Nauka Publishing House. 199 p. (In Russ).
- Maklyukov, A. V. (2020). Fuel and energy base of the Far East of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War: problems of formation and development. *Bulletin NSU. Series: history, philology*, 19 (1): 84—96. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-1-84-96. (In Russ).
- Okolovich, K. A. (1934). *The main mineral deposits of Yakutia. Yakut ASSR: Stat. help. / Department of National Economic Accounting of the YASSR*. Yakutsk: Yakut State Publishing House. 126 p. (In Russ).

- Petrov, I. M. (2019). Coal industry of Russia before the revolution of 1917. *Mining industry*, 5 (147): 28—32. DOI: 10.30686/1609-9192-2019-05-28-32. (In Russ).
- Plenkin, F. I. (1937). Aldanskoye coal deposit. *Mining Journal*, 13: 50—54. (In Russ).
- Sokolov, A. D., Takaishvili, L. N. (2016). Trends in the development of industry in the eastern regions of Russia as a component of the fuel and energy complex for the future. *Bulletin of the Irkutsk State Technical University*, 20 (11): 157—169. DOI: 10.21285/1814-3520-2016-11-157-169. (In Russ).
- The general plan for the reconstruction of the national economy of the Yakut ASSR Republic for the next 10—15 years / YAASSR, State Planning Commission. (1927).* Yakutsk: Publishing House of the State Planning Committee of the YAASSR. 248 p. (In Russ).
- Zverev, V. N., Wittenburg, P. V. (ed.). (1927). An outline of the minerals of the Yakut Republic. In: *Yakutia. Collection of articles*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 820 p. (In Russ).
- XX years of socialist construction of the Yakut ASSR. (1942).* Yakutsk: Publication of the SNK YAASSR. 149 p. (In Russ).

Кабакова Н. В. «Переписать всяких чинов людей и пришлых из русских и поморских городов»: миграции в Тарском уезде в конце XVII века / Н. В. Кабакова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 0—00. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-00-00.

Kabakova, N. V. (2021). "To Rewrite All Ranks of People and Newcomers from Russian and Pomor Cities": Migrations in Tara District at End of 17th Century. *Nauchnyi dialog*, 9: 00-00. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-00-00. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-00-00

**«Переписать всяких чинов
людей и пришлых
из русских и поморских
городов»: миграции
в Тарском уезде
в конце XVII века**

Кабакова Наталья Васильевна
orcid.org/0000-0002-5133-1286
кандидат исторических наук, доцент
кафедра философии
natalya-kabakova@rambler.ru

Сибирский государственный
автомобильно-дорожный университет
(Омск, Россия)

Благодарности:
Работа выполнена
в рамках реализации проекта РФФИ
№ 20-09-42054 «Статика перемен как
тренд развития окраин Российской
империи в Петровскую эпоху
(на примере Тарского Прииртышья)»

**“To Rewrite All Ranks
of People and Newcomers
from Russian and Pomor
Cities”: Migrations in Tara
District at End of 17th Century**

Natalia V. Kabakova
orcid.org/0000-0002-5133-1286
PhD in History, Associate Professor
Department of Philosophy
natalya-kabakova@rambler.ru

The Siberian State Automobile
and Highway University
(Omsk, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR
project number 20-09-42054
“Statics of changes as a trend in
the development of the outskirts
of the Russian Empire in the Peter’s era
(on the example of the Tara Irtysh region)”

© Кабакова Н. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются переселенческие процессы, протекавшие на территории Тарского уезда Тобольского разряда в конце XVII века. Источником для исследования стала Дозорная книга Тарского уезда 1701 года. Отмечается, что главными участниками переселений являлись служилые люди и крестьяне, при этом значительная их часть прибывала в Сибирь по призыву властей, немногие перебирались добровольно. Рассматриваются причины миграций, как организованных государством, так и самостоятельных, имевших стратегический, социально-экономический характер. Выделяется два типа миграций: внешних, осуществлявшихся из европейской части страны, и внутренних, происходивших на территории сибирского региона. Показано, что приток жителей и их последующее перераспределение в самом крае обуславливали появление новых населенных пунктов, способствуя созданию ареала сплошного расселения. Произведены подсчеты количества мигрантов, прибывавших в Тарский уезд в конце XVII века, выявлены селения, в которых учтено наибольшее их число. Установлено, что самыми активными участниками миграционных процессов в Тарском уезде были крестьяне, значительная доля переселенцев приехала сюда в 1690-е годы. Сделан вывод о потенциале Дозорной книги 1701 года в плане воссоздания целостной картины колонизации Сибири в конце XVII века.

Ключевые слова:

миграции; крестьяне; служилые; Дозорная книга; Тарский уезд.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the resettlement processes that took place on the territory of the Tara district of the Tobolsk category at the end of the 17th century. The source for the study was the Tara County Sentinel Book of 1701. It is noted that the main participants in the resettlement were service people and peasants, while a significant part of them arrived in Siberia at the call of the authorities, few moved voluntarily. The reasons for migrations, both organized by the state and independent, of a strategic, socio-economic nature, are considered. There are two types of migrations: external, carried out from the European part of the country, and internal, occurring on the territory of the Siberian region. It is shown that the flow of residents and their subsequent redistribution in the region itself caused the emergence of new settlements, contributing to the creation of an area of continuous settlement. Calculations were made of the number of migrants who arrived in the Tara district at the end of the 17th century, and villages were identified in which the largest number of them was considered. It has been established that the most active participants in the migration processes in the Tara district were peasants; a significant proportion of immigrants arrived here in the 1690s. A conclusion is made about the potential of the 1701 Sentinel Book in terms of reconstructing an integral picture of the colonization of Siberia at the end of the 17th century.

Key words:

migration; peasants; servicemen; Sentinel Book; Tara district.

«Переписать всяких чинов людей и пришлых из русских и поморских городов»: миграции в Тарском уезде в конце XVII века

© Кабакова Н. В., 2021

1. Введение

Миграционное движение русских, развернувшееся в XVII веке в восточном направлении, обуславливалось постепенным закреплением вошедших в состав России земель Сибири, огромные пространства которой требовали и охраны, и освоения. Подобные вызовы определяли главных участников переселенческих процессов: служилых с военными знаниями и опытом и крестьян с сельскохозяйственными трудовыми навыками. Первоначально прибывавшие в сибирский край представители военного сословия обязывались, с одной стороны, обеспечить стабильные условия жизнедеятельности, ограду от набегов южных кочевников, для чего, в числе прочего, они брались за строительство русских форпостов, защищая тем самым будущее мирное существование землепашцев. По мере появления первых русских крепостей, постепенно разворачивавшихся далее в восточном и южном направлениях, создавались возможности освоения новых, наиболее плодородных угодий, что определялось важнейшей хозяйственной необходимостью, обусловленной требованием наладить самообеспечение хлебом местных русских жителей в ситуации непрерывного притока населения.

Традиции изучения миграций, связанных с перебазированием русских жителей из европейской части России в Сибирь, возникли в отечественной историографии в конце XIX века. Одним из первых, кто обратился к исследованию данного вопроса, стал П. Н. Буцинский, определивший характер переселений в регион с вычленением роли государства в их организации [Буцинский, 1889]. В советской исторической науке изучением колонизации Сибири занимался В. И. Шунков, акцентировавший внимание на крестьянах, составивших значительную долю мигрантов, а также на политике властей по обеспечению пополнения жителями из европейской части страны ее восточной территории [Шунков, 1946]. А. А. Преображенский исследовал социально-экономическое развитие урало-западносибирского региона, выявляя особенности внутрирегиональных потоков, связанных с распространением населения Приуралья по Тобольской губернии [Преображенский, 1972]. Омский историк А. Д. Колесников рассматривал источники и темпы роста количества жителей, изучая соотношение механи-

ческого и естественного увеличения русского населения Западной Сибири [Колесников, 1973]. Исследования по освоению Сибири пополнились публикациями архивных документов, раскрывающих способы привлечения крестьян из европейской части России в восточные территории страны [Земледельческое хозяйство ..., 2001].

В последние десятилетия обнародованы труды, связанные с разнообразной проблематикой колонизации Сибири, среди которых были работы, направленные на выявление роли различных социальных слоев населения, посвященные военному [Никитин, 1988; Никитин, 1991; Пузанов, 2010; Пузанов, 2018] и религиозному [Рябцева, 2013] факторам в освоении края. В ряде статей определялось значение представителей отдельных родов в качестве основателей сибирских населенных пунктов, прослеживается дальнейшая судьба как их потомков, так и деревень, ими заведенных [Колева, 2014].

Немалый интерес представляют исследования, позволяющие углубить современные представления об этническом составе прибывавших в Сибирь жителей, соотношении в их составе русского и нерусского населения, определяющие «доли» иноземцев как с Запада, так и с Востока [Зуев и др., 2010; Раев и др., 2004]. Этнографические исследования раскрывают адаптационные пути и возможности, применявшиеся переселенцами на отдельных территориях [Липинская, 1996], устанавливают численность вновь прибывших в определенных местах в течение конкретных десятилетий XVII — начала XX веков с указанием особенностей взаимодействия мигрантов с индигенными жителями [Бакиева и др., 2013].

Нередко работы, нацеленные на изучение миграционных процессов в западносибирском регионе, приобретают междисциплинарный характер. Это, к примеру, монография Т. Б. Щепанской, где исследуется социоритуальная сфера человеческих взаимодействий в дороге, реконструируются знаки и символы как элементы текста дороги, изображаются поведенческие дорожные нормы [Щепанская, 2003]. Новым научным направлением стала антропология движения с ее визуальными технологиями, отталкивающимися от импульсов и характеристик колонизационных процессов, изучающая их стратегии и механизмы, определяющая миграции как наиболее яркие проявления социального движения [Головнев, 2009; Головнев, 2015].

В данной статье рассматриваются переселенческие процессы, которые происходили на территории Тарского уезда в конце XVII века. Их главными участниками являлись служилые и крестьяне, составлявшие основную часть жителей региона. Отправной точкой исследования стала Дозорная книга Тарского уезда 1701 года (далее — ДК), созданная по велению Петра Первого дворянином Иваном Родионовичем Качановым для упорядо-

чения системы налогообложения в крае. В этом документе зафиксирована информация о населенных пунктах, жителях, их занятиях и имуществе [Бережнова и др., 2013; Бережнова и др., 2014]. В преамбуле к нему от царского имени указывалось переписать «всяких чинов людей и пришлых из русских и поморских городов: имена, отчества и прозвища, из которого города уроженцы и за кем жили, как давно в Сибирь пришли, <...> в котором году и по какому указу поселились и на каких землях» [РГАДА, л. 1]. Подобное распоряжение стало основанием в обеспечении ДК сведениями о миграционных процессах, протекавших на территории Тарского уезда в последние десятилетия XVII века.

2. Причины миграций в Тарский уезд

Тарский уезд, раскинувшийся на юге Западной Сибири, входил в состав Тобольского разряда, сохраняя значение важного рубежа русских владений на протяжении всего XVII и начала XVIII веков. Тара изначально появилась как крепость, основанная русскими казаками для разгрома Кучума, а впоследствии послужила для налаживания контроля за торговыми путями, следующими из Средней Азии, и, конечно, для обороны земель. На Тару также возлагались надежды, связанные с поставками соли с богатых прииртышских месторождений.

Составителем ДК И. Р. Качановым перечислено 48 русских населенных пунктов Тарского уезда, существовавших в 1701 году, самым крупным из которых являлся город Тара. Остальные распределялись тремя группами — по реке Оше (15 деревень), «вверх по Иртышу» (14 деревень и 2 слободы) и «вниз по Иртышу» (15 деревень и слобода). Подобное расположение наглядно отражает явление, называемое «сползанием населения к югу», давно подмеченное и охарактеризованное исследователями Сибири. Суть данного процесса состоит в освоении жителями территории сибирского региона с севера на юг и с запада на восток и в соответствующем же распространении ареала русских селений. Так и в Тарском уезде в конце XVII века большая часть деревень сосредотачивалась над Тарой, на севере, в нижней части Иртыша (вкуче с селениями по Оше), и, соответственно, меньшая — на юге, вверх по Иртышу. Данное обстоятельство во многом объясняется отсутствием четко выраженных южных границ: местность вниз по Иртышу была уже надежно прикрыта военным гарнизоном города, тогда как земли на юге, пока еще не прочно закрепленные Российским государством, находились в зоне постоянной угрозы внезапных набегов со стороны степняков. Тем не менее южные просторы, обильные плодородными угодьями, влекли жителей края, и они в течение второй половины XVII века стали обустраиваться выше Иртыша от города Тары.

Однако ДК не давала подлинного представления о числе русских селений, поскольку И. Р. Качанов фиксировал только официально известные слободы и деревни. Созданная в этот же исторический период карта, изобразившая Тарский уезд — Хорографическая книга — демонстрировала наиболее детальную картину с 24 населенными пунктами вниз по Иртышу и 25 — вверх по Иртышу [Кабакова и др., 2019, с. 168—169]. Объяснение подобного несоответствия заключено в том, что автор Хорографической книги Семен Ульянович Ремезов учитывал не только известные деревни, но и небольшие деревушки, и совсем маленькие заимки, население которых, расширяя свои владения, заводило пашни на новых местах поначалу «наездом», а в дальнейшем устраивало, помимо временок, основательное жилье, перевозило семьи. Так, к примеру, названное ДК «село Изюцкое от реки Иртыша с версту над озером Изюком на горе» [РГАДА, л. 292 об.] представлено в Хорографической книге уже в окружении целого куста деревень (не упомянутых И. Р. Качановым) — Прокудиной, Павловой, Паньиной, Онтипиной, Можайтиновой, Вороновой, деревней Черняева — в обрамлении деревень Заливиной, Бархатовой, Бородиной, а слобода Биргамацкая — Шибановой, Резиной, Оброскиной и др. [Хорографическая ..., л. 92—93].

О динамике переселенческих процессов, разворачивавшихся в конце XVII века, косвенным образом свидетельствует неустойчивость в наименованиях ряда селений: село Спасское (или Ложниково), называемое и по местной церкви Всемилоствитого Спаса и по фамилии одного из своих первооснователей; деревни Кубрина (или Сарина), Свидерская (или Зубова) и другие, заведенные служилыми, в честь которых они обозначались в ДК. В Тарском дозоре встречается интересный казус в описании деревни Мамашевской, расположившейся на острове над озером Мамашевским. Два ее служилых учтены как «родом» из Мамашевой. При этом два других человека указали уже, что они «родом» из деревни Киселевой. В описаниях владений жителей упоминается ее название и как Мамашевской, и как Киселевой, записаны четыре дворовладельца с фамилией Киселев, зафиксированы «роспаши Данилка Киселева» [РГАДА, л. 284—290 об.]. Все эти факты возможно интерпретировать как свидетельства недавнего основания Мамашевской—Киселевой, а потому и не закрепившегося к моменту составления дозора окончательного названия этой деревни.

Необозримые пространства Тарского Прииртышья обещали широчайшие перспективы разворачивания различных видов хозяйственной деятельности, прежде всего в области хлебопашества, что становилось особо ценным обстоятельством в условиях нехватки плодородных земель в уже осваиваемых северных районах. Потому именно аграрная направленность оказалась основой колонизации Тарского уезда, определив соединение го-

сударственных и народных интересов и обусловив сопряжение двух разнородных факторов в развитии сценариев переселений — организованного властями и добровольного. Процесс освоения русскими жителями южной части западносибирского региона инспирировался правительством, переводившим население из европейских районов страны и перераспределявшим его внутри края.

Причины отправки жителей центра России в Сибирь ДК не определяла, но хронологическое соотнесение ряда случаев с историческими событиями позволяет учитывать различные обстоятельства. Среди них и окончательное установление в середине XVII века крепостного права с увеличившимися возможностями воздействия для помещиков в отношении крестьянства, и наступление на привилегии стрельцов как военной элиты, что не могло не вызывать недовольства в войске, приводило к конфликтам с властью. Поэтому среди оказавшихся в Тарском уезде не по собственной воле названы помещичьи крестьяне: Демка Савин сын Вахомин, присланный в деревню Сеиткулову Верхнюю в 1672 году, ранее живший в Москве «за боярином за князем Петром Семеновичем Прозоровским», Фролка Иванов сын Романов, отправленный в Татмыцкую слободу в 1691 году из Арзамаса, где числился «за дворянином Алексеем Федоровым сыном Ульяновым» [РГАДА, л. 228, 257]. Встречались в Тарском уезде сосланные служилые: стрельцы Трошка Козьмин и Петрушка Терехов из Москвы, рейтар Васька Романов из Суздаля.

Отправляя людей в восточные части страны, государство становилось инициатором заведения новых селений, особенно если этого требовали стратегические обстоятельства. Именно так возникли слободы Тарского уезда: Аевская, Биргамацкая и Татмыцкая, — для строительства и дальнейшей обороны которых командировались служилые люди. Осуществляя поставленную задачу, создатели этих селений — казаки — должны были заниматься земледелием, что являлось необходимым условием их существования в ситуации постоянной нехватки хлеба, ответственность за обеспечение которым сибиряков изначально брала на себя власть. Казалось бы, сам факт «врастания» в хозяйственную жизнь служилых должен был обозначать укоренение на конкретной территории. Однако характер военной службы в любой момент мог потребовать выполнения приказов, связанных с передислокацией на новое место. Да и сам по себе фактор наличия ресурсов для экстенсивного развития земледелия с обилием свободных территорий создавал условия и возможности для дальнейшего разворачивания переселенческих процессов уже внутри региона.

Помимо организованных властями миграционных процессов, происходили и самостоятельные, добровольные переезды людей, «охочих» до

жизни на новом месте. Подобный поток не мог быть значительным в условиях существовавших трудностей, связанных с разрешениями на переезды, их организаций, дальностью маршрута. В целом сохраняя приоритет экономических интересов, добровольные миграции происходили прежде всего внутри региона, имели ряд специфических особенностей, реализуясь по нескольким сценариям. Одним из них выступало отделение молодой семьи от родительской порой не только в пределах того же селения, но и на удаленное расстояние. Отпочкование такого рода могло приводить к формированию заимок, располагавшихся вблизи водоемов или сенокосных угодий, вдоль охотничьих троп. Заимки образовывались и в силу истощенности обрабатываемых ранее почв, что позволяет говорить о потенциально «кочевом» характере земледелия, когда хлебопашцы вынуждены были периодически сниматься с насиженных мест в поисках плодородных земель. Некоторые заимки, куда направлялись их хозяева на время летних работ и устраивали себе пристанища-временки, постепенно превращались в постоянные поселения, получали собственные наименования.

Русские жители Тарского Прииртышья, как и всей Сибири, в условиях относительной свободы передвижения и неприкрепленности к наделу осваивали таким образом все новые земли. При наличии огромных пространств подобная деятельность способствовала слиянию отдаленных друг от друга лакун в единый сельскохозяйственный регион и возникновению полосы сплошного расселения.

Помимо социально-экономических обстоятельств, обеспечивающих внутренние миграции, на первый план могли выступать и природно-географические условия, побуждавшие местных жителей перебираться на новые места в случаях, когда прежняя территория по каким-либо причинам (например, из-за частых разливов рек) становилась неудобной для жизни. Информация о подобных переездах нередко доходила до властей уже как свершившийся факт.

Таким образом, «корневая система» жизнедеятельности населения Тарского уезда как будто не могла позволить себе окончательно углубиться, поскольку предполагалась вероятность переездов на новые места, сочетались элементы статичности и динамики, оседлости и подвижности.

3. Характеристики миграций в Тарском уезде

От составителя Тарского дозора требовалось фиксировать, «откуда родом» глава семейства, благодаря чему в настоящее время представляется возможным узнать о происхождении жителей, установить, являлись ли они уроженцами места их приписки или прибыли из иных земель. Из общего числа учтенных дворовладельцев — служилых и крестьян

(1083 чел.), зафиксированных ДК, отчетливо обозначили свое миграционное прошлое 106 человек (9,8 %) (табл. 1). Принимая во внимание даты основания Тары (1594 год) и ее слобод: Аевской и Биргамацкой (1668 год), Татмыцкой (1682 год), — заметим, что именно самая «молодая» Татмыцкая слобода стала «эпицентром» притяжения переселенческих потоков, количество прибывших сюда составляло 67 дворовладельцев — это 44,7 % от их общего числа. Из всех этих мигрантов 17 человек относились к служилым, а 50 — к крестьянам. В слободе Биргамацкой, соответственно, из 76 владельцев дворов 15 указаны как «пришлые» (19,7 %), 11 человек из которых были крестьянами. В Аевской слободе из 28 дворовладельцев все 11 мигрантов (39,3 %) являлись крестьянами. В деревнях, расположенных в северной части уезда (включая деревни по реке Оше и расположенные вниз по Иртышу), где совокупно учтено 322 двора, зафиксировано только 2 мигранта-крестьянина (0,6 %). В южной части Тарского уезда (в деревнях вверх по Иртышу) на 150 дворов пришлых было 10 человек (6,7 %), из них 7 были крестьянами. В городе Таре, самом старом и самом многочисленном поселении уезда, из всех 357 служилых — владельцев дворов — только 1 обозначил собственное миграционное прошлое.

Таблица 1

Количество дворовладельцев (служилых и крестьян) и переселенцев в населенных пунктах Тарского уезда

Населенные пункты	Служилые (чел.)			Крестьяне (чел.)		
	Всего	Прибывших из европейской России	Прибывших из сибирских мест	Всего	Прибывших из европейской России	Прибывших из сибирских мест
Город Тара	357	1	—	—	—	—
Деревни по реке Оше	136	—	—	—	—	—
Деревни «вниз по Иртышу»	178	—	—	8	—	2
Деревни «вверх по Иртышу»	132	—	3	18	5	2
Слобода Биргамацкая	27	2	2	49	6	5
Слобода Татмыцкая	96	6	11	54	23	27
Слобода Аевская	4	—	—	24	11	—
Всего	930	9	16	153	45	36

Составлено и подсчитано по: [РГАДА, 485 л.].

Некоторые из переселенцев, названных в ДК, осуществляли территориальные перемещения в связи с государевыми нуждами или требованиями, другие — по своей воле. В нарративах Тарского дозора оба варианта миграционных передвижений выражены точно определенными терминами, фиксирующими способы прибытия действующих лиц — участников этих процессов: «прислан» или «привезен», что отражало принуждение, и «пришел», имевшее оттенок добровольной деятельности.

По сообщениям 75 человек, в Сибирь (или, по терминологии ДК, в Тарский уезд либо на Тару) они «пришли». Это составило 71 % от всех мигрантов уезда, которые оказались в регионе как будто по своей воле. Из них 20 человек были служилыми людьми. Однако подобные сведения ДК требуют дополнительного истолкования. Многие служилые свидетельствовали, что в какой-либо из населенных пунктов Тарского уезда они «пришли и служат». В действительности же такие «свободные переезды» могли явиться следствием требования властей о передислокации определенных категорий жителей туда, где возникла потребность в дополнительных людских ресурсах. Государевы указы с подобными распоряжениями ставили задачу верстать желающих поехать на новые земли (как в далекую Сибирь, так и внутри самого региона), включать их в списки добровольцев. Например: Мосейка Яковлев сын Горностаев, родом с Устюга Великого Брюсянской волости, в Сибирь «пришел и служил» в Татмыцкой слободе [РГАДА, л. 254 об.], Ивашко Кондратьев сын Курпеш, родом с Тюмени, «пришел на Тару» в деревню Сеиткулову, где служил в казаках [Там же, л. 229]. Основателем Татмыцкой слободы явился выходец из Верхотурского уезда Ирбитской слободы крестьянский сын Митька Степанов сын Шипицын, которому было велено отправляться для строительства «сдав оброк <...> по челобитью его, по грамоте и по тобольской указной памяти» [Там же, л. 246].

Именно переводы имели эффективность в процессе колонизации новых земель на первых этапах, а позже происходило активное притяжение по-настоящему вольных переселенцев, привлеченных сведениями о крае, возможных перспективах жизнедеятельности. Ими становились чаще всего крестьяне. Из 81 крестьянина Тарского уезда, имевшего миграционное прошлое, 55 человек (68 %) определили характер своего переезда как добровольный. Движимые различными мотивами, они в первую очередь руководствовались хозяйственными потребностями, возможностями применить свой земледельческий опыт на обширных сибирских просторах.

О миграционном прошлом жителей края говорили фамилии, которые изначально являлись личными прозвищами, сложившимися в соответствии с предыдущим местом выхода — Корелин, Тюменцов, Поморцов, Пельымской, Казанцов, Тульской, Вяткин, Мезенин, Шадрин, Новогородцов, Устю-

жанин, Вологжанин, Перминов и др. По подсчетам А. А. Крих, в 1625 году у 21 % казаков имелись такие прозвища [Крих, 2016, с. 15]. Но многие потомки этих служилых в конце XVII века уже не упоминали о прибытии своих предков из иных мест. Аналогичные заключения касаются и крестьян, носивших фамилии, напоминавшие об их происхождении (например, Вятченины в Аевской слободе, Муромцовы и Суздальцовы — в Биргамацкой слободе).

ДК содержит интересные фрагменты, документирующие миграционные истории, длившиеся на протяжении поколений, отложившиеся в памяти потомков. Так, некоторые жители показывали, что их предки были «пришлые», прибыли некогда в пределы Тобольского разряда, а уже сами они впоследствии перебрались в Тарский уезд. Таковы истории тарчанина Осыки Иванова сына Гусельникова, чей отец пришел «из русских городов» в Тюмень [РГАДА, л. 130], служилого Татмыцкой слободы Микишки Тимофеева сына Салдатова Опрельша, чей отец пришел с Ваги в Тарский город [Там же, л. 251 об.]. Память о прошлых переселениях в ДК отражена в конструкции «был отец его родом ...». Так, крестьяне деревни Спасского монастыря упоминали, что их отцы жили ранее в других местностях: Ивашко и Фадюшка Ивановы сыны Холкины сказали, что их «отец-де был родом» из Туринского острога, Илюшка Абросимов сын Хвостов говорил, что отец его был родом из Устюжского уезда [Там же, л. 344, 344 об.]. При этом все названные жители — и служилые, и крестьяне — уже считали себя местными уроженцами, поскольку появились на свет в пределах Тарского уезда.

По материалам ДК можно определить внешние и внутренние места выхода. Внешние миграции, затевавшиеся далеко за пределами Сибири, стартовали из различных населенных пунктов государства Российского, среди которых доминировали поморские уезды (табл. 2). ДК зафиксировала Устюг Великий, откуда прибыло в Тарский уезд 5 человек, Вагу (4 чел.), Вятку, Мезень (по 2 чел.), Холмогоры, Яренск и Сольвычегодск (по 1 чел.). Именно о доминировании этого региона как наиболее активного «поставщика» мигрантов свидетельствовало указание Петра Великого к составителю Тарского дозора 1701 года о необходимости переписать пришлых, прежде всего поморских уездов. Однако Север не был единственным районом, который упоминался прибывавшими в Сибирь: в перечне мест выхода ими поименованы земли Прикамья (Соликамск), Урала (Кунгур). Мигранты перебирались на восток и из центра страны: Суздаля, Костромы, Нижнего Новгорода, Арзамаса, а чаще всего (15 раз) переселенцами была названа Москва. Наконец, другие 15 человек сказали, что приехали «из русских городов», точно их не обозначив.

Всего в качестве мест выходов из-за рубежей Сибири названы 14 населенных пунктов, из которых прибыло 62 человека. В этом числе 45 человек

Таблица 2

Переселенцы, прибывшие в Тарский уезд
из европейской части России

Место выхода	Служилые (чел.)	Крестьяне (чел.)
Русские города	1	14
Москва	1	14
Суздаль	—	1
Кострома	—	1
Нижний Новгород	—	1
Арзамас	—	3
Соликамск	—	1
Кунгур	—	1
Вятка	—	2
Холмогоры	1	—
Мезень	2	—
Устюг Великий	4	1
Яренск	—	1
Вага	—	4
Сольвычегодск	—	1
Всего	9	45

Составлено и подсчитано по: [РГАДА, 485 л.].

(73 %) были крестьянами: значительная их часть — 14 чел. — переехала из Москвы, еще 14 не определили места собственного выхода, указав их как «из русских городов».

В целом же мигранты из европейской части России являлись представителями разных народов. Изначально составившие этнически пеструю динамичную волну, они впоследствии утрачивали былую специфичность и обособленность, вступая в браки как между собой, так и с более ранними переселенцами. На первый взгляд, в дальнейшем должна была сложиться ситуация, когда по окончании длинного пути — переезда и адаптации к новым условиям — сформировавшееся относительно гомогенное сибирское население укоренилось бы на постоянных местах. Но в действительности подобная статичность носила условный и временный характер, поскольку наряду с никогда не прекращавшимися внешними миграциями XVII века, а особенно его второй половины, активизировались внутренние переселения (табл. 3).

Таблица 3

Переселенцы, прибывшие в Тарский уезд из Сибири

Место выхода	Служилые (чел.)	Крестьяне (чел.)
Тюмень	4	1
Тобольск (город, его уезды и слободы)	10	35
Томск	2	—
Всего	16	36

Составлено и подсчитано по: [РГАДА, 485 л.].

По сведениям ДК, в Тарский уезд прибыло 36 крестьян и 16 служилых из других мест Сибири. Подавляющее их большинство перебралось в южную часть региона из главного административного центра, города Тобольска, либо из его уездов и слобод. Обратим внимание, что в численном соотношении наибольшее количество служилых переехало в Тарский уезд именно из других сибирских мест (16 чел.) в сравнении с теми, кто прибыл сюда из Европейской России (9 чел.). Крестьяне, напротив, переселялись преимущественно из европейской части страны (45 против 36).

Составитель ДК должен был не только записать «место выхода» дворовладельца, но и указать время его прибытия в селение Тарского Прииртышья. Затруднились дать ответ на поставленный вопрос 9 человек, объясняя это тем, что в момент переезда были «в малых летех», либо ссылаясь на давность переезда («в прошлых давних годах»). Датой самой ранней (и единственной в 1650-е годы) миграции, зафиксированной ДК, является 1653 год, когда крестьянин Ивашко Кондратьев сын Курпеш из Тюмени «пришел на Тару», в деревню Сеиткулову [РГАДА, л. 229]. На протяжении 1660-х годов в регион прибыло лишь 2 переселенца-крестьянина (один — из Москвы, другой — «из русских городов»). В 1670-е годы число пришедших составило 11 человек, из которых 8 были выходцами из центральной России. В 1680-е годы в Тарский уезд перебрались 39 человек (19 — из европейской части России, 20 — внутрисибирские мигранты). Именно в это десятилетие в регион прибыло много служилых людей (13 чел.). Наибольшее количество мигрантов Тарский уезд принял в 1690-е годы — 41 человек, когда из европейской части страны переселилось 20 человек, а из сибирских мест — 21 человек. При этом пик миграционной активности пришелся на 1692 год, в течение которого в регион прибыло сразу 13 человек.

4. Заключение

Итак, ДК содержит богатый материал о разворачивании миграционных процессов, происходивших в Тарском Прииртышье в конце XVII века.

Сведения документа показывают динамику переселений, когда люди, прошедшие некогда по огромным тысячеверстным путям в далекую Сибирь, останавливались в определенном месте, нередко ненадолго, чтобы в какой-то момент начать новое движение, на этот раз уже в относительно обозримом пространстве.

Характеристики миграционных процессов, освещаемых ДК, во многом связаны с тем, что в большинстве своем их изначально реализовывали служилые люди — профессиональные воины, освоившие крестьянское ремесло, поскольку занятие земледелием стало необходимым условием их жизнедеятельности. Потому смысл переселений, с одной стороны, определялся синтезом быстрых перемещений со стремлением установить вооруженный контроль за подвластными землями, а с другой — адаптацией к окружающей среде, овладением способами ведения земледельческого хозяйства для самообеспечения хлебом. Значительную долю жителей Тарского уезда в XVII веке стали составлять и крестьяне, чей миграционный потенциал был выше, чем у служилых людей, что обещало дальнейший прирост числа тех жителей, которые будут заниматься хлебопашеством, обеспечивая грядущую аграрную колонизацию сибирского региона. Очевидно, что миграционные потоки нередко становились фактором возникновения новых русских земледельческих поселений. Чаще всего они создавались в виде слобод, которые сначала принимали значительную часть переселенцев, а затем оказывались инспираторами новых колонизационных волн.

Характер ДК как документа, призванного упорядочить данные фискального характера на освоенных территориях, обуславливал заострение внимания его составителя на пунктах приписки жителей, а не на местах их выхода, особенно если переезды совершались достаточно давно. Неудивительно поэтому, что нередко явившиеся к дозору неточно указывали селение, откуда они «пришли» или «присланы», к тому же сведения об их прибытии в Сибирь или на Тару спустя 40—50 лет уже стали забываться.

За рамками документа осталась значительная часть информации о жителях уезда: неясно общее количество переселенцев и членов их семей, неведомы судьбы женщин, сведения о которых лишь изредка «мелькают» в текстах ДК, что затрудняет воссоздание важных деталей миграционных процессов. Тем не менее в целом ДК является документом, позволяющим раскрыть панораму разворачивания переселений и тем самым внести дополнительные штрихи в освещение хода колонизации Сибири конца XVII века.

Источники и принятые сокращения

1. ДК — *Дозорная книга Тарского уезда 1701 года.*

2. РГАДА — *Российский Государственный исторический архив*. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Д. 1182. 425 л.

3. *Хорографическая* чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова : В 2 т. — Тобольск : Возрождение Тобольска, 2011. — Т. 1 : Факсимильное издание. — 344 с. — ISBN 5-86712-025-2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакиева Г. Т. Поволжские татары в Западной Сибири : особенности расселения и этнокультурного развития / Г. Т. Бакиева, Ю. Н. Квашнин // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. — 2013. — № 3 (22). — С. 156—164.

2. Бережнова М. Л. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. как источник по этнографии народов Тарского Прииртышья / М. Л. Бережнова, Н. В. Кабакова, С. Н. Корусенко // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. — 2013. — № 4 (23). — С. 111—116.

3. Бережнова М. Л. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. : к вопросу о причинах составления и содержании / М. Л. Бережнова, Н. В. Кабакова, С. Н. Корусенко // *Вестник Омского университета*. Серия : Исторические науки. — 2014. — № 1 (1). — С. 62—69.

4. Бущинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников / П. Н. Бущинский. — Харьков : Типография Губернского правления, 1889. — 345 с.

5. Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии) / А. В. Головнев. — Екатеринбург : УрО РАН ; Волот, 2009. — 497 с. — ISBN 978-5-89088-037-6: 315.

6. Головнев А. В. Феномен колонизации / А. В. Головнев. — Екатеринбург : УрО РАН, 2015. — 592 с. — ISBN 978-5-7691-2424-2.

7. *Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII — начало XVIII в.* : Сборник архивных источников / [Сост. Н. А. Балюк]. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2001. — 180 с. — ISBN 5-88081-261-8.

8. Зуев А. С. Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI — начале XVIII века / А. С. Зуев, А. А. Люцидарская // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия : История, филология. — 2010. — Т. 9. — № 1. — С. 52—69.

9. Кабакова Н. В. Делопроизводственные и картографические источники рубежа XVII—XVIII вв. : феномен «узнавания» новых пространств империи / Н. В. Кабакова, С. Н. Корусенко // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. — 2019. — № 4 (47). — С. 165—173. — DOI: 10.20874/ 2071-0437-2019-47-4-13.

10. Колева Г. Ю. Отголоски эпохи «сибирского взятия» : Волковы из деревни Волкова у озера Волково / Г. Ю. Колева // *Вестник Тюменского государственного университета*. — 2014. — № 2. История. — С. 57—66.

11. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. / А. Д. Колесников. — Омск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1973. — 440 с.

12. Крих А. А. Русское население Тарского Прииртышья : историко-генеалогические очерки (XVII — начало XX века) / А. А. Крих. — Омск : Издательский дом «Наука», 2016. — 263 с. — ISBN 978-5-98806-231-8.

13. Литинская В. А. Старожилы и переселенцы : Русские на Алтае. XVIII — начало XX века / В. А. Литинская. — Москва : Наука, 1996. — 269 с. — ISBN 5-02-009501-X.

14. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири / Н. И. Никитин. — Новосибирск : Наука, 1988. — 256 с. — ISBN 5-02-028971-X.

15. Никитин Н. И. Тобольская «литва» в XVII в. / Н. И. Никитин // *Город и горожане России в XVII — первой половине XIX в.* : сборник статей. — Москва : Институт истории СССР, 1991. — С. 47—73.

16. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века / А. А. Преображенский. — Москва : Наука, 1972. — 392 с.
17. Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI — XVII в. / В. Д. Пузанов. — Санкт-Петербург : Алетей, 2010. — 431 с. — ISBN 978-5-91419-268-3.
18. Пузанов В. Д. Служилое казачество и присоединение Сибири к России (конец XVI — XVII века) / В. Д. Пузанов // Забайкальское казачество: история и современность : Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. — Чита : Забайкальский государственный университет, 2018. — С. 60—63.
19. Раев Д. В. О посылке иноземцев в Сибирь в 1635 г. / Д. В. Раев, Д. Я. Резун // Сибирский плавильный котел : социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века. — Новосибирск : Сибирский Хронограф, 2004. — С. 13—21.
20. Рябцева В. А. Миграционные потоки старообрядцев в Западную Сибирь / В. А. Рябцева // Вестник КемГУКИ. — 2013. — № 24. — С. 63—72.
21. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков / В. И. Шунков. — Москва ; Ленинград : Издательство Акад. наук СССР, 1946. — 288 с.
22. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX — XX вв. / Т. Б. Щепанская. — Москва : «Индрик», 2003. — 528 с. — ISBN 5-85759-176-7 : 1200.

MATERIAL RESOURCES

- Chorographic drawing book of Siberia by Semyon Ulyanovich Remezov: In 2 volum, 1: Facsimile edition.* (2011). Tobolsk: Rebirth of Tobolsk. 344 p. ISBN 5-86712-025-2. (In Russ).
- DC — *The patrol book of the Tarsky uyezd of 1701.* (In Russ).
- RGADA — *Russian State Historical Archive. F. 214 (Siberian Order). Op. 1. d. 1182. 425 l.* (In Russ).

REFERENCES

- Agricultural economy of Western Siberia in the XVII — beginning of the XVIII century: collection of archival sources.* (2001). Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University. 180 p. ISBN 5-88081-261-8. (In Russ).
- Bakieva, G. T., Kvashnin, Yu. N. (2013). Volga Tatars in Western Siberia: features of settlement and ethnocultural development. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 3 (22): 156—164. (In Russ).
- Berezhnova, M. L., Kabakova, N. V., Korusenko, S. N. (2013). The watch book of the Tarsky uyezd of 1701 as a source for the ethnography of the peoples of the Tarsky Priirtyshye. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 4 (23): 111—116. (In Russ).
- Berezhnova, M. L., Kabakova, N. V., Korusenko, S. N. (2014). The watch book of the Tarsky uyezd of 1701: on the question of the reasons for the compilation and content. *Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences*, 1 (1): 62—69. (In Russ).
- Bucinsky, P. N. (1889). *Settlement of Siberia and the life of its first inhabitants.* Kharkiv: Printing house of the Provincial government. 345 p. (In Russ).

- Golovnev, A. V. (2009). *Anthropology of movement (antiquities of Northern Eurasia)*. Yekaterinburg: UrO RAS; Volot. 497 p. ISBN 978-5-89088-037-6. (In Russ).
- Golovnev, A. V. (2015). *The phenomenon of colonization*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 592 p. ISBN 978-5-7691-2424-2. (In Russ).
- Kabakova, N. V., Korusenko, S. N. (2019). Clerical and cartographic sources of the turn of the XVII—XVIII centuries: the phenomenon of “recognition” of new spaces of the Empire. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 4 (47): 165—173. DOI: 10.20874/2071-0437-2019-47-4-13. (In Russ).
- Kolesnikov, A. D. (1973). *The Russian population of Western Siberia in the XVIII — early XIX centuries*. Omsk: West Siberian Book Publishing House. 440 p. (In Russ).
- Koleva, G. Yu. (2014). Echoes of the era of the “Siberian capture”: Volkovs from the village of Volkov near Lake Volkovo. *Bulletin of the Tyumen State University*, 2: History: 57—66. (In Russ).
- Krikh, A. A. (2016). *The Russian population of the Tarsky Irtysh region: historical and genealogical essays (XVII — early XX century)*. Omsk: Publishing House “Nauka”. 263 p. ISBN 978-5-98806-231-8. (In Russ).
- Lipinskaya, V. A. (1996). *Old-timers and immigrants: Russians in the Altai. XVI — the beginning of the XX century*. Moscow: Nauka. 269 p. ISBN 5-02-009501-X. (In Russ).
- Nikitin, N. I. (1988). *Serviceable people in Western Siberia*. Novosibirsk: Nauka. 256 p. ISBN 5-02-028971-X. (In Russ).
- Nikitin, N. I. (1991). Tobolsk “Lithuania” in the XVII century. In: *The city and the citizens of Russia in the XVII — first half of the XIX century: a collection of articles*. Moscow: Institute of History of the USSR. 47—73. (In Russ).
- Preobrazhensky, A. A. (1972). *The Urals and Western Siberia at the end of the XV — beginning of the XVIII century*. Moscow: Nauka. 392 p. (In Russ).
- Puzanov, V. D. (2010). *Military factors of the Russian colonization of Western Siberia. The end of the XVI—XVII century*. Saint Petersburg: Aletheia. 431 p. ISBN 978-5-91419-268-3. (In Russ).
- Puzanov, V. D. (2018). Serving Cossacks and the annexation of Siberia to Russia (the end of XVI — XVII centuries). In: *TRANS — Baikal Cossacks: history and modernity: Materials of all-Russian (with international participation) scientific and practical conference*. Chita: Zabaykalsky State University. 60—63. (In Russ).
- Raev, D. V., Rezun, D. Ya. (2004). About sending foreigners to Siberia in 1635. In: *Siberian melting pot: socio-demographic processes in North Asia of the XV — early XX century*. Novosibirsk: Siberian Chronograph. 13—21. (In Russ).
- Ryabtseva, V. A. (2013). Migration flows of Old Believers to Western Siberia. *Bulletin of KemerGUKI*, 24: 63—72. (In Russ).
- Shchepanskaya, T. B. (2003). *Culture of the road in the Russian mythological tradition of the XIX—XX centuries*. Moscow: “Indrik”. 528 p. ISBN 5-85759-176-7: 1200. (In Russ).
- Shunkov, V. I. (1946). *Essays on the history of colonization of Siberia in the XVII — early XVIII centuries*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 288 p. (In Russ).
- Zuev, A. S., Lucidarskay, A. A. (2010). The ethnic composition of Siberian service people at the end of the XVI-beginning of the XVIII century. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 9 (1): 52—69. (In Russ).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Кармов А. Х. К вопросу о продовольственных кризисах в Кабардино-Балкарии в 20-е годы XX века / А. Х. Кармов // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 309—323. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-309-323.

Karmov, A. H. (2021). Food Crises in Kabardino-Balkaria in 1920s. *Nauchnyi dialog*, 9: 309-323. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-309-323. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-309-323

К вопросу о продовольственных кризисах в Кабардино- Балкарии в 20-е годы XX века

Кармов Амерби Хазретович
orcid.org/0000-0003-3522-033X
кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
karmovamerbi@mail.ru

Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»
(Нальчик, Россия)

Food Crises in Kabardino-Balkaria in 1920s

Amerbi H. Karmov
orcid.org/0000-0003-3522-033X
PhD in History
Senior Researcher
karmovamerbi@mail.ru

Kabardin-Balkar Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(Nalchik, Russia)

© Кармов А. Х., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается один из малоисследованных эпизодов системного продовольственного кризиса, охватившего Россию в начале прошлого столетия вследствие войн и революций, а также социальных преобразований в деревне. Проанализирована продовольственная ситуация в Кабардино-Балкарии 1920-х годов. Выявлены особенности исследовательского подхода, свойственного трудам региональных историков советского периода при рассмотрении темы голода в Кабардино-Балкарии в 1921—1922 и 1930 годах. На материале архивных источников показана активная роль местных и центральных органов власти в борьбе против голода в регионе в 1921—1922 годах. Особое внимание уделено проблеме голода 1930 года. Устанавливаются основные причины табуирования этой темы и отсутствия ее научной разработки. Доказывается, что по своим масштабам и последствиям продовольственный кризис в Кабардино-Балкарии в 1930 году был сопоставим с аналогичными явлениями 1921—1922 годов. Освещена сопряженная с проблемой системного кризиса обозначенного периода тема антиколхозного движения, инициированного летом 1928 года и развивавшегося вплоть до завершения коллективизации крестьянских хозяйств в Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова:

сплошная коллективизация; голод 1930 года; хлебозаготовка; индустриализация; крестьянские восстания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

One of the little-studied episodes of the systemic crisis that gripped Russian territory at the beginning of the last century as a result of wars and revolutions, as well as social transformations in the countryside, is considered. The food situation in Kabardino-Balkaria in the 1920s is analyzed. The features of the research approach inherent in the works of regional historians of the Soviet period when examining the theme of famine in Kabardino-Balkaria in 1921—1922 and 1930 are revealed in the article. On the material of archival sources, the active role of local and central authorities in the fight against hunger in the region in 1921—1922 is shown. Particular attention is paid to the problem of the 1930 famine. The main reasons for the taboo of this topic and the lack of its scientific development are established. It is proved that the scale and consequences of the food crisis in Kabardino-Balkaria in 1930 was comparable to the similar phenomena of 1921—1922. The subject of the anti-collective farm movement, which began in the summer of 1928 and lasted until the completion of the collectivization of peasant farms in Kabardino-Balkaria, associated with the problem of the systemic crisis of the indicated period, is highlighted.

Key words:

complete collectivization; the famine of 1930; grain procurement; industrialization; peasant uprisings.

К вопросу о продовольственных кризисах в Кабардино-Балкарии в 20-е годы XX века

© Кармов А. Х., 2021

1. Введение

Социально-политические катаклизмы начала XX века: империалистическая война, революции и гражданское противостояние, затянувшееся на Северном Кавказе, — определили особенности развития региона в условиях перехода к мирной жизни и начала восстановления экономики области. Следует подчеркнуть, что основу экономики области составляло сельское хозяйство, которое вследствие действий противоборствующих сил в годы лихолетья оказалось в удручающем состоянии. По данным переписи 1920 года, в сельскохозяйственном обороте оставалось только 46 % посевной площади по сравнению с предвоенными годами, что составило 56 027 дес. [Краткий статистический справочник ... 1925, с. 51]. По этим же данным, в 1913 году численность лошадей в Нальчикском округе достигла 78 611 голов, крупного рогатого скота — 230 226, овец и коз — 611 018, итого поголовье составляло 919 855, а в 1920 году соответственно — 38 804, 124 058, 166 111, итого — 328 973 [Там же, с. 92]. В итоге за период войн и революций Нальчикский округ потерял почти две трети поголовья крупного и мелкого скота.

Крестьяне особенно страдали от продовольственной разверстки, на которую приходился центр тяжести политики военного коммунизма, что имело крайне негативные последствия для миллионов крестьян. Именно она явилась катализатором антибольшевистских крестьянских восстаний, прокатившихся почти по всей стране. Недовольство крестьянских масс политикой «военного коммунизма», перешедшее в открытую враждебность к советской власти, убедило большевистское правительство в необходимости перехода к более гибкой экономической политике. Такой переход был осуществлен на X съезде партии: политика «военного коммунизма» была заменена на новую экономическую политику (далее — НЭП). С ней оказались связаны большие надежды крестьян на расширение сельскохозяйственного производства и улучшение качества жизни. С опорой на новую экономическую политику крестьянам Кабарды в 1921 году удалось расширить посевную площадь на 1353 дес. по сравнению с 1920 года и засеять 57 380 дес. [Жакомихов, 1967, с. 23]. Однако в том же году многие регионы страны, в том числе и Кабарду, постигло страшное стихийное бедствие — засуха.

Тяжелейшие социально-экономические условия, сложившиеся в Кабарде и Балкарии после окончания Гражданской войны, и деятельность местных органов власти по восстановлению экономики области были проанализированы еще в советское время в трудах региональных историков. Так, в монографии Х. М. Бербекова «Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии» приводятся данные о том, что в названной области голодала треть населения — около 50 тыс. человек, в связи с чем продовольственный налог был выполнен не полностью: по зерну — на 50 %, по сему — на 40 %, по мясу — на 100 %. В работе отмечается помощь областного Центра в преодолении тяжелых последствий голода в 1921 году. Подчеркивается, что трудности восстановления народного хозяйства Кабарды и Балкарии усугублялись еще и тем, что в 1924 году вторично после неурожайного 1921 года область постиг недород. По данным автора этот год был еще тяжелее 1921, так как погибло 82 % всех посевов. Неурожаем были охвачены почти все округа области. Площадь погибших посевов достигла 59 531 дес.

Недород 1924 года породил проблему сохранения рабочего и продуктивного скота. Для того чтобы оградить крестьян от продажи скота за бесценок, государство выделило для субсидирования бедняцких хозяйств 170 тыс. рублей. Большинство бедняцко-середняцких хозяйств было освобождено от уплаты сельскохозяйственного налога. И только 13 % зажиточно-кулацких хозяйств не получили скидки [Бербеков, 1963, с. 140—142]. Более того, они облагались дополнительным сельскохозяйственным налогом для покрытия налогов освобожденных бедняцко-середняцких хозяйств.

Важно также отметить, что во избежание поголовного голода населения области облисполком специальным циркуляром от 25 января 1922 года освобождал от зерновых продовольственных налогов ст. Пришибская, хут. Матвеевский, Черниговский, сел. Иналово, Лафишева, Хамидие, Неурожайное, Терское [УЦГА АС КБР, ф. Р-6, оп. 1, д. 136, т. 1, л. 51—51 об.]

В отношении мясного налога власть предъявляла особенно жесткие требования, в частности, требовала немедленной сдачи скота по налогу от всех сельских исполкомов. От налога на мясо не освобождался никто, даже те домохозяйства, в которых была только одна корова. Неплательщики мясного налога преследовались Трибуналом [Кармов, 2018, с. 40], чем и можно объяснить причину «единодушного и добровольного» выполнения плана по заготовке мяса на 100 %.

Катастрофические последствия засухи и голода 1921 года и недорода 1924 года нашли отражение в работе Т. Жакомихова. По его данным, в рамках помощи по ликвидации последствий этих бедствий только в 1921 году область получила через сельскохозяйственную кооперацию до двух тысяч сельскохозяйственных машин и разного рода сельскохозяйственного ин-

вентаря. Голодающее население получило от государства продовольствие, мануфактуру, промышленные изделия и др.

Для преодоления тяжелых последствий недорода 1924 года были созданы комитеты по оказанию помощи голодающим, для Кабардино-Балкарской области был снижен единый сельскохозяйственный налог на 70 %, а бедняцкие хозяйства полностью освобождались от налога. Наркомзем послал в Кабардино-Балкарию 20 тракторов [Жакомихов, 1967, с. 20—23].

Приведенные статистические данные в расширенном варианте представлены в обобщающем труде [История Кабардино-Балкарской АССР ..., 1967, с. 118—120].

2. Коллективизация и хлебозаготовка как источники финансирования индустриального строительства

Вторая половина 20-х годов проходила в регионе в условиях перманентного продовольственного кризиса, и этот феномен рассматривался республиканскими историками как временные, случайные, локальные продовольственные трудности, спровоцированные кулацко-мульскими элементами, выступавшими против аграрной политики советской власти в деревне, а тема голода в официальных документах была табуирована по идеологическим соображениям. Очевидно, это было связано с тем, что в условиях развернутого строительства социализма появление в стране публикаций, противоречащих этой парадигме, воспринималось как кощунство и злопахательство, о чем говорилось во вступительной статье к документам российских архивов 1932—1933 годов о голоде в СССР [Кондрашин и др. ...].

В условиях советской действительности в открытой печати не публиковались материалы, освещавшие продовольственное положение населения Кабардино-Балкарии во второй половине 1930-х годов, равно как и в других регионах страны. В государственных архивах документы подобного рода были строго засекречены. Однако после открытия некоторых архивных фондов, в которых хранились документы, связанные с массовыми репрессиями, и публикации документов, извлеченных из центральных и местных архивохранилищ, появилась возможность объективного изучения данной проблемы.

В упомянутой вступительной статье к документам о голоде анализируются архивные материалы, раскрывающие социально-экономическую ситуацию в области, положение крестьян в условиях форсированной коллективизации их хозяйств, отражение этого процесса в общественном сознании жителей горской деревни, материалы, освещающие роль местных и центральных органов власти. Среди них особое место занимает пере-

писки И. В. Сталина с В. М. Молотовым. Последний был ближайшим соратником вождя, неукоснительно выполнял все его поручения, являлся одним из главных организаторов проведения коллективизации крестьянских хозяйств и организации хлебозаготовки в стране. Обращаясь к нему, И. В. Сталин 10 августа 1929 года писал, что читал проект постановления ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках. Однако проект при всех его достоинствах показался ему совершенно недостаточным, и он внес существенные замечания, после чего тот был утвержден Политбюро 15 августа 1929 года. Данное постановление обязывало соответствующие органы власти применять в массовом порядке репрессивные меры по отношению к лицам, препятствовавшим заготовительным мероприятиям советской власти на местах, включая и коммунистов, если таковые имелись.

Из переписки И. В. Сталина с В. М. Молотовым видно, что хлебозаготовка занимала ключевое место во внешней и внутренней политике страны в 1930-е годы. По свидетельству И. В. Сталина, в конце августа 1929 года хлебозаготовки пошли хорошо. «Мы должны и можем накопить 100 миллионов пудов неприкосновенного запаса — писал он В. М. Молотову. Если с хлебом выиграем, — выиграем во всем, и в области внутренней, и в области внешней политики [Письма И. В. Сталина ...]. Поэтому он требовал увеличения экспорта хлеба в 1930 году до 130—150 миллионов пудов хлеба ежедневно в течение 1—1,5 месяцев, пока не поступит американский хлеб на мировой рынок. В противном случае, считал Сталин, валютное положение страны может стать отчаянным. Такой ситуации он не мог допустить ни при каких условиях. В связи с этим он сообщает В. М. Молотову: «Заготовки растут[,] и каждый день вывозим хлеба 1—1.½ мил[лиона] пудов. Я думаю, что этого мало. Надо бы поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3—4 миллионов пудов минимум. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский и пр.) заводов ... Словом, нужно бешено форсировать вывоз хлеба» [Там же].

Следует подчеркнуть, что государство разработало систему заготовок сельскохозяйственных продуктов, согласно которой устанавливались усредненные нормы поставок хлеба стране с тем, чтобы заготовительные органы не изымали у крестьян больше одной трети общественных зерновых запасов. Тем самым оно оставляло крестьянским хозяйствам минимум продовольственного запаса для организации очередного сева и удовлетворения потребностей крестьян. Однако хлебозаготовительный кризис 1927—1928 годов резко обострил ситуацию. Одной из главных причин дестабилизации обстановки на хлебном рынке стало ухудшение международного положения СССР в связи с разрывом дипломатических отношений

с Англией и распространением слухов о скором начале войны с ней, а возможно, и с другими европейскими странами. Продовольственный рынок резко отреагировал на эту ситуацию, цены на хлеб пошли вверх и в разы превысили государственные закупочные цены. В этих условиях крестьяне перестали продавать государству хлеб по низким закупочным ценам. По существу, план хлебозаготовки 1927/1928 годов был сорван. Сложившаяся ситуация на хлебном рынке заставила советскую власть принять чрезвычайные меры по примеру продотрядов времен Гражданской войны. Тем самым был положен конец новой экономической политике. На смену ей шла сплошная коллективизация крестьянских хозяйств. Она была продиктована необходимостью реализации стратегического курса партии на форсированную индустриализацию страны, принятого на XIV съезде ВКП(б). В этих условиях симптомы голода обозначились в конце 1929 — начале 1930 годов, когда в зонах сплошной коллективизации фиксировались факты голода и даже единичных смертей на их почве [Кондрашин и др.].

Летом 1930 года в некоторых районах Дона, Кубани и Ставрополья были выявлены случаи перебоев в продовольственном обеспечении сел и станиц, после появились сведения о связанных с недоеданием и истощением заболеваниях людей [Бондарь, 2016]. Эти тревожные явления стали прямым следствием сталинского руководства, направленного на форсирование процесса индустриализации, нуждавшегося в источниках финансирования. Для этого перед крестьянскими хозяйствами ставились повышенные нормы по хлебосдаче. На решение задачи была направлена политика коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Мероприятия советской власти по переводу мелких, разрозненных крестьянских хозяйств на социалистические рельсы были обусловлены, прежде всего, необходимостью увеличения объема производства сельскохозяйственных продуктов с целью удовлетворения потребностей растущего городского населения продовольствием и накопления хлебного экспортного ресурса для его реализации на мировом рынке. Вырученная валюта пускалась на оплату поставок оборудования для строящихся крупных промышленных предприятий, а также на заработную плату многочисленным специалистам, работавшим в СССР.

Таким образом, главным источником финансирования индустриального строительства в стране являлось сельское хозяйство.

3. Продовольственный кризис в Кабардино-Балкарии в 1930 году

В это время в сопредельной со Ставрополем Кабардино-Балкарской области резко обострился продовольственный кризис, за которым последовал голод. Положение усугублялось тем, что местные органы власти

производили обыски и изъятие продовольственных запасов сельского населения, включая семенной фонд и продукты питания, необходимые на содержание семьи до нового урожая. Дело иногда доходило до того, что хлебозаготовка производилась прямо на поле, а весь собранный урожай забирался в счет этого фонда. Так, 25 октября 1929 года областная прокуратура Кабардино-Балкарии обратилась к соответствующим органам власти КБАО с сообщением о том, что «Нальчикский окрисполком и представители его в сел. Аушигер берут хлеб в заготовку прямо с поля принудительным порядком, не взирая на то, что большинство владельцев хлеба бедняки и середняки» [УЦГА АС КБР, ф. Р-5, оп. 1, д. 337, л. 15]. В связи с этим она просила принять надлежащие меры и о результатах расследования срочно сообщить в областную прокуратуру. Подобная практика хлебозаготовки в административных округах области была обыденной.

Хлебозаготовительные мероприятия в КБАО, недород и засуха 1929 года, охватившие значительную часть посевной площади области, легли тяжелым бременем на плечи кабардино-балкарских крестьян, что вызвало массовое возмущение против действий местных властей. Особенно оно усилилось в связи с реализацией решения бюро крайкома партии от 8 января 1930 года о выселении 20 тыс. кулацких хозяйств края. По разнарядке из Кабардино-Балкарии выселялись 350 кулацких хозяйств. Это выселение вкупе с тяжелым продовольственным кризисом, а также расстрелом одного из активных участников революционного движения на Северном Кавказе шариятиста Н. Катханова и его единомышленников в августе 1928 года привели к резкому ухудшению общественно-политической ситуации в Кабардино-Балкарии. Антирелигиозная борьба в области вступила в новую, более агрессивную фазу: закрывались мечети и медресе, репрессировались муллы и эфенди как сторонники шариата, как контрреволюционные и антисоветские элементы. Все это послужило детонатором взрыва общественно-политической ситуации в Верхнем Курпе летом 1929 года и открытого вооруженного сопротивления властям, длившегося с 4 июля по 7 августа. Итог верхнекурпской трагедии — 34 смертных приговора и 2 приговора к 10 годам заключения.

На формирование протестного настроения в Нагорном и Баксанском округах большое влияние оказало антисоветское выступление крестьян в Верхнем Курпе. В конце августа 1929 года в Нагорном округе (с. Сармаково) КБАО сформировался штаб по подготовке и руководству восстанием. Главные требования штаба — создание народной власти без коммунистов на основе шариата, отказ от колхозного строительства, восстановление частной собственности, прекращение репрессий против духовенства и т. д. К этим требованиям присоединились возмущенные крестьяне Баксанского

округа. 15 февраля 1930 года в Кабардино-Балкарии началось антиколхозное движение под лозунгом «Долой власть колхозов и совхозов!», получившее название Нагорно-Баксанское восстание.

Через 3 дня, то есть 18 февраля в Баксанском и Чегемском ущельях началось антиколхозное выступление балкарцев. Их главные требования: свобода народу, свобода вероисповедания, свобода торговли, отказ от несправедливости и беззакония [Бечелов, 2015].

В докладной записке «О массовых выступлениях крестьян в связи с арестом и высылкой кулаков из края» от 18 февраля 1930 года, направленной штабом Северо-Кавказского военного округа Б. М. Шапошникову, начальнику Штаба РККА, описаны характер и причины антисоветских выступлений в Кабардино-Балкарии. Авторы докладной записки приходят к выводу: «Имевшие место выступления в Сальском окр. и в Кабарде указывают на переход кулачества и контрреволюционного элемента к созданию вооруженной силы в целях организации восстаний» [Трагедия советской деревни ..., 2000, с. 240—241].

В тот же день из политуправления Северо-Кавказского военного округа поступило донесение в Политуправление РККА о ситуации в крае в связи с раскулачиванием. В данной оперативной сводке подробно излагается ход боевых действий в районе Нагорного и Баксанского округов в феврале 1930 года, развернувшихся между повстанцами и частями Красной Армии с группой поддержки из числа вооруженных местных коммунистов. В исследуемый период антисоветские выступления прокатились по всем национальным областям Северного Кавказа [Ибрагимов, 2012]. В этих экстремальных условиях — в связи с постановлением краевых организаций о переходе к сплошной коллективизации, под мощным давлением местных и областных властей — проводилась коллективизация крестьянских хозяйств. Отношение крестьян к ней сформулировал один из середняков станицы Котляревской КБАО, который заявил: «Конечно, если заставят насильно, то делать нечего, но от этого хорошего будет мало» [Трагедия советской деревни ..., 2000, с. 114].

В официальных документах признавалось обострение продовольственного кризиса в Кабарде. Это обострение привело к усилению массового недовольства населения, местами — к эксцессам, как это было в с. Терское и Неурожайное. Ситуация нашла отражение в работе Н. С. Лавровой, в которой подчеркивается, что «в Кабарде на почве все обостряющихся производственных затруднений создалось напряженное положение» [Лаврова, 2004, с. 105].

Напряженность нарастала из-за перебоев в снабжении области мануфактурой, мылом, табаком, сахаром, маслом, хлебом и другими промышленными и продовольственными товарами. Особое недовольство сельско-

го населения вызывала неэффективная система обмена продуктов в кооперации. Так, фиксировались случаи выхода из кооперации, например, в Прималкинском округе, в станице Котляревской при обмене сельди на яйца сельчане учинили скандал, едва не избили продавца. В с. Ивановском группа женщин (40 чел.) пыталась избить продавцов за отказ местного потребительского общества обменять масло на деньги, раздавались призывы к разгрому лавки и разбору товаров [Трагедия советской деревни ..., 2000, с. 531—532].

В условиях надвигающегося голода активизировалась подпольная торговля продуктами сельскохозяйственного производства. Для предотвращения этого процесса были выставлены заградительные отряды в Терском округе, которые задерживали партии зерна, направлявшиеся в сторону Астрахани и Кабарды; в Прохладненском районе заслоны часто останавливали подводы с ячменем и пшеницей, следующие в сторону Кабарды, как будто бы с целью обмолота. Заслоны отправляли подводы на местный рынок [Там же, с. 563].

Такие явления массового беспорядка на почве обнищания крестьян А. К. Текуев характеризует как новую тактику борьбы классово-чуждых элементов против колхозного строительства [Текуев, 1972, с. 322].

Продовольственное положение населения Кабардино-Балкарии ухудшилось к осени 1930 года до такой степени, что начался голод. Правда, в официальных документах слово голод не употреблялось, но от этого суть явления не менялась. В этом убеждает содержание обращения Кабардино-Балкарского облисполкома в Совнарком РСФСР, в котором определялись размеры стихийного бедствия, «... вследствие неурожая по своим размерам превышающего все последствия за последние 25—30 лет» [УЦГА АС КБР, ф. Р-8, оп. 2, д. 21, л. 76—76 об.]. Основной причиной такого бедствия считались недород 1929 года и небывалая засуха летнего и осеннего периодов 1930 года, в результате которых, по заключению специальной комиссии Северокавказского Крайисполкома, на 50—70 % посевной площади Кабардино-Балкарии урожай полностью погиб. На оставшихся посевных участках можно было собрать не более 15—20 пудов зерна с гектара.

Если принять во внимание, что обследование комиссией Крайисполкома проводилось в первых числах августа, а последующее время отличалось небывалой засухой, то естественно, что прогнозируемый сбор в 15—20 пудов с гектара посевной площади резко снизился и процент полной гибели урожая увеличился.

Следует подчеркнуть, что в экономике Кабардино-Балкарии важное место всегда занимало животноводство. Этим видом сельскохозяйственной отрасли занималось исключительно население балкарского округа,

составлявшее 34,3 тыс. человек. Оно всегда приобретало продовольствие в административных округах области, расположенных на плоскости, потребляя в среднем 10—12 пудов зерновых на едока.

В обращении Кабардино-Балкарского облисполкома особое внимание обращалось на выделение средств с целью финансирования лесомелиоративных и дорожно-строительных работ. Необходимость их проведения объяснялась отсутствием защитных лесных полос от суховеев, большим вредом от оползней и сливов на значительной территории посевных площадей, слабой развитостью дорожной сети, особенно в горных районах.

В докладной записке облисполкома, направленной Минторгу СССР, обосновывалась необходимость предоставления КБАО крупных материальных средств для поддержания экономической устойчивости: сохранения поголовья рабочего и продуктивного скота, гарантии защиты от резкого сокращения посевных площадей, отпуска семенного материала и т. д. Особое внимание уделялось снабжению хлебом населения, пострадавшего от неурожая как в полеводческих округах на плоскости, так и в горных скотоводческих районах (Балкария). Также необходимо было учитывать, что в Кабардино-Балкарии шло строительство новых промышленных и сельскохозяйственных объектов, таких как Баксанская гидроэлектростанция, химический комбинат, пемзопепловый рудник, риссовхоз, крупный птицекомбинат, консервный завод, проводились мелиоративные и лесозаготовительные мероприятия и другие строительства с общей годовой затратой в 50 млн рублей без учета действовавших промышленных и сельскохозяйственных предприятий. На этих объектах трудились более 15 000 рабочих, которые приобретали продукты питания непосредственно у крестьян.

В условиях глубокого продовольственного кризиса, когда крестьяне, по существу, голодали, рабочие стали предъявлять требования о выдаче заработной платы не деньгами, а продуктами. Неудовлетворение требований влекло за собой сокращение рабочих, что негативно отражалось на темпах строительства в области. С учетом этих и других обстоятельств Облисполком настоятельно просил вышестоящие органы власти о незамедлительном завозе 70 953 тонн продовольствия из других регионов страны и выделении наряда на все заготовленные продукты и на те, которые будут заготовлены в менее пострадавших от неурожая районах в объеме 17 300 тонн [УЦГА АС КБР, ф. Р-8, оп. 2, д. 21, л. 91—91 об.].

При этом следует иметь в виду, что в 1929/30 операционном году на Кабардино-Балкарском крахмальном заводе было произведено более 3000 тонн крахмала из местной пшеничной муки, которая успешно заменила дорогостоящий американский маисовый крахмал, тем самым избавив страну от необходимости его импорта [История Кабардино-Балкарской

АССР ..., 1967, с. 165], а маслобойный завод в Нальчике регулярно отгружал жмых на экспорт, в связи с чем работа этих предприятий ни при каких условиях не могла быть приостановлена.

Положение с продовольствием в Кабардино-Балкарии обсуждалось 12 ноября 1930 года на заседании комиссии по вопросу об отпуске средств, продовольствия и фуража для оказания помощи населению области в связи с неурожаем. Она предложила НКТоргу РСФСР совместно с НКЗемом, Представительствам Северокавказского края и Кабардино-Балкарской Автономной области: а) уточнить хлебо-фуражный баланс Кабардино-Балкарской АО; б) исходя из указанного баланса, а также из необходимости максимальной мобилизации внутренних ресурсов Северокавказского края и Кабардино-Балкарской Автономной области, установить минимальный размер необходимой продовольственной помощи сельскому населению Кабардино-Балкарской области в неурожайных районах, учитывая при этом общие директивы по данному вопросу Правительства СССР и РСФСР [УЦГА АС КБР, ф. Р-8, оп. 2, д. 21, л. 75—75 об.].

На заседании, проведенном в соответствии с решением комиссии начальника учета и статистики Наркомата зерновых и животноводческих совхозов РСФСР Г. И. Колдомасова при секторе снабжения Минторга РСФСР по определению количества хлеба для оказания помощи населению Кабардино-Балкарской области в связи с неурожаем, была определена средняя норма на душу в 2,31 центнера зерна в год. С учетом остающегося хлеба из 173 000 сельского населения 89,5 тыс. чел. могут быть обеспечены хлебом. На остальное население, в количестве 89,8 тыс. чел., было выделено по 76 кило на 10 месяцев на душу населения и 100 кило на душу скотоводческого населения. В итоге было принято решение оказать помощь населению области хлебом в объеме 9930 тонн [Там же, л. 73].

26 ноября состоялось совещание при управлении финансирования НКФ РСФСР по вопросу об оказании помощи населению Кабардино-Балкарской области в связи с недородом. В нем принимали участие представители от НКФ, НКЗ, Главдотранса, от КБАО — представитель Кабардино-Балкарской области при Президиуме ВЦИК Макаров. Они проанализировали продовольственную ситуацию в области и отметили ее критический характер. Вместе с тем упомянутые представители министерств и ведомств констатировали, «что для удовлетворения ходатайства области ни по смете НКЗема, ни по смете Главдотранса не имеется необходимых источников» [Там же, л. 68].

В целом решение Центра по оказанию помощи Кабардино-Балкарии для преодоления продовольственного кризиса было обозначено в письме Макарова в областной исполнительный комитет в январе 1931 года. В нем

сообщалось, что с согласия Наркомторга «в Крае договорились об отпуске области кукурузы 8250 и пшеницы 1650 тонн» [Там же, л. 66—67].

4. Заключение

Результаты исследования проблемы продовольственных кризисов в 20-е годы XX века позволили выявить их особенности в контексте реализации аграрной политики государства в конкретных исторических условиях. Так, первый кризис 1921—1922 годов и отягощенный недородом кризис 1924 года рассматривался как следствие многолетних войн и революций, а борьба с голодом объявлялась неотложной задачей всех уровней власти Кабардино-Балкарии и превратилась в главную повестку дня. Была развернута широкая пропаганда по оказанию помощи голодающим. Такая государственная политика легитимировала данную тему.

В иных исторических условиях складывались предпосылки продовольственного кризиса, начавшегося с середины 1930 года. Последний явился следствием сплошной коллективизации крестьянских хозяйств и ликвидации кулачества как класса, что было сопряжено с насильственной хлебозаготовкой. Проведение подобной аграрной политики было обусловлено необходимостью вывоза сельскохозяйственной продукции на внешний рынок и накопления иностранной валюты для индустриализации страны в условиях «наступления социализма по всему фронту». В рамках этой парадигмы, с учетом общих директив Правительства СССР и РСФСР по оказанию помощи неблагоприятным районам, было принято решение о выделении Кабардино-Балкарии 9910 тонн зерна.

Источники и принятые сокращения

1. *Краткий* статистический справочник Кабардино-Балкарской автономной области. Год 1-й. — Нальчик : Кабардино-Балкарское областное статистическое бюро, 1925. — 202 с.
2. *Письма* И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925—1936 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://militera.lib.ru/docs/da/stalin_molotov/index.html (дата обращения 11.05.2021).
3. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы* : в 5 т. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 / под ред. В. Данилова и др. — Москва : РОССПЭН, 2000. — Т. 2. — 927 с.
4. УЦГА АС КБР — *Управление* центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бербеков Х. М.* Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии / Х. М. Бербеков. — Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. — 536 с.
2. *Бечелов З. Ш.* К вопросу о социалистическом преобразовании сельского хозяйства в Кабардино-Балкарии [Электронный ресурс] / З. Ш. Бечелов // Мир науки. — 2015. — № 2. — Режим доступа : <http://mir-nauki.com/PDF/26IMN215.pdf>.

3. Бондарь З. А. «Продовольственный кризис на Северном Кавказе в середине 1930 года и его влияние на взаимоотношения крестьянского населения с властью» / З. А. Бондарь // Гуманитарные и юридические исследования. — 2016. — № 2. — С. 31—36.
4. Жакомихов Т. А. История народного хозяйства Кабардино-Балкарии / Т. А. Жакомихов. — Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1967. — Часть II. — 390 с.
5. Ибрагимов М. М. Противодействие коллективизации в национальных областях Северного Кавказа на рубеже 1920—1930-х гг. / М. М. Ибрагимов // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 5. — С. 171—175.
6. История Кабардино-Балкарской АССР. — Москва : Наука, 1967. — Т. 2. — 439 с.
7. Кармов А. Х. Продовольственный кризис в Кабардино-Балкарии в начале 20-х годов XX в. / А. Х. Кармов // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. — 2018. — № 3 (38). — С. 38—47. — DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-38-47.
8. Кондрашин В. В. Говорить о голоде считалось чуть ли не контрреволюцией [Электронный ресурс] / В. В. Кондрашин, Е. А. Тюрина. — Режим доступа : <https://ysshipelag.ucoz.ru/publ/31-1-0-1068> (дата обращения 24.04.2021).
9. Лаврова Н. С. Аграрные преобразования и развитие села в Кабардино-Балкарии в 20 — 30-е годы XX века : автореферат диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. С. Лаврова. — Нальчик : Типография КБГУ, 2004. — 198 с.
10. Текуев А. К. Осуществление ленинского кооперативного плана в национальных республиках и областях Северного Кавказа (1927—1937 годы) / А. К. Текуев. — Нальчик : Эльбрус, 1972. — 296 с.

MATERIAL RESOURCES

- A brief statistical reference book of the Kabardino-Balkar Autonomous Region, 1.* (1925). Nalchik: Kabardino-Balkar Regional Statistical Bureau. 202 p. (In Russ.).
- Danilov, V. (ed.). (2000). *The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dekulakization. 1927—1939. Documents and materials*, 5 (2). November 1929 — December 1930. Moscow: ROSSPEN. 927 p. (In Russ.).
- Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic.* (In Russ.).
- Letters of I. V. Stalin to V. M. Molotov.* (1925—1936). Available at: http://militera.lib.ru/docs/da/stalin_molotov/index.html (accessed 11.05.2021). (In Russ.).

REFERENCES

- Bechelov, Z. S. (2015). On the question of the socialist transformation of agriculture in Kabardino-Balkaria. *Mir nauki*, 2. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/261MN215.pdf>. (In Russ.).
- Berbekov, H. M. (1963). *Transition to socialism of the peoples of Kabardino-Balkaria*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House. 536 p. (In Russ.).
- Bondar, Z. A. “The food crisis in the North Caucasus in the middle of 1930 and its impact on the relations of the peasant population with the authorities”. *Humanitarian and legal studies*, 2: 31—36. (In Russ.).
- History of the Kabardino-Balkar ASSR*, 2. (1967). Moscow: Nauka Publishing House. 439 p. (In Russ.).

- Ibragimov, M. M. (2012). Counteraction to collectivization in the national regions of the North Caucasus at the turn of the 1920s—1930s. *Theory and practice of social development*, 5: 171—175. (In Russ.).
- Karmov, A. Kh. (2018). The food crisis in Kabardino-Balkaria in the early 20s of the twentieth century. *Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies*, 3 (38): 38—47. DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-38-47. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V., Tyurina, E. A. *Talking about the famine was considered almost a counter-revolution*. Available at: <https://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/31-1-0-1068> (accessed 24.04.2021). (In Russ.).
- Lavrova, N. S. (2004). *Agrarian transformations and rural development in Kabardino-Balkaria in the 20—30s of the twentieth century*. Author's abstract of PhD Diss. Nalchik: Printing house of KBSU. 198 p. (In Russ.).
- Tekuev, A. K. (1972). *Implementation of the Leninist cooperative plan in the national republics and regions of the North Caucasus (1927—1937)*. Nalchik: Elbrus. 296 p. (In Russ.).
- Zhakomikhov, T. A. (1967). *History of the national economy of Kabardino-Balkaria, II*. Nalchik: Kabardino-Balkar Book Publishing House. 390 p. (In Russ.).

Клочков В. В. Происхождение суверенитета и границы королевской прерогативы в торийской политической полемике в Великобритании последней трети XVIII века / В. В. Клочков, В. С. Назарова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 324—341. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-324-341.

Klochkov, V. V., Nazarova, V. S. (2021). Origin of Sovereignty and Boundaries of Royal Prerogative in Tory Political Controversy in Great Britain in Last Third of 18th Century. *Nauchnyi dialog*, 9: 324-341. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-324-341. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-324-341

**Происхождение
суверенитета
и границы королевской
прерогативы в торийской
политической полемике
в Великобритании
последней трети XVIII века**

Клочков Виктор Викторович
orcid.org/0000-0003-1850-6096
доктор исторических наук, доцент
vicpeel@mail.ru

Назарова Вероника Сергеевна
orcid.org/0000-0002-2583-121X
старший преподаватель
doord80@mail.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

**Origin of Sovereignty
and Boundaries of Royal
Prerogative in Tory Political
Controversy in Great Britain
in Last Third of 18th Century**

Viktor V. Klochkov
orcid.org/0000-0003-1850-6096
Doctor of History, Associate Professor
vicpeel@mail.ru

Veronika S. Nazarova
orcid.org/0000-0002-2583-121X
Senior Lecturer
doord80@mail.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

© Клочков В. В., Назарова В. С., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается дискурс о природе и границах королевского суверенитета, развернувшийся с приходом к власти в Великобритании Георга III. Исследуются ключевые особенности и изменения в конституционных воззрениях тори, оформившиеся в 60—90-е годы XVIII века. Актуальность исследования заключается в определении характера и роли исследуемого дискурса в формировании новой торийской идентичности, концентрирующей на интегральной роли монарха. Новизна исследования состоит в том, что сделан акцент на религиозной составляющей этого дискурса, а также в использовании церковных проповедей как особого рода источника. При этом некоторые отрывки проповедей впервые вводятся в научный оборот. Подчеркивается, что в исследуемый период у партии тори не существовало политической идеологии, а на текущую политику влияли опасения относительно устойчивости английской конституции, связанные с событиями в североамериканских колониях. Показана обоснованность осторожных подходов сторонников критического направления в современной британской историографии к оценке торийской идентичности в последней трети XVIII века. Представлена авторская оценка того, каким образом торизм 60—90-х годов XVIII века переосмысливает опыт «старых тори», сочетая традиционное уважение к королевской прерогативе с признанием прав и привилегий парламента.

Ключевые слова:

Великобритания; 60-90-е годы XVIII век; британская конституция; партия тори, политический дискурс; природа суверенитета; королевская прерогатива; полемика тори и вигов; британская историография.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The discourse on the nature and boundaries of royal sovereignty, which unfolded with the coming to power of George III in Great Britain, is considered. The key features and changes in the constitutional views of the Tories that took shape in the 60—90s of the 18th century are examined in the article. The relevance of the study lies in determining the nature and role of the discourse under study in the formation of a new Tory identity, concentrating on the integral role of the monarch. The novelty of the research lies in the emphasis on the religious component of this discourse, as well as in the use of church sermons as a special kind of source. At the same time, some excerpts of sermons are introduced into scientific circulation for the first time. It is emphasized that during the period under study, the Tory party did not have a political ideology, and the current policy was influenced by fears about the stability of the English constitution associated with the events in the North American colonies. The validity of the cautious approaches of the supporters of the critical direction in modern British historiography to the assessment of Tory identity in the last third of the 18th century is shown. The author's assessment of how Toryism of the 60—90s of the 18th century reinterprets the experience of the "old Tories", combining traditional respect for the royal prerogative with the recognition of the rights and privileges of parliament.

Key words:

Great Britain; 60-90s of the 18th century; British constitution; Tory party, political discourse; the nature of sovereignty; royal prerogative; the controversy between the Tories and the Whigs; British historiography.

Происхождение суверенитета и границы королевской прерогативы в торийской политической полемике в Великобритании последней трети XVIII века

© Клочков В. В., Назарова В. С., 2021

1. Введение и общий обзор проблемы

В Великобритании последней трети XVIII века вопросы о происхождении политической власти и обязанностях подданных по отношению к ней вновь оказались в центре политической повестки. По справедливому замечанию Дж. Ганна, в течение всего правления первых двух монархов ганноверской династии (1714—1760) не было особого разнообразия в работах, так или иначе затрагивающих проблемы происхождения правительства и — более широко — природу королевского суверенитета. Представления Дж. Локка об общественном договоре тогда постепенно утвердились в качестве общепринятых, а разногласия по поводу значения Славной революции, характерные для английской политической полемики конца XVII — начала XVIII веков, «почти незаметно ускользнули с переднего края политической дискуссии» [Gunn, 1974, p. 309].

Однако в последней трети XVIII века политический дискурс, связанный с осмыслением природы политической власти и границ королевской прерогативы, заметно оживляется. Отчасти это было связано с тем, что к моменту прихода к власти Георга III (1760—1820) тории, традиционно ощущавшие себя «партией двора» и «министрами короны», уже дистанцировались от крайних догматов непреложного наследственного права и неограниченной королевской прерогативы, характерных для их предшественников в период от Славной революции 1688 года до середины XVIII века [Клочков, 2017, с. 124]. При этом обычный для тории акцент на консервативном характере Славной революции сохранялся. Торийские публицисты подчеркивали, что единственным реальным изменением, внесенным ею в конституционное устройство страны, стало то, что Вильгельм и Мария Оранские не обрели титул монарха по божественному праву, а были утверждены в этом качестве парламентом. Один из наиболее авторитетных современных исследователей партии тории Д. Иствуд вполне обосновано показал, что в «Комментариях к законам Англии» (1765—1769) знаменитый английский правовед У. Блэкстоун «предложил по существу торийское прочтение истории Славной революции, отрицая, что изменение в линии наследования могло рассматриваться как эффективное подчинение коро-

ны парламенту и <...> что оно включило какой-либо элемент народного суверенитета в конституцию» (здесь и далее перевод наш. — В. К., В. Н.) [Eastwood, 1993, p. 202].

Конечно, размышления У. Блэкстоуна о границах прерогативы и в последней трети XVIII века зачастую воспринимались весьма скептически, на что обратил внимание один из основоположников критического направления в современной английской историографии проблемы Дж. Кларк [Clark, 2000, p. 186]. Тем не менее размышления Д. Иствуда и Дж. Кларка убедительно иллюстрируют тезис о том, что в последней трети XVIII века все еще сохранялась относительная неопределенность представления о том, что на самом деле (в отличие от умозрительного идеала Дж. Локка) подразумевал идеал смешанного правительства и сбалансированной конституции в политической практике Великобритании. Вопросы, касающиеся того, какие прерогативные полномочия корона безусловно сохранила за собой и каково ее отношение к парламенту, порождали серьезные споры с самого начала правления Георга III. Особенно острыми разногласия становились, когда дело доходило до обсуждения вопросов о том, где проходит граница между прерогативой короны и полномочиями парламента, а также о том, как эта граница фиксируется в английском праве (*Constitution Established by Law*). Восстание в североамериканских колониях Великобритании в 1770–е годы, основанное на предположениях о естественном состоянии и нарушенном общественном договоре, оживило те аргументы полемики, в которых подчеркивалась народная основа политического суверенитета. То же самое произошло и с внутривнутриполитическим спором, который был вызван широко известным делом об исключении Дж. Уилкса из парламента, которое совпало с североамериканскими событиями. Именно в теориях свободы, аналогичных концепции Дж. Локка и вытекающих из представлений о народном суверенитете, оказались заложены основы легитимации неподчинения и, как показали события в Америке, сопротивления королевской власти.

Ниже будет аргументирован тезис о том, что исследуемый дискурс о природе и границах королевского суверенитета в английской конституционной теории и практике последней трети XVIII века способствовал развитию все более отчетливой торийской идентичности, концентрирующейся не на уникальной, а на интегральной роли монарха в конституционном устройстве Великобритании. Многие торийские авторы стремились показать, что отмеченные выше консервативные итоги Славной революции положили начало политической концепции, в соответствии с которой власть короны не должна существовать несвязанной. Следовательно, отказ от первоначальных представлений о произвольной и абсолютной монар-

хической власти, характерных для так называемых «старых тори» в конце XVII века, в значительной степени позволил торийской идентичности модернизироваться в соответствии с актуальными политическими теориями последней трети XVIII — начала XIX веков.

Новизна исследования заключается в том, что отмеченный политический дискурс рассматривается во всей его полноте, включая не только светских авторов, на изучении произведений которых обычно концентрируются исследователи данной проблематики, но и адептов традиционной англиканской церкви, проповедующих в ассизах, а также приверженцев различных протестантских деноминаций. Это обстоятельство в значительной мере предопределило источниковую базу исследования: были использованы проповеди, выходившие в свет малыми тиражами в последней трети XVIII века и сохранившиеся в локальных английских библиотеках. Некоторые отрывки из этих проповедей впервые введены в научный оборот в данной статье. В частности, это относится к черновику проповеди торийского проповедника и приверженца официальной церкви Томаса Барнарда [MS 61, р. 2–4], отрывок из которого был обнаружен автором в библиотеке университета г. Саутгемптона в 2018 году и ранее не привлекался в качестве источника при описании политического дискурса, на котором сосредоточено внимание в настоящей работе.

2. Светский политический дискурс о прерогативах короны

Вопрос о границах королевской прерогативы в рамках британского конституционного устройства в период правления третьего из «великолепных Георгов» был впервые поднят в 1764 году Тимоти Брекноком, адвокатом и ранее журналистом ньюкаслской газеты, в политическом эссе «Droit de le Roy» («Право короля»). Эта работа содержала пространное описание наследственных притязаний государя на престол, что не было чем-то необычным в свете династических разногласий между Стюартами и Ганноверами, которыми были отмечены царствования Георга I и Георга II. Однако характерно, что Т. Брекнок был озабочен не только обоснованием права Георга III на трон, но и утверждением еще одного его права — «на ту абсолютную и суверенную королевскую власть над подданными этой нации, на которую до сих пор претендовали и которой пользовались его королевские предшественники, короли и королевы Англии» [Brecknock, 1764, р. 24]. Главный аргумент Т. Брекнока основывался на том консервативном представлении, что Яков II, сознавая свое нарушение англиканской коронационной клятвы (напомним, что королем Англии не может быть католик), отрекся от престола в 1688 году, а не был свергнут. Следовательно, утверждал Т. Брекнок, «это правление не

допускает никакого *inter regnum*»; корона просто перешла к следующему протестантскому преемнику «по законам королевства», а ее полномочия остались нетронутыми [Ibid.].

Чтобы подкрепить свою точку зрения, что королевская prerogative не была уменьшена Славной революцией, Т. Брекнок обратился к современной ему конституционной практике. По его мнению, «король содержал в себе всю полноту власти для утверждения и принятия законов, представленных палатами парламента; он обеспечивал жизнь наших законов ... жизнь нашего мира» [Ibid., p. 27]. Представление о том, что власть короля принимать законы зависит от согласия парламента, лишь делает верхнюю и нижнюю палаты «партнерами суверенитета» в «трехстороннем и скоординированном правительстве». Согласие парламента в данном контексте, подчеркивал Т. Брекнок, оставалось привилегией, и этот институт не осуществлял «согласованной и равной власти с суверенитетом короны». Предполагать, что это так, значило бы игнорировать источник, из которого происходила власть парламента. Т. Брекнок подчеркивает, что «власть, которой они (парламентарии. — *В. К., В. Н.*) обладают, изначально не в них самих, а исходит от королевских даров и милостей; они — просто уступки милости» [Ibid., p. 32]. Это была, по существу, весьма консервативная и традиционалистская теория правления, которая продолжала постулировать модель монархической власти как основу, из которой производились свободы. Важно отметить, что Т. Брекнок решительно отвергал характерные для вигов (политических оппонентов тори) представления о том, что власть короны существует в пределах взаимно согласованных ограничений. В результате памфлет Т. Брекнока не только вызвал споры, но и был сожжен по приказу парламента. Интересно отметить, однако, что сам Т. Брекнок, разочарованный неудачей своего сочинения, вполне искренне полагал, что «*Droit de le Roy*» все же послужит амбициям Георга III.

Новый всплеск интереса к политическим теориям, различным образом обосновывающим природу королевской власти и границы монаршей prerogative в британском политическом дискурсе, был спровоцирован восстанием североамериканских колоний против власти английского монарха. Примером такой полемики может служить дискуссия сторонника тори, известного религиозного писателя Уильяма Стивенса, и священника-вига Ричарда Уотсона. Сбалансированное конституционное устройство было главной презумпцией теории «конституционного равновесия», высказанной Р. Уотсоном. Именно ее атаковал У. Стивенс: он отвергал тезисы Р. Уотсона, основанные на политической теории Дж. Локка, как «слабо сконструированные», а также такие, которые в полном соответствии с римским историком Тацитом представляют собой «смесь, что ... неиз-

бежно должна вызвать конвульсии и закончиться распадом политического тела» [Stevens, 1776, p. 11]. Более того, эта теория, по мнению У. Стивенса, не была подкреплена английским правом, поскольку «по закону три сословия королевства — это лорды духовные, лорды светские и лорды общин, причем король не является одним из трех сословий, но отличается от них и превосходит их» [Ibid.]. В качестве доказательства У. Стивенс опирался на идиомы ритуалистической риторики, которые обозначали обязанность подданного перед государством: «служба нашей церкви», в которой молитвы о сохранении ссылались не на «три сословия, короля, лордов и общин, а на то, что они должны были исполнить». Точно так же в молитвах, читаемых во время парламентских заседаний, говорилось: «Верховный суд парламента собрался под началом нашего всемилостивейшего короля». Далее У. Стивенс пишет: «Мы не клянемся в верности и истинной преданности королю и двум палатам парламента, как наши верховные и суверенные лорды, и нет никакой измены парламенту; но мы клянемся в верности и истинной преданности королю, и его мы должны защищать изо всех сил» [Ibid., p. 14]. С этим последним доказательством У. Стивенс переходит к обоснованию отказа от парламентского суверенитета. Он продолжал утверждать, что тот факт, что палата общин и лорды присягали на верность монарху, свидетельствует о том, что они были «не суверенной властью», а только «согражданами», подчиненными верховной власти в государстве, а именно королю [Ibid.].

Современный исследователь Г. Дикинсон в данном контексте не без оснований утверждал, что в течение десятилетий, последовавших за Славной революцией, тори лишь постепенно принимали парламент как непреодолимую и суверенную власть в государстве [Dickinson, 1976, p. 194]. Идея же королевского превосходства оставалась фундаментальной для «старых тори». Так, У. Стивенс был готов подчеркнуть монархический суверенитет ввиду событий в Североамериканских колониях: в 1776 году он отредактировал и переиздал работу Роджера Норта, озаглавленную «Рассуждение о конституции». По-видимому, его цель состояла в том, чтобы «показать общественности, как она увлекается абсурдными толкованиями конституции», и «снабдить ее несколькими рациональными принципами, касающимися природы гражданской власти ... и положительных законов их собственной страны» [North, 1776, p. vii].

Текст Р. Норта начинался с защиты доктрины «старых тори», изложенной в простых юридических терминах: «Ничто не может оправдать сопротивление, кроме того, что будет равносильно справедливой и законной защите по обвинению в государственной измене». Это была конституционная максима, в соответствии с которой король не может сделать

ничего плохого. Однако Р. Норт продолжал обосновывать необходимость абсолютного суверенитета, власти, которая, «где бы она ни находилась, является и должна быть неконтролируемой и непреодолимой» [North, 1776, p. 32]. Эта идея была аксиомой, однако Р. Норт был готов в своем эссе признать, что эта непреодолимая власть была заключена «в короне вместе с двумя палатами парламента, когда они были должным образом собраны ... будучи тем, что называется законодательной властью, которую ни один подданный не должен ни оспаривать, ни ей сопротивляться» [Ibid.]. Таким образом, формально Р. Норт признавал понятие парламентского суверенитета. Но соглашение между тремя органами — королем, лордами и палатой общин — на практике не было равноценным. Независимо от того, есть ли «законодательная власть или нет, всегда есть верховная власть, которая командует всеми силами в государстве», и этой властью для Р. Норта была корона. Обе палаты парламента сохраняли эту «совместную власть» лишь благодаря праву ходатайствовать перед короной. Р. Норт писал, что «парламент не претендовал на какую-либо надлежащую власть в правительстве» [North, 1776, p. 64]. Только корона в рамках своей прерогативы «давала существование или свободу действий законам» [Ibid.]. Власть короны — это верховная власть, и именно против нее было направлено выступление североамериканских колоний [Ibid.].

Следует заметить, что к началу 70-х годов XVIII века подданные английской короны в Северной Америке все больше склонялись к отказу от парламентского суверенитета, делая акцент на верности только короне. Это послужило прекрасным фоном для переосмысления основ законодательной власти (в смысле сопротивления ее законам), которое подчеркивало роль монарха. В тексте Р. Норта утверждалось, что именно согласие короля было стержнем в конституционном устройстве Великобритании; он был основой закона, а не парламент. Было невозможно, чтобы могло иметь место «сопротивление силой» против законодательного органа, поскольку «законы сами по себе являются лишь голосом или словами власти и обладают властью создавать обязанности, но не имеют активной силы, принуждающей к повиновению, или к которой может быть применено сопротивление ... когда исполнительная власть выступает с сильной рукой, тогда есть чему сопротивляться ... Поэтому сопротивление или повиновение ... относятся всецело к исполнительной власти, без которой законодательная слаба и неэффективна; теперь вся остальная верховная власть принадлежит правительству ... и это делает корону Англии непреодолимая силой; противодействие ей является преступлением, которое законы называют изменой или мятежом» [North, 1776, p. 76]. С этой точки зрения восстание американцев против британских законов

не представляло собой осуществление исторического права на сопротивление; оно также не могло быть узаконено как отказ от парламентской власти. Скорее, это повлекло за собой сопротивление авторитету короны, и, как уточняется в тексте Р. Норта, именно в этом качестве подобное сопротивление является изменой.

3. Полемика о природе и границах власти: религиозный аспект

Для священников англиканской церкви, проповедовавших в ассизах, где закон пересекался с религией и где вопросы послушания оказывались частой темой проповедей, была характерна несколько иная перспектива как относительно корней недовольства в североамериканских колониях, так и в отношении текущей внутриполитической повестки. Упомянутый выше торийский проповедник Т. Барнард, выступая перед присяжными в Лондондерри в 1772 году, заявил, что «дух фракционности в каждой части Британской империи поднялся до такой степени, что ни одна нация в состоянии мнимого внутреннего мира никогда еще не могла увидеть» [Barnard, 1773, p. 18]. Мятеж в североамериканских колониях, по мнению Т. Барнарда, был направлен «против любого правительства вообще ... законная свобода — это их крик, но абсолютная независимость — это цель, к которой они на самом деле стремятся» [Ibid.].

Подобные жалобы на природу североамериканского мятежа были характерны не только для представителей традиционной англиканской церкви. Напротив, сторонники различных протестантских деноминаций зачастую были более радикальны, а в их проповедях звучали опасения, что определения свободы используются в качестве риторического оружия с «плохо продуманными и амбициозными целями», чтобы поднять недовольное население в оппозицию власти. Так, в своих «Размышлениях о происхождении власти» (1772) методистский лидер Джон Уэсли сокрушался, что идеи народного суверенитета теперь «в моде и обычно поддерживаются с самым полным и сильным убеждением, как истина, немного менее чем самоочевидная» [Wesley, 1776, p. 6]. Дж. Уэсли признавал, что в мире существуют различные формы правления, включая монархию, аристократию и демократию, но его в первую очередь интересовал вопрос о происхождении власти. Он писал: «Главный вопрос заключается не в том, в ком эта власть заложена, а в том, от кого она в конечном счете происходит» [Ibid.]. Его ответ заключался в том, что «старая книга, обычно называемая Библией, является правдой. Поэтому я верю, что нет силы, кроме как от Бога (*Рим, viii, 1*). Власть имущие предопределены Богом. И нет никакой высшей власти, никакой власти меча, жизни и смерти, кроме той, что исходит от Бога, Владыки Всего сущего» [Ibid.].

Этот небольшой по объему текст был специально написан для того, чтобы осудить понятия народного суверенитета, нападая на презумпцию первоначального договора между правителем и управляемым, из которого он был выведен. Теологические истоки власти легли в основу политической концептуализации такого типа государства, в котором подчеркивался долг субъекта. Во время восстания в североамериканских колониях именно в артикуляциях отношений между Богом, правителем и управляемым, кристаллизовались наиболее заметные противоречия в идиомах, связанных со старым торизмом. В своей проповеди о происхождении гражданского правления, прочитанной в 1769 году и неоднократно переиздававшейся, кузен упомянутого выше У. Стивенса Джордж Хорн утверждал, что представления об эгалитарном состоянии природы абсурдны: это «состояние ... было состоянием подчинения, а не равенства и независимости, в котором человечество никогда не существовало и никогда не сможет существовать» [Horne, 1775, p. 9]. По мнению Дж. Хорна, человеческое существование с самого начала характеризовалось патриархальным подчинением: «одни рождались подчиненными другим» [Ibid.]. Проповедник не отрицал, что аристократия и демократия впоследствии были выведены в некоторых государствах из общественного договора, но он утверждал, что такие формы правления были «незаконными» и обычно возникали вследствие отказа от «верности ... естественным правителям». Вывод же состоял в том, что если патриархальные отношения составляли законные истоки политической власти, то они должны были быть основаны на патриархальных отношениях, когда монархия представляла собой единственную законную форму правления [Ibid.].

Спорным остается вопрос о том, насколько серьезное влияние оказывали подобные проповеди на суть и смысл публичной политической полемики в последней трети XVIII века. Как представляется, наиболее прагматичной в этом отношении выглядит позиция Дж. Кларка. Нам представляется, что один из самых известных британских историков последнего времени вполне обоснованно полагает, что проповеди в ассизах хотя и служили контекстом для частых напоминаний о связи между религией и правительством, особенно проявлявшейся в божественной природе закона, но большинство проповедников не углублялись в обсуждение самих основ правления [Clark, 2000, p. 194].

С другой стороны, интерпретация Дж. Хорном происхождения суверенитета не была единственной в своем роде. Скорее, его проповедь присоединилась к волне выступлений проповедников, которые обосновывали старое представление тори о том, что истоки политической власти были патриархальными, и использовали его, чтобы проповедовать повинове-

ние монархическому правительству. Так, в 1776 году, сразу после начала военного конфликта с североамериканскими колониями, торийский священник Джон Кольридж отверг идею общественного договора и использовал библейские аргументы в защиту адамистской теории происхождения монархии и «священного права королей». Через старую торийскую идею патриархального правления Дж. Кольридж воскрешал идиомы сакрального роялизма и связанной с ним обязанности подданных подчиняться королевской власти. Он писал: «Если королевская власть — это божественное учреждение, люди ... должны повиноваться всем законным приказам ради совести. Христиане узнали от Христа, что всякая власть исходит от Бога и что поэтому они должны подчиняться ей. Это, по крайней мере, учение, которое мы узнаем из его [Христа] покорного поведения перед Пилатом» [Coleridge, 1777, p. 13].

Тем не менее увещевания относительно божественности права королей и незаконности сопротивления, характерные для «старых тори», легко разжигали острую публичную полемику. Английское общество последней трети XVIII века было все же достаточно зрелым для того, чтобы не смешивать доктрину пассивного повиновения с обычной проповедью христианской добродетели [Clark, 2000, p. 196]. Даже консервативные виги, несмотря на проповедь послушания правительству, часто и недвусмысленно заявляли, что Писание не поддерживает старые доктрины тори о непротивлении и пассивном повиновении. Их яркий представитель Джордж Кэмпбелл, затронувший вопрос о повиновении власти в инаугурационной проповеди в Абердине в 1778 году, счел «необходимым предварить» свою речь утверждением, что он «не помышлял спорить о рабских, противоестественных и несправедливых принципах пассивного послушания и непротивления» [Campbell, 1778, p. 21]. Точно так же Уильям Маркхэм, епископ Честера и с 1776 года архиепископ Йоркский, произнося мученическую проповедь (ежегодно оглашается 31 января, в годовщину казни Карла I) в палате лордов в 1774 году, заявил, что Евангелие должно быть «странным извращено, чтобы поддержать принцип “неограниченного послушания”» [Markham, 1774, p. 8]. Таким образом, в то время как «старые тори» и консервативные виги сходились в оппозиции к притязаниям американских колоний, доктрины, на основе которых они отвергали эти притязания, существенным образом различались.

Как полагала в свое время Кейт Фейлинг, в годы, следовавшие за Славной революцией, тори приняли теорию о том, что Яков II покинул свой трон «добровольным, непринужденным и преступным бегством», а не был свергнут. Престол оказался вакантным и был занят в соответствии с правом «законным протестантским наследником», поэтому данное со-

бытие не создало прецедента, чтобы подданные могли законно свергать монархов. По ее мнению, эта оценка резонировала с интерпретацией консервативных виггов, для которых Славная революция «по необходимости ... изменила преемственность, но сохранила всю структуру наших законов и политики» [Feiling, 1938, p. 148].

Консенсус между консервативными вигами и тори относительно анти-популистской и промонархической интерпретации событий 1688 года был закреплён в контексте Французской революции, когда в 1790 году Э. Берк опубликовал свои знаменитые «Размышления о революции во Франции». Однако важно понимать, что разрыв в линии наследования, каким бы минимальным или необходимым он ни был, подорвал старую доктрину тори о непреложной наследственной преемственности. Уже одно это могло сделать традиционный для тори акцент на божественную природу королевской прерогативы проблематичным. Однако упомянутые выше Дж. Ганн и Дж. Кларк справедливо указывают, что эта модифицированная версия божественного права продолжала использоваться еще долго после Славной революции для защиты притязаний монархов ганноверской династии на английский трон. В контексте последней трети XVIII века эта теория все еще сохраняла свою значимость в качестве средства противодействия понятиям народного суверенитета и сопротивления.

Понятие провиденциальной санкции позволяло тори прийти к согласию относительно формы правления, которой следовало бы подчиняться. В контексте событий в североамериканских колониях Дж. Хорн, Дж. Кольридж и У. Стивенс полагались на патриархальное понимание происхождения политической власти, утверждая, что монархия была божественной. Однако Дж. Хорн был готов модифицировать свое объяснение соотношения между божественной природой королевской прерогативы и полномочиями парламента и кабинета министров. Он уже признавал, что «в той мере, в какой это относится к различным способам, посредством которых в различных конституциях правители наделяются своей властью, правительство было тем, что св. Петр называет указом человека, регулируемым человеческими законами» [Horne, 1775, p. 10]. После вступления этих законов в силу, подданные были обязаны подчиняться им как религиозному долгу [Ibid.].

Однако эта уступка не означала, что Дж. Хорн пожертвовал патриархальным видением происхождения политической власти. В 1789 году, проповедуя в Кентерберийском соборе, он признал, что «были разные виды правительств среди людей в разные эпохи и в разных странах, и все же вначале были только дети одного человека, жившие под опекой своего отца» [Duncan, 2015, p. 124]. Власть же английского короля понималась как «на-

столько определенная и установленная, что он не может сделать ничего плохого», поскольку король действует «с согласия и по совету обеих палат парламента» [Ibid.]. Поэтому риторическая уступка Дж. Хорна не обязательно означала, что он признает различные прерогативные полномочия в английской конституции равными по статусу. Его проповедь была настроена не на то, чтобы определить отношения между различными элементами конституции, а на то, чтобы подчеркнуть обязанности подданных. Тем не менее признание того, что британская конституция представляет собой смесь конституционных полномочий, осуществляющих взаимный контроль, отражало отход от традиционных торийских представлений об абсолютной монархии XVII века.

Точка зрения Дж. Хорна не была общепринятой среди торийских проповедников. Некоторые из них утверждали, что Библия «не предусматривает никаких крайних случаев, но устанавливает только общий принцип повиновения правительству» [Duncan, 2015, p. 132]. Требование права на сопротивление оставляло его «на усмотрение и распоряжение сторон, к которым этот принцип направлен, определять, в каких случаях и при каких обстоятельствах он должен применяться. Следовательно, это право было изначально ущербным, ибо если законное осуществление сопротивления должно было определяться сопротивляющейся стороной, то ... [о законности его] судят мятежные присяжные» [Ibid.]. Таким образом, несмотря на отказ от неосуществимой наследственной преемственности и уступок в отношении формы правления, проповедники тори в целом продолжали отвергать идеи права на сопротивление даже в конце XVIII века.

Важно, однако, что при этом подданным позволялось прибегать к требованиям по возмещению ущерба, причиненного магистратами в случае злоупотребления властью. Для Дж. Хорна само понятие повиновения явно не «распространялось на отказ от тех прав, на которые гражданин может законно претендовать» [Horne, 1775, p. 10]. Согласно его мнению, каждая конституция предоставляла правовую защиту для протеста против незаконных действий, и Священное Писание, вместо того чтобы «указывать на безусловное подчинение власти, незаконно осуществляемой ... отсылает нас, для исполнения нашего долга в конкретных случаях, к законам и конституции нашей страны» [Ibid.]. Если же действия монарха «осуществляются иначе, чем законно, то наша конституция, насколько она вообще применима к этому случаю, перестает существовать» [Ibid.]. Яснее говоря, подданным предписывалось использовать законные конституционные средства для устранения поводов для недовольства, а не сопротивляться и пытаться свергнуть правительство.

Однако не все рассуждения тори были столь же осторожными, как у перечисленных выше авторов. Французская революция внесла в английскую политическую повестку объединенную угрозу республиканизма и атеизма, смещая акцент дискурса в сторону рассуждений о божественной природе монархической власти, существующей в законных пределах. Так, Г. Пендлтон в своем систематическом исследовании консервативной пропаганды в период между 1789 и 1802 годами указала на то обстоятельство, что «огромное количество торийских проповедников все еще верили в божественное право королей в том виде, как оно было сформулировано Р. Филмером за полтора столетия до этого» [Pendleton, 1976, p. 184]. В число наиболее ярких приверженцев этого взгляда на вещи был «старый тори» Джон Уитакер, который полагал, что в 1790-х годах «аргументы о патриархальном происхождении правительства гораздо более востребованы, поскольку дух республиканизма сейчас в значительной степени возобладали среди публики» [Whitaker, 1795, p. 36]. Дж. Уитакер отвергал представления об эгалитарном состоянии природы. По его мнению, человечество возникло из одной пары, Адама и Евы, один из которых с самого начала был поставлен выше другого. Установив таким образом божественность правления, Дж. Уитакер продолжал утверждать, что монархия была «первичной, естественной, божественной формой правления для человека» [Ibid.].

Подобный взгляд на происхождение правительства характерен и для Дж. Ривза в его «Размышлениях об английском правительстве» (1795). Автор опирается на откровение, доказывая, что правительство всегда было ровесником существования человека, и, как следствие, отрицает, что «правительство — это суть человеческое изобретение и что его власть исходит исключительно от народа и подчиняется ему» [Reeves, 1795, p. 82]. В то же время, когда дело доходило до представлений о прерогативах монарха, оценки Дж. Ривза становились более умеренными: «В этом состоянии очевидно отметить, что был самый естественный и удобный для человека способ учреждения правительства — первоначальное назначение Богом для проповеди божественного наследственного права, тогда как свободы парламента не исходят не от Бога, а от милости королей» [Reeves, 1795, p. 106].

4. Выводы

Таким образом, очевидно, что к концу XVIII века тори, несмотря на очевидный консерватизм их риторики, больше не отстаивали идиомы божественного права, обосновывающие сохранение абсолютного положения короля в английской политической системе, а признание роли парламен-

та по сути означало для них отход от защиты произвольного осуществления прерогативы. Но этот отход осуществлялся весьма своеобразно: тори конца XVIII века уже признавали законные пределы королевской власти, используя для подтверждения этой позиции элементы аргументации «старых тори», постепенно продвигаясь к идее о том, что стержнем английской политической системы является убежденность в том, что власть короны не должна существовать несвязанной. Принимая концепцию провиденциального божественного права в противоположность непреложному божественному праву королей, тори конца XVIII века все еще были склонны разделять идеи о патриархальном происхождении правительства, пассивном повиновении и непротивлении ему со стороны подданных. Они скептически относились к представлениям о народном суверенитете и праве на спорадическое народное сопротивление, считая доктрины, признающие подобное право, опасными абстракциями. Тори исследуемого периода подчеркивали консервативную интерпретацию Славной революции как события, которое, вместо того чтобы установить выборную монархию, защитило принцип наследственной преемственности. Эти идеологические разработки служили частью сознательной попытки определить идентичность тори как наследников Славной революции, ныне сочетающих это наследие с верностью ганноверской династии.

Наиболее рельефно этот тезис, воспринятый позднее многими исследователями партии тори, выделил Алан Маконахью, лорд Мидоубэнк, в своей статье в консервативном журнале «Квотерли ревью» в 1809 году [Maconochie, 1809, p. 246]. Современная историография проблемы также исходит из того, что тори не придерживалась строгих принципов, а на текущую политику влияли вполне конкретные опасения относительно устойчивости английской конституции в тот или иной момент времени. Как бы парадоксально это ни звучало, но элемент, воспринимаемый как наиболее угрожающий ей сегодня, мог стать базой для ее сохранения завтра. Так, попытка Георга III в 1784 году узурпировать прерогативу выбора министров на мгновение сделала нацию тори, и то же самое сделала французская революция. В этих условиях отчетливая торийская идентичность, независимо от того, был ли этот термин условно принят в тогдашнем политическом дискурсе, коренилась не в конкретных доктринах, а в объединяющем их стремлении защищать права короны. В этом отношении торийская идентичность 60—90-х годов XVIII века все еще продолжала соответствовать своему историческому происхождению от «старых тори». Но уже в это время она не была ограничена только этим, уже почти историческим значением. Скорее, можно говорить о том, что в последней трети XVIII века идеологические характеристики торийской доктрины находились в процессе

серьезного пересмотра, итогом которого станет серьезная трансформация самих тори из группы парламентских фракций в политическую партию в первой трети XIX века.

Источники и принятые сокращения

1. *Barnard T.* A Sermon Preached in the Cathedral Church of London–Derry, on Sunday, September 13, 1772. Before the Judges of Assize and Gentlemen of the County there Assembled / T. Barnard. — London : Whatley, 1773. — 32 p.
2. *Brecknock T.* Droit de la Roi. Or a Digest of the Rights and Prerogatives of the Imperial Crown of the Great Britain / T. Brecknock. — London : Roak & Varty, 1764. — 126 p.
3. *Campbell J.* The Nature, Extent, and Importance, of the Duty of Allegiance : A Sermon, Preached at Aberdeen, December 12, 1776, being the First Day Appointed by the King / J. Campbell. — Aberdeen : [b. i.], 1778. — 17 p.
4. *Coleridge J.* Government not Originally Proceeding from Human Agency, but Divine Institution / J. Coleridge. — London : [b. i.], 1777. — 17 p.
5. *Horne G.* The Providence of God Manifested in the Rise and Fall of Empires. A Sermon Preached at St. Mary's, in Oxford, and at the Assizes on Thursday, July 27, 1775 / G. Horne. — Oxford : University Press, 1775. — 21 p.
6. *Markham W.* The Bishop of Chester's Sermon Preached Before the House of Lords January 31, 1774 / W. Markham. — London : [b. i.], 1774. — 22 p.
7. MS 61 — *University of Southampton Manuscript Collection.* MS 61. WP 61 2/1-172.
8. *North R.* A Discourse on the English Constitution ; Extracted from a Late Eminent Writer and Applicable to the Present Times / R. North ; Ed. by W. Stevens. — London : Printed for G. Robinson, 1776. — 112 p.
9. *Reeves J.* Thoughts on English Government Addressed to the Quite Good Sense of the People of England in a Series of Letters. Letter the First / J. Reeves. — London : Whatley, 1795. — 192 p.
10. *Stevens W.* The Revolution Vindicated, and Constitutional Liberty Asserted. In Answer to the Reverend Dr. Watson's Assesion Sermon, Preached Before the University of Cambridge, on October 25 / W. Stevens. — Cambridge : University Press, 1777. — 24 p.
11. *Wesley J.* Thoughts Concerning the Origin of Power / J. Wesley. — Bristol : [b. i.], 1776. — 8 p.
12. *Whitaker J.* The Real Origin of Government / J. Whitaker. — London : [b. i.], 1795. — 61 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клочков В. В.* Партия тори-консерваторов и «конституционная революция» 1822—1835 гг. в Великобритании / В. В. Клочков. — Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2017. — 480 с.
2. *Clark J. C. D.* English Society 1660—1832 : Ideology, Social Structure and Political Practice During the Ancien Regime / J. C. D. Clark. — London : Longman, 2000. — 412 p.
3. *Dickinson H. T.* The Righteenth Century Debate on the Sovereignty of Parliament / H. T. Dickinson // Transactions of the Royal Historical Society. — 1976 (December). — Vol. 26. — Pp. 190—209.
4. *Duncan F. E.* The Development of a Tory Ideology and Identity, 1760—1832 / F. E. Duncan. — Unpublished PhD Thesis. — Sterling : Stirling University, 2015. — 290 p.

5. Eastwood D. John Reeves and the Contested Idea of the Constitution / D. Eastwood // *British Journal for Eighteenth Century Studies*. — 1993. — № 13. — Pp. 196—214.
6. Feiling K. The Second Tory Party / K. Feiling. — London : Hodder & Stoughton, 1938. — 392 p.
7. Gunn J. A. W. Influence, Parties and Constitution : Changing Attitudes, 1783—1832 / J. A. W. Gunn // *Historical Journal*. — 1974. — Vol. 17. — № 2. — Pp. 298—316.
8. Maconochie A. Whig and Tory at the Time of the Glorious Revolution / A. Maconochie // *Quarterly Review*. — 1809 (November). — Vol. 2. — № 4. — Pp. 240—258.
9. Pendleton G. T. English Conservative Propaganda During the French Revolution, 1789—1802 / G. T. Pendleton. — Unpublished PhD Thesis. — Atlanta : Emory University, 1976. — 264 p.

MATERIAL RESOURCES

- Barnard, T. (1773). *A Sermon Preached in the Cathedral Church of London—Derry, on Sun-day, September 13, 1772. Before the Judges of Assize and Gentlemen of the County there Assembled*. London: Whatley. 32 p.
- Brecknock, T. (1764). *Droit de la Roi. Or a Digest of the Rights and Prerogatives of the Imperial Crown of the Great Britain*. London: Roak & Varty. 126 p.
- Campbell, J. (1778). *The Nature, Extent, and Importance, of the Duty of Allegiance: A Sermon, Preached at Aberdeen, December 12, 1776, being the First Day Appointed by the King*. Aberdeen: [b. i.]. 17 p.
- Coleridge, J. (1777). *Government not Originally Proceeding from Human Agency, but Di-vine Institution*. London: [b. i.]. 17 p.
- Horne, G. (1775). *The Providence of God Manifested in the Rise and Fall of Empires. A Sermon Preached at St. Mary's, in Oxford, and at the Assizes on Thursday, July 27, 1775*. Oxford: University Press. 21 p.
- Markham, W. (1774). *The Bishop of Chester's Sermon Preached Before the House of Lords January 31, 1774*. London: [b. i.]. 22 p.
- MS 61 — *University of Southampton Manuscript Collection. MS 61. WP 61 2/1-172*.
- North, R., Stevens, W. (ed.). (1776). *A Discourse on the English Constitution; Extracted from a Late Eminent Writer and Applicable to the Ptesent Times*. London: Printed for G.Robinson. 112 p.
- Reeves, J. (1795). *Thoughts on English Government Addressed to the Quite Good Sense of the People of England in a Series of Letters. Letter the First*. London: Whatley. 192 p.
- Stevens, W. (1777). *The Revolution Vindicated, and Constitutional Liberty Asserted. In Answer to the Reverend Dr. Watson's Assesion Sermon, Preached Before the University of Cambridge, on October 25*. Cambridge: University Press. 24 p.
- Wesley, J. (1776). *Thoughts Concerning the Origin of Power*. Bristol: [b. i.]. 8 p.
- Whitaker, J. (1795). *The Real Origin of Government*. London: [b. i.]. 61 p.

REFERENCES

- Clark, J. C. D. (2000). *English Society 1660—1832: Ideology, Social Structure and Political Practice During the Ancien Regime*. London: Longman. 412 p.
- Dickinson, H. T. (1976). The Righteenth Century Debate on the Sovereignty of Parliament. *Transactions of the Royal Historical Society. (December)*, 26: 190—209.

- Duncan, F. E. (2015). *The Development of a Tory Ideology and Identity, 1760—1832. Unpublished PhD Thesis*. Sterling: Stirling University. 290 p.
- Eastwood, D. (1993). John Reeves and the Contested Idea of the Constitution. *British Journal for Eighteenth Century Studies*, 13: 196—214.
- Feiling, K. (1938). *The Second Tory Party*. London: Hodder & Stoughton. 392 p.
- Gunn, J. A. W. (1974). Influence, Parties and Constitution: Changing Attitudes, 1783—1832. *Historical Journal*, 17 (2): 298—316.
- Klochkov, V. V. (2017). *The Tory-Conservative Party and the “constitutional Revolution” of 1822—1835 in Great Britain*. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press. 480 p. (In Russ.).
- Maconochie, A. (1809). Whig and Tory at the Time of the Glorious Revolution. *Quarterly Review*. (November), 2 (4): 240—258.
- Pendleton, G. T. (1976). *English Conservative Propaganda During the French Revolution, 1789—1802. Unpublished PhD Thesis*. Atlanta: Emory University. 264 p.

Кондаков Ю. Е. Российский «Иерусалимский проект» середины XIX века : деятельность Б. П. Мансурова и Русское общество пароходства и торговли / Ю. Е. Кондаков, Д. С. Федотьев // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 342—364. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-342-364.

Kondakov, Yu. E., Fedotiev, D. S. (2021). Russian “Jerusalem Project” of Mid-19th Century : Activities of B. P. Mansurov and Russian Society of Shipping and Trade. *Nauchnyi dialog*, 9: 342-364. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-342-364. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-342-364

**Российский
«Иерусалимский проект»
середины XIX века:
деятельность
Б. П. Мансурова
и Русское общество
пароходства и торговли**

Кондаков Юрий Евгеньевич

orcid.org/0000-0002-9284-3632

доктор исторических наук, профессор
кафедра истории
yura.kondakov.67@mail.ru

Федотьев Дмитрий Сергеевич

orcid.org/0000-0001-9216-4894

ассистент
кафедра истории
fedotieff@inbox.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-09-41001

**Russian
“Jerusalem Project”
of Mid-19th Century:
Activities of B. P. Mansurov
and Russian Society
of Shipping and Trade**

Yuri E. Kondakov

orcid.org/0000-0002-9284-3632

Doctor of History, Professor
Department of History
yura.kondakov.67@mail.ru

Dmitry S. Fedotiev

orcid.org/0000-0001-9216-4894

Assistant
Department of History
fedotieff@inbox.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 20-09-41001

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается деятельность чиновника Морского министерства Б. П. Мансурова в качестве агента Русского общества пароходства и торговли. Актуальность исследования обусловлена интересом к опыту распространения мирного российского влияния на восток, в частности, в середине XIX века, на примере Русского общества пароходства и торговли, которое в 1857—1860 годах совмещало задачи устройства новых транспортных линий на Востоке и заботы о российских паломниках. Отмечается, что деятельность Мансурова положила начало строительству Русской Палестины. Показано, что отчеты Мансурова стали основными документами «Иерусалимского проекта», призванного объединить разные ведомства с целью усиления влияния России на Восток. Подчеркивается, что Мансуров привлек внимание как власти, так и российского общества к положению паломников и способствовал успешному строительству Русской Палестины. Новизна исследования заключается во введении в научный оборот документов, позволяющих проследить историю отношений Мансурова с Русским обществом пароходства и торговли, причины и процесс выхода пароходства из «Иерусалимского проекта», финансирование дела заботы о паломниках со стороны Русского общества пароходства и торговли.

Ключевые слова:

Русская Палестина; Иерусалим; «Иерусалимский проект»; Русское общество пароходства и торговли; Палестинский комитет; Министерство иностранных дел; Святейший Синод; паломники.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The activity of the official of the Maritime Ministry B. P. Mansurov as an agent of the Russian Society of Shipping and Trade is considered. The relevance of the study is due to the fact that in 1857—1860 the Russian Society of Shipping and Trade combined the tasks of setting up new transport lines in the East and caring for Russian pilgrims. It is noted that Mansurov's activities marked the beginning of the construction of Russian Palestine. It is shown that Mansurov's reports became the main documents of the "Jerusalem Project", designed to unite different departments in order to strengthen Russia's influence in the East. It is emphasized that Mansurov drew the attention of both the authorities and the Russian society to the situation of the pilgrims and contributed to the successful construction of Russian Palestine. The novelty of the research lies in the introduction of new documents into the scientific circulation, allowing to trace the history of relations between Mansurov and the Russian Society of Shipping and Trade, the reasons and process of the shipping company's exit from the Jerusalem Project, financing of the care of pilgrims by the Russian Society of Shipping and Trade.

Key words:

Russian Palestine; Jerusalem; "Jerusalem Project"; Russian Society of Shipping and Trade; the Palestinian Committee; Ministry of Foreign Affairs; the Holy Synod; pilgrims.

Российский «Иерусалимский проект» середины XIX века: деятельность Б. П. Мансурова и Русское общество пароходства и торговли

© Кондаков Ю. Е., Федотьев Д. С., 2021

1. Введение

Борис Павлович Мансуров (1828—1910) никогда не был служащим Русского общества пароходства и торговли (далее также — РОПиТ), но он писал о себе: «Я агент не политический и не религиозный, а коммерческий» [Вах, 2017, с. 123]. Под этим подразумевалось, что РОПиТ является инструментом и прикрытием мирного проникновения России на Восток. Этому делу служил Мансуров в своих командировках в Палестину, оплачиваемых РОПиТ. Состоя чиновником по особым поручениям Морского министерства, он одновременно занимался учреждением Восточной линии пароходства и организацией инфраструктуры для паломников в Палестине.

Впервые деятельность компании освещена в брошюре «Русское общество пароходства и торговли» [Скальковский, 1870], представляющей краткую статистическую информацию о работе организации. Самой серьезной работой дореволюционного периода является труд С. И. Иловайского. Данная книга, подготовленная к пятидесятилетнему юбилею учреждения РОПиТ, содержит большое количество фактического материала о его деятельности [Иловайский, 1907]. Среди работ советского периода стоит отметить публикации, раскрывающие особенности развития судоходства на Черном море во второй половине XIX — начале XX веков [Эфенди-Заде, 1980; Коновалов, 1981]. Литература последних десятилетий, посвященная деятельности РОПиТ, включает в себя как обзорные работы [Лемачко и др., 1991], так и публикации по отдельным сюжетам учреждения и функционирования пароходства. Учреждение компании в 1856 году раскрыто в работах, осветивших на архивном материале вопрос организации компании и вклад в этот процесс правительства [Вейкова, 2006; Степанов, 2011]. В работах М. Н. Барышникова рассматриваются аспекты коммерческой деятельности компании, в том числе пассажирские перевозки, на разных этапах функционирования РОПиТ [Барышников, 2015; Барышников, 2017; Барышников, 2020]. Источниковедческие аспекты деятельности Общества раскрыты в статье «Источники изучения истории акционерной компании РОПиТ» [Гребцова и др., 1997]. Рядом публикаций освещена деятельность РОПиТ в Севастополе [Шевченко, 2006; Шевякова, 2006]. Материально-техниче-

скую часть деятельности пароходства раскрывает справочник, предоставляющий информацию по пароходам Общества [Трифонов и др., 2009].

Термин «Иерусалимский проект» ввел в оборот исследователь К. А. Вах [Вах, 2009; Вах, 2011]. Ему же принадлежат наиболее подробная биография Мансурова и ряд публикаций документальных материалов по истории Русской Палестины.

Первый этап деятельности РОПиТ и участие в нём Мансурова освещается в ряде исследований [Алленов, 2019; Гравин, 2019; Вах, 2010; Вах, 2012а; Вах, 2012б; Вах, 2017; Кунавин, 2016]. Гораздо сложнее обстоит дело с вопросом о времени, когда РОПиТ вышел из проекта по заботе о паломниках. Отношения РОПиТ и Палестинского комитета остаются не освещёнными. Проследить историю сотрудничества Мансурова с РОПиТ в 1858—1864 годах поможет введение в научный оборот новых документов из Российского государственного исторического архива (РГИА). В статье будут использоваться материалы из фондов Св. Синода, Министерства финансов и РОПиТ.

2. Новая политика России на Востоке

Новый курс России на Востоке начал осуществлять второй сын императора Николая I великий князь Константин Николаевич (1827—1898). 21 января 1853 года великий князь вступил в управление Морским министерством. Вскоре министерство превратилось в испытательный полигон Великих реформ. В сентябре 1853 года Константин Николаевич привлек в министерство новых чиновников: Д. А. Оболенского, Д. А. Толстого, Н. М. Голицына, В. Е. Врангеля, Д. Н. Набокова и Б. П. Мансурова. Правой рукой и вдохновителем преобразований при великом князе стал А. В. Головин [Стафёрова, 2007, с. 55]. Во время Крымской войны под руководством великого князя была идеально налажена забота о раненых в госпиталях морского ведомства. Эту работу выполняли чиновники Б. П. Мансуров и В. И. Доргобужинов.

Биограф Константина Николаевича В. Е. Воронин писал о том, что в апреле 1856 года великий князь представил императору записку «О цели и значении русского флота». Записка была разослана высшим правительственным и морским чиновникам. Одна из задач, декларируемых в записке, состояла в покровительстве торговому судоходству. При этом укрепление военного флота ставилось в зависимость от усиления флота торгового. От последнего в случае войны можно было получить большое количество кораблей и моряков. Для военных целей могли использоваться верфи, заводы, корабельные плотники, обслуживающие коммерческий флот [Воронин, 2019, с. 89]. Первым шагом по воплощению в жизнь Записки великого кня-

зя стало создание РОПиТ. Исследовавший учреждение РОПиТ Д. А. Степанов указывал, что торговое пароходство должно было создать резерв кораблей в случае уничтожения Черноморского флота. Но были и другие мотивы, которые упоминал великий князь Константин Николаевич в записке Комитету министров. Он заявлял, что перевоз большого числа паломников в Палестину и к Афонской горе должен сблизить Россию с единоверцами и «доставить России необходимое для нее значение на Востоке» [Степанов, 2011, с. 33]. В результате РОПиТ получило серьезную государственную поддержку: ему в рассрочку передавалось имущество Новороссийской пароходной экспедиции, а также устанавливалась государственная субсидия в виде помильной платы; 6670 акций общества были приобретены государством, а великий князь стал одним из крупнейших частных владельцев акций [Степанов, 2011, с. 36]. РОПиТ обязывалось установить постоянные рейсы, в том числе с портами Востока: Константинополем, Афоном, Смирной, Родосом, Александреттой, Бейрутом, Яффой и Александрией.

3. Первая командировка Б. П. Мансурова в Палестину

Перед тем как открывать рейсы на турецкий Восток, следовало познакомиться с обстановкой в тех местах. Великий князь Константин Николаевич писал, что РОПиТ не мог найти «способного агента для изучения на Востоке, как происходит ежегодное странствование православных поклонников к Святым Местам и что именно оно должно бы предпринять для облегчения их душеспасительного подвига и тем самым увеличить число богомольцев. Посему дабы оказать и в этом отношении Пароходному обществу всевозможное содействие, командирован был Мною с Высочайшего разрешения в Палестину для собрания всех необходимых Обществу предварительных сведений Ст. Сов. Мансуров, который неоднократно с отличным успехом выполнял весьма важные поручения» [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 43, л. 1].

Задачей Мансурова было под видом частного путешественника проехать по будущей Восточной линии РОПиТ и составить «Путеводитель для православного поклонника святым местам» с означением маршрутов, гостиниц, средств сообщения, цен на жизненные припасы, на переезды, ночлеги и т. п.». Подобная книга, созданная по образцу европейских путеводителей, должна была привлечь православных паломников в Палестину и обеспечить загрузку пароходов РОПиТ пассажирами. К. А. Вах цитировал инструкцию, данную Мансурову великим князем: он должен был отправиться в Вену и купить там путеводители и карты, затем «из Триеста или Неаполя отправиться в Бейрут, изъездить Палестину во всех направлениях и чрез Афон и Константинополь воротиться в Россию»; донесения Мансурову предписывалось передавать через консулов или надежных

лиц, почтой не пользоваться [Вах, 2014, с. 34—35]. В послужном списке Мансурова указывается, что в ноябре 1856 года был «с высочайшего разрешения командирован великим князем Константином Николаевичем на Восток в Сирию и Палестину с особым поручением. По возвращению из этой командировки снова послан на Восток для содействия РОПиТ по учреждению сообщения между Черным морем и восточными портами» (март 1857 года) [РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 312, л. 221]. Вторая командировка Мансурова на Афон проходила официально, в контексте открытия нового маршрута РОПиТ. Она освещалась на страницах журнала Морского министерства «Морской сборник». «Приятно было видеть в Босфоре в одно время два русских парохода, свидетельствующих о том, что наше Общество находится уже в полном и правильном действии» [Мансуров, 1857а, с. 207], — цитировалось в статье письмо Мансурова.

Из второй командировки Мансуров вернулся в Париж, где составил отчеты. В ходе работы он пришел к выводу, что издание путеводителя не своевременно. На Востоке нет достаточной инфраструктуры для увеличения потока паломников. Мансуров подробно описал увиденное им и предложил свои рекомендации для изменения ситуации к лучшему. В октябре 1857 года Мансуров прибыл в Санкт-Петербург, где началось обсуждение его отчета в высших эшелонах власти. В это время в окружении великого князя родился «Иерусалимский проект» (термин, введенный К. А. Вахом). Под этим названием понималось объединение Морского министерства, Св. Синода, Министерства иностранных дел (далее также — МИД) и РОПиТ под руководством Константина Николаевича для усиления влияния России на Востоке. Эти мероприятия должна была прикрывать забота о российских паломниках. Участие в создании паломнической инфраструктуры должен был принять РОПиТ [Вах, 2011, с. 7—8]. По мнению Ваха, в итоге «Иерусалимский проект» был сведен только к заботе о паломниках и завершился в 1864 году с передачей дел Палестинского комитета в МИД [Вах, 2012в, с. 19]. Основным документом «Иерусалимского проекта» стал первый отчет Мансурова. Он был напечатан в двух вариантах для служебного пользования. Его сокращенный вариант «Православные поклонники в Палестине» опубликован в приложении к журналу «Морской сборник» (1858, № 4, 106 страниц) [Мансуров, 1858].

В своем отчете Мансуров подробно описывал бедственное положение российских паломников. Он сравнивал российскую паломническую инфраструктуру в Иерусалиме с подобной у католиков и протестантов, рассматривал деятельность европейских пароходств. Мансуров подвергал критике отношения греческого духовенства к российским паломникам и плохую заботу о них российского МИДа. Он утверждал, что всякое ев-

ропейское промышленное предприятие на Востоке имеет политическое значение. Желая получить выгоду от увеличения количества паломников, РОПиТ может достигнуть результатов, нужных правительству. В качестве примера Мансуров приводил российское консульство в Бейруте. Там должна быть основана важная контора Общества и при ней построен приют для паломников и больница. Мансуров предлагал совместить обязанности консулов и агентов Общества, основать консульство в Иерусалиме. Строительство инфраструктуры для паломников он предлагал финансировать за счет сбора пожертвований и субсидий РОПиТ (считал, что пароходство будет выделять 20000 руб. в год) [Мансуров, 18576, с. 102—109].

В отчете Мансурова давался план усиления влияния России на Востоке из 19 пунктов. По этому плану РОПиТ должен был обеспечивать паломников паспортами и проводить для них обмен денег. Бухгалтерии Общества предписывалось принимать пожертвования и направлять эти деньги на нужды паломников. По мнению Мансурова, правительству будет удобнее действовать через РОПиТ, это будет иметь безопасный вид, позволит избежать бюрократии, упростить счета и получить доверие общественности. Консул и глава Духовной Миссии должны осуществлять общее руководство всеми учреждениями. Управление в Санкт-Петербурге должно было объединять три заинтересованные стороны: Св. Синод, МИД и РОПиТ. Необходимо маскировать участие правительства в данном предприятии. Для этого надо учредить «нечто в роде негласного, частного совета, по подобию бывшего Правления общества просвещения бедных ... облечь все дело и в Санкт-Петербурге в форму частного благотворительного предприятия, образованного по указанию коммерческих выгод пароходного общества, но покровительствуемого Правительством ради богоугодной цели и ради сочувствия его к успехам общества» [Там же, с. 187]. Часть предложений Мансурова впоследствии была претворена в жизнь.

А. В. Головнин так описывал последствия отчета Мансурова: «Великий князь собрал у себя Горчакова, министра народного просвещения Норова, министра финансов Бока, обер-прокурора Св. Синода Толстого, директора Азиатского департамента Ковальского, представителей Русского общества пароходства и торговли Аркаса и Мельникова. Обсудил с ними меры для помощи поклонникам. Следствием были мероприятия, которые изменили всю систему» [РНБ ОР, ф. 208, оп. 1, д. 11, л. 38]. Сообщение Головнина подтверждается в воспоминаниях А. Ф. Тютчевой, епископа Порфирия (Успенский), Д. А. Оболенского. Архив РОПиТ позволяет подтвердить воспоминания современников Мансурова документами.

По возвращении Мансурова в Санкт-Петербург им был составлен отчет о командировках. Дальнейшую инициативу по продвижению проекта взял

на себя великий князь Константин Николаевич. Он лично вел переговоры с императором, заинтересованными министрами и правлением РОПиТ.

В декабре 1857 года были отпечатаны экземпляры первого секретного издания отчета Мансурова. 27 декабря великий князь Константин Николаевич пересылал в правление РОПиТ пять экземпляров книги Мансурова. В сопроводительном письме великий князь предлагал РОПиТ обсудить отчет и представить свое мнение и указывал: «Если Общество пожелает еще далее воспользоваться трудами Г. Мансурова, отправивши его вновь в Палестину на счет Общества, то Я и в этом случае готов вновь содействовать Обществу и с удовольствием командирую Г. Мансурова в Иерусалим на время, необходимое для исполнения поручения, которое будет на него возложено» [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 43, л. 1—2]. В ответ РОПиТ ходатайствовало перед великим князем «о командировании ДСС Мансурова, на счет Общества, в Палестину для собрания дополнительных сведений и оставления проекта самого исполнения предложений, клонящихся к облегчению и поощрению Православного поклонничества к Святым Местам» [Там же, л. 3].

4. Третья командировка Б. П. Мансурова в Палестину

В результате консультаций с министрами предложения Мансурова были одобрены. 15 января 1858 года великий князь сообщал правлению РОПиТ, что император разрешил командировать Мансурова за границу «для исполнения поручения Общества, на иждивении онаго, и с сохранением ему содержания от Морского Министерства» [Там же, л. 6]. В тот же день великий князь известил главу МИД и обер-прокурора Св. Синода о командировке Мансурова, попросив оказывать ему всяческое содействие и познакомить с нужными документами их ведомств. Похожее письмо было отправлено Мансурову [Там же, л. 7—9].

Все заинтересованные ведомства приступили к выработке задач для деятельности Мансурова в новой командировке. 10 февраля великий князь пригласил главу Правления РОПиТ Н. А. Аркаса приехать с одним из членов Правления для обсуждения с министром МИД и обер-прокурором Св. Синода «некоторых предметов, касающихся православных поклонников в Палестине» [Там же, л. 18]. В результате 12 февраля РОПиТ сообщало великому князю о своем ближайшем плане действий в Палестине, в частности, предлагало: (1) «одному из Директоров отправиться вместе с Мансуровым и надлежащим числом сотрудников на Восток, на иждивение Общества, с целью составить полные и подробные проекты будущего устройства на Востоке, как дел Общества, так и быта поклонников»; (2) «Коллежскому советнику, в звании камер-юнкера, Доргобужинову отправиться в Иерусалим в качестве агента общества» [Там же, л. 14]. Прав-

ление надеялось, что РОПиТ будет получать от увеличения числа поклонников выгоды по примеру Австрийского Ллойда и *Messageries Imperiales*. На Агентов РОПиТ на Востоке должна была быть возложена обязанность «иметь о православных поклонниках попечение» и «принять все труды по приобретению земель», возведению зданий, необходимых для приюта поклонников и в целом «по устройству сего важного дела». Подчеркивалось, что «результат деятельности Агентов Общества в видах поощрения Православного поклонничества будет зависеть от тех денежных средств, которые будут предоставлены на сей предмет Правительством или частными благотворителями. Правление может принять теперь же на счет Общества расход по устройству на Востоке наших консульств, если обязанности Консулов будут возложены на Агентов Общества» [Там же, л. 15]. Кроме того, часть недвижимой собственности, приобретенной обществом в некоторых местах Востока, могла быть впоследствии отдана для возведения приютов, в которых поселятся поклонники. РОПиТ не мог приступить к устройству необходимых контор, магазинов и складов «за неимением дозволения оттоманской Порты на приобретение домов и мест» [Там же, л. 16]. Правление было уверено, что такое разрешение будет дано, так как его уже имеют на приобретение недвижимой собственности австрийский Ллойд и *Messageries Imperiales*. Правление просило великого князя ходатайствовать перед МИД и Портой о приобретении недвижимости [Там же, л. 17].

Результатом обсуждений отчета Мансурова министрами и правлением РОПиТ стал доклад великого князя императору, утвержденный 27 февраля 1858 года. Был сделан вывод о том, что устройство учреждений для улучшения быта паломников не может финансироваться из бюджета. Для этих целей надо открыть сбор пожертвований, в том числе в церквях России. По примеру сбора на раненых, принимавшегося во время Крымской войны в Комиссариатском департаменте Морского министерства, туда планировалось направлять и пожертвования для паломников. По мере надобности эти деньги должны были пересылаться в Духовную Миссию в Иерусалим и в РОПиТ. Ведомости о пожертвованиях планировалось публиковать в газетах [РГБ ОР, ф. 253, д. 169, л. 2].

Первый отчет Мансурова ставил целый ряд политических задач, реализация которых должна была усилить влияние России на Востоке. О том, что из этих пунктов было решено выполнять в первую очередь, видно из письма великого князя Константина Николаевича 27 февраля 1858 года к главе МИД А. М. Горчакову: «1. Кроме вопроса о поклонниках ... и необходимости ... общества пароходства и торговли ... покупать земли и дома в Турции; 2. О соединении иногда консульств наших на Востоке с агентствами пароходного общества; 3. И об отправлении врачей на Восток по соглашению

с Обществом; 4. Содержании и увеличении числа арабских приходов; 5. Об учреждении домовых церквей при консульствах; 6. О увеличении состава нашей духовной миссии, так как об этом сказали во всеподданнейшем докладе» [Там же, д. 170, л. 1]. Горчаков не имел принципиальных возражений против новой формы освоения Востока под прикрытием помощи паломникам. В тот же день он написал ответ великому князю о том, что он был готов в тех портах, где консулов нет, определить агентов Общества консулами или вице-консулами с условием, что их выбор впоследствии будет зависеть от Азиатского департамента. По поводу оплаты работы врачей, взятия на содержание арабских приходов и учреждения при консульствах домовых церквей он источник финансирования указать не мог. Для увеличения состава Духовной Миссии в МИД денег не было [Там же, л. 21]. Любопытно, что вопрос содержания Россией арабских общин, который ставился в отчете Мансурова, больше никогда не упоминался. Но даже он возражений Горчакова не вызвал. Сведений о том, что другие политические пункты из отчета Мансурова обсуждались на уровне министров, пока не обнаружено. Похоже, что претворять их в жизнь никто не планировал.

1 марта 1858 года великий князь сообщал в РОПиТ: «РОПиТ изъявило готовность поручить своим агентам на Востоке заняться безвозмездно устройством необходимых для поклонников благотворительных учреждений, и вообще иметь о них всевозможное попечение с тем, что результат деятельности агентов Общества будет, конечно, зависеть от тех денежных средств, кои будут предоставлены Правительством или частными благотворителями», Государь «высочайше соизволил, для получения необходимых на вышеуказанные заведения сумм открыть в Империи повсеместно подписку и установить особый кружечный сбор, чтобы добровольные приношения жертвователей отправлялись в Комиссарский департамент Морского министерства, откуда они будут предоставляться по мере надобности нашей Духовной Миссии в Иерусалиме и в РОПиТ и с тем, чтобы об употреблении оных отдавались постоянно подробные отчеты в ведомостях» [Там же, л. 25—26].

В апреле 1858 года подготовка к командировке Мансурова была почти окончена. Надо полагать, что его отправку задерживало недостаточное финансирование, так как сбор пожертвований только начался. 9 июля Мансуров писал из Одессы Д. А. Оболенскому: «Сборы, руководствуемые Синодом без прямого вмешательства великого князя или императрицы, совершенно педализируются мертвенностью духа нашего духовенства. До сих пор указ Синода о произведении сборов оставляется консисториею без всякого исполнения; о сборах нет и помину, в церквах нет ни особых кружечек, ничего» [Вах, 2017, с. 127]. О другой причине задержки Мансуров писал

в своем итоговом отчете: «По разным причинам и в особенности потому, что признание Портой нового Русского Иерусалимского Консульства последовало только в Августе, настоящая деятельность Д. С. С. Мансурова на Востоке могла начаться не ранее 1 Августа» [РГИА, ф. 565, оп. 1, от. 1, ст. 3, д. 2433, л. 3]. 10 апреля 1858 года РОПиТ согласовал с банком Штиглица кредит Мансурову в 600 фунтов стерлингов. Кредит должен был быть доступен в Константинополе, Смирне, Афинах, Бейруте, Париже, Триесте и Марселе [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 43, л. 30]. Таким образом, был уже выработан маршрут предстоящей командировки. 24 апреля 1858 года Азиатский департамент поручил обязанности консула в Иерусалиме агенту РОПиТ, состоящему по Морскому министерству, В. И. Доргобужину, с назначением ему добавочного содержания 1500 р. из сумм МИД [Там же, л. 44]. Это был товарищ Мансуров по делу обеспечения раненых моряков в Севастополе.

Правление РОПиТ поставило перед Мансуровым следующие задачи: «Принять на себя труд отправиться на Восток и составить на месте соображения, что именно и в каких размерах Общество должно сделать для доставления нужного удобства путешественникам и где крайне необходимо устроить гостиницы, в какой из Сирийских портов должно привозить путешественников, как устроить их доставку в Иерусалим, пребывание там и потом дать им возможные средства к полному обозрению всех местных Святынь» [Там же, л. 33]. РОПиТ считало нужным принять на себя доставку паломников в Палестину и обратно за известную плату, а также обеспечение их приютом и пищей. Общество готово было в настоящее время ограничить получение выгоды, чтобы получить ее в будущем. РОПиТ считало необходимым приобретение домов в собственность или долгосрочную аренду в Смирне и Бейруте для контор агентов, магазинов и складов угля. Общество готово было выделить на эти цели до 40 тысяч руб. В Константинополе предполагалось получить разрешение турецкого правительства на перестройку здания бывшей коммерческой канцелярии частью на пожертвования, частью на средства РОПиТ. Там должна быть устроена контора агентства и гостиница для паломников. Мансурову предстояло согласовать с посольством перестройку дома и сделать планы [Там же, л. 41]. В письмах Мансурова есть упоминание этой инструкции № 344, датной 11 апреля [Вах, 2017, с. 136].

Пока Комиссариатский департамент собирал пожертвования, а МИД назначал в Иерусалим Консула и договаривался с турецкими властями о разрешении на покупку земли, Мансуров выехал в отпуск в Париж (где находился на лечении его отец). Судя по послужному списку Мансурова, отпуск в Париже входил в командировку, и началась она 11 апреля. Из Парижа через Марсель и Афины Мансуров прибыл в Константинополь, где

находился в течение месяца. В письме от 1—2 июля 1858 года Мансуров сообщал Д. А. Оболенскому, что завтра на русском пароходе отправится в Одессу для свидания с В. И. Доргобужинным и Н. А. Новосельским. Он писал о том, что в Константинополе необходимо перестроить для РОПиТ дом коммерческой канцелярии. Для этого Обществом нанят архитектор Эппингер, которого Мансуров планировал привести с собой на обратном пути. Им был уже намечен путь предстоящей поездки: Константинополь, Афон, Афины, Смирна, Родос, Бейрут, Иерусалим. Он заявлял, что РОПиТ очень важен для прикрытия на Востоке действий российского правительства. В письме уже прослеживался будущий конфликт с главой Духовной Миссии епископом Кириллом по поводу покупки земельных участков [Вах, 2017, с. 124—129]. 5 сентября Мансуров из Бейрута описывал Оболенскому обстоятельства своей поездки. Ему пришлось задержаться в Одессе до 1 августа в связи с организацией дел РОПиТ.

В ходе третьей командировки Мансуров посещал порты, где нужно было создать инфраструктуру для Восточной линии. Он побывал на Родосе, в Кайфе, Хайфе, Яффе, Бейруте, Назарете. 17 сентября он прибыл в Иерусалим. Мансуров писал Оболенскому, что глава Духовной Миссии епископ Кирилл недоволен вмешательством РОПиТ и обвиняет Общество в корыстных целях. Мансуров убеждал епископа в том, что пароходство заинтересовано в построении инфраструктуры для паломников. По его мнению, приобретать недвижимость монахам и консулам было неудобно, за них это должно было сделать РОПиТ. Он считал, что пароходство будет охотно жертвовать деньги на паломников, что за пять лет Общество вложит в дело паломников 80 тысяч руб. [Вах, 2017, с. 161]. В то же время в письмах Мансурова появляются сомнения. «Прибавлю насчет будущего, что я ни в каком случае не соглашусь ехать на Восток еще раз на счет Пароходного Общества потому, что в Обществе не все смотрят на дело подобно Новосельскому, а видят во мне элемент, насилующий свободу Компании», — писал он Оболенскому. Он просил сообщить великому князю, что для успеха РОПиТ необходимо удвоить количество кораблей и сделать большие вложения на устройство береговых учреждений в России и на Востоке [Там же, с. 168]. Все это время Мансуров отправлял подробные отчеты великому князю и копии Новосельскому. Эти документы пока не обнаружены. В письмах Оболенскому Мансуров давал сметы по строительству. По его мнению, на три года было необходимо 700 тысяч руб. [Там же, с. 162]. В дальнейшем эта сумма была снижена до 500 тысяч.

От этой командировки сохранилось только одно письмо Мансурова директору РОПиТ Н. А. Новосельскому (из Одессы они выезжали вместе). Мансуров уверял, что тратил деньги Общества только на его надобности.

«На Востоке все агентства в полном, нормальном действии, хорошо обставлены и конторе следует только им помогать», — писал Мансуров. Он особенно отмечал деятельность четырех агентов пароходства: Штейгера, Куртовича, Несторова и Аверино. Мансуров ходатайствовал перед РОПиТ о принятии на службу капитанов из конкурирующих компаний Черногоревича, Лазаревича и Петковича. Он планировал два месяца отдохнуть в Париже, а в марте опять отправиться на Восток [Там же, с. 175].

В январе-феврале 1859 года Мансуров писал отчеты по своей третьей командировке на Восток. В это время великим князем был решен вопрос о его дальнейшей деятельности. До весны 1860 года он должен был вновь уехать на Восток и курировать строительство инфраструктуры для паломников. Второй отчет Мансурова назывался «Записка о положении дела создания на Востоке Русских Богоугодных заведений», он был составлен 18—24 февраля 1859 года в Палермо [РГИА, ф. 565, оп. 1, от. 1, ст. 3, д. 2433, л. 1]. По указанию великого князя Мансуров сообщил содержание записки во время доклада Александру II. Дальше она была передана для исполнения в МИД и сохранилась в копии в Департаменте государственного казначейства Министерства финансов. Можно говорить о том, что записка стала основным побудительным мотивом к официальному учреждению Палестинского комитета и началу реального строительства Русской Палестины.

В записке Мансурова можно выделить несколько смысловых частей. Поскольку поездка Мансурова финансировалась РОПиТ, а он одновременно исполнял обязанности агента Пароходства, записка начиналась с этой проблематики. Мансуров описывал успехи Пароходства и благодарил его за финансовую помощь. Затем шел отчет о сделанном в Палестине из 17 пунктов. Последний пункт был одновременно финансовой сметой для планируемых построек. В заключении записки несколько страниц было посвящено эмоциональному описанию настоящих и будущих успехов России на Востоке. В записке отразились конфликты, которые уже начались в Св. Земле между Духовной Миссией и консульством.

Мансуров сообщал, что свою деятельность в Иерусалиме он смог начать только после учреждения консульства в августе 1858 года. Дальше шла благодарность в адрес РОПиТ: «В этом печальном периоде Пароходное общество оказала чрезвычайно важную и большую пользу тем, что 1) поставило своих агентов в распоряжение командированного на Восток Мансурова и дало ему средства с полным комплектом деятелей изучить все местности; 2) приняла на свой счет обзаведение в Иерусалиме агентства, с коими соединено там все консульское учреждение, а без предварительного учреждения в Св. Граде Консульства ни к чему приступить было невозможно, и 3) вручило Мансурову около 40000 рублей на случай

необходимости делать немедленные расходы. Для связывания всего предполагавшегося на Востоке богоугодного дела с Пароходным Обществом, Правление сего последнего предоставило Мансурову власть и права для устройства дел Общества по всей линии от Константинополя до Яффы, Иерусалима и Назарета включительно» [Там же, л. 1—2].

Затем Мансуров отчитывался о сделанном на Востоке в 1858 году: «1) консульство и агентство основано и обзаведено за счет РОПиТ с большими расходами, для консульства нанят на три года дом, 19 сентября русский флаг был поднят в Иерусалиме; 2) по Восточной линии устроены правильные агентства РОПиТ в Галлиполи, Дарданеллах, Митилине, Смирне, Хиосе, Родосе, Мессине, Александрии, Латакии, Триполи, Бейруте, Кайфе, Яффе, устроены постоянные угольные склады; 3) пароходство началось с июня по два рейса в месяц, повреждений судов и остановок не было, получило доверие публики и торговли, линия выгодна, конкуренция французов и австрийцев представляется не страшной; 4) собрана информация для устройства поклоннических сооружений; 5) устроена правильная и постоянная русская почта (РОПиТ перевозит письма и посылки без всяких расходов для казны); 6) в Яффе отделано помещение для 10 поклонников высшего сословия, нанят дом на 10 лет; 7) между Яффой и Иерусалимом в Ромале, где ночуют поклонники, нанят дом; 8) в Кайфе отстраивается странноприимное заведение для 50 паломников (Иерусалимский Патриарх принял эту постройку на свой счет, русским надо только обустроить ее) ... 15) было определено, что нужно построить в Иерусалиме: а. жилье для 500 поклонников мужчин и 500 женщин, б. госпиталь на 100 коек, в. русская церковь на 600 человек, г. дом для епископа и Духовной Миссии, которая требует увеличения состава, д. для иерусалимского консульства, е. дом для хозяйственных служб; 16) устроить в Иерусалиме временные приюты в частных домах» [Там же, л. 20—21]. Мансуров сообщал, что, хотя сбор денег начался не во всех губерниях, уже собрано 160 865 р. По его подсчетам 74 000 р. надо было вложить ещё до начала основных построек. Решить проблемы мог помочь правительственный заем (под будущие сборы) в 500 000 руб. [Там же, л. 21].

5. Деятельность РОПиТ в Палестине в 1858—1859 годах

Отчитавшись за третью командировку, Мансуров предоставил РОПиТ план и смету планирующихся построек. Этот документ не имеет даты. Мансуров отмечал, что 11 апреля 1858 года он получил задание от РОПиТ по строительству на Востоке инфраструктуры для паломников и деньги на эти цели — 40 000 руб. Правительство также поставило перед ним задачу, носящую религиозно-филантропический характер. Он старался употребить деньги РОПиТ только на улучшения пассажирских перевозок. 8 ты-

сяч руб. им было потрачено на поддержание Одесской главной конторы Общества. 32 тысячи были взяты у Общества займы на филантропические нужды и возвращены из Комиссариатского департамента.

Мансуров писал: «В новом году, когда у Общества появилось желание, чтобы я продолжил для него свою деятельность, предлагаю смету предполагаемых расходов: 1) наш Константинопольский агент имел возможность хорошо загрузить пароходы так, как в доме Кундури смог оборудовать помещение для паломников. Там они ожидают парохода в Яффу без необходимости нанимать себе квартиру. Надо расширить количество помещений; 2) на Афоне начаты переговоры по строительству пристани, склада и приюта. Для установления удобного сообщения с Афоном нужно: постройка кельи — 6000 р., мебель — 1000 р., постройка двух лодок — ? На содержание агентства — 1500 р. Это окупится увеличившемся количества паломников; 3) в Кайфе построить временный приют, магазины и каменную пристань. Эппингер уже сделал план — 15000 р. На временную пристань — 700 р., мебель для гостиницы — 1000 р., содержание гостиницы — 600 р. Привести из Одессы “бабу” для вбивания свай; 4) в Александрии найти место для угольных магазинов; 5) в Назарете утроена пока временная гостиница для 50 поклонников и 10 путешественников (состоятельных россиян). Наем дома — 400 р., его содержание — 500 р., на 4 года, единовременно — 1000 р. мебель, 1000 р. отделка; 6) в Яффе нанять дом за 315 р в год. 1000 р. на утварь, 600 р. содержание, для складов — 2500 р.; 7) в Ромале — 2800 р. наем домов и утварь; 8) в Иерусалиме наем трех домов 1200 р. В год каждый, 4000 р. мебель, ремонт — 2000 р., переделка — 3000 р. Общая смета расходов: единовременно — 39200 р., ежегодно — 11865 р. Возможно сокращение расхода до 25000 и 10500 р.» [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 43, л. 78—81]. В этом случае Мансуров считал, что не выходит из предполагаемого расхода в 40 000 р. на организацию Восточной линии.

В планы Мансурова внесла коррективы поездка великого князя Константина Николаевича на Восток. По этому поводу Мансуров писал Новосельскому о том, что необходимо немедленно: «1) дать знать в Одессу, чтобы к 5 апреля пароход “Владимир” был готов к экстренному рейсу на один месяц или 5 недель; 2) дать знать Одесской конторе, что правление возобновляет права данные мне в 1858 году на 1859 и 1860 годы; 3) подготовить 25000 р. на устройства восточных агентств и создания удобств для паломников в Палестине и на Афоне; 4) утвердить постройку кельи на Афоне и угольных магазинов в Кайфе; 5) определить сколько общество может тратить в год на удобство паломников; 6) прикрепить к нему Хованского, Кази и Вурукла с оплатой по 3 и 2 р. в день; 7) быть Новосельскому 15 апреля на пароходе “Владимир”» [Там же, л. 83].

24 февраля — 8 марта 1859 года великий князь из Палермо сообщал в РОПиТ о том, что предполагает снова командировать Мансурова за границу и на Восток по май 1860 года, но уже за счет сумм Морского министерства. Перед Мансуровым ставилась задача продолжить дело по устройству в Палестине странноприимных и богоугодных заведений и улучшению быта Русских поклонников, посещающих Святые Места. «Я разрешил г. Мансурову принять на себя от Общества пароходства и торговли поручения, которые он признает возможным исполнить и которые Общество сочтет полезным и нужным ему предоставить, если оно желает воспользоваться его пребыванием на Востоке» [Там же, л. 84], — писал великий князь. Правление РОПиТ ответило, что поручает Мансурову продолжить свою деятельность, «отдавая совершенную справедливость вполне успешным распоряжениям ДСС Мансурова по устройству на Востоке, в минувшем году, агентств Общества». В связи с этим РОПиТ обязался выделить в течение 1859, 1860, 1861 годов «в распоряжение ДСС Мансурова по 19 т. руб. для временных издержек по учреждению быта наших поклонников в Палестине», для приобретения мебели и прислуги для купленных домов. Общество безвозмездно обязывалось предоставлять услуги своих агентов, архитектора и еще трех лиц, служащих обществу по выбору Мансурова: секретаря, переводчика и знающего восточные языки для посылок [Там же, л. 86—87]. Время показало, что так податливо РОПиТ было только до того времени, пока дело заботы о паломниках возглавлял великий князь.

6. Выход РОПиТ из «Иерусалимского проекта»

Обнаружен важный материал о выходе РОПиТ из «Иерусалимского проекта». 2 января 1860 года директор-распорядитель сообщил в РОПиТ: «По данным агентов, переданных Палестинскому комитету, принял решение, что дело строительства богоугодных заведений в Иерусалиме поставлено так прочно, что теперь обойдется без расходов со стороны Общества. Правительство находит возможным дать содержание консулу и назначить от себя особого архитектора. Ввиду того, что Мансуров возвращается из Иерусалима 1 февраля 1860 года я отдаю следующие распоряжения: 1. Чтобы Доргобужинову и князю Хованскому была прекращена выплата содержания от Общества с 1 февраля. 2. Чтобы Хованскому, остающемуся за штатом, было выдано единовременно месячное содержание. 3. Чтобы состоящие при Мансурове Кази и Вурукла были возвращены, если возможно, на действительную службу Общества» [Там же, л. 181]. РОПиТ просил Мансурова о принятии на службу с 1 декабря медика Иерусалимской патриархии Х. Мазараки, о выплате Доргобужинову как выходящему за штат трехмесячного содержания и назначении ему какой-нибудь награды.

Своих финансовых обязательств по отношению к Палестинскому комитету РОПиТ так до конца и не выполнил. 10 октября 1860 года Комитет просил пароходство перевести 10 000 руб., обещанные Мансурову (которые так и не перевели в феврале) [Там же, л. 251—252]. Последний документ относится к 27 ноября 1860 года. Это ответ Правления РОПиТ в Палестинский комитет: <РОПиТ> «в настоящее время не считает возможным дать положительный ответ по возбужденному в отношении вопросу» [Там же, л. 253]. Можно предположить, что последняя сумма так и не была переведена.

После выхода Общества из «Иерусалимского проекта» отношения РОПиТ и Палестинского комитета стали чисто коммерческими. А. А. Дмитриевский приводил целый ряд примеров борьбы РОПиТ за получение выгоды. В 1862 году за привезенные грузы РОПиТ потребовал с М. И. Эппингера 45 руб. 5 коп., потерянных обществом при получении оплаты на разнице курса. Представитель РОПиТ заявил: «Если же вы почему-либо не можете признать это возможным, то Общество вынуждено будет и вовсе отказаться от исполнения важных поручений, или к стоимости товара приписывать ту разницу, которую оно может потерять при расчете с вами» [РГБ ОР, ф. 253, д. 169, л. 4]. В 1864 году РОПиТ потребовало от Палестинского комитета 5 % за перевод денег в Палестину. В том же году за перевозку на своих пароходах 5 тысяч пудов грузов, предназначенных для обустройства паломников, РОПиТ выставил цену, превышающую тариф у других европейских компаний. В ответ на это Мансуров писал: «Хотя посредством сношений с английскими коммерческими домами и пароходными компаниями, и имел бы надежду снизить фрахтовую цену, однако я готов с некоторою потерей отдать преимущество русской компании, дабы не входить в обязательства с иностранцами. При этом я вменяю себе в обязанность передать на уважение правления русского Общества пароходства и торговли, что доходы Комитета поступают не равномерно и в сроки, приближение коих от него не зависит. Начатое в Иерусалиме приходит к благополучному окончанию, средства обеспечивают все расходы, но Комитету весьма важно, при перевозке отсюда вещей или понизить до крайних пределов плату за фрахт, или выговорить рассрочку платежа» [РГБ ОР, ф. 253, д. 169, л. 4]. Снижать плату и предоставить рассрочку выплат Палестинскому комитету РОПиТ отказалось.

Бороться за повышение прибыли и выйти из «Иерусалимского проекта» РОПиТ заставило тяжелое финансовое положение. М. Н. Барышников писал, что уже в первый год деятельности пароходства оно столкнулось с полной необустроенностью Черноморских портов. Эта проблема требовала привлечения больших средств, которых пароходство не имело. Чтобы поднять рентабельность компании, РОПиТ в 1858 году добился от

правительства права проводить коммерческие рейсы, не зафиксированные в уставе. В 1859 году финансовые показатели компании ухудшились. Усилились разногласия в руководстве РОПиТ. В 1860—1861 годах компания оказалась в кризисе, снизилась доходность, упало доверие акционеров и клиентов [Барышников, 2015].

7. Заключение

Выйти из «Иерусалимского проекта» в 1860 году РОПиТ мог только с разрешения великого князя Константина Николаевича. В 1859 году Палестинский комитет получил государственное финансирование в том объеме, в каком рассчитал Б. П. Мансуров. Продолжали поступать сборы от пожертвований. Теперь Палестинский комитет мог обойтись без финансовой помощи РОПиТ, столь важной на первом этапе. Великий князь как один из главных акционеров РОПиТ постарался спасти свое детище от финансового краха, минимизировав расходы. При этом РОПиТ продолжало перевозить паломников и грузы, содержало в Палестине агентов и инфраструктуру пароходства. В то же время из проекта вышло и Морское министерство. «Морской сборник» перестает публиковать объявления о сборе пожертвований, а Комиссариатский департамент передает собранные средства в Министерство народного просвещения, куда переходят А. В. Головнин и Б. П. Мансуров. Можно говорить о том, что в 1860 году «Иерусалимский проект» полностью утратил свою политическую составляющую и был сведен только к заботе о российских паломниках. Ничего не изменила ликвидация в 1864 году Палестинского комитета и передача его дел в Палестинскую комиссию при МИДе. Основными причинами неудачи «Иерусалимского проекта» стала борьба в высших эшелонах власти, сопротивление Св. Синода и МИДа. Великому князю не удалось контролировать все учреждения, участвующие в «Иерусалимском проекте», и он вывел из игры подконтрольные ему РОПиТ и Морское министерство.

Необходимо отметить ключевую роль, которую сыграло РОПиТ в деле основания Русской Палестины. Именно с интересами пароходства была связана поездка в 1856—1857 годах Мансурова на Восток. В качестве агента пароходства Мансуров выступал в трех своих командировках, проводившихся за счёт РОПиТ. Доклад Мансурова привлек внимание властей и российского общества к положению паломников, и было запущено строительство Русской Палестины. По замыслу Мансурова, РОПиТ должно было совмещать свои коммерческие интересы с заботой о паломниках и одновременно прикрывать проникновение России на турецкий Восток. В 1858—1859 годах РОПиТ успешно выполняло эти задачи. Кроме 20 000 руб., вложенных в дело паломников, в этот период РОПиТ содержало иерусалимского консула,

чиновников и архитекторов, осуществлявших подготовку к строительству. Бесплатно осуществлялись перевозки целого ряда лиц на Восток. Директора РОПиТ вошли в Палестинский комитет. В качестве агента РОПиТ Мансуров смог добиться сперва начала сбора пожертвований, а потом и государственного финансирования строительства Русской Палестины. В дальнейшем под руководством Мансурова строительство Русской Палестины было осуществлено в запланированном объеме.

Источники и принятые сокращения

1. Мансуров Б. П. О посещении афонских монастырей / Б. П. Мансуров // Морской сборник. — 1857а. — № 10. — III ч. неофициальная. — С. 206—227.
2. Мансуров Б. П. Православные поклонники в Палестине / Б. П. Мансуров. — Санкт-Петербург : Типография Морского министерства, 1857б. — 209 с.
3. Мансуров Б. П. Православные поклонники в Палестине / Б. П. Мансуров. — Санкт-Петербург : Типография Морского министерства, 1858. — 106 с.
4. РГБ ОР — Российская государственная библиотека Отдел рукописей. ф. 253. д. 169. л. 2, 4 ; д. 170. л. 1—26.
5. РГИА — Российский государственный исторический архив. ф. 107. оп. 1. д. 43. л. 1—253 ; ф. 565. оп. 1. от. 1. ст. 3. д. 2433. л. 1—21.
6. РНБ ОР — Российская национальная библиотека Отдел рукописей. ф. 208. оп. 1. д. 11. л. 38.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алленов А. Н. «Мансуровский проект» Русской Палестины (по материалам поездки 1857 г. по Святым местам) / А. Н. Алленов // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2019. — Т. 24. — № 182. — С. 292—298. — DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-182-292-298.
2. Барышников М. Н. Русское общество пароходства и торговли и православное паломничество в Палестину (1865—1881 гг.) / М. Н. Барышников // Университетский научный журнал. — 2020. — № 58. — С. 13—27. — DOI: 10.25807/RVN.22225064.2020.58.13.27.
3. Барышников М. Н. Русское общество пароходства и торговли и развитие транспортной инфраструктуры черноморского побережья Кавказа (1856—1864 гг.) / М. Н. Барышников // Университетский научный журнал. — 2017. — № 29. — С. 13—24.
4. Барышников М. Н. Русское общество пароходства и торговли : учреждение, функционирование, перспективы развития (1856—1864 гг.) / М. Н. Барышников // TERRA ECONOMICUS. — 2015. — Т. 13. — № 2. — С. 106—130.
5. Вах К. А. Великий князь Константин Николаевич на Святой Земле. 1859 г. / К. А. Вах. — Москва : Индрик, 2009. — 87 с. — ISBN 978-5-91674-084-4.
6. Вах К. А. «За шествием Бога с Запада на Восток» : у истоков иерусалимского проекта России после Крымской войны / К. А. Вах // Письма Б. П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. — Москва : Индрик, 2014. — С. 15—47.
7. Вах К. А. «Иерусалимский проект» России : Б. П. Мансуров и Русские Постройки / К. А. Вах // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим : к 150-летию основания. — Москва : Индрик, 2012. — С. 21—37.

8. Вах К. А. Из предыстории ИППО : кризис Палестинского Комитета, рождение Палестинской Комиссии / К. А. Вах // Императорское Православное Палестинское Общество. К 130-летию со дня основания. — Москва : Индрик, 2012. — С. 17—30.
9. Вах К. А. К истории первого русского “Путеводителя” по Святой Земле / К. А. Вах // Русская Палестина. Россия в Святой Земле. Материалы международной научной конференции / Под. ред. Е. И. Зеленева. — Москва : Индрик, 2010. — С. 87—96.
10. Вах К. А. Как начиналась Русская Палестина. Иерусалим в письмах Б. П. Мансурова и В. И. Доргобужина. 1858—1860 гг. / К. А. Вах // Иерусалимский православный семинар. — 2017. — Выпуск 7. — С. 111—255.
11. Вах К. А. Об изучении первого периода создания русской Палестины. 1856—1864 / К. А. Вах // Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую землю. К 150-летию основания русской Палестины. — Москва : Индрик, 2011. — С. 7—14. — ISBN 978-5-91674-119-3.
12. Вах К. А. Предшественники Императорского Православного Палестинского Общества : великий князь Константин Николаевич и Б. П. Мансуров / К. А. Вах // Россия в Святой Земле. К 130-летию сотрудничества Императорского Православного Палестинского Общества с народами Ближнего Востока. Каталог международной юбилейной выставки / составители : К. А. Вах, С. Ю. Житенёв, Н. Н. Лисовой. — Москва : Индрик, 2012. — С. 156—191. — ISBN 978-5-91674-197-1.
13. Вейкова С. Н. Программа великого князя Константина Николаевича и создание Русского общества пароходства и торговли / С. Н. Вейкова // История предпринимательства в России : XIX — начало XX века. Вып. 2. Сборник статей. — Санкт-Петербург : Издательский дом СПбГУ, 2006. — С. 256—275.
14. Воронин В. Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества» : Молодые годы великого князя Константина Николаевича / В. Е. Воронин. — Москва : Прометей, 2019. — 368 с. — ISBN 978-5-907166-29-5.
15. Гравин А. А. Б. П. Мансуров и создание Русской Палестины (1857—1864) / А. А. Гравин // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2019. — Т. 24. — С. 252—257. — DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-183-252-258.
16. Гребцова И. С. Источники изучения истории акционерной компании РОПит / И. С. Гребцова, В. А. Мирошниченко // Записки историчного факультету Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова. — 1997. — Выпуск 4. — С. 166—172.
17. Иловайский С. И. Исторический очерк пятидесятилетия Русского общества пароходства и торговли / С. И. Иловайский. — Одесса : Типография Акционерного Южно-русского общества печатного дела, 1907. — 359 с.
18. Коновалов Ю. П. Морской торговый флот России в период промышленного капитализма, 60-е — середина 90-х гг. XIX в. (На материалах Черноморско-Азовского бассейна) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ю. П. Коновалов. — Одесса, 1981. — 19 с.
19. Кунавин К. С. Карьера Б. П. Мансурова как пример взаимоотношений «Правительство-чиновничество» во второй половине XIX в. / К. С. Кунавин // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2016. — Т. 21. — № 5—6. — С. 150—155.
20. Лемачко Б. В. Краткий очерк деятельности Русского общества пароходства и торговли / Б. В. Лемачко, В. В. Яровая // Гангут. — 1991. — Выпуск 2. — С. 77—85.
21. Скальковский А. А. Русское общество пароходства и торговли. 1857—1869 г. / А. А. Скальковский. — Одесса : Тип. П. Францова, 1870. — 14 с.

22. Стафёрова Е. Л. А. В. Головин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 60-х гг.) / Е. Л. Стафёрова. — Москва : Канон+РООИ “Реабилитация”, 2007. — 512 с. — ISBN 978-5-88373-149-4.
23. Степанов Д. А. Учреждение русского общества пароходства и торговли (1856—1857 годы) / Д. А. Степанов // Вестник Челябинского государственного университета, история. — 2011. — № 22 (237). — Выпуск 46. — С. 30—38.
24. Трифонов Ю. Н. Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ). 1856—1932 / Ю. Н. Трифонов, Б. В. Лемачко. — Санкт-Петербург : ЛеКо, 2009. — 180 с.
25. Шевченко С. М. Деятельность Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) в 1856—1878 гг. / С. М. Шевченко // Севастополь : взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. — Севастополь : Максим ЧП Арефьев, 2006. — С. 98—101.
26. Шевякова Д. П. Севастопольский торговый порт. История. Возможности и реальность (вторая половина XIX — начало XX века) / Д. П. Шевякова // Севастополь : взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. — Севастополь : Максим ЧП Арефьев, 2006. — С. 85—90.
27. Эфенди-Заде Д. М. Русский морской торговый флот на рубеже XIX—XX вв. / Д. М. Эфенди-Заде // Исторические записки. — 1980. — Т. 105. — С. 255—272.

MATERIAL RESOURCES

- Mansurov, B. P. (1857). About visiting monasteries of mount Athos. In: *Marine collection, 10 (III part unofficial)*: 206—227. (In Russ.).
- Mansurov, B. P. (1857). *Orthodox fans in Palestine*. St. Petersburg: Printing House of the Maritime Ministry. 209 p. (In Russ.).
- Mansurov, B. P. (1858). *Orthodox fans in Palestine*. St. Petersburg: Printing House of the Maritime Ministry. 106 p. (In Russ.).
- Russian state historical archive. F. 107. Op. 1. D. 43. Ll. 1—253; F. 565. Op. 1. D. 2433. Ll. 1—21.* (In Russ.).
- Russian State Library Department of Manuscripts. f. 253. D. 169. Ll. 2, 4; D. 170. Ll. 1—26.* (In Russ.).
- The national library Department of manuscripts. F. 208. Op. 1. D. 11. L. 38.* (In Russ.).

REFERENCES

- Allenov, A. N. (2019). “Mansurov project” of Russian Palestine (based on the materials of the 1857 trip to the Holy Places). *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 24 (182): 292—298. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-182-292-298. (In Russ.).
- Baryshnikov, Mn. (2015). Russian society of shipping and trade: establishment, operation, development prospects (1856—1864 gg.). *TERRA ECONOMICUS*, 13 (2): 106—130. (In Russ.).
- Baryshnikov, Mn. (2017). Russian society of shipping and trade and the development of transport infrastructure of the black sea coast of the Caucasus (1856—1864 gg.). *University research journal*, 29: 13—24. (In Russ.).
- Baryshnikov, Mn. (2020). Russian society of shipping and trade and Orthodox pilgrimage to Palestine (1865—1881 gg.). *University research journal*, 58: 13—27. DOI: 10.25807/PBH.22225064.2020.58.13.27. (In Russ.).

- Efendi-Zade, D. M. (1980). Russian merchant Marine fleet at the turn of the XIX—XX centuries. *Historical notes*, 105: 255—272. (In Russ.).
- Gravin, A. A. (2019). B. P. Mansurov and the creation of Russian Palestine (1857—1864). *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 24: 252—257. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-183-252-258. (In Russ.).
- Grebtsova, I. S., Miroshnichenko, V. A. (1997). Sources of studying the history of the ROPiT joint-stock company. *Notes of the istoric faculty of the Odessa State University im. I. I. Mechnikov*, 4: 166—172. (In Russ.).
- Ilovaisky, S. I. (1907). *Historical sketch of the fiftieth anniversary of the Russian Society of Shipping and Trade*. Odessa: Printing house of the Joint-stock South Russian Society of Printing. 359 p. (In Russ.).
- Konovalov, Yu. P. (1981). *The commercial sea fleet of Russia in the period of industrial capitalism, the 60s — the middle of the 90s of the XIX century. (Based on the materials of the Black Sea-Azov basin)*. Author's abstract of PhD Diss. Odessa. 19 p. (In Russ.).
- Kunavin, K. S. (2016). The career of B. P. Mansurov as an example of the relationship “Government-officialdom” in the second half of the XIX century. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 21 (5—6): 150—155. (In Russ.).
- Lemeshko, B. V., Yarovaya, V. V. (1991). A Brief outline of the activities of the Russian society of shipping and trade. *Gangut*, 2: 77—85. (In Russ.).
- Shevchenko, S. M. (2006). Activity of the Russian Society of Shipping and Trade (ROPiT) in 1856—1878. In: *Sevastopol: a look into the past. Scientific articles of the staff of the State Archive of Sevastopol*. Sevastopol: Maxim PE Arefyev. 98—101. (In Russ.).
- Shevyakova, D. P. (2006). Sevastopol commercial port. History. Opportunities and reality (the second half of the XIX — the beginning of the XX century). In: *Sevastopol: a look into the past. Scientific articles of the staff of the State Archive of Sevastopol*. Sevastopol: Maxim PE Arefyev. 85—90. (In Russ.).
- Skalkovsky, A. A. (1870). *Russian Society of Shipping and Trade. 1857—1869*. Odessa: Type. P. Frantsova. 14 p. (In Russ.).
- Staferova, E. L. (2007). *A. V. Golovnin and liberal reforms in the enlightenment (the first half of the 60s)*. Moscow: Canon+ROOI “Rehabilitation”. 512 p. ISBN 978-5-88373-149-4. (In Russ.).
- Stepanov, D. A. (2011). The establishment of the Russian Society of Shipping and Trade (1856—1857). *Bulletin of the Chelyabinsk State University, history*, 22 (237) / 46: 30—38. (In Russ.).
- Trifonov, Yu. N., Lemachko, B. V. (2009). *Russian Society of Shipping and Trade (ROPiT). 1856—1932*. St. Petersburg: LeKo. 180 p. (In Russ.).
- Vakh, K. A. (2009). *Grand Duke Konstantin Nikolaevich in the Holy Land. 1859*. Moscow: Indrik. 87 p. ISBN 978-5-91674-084-4. (In Russ.).
- Vakh, K. A. (2011). On the study of the first period of the creation of Russian Palestine. 1856—1864. In: *Grand Duke Konstantin Nikolaevich and the Russian pilgrimage to the Holy Land. To the 150th anniversary of the founding of Russian Palestine*. Moscow: Indrik. 7—14. ISBN 978-5-91674-119-3. (In Russ.).
- Vakh, K. A. (2012). Predecessors of the Imperial Orthodox Palestinian Society: Grand Duke Konstantin Nikolaevich and B. P. Mansurov. In: *Russia in the Holy Land. On the 130th anniversary of the cooperation of the Imperial Orthodox Palestinian*

- Society with the peoples of the Middle East. Catalog of the international anniversary exhibition.* Moscow: Indrik. 156—191. ISBN 978-5-91674-197-1. (In Russ.).
- Vakh, K. A. (2012). “The Jerusalem project” Russia: B. P. Mansurov and Russian Buildings. In: *Grand Duke Constantine Nikolaevich of Russia and Russian Jerusalem: the 150th anniversary of the Foundation.* Moscow: Indrik. 21—37. (In Russ.).
- Vakh, K. A. (2012). From the prehistory of the IPPO: the crisis of the Palestinian Committee, the birth of the Palestinian Commission. In: *Imperial Orthodox Palestinian Society. To the 130th anniversary of its foundation.* Moscow: Indrik. 17—30. (In Russ.).
- Vakh, K. A. (2014). “The parade of God from the West to the East”: the origins of the Jerusalem project of Russia after the Crimean war. *Letters B. P. Mansurova of travel according to the Orthodox East in 1857.* Moscow: Indrik. 15—47. (In Russ.).
- Vakh, K. A. (2017). How Russian Palestine began. Jerusalem in the letters of B. P. Mansurov and V. I. Dorgobuzhinov. 1858—1860. *Jerusalem Orthodox Seminar*, 7: 111—255. (In Russ.).
- Vakh, K. A., Zelenov, E. I. (ed.). (2010). On the history of the first Russian “Guidebook” on the Holy Land. In: *Russian Palestine. Russia is in the Holy Land. Materials of the international scientific conference.* Moscow: Indrik. 87—96. (In Russ.).
- Veikova, S. N. (2006). The program of Grand Duke Konstantin Nikolaevich and the creation of the Russian Society of Shipping and Trade. In: *The history of entrepreneurship in Russia: the XIX — the beginning of the XX century, 2. Collection of articles.* St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. 256—275. (In Russ.).
- Voronin, V. E. (2019). “Travel is the best means for the final education of youth”: The young years of Grand Duke Konstantin Nikolaevich. Moscow: Prometheus. 368 p. ISBN 978-5-907166-29-5. (In Russ.).

Корженевский К. Б. Территориальное размежевание между Сибирским краем и Уральской областью в 1923—1926 годах / К. Б. Корженевский // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 365—384. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-365-384.

Korzhenevsky, K. B. (2021). Territorial Delimitation Between Siberian Territory and Ural Region in 1923—1926. *Nauchnyi dialog*, 9: 365-384. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-365-384. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-365-384

Территориальное размежевание между Сибирским краем и Уральской областью в 1923—1926 годах

**Корженевский
Константин Брониславович**
orcid.org/0000-0001-8650-9315
преподаватель кафедры истории России
и документоведения
k0nstantin_lg@mail.ru

Нижневартровский
государственный университет
(Нижневартовск, Россия)

Благодарности:
Работа выполнена
при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-39-90002 «Формирование
границы между Сибирью и Казахстаном
в 1917—1920-х гг.»

Territorial Delimitation Between Siberian Territory and Ural Region in 1923—1926

Konstantin B. Korzhenevsky
orcid.org/0000-0001-8650-9315
Lecturer,
Department of Russian History
and Records Management
k0nstantin_lg@mail.ru

Nizhnevartovsk State University
(Nizhnevartovsk, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR,
project 19-39-90002
“Formation of the border between Siberia
and Kazakhstan in the 1917—1920s.”

© Корженевский К. Б., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе широкого круга привлеченных архивных материалов рассматривается вопрос об установлении пограничной линии Сибирского края с Уральской областью в середине 1920-х годов. Освещается дискуссия о принадлежности части Тобольского Севера и Ишимского округа, входивших к началу районирования в Уральскую область. Уделяется внимание истории возникновения пограничных споров, появившихся в результате отнесения ряда западносибирских территорий из ведения Сибревкома к Уралу в начале 1920-х годов. Дается подробное описание хода определения западной границы Сибирского края руководством Сибревкома, а также высшими инстанциями РСФСР в тесном сотрудничестве с уральскими и сибирскими властями. Приводятся различные аргументы сибиряков, уральцев и центральной власти, использованные в процессе разграничения и разрешения спорных вопросов между Сибирью и Уралом, позволяющие более объективно определить правомерность установленной разграничительной линии. Делается вывод, что территориальные претензии сибирского руководства к уральским властям были обоснованными и опирались на неопределенный статус спорных участков границы, возникший в результате временного оставления центральной властью территории бывшей Тюменской губернии в составе образованной в ноябре 1923 года Уралообласти.

Ключевые слова:

Сибирский край; Уральская область; Сибревком; граница; размежевание; Ишимский округ; Тобольский Север; Александровский район.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Based on a wide range of attracted archival materials, the problems of establishing the border line between the Siberian Territory and the Ural Region in the mid-1920s are examined in the article. The main controversial issues, which consisted in the discussion about the belonging of a part of the Tobolsk North and the Ishim District, which were part of the beginning of zoning in the Ural region are revealed. Attention is paid to the history of the emergence of border disputes that appeared as a result of the attribution of a number of West Siberian territories from the jurisdiction of Sibrevkom to the Urals in the early 1920s. A detailed description of the process of determining the western border of the Siberian Territory is given by the leadership of the Sibrevkom, as well as by the higher authorities of the RSFSR in close cooperation with the Ural and Siberian authorities. Various arguments of the Siberians, the Urals and the central authorities, used in the process of delimiting and resolving disputes between Siberia and the Urals, which make it possible to more objectively determine the legality of the established demarcation line are presented. It is concluded that the territorial claims of the Siberian leadership to the Ural authorities were justified and relied on the undefined status of the disputed sections of the border, which arose as a result of the temporary abandonment of the territory of the former Tyumen province by the central government as part of the Ural region formed in November 1923.

Key words:

Siberian region; Ural region; Sibrevkom; the border; delimitation; Ishim District; Tobolsk North; Alexandrovsky district.

Территориальное размежевание между Сибирским краем и Уральской областью в 1923—1926 годах

© Корженевский К. Б., 2021

1. Введение

Сибирь с давних пор воспринималась как самостоятельный субъект, непохожий на остальную Россию, со своими специфическими природно-климатическими, экономическими, культурными и национальными особенностями. Еще представители областничества, рассуждая над будущим необъятных просторов Сибири, делали акцент на особом пути развития этого края. Политический аспект регионализма у областников проявился прежде всего в осознании политического и социально-экономического неравноправия, что означало в перспективе необходимость выделения сибирских территорий в самостоятельную автономию в составе России или даже приобретения ими государственной обособленности [Сибирь ..., 2007, с. 325].

В дальнейшем, уже в период революционных событий 1917 года, в Сибири возникает ряд областнических организаций, которые проповедовали идеи наделения сибирских земель автономным статусом. В октябре 1917 года в Томске был проведен I Сибирский областной съезд, на котором обсуждали вопросы будущего административного устройства региона. В декабре того же года в Томске состоялся чрезвычайный областной съезд, который постановил образовать Сибирскую областную думу [Бюллетень ..., 1918, с. 3]. Однако большевики не допустили ее созыва, арестовав большую часть депутатов. Позднее было сформировано Временное Сибирское правительство, но с установлением диктатуры А. В. Колчака областническое движение было окончательно сломлено [Сибирь ..., 2007, с. 332].

На заключительном этапе Гражданской войны по постановлению ВЦИК от 27 августа 1919 года происходит формирование единого областного органа — Сибирского революционного комитета, которому были подчинены все органы гражданского управления за Уралом [ИсА, ф. р-26, оп. 1, д. 88, л. 68]. В мае 1920 года было принято положение, согласно которому Сибревком являлся полномочным органом ВЦИК для осуществления высшей власти в пределах освобожденной Сибири и для выполнения задач общероссийской значаения [Сибирский ..., 1959, с. 6].

Подведомственная Сибревкому территория менялась в зависимости от различных факторов. К середине 1920-х годов в его подчинении находи-

лись Омская, Алтайская, Томская, Новониколаевская, Иркутская и Енисейская губернии, а также Ойратская автономная область.

В 1922 году Госпланом был поставлен на очередь вопрос о районировании. В Сибири предполагалось образовать 4 области: Западно-Сибирскую (Обскую), Кузнецко-Алтайскую, Енисейскую и Ленско-Байкальскую. Однако в связи с созданием в ноябре 1923 года экспериментальной горнопромышленной области — Уральской, в состав которой был включен ряд западных сибирских территорий, запроектированных в составе Обской области, — была нарушена целостность сибирского районирования, что в свою очередь повлекло за собой полную административно-территориальную ломку проекта создания Западно-Сибирской и Кузнецко-Алтайской областей и появление мнения о нецелесообразности ранее запланированного разделения Сибири.

Области по проекту Госплана так и не были созданы, но в то же время этот проект дал импульс к дальнейшему развитию и совершенствованию административно-территориального устройства РСФСР, в том числе и в Сибири [Корженевский, 2019, с. 144].

Ко второй половине 1924 года начинается постепенный отход от планов образования в Сибири ряда областей, запроектированных Госпланом, что сопровождалось укреплением мнения сибирских властей о создании единой Сибирской области в границах, подконтрольных Сибревкому.

Вместе с тем создание Сибирской области подразумевало необходимость установления границ уже не отдельных губерний, а единого субъекта, в который представители Сибревкома попытались включить спорные с сопредельными регионами территории. Таковыми на западном направлении являлись Тобольский Север и Ишимский уезд, находившиеся в составе Уральской области. По поводу этих обширных земель сибирские и уральские власти вели ожесточенные споры со времени образования Уральской области. К моменту создания Сибирского края был вновь поднят вопрос о необходимости изъятия Ишимского уезда и Тобольского Севера из ведения Урала и о включении их в состав Сибири.

Проблематика становления административно-территориальных границ Сибири нашла отражение в ряде исследований как российских, так и зарубежных историков.

В трудах С. И. Сулькевича [Сулькевич, 1926], А. В. Лузина [Лужин, 1969], Е. А. Ивановой [Иванова, 2008], О. А. Филенковой [Филенкова, 2019] дается анализ формирования и укрепления советской административной системы 1920—1930-х годов и ее реализации в разных субъектах РСФСР. Изучением эволюции административно-территориального устройства Сибири занимались Е. Г. Карелин [Карелин, 1992], В. Н. Каза-

рин [Казарин, 2009], Л. А. Кох [Кох, 2009], П. В. Сорокун [Сорокун, 2012; Сорокун, 2013], А. И. Бакшеев [Бакшеев, 2016]. В работах Н. И. Разгон [Разгон, 2003], Е. Б. Садыкова и М. П. Малышевой [Садыков и др., 2010], В. А. Кокшарова [Кокшаров, 2012] уделено внимание процессам разграничения западносибирской территории РСФСР с сопредельной Казахской республикой. Непосредственно вопросы разграничения сибирско-уральских территорий в 1920-е годы были освещены М. С. Кырчиковым [Кырчиков, 2018], К. И. Зубковым [Зубков, 2008; Зубков, 2016].

Однако на сегодняшний день не существует работ, в которых был бы представлен всесторонний анализ процессов установления пограничной линии Сибирского края с Уральской областью в середине 1920-х годов.

2. Подготовительные работы по созданию единой Сибирской области

Несмотря на то, что территория, подведомственная Сибирскому ревкому, официально не была объединена в автономию, Сибревкомовская Сибирь обладала всеми отличительными чертами автономистского образования в границах РСФСР. По мнению Р. Э. Эйхе, являвшегося с апреля 1924 года по декабрь 1925 года заместителем председателя Сибревкома, Сибирский ревком лишь первоначально был органом с чисто административными функциями, не имеющими под собой экономической базы, однако впоследствии при нем были созданы все те управленческие структуры, которые подлежали созданию в областях, образуемых при районировании [ГАНУ, ф. р-1, оп. 1, д. 1489, л. 111].

В процессе проведения подготовительных работ по районированию, не отрицая правильности проекта Госплана, Сибирской плановой комиссией и Сибирским ревкомом в 1924 году было признано необходимым подойти к выполнению его в форме создания единой области на территории Сибревкома как своего рода промежуточной формы [Вся Сибирь ..., 1925, с. 14].

Критическое отношение к проекту Госплана со стороны сибирских работников было связано в первую очередь с тем, что с образованием Уральской области к ней отошла значительная часть территории, которая по проекту Госплана должна была войти в состав Западно-Сибирской области. Вследствие этого была нарушена стройность всего построения проекта Госплана. Сибирские власти настаивали на создании в регионе единой экономической области, так как подведомственная Сибревкому территория за очень короткое время якобы образовала вполне целостный хозяйственный организм, требовавший выделения в самостоятельную экономическую единицу [ГАРФ, ф. р.6984, оп. 1, д. 89, л. 27].

К концу 1924 — началу 1925 годов у сибирских властей сформировалась четкая позиция по вопросу создания единой сибирской области. При

этом проект районирования предусматривал создание 17 округов в ее составе. Поскольку Ишимский округ был передан Уралу «факультативно», вплоть до районирования Сибири, сибиряками, которые были твердо уверены в своей правоте, был вновь поставлен вопрос о необходимости возвращения Ишимского уезда [ГАНУ, ф. р-1, оп. 1, д. 1489, л. 113]. Сибревком также настаивал на необходимости переподчинения ему восточной части бывшего Сургутского уезда (Александровского района). В вопросе о включении Александровского района в состав сначала проектируемой Кузнецко-Алтайской области, а позднее уже Сибирского края сибиряки отстаивали мнение, что территория, которая простиралась на севере по р. Оби, начиная от юрт Мурасовых и до самого Сургута, являлась продолжением Нарымского края как по своему территориально-географическому, экономическому положению, так и по общим хозяйственным признакам [РГАЭ, ф. 4372, оп. 15, д. 398, л. 4 об.].

В процессе рассмотрения границ Кузнецко-Алтайской области еще в 1923 году Томская губернская плановая комиссия признавала целесообразным включение в состав проектируемой области небольшой территории Сургутского края, граничащей с Нарымским краем. Томские власти в этом вопросе основывались на экономических соображениях, на крепких товарных связях Томского и Сургутского краев в сфере рыбной торговли [ГАНУ, ф. р-1, оп. 1, д. 1121 а, л. 85].

В административном отношении Александровский район более всего тяготел к Томской губернии как к крупному культурному, политическому и экономическому центру, о чем неоднократно в 1922—1924 годах возбуждались ходатайства отдельных сельсоветов (Ново-Никольский, Александровский, Нижне-Вартовский) перед Томским губернским исполкомом о присоединении их к Томской губернии [РГАЭ, ф. 4372, оп. 15, д. 398, л. 4 об.].

Так, в начале 1924 года председателем Александровского райисполкома Неустроевым в Томский губисполком было послано письмо с ходатайством о необходимости скорейшего решения вопроса о причислении территории Александровского района к Томску. Мотивацией к такому изменению границ между двумя субъектами являлось тяготение к Томску по экономическим, географическим и этнографическим условиям: расстояние от Александровского до Томска было ближе на 400 верст, чем до Тобольска; рыба из означенного района вывозилась только в Томск и здесь сдавалась и продавалась дороже, чем в Тобольске; все товары, привозимые из Томска, были дешевле тобольских [Там же]. Неустроев просил томские власти поднять данный вопрос на межрегиональном уровне и разрешить в положительном для Александровского района смысле.

В определенной степени уральцы были согласны с мнением местных властей, а также Томского губисполкома о тяготении части Уральской области к Сибири, но только лишь в отношении самого села Александровского и ряда пограничных территорий. Целиком же отдавать всю восточную часть бывшего Сургутского уезда сибирякам Уральский областной исполком не был настроен.

В отношении ишимских территорий все было намного сложнее. Несмотря на то, что распоряжением ВЦИК данная территория находилась в составе Уральской области временно [Материалы ..., 1923, с. 1], а Сибревком по ряду причин считал, что Ишимский округ непременно нужно вернуть Сибирскому краю, уральцы всячески этому противились. Поэтому центральной власти предстояла достаточно сложная задача найти компромисс в сложившейся ситуации.

Кроме того, в процессе районирования Урала был обозначен вопрос о тяготении нескольких сельсоветов Загваздинской волости (впоследствии района) Тобольского округа к Омской губернии, вследствие чего в ходе формирования границы создаваемого Сибирского края с Уралом необходимо было разрешить и данную пограничную проблему [Там же, с. 31].

3. Уточнение пограничной линии Сибирского края с Уралом

24 декабря 1924 года Сибревком образовал Сибирскую комиссию по районированию во главе с тов. Эйхе [ГАРФ, ф. р. 6984, оп. 1, д. 31, л. 221]. Комиссия начала свою работу 26 декабря 1924 года с обсуждения организационных моментов, а также с рассмотрения вопроса о делении Сибири на области по проекту Госплана. Принимается решение подготовить обоснование отрицательного отношения к дальнейшей разработке госплановского проекта [Там же, д. 90, л. 88 об.], что означало необходимость полного прекращения работы над созданием ряда экономических областей на территории Сибири и переключения внимания на организацию единой сибирской области. 3 января 1925 года на втором заседании комиссии был рассмотрен состав проектируемых округов Сибирского края. Было намечено образование 17 округов, в том числе Томского в пределах Томского уезда и Нарымского края с присоединением Александровского района [ГАНО, ф. р-1180, оп. 1, д. 256, лл. 4—5]. В отношении присоединения к Сибирскому краю всего Тобольского Севера комиссией было принято решение не поднимать данную тему перед Центром, предложив Сибирской плановой комиссии разработать вопрос лишь об Ишимском округе [Там же, л. 5]. Сибревком, прослушав доклад комиссии по районированию о границах округов, 7 января утвердил территориальный состав Сибкрая и признал необходимым

включить в состав будущей сибирской области часть Тобольского Севера, граничащего с Нарымским краем, до Сургута включительно, а также Ишимский уезд [ИсА, ф. р-27, оп. 1, д. 618, лл. 157—157 об.].

Госплан, рассматривая в январе 1925 года вопрос о границах новой области, посчитал возможным в целом согласиться с проектом Сибревкома как компромиссным. При этом признается нецелесообразным по соображениям практического характера присоединение к составу проектируемой сибирской области Ишимского и Тобольского округов в ближайшее время, с оговоркой возможного возвращения к этим вопросам уже после полного завершения внутреннего районирования Сибири [РГАЭ, ф. 4372, оп. 15, д. 398, л. 80]. В то же время Госплан одобрил присоединение к Томскому округу юго-восточной части Тобольского округа, составлявшей Александровский район, ввиду его экономической связи с Томском. Одобрение со стороны Госплана было получено и в отношении передачи 3-х сельсоветов Загваздинского района Тобольского округа ввиду тяготения этих территорий к Усть-Ишимскому району Тарского округа [Там же].

25 февраля 1925 года Сибревком рассмотрел и утвердил проект положения о Сибирском крае, постановил представить его во ВЦИК [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 1489, л. 80].

В конце апреля 1925 года в Москве при секции районирования и районного хозяйства Госплана СССР было создано совещание по районированию Сибири и Дальнего Востока [ИсА, ф. р-27, оп. 1, д. 734, л. 43]. Совещанием была выделена специальная комиссия, перед которой была поставлена задача изучить вопрос об установлении границ Сибирского края с Уральской областью [ГАРФ, ф. р.6984, оп. 1, д. 92, л. 120].

В процессе обсуждения была намечена будущая граница Сибкрая и Уралобласти. Комиссией было отмечено, что северная часть границы твердо установлена и идет на севере, от ледовитого океана по Гыдыямскому заливу, на вершину р. Гыда, далее она направляется на вершину р. Турухана, от нее на часовню Василия Мангазейского. Представитель Сибревкома тов. Певзнер отмечал, что далее граница на юго-запад должна направляться по водоразделу р. Пур и Вах к устью Ваха, оставляя эти реки в целом в составе Сибкрая [Там же].

Представитель Уральского облисполкома тов. Дидковский, не возражая против присоединения к Сибирскому краю части этой территории в составе бывшей Александровской волости как тяготеющей в экономическом отношении к Томску, настаивал на том, что остальная часть Александровского района обслуживается из Сургута тобольскими организациями и увязки с Томском не имеет [Там же, л. 120 об.]. Однако комиссия, выслушав доводы сторон, встала на сторону Сибревкома.

Далее комиссия обозначила границу между Уралобластью и Сибкраем на южном направлении по водоразделу р. Куль-Еган и Ларь-Еган, далее на запад по водоразделу р. Большого Югана и Вась-Югана, еще далее по водоразделу р. Большой Юган и Демьянка по существующей границе между Тарским уездом и Тобольским округом.

В вопросе статуса 3-х сельсоветов — Еланского, Пановского и Тюбенцинского — и Биченской лесной дачи Загваздинского района Тобольского округа представитель Сибревкома обозначил желательным их присоединение к Усть-Ишимскому району Сибирского края, а представитель Уральского облисполкома настаивал на передаче Усть-Ишимского района в Уральскую область [РГАЭ, ф. 4372, оп. 15, д. 581, л. 2]. Комиссия высказала мнение, что целесообразно не нарушать наметившегося в пределах Сибкрая Усть-Ишимского района и лишь присоединить тяготеющие к нему указанные 3 сельсовета.

Далее границу двух субъектов комиссия наметила по существовавшей ранее границе между Тобольским и Тарским уездами. Вопрос о присоединении Ишимского округа к Сибкраю или об оставлении его в Уралобласти не был решен, но постановили, что его необходимо представить на разрешение совещания [ГАРФ, ф. р. 6984, оп. 1, д. 92, л. 121].

На следующий день, 28 апреля, совещание по районированию, заслушав доклад комиссии, продолжило обсуждение пограничных вопросов [Там же, л. 124]. Представители Урала и Сибири привели новые доводы в защиту своих точек зрения по вопросу о границах.

Представитель Сибревкома тов. Васильев настаивал на присоединении Ишимского округа к Сибкраю, определяя данное мнение мотивами общности хозяйственных условий степного края, в который входит и Ишимский округ. В отношении восточного района Тобольского Севера Васильев указывал на тесную его связь с Нарымским краем и невозможность рассечения данной территории на две части: Обь — Сибири, Вах — Уралу [РГАЭ, ф. 4372, оп. 15, д. 581, л. 41]. Возражая на приведенные сибиряком аргументы, представитель Урала, тов. Дидковский, отмечал их неточность, утверждал, что снабжение Северного края производится различными путями, при этом снабжение из Томска не задевает р. Вах. В отношении Ишимского уезда Дидковский указывал на желание самого населения оставить эту территорию в пределах Уральской области [Там же, л. 40].

Председатель совещания тов. Колосовский, обозначая всю сложность разрешения пограничного вопроса, аргументированно указывал на большие трудности переходного периода для Сибири и неправильность присоединения Ишимского округа к Сибкраю в тот период [Там же, л. 39]. В итоге совещание постановило признать необходимым оставление всего

бассейна р. Вах в пределах Сибирского края ввиду экономического тяготения этого района к Томску, а не к Тобольску; также подлежали передаче Сибирскому краю 3 сельсовета Загваздинского района. По вопросу присоединения Ишимского округа к Сибкраю или оставления его в Уралобласти совещание не вынесло никакого решения, переадресовав его высшим инстанциям [ГАРФ, ф. р. 6984, оп. 1, д. 92, л. 124].

Таким образом, в результате предварительных работ на совещании в Госплане была условно установлена западная граница будущего Сибирского края с небольшими изменениями [РГАЭ, ф. 4372, оп. 15, д. 581, л. 69].

29 апреля 1925 года границы Сибирского края рассматриваются уже непосредственно в секции районирования и районного хозяйства Госплана СССР. Поскольку наиболее острой, так и не решенной проблемой оставалась принадлежность Ишимского округа, на заседании секции районирования были заслушаны доводы различных ведомств по данному вопросу [Там же, л. 47]. По итогу заседания отзывы ведомств были переданы в Высшие органы власти для непосредственного ознакомления.

4 мая 1925 года комиссия ВЦИК по районированию рассмотрела вопрос о территории Сибири, в результате чего было признано необходимым образование Сибирского края, а для установления его внешних границ создана подкомиссия [ГАРФ, ф. р. 6984, оп. 1, д. 8, л. 155]. Через два дня подкомиссия приступила к работе, подтвердив необходимость присоединения к проектируемому Сибирскому краю 3-х сельсоветов Загваздинского района, а также Александровского района и всего бассейна р. Вах [ГАРФ, ф. а. 406, оп. 7, д. 1727, л. 122]. Точную границу между Уралом и присоединяемой к Сибири территорией в указанном районе подкомиссия постановила определить по фактическому землепользованию. А вот в отношении передачи Ишимского округа подкомиссия посчитала необходимым снять данный вопрос впредь до окончательного районирования Сибири [ГАРФ, ф. р. 6984, оп. 1, д. 172, л. 9].

Параллельно с обсуждением границ Сибири в комиссии ВЦИК по районированию данный вопрос стоял на рассмотрении в административной комиссии ВЦИК, которая 11 мая 1925 года постановила передать из состава Тобольского округа в Нарымский край Александровский район в существующих границах (в составе 3-х сельсоветов: Александровского, Кривоуццкого и Ново-Никольского), сельсоветы Ларьякский и Нижнее-Вартовский Сургутского района; а также из состава Загваздинского района Тобольского округа в состав Усть-Ишимского района Тарского уезда Омской губернии сельсоветы Еланский, Пановский и Тюбенцинский в полном составе [ГАО, ф. р-1180, оп. 1, д. 653, л. 15]. Кроме того, администра-

тивная комиссия ВЦИК утвердила существующую на тот период границу между Уральской областью и Енисейской губернией.

На следующий день состоялось второе заседание подкомиссии о внешних границах Сибири комиссии ВЦИК по районированию. Была утверждена окончательная граница между Сибирью и Уралом (согласно протоколу первого заседания), которая совпадала с границей Сибкрая, установленной административной комиссией ВЦИК [ГАРФ, ф. р.6984, оп. 1, д. 172, л. 10].

21 мая комиссия ВЦИК по районированию РСФСР, заслушав проект постановления ВЦИК по вопросу о районировании Сибири, утвердила его с правками, которые касались сохранения подчинения Иркутской губернии органам Сибирского края впредь до районирования Дальнего Востока [Там же, д. 8, л. 159].

4. Заключительный этап разграничения, установление западных границ Сибирского края

25 мая 1925 года президиум ВЦИК утвердил проект постановления, в соответствии с которым был образован Сибирский край с центром в г. Новониколаевске из губерний Омской, Новониколаевской, Алтайской, Томской, Енисейской и автономной области Ойратии с переходом от губернского деления на окружное и районное [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 1385, л. 2; ИсА, ф. р-28, оп. 1, д. 53, л. 135]. Кроме того, было сохранено подчинение Иркутской губернии краевым органам Сибирского края вплоть до решения вопроса о районировании Дальнего Востока и проектируемой Ленско-Байкальской области [Районирование СССР ..., 1926, с. 126]. Постановлением ВЦИК в состав Сибкрая из Уральской области были включены бассейн реки Вах, Александровский район Тобольского округа с передачей их Томскому округу, а также сельсоветы Еланский, Пановский и Тюбенцинский из Загваздинского района Ишимского округа с передачей последних Усть-Ишимскому району Тарского округа [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 1425, л. 35].

Постановлением ВЦИК от 24 октября 1925 года было введено в действие положение о Сибирском крае [О введении ..., 1925], что означало юридическое становление нового субъекта РСФСР, вследствие чего были закреплены его границы. Однако это не помешало сибирским властям вновь вернуться к вопросу об изменении пограничной линии с Уралом. 9 декабря 1925 года уже официальные власти Сибирского края на первом заседании крайисполкома поручили президиуму возбудить ходатайство перед ВЦИК о присоединении Ишимского округа [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 1425, л. 54]. 31 декабря из Сибирского краевого исполкома во ВЦИК было направлено ходатайство с подробной аргументацией необходимости изменения пограничной линии. Нахождение Ишимского округа в составе

Уральской области сибирские власти считали исторической случайностью, явившейся следствием завершения Гражданской войны на Урале, в результате чего вся территория Урала и Зауралья сначала перешла под контроль Реввоенсовета 1-й Трудовой армии, а потом попала под влияние Уральского областного экономического совещания [ГАРФ, ф. р. 5677, оп. 7, д. 207, л. 2]. Вовлечение сельскохозяйственных районов Западной Сибири в сферу экономического влияния промышленного Урала, по мнению Сибирского крайисполкома, угрожало превратить их в базу, питающую Уральскую промышленность дешевой рабочей силой, с отвлечением внимания населения от задачи развития сельского хозяйства [Там же, л. 3]. Кроме того, сибирские власти говорили об экономической связи Ишима с Омском как крупным центром, в котором сосредоточена промышленная переработка сельскохозяйственной продукции, производимой в пределах Омского и соседних округов [Там же, л. 3 об.].

1 февраля 1926 года административная комиссия ВЦИК перенаправила ходатайство Сибкрайисполкома облисполкому Уралобласти, Наркомзему, Наркомфину, Госплану, ВСНХ и в Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР для дачи заключения [Там же, л. 6]. Одобрение было получено от Наркомата финансов и Наркомата земледелия, которые, ссылаясь на естественно-географическую и экономическую однородность Ишима и Западной Сибири, не высказали возражений против перехода Ишима под контроль Сибирского края. Высший совет народного хозяйства также дал положительное заключение, но без всякой аргументации. Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции просил повременить с решением в ожидании результатов обследования районирования Уралобласти. Наконец, Госплан, подтверждая однородность Ишима с Сибирью, указывал на вероятное складывание тесных хозяйственно-экономических связей местного населения с остальным Уралом и просил назначить особую комиссию для исследования вопроса на месте [Там же, л. 13].

19 марта 1926 года на основе ходатайства Сибирского крайисполкома и мнений ведомств заключение было подготовлено и в административной комиссии. Согласно данному документу, несмотря на то что Уральский облисполком свои аргументы не предоставил, а на основе доводов ведомств преобладало мнение — подождать, вопрос был вынесен на ближайшее обсуждение административной комиссии ВЦИК [Там же, л. 13].

1 апреля административная комиссия ВЦИК рассмотрела вопрос о перечислении Ишимского округа в состав Сибирского края и постановила отложить обсуждение данного вопроса до получения результатов комиссии наркомата Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР для выяснения результатов районирования Уральской области [Там же, л. 17]. Повторно

вопрос об Ишимском округе должен был быть рассмотрен административной комиссией ВЦИК в августе 1926 года, однако был перенесен на более поздний срок по ходатайству уральских властей [Там же, л. 21].

В октябре 1926 года в противовес сибирскому ходатайству из Уральского облисполкома в президиум ВЦИК поступило мотивированное заключение по Ишимскому округу. Уральские власти, считая, что дело о статусе Ишимского округа являлось законченным и не подлежащим пересмотру, выражали недоумение в связи с ходатайством Сибкрайисполкома [Там же, л. 24]. Парируя аргументацию сибиряков относительно естественноисторического и сельскохозяйственного сходства Ишимского округа с ближайшими к нему районами Сибири, Уральский облисполком отмечал родственность означенного округа сельскохозяйственным Тюменскому и Курганскому округам, входящим в Уральскую область. Еще в дореволюционный период данные территории, по версии уральцев, были тесно связаны в экономическом отношении с Уралом, снабжали местную промышленность хлебом, мясом, сырьем для переработки [Там же, л. 28 об.]. Уральский облисполком также сообщил о твердом желании ишимцев оставаться в составе Урала, что было выражено в решениях расширенных собраний всех волисполкомов, представителей кооперации, профсоюзов еще осенью 1923 года; во время районных съездов советов Ишимского округа в 1924 году; а также на третьих (районных) съездах советов в феврале 1926 года [Районирование Урала ..., 1924, с. 19]. Во всех трех случаях в подавляющем большинстве местные власти настаивали на невозможности разрыва хозяйственных связей с Уралом, вследствие чего просили закрепить установившиеся границы окончательно. В результате всех представленных фактов президиум Уральского облисполкома в своем заключении просил президиум ВЦИК отклонить повторные ходатайства Сибирского крайисполкома в отношении Ишимского округа и больше этим вопросом не беспокоить население округа [ГАРФ, ф. р. 5677, оп. 7, д. 207, л. 30].

5 ноября 1926 года административной комиссией была предпринята очередная попытка обсудить статус Ишима, однако и в этот раз вопрос был отложен на неопределенный срок [Там же, л. 36].

В конечном итоге Ишимский округ, будучи в 1923 году временно включенным в состав Уральской области, так и остался в ее составе, несмотря на все попытки сибирских краевых властей изменить ситуацию в свою пользу в 1925—1926 годах.

В дальнейшем Ишимский округ вместе со всем Тобольским Севером все-таки был присоединен к Сибири, однако не к Сибирскому краю, который просуществовал до 1930 года, после чего был разделен на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский, а к Омской области, созданной в де-

кабре 1934 года из Обско-Иртышской области, выделенной из Уральской области и частей Западно-Сибирского края.

5. Выводы

Сибирский край, включивший в свой состав большую часть сибирских территорий, являлся административно-территориальным образованием с преимущественной сельскохозяйственной спецификой. Уральская область, в которую вошел ряд западносибирских территорий, наоборот, была субъектом РСФСР, где преобладали горнопромышленные отрасли экономики. Урал вместе с Кавказом должен был стать стартовой площадкой процессов экономического районирования РСФСР, а сибирские территории предполагалось районировать позднее. По этой причине центральные власти осенью 1923 года при рассмотрении границ и территориального состава создаваемой Уралобласти по проекту Уральского экономического совещания приняли решение оставить Тюменскую губернию в составе Уральской области впредь до разрешения общего вопроса о районировании Сибири. Сибирские власти, не согласные с подобным решением Москвы, настаивали на включении в проектируемую Обскую область Ишимского, Ялуторовского, Тюменского уездов и Тобольского Севера, считая допустимым оставление в составе Уралобласти лишь лесного района Тавды [ГАРФ, ф. р. 6984, оп. 1, д. 5, л. 286].

К концу 1924 года при подготовке проекта создания Сибкрая сибирские власти уже не настаивали на включении всей территории бывшей Тюменской губернии в состав проектируемого субъекта. Отмечая тяготение ряда территорий к Уралу, а также их освоенность Уралобластью, они соглашались с юридическим закреплением бывших уездов Тюменского и Ялуторовского за Уралом. Однако в отношении части Тобольского Севера и Ишимского округа их позиция оставалась неизменной, из-за этого разгорелась нешуточная борьба.

Ишимский округ, в целом являясь сельскохозяйственной территорией, во многом был схож по естественноисторическим, географическим, экономическим показателям с соседними районами Сибирского края, однако вопрос о его статусе весной 1925 года был отложен. Можно сделать вывод, что это позволяло сибирским властям вновь поднять данную проблему после создания органов власти и округов Сибирского края, то есть в конце 1925 — начале 1926 годов. Уральцы же, наоборот, считали, что Ишимский округ, не включенный в Сибирский край, был окончательно закреплен за Уралом. В конце концов, доводы о важности данного округа для промышленности и развития Уральской области заставили центральные органы встать на сторону уральских властей. Не последнюю роль, а возможно, и

ключевую, сыграла информация о том, что население Ишимского округа желало остаться в Уральской области.

Сибиряки также отказались от идеи включить в состав Сибкрая весь Тобольский Север, претендуя лишь на его восточную часть. Данная территория в определенной степени тяготела к Томску, что в свою очередь подтверждалось и мнением местных жителей, которые не раз ходатайствовали об изменении границы. Уральские власти противились возможности перевода в Сибирь всей восточной части бывшего Сургутского уезда, вместе со всем бассейном р. Вах, вплоть до Сургута, настаивая на экономических и культурных связях региона с северным Зауральем и Тобольском. Лишь юго-восточная часть Александровского района, по мнению Уральского облисполкома, тяготела к Сибири. Московские власти, опираясь на представленные доводы и учитывая желание самого населения, приняли компромиссное решение, включив весь Александровский район в состав Сибирского края, но оставив Сургут в подчинении Тобольска.

В отношении 3-х сельсоветов Загваздинского района Тобольского округа ситуация была кардинально иной. Сибревком не настаивал на включении в состав Сибири этих территорий, однако при районировании Урала в 1923 году было выяснено экономическое тяготение этих сельсоветов к Усть-Ишиму, вследствие чего к моменту образования Сибкрая данный пограничный вопрос также стоял на повестке дня. Уралоблисполком, полностью соглашаясь с экономическим тяготением части Загваздинского района к Усть-Ишимскому району Сибирского края, вместо того чтобы мотивированно обозначить отсутствие необходимости в изменении границы или не препятствовать переходу данных территорий к Сибири, предлагал включить весь Усть-Ишимский район в состав Тобольского округа, таким образом разрешив проблему. Центральные власти с учетом тяготения и желания 3-х сельсоветов перейти в состав Сибири постановили передать данную территорию в состав Сибирского края.

Таким образом, западная граница Сибирского края была установлена тернистым путем всевозможных обсуждений в Госплане, административной комиссии ВЦИК, президиуме ВЦИК, различных ведомствах РСФСР. Только северная часть границы Сибирского края с Уральской областью не вызвала спора [Районирование Урала ..., 1924, с. 20]. Сибирские власти не смогли убедить ВЦИК передать в их ведение Ишимский округ. В отношении Тобольского Севера было решено лишь юго-восточную часть бывшего Сургутского уезда в составе Александровского района передать Сибири. Наконец, сибирским властям достались 3 сельсовета из Тобольского округа. В дальнейшем в процессе усовершенствования административно-территориальной системы РСФСР границы Сибири и Урала неодно-

кратно перекраивались, однако разграничительная черта, установленная в 1925—1926 годах, наложила свой отпечаток на последующее развитие уральско-сибирских взаимоотношений.

Источники и принятые сокращения

1. *Бюллетень* Временного Сибирского областного совета. — Томск : [б. и.], 1918. — № 1. — 13 с.
2. *Вся Сибирь*, со включением Уральской области : справочная и адресная книга на 1925/26 г. : с приложением карты Азиатской части СССР и планами городов : Ново-Николаевска, Омска, Томска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Читы, Благовещенска, Владивостока и Свердловска. — Москва : Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1925. — 606 с.
3. ГАНО — *Государственное* казенное учреждение Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области». Ф. Р-1 (Сибирский революционный комитет, г. Челябинск, с ноября 1919 г. — г. Омск, с июня 1921 г. — г. Новониколаевск. 1919—1925 гг.) ; Ф. Р-1180 (Плановая комиссия Сибирского революционного комитета, г. Новониколаевск, 10.01.1920 — 03.12.1925).
4. ГАРФ — *Федеральное* казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации». Ф. А. 406 (Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (НК РКИ РСФСР), 1920—1934 гг.) ; Ф. Р. 5677 (Административная комиссия при президиуму Всероссийского центрального исполнительного комитета, 1918—1938 гг.) ; Ф. Р. 6984 (Комиссия Всероссийского центрального исполнительного комитета по районированию РСФСР. 1921—1926 гг.).
5. ИСА — *Бюджетное* учреждение Омской области «Исторический архив Омской области». Ф. Р-26 (Омский губернский революционный комитет (Омгубревком), 1918—1920 гг.) ; Ф. Р-27 (Исполнительный комитет Омского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Омгубисполком), 1920—1925 гг.) ; Ф. Р-28 (Исполнительный комитет Омского окружного Совета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Омокрисполком), 1925—1930 гг.).
6. *Материалы* по районированию Урала. — Москва : Издание Уралэко, 1923. — Т. 1. — 30 с.
7. *О введении* в действие Положения о Сибирском крае // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. — 1925. — № 89. — Ст. 651. — С. 1067—1099.
8. *Районирование СССР* : сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 г. / под редакцией К. Д. Егорова. — Москва ; Ленинград : Плановое хозяйство, 1926. — 307 с.
9. *Районирование Урала*. — Свердловск : Издание Уральского областного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 1924. — 135 с.
10. РГАЭ — *Федеральное* казенное учреждение «Российский государственный архив экономики». Ф. 4372 (Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР)).
11. *Сибирский* революционный комитет (Сибревком). Август 1919 — декабрь 1925 : сборник документов и материалов / предисловие кандидата исторических наук доц. Н. С. Рукина ; Государственный архив Новосибирской области Архивный отдел УВД при Новосибирском облисполкоме. — Новосибирск : Книжное издательство, 1959. — 658 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бакшеев А. И.* Административно-территориальное устройство Сибири в годы Нэпа / А. И. Бакшеев // Общество : философия, история, культура. — 2016. — № 2. — С. 71—73.
2. *Зубков К. И.* Между Уралом и Сибирью : Тобольский Север в фокусе межрегионального соперничества начала 1920-х гг. / К. И. Зубков // Тобольск научный — 2016 : материалы XIII всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Тобольск, 10—11 ноября 2016 г.). — Тобольск : ООО Принт-Экспресс, 2016. — С. 213—216.
3. *Зубков К. И.* Территориальные споры в ходе районирования Урала и Сибири (начало 1920-х гг.) : геополитика в региональном интерьере / К. И. Зубков // Гуманитарные науки в Сибири. — 2008. — № 2. — С. 62—65.
4. *Иванова Е. А.* Административно-территориальная реформа в РСФСР и ее влияние на социальное, экономическое и культурное развитие Западной области (1918—1937) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. А. Иванова. — Смоленск, 2009. — 199 с.
5. *Казарин В. Н.* Проблемы районирования и административно-территориального деления Сибири в 1920-е гг. : Подходы журнала «Плановое хозяйство» / В. Н. Казарин // Иркутский историко-экономический ежегодник. — 2009. — С. 29—48.
6. *Карелин Е. Г.* Районирование Западной Сибири РСФСР (на материалах партийных и советских организаций). 1929—1937 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.01 / Е. Г. Карелин. — Москва, 1992. — 24 с.
7. *Кокшаров В. А.* Юго-восточная граница России : исторический путь к согласию / В. А. Кокшаров, Е. В. Тиханова. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2012. — 259 с. — ISBN 978-5-7996-0687-9.
8. *Корженевский К. Б.* Формирование административно-территориальной системы РСФСР в первой половине 1920-х гг. (на примере районирования западносибирских губерний) / К. Б. Корженевский // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 439. — С. 142—146.
9. *Кох Л. А.* Некоторые аспекты административного деления Сибирского Края / Л. А. Кох // Журнал Регионология. — 2009. — № 1 (66). — С. 44—51.
10. *Кырчиков М. С.* Ишимский округ в территориальных спорах Урала и Сибири первой половины 1920-х гг. / М. С. Кырчиков // Гуманитарные науки в Сибири. — 2018. — № 25 (4). — С. 89—93. — DOI: 10.15372/HSS20180416.
11. *Лужин А. В.* Административно-территориальное устройство Советского государства / А. В. Лужин. — Москва : Юридическая литература, 1969. — 172 с.
12. *Разгон Н. И.* Образование Алтайской губернии и ее разграничение с Казахстаном : 1917—1925 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. И. Разгон. — Барнаул, 2003. — 329 с.
13. *Садыков Е. Б.* Сибирь и Казахстан. (Национально-территориальное размежевание Сибири и Казахстана. 1919—1922 гг.) / Е. Б. Садыков, М. П. Малышева. — Семей : [б. и.], 2010. — 390 с.
14. *Сибирь* в составе Российской империи / И. Л. Дамешек и др. ; ответственный редактор : Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 362 с. — ISBN 5-86793-510-8.
15. *Сорокун П. В.* Исторический аспект процесса районирования Сибири в 20-х гг. XX в. / П. В. Сорокун // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 7—1. — С. 123—126.

16. Сорокун П. В. Организация и деятельность окружных органов Советской власти в Сибирском крае в 1925—1930 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / П. В. Сорокун. — Красноярск, 2012. — 223 с.

17. Сулькевич С. И. Административно-политическое строение Союза ССР : (Материалы о территориальных преобразованиях с 1917 г. по 1 июля 1925 г.) / С. И. Сулькевич. — Ленинград : Государственное издательство, 1926. — 300 с.

18. Филенкова О. А. Реформы административно-территориального деления в РСФСР в 1917—1930-е гг. (на материалах Пензенского края) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / О. А. Филенкова. — Пенза, 2019. — 198 с.

MATERIAL RESOURCES

All of Siberia, including the Ural region: reference and address book for 1925 / 26: with the application of a map of the Asian part of the USSR and plans of cities: Novonikolaevsk, Omsk, Tomsk, Barnaul, Krasnoyarsk, Irkutsk, Chita, Blagoveshchensk, Vladivostok and Sverdlovsk. (1925). Moscow: Bulletin of the CEC of the USSR and the Central Executive Committee. 606 p. (In Russ).

Bulletin of the Provisional Siberian Regional Council, 1. (1918). Tomsk: [b. i.]. 13 p. (In Russ).
GANO — State State institution of the Novosibirsk region “State Archive of the Novosibirsk region”. F. R-1 (Siberian Revolutionary Committee, Chelyabinsk, since November 1919 — Omsk, since June 1921 — Novonikolaevsk. 1919—1925); F. R-1180 (Planning Commission of the Siberian Revolutionary Committee, Novonikolaevsk, 10.01.1920-03.12.1925). (In Russ).

GARF — Federal state Institution “State Archive of the Russian Federation”. F. A. 406 (People’s Commissariat of Worker’s and Peasant’s Inspection of the RSFSR (NK RKI of the RSFSR), 1920—1934); F. R. 5677 (Administrative Commission under the Presidium of the All Russian Central Executive Committee, 1918—1938); F. R. 6984 (Commission of the All-Russian Central Executive Committee for Zoning of the RSFSR. 1921—1926). (In Russ).

ISA — Budgetary institution of the Omsk region “Historical archive of Omtion region.” F. R-26 (Omsk provincial revolutionary Committee (Agurenko), 1918—1920); F. R-27 (Executive Committee of the Omsk provincial Council of workers, peasants and red army deputies (Angulicollis), 1920—1925); F. R-28 (Executive Committee of the Omsk regional Council of workers, BAP stansky and red army deputies (Matricola), 1925—1930 gg.). (In Russ).

On the introduction of the Regulations on the Siberian Territory. (1925). In: *Collection of legalizations and orders of the worker’s and peasant’s government of the RSFSR*, 89 (651): 1067—1099. (In Russ).

RGAE — Federal state Institution “Russian State Archive of Economics”. F. 4372 (State Planning Committee of the Council of Ministers of the USSR (Gosplan of the USSR)). (In Russ).

Siberian Revolutionary Committee (Sibrevkom). August 1919 — December 1925: *Collection of documents and materials / Preface of the Candidate of Historical Sciences, Associate Professor N. S. Rukin; State Archive of the Novosibirsk region Archive Department of the Department of Internal Affairs at the Novosibirsk Regional Executive Committee.* (1959). Novosibirsk: Book Publishing House. 658 p. (In Russ).

- The materials on the zoning of the Urals, 1.* (1923). Moscow: Uralekoso Publishing House. 30 p. (In Russ).
- Zoning of the Urals.* (1924). Sverdlovsk: Publication of the Ural Regional Executive Committee of the Soviets of Worker's, Peasant's and Red Army deputies. 135 p. (In Russ).
- Zoning of the USSR: A collection of materials on zoning from 1917 to 1925.* (1926). Moscow; Leningrad: Planned economy. 307 p. (In Russ).

REFERENCES

- Baksheev, A. I. (2016). Administrative-territorial structure of Siberia in the years of the Nep. *Society: philosophy, history, culture*, 2: 71—73. (In Russ).
- Filenkova, O. A. (2019). *Reforms of administrative-territorial division in the RSFSR in the 1917—1930s. (based on the materials of the Penza Region)*. PhD Diss. Penza. 198 p. (In Russ).
- Ivanova, E. A. (2009). *Administrative-territorial reform in the RSFSR and its impact on the social, economic and cultural development of the Western region (1918—1937)*. PhD Diss. Smolensk. 199 p. (In Russ).
- Karelin, E. G. (1992). *Zoning Western Siberia, Russian Federation (on the materials of the party and Soviet organizations). 1929—1937*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ).
- Kazarin, V. N. (2009). Problems of zoning and administrative-territorial division of Siberia in the 1920s: the Approaches of the journal "Planned economy". In: *Irkutsk historical and economic Yearbook*. 29—48. (In Russ).
- Koch, L. A. (2009). Some aspects of the administrative division of the Siberian Territory. *Journal of Regionology*, 1 (66): 44—51. (In Russ).
- Koksharov, V. A., Tikhonova, E. V. (2012). *The South-eastern border of Russia: the historical path to harmony*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 259 p. ISBN 978-5-7996-0687-9. (In Russ).
- Korzhenevsky, K. B. (2019). Formation of the administrative-territorial system of the RSFSR in the first half of the 1920s (on the example of zoning of the West Siberian provinces). *Bulletin of the Tomsk State University*, 439: 142—146. (In Russ).
- Kyrchikov, M. S. (2018). Ishim district in the territorial disputes of the Urals and Siberia in the first half of the 1920s. *Humanities in Siberia*, 25 (4): 89—93. DOI: 10.15372/HSS20180416. (In Russ).
- Luzhin, A. V. (1969). *Administrative-territorial structure of the Soviet state*. Moscow: "Legal literature". 172 p. (In Russ).
- Razgon, N. I. (2003). *Formation of the Altai province and its differentiation with Kazakhstan: 1917—1925*. PhD Diss. Barnaul. 329 p. (In Russ).
- Sadykov, E. B., Malysheva, M. P. (2010). *Siberia and Kazakhstan. (National-territorial division of Siberia and Kazakhstan. 1919—1922)*. Semey: [b. i.]. 390 p. (In Russ).
- Siberia as part of the Russian Empire.* (2007). Moscow: New Literary Review. 362 p. ISBN 5-86793-510-8. (In Russ).
- Sorokun, P. V. (2012). *Organization and activity of district bodies of Soviet power in the Siberian Region in 1925—1930*. PhD Diss. Krasnoyarsk. 223 p. (In Russ).

- Sorokun, P. V. (2013). Historical aspect of the process of zoning of Siberia in the 20s of the XX century. *Actual problems of humanities and natural sciences*, 7—1: 123—126. (In Russ).
- Sulkevich, S. I. (1926). *The administrative and political structure of the USSR: (Materials on territorial transformations from 1917 to July 1, 1925)*. Leningrad: State Publishing House. 300 p. (In Russ).
- Zubkov, K. I. (2008). Territorial disputes during the zoning of the Urals and Siberia (the beginning of the 1920s): geopolitics in the regional interior. *Humanities in Siberia*, 2: 62—65. (In Russ).
- Zubkov, K. I. (2016). Between the Urals and Siberia: the Tobolsk North the focus of inter-regional rivalry beginning of the 1920s. In: *Tobolsk scientific — 2016: proceedings of the XIII all-Russian scientific-practical conference (with international participation) (Tobolsk, 10—11 November 2016)*. Tobolsk: OOO Print-Express. 213—216. (In Russ).

Лантева М. Ю. Становление Тобольской классической гимназии в первое десятилетие XIX века / М. Ю. Лантева, А. А. Валитов, Д. Ю. Федотова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 385—399. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-385-399.

Lapteva, M. Yu., Valitov, A. A., Fedotova, D. Yu. (2021). Formation of Tobolsk Classical Hymnasium in First Decade of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 9: 385-399. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-385-399. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-385-399

Становление Тобольской классической гимназии в первое десятилетие XIX века

Лантева Марина Юрьевна
orcid.org/0000-0003-2635-2111
доктор исторических наук, профессор
mlapteva1@ya.ru

Валитов Александр Александрович
orcid.org/0000-0002-2338-7880
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
val11@bk.ru

Федотова Дарья Юрьевна
orcid.org/0000-0002-9832-8914
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
dashulya-23@bk.ru

Тюменский государственный
университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
и Тюменской области в рамках
научного проекта № 20-413-720014

Formation of Tobolsk Classical Hymnasium in First Decade of 19th Century

Marina Yu. Lapteva
orcid.org/0000-0003-2635-2111
Doctor of History, Professor
mlapteva1@ya.ru

Alexander A. Valitov
orcid.org/0000-0002-2338-7880
PhD in History
Researcher
val11@bk.ru

Daria Yu. Fedotova
orcid.org/0000-0002-9832-8914
PhD in History
Researcher
dashulya-23@bk.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded
by RFBR and the Tyumen Region within
the framework of the scientific project
number 20-413-720014

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию материальных, финансовых, кадровых проблем, сопровождавших процесс перестройки системы российского среднего образования в Западной Сибири в первое десятилетие после начала реформ в области образования 1803—1804-х годов. На конкретно-историческом материале истории Тобольской классической гимназии, первой в Западной Сибири, рассматриваются пути преодоления этих проблем в период реформирования Главного народного училища и становления на его основе мужской классической гимназии. Особое внимание уделяется вопросам административно-финансовой поддержки первой западносибирской классической гимназии попечителем Казанского учебного округа С. Я. Румовским, министром просвещения П. В. Завадовским, поддержке административно-хозяйственной деятельности первым директором гимназии А. Х. Эйбеном, вопросам благотворительности российских и местных предпринимателей. Новизна исследования определяется, помимо прочего, введением в научный оборот неопубликованных архивных материалов. Проводится анализ исторической записки о Тобольской гимназии, составленной учителями С. И. Замахаевым и Г. А. Цветаевым в 1889 году на основе изученного ими архива гимназии, в настоящее время утраченного. Основными методами исследования источников стали конкретно-исторический, системный, сравнительно-исторический.

Ключевые слова:

Тобольск; Главное народное училище, классическая гимназия; Приказ общественного призрения; реформы среднего образования; Министерство народного просвещения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of material, financial, personnel problems that accompanied the process of restructuring the system of Russian secondary education in Western Siberia in the first decade after the beginning of reforms in the field of education in 1803—1804. Based on the specific historical material of the history of the Tobolsk classical gymnasium, the first in Western Siberia, the author considers ways to overcome these problems during the period of the reform of the Main Public School and the formation of a male classical gymnasium on its basis. Special attention is paid to the issues of administrative and financial support of the first Western Siberian classical gymnasium by the trustee of the Kazan educational district S. Ya. Rumovsky, Minister of Education P. V. Zavadovsky, administrative and economic activities of the first director of the gymnasium A. Kh. Eiben, issues of charity of Russian and local entrepreneurs. The research was carried out on the basis of published and unpublished archival materials. The first group should include a historical note about the Tobolsk gymnasium, compiled by teachers S. I. Zamakhaev and G. A. Tsvetaev in 1889 on the basis of the archive of the gymnasium, now lost. Specific historical, systemic, comparative historical methods have become the main methods for researching sources.

Key words:

Tobolsk; Main public school, classical gymnasium; Public Charity Order; secondary education reforms; Ministry of Public Education.

Становление Тобольской классической гимназии в первое десятилетие XIX века

© Лаптева М. Ю., Валитов А. А., Федотова Д. Ю., 2021

1. Введение

Начало XIX века в России проходило под влиянием либеральных реформ Александра I, разделявшего в первые десятилетия своего правления идеалы века Просвещения, что особенно отчетливо проявилось в реформировании системы среднего образования. Проблемы исследования общих вопросов российского среднего образования в XVIII—XIX веках, его преемственная связь с реформами Екатерины II, особенности учебных планов, подготовки кадров учителей были рассмотрены ещё в дореволюционный период в монографиях Д. А. Толстого, Г. К. Шмидта, И. Алешинцева [Толстой, 1886; Шмидт, 1878; Алешинцев, 1912].

История Тобольской классической гимназии в первые 100 лет её истории представлена в исторической записке учителей Тобольской гимназии С. Н. Замахаева и Г. А. Цветаева [Замахаев и др., 1889]. В монографиях Н. С. Юрцовского и Ф. Ф. Шамахова дан исторический обзор всех средних учебных заведений Сибири до революции 1917 года [Юрцовский, 1923; Шамахов, 1957]. В исследовании Ю. П. Прибыльского проанализирована эволюция системы среднего образования в Сибири, уделено внимание отдельным периодам истории Тобольской мужской гимназии [Прибыльский, 2001].

Становление основ классического образования в Главном народном училище, преемницей которого стала Тобольская классическая гимназия, рассмотрено в статье М. Ю. Лаптевой [Лаптева, 2020]. Темы развития материальной базы гимназии, благотворительности П. Г. Демидова в пользу будущего университета в Тобольске, отдельные эпизоды культурных и официальных событий, происходивших в стенах гимназии в первые десятилетия её истории, отражены в статьях В. С. Сулимова, А. П. Манзюка, М. Ю. Лаптевой, Г. К. Скачковой [Сулимов, 2010; Манзюк, 2014; Лаптева и др., 2016; Скачкова, 2018].

Система административного управления гимназическим образованием Тобольской губернии, периодизация истории Тобольской гимназии представлены в публикациях Е. В. Сизовой, И. В. Неупокоева и А. Е. Курской [Сизова, 2011; Неупокоев, 2013; Курская, 2020].

Вместе с тем в отечественной историографии отсутствуют работы, посвященные проблемам перестройки системы среднего образования в То-

больской губернии первого десятилетия XIX века, то есть времени перехода от Главного народного училища к мужской классической гимназии. Этот период, начиная с реформ 1803—1804 годов до официального открытия гимназии 12 марта 1810 года, будет предметом нашего изучения.

Исследование проведено на основе опубликованных и неопубликованных архивных материалов. К первой группе следует отнести историческую записку о работе Тобольской гимназии, составленную учителями С. И. Замахаевым и Г. А. Цветаевым на основе архива гимназии, который в настоящее время утрачен [Замахаев и др., 1889]. К числу неопубликованных материалов относятся документы ФГУ «Российский государственный исторический архив» (фонды Комиссии об учреждении народных училищ — Ф. 730. Оп. 1; фонды Министерства народного просвещения — Ф. 732. Оп. 1); дела ГБУ «Государственный архив Республики Татарстан» (Ф. 92. Оп. 1. — Фонд попечителя Казанского учебного округа), дела ОГКУ «Государственный архив Томской области», относящиеся к открытию Тобольской гимназии.

2. Реформы российского образования начала XIX века в контексте сибирского социума

В 1802 году вновь созданным Министерством народного просвещения во главе с екатерининским вельможей и одним из авторов реформ среднего образования 60-х — 80-х годов XVIII века П. В. Завадовским были продолжены реформы среднего образования. В основу реформ положены изданные 24 января 1803 года и 5 ноября 1804 года «Предварительные правила народного просвещения» [ПСЗРИ, т. XXVII, № 20597, с. 437—442] и «Устав учебных заведений, подведомственных университетам» [ПСЗРИ, т. XXVIII, № 21501, с. 626—647]. Территория всей империи была разделена на учебные округа во главе с университетами, в губерниях создавались три типа учебных заведений: гимназии, уездные и приходские училища. Ранее существовавшие Главные народные училища в губернских городах должны были стать гимназиями, подчинявшимися университетам учебных округов. Гимназиям, в свою очередь, подчинялись уездные училища, преобразованные из прежних малых училищ или вновь созданные [ПСЗРИ, т. XXVIII, № 21501, с. 626, 636, 639—640].

Таким образом, государство инициировало создание целостной системы народного просвещения, состоящей из взаимозависимых звеньев, где гимназии отводилось важное место как учебному заведению, дававшему среднее образование, открывавшему своим выпускникам дорогу в университет и на государственную службу. Другой декларируемой целью, унаследованной от эпохи Просвещения, было, независимо от намерений гимна-

зистов поступать в университет, получение ими «сведений, необходимых для благовоспитанного человека» [Там же, с. 626], а также усвоение понятий «о Законе Божиим и гражданских обязанностях» [ПСЗРИ, т. XXVII, № 20597, с. 441]. Следовательно, правительство ставило перед народным образованием, всецело контролируемым государством, не только образовательные, но и воспитательные задачи.

Тобольское Главное народное училище было отнесено к Казанскому учебному округу и подчинялось назначаемому императором попечителю, который контролировал Казанский университет, гимназии и Главные училища тринадцати губерний этого округа [Там же, № 20598, с. 442]. В европейской части Российской империи процесс преобразования училищ в гимназии происходил достаточно быстро, в Сибири первая гимназия была открыта в Иркутске в 1805 году. Что же касается Западной Сибири, то выстраивание новой системы образования растянулось по меньшей мере на 15—20 лет, Главное народное училище стало гимназией только в 1810 году [ГАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 396].

Сохранившиеся архивные материалы свидетельствуют о длительной переписке между столичными и местными чиновниками по вопросу об открытии в Тобольске гимназии. В обсуждении и решении финансовых, административных, бытовых, кадровых проблем на протяжении всего времени принимали участие педагоги и директора Главного народного училища, чиновники Приказа общественного призрения, тобольские губернаторы, сибирские генерал-губернаторы, попечитель Казанского учебного округа С. Я. Румовский, министры просвещения П. В. Завадовский и А. К. Разумовский, министры внутренних дел А. Б. Куракин и О. П. Козадавлев [РГИА, ф. 733, оп. 39, д. 16; ГАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 258, 374, 396, 607, 608]. Решения по некоторым вопросам принимались в Сенате, в исключительных случаях требовалась санкция императора.

Как можно судить по архивным документам, тобольское общество тоже не осталось в стороне от реформирования народного образования, оно с одобрением и даже с энтузиазмом восприняло правительственные реформы 1803—1804 годов. В январе 1804 года к сибирскому генерал-губернатору И. О. Селифонтову обратились с прошением тобольские чиновники о содействии скорейшему открытию гимназии и определению в гимназию их детей, от 25 до 50 человек, «на казенное содержание» [РГИА, ф. 733, оп. 39, д. 16, л. 2—6]. Селифонтов изложил просьбу министру просвещения П. В. Завадовскому, дополнив её суждениями о пользе для государства, поддержать малоимущих родителей, не имеющих возможности дать образование своим детям, «... в самих недрах Сибири, воспитанных», определить их на службу в родных краях, в то время как европейские чи-

новники с «почти непреодолимой трусостью ехать в Сибирь соглашались» [Там же, л. 1—1 об.]. Министр доложил эту просьбу императору Александру I. Император ответил отказом, сославшись на «заведенный порядок», то есть на принятый устав, не разрешающий содержать учеников на казенном иждивении [Там же, л. 7].

Трудно объяснить подобный энтузиазм тобольских чиновников исключительно стремлением дать своим детям полноценное гимназическое образование, имеющее целью поступление в университет, хотя совершенно исключать подобные устремления отдельных родителей нельзя. Значительную роль здесь играло материальное положение чиновников и слабые перспективы трудоустройства выпускников. Со времени учреждения в 1789 году в Тобольске Главного народного училища число учеников, поступивших и окончивших его полный четырехлетний курс, неуклонно сокращалось. Так, в 1789 году в училище поступило 175 человек, в 1795 году число учеников сократилось до 96. Накануне открытия гимназии в 1810 году в училище обучалось 46 человек. Количество учеников третьего и четвертого классов было всегда незначительно. Полный четырехлетний курс оканчивали единицы. За 20 лет существования Главного народного училища ни один из его выпускников не обнаружил намерения поступить в университет [Словцов, 1886, с. 319; Замахаяев и др., 1889, с. 10, 12, 18—22, 33].

Основной причиной была бедность населения Тобольска и отсутствие мотивации для завершения полного курса обучения. Родители учеников (в основном местные чиновники, мещане и военнослужащие) не без основания считали, что двух лет обучения в училище достаточно, чтобы их дети могли поступить на военную службу или чиновниками в местные приказы. На большее в сибирском городе не приходилось рассчитывать [Лаптева, 2020, с. 214—215].

Думается, что изменить отношение тоболяков к планируемому повышению качества и продолжительности обучения (поступление в гимназию требовало знаний начальной школы, то есть освоения курса Малого училища или первых двух классов Главного народного училища), а также подвигнуть их просить об открытии гимназии и определении на казенный счёт своих детей могли следующие обстоятельства. В параграфе 24 «Предварительных правил народного просвещения» определение на любую губернскую гражданскую должность было обусловлено получением образования «в общественном или частном училище». Это требование должно было вступить в силу через пять лет после учреждения гимназии [ПСЗРИ, т. XXVII, № 20597, с. 440]. Всё это беспокоило тобольских чиновников относительно перспектив трудоустройства их чад: начального образования для получения должности было теперь недостаточно.

В то же время выпускники гимназии могли стать учителями, которых остро не хватало в Сибири. Учителям гимназий и уездных училищ присваивались гражданские чины: старшим учителям гимназий — 9 чин, младшим учителям гимназий — 10, учителям уездного училища — 12 [ПСЗРИ, т. XXVII, № 20597, с. 440; т. XXVIII, № 21501, с. 627]. Привлекательным условием службы на ниве просвещения могла показаться и пенсия по выслуге лет, составлявшая $\frac{1}{3}$ жалования после 20 лет службы [РГИА, ф. 732, оп. 1, д. 292, л. 46].

Общий социальный и культурный климат сибирской столицы в начале XIX века, в то время, когда происходило становление Тобольской гимназии, был довольно безрадостен. Первые директора гимназии А. Х. Эйбен и А. И. Арнгольдт, получившие европейское образование и ученые степени, оставили воспоминания о Тобольске и его социуме первых двух десятилетий XIX века. «Во всей губернии нет никаких открытых библиотек, натуральных кабинетов, музеев и других учебных заведений, служащих к распространению наук», — писал Эйбен в отчете за 1808 год [ГАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 258, л. 8]. Аналогично о скромном образовательном и безжизненном культурном ландшафте города, об отсутствии каких-либо преобразований в училище отзывался в своем отчете за 1807 год исполнявший в 1805—1808 годах обязанности директора учитель А. П. Протопопов [Там же, д. 205, л. 3 об.]. Арнгольдт в рапорте попечителю Казанского учебного округа М. А. Салтыкову утверждал: «Жители здешние больше скудны, нежели богаты, ибо помещиков вовсе не имеется, а купечество также не изобильно» [Там же, д. 607, л. 6]. Он также отмечал, что многие люди со способностями не получили образования из-за бедности, «поэтому они скорее вредны, нежели полезны» [Там же].

В таких условиях даже самое активное приложение усилий учителей и местной администрации не могло дать значительного эффекта без серьезной финансовой поддержки государства.

3. Проблемы финансирования и кадрового обеспечения в период преобразования Главного народного училища в гимназию (1803—1810)

Первым камнем преткновения на пути реорганизации Главного народного училища в гимназию стали проблемы финансирования необходимой материальной базы.

С 1796 года Главное народное училище располагалось в двухэтажном каменном доме Богоявленского прихода подгорной части Тобольска. Дом принадлежал Приказу общественного призрения. В начале XIX века само здание училища и его флигели нуждались в капитальном ремонте. Планировалось также сделать каменную пристройку к дому, перестроить два

флигеля для хозяйственных нужд и квартир учителям. Большой статьей расходов была новая мебель, оснащение оборудованием физического и естественного кабинетов, пополнение библиотеки учебной литературой для новых гимназических курсов. Все эти и возможные дополнительные расходы должен был взять на себя Приказ общественного призрения [ПСЗРИ, т. XXVII, № 20597, с. 441].

Тобольский Приказ общественного призрения, учрежденный в 1775 году отвечал по закону за все социальные учреждения города: сиротские приюты, богадельни, работные дома для заключенных, дома для душевно больных, — а также имел «попечение и надзирание о установлении и прочном основании ... народных школ ...» [ПСЗРИ, т. XX, № 14392, с. 378]. До 1803 года он обеспечивал, хотя и не без серьезных проблем, все материальные потребности училища: ремонтировал здание, закупал мебель, наглядные пособия и учебную литературу, выплачивал жалование учителям, выделял пособия малоимущим ученикам и даже взыскивал задолженности по подписке за журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», издававшийся училищем в 1789—1791 годах [Замахаяев и др., 1889, с. 5, 11—13, 17, 24—25]. Как свидетельствуют архивы Тобольской гимназии, изученные С. И. Замахаяевым и Г. А. Цветаевым, с этим бременем приказ справлялся с большим напряжением, так как ежегодные расходы на училище составляли по первоначальной смете 2700 рублей в год, а доходы городской казны, на которую мог рассчитывать приказ, складывались из однопроцентного питейного налога, штрафов, заработков заключенных, таможенных пошлин и были недостаточны. Сумма всех городских доходов составляла в начале 90-х годов XVIII века около 1680 рублей [Там же, с. 4, 14]. В 1789 году по инициативе Тобольской думы все тобольские сословия (за исключением духовенства) подписались на единовременные (2727 рублей) и ежегодные (331 рубль) пожертвования в пользу только что открытого училища. Однако все пожертвования выплачивались нерегулярно, собирались медленно, их отказывались платить даже состоятельные жертвователи, поэтому приказ не всегда вовремя (то есть раз в четыре месяца) выплачивал жалованье учителям, так как должен был содержать ещё и богоугодные заведения. Как пишут в своей исторической записке о Тобольской гимназии Замахаяев и Цветаев, «учителя ... подолгу оставались без содержания за неимением источника к их удовлетворению» [Там же, с. 12].

В поисках стабильных источников поступлений в пользу училища в 1793 году приказ общественного призрения заключил соглашение с городским головой Ширковым, о том, что купеческие, мещанские и цеховые общества Тобольска будут оплачивать жалованье учителям, служителям, расходы по отоплению и освещению училища на сумму 1609 рублей. При-

каз же брал на себя жалование директору и учителю татарского языка, плату за наем помещения для училища на общую сумму 820 рублей [Там же, с. 14]. Это распределение расходов выполнялось два года, после чего общества купцов, мещан и городских ремесленников отказались от своих обязательств. Приказу пришлось вновь взять на себя содержание училища с предложением возвращать затраченные деньги из других городских доходов: сбора от питейного налога и таможенных пошлин [Там же, с. 15]. Но и этот расчет не принес желаемого результата.

К 1801 году сумма дополнительных затрат приказа на училище составила более 11 368 рублей. Договориться о возмещении затрат с городскими сообществами и городской думой не удалась, и эта сложная финансовая ситуация доведена была до сведения Сената, который 30 декабря 1801 года издал указ гражданскому губернатору и попечителю училищ Тобольской губернии Б. А. Гермесу: «... войти внимательно в рассмотрение городских доходов ... и употребить попечение, дабы помощью сих доходов народное училище в содержании имело должное подкрепление» [Там же]. Губернатор отправил донесение в Сенат о недостаточности городских доходов и необходимости взыскать с купеческого, мещанского и цехового обществ обещанного в 1793 году пособия в пользу училища в размере 1609 рублей. Переписка с Сенатом и вновь созданным Министерством внутренних дел по этому вопросу затянулась до 2 мая 1805 года. На основании доклада министра внутренних дел В. П. Кочубея, утвержденного Александром I, было дано распоряжение отнести обещанную сумму к разряду городских денежных повинностей и взыскивать с городских обществ «до тех пор, пока Главное народное училище ... не преобразовано будет в гимназию и с содержания Приказа выбудет» [Там же].

Это «Высочайшее повеление» осталось неисполненным и в дальнейшем. В течение нескольких лет тобольский губернатор Б. А. Гермес, генерал-губернатор И. Б. Пестель вели оживленную, но бесплодную, переписку с попечителем Казанского округа С. Я. Румовским, министром народного просвещения П. В. Завадовским, указывая на ограниченные возможности Приказа общественного призрения, недостаточность средств в тобольской казне для ремонта здания Главного училища [Там же, с. 15—16].

С 1802 по 1808 годы должность директора Главного народного училища исполняли по очереди старшие учителя И. Б. Лафинов и А. П. Протопопов. Они не участвовали в переписке с попечителем и министром, но несомненно, что тобольский губернатор Б. Гермес, ежегодно присутствовавший на публичных экзаменах и ставивший подписи под их отчетами, именно от них получал сведения обо всех финансовых и материальных проблемах училища.

В 1808 году в Главное народное училище назначается новый директор А. Х. Эйбен, ему удалось поднять проблему недофинансирования реформируемого народного училища на новый уровень. Он информировал попечителя Казанского учебного округа С. Я. Румовского об отсутствии финансирования училища Приказом общественного призрения, в частности, о том, что из полагающихся 2300 р. приказ согласился выделить в 1809 году только 1000 р., «да и то, неизвестно, когда», и о том, что это затрудняет открытие гимназии [РГИА, ф. 733, оп. 39, д. 16, л. 19—22].

Эйбен регулярно пишет о бытовых проблемах учителей: невозможности устроить их в квартирах при училище по причине незавершенности ремонта главного здания и «ветхости» двух деревянных флигелей, из-за чего учителя вынуждены искать квартиры, которые в Тобольске дороги. Приказ не выдает им квартирные деньги и не обеспечивает достаточным количеством дров в морозные зимы. Эйбен также указывает на тяжелое материальное положение младших учителей, их низкие зарплаты в сравнении со стоимостью жизни в губернском городе [ГАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 258, л. 38—39, 63—64].

После обращения С. Я. Румовского к министру просвещения П. В. Завадовскому, а затем к сменившему его в 1810 году А. К. Разумовскому бедственное финансовое положение реформируемого училища стало вновь предметом обсуждения на высшем государственном уровне. Завадовский и Разумовский пишут в своих обращениях к министру внутренних дел А. Б. Куракину, затем министру внутренних дел О. П. Козодавлеву, члену государственного совета А. Д. Балашову, что, хотя Приказ общественного призрения обязан содержать училище и гимназию на сумму 2300 рублей в год, бюджет города (1000 рублей) недостаточен для оплаты ремонта здания училища, а взять крупную сумму (25 832 рубля) на ремонт у горожан тоже невозможно. Между тем правительство выделяет ограниченные средства на учителей и чиновников [РГИА, ф. 733, оп. 39, д. 16, л. 19—56]. «Если лишить их (гимназии. — *М. Л.*) последней подпоры, то они не смогут существовать», — предупреждает А. Б. Разумовский [Там же, л. 35 об]. Аналогичного мнения о финансовых возможностях Тобольска придерживался сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель [Там же, л. 26—26 об.].

В итоге поисков возможных источников финансирования для училищного дома, который не удалось до конца отремонтировать к открытию гимназии 12 марта 1810 года, попечитель Казанского округа Румовский и министр народного просвещения Разумовский пришли к мысли ходатайствовать о привлечении сделанного в 1803 году П. Г. Демидовым пожертвования в размере 50 000 рублей на строительство университета в Тобольске. Университет был делом далекого будущего, поэтому было предложено ходатайствовать перед Демидовым о разрешении использовать проценты

от основного капитала, составившего к 1810 году 60 000 рублей, на поддержание бедных гимназистов и на другие нужды гимназии. С этими предложениями министр Разумовский вошел с докладом к императору и получил его одобрение [ГАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 608, л. 11—12 об.]. В дальнейшем на проценты от пожертвования П. Г. Демидова стало возможным содержать пансион при тобольской гимназии и выделять стипендии студентам университета, её выпускникам [ГАТО, ф. 126, оп. 1, д. 225, л. 31].

Материальная база создаваемой гимназии была не единственной проблемой, требующей коллективных усилий. Реформы образования 1803—1804 годов предполагали изменение учебных планов, привлечение новых учителей, специализирующихся на узком круге учебных дисциплин. В предшествующий период учителя Главного народного училища, подготовленные в Учительской семинарии Санкт-Петербурга в 80—90-е годы XVIII века, закреплены были за каждым из четырех классов училища и преподавали в них все дисциплины. Дополнительные ставки были предусмотрены только для учителя «соседственного языка» (в Тобольске это — татарский язык) и учителя рисования. Учитель младших классов и одновременно рисования И. А. Набережнин был единственным из первых четырех учителей Главного училища, кто дожил до открытия гимназии. И. А. Лафинов умер в начале марта 1810 года, Т. М. Воскресенский и В. Я. Прутковский были уволены по состоянию здоровья в 1795 и 1802 годах. Первые учителя Тобольского главного народного училища готовили учителей для Малых училищ, преобразованных после открытия гимназии в уездные. В первое десятилетие XIX века в Тобольской губернии было три Малых училища: в Тюмени, Туринске и Таре. В них полагалось по одному учителю и одному смотрителю.

Так как курс гимназии по уставу 1804 года не предполагал начального звена (читать и писать учили теперь в уездном или приходском училищах), то занявшемуся преобразованием училища в гимназию директору А. Х. Эйбену пришлось хлопотать о трудоустройстве младших учителей: И. А. Набережнина, А. П. Протопопова и А. Белорусцева. Набережнин был оставлен в гимназии преподавать рисование, Протопопова определили смотрителем во вновь открывшееся Тобольское уездное училище. На должность смотрителя в одно из училищ Тобольской губернии рассматривался и Белорусцев [ГАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 258, л. 73—73 об.].

Сложнее было найти учителей иностранных языков. По уставу 1804 года, преподавать французский, немецкий и латинский языки должны были учителя на полной ставке [ПСЗРИ, т. XXVIII, № 21501, с. 626, 628]. Ввиду отсутствия кандидатов на эти должности сам Эйбен вызвался учить гимназистов французскому языку, для преподавания немецкого пригласили отставного поручика Тимана. Учителя латинского языка накануне открытия

гимназии не нашлось. По отчётам директоров Главного народного училища за 1802—1807 годы, латинский язык, хотя и предусмотренный учебными планами главных училищ, в эти годы не преподавался совсем [ГАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 206, л. 10; д. 210, л. 62; д. 258, л. 4, 35—35 об.]. Эйбен предложил вести латинский язык учителю младших классов А. П. Протопопову и выпускнику Педагогического института С. А. Гаретовскому, но они отказались. Привлечь для преподавания латыни выпускников тобольской семинарии тоже не удалось из-за существовавшего запрета переходить из духовного сословия в другие [Там же, д. 12, л. 40 об.]. Взять на себя латинский язык согласился выпускник Педагогического института И. П. Менделеев, прибывший в 1808 году для преподавания новых дисциплин будущей гимназии. Как пишет в своем рапорте Эйбен, Менделеев изъявил желание заниматься этим предметом, но только временно [Там же, л. 48; д. 258, л. 8]. В августе 1809 года на должность учителя латинского языка был принят пожилой чиновник Оливьери, ранее служивший в хорватском государстве Рагуза. Он работал и в первые месяцы после открытия гимназии, но в июле 1810 года директор Эйбен сообщает о его смерти [ГАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 258, л. 73—73 об.; д. 374, л. 46]. Кто был учителем латинского языка после его смерти, не ясно. Но, как следует из архивных источников, в 1813 году А. Белорусцев, много лет служивший в Главном Тобольском училище помощником учителя первого класса, сдал в Казанском университете экзамен на знание латинского языка и в течение трех лет до пенсии преподавал его в Тобольской гимназии [РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 60, л. 215—216].

4. Заключение

Подводя итог нашему исследованию, охарактеризуем особенности становления классической гимназии в губернском городе Тобольске в период с 1803 по 1810 годы. Вовлеченным в этот процесс директорам, учителям, губернской администрации, попечителям Казанского учебного округа, министерствам и другим правительственным органам приходилось распутывать комплекс проблем, унаследованный от периода реформ образования 80-х годов XVIII века. Корень всех финансовых зол был в том, что государство лишь в незначительной степени брало на себя расходы по реформированию системы народного образования. Как в XVIII веке, так и в начале XIX века приказы общественного призрения обеспечивали большую часть расходов по содержанию главных народных училищ и других социальных учреждений губернских городов. Возможности приказов зависели от наполняемости городской казны и готовности общества к благотворительности. В Тобольске в силу объективных причин: удаленность от столиц и основных торговых коммуникаций, сибирский климат, периоди-

ческое обновление населения (перемещение чиновников и военнотружующих, приток ссыльных), поголовная неграмотность населения, отсутствие дворянского сословия, — не приходилось рассчитывать на интерес жителей к получению гимназического образования, проблемам просвещения и на готовность к благотворительности. Приказ общественного призрения не в состоянии был обеспечить необходимые материальные условия для полноценной работы гимназии и её учителей. Губернаторы, попечители, министры годами обсуждали, но не решали рутинные организационные и хозяйственные вопросы Главного народного училища, на протяжении долгого времени перестраивавшегося в гимназию.

Учителя, выпускники Учительской семинарии и Педагогического института, направленные на службу в Тобольск, воспитанники Тобольского Главного народного училища, подготовленные для учительских должностей, стойко и терпеливо переносили все материальные невзгоды, недоверие и равнодушие местного населения, всеми силами, как можно увидеть даже в официальных документах, берегли доверенное им дело просвещения сибирского населения.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРТ — ГБУ «Государственный архив Республики Татарстан». Ф. 92. Оп. 1. Д. 12, 205, 206, 210, 258, 374, 396, 607, 608, 609, 685.
2. ОГКУ ГАТО — ОГКУ «Государственный архив Томской области». Ф. 125 Оп. 1. Д. 9, 871 ; Ф. 126. Оп. 1. Д. 225 ; Ф. 126 Оп. 2. Д. 2313.
3. ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXVII. № 20597. С. 437—42 ; Т. XXVIII. № 21501. — Санкт-Петербург, 1830. — С. 626—644.
4. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 732. Оп. 1. Д. 120, 162, 286, 292; Ф. 733. Оп. 39. Д. 16.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешинцев И. История гимназического образования в России XVIII и XIX век / И. Алешинцев. — Санкт-Петербург : Издание О. Богдановой, 1912. — 346 с.
2. Замахаев С. И. Тобольская губернская гимназия : историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования. 1789—1889 / С. И. Замахаев, Г. А. Цветаев. — Тобольск : Типография Губернского Правления, 1889. — 321 с.
3. Курская А. Е. Тобольская губернская гимназия : первая мужская гимназия в Западной Сибири / А. Е. Курская // Северный регион : наука, образование, культура. — 2020. — № 2 (46). — С. 16—18. — DOI: 10.34822/2312-377X-2020-2-16-18.
4. Лаптева М. Ю. Театр Тобольской мужской гимназии в педагогической деятельности П. П. Ершова / М. Ю. Лаптева, А. П. Манзюк // Вестник педагогического опыта. — 2016. — № 37. — С. 51—53.
5. Лаптева М. Ю. Иртыш и Иппокрена : У истоков классического образования в Западной Сибири / М. Ю. Лаптева // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. — 2020. — Выпуск 20 (1—2). — С. 207—219.

6. Манзюк А. П. Демидовские капиталы в народном образовании Тобольска / А. П. Манзюк // Диалог культур и цивилизаций. Материалы XV Всероссийской с международным участием научной конференции молодых исследователей 14–15 марта 2014. — Тобольск : ФГБОУ ВПО “Тобольская государственная социально-педагогическая академия имени Д. И. Менделеева”, 2014. — С. 71–73. — ISBN 978-5-85944-323-9.
7. Неупокоев И. В. Управление школьным делом в конце XVIII — начале XX вв. / И. В. Неупокоев // Образование и наука. — 2013. — № 1 (100). — С. 58–73.
8. Перцев В. В. Гимназическое образование в дореволюционной России до первой половины XIX века / В. В. Перцев // Концепт. — 2012. — № 12 (декабрь). — С. 51–55.
9. Прибыльский Ю. П. Школа Тобольской губернии в XVIII — начала XX вв. К трехсотлетию сибирской школы / Ю. П. Прибыльский. — Тобольск : Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева, 1998. — 112 с.
10. Сизова Е. В. Мужские гимназии Западной Сибири в исторической динамике (XIX — начало XX в.) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. В. Сизова. — Томск, 2011. — 24 с.
11. Скачкова Г. К. Строить, украшая и просвещая : 125-летие здания Тобольской мужской классической гимназии / Г. К. Скачкова // Тобольск научный — 2018. Сборник материалов XV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. — Тобольск : Экспресс, 2018. — С. 120–128.
12. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири / П. А. Словцов. — Санкт-Петербург : Типография Н. Д. Скороходова, 1886. — Книга 1. — 369 с.
13. Сулимов В. С. Вклад профессора А. И. Арнгольда в развитие народного образования Тобольской губернии / В. С. Сулимов // Вестник Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева. — 2010. — Выпуск 2. — С. 52–56.
14. Толстой Д. А. Городские училища в царствование императрицы Екатерины II / Д. А. Толстой. — Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1886. — 214 с.
15. Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения Сибири. Общий ход развития школьного дела в Сибири. 1703–1917 гг. / Н. С. Юрцовский. — Ново-Николаевск : Сибирское областное государственное издательство, 1923. — Выпуск 1. — 246 с.
16. Шамахов Ф. Ф. Школы Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. / Ф. Ф. Шамахов // Ученые записки Томского пединститута. — 1957. — Т. 15. — С. 3–103.
17. Шмидт Г. К. История средних учебных заведений в России / Г. К. Шмидт. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1878. — 684 с.

MATERIAL RESOURCES

Russian state historical archive. F. 732. Op. 1. D. 120, 162, 286, 292; F. 733. Op. 39. D. 16. (In Russ.).

State Archive of the Republic of Tatarstan. F. 92. Op. 1. D. 12, 205, 206, 210, 258, 374, 396, 607, 608, 609, 685. (In Russ.).

State archive of Tomsk region. F. 125. Op. 1. D. 9, 871; F. 126. Op. 1. D. 225; F. 126. Op. 2. D. 2313. (In Russ.).

The Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XXVII. № 20597. 437–42; Vol. XXVIII. № 21501. (1830). St. Petersburg. 626–644. (In Russ.).

REFERENCES

- Aleshintsev, I. (1912). *The history of gymnasium education in Russia of the XVIII and XIX centuries*. St. Petersburg: Edition of O. Bogdanova. 346 p. (In Russ.).
- Kurskaya, A. E. (2020). Tobolsk provincial gymnasium: the first men's gymnasium in Western Siberia. *The Northern region: science, education, culture*, 2 (46): 16—18. DOI: 10.34822/2312-377X-2020-2-16-18. (In Russ.).
- Lapteva, M. Yu. (2020). Irtysh and Ippokrena: At the origins of classical education in Western Siberia. *Mnemon. Research and publications on the history of the ancient world*, 20 (1—2): 207—219. (In Russ.).
- Lapteva, M. Y., Manziuk, A. P. (2016). Theatre of the Tobolsk gymnasium in pedagogical activities of P. P. Ershov. *Bulletin of teaching experience*, 37: 51—53. (In Russ.).
- Manzyuk, A. P. (2014). Demidovsky capitals in the national education of Tobolsk. In: *Dialogue of cultures and civilizations. Materials of the XV All — Russian Scientific Conference of Young Researchers with international participation on March 14—15, 2014*. Tobolsk: Tobolsk State Socio-Pedagogical Academy named after D. I. Mendeleev. 71—73. ISBN 978-5-85944-323-9. (In Russ.).
- Neupokoev, I. V. (2013). School business management at the end of the XVIII — beginning of the XX centuries. *Education and Science*, 1 (100): 58—73. (In Russ.).
- Pertsev, V. V. (2012). Gymnasium education in pre-revolutionary Russia until the first half of the XIX century. *Concept*, 12 (December): 51—55. (In Russ.).
- Pribilsky, Yu. P. (1998). *School of the Tobolsk province in the XVIII — early XX centuries. To the tercentenary of the Siberian school*. Tobolsk: D. I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute. 112 p. (In Russ.).
- Schmidt, G. K. (1978). *History of secondary educational institutions in Russia*. St. Petersburg: [b. i.]. 684 p. (In Russ.).
- Shamakhov, F. F. (1957). Schools of Western Siberia in the late XIX — early XX centuries. *Scientific notes of the Tomsk Pedagogical Institute*, 15: 3—103. (In Russ.).
- Sizova, E. V. (2011). *Male gymnasiums of Western Siberia in historical dynamics (XIX — early XX century)*. Author's abstract of PhD Diss. Tomsk. 24 p. (In Russ.).
- Skachkova, G. K. (2018). To build, decorating and enlightening: the 125th anniversary of the building of the Tobolsk men's classical gymnasium. In: *Tobolsk scientific — 2018. Collection of materials of the XV All — Russian (with international participation) scientific and practical conference*. Tobolsk: Express. 120—128. (In Russ.).
- Slovtssov, P. A. (1886). *Historical review of Siberia, 1*. St. Petersburg: Printing house of N. D. Skorokhodov. 369 p. (In Russ.).
- Sulimov, B. C. (2010). Contribution of Professor A. I. Arngoldt to the development of public education in the Tobolsk province. *Bulletin of the D. I. Mendeleev Tobolsk State Socio-Pedagogical Academy*, 2: 52—56. (In Russ.).
- Tolstoy, D. A. (1886). *City schools in the reign of Empress Catherine II*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 214 p. (In Russ.).
- Yurtsovsky, N. S. (1923). *Essays on the history of the Enlightenment of Siberia. The general course of the development of school business in Siberia. 1703—1917, 1*. Novo-Nikolaevsk: Siberian Regional State Publishing House. 246 p. (In Russ.).
- Zamakhayev, S. I., Tsvetaev, G. A. (1889). *Tobolsk provincial gymnasium: a historical note on the state of the Tobolsk gymnasium for 100 years of its existence. 1789—1889*. Tobolsk: Printing House of the Provincial Government. 321 p. (In Russ.).

Очиров Ц. С. Социально-экономическое развитие Хулун-Буирского аймака провинции Хэйлунцзян (КНР) в 1969—1976 годах / Ц. С. Очиров // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 400—416. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-400-416.

Ochirov, Ts. S. (2021). Socio-Economic Development of Hulun Buir Aimag of Heilongjiang Province (PRC) in 1969—1976. *Nauchnyi dialog*, 9: 400-416. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-400-416. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-400-416

Социально-экономическое развитие Хулун-Буирского аймака провинции Хэйлунцзян (КНР) в 1969—1976 годах

Очиров Цыден Солбонович
orcid.org/0000-0002-6705-2820
аспирант
tsyden.ochirov@mail.ru

Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:

Исследование проведено в рамках
проекта РФФИ № 19-39-90003
«Этнические меньшинства Хулун-Буира
в годы культурной революции:
политический нарратив
и устные истории»

Socio-Economic Development of Hulun Buir Aimag of Heilongjiang Province (PRC) in 1969—1976

Tsyden S. Ochirov
orcid.org/0000-0002-6705-2820
Post-graduate student
tsyden.ochirov@mail.ru

Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 19-39-90003
“Ethnic minorities of Khulun-Buir
in the years of the cultural revolution:
political narrative and oral histories”

© Очиров Ц. С., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются вопросы социально-экономического развития Хулун-Буирского аймака в составе провинции Хэйлунцзян в годы «культурной революции» (1969—1976). На основе монографий и статистических справочников, опубликованных в Китае, рассматривается проблема возрождения промышленной базы и сельского хозяйства как в Хулун-Буире, так и в провинции Хэйлунцзян. Доказано, что в эти годы наблюдался ежегодный рост валового внутреннего продукта в изучаемых регионах. Особое внимание уделено выявлению основных причин, способствовавших развитию промышленности и других ключевых секторов народного хозяйства в Хулун-Буире и провинции Хэйлунцзян в 1969—1976 годы. Удалось проследить динамику социально-экономического развития Хулун-Буирского аймака в данный период, в результате чего автором выделены три его этапа: первый этап (1969—1971) связан с политическим курсом ЦК КПК на «подготовку к войне» и характеризуется возрождением прежде всего тяжёлой и лёгкой промышленности; второй этап (1971—1975) связан с формированием новой политики, которая способствовала ежегодному росту ВВП в исследуемых районах Китая; третий этап (1975—1976) характеризуется обострением межфракционных противоречий в руководстве Китая, резким спадом экономических показателей Хулун-Буирского аймака и провинции Хэйлунцзян.

Ключевые слова:

Хулун-Буирский аймак; Китай; Коммунистическая партия Китая; культурная революция; социально-экономическая политика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of socio-economic development of the Khulun-Buir aimag in the Heilongjiang province during the years of the “cultural revolution” is considered (1969—1976). On the basis of monographs and statistical reference books published in China, the problem of the revival of the industrial base and agriculture in both Hulun Buir and Heilongjiang province is considered. It is proved that during these years there was an annual growth of the gross domestic product in the studied regions. Particular attention is paid to identifying the main reasons that contributed to the development of industry and other key sectors of the national economy in Hulun Buir and Heilongjiang province in 1969—1976. It was possible to trace the dynamics of the socio-economic development of the Khulun-Buir aimag in this period, according to which the author singled out three stages: the first stage (1969—1971) is associated with the political course of the CPC Central Committee on “preparation for war” and is characterized by the revival, first of all, of heavy and light industry; the second stage (1971—1975) is associated with the formation of a new policy, which contributed to the annual growth of GDP in the studied regions of China; the third stage (1975—1976) is characterized by an exacerbation of factional contradictions in the Chinese leadership, a sharp decline in the economic indicators of the Hulun Buir aimag and Heilongjiang province.

Key words:

Khulun-Buir aimag; China; the Chinese Communist Party; Cultural revolution; socio-economic policy.

Социально-экономическое развитие Хулун-Буирского аймака провинции Хэйлунцзян (КНР) в 1969—1976 годах

© Очиров Ц. С., 2021

1. Введение

Начальный этап «культурной революции» (1966—1969 годы) нарушил процесс развития китайской экономики. Разгром руководящих органов партии в центре и на местах, парализация деятельности многих важнейших центральных министерств и ведомств, а также соответствующих организаций в масштабах провинций, городов и уездов привели на время к резкому ослаблению централизованного начала в руководстве и планировании экономики. Развернувшаяся настойчивая пропаганда социально-экономических установок, наступление на рабочих, вторжение хунвейбинов и цзаофаней на предприятия, их беспорядочные перемещения по стране, острая борьба различных группировок во многих городах оказали дезорганизующее воздействие на народное хозяйство, особенно на промышленность, ряд отраслей транспорта, на внутреннюю и внешнюю торговлю [Новейшая ..., 1972, с. 401]. Культурная революция привела к спаду в большинстве отраслей китайской экономики, который был отчасти преодолен только в 1969 году, когда некоторые производственные показатели вернулись к уровню 1966 года или слегка их превысили [История ..., 2017, с. 468]. На фоне дезорганизации народного хозяйства КНР в Хулун-Буирском аймаке (далее также — ХБА) сельское хозяйство и животноводство к 1969 году оказались в катастрофическом состоянии. Причиной этому послужили разрушение партийных органов коммун; создание «массовых организаций» в селах; репрессивная политика ревкомов в отношении аратов / скотоводов и конфискация их скота [Сао, 1986, р. 86]. В 1966—1969 годы промышленное производство Хулун-Буира понесло огромные убытки, особенно крупные предприятия хошуна Бутха, где производительность труда снизилась на 10—20 % [Zhongguo ..., 1989, р. 679—720].

В апреле 1969 года состоялся IX съезд КПК, объявивший о победе «культурной революции». После съезда активно осуществлялась попытка подстегнуть темпы экономического роста и навязать стране еще один вариант «большого скачка» [История ..., 2004, с. 244]. После съезда была организована кампания, в ходе которой на промышленных предприятиях, в коммунах, государственных учреждениях, учебных заведениях вводились военные порядки [История ..., 2017, с. 469]. Все эти меры представлялись центральным руководством как ускорители экономического и социального

прогресса в условиях напряжённой обстановки угрозы войны с СССР, обостренной открытым вооруженным конфликтом между двумя социалистическими странами на острове Даманский в марте 1969 года. Данный курс милитаризации экономической жизни КНР в наибольшей степени коснулся приграничных районов (Хулун-Буир, провинция Хэйлунцзян) и имел продолжение вплоть до осени 1971 года [Zhongguo ..., 1989, p. 645].

2. Социально-экономическая ситуация в Хулун-Буире в 1969—1971 годах

В целом в 1969—1971 годы социально-экономическую ситуацию в Хулун-Буире можно характеризовать стабильным, но незначительным экономическим ростом. Этому содействовали множество причин, из которых наиболее значимыми были следующие: 1) продвижение с 1969 года политического курса «подготовка к войне» в приграничных с СССР районах КНР способствовало развитию тяжёлой промышленности в Хулун-Буире; 2) в июле 1969 года ХБА был передан под управление провинции Хэйлунцзян; в результате аймак, ранее являвшийся частью Внутренней Монголии, оказался в составе экономически более развитой северной провинции Северо-Восточного Китая; 3) окончание политической кампании против членов Народно-революционной партии Внутренней Монголии в мае 1969 года.

Несмотря на все усилия со стороны КПК, к 1970 году показатели ВВП провинции Хэйлунцзян составили 343,68 млн юаней — 76,29 % от показателей 1965 года [Heilongjiang ..., 1999, p. 85]; ВВП Хулун-Буира уменьшился до 726,63 млн юаней, что на 37,4 % меньше, чем в 1966 году [Hulunbeier meng zhi (zhong juan)]. Но стоит заметить, что в аймаке курс на подготовку к войне содействовал росту объёма производства стали, чугуна, алюминия, древесных материалов, водяных насосов, шерсти, сахара и т. д., но был ещё несопоставим с уровнем производительности до момента начала «культурной революции»: промышленная стоимость производства снизилась на 31 %, стоимость сельскохозяйственной продукции на 32,5 % [Li, 2009, p. 119].

14 мая 1970 года государственный плановый комитет КНР уведомил о восстановлении по всей стране системы периодической статистической отчетности в промышленности, сельском хозяйстве, капитальном строительстве, о количестве служащих и рабочих, фонде заработной платы, финансовых расходах и т. д. Также комитет потребовал от каждой провинции, городов, автономных районов, Госсовета, всех министерств и административных органов, чтобы те собирали, урегулировали, давали дополнительные сведения о статистических данных за последние три года. Все это было важным условием плановой экономики КНР для восстановления народного хозяйства [Luo Pinghan et al.].

3. Урегулирование экономики

В 1970—1971 годы Мао Цзэдуном была инициирована кампания критики Линь Бяо и его сподвижников (военных) в целях разграничения их власти, полученной после создания ревкомов в 1967—1968 годах и усилившейся после проведения политики «подготовки к войне» в 1969—1970 годы. Вследствие смещения военных с лидирующих позиций в управлении страной к 1971 году на первые роли в КПК вышли так называемые «прагматики» во главе с Чжоу Эньлаем, по наставлению которого были реабилитированы многие кадры, в том числе и Дэн Сяопин, репрессированный в предшествующие годы [История ..., 2007, с. 689]. В результате «прагматиками» были проведены серии мероприятий, направленных на очередное урегулирование экономики. Был снижен объем капиталовложений, особенно в тяжелую промышленность, ужесточен контроль над фондом заработной платы, запрещен дополнительный набор рабочих, и проведены массовые увольнения тех, кто имел небольшой стаж и пришел в промышленность из сельского хозяйства [История ..., 2004, с. 248]. В 1967—1972 годы ежегодные государственные инвестиции в национальную экономику КНР составили 54,93 млн юаней — 51,5 % от суммы 1965 года. Но с 1973 года инвестиции в развитие экономики вернулись к уровню 1965, и с каждым годом их общая сумма увеличивалась, достигнув к 1975 году 130 млн юаней [Hulunbeier meng zhi (zhong juan)].

С 16 по 18 августа 1971 года согласно установлениям «прагматиков» в Харбине был созван III представительский съезд членов КПК, где были оглашены сведения о разрушениях и убытках в провинции за первые пять лет «культурной революции». На съезде выступил секретарь парткома провинции Хэйлунцзян Ван Цзядао, который в обстановке экономического спада Китая отметил успехи в сельском хозяйстве и промышленности в провинции за 1970—1971 годы: индекс сельхозпроизводства вырос на 2,4 %, валовый прирост промышленной продукции составил 5,1 %. III представительским съездом Хэйлунцзяна была поставлена задача усиления экономического руководства, упорядочивания капиталовложений в промышленные предприятия, экономического контроля над технологиями. Особое внимание участниками съезда было уделено способам достижения индустриального развития провинции. В итоге были поставлены следующие задачи: машиностроительная и электронная промышленности должны стать основной базой индустриализации провинции; необходимо создавать самостоятельные производственно-территориальные экономические комплексы; способствовать развитию малых предприятий; сформировать единую систему управления разных отраслей промышленности; проводить индустриализацию, опираясь только на свои силы и возможно-

сти; активно продвигать массовое движение по развитию мелких предприятий с местными методами производства [Heilongjiang ..., 1999, p. 140].

Для провинции Хэйлунцзян, как и для всего КНР, важнейшей топливно-энергетической отраслью являлась и является по сей день угольная промышленность. В связи с этим реализация поставленных задач индустриализации провинции, выдвинутых на III представительском съезде Хэйлунцзяна, в первую очередь требовала роста добычи угля. Поэтому парткомом провинции было принято решение повсеместно восстановить дореволюционную систему управления угольных месторождений с целью стимулирования угледобычи. Уже в декабре 1972 года были распущены ревкомы крупнейших угледобывающих предприятий Хулун-Буира Даян, Иминьхэ и Чжалайнор, в то же время была возрождена деятельность горного департамента последних [Zhongguo ..., 1989, p. 679—720]. Все эти меры позволили значительно увеличить объёмы угледобычи в провинции за 1972—1975 годы, в 1976 году он составил 5 890 000 т, что по сравнению с 1966 годом было больше в 6,28 раз [Heilongjiang ..., 1999, p. 142]. В провинции в эти годы разрабатывалось крупное угольное месторождение Хэнган, производственная мощность угледобывающих предприятий которого оценивалась в 2—15 млн т в год. Примерно такую же мощность имели угледобывающие предприятия Цзиси, около 5 млн т в год добывалось в Шуанъ-яшане, более 1 млн т — в Чжалайнорском угольном бассейне [История ..., 2004, с. 249], 300 тыс. т — в угольном разрезе Даян, 185 тыс. т — в Иминьхэ (последние три находятся в ХБА) [Hulunbeier meng zhi (zhong juan)]. Чжалайнорское угледобывающее предприятие расположено в северо-западной части ХБА. 16 января 1970 года оно было передано под управление горному бюро Хэйлунцзяна. В 1966—1976 годах общий объём капиталовложений в Чжалайнорское месторождение составил 32,1 млн юаней, общая добыча угля за десять лет — 17 583 450 т [Manzhouli ...]. В феврале 1970 года горное бюро Чжалайнора инвестировало 3,006 млн юаней для освоения угольного разреза Даян. После этого в 1970—1973 годы — было построено угледобывающее предприятие Даян. В 1973 году последний был включен в государственный план капитального строительства, уже в ноябре этого же года было завершено строительство наклонной шахты № 1 с проектной мощностью — 300 тыс. т в год. В феврале 1974 года было официально создано горное бюро Даяна [Ewenke ...]. В 1969—1976 годы валовая продукция и объём производства угледобывающих предприятий в ХБА увеличились более чем в 3 раза (табл. 1) [Hulunbeier meng zhi (zhong juan)].

К 1971 году общий объём промышленного производства ХБА упал до 237 млн юаней, что было сопоставимо только с показателями 1957 года. Но после проведения «прагматиками» ряда радикальных экономических

Таблица 1

Валовая продукция и объём производства
угледобывающих предприятий в ХБА в 1969—1976 годы

Год	Валовая продукция (в юанях)	Объём производства (в тоннах)
1969	2138700	147502
1970	1594900	109996
1971	2840000	214771
1972	4045000	256749
1973	5392900	361403
1974	5608300	397177
1975	6579600	456718
1976	8313900	543085

реформ в феврале 1972 года возобновил работу фармацевтический завод Хулун-Буира, в октябре — сельскохозяйственный машиностроительный завод Хайлара. В 1971—1975 годы были созданы промышленные гиганты: шерстопрядильная фабрика и предприятие шерстяных одеял Хайлара, целлюлозно-бумажный комбинат, металлургический, авторемонтный, металлургический заводы и завод горнорудного оборудования Чжаланьтуня [Zhalantun ...; Zhongguo, 1989, p. 374]. Уже с 1972 года среднегодовой рост ВВП составил 13,5 %, и к 1975 году объём промышленного производства в аймаке достиг 648 млн юаней (табл. 2). Если сравнить показатели производства в Хулун-Буире 1975 года с 1970 годом, то можно увидеть, что производительность канцелярских товаров увеличилась в 8,6 раз; текстильной промышленности — в 3,7 раз; химической промышленности — в 3,6 раз; промышленности строительных материалов — в 3 раза; машиностроительной промышленности — в 1,1 раз; остальных отраслей промышленности — в 2 раза. Особое внимание было уделено реконструкции и расширению металлургических предприятий ХБА: в городах Хайлар и Улан-Хото, вошедших в 1969—1970 годы в состав провинции Хэйлунцзян, было возведено по одному металлургическому предприятию мощностью по стали около 100 тыс. т каждое, на этих заводах имеются небольшие доменные печи. Валовая продукция металлургической промышленности к 1975 году составила 1 млн юаней, что в 1,5 раза больше уровня 1971 года [История ..., 2004, с. 253; Hulunbeier meng zhi (zhong juan)]. В автономном Эвенкийском хошуне к 1975 году количество промышленных предприятий достигло 11, объём промышленного производства — 1,066 млн юаней [Ewenke ...].

Таблица 2

Количество промышленных предприятий и объём
промышленного производства в ХБА в 1969—1976 годы

Год	Количество промышленных предприятий	Объём промышленного производства (в юанях)
1969	351	431960000
1970	550	343680000
1971	477	287210000
1972	491	372730000
1973	552	481410000
1974	602	520410000
1975	619	648390000
1976	671	677870000

Стоит отметить, что во время «культурной революции» в ХБА в сложном положении оказались такие важные отрасли экономики, как торговля и коммерция: было парализовано состояние руководящего органа последней, также сокращался управленческий аппарат, прошла децентрализация управления, наблюдалось повсеместное падение качества обслуживания. За десять лет чистый убыток торговли и коммерции ХБА составил 2,44 млн юаней (не считая издержек систематизации продовольствия). Наибольшие потери понесли отрасли пищевого обслуживания и сфера услуг. В целом имущественные потери торговой системы аймака за годы «культурной революции» составили 18,59 млн юаней [Hulunbeier meng zhi (zhong juan)].

В декабре 1972 года совместно парткомом и ревкомом Хэйлунцзяна была организована провинциальная рабочая конференция по вопросам сельского хозяйства. На конференции была принята политическая установка ЦК КПК «учиться у Дачжайя», «больше запастись зерна». Также перед участниками конференции была поставлена задача по увеличению производимой аграрной продукции в ближайшие годы, показатели которой за 1972 год заметно ухудшились в связи с неблагоприятными природными условиями. На конференции руководящей группой Хэйлунцзяна были утверждены способы решения данной задачи: ускоренная механизация сельскохозяйственной деятельности, развитие ирригации, освоение целины, совершенствование технологии и технических средств орошения сельскохозяйственных культур, налаживание хозяйственного планирования [Heilongjiang ..., 1999, p. 133]. Известно, что «Дачжайя» вовсе не являлся образцовым хозяйством в отношении культуры и производительности труда. По оснащенности современными орудиями труда и благоустройству жилищ трудового крестьянства оно представляло собой отсталое хозяйство. Единственным «положительным» критерием, выделя-

ющим «Дачжай» из многих тысяч других хозяйств, являлось полное самообеспечение и наивысший процент отчислений в пользу государства, то есть «жертвенность ради общества» [Сладковский, 1978, с. 276].

В 1970-е годы в целях достижения указанных выше задач в сельском хозяйстве в Хулун-Буир из соседних провинций было переселено свыше 100 тыс. ханьцев. Все это привело резкому росту сельского населения и расширению площади пахотных земель ХБА, которые к 1976 году относительно 1966 года увеличились на 105,8 % и 81 % соответственно. Объем продукции растениеводства в 1976 году составил 187,19 млн юаней, что на 13,8 % больше, чем в 1966 году; особо выделялись показатели производства зерна, которые на момент окончания «культурной революции» достигли 405,79 млн кг — на 16,8 % больше показателей 1966 года [Hulunbeier meng zhi (xia juan)]. Для сведения приведем статистические данные некоторых хошунов ХБА: в хошуне Бутха показатели 1975 года по сравнению с 1970 годом: стоимость сельскохозяйственной продукции составила 89,407 млн юаней, что на 5,7 % больше; чистый среднедушевой доход крестьянина был равен 84,7 юаней — меньше на 19,2 %, самый высокий доход наблюдался в 1971 году — 105 юаней; площадь посевных культур — 1,22 млн му (му — китайская единица измерения площади, 1 му = 667 кв. м. = 7 соток), на 15,9 % больше; производство зерна увеличилось на 15,9 %. 1971—1975 годы общий объем — более 100 млн кг; общая мощность сельхозтехники — 27195 кВт, крупных и средних тракторов — 287, что больше в 2,4 и 17 раз соответственно; всего сельскохозяйственной техники — 1149, больше в 2,2 раза; площадь машинной вспашки и уборки — 190 тыс. и 260 тыс. му, больше в 0,6 раза [Zhalantun ...]. В автономном Ороchonском хошуне объем валовой продукции зерна и картофеля к 1975 году увеличился в 3 раза по сравнению с 1970 годом [Elunchun ...]. В хошуне Сигуту показатели 1975 года по сравнению с 1970 годом были следующие: валовая продукция сельского хозяйства — 36,6 млн юаней, больше на 50,9 %; площадь посевных культур — 630 тыс. му, 1970 — 520 тыс. му; валовой сбор зерна увеличился на 98,6 %, 1970 — 17,315 млн кг, 1975 — 34,395 млн кг [Hulunbeier meng zhi (xia juan)].

Основной отраслью хозяйства ХБА, учитывающей природные условия, с давних пор являлось животноводство. В 1963, 1965, 1970, 1971 годы в Хулун-Буире наблюдались аномальные похолодания, которые повлекли за собой падеж скота — более 500 тыс. Наряду с природными аномалиями большой ущерб скотоводству ХБА нанесли первые годы «культурной революции». В 1969—1976 годах в целом общее поголовье скота в аймаке не изменилось (табл. 3). В эти годы не наблюдался рост объема продукции животноводства ХБА (табл. 4) [Beierzhiin, 2002, p. 228; Hulunbeier meng zhi (zhong juan)].

Таблица 3

Общее поголовье скота в ХБА в 1969—1976 годы

Год	Общее поголовье скота	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Свиньи
1969	2887278	550157	2337121	150186
1970	2801112	530899	2270213	163988
1971	2584080	529228	2054852	236737
1972	2422084	503648	1918436	254402
1973	2574352	531843	2042509	241044
1974	2902395	575826	2163710	281000
1975	2902395	613014	2289381	294790
1976	2845905	613961	2231944	294640

Таблица 4

Объём продукции животноводства ХБА в 1969—1976 годы

Год	Валовая стоимость продукции животноводства (в юанях)	Объём производства молока (в тоннах)
1969	91430000	18387
1970	88410000	17044
1971	70770000	15340
1972	65410000	14534
1973	71940000	18937
1974	77550000	24333
1975	82860000	26906
1976	87430000	28285

Стоит заметить, что климатические условия и особенности географического ландшафта большей части территорий аймака традиционно благоприятны для скотоводства, поэтому в конечном счете стремление центрального руководства Китая увеличить количество пахотных угодий путем освоения и адаптации земель Хулун-Буира было нецелесообразно и неэффективно, к тому же вызывало определенные противоречия и конфликтную обстановку между партийной установкой и сложившимся укладом жизни местных аратов. С повсеместным внедрением системы семейного подряда в скотоводческих районах традиционной системе кочевого животноводства был нанесен решающий удар. В течение нескольких лет пастбищные угодья, веками находившиеся в общем пользовании, были поделены между семьями животноводов, которые стали брать их в долгосрочную аренду, огораживать и охранять. Эти меры привели к тому, что

абсолютное большинство пастухов-скотоводов покончили с кочевой жизнью, перешли к полной или частичной оседлости. Внедрение системы семейного подряда, развитие промышленных предприятий, масштабное использование природных минерально-сырьевых ресурсов, развитие земледельческой оседлой культуры, миграционный приток китайцев, преимущественно земледельцев-ханьцев, из других провинций и регионов привели к утрате традиционного животноводства [Бадараев, 2016, с. 143—144].

Чжоу Эньлай и поддерживавшие его лица в руководстве страны принимали ряд мер к ликвидации некоторых «левацких» тенденций в экономике КНР. В результате в промышленности усилилось внимание к экономическим методам в руководстве производством, повысилась роль хозрасчета и материального стимулирования. Стала подчеркиваться роль инженерно-технического персонала в производственном процессе. По просьбе Чжоу Эньлая было выдвинуто предложение из трех пунктов об укреплении теоретических основ обучения и совершенствовании научно-фундаментальных знаний [История ..., 2017, с. 469]. В 1971 году, согласно требованиям премьер-министра, по всему Китаю была созвана первая с момента начала «культурной революции» конференция по научно-технической работе в стране, на которой особое внимание было уделено вопросам развития науки и образования в КНР, находившихся в парализованном состоянии после проведения политической кампании, посвященной тому, чтобы сокрушить «четыре пережитка», и молодёжного движения хунвейбинов, характеризовавшегося массовым террором в отношении интеллигенции. В итоге на конференции была разработана программа научно-образовательного прорыва. Следуя общему духу конференции «Опирайтесь на фундаментальные науки и теоретические исследования» в 1972 году в Хулун-Буирском аймаке была возобновлена деятельность Научно-исследовательских институтов шелковой промышленности и медицины Хайлара, Педагогического и Медицинского училищ Чжаланьтуна, Хулун-Буирского медицинского университета, Чжаланьтунского института земледелия и животноводства и многих других [Zhongguo ..., 1989, p. 645, 652, 654, 673].

Наряду с мерами по урегулированию и стимулированию экономической ситуации центральная власть КНР понимала острую необходимость поддержания социальной стабильности. В первую очередь, в фокусе внимания находилась ситуация на обширных национальных окраинах страны [Новичков, 2017, с. 48—49]. Особенно она касалась Хулун-Буирского аймака, где в первые годы «культурной революции» проводилась политика, направленная на подавление национальной самобытности этнических меньшинств. Прежде всего данная политика проявилась в ограничении родного языка местного населения [Апраксин, 2015, с. 17]. Еще

в сентябре 1970 года по указу провинциального парткома в Чжаланьтунском институте были внесены в программу обучения курсы монгольского языка. Только в 1972 году данные курсы были введены в педагогических институтах Хайлара. В июле 1976 года согласно указу № 8, выпущенному парткомом Хэйлунцзяна, по всему Хулун-Буиру были открыты 8 среднеобразовательных школ, где обучение проходило на монгольском языке. В том же году в Хайларе был создан институт изучения культуры и языка национальных меньшинств Хулун-Буира [Zhongguo ..., 1989, p. 645, 652, 654, 673].

Экономическое развитие аймака и в целом провинции Хэйлунцзян сильно повлияло на повышение уровня жизни, уменьшение смертности [Heilongjiang ..., 1999, p. 149]. Поэтому в 1972—1976 годах население аймака выросло на 485 107 человек — на 32 %, ежегодно примерно на 7,2 %. Большой прирост наблюдался в 1974—1976 годах (табл. 5) [Cao, 1986, p. 44; Ewenke ..., 2014, p. 21]. Резкий рост населения ХБА в этот период был связан с переселением многих жителей Шаньдуна, Цзянсу, Ляодуна в горные районы Хулун-Буира, более 100 тыс. человек. Хотя многие в последующем вернулись домой, но большинство из них остались в ХБА [Heilongjiang ..., 2017, p. 9]. В конце 1969 года общая численность населения Маньчжурии составляла 82 766 чел. Из-за продвижения с 1969 года политического курса «подготовки к войне» многих жителей города начали эвакуировать во внутренние районы аймака, и в этой связи население города к 1970 году уменьшилось до 76 813 чел., что на 7,2 % меньше, чем в 1969 году. Только к 1972 году численность вернулась к уровню 1969 года, с тех пор она стабильно увеличивалась — ежегодно примерно на 2,5 %. Данная динамика численности населения была характерна и для других приграничных с СССР районов ХБА [Manzhouli ...].

Таблица 5

Численность населения ХБА в 1969—1976 годы

Год	Численность населения	Коэффициент смертности (%)
1969	1306955	6,19
1970	1354918	5,82
1971	1435890	5,68
1972	1522670	5,69
1973	1654094	5,28
1974	1831365	5,01
1975	1862274	5,35
1976	2007777	4,79

В 1971—1975 годах Центральным руководством КНР реализовывалась программа по стабилизации социально-экономической ситуации в стране. Все это привело к развитию экономики в ХБА после значительного её спада в первые годы «культурной революции». Для сравнения приведем показатели 1975 и 1970 годов: валовой объём производства промышленности и сельского хозяйства 1970 — 151,44 млн юаней, 1975 — 178,02 млн, больше на 17,6 %; в автономном хошуне Морин Дава к 1975 году число промышленных предприятий увеличилось до 32, объём производства составил 4,263 млн юаней по сравнению с 1970 годом (2,188 млн юаней) [Hulunbeier meng zhi (zhong juan)].

4. Итоги культурной революции в ХБА

Самый больший прирост ВВП в целом по провинции Хэйлунцзян наблюдался в 1975 году и составил 10 %. Это было характерно для всей страны, главной причиной быстрого экономического роста были результаты реформ Дэн Сяопина, который к 1975 году фактически возглавил правительство КНР. В то же время активизировались и группа «радикалов». Под лозунгом «защиты диктатуры пролетариата» Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань выступили в центральной прессе с призывами «бороться против буржуазного права». После смерти Чжоу Эньлая (январь 1976 года) руководящие посты в государстве закрепляются за «радикалами». Кадровые чистки, удаление «прагматиков» из народнохозяйственных органов порождали неразбериху и дезорганизацию в руководстве экономикой. Экономические трудности в середине 1976 года усугубились и катастрофическими землетрясениями, случившимися в августе этого же года, вызвавшими разрушение крупного промышленного центра в Северном Китае — Таншана [Сладковский, 1978, с. 271—272]. Все это привело к резкому спаду роста ВВП в провинции Хэйлунцзян — всего 0,37 % [Heilongjiang ..., 1999, p. 131].

К 1976 году всего предприятий в ХБА насчитывалось 619. При сравнении показателей 1976 года с 1966 годом видим следующее: ВВП ХБА — 138,91 млн юаней, на 19,5 % больше; стоимость валовой продукции промышленности — 67787 млн юаней, что на 36,3 % больше; численность населения ХБА увеличилась на 75,3 %; количество служащих и рабочих выросло на 62,3 %; ВВП на одного занятого уменьшился на 26,4 % и составил 4409 юаней (прежде всего уменьшение связано с резким ростом населения ХБА); валовой сбор зерна — 405,79 млн кг; аграрное население увеличилось на 105,8 %; сельская рабочая сила — на 27 %; площадь пахотных земель — на 81 % [Hulunbeier meng zhi (zhong juan)].

5. Заключение

Таким образом, социально-экономическая ситуация ХБА в 1969—1976 годы характеризуется в целом стабильным экономическим ростом после спада в большинстве отраслей народного хозяйства аймака в начальные годы «культурной революции». Ключевую роль в установлении относительной стабильности сыграл выход «прагматиков» во главе с Чжоу Эньлаем на лидирующие позиции в управлении страной. Ими была инициирована программа по урегулированию экономики Китая. В результате в 1971—1975 годы в ХБА была возобновлена работа многих заводов, созданы промышленные гиганты, произведена ускоренная механизация сельскохозяйственной деятельности, оказана поддержка развитию ирригации, также были проведены множество других важных мероприятий для возрождения экономики ХБА. В результате к 1976 году, несмотря на кадровые чистки и удаление «прагматиков» из народнохозяйственных органов, проводимые «радикалами» в последние годы «культурной революции» и приведшие к резкому спаду роста ВВП по всей стране, наблюдается значительное увеличение экономических показателей и населения аймака по сравнению с 1966 годом.

Источники

1. *Elunchun zizhiqi zhi* [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717143331497&BookId=20150806161502804>. (鄂伦春自治旗志 [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717143331497&BookId=20150806161502804>). (Overview of Oroqin Autonomous Banner [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717143331497&BookId=20150806161502804> (accessed 21.03.2021)).

2. *Ewenke zuzizhiqi zhi* [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717143420722&BookId=20150923100609080>. (鄂温克族自治旗志 [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717143420722&BookId=20150923100609080>). (Overview of Evenk Autonomous Banner [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717143420722&BookId=20150923100609080> (accessed 21.03.2021)).

3. *Heilongjiang sheng zhi* (liu juan). *Jingji zongzhi* // Qi Shushen. — Harbin : Heilongjiang renmin chubanshe, 1999. — P. 498. (黑龙江省志 (六卷) . 经济综合 / 齐书深. — 哈尔滨 : 黑龙江人民出版社, 1999. — 498页). (Overview of Heilongjiang Province (volume 6). Comprehensive overview of economic // Qi Shushen. — Harbin : renmin chubanshe of Heilongjiang, 1999. — P. 498).

4. *Hulunbeier meng zhi* (zhong juan) [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717112327139&BookId=20150709170313875>. (呼伦贝尔盟志 (中卷) [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717112327139&BookId=20150709170313875>). (Overview of Hulunbeier league (volume 2) [Electronic re-

source]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717112327139&BookId=20150709170313875> (accessed 26.03.2021)).

5. *Hulunbeier meng zhi* (xia juan) [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717112548260&BookId=20150727125158206>. (呼伦贝尔盟志 (下卷) [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717112548260&BookId=20150727125158206>).). (Overview of Hulunbeier league (volume 3) [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717112548260&BookId=20150727125158206> (accessed 24.03.2021)).

6. *Manzhouli shi zhi* [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717141548329&BookId=20150530100428868>. (满洲里市志 [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717141548329&BookId=20150530100428868>). (Overview of Manzhouli county level city [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717141548329&BookId=20150530100428868> (accessed 26.03.2021)).

7. *Zhalantun shi zhi* [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717141633222&BookId=20150525154305091>. (扎兰屯市志 [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717141633222&BookId=20150525154305091>). (Overview of Zhalantun county level city [Electronic resource]. — Access mode : <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717141633222&BookId=20150525154305091> (accessed 27.03.2021)).

8. *Zhongguo gongchandang neimenggu zizhiqulunbeier meng zuzhi shi ziliao* / Zhang Fuxiang. — Hailar : Neimenggu renmin chubanshe, 1989. — 777 p. (中国共产党内蒙古自治区呼伦贝尔盟组织史资料 / 张福祥. — 海拉尔 : 内蒙古人民出版社, 1989. — 777 页). (Material of organizational history Chinese Communist Party in Inner Mongolian Autonomous Region Hulunbeier league / Zhang Fuxiang. — Hailar : renmin chubanshe of Inner Mongolia, 1989. — P. 777).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апраксин Е. Н.* Проблема Внутренней Монголии в контексте права пользования родным языком / Н. Е. Апраксин // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2015. — № 2. — С. 15—19.

2. *Бадараев Д. Д.* Номадизм в АРВМ КНР в условиях промышленного прессинга пастбищных территорий / Д. Д. Бадараев // Власть. — 2016. — № 5. — С. 139—145.

3. *История Китая*. 4-е изд. / под ред. А. В. Меликсетова. — Москва : Издательство Московского университета, 2007. — 750 с.

4. *История Китая с древнейших времен до начала XXI века* : В 10 т. / главный редактор С. Л. Тихвинский : Китайская Народная Республика (1949—1976) / Ответственный редактор Ю. М. Галенович. — Москва : Наука, 2017. — Т. VIII. — 824 с.

5. *История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Северо-Восточный Китай в 1945—1978 гг.* — Владивосток : Дальнаука, 2004. — Книга 3. — 344 с. — ISBN 5-8044-0395-8.

6. *Новейшая история Китая (1917—1970)* / под ред. Г. П. Новикова. — Москва : «Мысль», 1972. — 437 с.

7. *Новичков В. С.* Сущность национальной политики в КНР в период деструкции (1957—1978 гг.) / В. С. Новичков // Вестник Томского государственного университета. История. — 2017. — № 45. — С. 48—54. — DOI: 10.17223/19988613/45/8.

8. Сладковский М. И. Китай : основные проблемы истории, экономики, идеологии Республики / М. И. Сладковский. — Москва : Мысль, 1978. — 301 с.

9. *Beierzhiyin*. Youmu wenming shilun / Beierzhiyin, Jiergele. — Huhehaote : Neimenggu renmin chubanshe, 2002. — 228 p. (孛尔只斤. 游牧文明史论 / 孛尔只斤, 吉尔格勒. — 呼和浩特 : 内蒙古人民出版社, 2002. — 228页). (Beierzhiyin. Historical essay of Nomadic Civilization / Beierzhiyin, Jiergele. — Huhhot : Renmin chubanshe of Inner Mongolia, 2002. — 228 p.).

10. *Cao Li*. Hulunbeier meng qing / Cao Li. — Hailaer : Neimenggu renmin chubanshe, 1986. — P. 317. (曹立. 呼伦贝尔盟情 / 曹立. — 海拉尔 : 内蒙古人民出版社, 1986. — 317页). (Cao Li. Situation of Hulunbeier league / Cao Li. — Hailar : Renmin chubanshe of Inner Mongolia, 1986. — 317 p.).

11. *Ewenke yanjiu ziliao ji (er ji)* / Wure'ertu. — Hulunbeier : Neimenggu wenhua chubanshe, 2014. — 597 p. (鄂温克研究资料集 (二集) / 乌热尔图. — 呼伦贝尔 : 内蒙古文化出版社, 2014. — 597页). (Collection of materials on the study of Evenk (the second collection) / Wure'ertu. — Hulunbeier : Wenhua chubanshe of Inner Mongolia, 2014. — 597 p.).

12. *Heilongjiang tunken shi* / Zhu Yu. — Beijing : shehui kexue wenxian chubanshe, 2017. — 274 p. (黑龙江屯垦史 (三卷) / 朱宇主编. — 北京 : 社会科学文献出版社, 2017. — 274页). (History of station troops to open up wasteland in Heilongjiang / Zhu Yu. — Beijing : Shehui kexue wenxian chubanshe, 2017. — 274 p.).

13. *Li Dezhu*. Neimenggu zizhi qu gaikuang / Li Dezhu. — Beijing : minzu chubanshe, 2009. — 667 p. (李德洙. 内蒙古自治区概况 / 李德洙. — 北京 : 民族出版社, 2009. — 667页). (Li Dezhu. General situation of Inner Mongolian Autonomous Region / Li Dezhu. — Beijing : Minzu chubanshe, 2009. — 667 p.).

14. *Luo Pinghan*. "Wenge" qijian guomin jingji binlin benkui [Electronic resource] / Luo Pinghan, Lu Yi, Zhao Peng. — Access mode : <http://history.sina.com.cn/bk/wgs/2015-05-04/1009119602.shtml>. (罗平汉, 卢毅, 赵鹏. «文革»期间国民经济濒临崩溃 [Electronic resource]. — Access mode : <http://history.sina.com.cn/bk/wgs/2015-05-04/1009119602.shtml>). (Luo Pinghan. The national economy was on the verge of collapse during the «Cultural Revolution» [Electronic resource] / Luo Pinghan, Lu Yi, Zhao Peng. — Access mode : <http://history.sina.com.cn/bk/wgs/2015-05-04/1009119602.shtml> (accessed 2.04.2021)).

MATERIAL RESOURCES

Material of organizational history Chinese Communist Party in Inner Mongolian Autonomous Region Hulunbeier league. (1989). Hailar: Renmin chubanshe of Inner Mongolia. 777 p. (In Chin.).

Overview of Evenk Autonomous Banner. Available at: <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717143420722&BookId=20150923100609080> (accessed 21.03.2021). (In Chin.).

Overview of Heilongjiang Province, 6. Comprehensive overview of economic. (1999). Harbin: Renmin chubanshe of Heilongjiang. 498 p. (In Chin.).

Overview of Hulunbeier league, 2. Available at: <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717112327139&BookId=20150709170313875> (accessed 26.03.2021). (In Chin.).

Overview of Hulunbeier league, 3. Available at: <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717112548260&BookId=20150727125158206> (accessed 24.03.2021). (In Chin.).

Overview of Manzhouli county level city. Available at: <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717141548329&BookId=20150530100428868> (accessed 26.03.2021). (In Chin.).

Overview of Oroqin Autonomous Banner. Available at: <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717143331497&BookId=20150806161502804> (accessed 21.03.2021). (In Chin.).

Overview of Zhalantun county level city. Available at: <http://116.113.96.251:8080/Search/SearchContent.aspx?RootId=20130717141633222&BookId=20150525154305091> (accessed 27.03.2021). (In China.).

REFERENCES

- Apraksin, E. N. (2015). The problem of Inner Mongolia in the context of the right to use the native language. *Electronic appendix to the Russian Law Journal*, 2: 15—19. (In Russ.).
- Badaraev, D. D. (2016). Nomadism in the ARVM of the People's Republic of China in the conditions of industrial pressure of pasture territories. *Power*, 5: 139—145. (In Russ.).
- Beierzhiyin., Jiergele, (2002). *Historical essay of Nomadic Civilization*. Huhhot: Renmin chubanshe of Inner Mongolia. 228 p. (In Chin.).
- Cao Li. (1986). *Situation of Hulunbeir league*. Hailar: Renmin chubanshe of Inner Mongolia. 317 p. (In Chine.).
- Collection of materials on the study of Evenk (the second collection)*. (2014). Hulunbeir: Wenhua chubanshe of Inner Mongolia. 597 p. (In Chine.).
- History of China*. (2007). Moscow: Moscow University Press. 750 p. (In Russ.).
- History of station troops to open up wasteland in Heilongjiang*. (2017). Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe. 274 p. (In Chin.).
- Li Dezhu. (2009). *General situation of Inner Mongolian Autonomous Region*. Beijing: Minzu chubanshe. 667 p. (In Chin.).
- Luo Pinghan, Lu Yi, Zhao Peng. *The national economy was on the verge of collapse during the «Cultural Revolution»*. Available at: <http://history.sina.com.cn/bk/wgs/2015-05-04/1009119602.shtml> (accessed 2.04.2021)). (In Chin.).
- Novichok, V. S. (2017). The essence of national policy in the PRC during the period of destruction (1957—1978). *Bulletin of the Tomsk State University. History*, 45: 48—54. DOI: 10.17223/19988613/45/8. (In Russ.).
- Sladkovsky, M. I. (1978). *China: the main problems of the history, economy, ideology of the Republic*. Moscow: Mysl. 301 p. (In Russ.).
- The history of North-Eastern China of the XVII—XX centuries. North-Eastern China in 1945—1978*, 3. (2004). Vladivostok: Dalnauka. 344 p. ISBN 5-8044-0395-8. (In Russ.).
- The modern history of China (1917—1970)*. (1972). Moscow: "Thought". 437 p. (In Russ.).
- Tikhvinsky, S. L. (ed.). (2017). *The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 volumes, VIII. The People's Republic of China (1949—1976)*. Moscow: Nauka. 824 p. (In Russ.).

Пешков Д. А. Жилищное строительство на территории возведения Байкало-Амурской магистрали в 1970—1980-е годы (на примере Хабаровского края) / Д. А. Пешков, О. П. Федирко // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 417—430. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-417-430.

Peshkov, D. A., Fedirko, O. P. (2021). Housing Construction on Territory of Baikal-Amur Mainline Building-up in 1970s—1980s (Khabarovsk Region). *Nauchnyi dialog*, 9: 417-430. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-417-430. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-417-430

**Жилищное строительство
на территории возведения
Байкало-Амурской
магистрали
в 1970—1980-е годы
(на примере Хабаровского
края)**

Пешков Дмитрий Андреевич

0000-0003-2307-7919

аспирант, лаборант

отдел социально-политических

исследований

peshkov275@mail.ru

Федирко Оксана Петровна

0000-0002-6644-2421

доктор исторических наук, доцент

отдел социально-политических

исследований

fedirko@ihaefe.ru

Институт истории, археологии и
этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН

(Владивосток, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-39-90012

**Housing Construction
on Territory of Baikal-Amur
Mainline Building-up
in 1970s—1980s
(Khabarovsk Region)**

Dmitry A. Peshkov

0000-0003-2307-7919

Doctor of History, Associate Professor

Department

of Socio-Political Research

peshkov275@mail.ru

Oksana P. Fedirko

0000-0002-6644-2421

Doctor of History, Associate Professor

Department

of Socio-Political Research

fedirko@ihaefe.ru

The Far Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences Institute of History,
Archeology and Ethnography
(Vladivostok, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 20-39-90012

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается история возведения бамовских поселков на территории Хабаровского края в 1974—1984 годах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения опыта жилищного строительства в районах нового освоения в советское время, использование которого возможно для разработки современных программ развития Дальнего Востока. Используя материалы фондов Государственного архива Хабаровского края, авторы проанализировали объемы возведения жилья и объектов социальной инфраструктуры, определили основные недостатки и трудности, связанные с данным процессом, такие как отставание сроков возведения жилья, корректировка генеральных планов. Предпринята попытка провести классификацию бамовских посёлков Хабаровского края, определить набор объектов социальной инфраструктуры в них. Новизна исследования определяется слабой изученностью истории строительства бамовских поселков на территории Хабаровского края и введением в научный оборот новых источников. Авторы приходят к выводу, нехватка жилья и слабое развитие социальной инфраструктуры в бамовских поселках Хабаровского края стало одной из причин оттока строителей БАМа, что отрицательно повлияло на реализацию планов государства по заселению Дальнего Востока и обеспечению эффективного использования Байкало-амурской магистрали.

Ключевые слова:

Байкало-Амурская магистраль; жилищное строительство; Хабаровский край; социальная инфраструктура; шефская помощь; Дальний Восток СССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The history of the construction of BAM settlements on the territory of the Khabarovsk region in 1974—1984 is considered. The relevance of the study is due to the need to study the experience of housing construction of the Soviet era in areas of new development, the use of which is possible for the development of modern programs of the Far East. Using materials from the funds of the State Archives of the Khabarovsk region, the authors analyzed the volumes of construction of housing and social infrastructure facilities, identified the main shortcomings and difficulties associated with this process, such as lagging behind the construction of housing, adjusting master plans. An attempt has been made to classify the BAM settlements of the Khabarovsk region, to determine the set of social infrastructure facilities in them. The novelty of the research is determined by the poor study of the history of BAM construction settlements on the territory of the Khabarovsk region and the introduction of new sources into scientific circulation. The authors come to the conclusion that the lack of housing and the poor development of social infrastructure in the BAM villages of the Khabarovsk region became one of the reasons for the outflow of BAM builders, which negatively affected the implementation of the government's plans to settle the Far East and ensure the effective use of the Baikal-Amur Mainline.

Key words:

Baikal-Amur Mainline; housing construction; Khabarovsk region; social infrastructure; patronage help; Far East of the USSR.

Жилищное строительство на территории возведения Байкало-Амурской магистрали в 1970—1980-е годы (на примере Хабаровского края)

© Пешков Д. А., Федирко О. П., 2021

1. Введение

Возведение Байкало-Амурской магистрали (БАМ) СССР в 1970—1980-е годы должно было дать мощный импульс развитию Дальнего Востока СССР. БАМ как проект глобального для страны масштаба решал по замыслу партии комплекс задач, связанных как с экономическим освоением северных территорий, так и с заселением восточных районов. Для этого не только были выделены значительные финансовые средства, но и разработаны программы по строительству жилья и созданию социальной инфраструктуры с целью закрепления в регионе прибывших для строительства магистрали добровольцев. Особенностью БАМа стала значительная протяженность железной дороги, пролегающей по практически не заселенной территории Дальнего Востока. Для ее строительства, а в дальнейшем для обеспечения бесперебойной эксплуатации по всей трассе БАМа требовалось возвести новые населенные пункты либо реконструировать имеющиеся и создать постоянно действующую инфраструктуру.

Беспрецедентный опыт строительства БАМа имеет огромное значение и для реализации современных программ по предотвращению оттока населения и развития дальневосточных территорий, в чем видится актуальность исследования.

Несмотря на многочисленную историографию, посвященную строительству Байкало-Амурской магистрали, в ней слабое место занимают работы, посвященные поселкам, находящимся в Хабаровском крае. Отдельные факты истории возведения бамовских поселков отражены в работах А. П. Деревянко [Деревянко, 1983], Л. М. Медведевой [Медведева, 1988], в которых воссоздана общая панорама возведения Всесоюзной стройки. Обобщённые сведения по вопросам строительства бамовских поселков рассматриваются в статье Н. С. Байкалова [Байкалов, 2018].

В рамках данного исследования ставятся следующие задачи: реконструкция истории строительства новых пристанционных посёлков БАМа на территории Хабаровского края и выявление основных тенденций в процессе формирования жилищной и социальной инфраструктуры в них.

Источниковой базой исследования послужили документы, обнаруженные в Государственном архиве Хабаровского края, в фондах Исполнительного комитета Хабаровского краевого Совета народных депутатов и Управления Байкало-Амурской железной дороги имени Ленинского комсомола. Архивные материалы позволили представить целостную картину процесса возведения бамовских поселков на территории Хабаровского края, определить основные типы строящихся сооружений, выявить основные недостатки, проявлявшиеся в ходе строительства новых населенных пунктов. К опубликованным источникам можно отнести 12 выпуск сборника «БАМ — стройка века», посвященный непосредственно участию республик, областей и краев СССР в возведении магистрали [БАМ — стройка века, 1986]. В статье используются материалы статьи Р. М. Колпаковой [Колпакова, 1988], поделившейся личным опытом участия в проектировании и строительстве бамовских поселков в период своей работы в проектном институте Новосибиргражданпроект.

2. Разработка проектов и начало строительства бамовских посёлков на территории Хабаровского края

Первоначально вдоль железнодорожной магистрали по территориям Иркутской области, Бурятской АССР, Читинской и Амурской областей и Хабаровского края предполагалось разместить 30 населенных поселков численностью до 17 тысяч человек. Однако в связи с неконтролируемым ростом населения, затягиванием сооружения дороги в районе застройки возникло около 300 новых поселков с общей численностью населения около 1,5 млн человек [Байкалов, 2018, с. 999]. При этом важно учитывать, что возведение каждого населенного пункта — это огромная комплексная задача, включающая в себя проектирование облика поселка, установление необходимых объемов возведения жилья и его типов. Необходимо было определить, какие объекты социальной инфраструктуры должны быть созданы в новых районах строительства. Это определялось еще на этапе проектировки. По мере расширения строительства решались задачи поставки необходимых строительных материалов, техники, контроля качества строительства.

Протяженность Байкало-Амурской магистрали должна была составить по Хабаровскому краю 700 км [ГАХК, ф. р-137, оп. 22, д. 491, л. 11]. Географически Байкало-Амурская магистраль проходила по территории Хабаровского края от пос. Этыркан до станции Силинка и далее к г. Комсомольск-на-Амуре. На этом протяжении, непосредственно вдоль трассы, должны были возвести и обустроить 12 новых станционных поселков (см. рис. 1).

Особым статусом на территории Хабаровского края обладал поселок Ургал, который стал конечным пунктом магистрали ветки Известковая — Ургал, соединявшей БАМ с Транссибом. В нем располагалось отделение дирекции строительства БАМа по Хабаровскому краю и строительного треста «УргалБАМтрансстрой».

С началом строительства магистрали Хабаровским крайисполкомом было дано поручение Отделу по делам строительства и архитектуры крайисполкома оказать помощь организациям, проектирующим БАМ, в подборе типовых проектов жилых домов и зданий культурно-бытового назначения для застройки поселков рабочих железнодорожного транспорта и строительства объектов для производства необходимых стройматериалов и устройств. Местные организации проектирования гражданского строительства разработали несколько проектов генеральных планов поселков, определяя расположение жилья, объектов культуры и быта как относительно существующих строений, так и относительно центра поселка — железнодорожного вокзала. В результате строительства новых и реконструкции старых населенных пунктов были реализованы три модели поселков в зависимости от их административного статуса, планируемой численности населения и набора объектов социальной инфраструктуры.

Рис. 1. Карта Байкало-Амурской магистрали по территории Хабаровского края

Самыми крупными стали «узловые» поселки, обеспечивающие не только функционирование магистрали, но и ремонтно-строительные работы. На территории Хабаровского края такой станцией был пос. Ургал. По утвержденному плану в нем предусматривалось строительство многоэтажных панельных домов, школы вместимостью до 1200 учащихся, дет-

ских садов, больницы и поликлиники, гостиницы, пожарного депо, дома культуры, крупных торгово-общественных центров и т. д.

В поселках «средней величины», таких как Сулук и Эворон, возводилось меньшее количество жилья, 8 летняя школа, детский сад, вместо больницы — фельдшерско-акушерский пункт, магазины. В остальных же поселках, «малых», строились дома приусадебного типа и велась малоэтажная застройка. Предполагалось наличие начальной школы с включением в нее детского сада, клуба. Отсутствовали торгово-общественные центры, бани, дома культуры и т. д. (например, пос. Хурмули, Горин).

Численность населения новых поселков варьировалась. Так, поселок Амгунь был рассчитан на 670 человек. В Березовке население должно было составить 6870 жителей при существующих 2700 (рис. 2), в Эвороне — 3000 человек.

Рис. 2. Поселок Березовый (ст. Постышево). Макет планировки и застройки

Строительство бамовских поселков велось силами различных ведомств. Так же, как и на других участках БАМа, Хабаровский край стал

участником традиции шефской помощи союзных республик и областей СССР в строительстве магистрали [ГАХК, ф. р-137, оп. 22, д. 491, л. 14]. Москва осуществляла строительство столицы БАМа — Тынды, Ленинград — Северобайкальска, а в Хабаровском крае Ургал строила Украина, Постышево — Новосибирск, Сулук — Таджикистан [БАМ — стройка века, 1986, с. 17].

Например, пос. Березовый, будущая станция Постышево, возник в 1950-х годах как база лесопромышленников на речке Вели, притоке Амгуни. Шефство над поселком взяла Новосибирская область. В проектировании были задействованы архитекторы и инженеры Новосибиргражданпроекта, Сибгипротранса, Сибгипролеспрома. Для строительства поселка был сформирован строительно-монтажный поезд НовосибирскБАМстрой [Колпакова, 2019, с. 66—68].

В составе союзных республик и областей РСФСР формировались подразделения, направлявшиеся на строительство БАМа и его поселков: строительно-монтажные поезда, мехколонны, строительно-монтажные управления. Генеральным подрядчиком строительства бамовских поселков должна была выступить организация «УргалБамтрансстрой».

Однако при строительстве использовались и местные ресурсы, в частности, Ургальский топливно-промышленный комплекс, прилежавший к БАМу. Имея сложившуюся специализацию, основанную на угольной и лесной промышленности, Комсомольский ТПК, самый восточный из всех ТПК, должен был получить новый толчок к развитию [Медведева, 1988, с. 7]. При этом важно учитывать, что еще до начала строительства магистрали старые поселки имели свою определенную экономическую направленность — лесозаготовки. Поэтому, по замыслам проектировщиков, участие в строительстве новых поселков должны были принять рабочие кадры по линии Министерства лесной промышленности.

На основе документов из фондов Государственного архива Хабаровского края нами составлена таблица, отражающая основные планы по объему строительства жилья и объектов социально-бытового назначения, а также даты утверждения генеральных планов и регионов, взявших шефство над строительством бамовских поселков Хабаровского края (табл. 1).

Помимо этого, в поселке Березовый должна была открыться музыкальная школа, а в поселке Ургал-2 планировались к строительству пожарное депо, узел связи, гостиница, прачечная, хлебозавод, фруктохранилище, квасорасфасовочный цех, холодильник на 156 тонн, ремонтно-механическая мастерская [ГАХК, ф. р-137, оп. 22, д. 1347, л. 14—17]. В поселке Алонка к 1982 году должен был появиться спортивный комплекс с плавательным бассейном.

Всего же общая стоимость возводимых объектов в поселках, находящихся на линии строительства БАМа по Хабаровскому краю, составляла 1,43 млн рублей по состоянию на 1 января 1980 года. Производить жилые дома планировалось на Комсомольском заводе КПД, 125 серии в 2-х и 3-х этажном исполнении [Там же, д. 1100, л. 1].

В 1977 году в поселке Ургал-2 были введены в действие 30-квартирный панельный жилой дом, поселковая котельная и водозабор из трех скважин. Продолжалось строительство двух 90-квартирных домов и одного 135 квартирного дома. В Алонке — восемь 12-квартирных домов, в Солони — пять домов по 12 квартир. Были открыты пункты проката в пос. Эворон, Хурмули, Ургал-II, Алонка, Горин; комплексные приемные пункты в пос. Березовый, Ургал; парикмахерская и фотография в пос. Березовый.

3. Проблемы строительства

Однако в процессе реализации проектов обнаружились серьезные недостатки, влиявшие на ход и темпы строительства поселков и возведения объектов социальной инфраструктуры.

Создание проектно-сметной документации на отдельные объекты задерживалось как со стороны Дальгипротранса, так и со стороны шефских организаций строительства. Так, на 30.05.1978 года в документах Хабаровского крайисполкома отмечается, что строительство пос. Амгунь не начато [Там же, л. 24—26] в связи с непредоставлением необходимых документов, хотя по плану строители должны были приступить к работе в 1976 году. В пос. Герби к 1979 году оказалось незаконченным даже формирование строительно-монтажных организаций и не были начаты строительные работы [Там же, л. 65], хотя по планам строительство населенного пункта должно было стартовать в 1977 году. В 1979 году Дальгипротранс сообщал в Министерство путей сообщения, что Минлеспром отказался от участия в строительстве пос. Эворон в связи с отсутствием проектной документации. В срочном порядке были запрошены задания на проектирование школы, детсада и торгово-общественного центра [Там же, д. 1213, л. 117].

Для пос. Березовый разработка генерального плана Новосибирскгражданпроектом началась в 1976 году, к тому моменту генпроектировщик Сибгипролеспром уже вел строительство поселка. При этом строительство велось на отдаленной сопке в 5 километрах от существующих строений. То есть фактически новосибирские строители начали возведение поселка, не имея генерального плана, без привязки к уже существующим строениям, инфраструктуре поселка и будущей трассе магистрали, проходившей возле нее. Здание железнодорожного вокзала, архитектором которого стал В. П. Авксентюк (по его проектам на тот момент уже построили несколько

Таблица 1
Объекты гражданского строительства в поселках на восточном участке строительства БАМ к 1983 году

Поселок	Алонка	Урал-2	Солони	Сулук	Гербн	Джамку	Амгунь	Березовый (Постышев)	Эврон	Горин	Хурмыли	Этыркан
Дата утверждения генерального плана	04.11.1975	28.11.1975	16.07.1976	26.01.1978	21.01.1976	12.02.1976	10.02.1977	06.12.1977	25.04.1978	01.03.1976	24.11.1977	10.12.1981
Шефская организация строительства	Молдавская ССР	Украинская ССР	Таджикская ССР	Хабаровский край	Саратовская область	Волгоградская область	Пензенская область	Новосибирская область	Алтайский край	Астраханская область	Тамбовская область	Куйбышевская область
Жилые дома (кв. метры)	6950	100800	4410	7740	4050	7740	6030	7830	11950	14310	5760	17800
Школы (кол-во уч-ся)	392	1176	192	624	192	192	192	1176	392	784	624	392
Детсады (мест)	140	280	90	140	50	90	90	160	140	210	160	140
Больницы (коек) и ФАП	ФАП	150	ФАП	—	ФАП	ФАП	ФАП	—	ФАП	—	ФАП	ФАП
Поссоветы	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	—
Дома культуры (мест)	300	600	—	500	—	200	—	500	400	500	300	—
Общественно-торговые центры	1	—	—	—	—	1	1	—	1	1	—	—
Бани (мест)	10	—	—	—	10	10	10	—	—	—	10	—
Вокзал (мест)	—	—	25	—	25	50	50	—	—	100	—	—

Составлено по: [ГАХК, ф. р-137, оп. 22, д. 644, л. 101; д. 645, л. 95; д. 790, л. 209; д. 792, л. 2; д. 796, л. 130; д. 919, л. 34; д. 934, л. 15; д. 1037, л. 174; д. 1043, л. 53; д. 1433, л. 19].

вокзалов на Транссибе), было возведено без учета климатических условий, поэтому через некоторое время оно частично разрушилось [Колпакова. 2019, с. 69—70].

В некоторых случаях депутатами Хабаровского краевого исполкома отмечались более низкие темпы строительства, чем планировалось, как результат неэффективного обеспечения строительно-монтажными ресурсами возводимых объектов.

«Волгоградбамстрой», осуществлявший строительство пос. Джамку, допустил значительное отставание от планов строительства, вызванное слабой оснащенностью техникой, в результате на 1978 год план строительно-монтажных работ выполнен был только на 60 % [ГАХК, ф. р-137, оп. 22, д. 1100, л. 66].

В пос. Хурмули и Эворон строительство, по мнению контролирующих органов, осуществлялось некомплексно, организация и качество строительства находились на низком уровне. В пос. Амгунь план строительства на 1979 год, как констатировал крайисполком, был выполнен лишь на 68 %: работа сдерживалась неудовлетворительным обеспечением железобетонными конструкциями, цементом, трубами и другими строительными материалами [Там же, л. 65—67].

Низкими темпами шло строительство пос. Этыркан (шефский регион — Куйбышевская область). Причиной этому стали несвоевременные поставки Куйбышевской областью изделий домов П-99, а также отсутствие оборудования для бурения скважин. В связи с этим при монтаже панельных домов применялись некачественные изделия, была нарушена технология заделки стыков, с низким качеством выполнялась кирпичная кладка [Там же, д. 1870, л. 1—3].

В документах управления Байкало-Амурской железной дороги отмечалось, что шефские организации не оказывают действенного влияния на ход строительства, слабо осуществляют контроль за производством работ, наращиванием мощностей шефских строительно-монтажных поездов, укомплектованием их машинами, механизмами и квалифицированными кадрами [ГАХК, ф. р-2021, оп. 1, д. 40, л. 116—117].

Уже в 1978 году на заседаниях Хабаровского крайисполкома отмечалось, что необходимо выполнить корректировку проектов детальной планировки и рабочих жилых поселков (особенно численностью 450—800 чел.). В итоге корректировка должна была выглядеть следующим образом:

1. Пос. Хурмули. Требовался снос ветхого жилья. Жилую застройку проводить в двухэтажном исполнении секционного типа с хозсараями для ведения личного подсобного хозяйства. Баню и ФАП перенести вглубь поселка.

2. Пос. Горин. Планировалось вести жилую застройку в двухэтажном исполнении секционного типа с хозсараями для ведения личного подсобного хозяйства. Предполагалось в северной части от общественного центра возвести жилье для работников железнодорожной станции, а для работников Ленинского Леспромхоза — в центральной части поселка.

3. Пос. Эворон. Начать строительство поселка одноэтажными домами усадебного типа в кирпичном исполнении в количестве ориентировочно 32 штуки на свободной от застройки территории. В привокзальной части поселка произвести снос ветхого жилья для застройки двухэтажными секционными домами с хозсараями.

4. Пос. Амгунь. Откорректировать планировочную структуру поселка с целью уплотнения застройки в максимальной увязке с рельефом и размещением одноэтажных домов усадебного типа. Зону домов усадебного типа разместить на свободной территории между постоянным поселком и железнодорожной станцией. Количество домов усадебного типа — ориентировочно 16 штук.

5. Пос. Джамку. Построить 10 двухэтажных секционных домов с хозсараями и одноэтажных домов усадебного типа.

6. Пос. Герби. Возвести 18 одноэтажных жилых домов усадебного исполнения в деревянном исполнении.

7. Пос. Этыркан. Необходимо построить двенадцать двухквартирных домов и тринадцать 16-квартирных панельных домов [ГАХК, ф. р-137, оп. 22, д. 1100, л. 63—67].

Не все поставленные задачи по строительству новых и реконструкции старых поселков, а также обеспечению их социальной инфраструктурой удалось решить в срок, но большинство планов было реализовано.

В 1983 году было полностью окончено строительство пос. Солони (шефствующая республика — Таджикская ССР) и завершалось строительство пос. Алонка (Молдавская ССР) [Там же, д. 1870, л. 1].

К 1984 году были введены в эксплуатацию жилые дома общей площадью 21,2 тыс. кв. м, два торгово-общественных центра (пос. Алонка, Солони), три детсада на 440 мест (пос. Хурмули, Горин, Эворон), две школы на 816 учащихся (пос. Сулук, Герби), две бани с прачечными (пос. Эворон, Ургал-2), поселковый совет с отделением связи в пос. Березовка, два железнодорожных вокзала на станциях Хурмули и Эворон [Там же, л. 2].

Однако завершение создания полной социальной инфраструктуры поселков тормозилось низкими темпами строительства в упомянутых поселках торгово-общественных центров (далее — ТОЦ). Это негативно сказывалось на обеспечении эксплуатационного персонала железнодорожников промышленными и продовольственными товарами, бытовыми услу-

гами. ТОЦ был введен в эксплуатацию только в пос. Солони к 1985 году. В 1982 году введен в эксплуатацию пос. Сулук, численностью 300 человек, но строительство торгового центра даже не было начато. А в пос. Герби, Горин, Эворон ТОЦы отсутствовали и в 1984 году [Там же, л. 1—2].

Отставание в темпах возведении жилого фонда, магазинов, столовых, объектов культуры от темпов роста населения являлось общей тенденцией при строительстве Байкало-Амурской магистрали. А. П. Деревянко указывал причиной тому распыленность средств и строительной базы по многочисленным министерствам и ведомствам [Деревянко, 1983, с. 172].

4. Заключение

Таким образом, процесс возведения бамовских поселков в Хабаровском крае аналогичен ситуации строительства на всей территории Байкало-Амурской магистрали.

В процессе анализа особенностей этого строительства можно выявить основные недостатки, возникшие в ходе формирования жилищной и социальной инфраструктуры возводимых поселков:

1. Участие в жилищном строительстве и создание необходимой социальной инфраструктуры, возложенные на разные организации, сопровождались несогласованностью работы ведомств в процессе жилищного строительства. Не были установлены жесткие сроки разработки проектной документации, что в некоторых случаях приводило к значительной отсрочке начала строительства.

2. Задержка предоставления проектной документации и отсутствие внимания со стороны исполкомов шефских регионов создавали препятствия для обеспечения нового объекта строительства материалами, рабочими и необходимой техникой.

3. Сооружение инженерных коммуникаций, которое должно было вестись параллельно, часто начиналось значительно позже, чем строительство жилых домов и объектов культурно-бытового значения.

Так же важно отметить, что удаленность проектных организаций от фактического месторасположения стройки вызывала проблемы с поставками материалов, оперативной корректировкой генеральных планов, осуществлением постоянного контроля за качеством и сроками строительства.

Нехватка жилья и слабое развитие социальной инфраструктуры в бамовских поселках Хабаровского края стали одной из причин для эмиграции строителей БАМа в европейские регионы СССР и не позволили выполнить главную задачу государства по заселению Дальнего Востока и обеспечения эффективного использования Байкало-амурской магистрали.

Источники и принятые сокращения

1. БАМ — *Стройка века*. — Москва, 1986. — Выпуск 12. — 152 с.
2. ГАХК — *Государственный архив Хабаровского края*. Ф. Р-137 (Исполнительный комитет Хабаровского краевого Совета народных депутатов). Оп. 22 ; Ф. Р-2021 (Управления Байкало-Амурской железной дороги имени Ленинского комсомола). Оп. 1.
3. Колпакова М. Р. БАМ — одна из страниц освоения восточных регионов России / М. Р. Колпакова // *Творчество и современность* : журнал. — 2019. — № 3—4 (11). — С. 65—70.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архангельский А. Б.* Опыт формирования социальной инфраструктуры в регионе БАМ в 1970—1980-е гг. / А. Б. Архангельский // *Историческая и социально-образовательная мысль*. — 2012. — № 3. — С. 19—21.
2. *Байкалов Н. С.* Жилищно-коммунальное хозяйство городских поселений районов БАМа (1970—80-е годы) / Н. С. Байкалов, И. В. Ефремов // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. — 2020. — № 3 (41). — С. 63—70. — DOI: 10.18324/2224-1833-2020-3-63-70.
3. *Байкалов Н. С.* «Обживая стройку века» : пространство повседневности и жилищная мобильность строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1970—1980-е гг.) / Н. С. Байкалов // *Новейшая история России*. — 2018. — Т. 8. — № 4. — С. 999—1016. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.414.
4. *Байкалов Н. С.* Санитарное состояние населенных пунктов районов строительства БАМа (1970—1980-е годы) / Н. С. Байкалов // *Вестник Томского государственного университета*. — 2020. — № 453. — С. 124—134. — DOI: 10.17223/15617793/453/15.
5. *Деревянко А. П.* Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974—1982 гг.). Исторический опыт / А. П. Деревянко. — Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1983. — 253 с.
6. *Куклина В. В.* Цепная реакция инфраструктурного развития и ее локальные социальные последствия : случай западного участка БАМа / В. В. Куклина, Н. Е. Красноштанова // *Россия и АТР*. — 2021. — № 1 (111). — С. 125—145. — DOI: 10.24412/1026-8804-2021-1-125-145.
7. *Медведева Л. М.* Трудовая и политическая активность строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали / Л. М. Медведева. — Москва : Наука, 1988. — 144 с. — ISBN 5-02-013292-6.
8. *Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг.* // *История Дальнего Востока России*. — Владивосток : Издательство ФГБУН ИИАЭ ДВО РАН, 2016. — Т. 3, Кн. 5. — 940 с. — ISBN 978-5-9906119-0-0.
9. *Пешков Д. А.* Жилищное строительство и создание социальной инфраструктуры в населенных пунктах зоны центрального участка БАМ в 1960—1980-е гг. / Д. А. Пешков // *Общество : философия, история, культура*. — 2020. — № 6 (74). — С. 139—144. — DOI: 10.24158/fik.2020.6.26.
10. *Савченко А. Е.* Зачем строили БАМ? Другая сторона последнего мегапроекта на востоке СССР / А. Е. Савченко // *Россия и АТР*. — 2021. — № 1 (111). — С. 52—68. — DOI: 10.24412/1026-8804-2021-1-52-68.

MATERIAL RESOURCES

Kolpakova, M. R. (2019). BAM — one of the pages of the development of the eastern regions of Russia. *Creativity and modernity: a magazine*, 3—4 (11): 65—70. (In Russ.).
State Archive of the Khabarovsk Territory. F. R-137 (Executive Committee of the Khabarovsk Regional Council of People's Deputies). Op. 22; F. R-2021 (Management of the Baikal-Amur Railway named after the Leninsky Komsomol). Op. 1. (In Russ.).
The construction site of the century, 12. (1986). Moscow. 152 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Arkhangelsk, A. B. (2012). The experience of the formation of social infrastructure in the BAM region in the 1970s—1980s. *Historical and socio-educational thought*, 3: 19—21. (In Russ.).
- Baykalov, N. S. (2018). “Inhabiting the construction site of the century”: the space of everyday life and housing mobility of the builders of the Baikal-Amur railway (1970—1980-ies). *Modern History of Russia*, 8 (4): 999—1016. DOI: 10.21638/11701/spbu24. 2018. 414. (In Russ.).
- Baykalov, N. S. (2020). Sanitary condition of settlements in the construction areas of BAM (1970—1980-ies). *Bulletin of the Tomsk State University*, 453: 124—134. DOI: 10.17223/15617793/453/15. (In Russ.).
- Baykalov, N. C., Efremov, I. V. (2020). Housing and utilities, urban settlements areas BAM (1970—80-ies). *Problems of socio-economic development of Siberia*, 3 (41): 63—70. DOI: 10.18324/2224-1833-2020-3-63-70. (In Russ.).
- Derevyanko, A. P. (1983). *Construction of the Baikal-Amur railway (1974—1982). Historical experience*. Vladivostok: DVNTs of the USSR Academy of Sciences. 253 p. (In Russ.).
- Kuklina, V. V., Krasnoshtanova, N. E. (2021). Chain reaction of infrastructure development and its local social consequences: the case of the western section of the BAM. *Russia and the Asia-Pacific region*, 1 (111): 125—145. DOI: 10.24412/1026-8804-2021-1-125-145. (In Russ.).
- Medvedva, L. M. (1988). *Labor and political activity of the builders of the Baikal-Amur railway*. Moscow: Nauka. 144 p. ISBN 5-02-013292-6. (In Russ.).
- Peshkov, D. A. (2020). Housing construction and the creation of social infrastructure in the settlements of the zone of the central section of the BAM in the 1960s—1980s. *Society: philosophy, history, culture*, 6 (74): 139—144. DOI: 10.24158/fik. 2020. 6. 26. (In Russ.).
- Savchenko, A. E. (2021). Why did they build BAM? The other side of the last megaproject in the East of the USSR. *Russia and the APR*, 1 (111): 52—68. DOI: 10.24412/1026-8804-2021-1-52-68. (In Russ.).
- Society and power in the Russian Far East in 1960—1991. (2016). In: *History of the Russian Far East*, 3 (5). Vladivostok: Publishing house of the FSBI IIAE FEB RAS. 940 p. ISBN 978-5-9906119-0-0. (In Russ.).

Попов Ф. А. Внешняя политика Временного Приамурского правительства (1921—1922): процесс формирования и основные идеологические установки / Ф. А. Попов, В. Ж. Цветков // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 431—449. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-431-449.

Popov, F. A., Tsvetkov, V. Z. (2021). Foreign Policy of Provisional Priamur Government (1921—1922): Process of Formation and Basic Ideological Attitudes. *Nauchnyi dialog*, 9: 431-449. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-431-449. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-431-449

**Внешняя политика
Временного Приамурского
правительства
(1921—1922):
процесс формирования
и основные идеологические
установки**

Попов Фёдор Алексеевич
orcid.org/0000-0002-8867-3300
аспирант
кафедра новейшей
отечественной истории
popovf1992@mail.ru

Цветков Василий Жанович
orcid.org/0000-0002-8053-7873
профессор
доктор исторических наук
vzh.cvetkov@mpgu.su

Московский педагогический
государственный университет
(Москва, Россия)

**Foreign Policy of Provisional
Priamur Government
(1921—1922):
Process of Formation
and Basic Ideological
Attitudes**

Fyodor A. Popov
orcid.org/0000-0002-8867-3300
postgraduate student
Department of Contemporary
Russian History
popovf1992@mail.ru

Vasiliy Zh. Tsvetkov
orcid.org/0000-0002-8053-7873
Professor
Doctor of Historical Sciences
vzh.cvetkov@mpgu.su

Moscow Pedagogical
State Universit
(Moscow, Russia)

© Попов Ф. А., Цветков В. Ж., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена внешнеполитическому курсу антибольшевистского Временного Приамурского правительства, осуществлявшего контроль над Приморьем в 1921—1922 годах. Источниковой базой исследования послужила публицистика проправительственной прессы (газеты «Слово», «Русский край», «Вестник Временного Приамурского правительства») и архивные материалы. Показано, что официальные заявления правительства (обращения, воззвания, интервью официальных лиц), публикуемые в прессе, содержали основы внешнеполитической доктрины Белого движения. Кроме того, указывается, что антибольшевистские публицисты регулярно отзывались на внешнеполитические события и через газетные статьи пытались формировать общественное мнение. Отмечается, что краеугольным камнем программы Временного Приамурского правительства был тезис об antagonизме «России» (персонифицируемой в белом Приморье) и «Совдепии»-РСФСР (вкуче с буферной Дальневосточной республикой). В качестве примера, иллюстрирующего применение идеологических установок Временного Приамурского правительства на практике, приведена отправка делегации белого Приморья на Вашингтонскую конференцию в конце 1921 года. Освещается предшествовавшая этому кампания в печати, призванная обосновать важность присутствия антибольшевистской делегации в Вашингтоне.

Ключевые слова:

гражданская война; Временное Приамурское правительство; внешняя политика Белого движения; идеологические программы Белого движения; Дальний Восток.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the foreign policy course of the anti-Bolshevik Provisional Priamurye Government, which controled Primorye in 1921—1922. The source base of the research was the journalism of the pro-government press (the newspapers “Slovo”, “Russian Territory”, “Bulletin of the Provisional Priamurye Government”) and archival materials. Particular attention is paid to the role of the media in substantiating the foreign policy of the Far Eastern non-socialists. It is shown that the official statements of the government (appeals, proclamations, interviews of officials) published in the press contained the foundations of the foreign policy doctrine of the White movement. In addition, it is indicated that anti-Bolshevik publicists regularly responded to foreign policy events and tried to form public opinion through newspaper articles. It is noted that the cornerstone of the program of the Provisional Priamurye Government was the thesis of the antagonism of “Russia” (personified in the white Primorye) and “Sovdepiia” — RSFSR (together with the buffer Far Eastern Republic). As an example, illustrating the application of Provisional Priamurye Government ideological attitudes in practice, the sending of a delegation from the white Primorye to the Washington conference at the end of 1921 is given. The preceding press campaign, designed to substantiate the importance of the presence of the anti-Bolshevik delegation in Washington, is highlighted.

Key words:

civil war; the Provisional Priamurye Government; foreign policy of the White movement; ideological programs of the White movement; Far East.

Внешняя политика Временного Приамурского правительства (1921—1922): процесс формирования и основные идеологические установки

© Попов Ф. А., Цветков В. Ж., 2021

1. Введение

Гражданская война в России, начавшись в предпоследний год Первой мировой войны, на всём своём протяжении была встроена в международный контекст. Антибольшевистские силы с самого начала заявляли о «союзной ориентации» и «верности Антанте». Союзники, в свою очередь, выводили собственную антибольшевистскую политику из предположения о подконтрольности большевиков германскому генеральному штабу. Поражение Четверного союза в конце 1918 года в некоторой степени деактуализировало идею полномасштабной интервенции в Россию. С этого момента, чтобы привлечь симпатии победителей, белые должны были убедить их в международной опасности большевизма как социальной болезни, независимо от имевших место контактов большевистских лидеров с Германией в годы войны.

Главными направлениями внешней политики правительства А. В. Колчака были его признание со стороны иностранных государств, стабильная военная помощь и сохранение территориальной целостности России [Шмелев, 2017], идеологическое обеспечение всех этих направлений зиждилось на бескомпромиссном антибольшевизме. Ситуация на Дальнем Востоке в 1918—1919 годах характеризовалась тенденцией интернационализации Гражданской войны, о чём свидетельствовало прибытие японских, британских, американских и китайских воинских контингентов на российскую территорию. Русская общественность по-разному воспринимала интервентов той или иной национальности: так, гуманитарный фактор, игравший заметную роль в американской интервенции (включая деятельность «Христианского союза молодых людей» на Востоке России), повышал престиж США среди широких слоёв населения [Конев, 2015]; Япония оценивалась как наиболее действенный помощник Белого движения в борьбе с большевизмом, однако поддержка ею «атаманщины» вызывала беспокойство [Стельмак, 2021]. Некоторая часть интеллигенции и военных испытывала симпатии к побеждённой Германии, видя в союзе с ней альтернативу чрезмерным аппетитам Антанты [Кожевников, 2000].

Дальневосточный регион отличался недостаточной интеграцией в «колчаковское» государство, вносил минимальный вклад в борьбу на

Восточном фронте и страдал от «сепаратизма» местных казачьих атаманов (Г. М. Семёнова, И. П. Калмыкова, И. М. Гамова), которые выстраивали собственные отношения с интервентами (дружественные — с японцами, враждебные — с американцами). Владивосток обладал экстраординарным транзитным значением: через него могла поступать иностранная помощь правительству Колчака, но также через него интервенты могли эвакуироваться из России, сочтя свою миссию выполненной. Кроме того, в порту Владивостока со времён первой мировой войны скопились грузы военного и мирного предназначения, дальнейший сбыт которых был затруднён из-за начавшейся Гражданской войны. Тем самым создавался международно-правовой внешнеторговый казус, связанный с судьбой спорного, как бы «ничейного» имущества (вопрос распродажи грузов стоял перед каждым дальневосточным правительством независимо от его политической сущности). Интерес для иностранных предпринимателей представляли российские акватории Тихого океана, богатые рыбой и морепродуктами и фактически беззащитные перед лицом незаконной рыбной ловли. Укреплению российской белой государственности на Дальнем Востоке не способствовали проблемы с продовольственным обеспечением и зависимость от «жёлтого» наёмного труда [Шишкин, 2012].

К моменту падения режима «колчаковского» начальника Приамурского края генерал-лейтенанта С. Н. Розанова в январе 1920 года Белое движение на Востоке России утратило поддержку иностранцев, которые перестали видеть за ним какую-либо перспективу. Только атаман Семёнов по-прежнему пользовался поддержкой Японии — больше военной, чем дипломатической [Василевский, 2000, с. 106—110]. Образовавшееся во Владивостоке в конце января 1920 года Временное Правительство Приморской Областной Земской Управы (далее — ВППОЗУ) во главе с эсером А. С. Медведевым добивалось прекращения интервенции и «воссоединения дальневосточной окраины с Россией». На бурную политическую жизнь Приморья в 1920 году влияло внешнеполитическое позиционирование ВППОЗУ: так, после одобрения владивостокским правительством закрытия китайскими властями «царского» посольства в Пекине из совета управляющих ведомствами в знак протеста вышли министры-«цензовики» [Попов, 2016]. Несмотря на попытки приморских земцев заручиться поддержкой США в противоборстве с Японией [Ципкин, 2012, с. 156], добиться вывода японских войск из Приморья не удалось. «Воссоединение с Россией» было осуществлено путём вхождения Приморской области в состав большевистской марионеточной Дальневосточной республики (далее — ДВР) в конце 1920 года [Саблин, 2020, с. 267—270].

В начале 1921 года как реакция на успехи ДВР в Приморье активизировались правые силы. 20—31 марта 1921 года во Владивостоке ими был проведён Съезд несоциалистических организаций Дальнего Востока, на котором оформились идеологические установки «несоциализма» [Ляхов, 2015, с. 92—105]. С приходом к власти Временного Приамурского правительства (далее — ВПП) в результате переворота 26 мая 1921 года Белое движение вновь обрело внешнеполитическую субъектность и принялось за выстраивание отношений с иностранными державами. В этом деле оно не только учитывало сложившуюся на Дальнем Востоке композицию интересов, но также опиралось на опыт погибших белых правительств.

Вопросы внешней политики активно обсуждались в приморской прессе, которая формировала публичную сферу белого государственного образования. Жителям Приморья было неоткуда черпать сведения о международной обстановке, кроме как из газетной периодики Владивостока, Никольска-Уссурийского, а также Харбина, крупнейшего эмигрантского центра. Такие проправительственные газеты, как «Слово» и «Русский край», пестрили новостными и публицистическими материалами о международных отношениях, подавая их в русле своей идеологической линии. С программными манифестами ВПП (обращениями, воззваниями) приморцы также знакомились через прессу, являвшуюся, таким образом, оптимальным «связующим звеном» между режимом и общественностью. Внешнеполитическая составляющая приморской публицистики имела большое значение для «информационной войны», которая шла в регионе между правыми антикоммунистами и либерально-социалистической оппозицией (не говоря о большевиках, занимавшихся пропагандой подпольно). От интерпретации прессой того или иного внешнеполитического события (в качестве «успеха» или «провала») зависела реакция публики, активизация патриотических или, наоборот, паникёрско-пораженческих настроений.

2. Внешнеполитическая репрезентация белого Приморья в документах Временного Приамурского правительства и проправительственной публицистике

Для дальневосточных «несоциалистов» аксиомой являлась антинациональная природа советской власти. В их представлении неисправимая враждебность всему русскому (государственности, культуре, религии, хозяйству) выводила коммунистов за рамки политической партии и превращала в международную преступную группировку, по опасности превосходящую любого внешнего недруга России. Границы между понятием «внутреннего» и «внешнего» врага оказались стёрты, большевики мыслились уже не просто деструктивной российской партией, разжегшей граж-

данскую войну, а внешней, нерусской и антирусской интернациональной организацией, объявившей войну России.

Тезис об онтологической «нерусскости» красных давал приморским правым моральное основание запрашивать помощь интервентов, которые, в отличие от «германских шпионов» — большевиков, всё-таки считались союзниками России. Первым документом несоциалистического движения Приморья в период смены политического режима в области в 1920 году стала резолюция несоциалистических организаций 22 января, один из немногих голосов «справа» в период стремительного демонтажа белой «властной вертикали» на Дальнем Востоке [Резолюция ..., 1921, с. 2]. Согласно тексту резолюции, большевики поставили целью «уничтожение не только России как государства, но и других государств для установления во всем мире господства интернациональной коммунистической партии» [Там же]. Экспансия большевиков, наличие в их войсках «китайцев, мадьяр и прочих иностранцев» [Там же] заставили союзников России по Первой мировой войне вмешаться и помочь ей (Россия персонифицировалась в Белом движении) вооружением и воинскими контингентами. Особенно подчёркивалось более активное по сравнению с другими странами участие Японии, которая через поддержку русских антибольшевистских сил «хотя бы частично заплатит союзнический долг России за участие ее в мировой войне» [Там же]. Кампания против японской интервенции, развёрнутая левыми, маркировалась как лицемерная спекуляция врагов России на русском национальном чувстве, «способ партийной борьбы социалистов» [Там же]. От лица «русской несоциалистической демократии» говорилось о желательности дальнейшего пребывания войск Японии в Сибири и на Дальнем Востоке. На протяжении следующих трёх лет, когда в Приморье успело смениться пять правительств, дальневосточные антибольшевики не отступили от духа и буквы этой резолюции.

В официальных документах ВПП внешнеполитический аспект неизменно сопрягался с антикоммунистическим и националистическим. Меркуловский режим стоял перед той же двоякой задачей, что и остальные белые правительства: как уничтожить советскую власть (хотя бы в региональном масштабе), не поступившись при этом национальными интересами России. К лету 1921 года, когда под контролем белых осталась небольшая «ладошка» южного Приморья, задача уничтожения советской власти преобразовалась в задачу эффективной обороны оставшейся русской территории от проникновения туда коммунизма. Иначе стала пониматься и защита национальных интересов. Едва ли во Владивостоке могли помешать независимости балтийских «лимитрофов» или территориальным приобретениям Польши в западных губерниях бывшей Российской империи по

итогах Рижского мира (хотя владивостокские правые публицисты горячо протестовали против этого [О польско-советском соглашении, 1921, с. 1]). Естественным образом «национальные интересы» сместились на локальный, региональный уровень. Противоречия с иностранными державами и коммерческими структурами меркуловский Владивосток старался решить с пользой для России. Местные проблемы, в которых ВПП приходилось вступать в конфронтацию с внешними силами, отличались разнообразием: борьба с китайским хунхузничеством, нарушение прав русских граждан в Китае, незаконная ловля рыбы в российских водах, положение русских на оккупированном японцами Северном Сахалине, нежелание японского командования выдавать конфискованное у войск ВППОЗУ оружие и т. д. Следует отметить, что Япония вызывала у дальневосточных несоциалистов уважение как государство с твёрдыми монархическими устоями, но в то же время их раздражала двойственность японской политики на русском Дальнем Востоке, проявившаяся, например, в факте переговоров японцев с большевиками на Дайренской конференции [Попов, 2019].

Владивосток болезненно реагировал на концессионную политику РСФСР и ДВР. Изменившийся с началом «новой экономической политики» подход к привлечению иностранного капитала сулил большевикам немалые выгоды. Перспектива открытия на советском Дальнем Востоке концессий означала в первую очередь признание иностранцами экономической непривлекательности белого Приморья. Ввиду того, что ВПП само планировало сдавать в концессии природные богатства, большевики составляли ему неприятную конкуренцию. Готовность иностранцев иметь «деловые отношения» с «Тобельсонией» (ДВР) при одновременном игнорировании ими белой русской власти во Владивостоке наносила ВПП большой репутационный ущерб. В нормативно-правовых актах, программных документах правительства, статьях публицистов правого направления торговые сношения «Совдепии» и ДВР с иностранцами интерпретировались в качестве очередного проявления «предательской», антигосударственной и антироссийской политики большевиков.

Неоднозначность отношений между большевиками, иностранцами и белыми дала о себе знать в ходе столкновения в мало освоенном северо-восточном углу Дальнего Востока — на Камчатке. В конце 1920 года переговоры советского правительства с председателем «National City Bank» Ф. А. Вандерлипом завершились публикацией проекта соглашения о выделении территорий на Камчатке для сдачи их в концессию [Косых, 2015, с. 100]. Удобство дальнейших переговоров требовало их ведения в Москве вместо сношений с труднодоступной Читой, за которой формально был закреплён полуостров. Поэтому по договору о границах между ДВР и РСФСР

22 марта 1921 года Камчатская область передавалась в состав последней [Кошкарёва, 2018, с. 10]. В постановлении 11 июня 1921 года ВПП выражало протест против советизации Камчатки, объявляло о принадлежности полуострова Приморскому государственному образованию и о ничтожности всех концессионных сделок, заключённых с РСФСР и ДВР [ГАРФ, ф. р 936, оп. 1, д. 11, л. 144 (с об)]. Советская власть обвинялась «в расточении народных богатств» [Там же] и «систематической распродаже территории бывлой Великой России» [Там же]. Обосновывая свои права на Камчатку, ВПП на этот раз строило аргументацию не только на позиционировании себя «единственной Россией» (в которую автоматически входили почти все территории бывшей РИ), но и на приморском регионализме: «Притязания советской власти на Камчатку лишены каких-бы то ни было оснований, т. к. Камчатка всегда тесно соприкасалась во всех ее жизненных интересах с Приморской областью, которой она и принадлежит» [Там же]. Экспедиция есаула В. И. Бочкарёва (сентябрь 1921 года) подавалась в качестве правительственной меры по освобождению Камчатки не только от большевиков, но и от иностранного капитала. Заняв Петропавловск, Бочкарёв телеграфировал во Владивосток, что «пресечена деятельность авантюристов, большевиков и Вандерлипа» [Ципкин, 2012, с. 194].

Противопоставление белого Приморья как последнего оплота русской государственности антинациональной «Совдепии» должно было соблюдаться и в печати. Этого требовал председатель правительства С. Д. Меркулов, чья подпись стояла под опубликованным 9 мая 1922 года в «Вестнике Временного Приамурского Правительства» обращением к прессе. Меркуловым отмечалась взаимосвязь между «преступной» внутренней политикой большевизма и притязаниями иностранных держав, которые благодаря разрушению русского государственного организма получили возможность безнаказанно удовлетворять своим аппетиты за счёт России. В привычной для Меркулова экспрессивной манере подводились итоги правления коммунистов за 4 года: «В течение четырех лет их разбойничьего владычества над Россией, последняя разграблена и разорена, а миллионы русских граждан безжалостно истреблены и замучены. И эта дьявольская оргия вырождения человечества, приведшая страну к небывалому голоду, угрожающему неизбежной гибелью десяткам миллионов людей, все еще продолжается. Чувствуя свою неизбежную гибель, исчадие ада — вожди советовластиа стремятся продлить дни своего владычества путем соглашения и договоров с иностранными державами, алчно взирающими на поверженную в прах русскую государственность, в ожидании безнаказанного захвата естественных богатств обширной России» [От Председателя ..., 1922, с. 3]. Главным средством осуществления антироссийской политики назы-

валось искусственное уравнивание России и РСФСР, отождествление русского народа и советского правительства «мировых преступников». Такая подмена понятий была выгодна как большевикам, видевшим в этом шаг к международному признанию их власти, так и иностранцам, которым при заключении сделок с большевиками было «необходимо приучать человечество к мысли, что акты, исходящие от них (от большевиков. — *Ф. П.*), и подписи, данные ими под такими актами, являются актами, исходящими от России и от русского народа» [Там же].

Глава ВПП горячо протестовал против такой практики и требовал, по крайней мере от приморской печати, разграничения понятий «Россия» и «советская власть». Весомым аргументом в пользу недопустимости уравнивать эти два понятия Меркулов считал насыщенность структур советского государства «инородцами», в особенности евреями. Им проводилась историческая параллель со Смутным временем начала XVII века, когда в Кремле на некоторое время закрепились «нерусская власть». Председатель ВПП устанавливал правильную, с точки зрения антибольшевистского движения, норму словоупотребления: «Власть Бронштейна-Троцкого и Ульянова-Ленина, их действия и акты могут быть называемы только их настоящими названиями: Господство, власть Ленина, Троцкого, власть большевистская, власть разбойничья, власть воинствующего еврейства и т. п.» [Там же]. При размещении в газетах сведений из иностранных источников, от редакций требовалось переделывать «неправильное употребление в них понятий» [Там же]. Заявление С. Д. Меркулова продемонстрировало осознанное стремление власти регулировать понятийный аппарат информационного пространства. Глава правительства демонстрировал понимание того, как глубоко язык влияет на политику, в частности, он считал, что неуместное употребление макротопонима *Россия* и этнонима *русские* применительно к большевикам способствует укреплению последних. Белое Приморье объявлялось территорией, свободной от советского политического языка, в противовес ему конструировался язык «национальной России», не терпящий двусмысленности в разграничении «своих» и «чужих».

Первые лица белого Приморья старались убедить иностранные державы в том, что дипломатическое признание ВПП соответствует их национальным интересам. За пределами Азиатско-Тихоокеанского региона антибольшевистский Владивосток искал поддержки у Франции, ведущей державы послевоенной Европы. Министр юстиции С. П. Руднев вспоминал, что правительство имело «некоторые серьезные связи и с Брюсселем, и с Парижем ...» [Руднев, 1927, с. 436] (под «Брюсселем», по всей видимости, подразумевалась не Бельгия, а группа русских эмигрантских капиталистов во главе с экс-директором завода «Сормово» Г. Богдановым,

искавшая возможности вложить средства в развитие Приморья, при гарантии невозвращения туда большевиков [Экономические перспективы, 1921, с. 2]). Телеграмма президенту Александру Мильерану от С. Д. Меркулова (апрель 1922 года) наполнена типичными для главы ВПП религиозно окрашенными обличениями «адского губительного господства сынов дьявола большевиков» [ГАРФ, ф. р 942, оп. 1, д. 54, л. 3]. В то же время Меркулов использует рациональный и светский аргумент, к которому французское общество не могло остаться равнодушным: установление дипломатических отношений между РСФСР и Германией или, по тексту телеграммы, «между непримиримыми врагами Франции — тевтоном и мировыми преступниками, засевшими в московском кремле» [Там же] (имелся в виду Раппальский договор 16 апреля 1922 года). Играя на англо-французских противоречиях, Меркулов упоминает «вероломное поведение Англии, которая, как Исав, продает за чечевичную похлебку первородство культурного христианского человечества» [Там же]. Среди идеологических основ белой государственности глава ВПП называет «подлинный национальный демократизм», а также «истинную свободу, истинное братство как основы подлинной христианской демократии» [Там же, л. 3 об]. Через сближение правоконсервативного дискурса приморского «несоциализма» с французской республиканской триадой «свобода, равенство, братство» Меркулов хотел добиться понимания со стороны президента Франции.

Русские националисты предпринимали попытки «открыть глаза» иностранцам на природу большевистского режима и заручиться поддержкой великих держав. При этом идеология патриотического антикоммунизма, с одной стороны, подразумевала отказ признавать Россию в интернациональной «Совдепии» (и, следовательно, отказ от примирения с «Совдепией» в условиях её войны с внешним врагом), с другой — её адепты рьяно протестовали против «расчленения» российского геополитического пространства, экономической эксплуатации России и прочих оскорбительных для национального достоинства действий. Неразрывность этих двух составляющих белого политического мышления показывает статья «Русский вопрос — международный» в номере «Русского края» от 4 сентября 1921 года. Анонимным публицистом констатировалось: «Наличие большевистской власти есть наличие того опасного социального гнояника, при котором спокойствие Европы не гарантировано» [Русский вопрос ..., 1921, с. 1]. Вслед за этим постулатом следовали упреки в адрес иностранцев, которые не только не оказали антибольшевистскому движению должной помощи, но и покушаются на «русские территории». Брестский мир, а теперь и Версальский, заключены в отсутствие легитимного российского правительства и поэтому «нежизненны». Планы по установлению внеш-

него контроля над Транссибирской магистралью рассматривались в русле превращения России из субъекта в объект международного права. Русские антибольшевики выражали несогласие с такой, по сути, колониальной политикой: «У России есть задачи и поважнее торговли с иностранцами, и во имя этой торговли Россия не будет превращена в кучу никому не принадлежащего имущества» [Там же]. Задаваясь аналогичным вопросом о характере экономического сотрудничества с соседними государствами после победы над большевизмом, «Слово» намечало «третий путь», альтернативный как хозяйственному порабощению, так и контрпродуктивной изоляции России от внешнего мира. Он заключался во взаимовыгодном обмене при согласии на уступки в пределах разумного [Россия и соседи, 1921, с. 1].

Злободневность защиты российских рубежей от посягательств извне подчёркивалась путём чествования русских национальных героев. Ко дню памяти Александра Невского 12 сентября (по старому стилю — 30 августа) «Русский край» напомнил читателям о заслугах князя в деле защиты западных рубежей Руси. Внешняя политика средневекового правителя, которому приходилось не только отражать удары шведов и ливонских рыцарей, но и «унижаться за Родину» в ханской ставке, заставляла задуматься о современном положении Приморья, поставленного в зависимость от Японии. Отсутствие живого отклика жителей Владивостока на значимый религиозный и патриотический праздник вызвало уныние «Русского края», который ставил в пример переполненные церкви Харбина. Автор статьи пришёл к выводу, что если большинство русских харбинцев — это беженцы, чьё национальное самосознание пробудилось после близкого знакомства с большевизмом, то «Владивосток, видимо, мало испытал тяжёлый пресс безверной банды, атеистических полчищ, давящих все истинно-верующее и национальное» [Каве, 1921, с. 2].

Международные отношения после Первой мировой войны переживали полномасштабную трансформацию. Державы-победительницы делили зоны влияния. Крах Четверного союза, распад Российской империи и центробежные процессы в Китае оставляли широкий простор для соперничества победителей за счёт проигравших и ослабленных государств. Вместе с тем появление Лиги Наций, межгосударственного наднационального органа, давало надежду на урегулирование многочисленных конфликтов в русле гуманистической идеологии, на основе норм международного права. Не ослабшие и даже усилившиеся после войны «империалистические» амбиции отдельных стран вступали в противоречие с идеологией либерального интернационализма, обретшей популярность во многом благодаря миротворческим инициативам президента США Вудро Вильсона.

Приморье находилось на пересечении интересов сразу нескольких держав. Модернизационные процессы, запущенные революцией февраля — октября 1917 года, на российском Дальнем Востоке особенно тесно переплетались с оформлением Версальско-Вашингтонской системы. Общественное мнение Приморья не могло игнорировать глобальные перемены, а потому живо интересовалось новостями мировой политики, осмысляло их с учётом российских и региональных приморских реалий.

Постоянный автор статей для «Слова» на международно-политические темы, публицист под псевдонимом Казэль признавал, что судьба русской антибольшевистской власти в Приморье зависит преимущественно от воли внешних сил, что, впрочем, не должно оправдывать бездействие: «Наша же судьба будет решаться в Лондоне, Париже, Берлине, Вашингтоне и Токио, но не в Москве и не здесь. Однако от нас самих, от нашего благоразумия, безусловно, зависит хоть несколько повлиять на решение нашей судьбы в мировых центрах» [Казэль, 1921а, с. 1]. На июнь 1921 года публицист констатировал следующие «мировые сдвиги»: сближение между «детьми Одина» (германскими народами), то есть между Великобританией и Германией, которые вовлекают в свою орбиту РСФСР; сближение между Францией и США, причём антибольшевистская линия Франции побуждает её, с одной стороны, усиливать Польшу «за счет искони русских земель» (что отталкивает от Парижа «будущую Россию»), а с другой — группировать вокруг себя русские антибольшевистские силы. Япония, по оценке «Казэля», всё меньше стремится к конфронтации с США, понимая гибельность такого соперничества; при возобновлении же англо-японского альянса «весьма вероятен уклон и Японии в сторону советской России» [Там же]. В подтверждение своих гипотез Казэль ссылался на визит наследника японского императорского престола в Париж, за которым последовало известие о движении белой Русской эскадры на Дальний Восток. Приморский публицист предполагал, что французы вняли упрёкам, которые адресовал им генерал П. Н. Врангель, и совместно с Японией готовы теперь помочь русским антибольшевикам. Дальнейшее развитие событий не подтвердило этих предположений постоянного сотрудника «Слова». Сам он, впрочем, не преувеличивал своих прогностических способностей, ссылаясь на «информационный голод», который переживает приморская журналистика: «Не будучи осведомлены в официальных сведениях и дипломатических переговорах держав, мы можем оперировать только газетными сведениями, причем, конечно, возможны большие ошибки» [Казэль, 1921б, с. 4]. Тем не менее Казэль допускал, что практикуемый им и другими авторами анализ зарубежной прессы может вести (и уже не раз приводил) к точным прогнозам.

3. Временное Приамурское правительство и Вашингтонская конференция

Многосторонние дипломатические конференции привлекали внимание ВПП, поскольку позволяли белому Приморью напомнить «великим державам» о своём существовании. Международная конференция по ограничению морских вооружений, проходившая в Вашингтоне с 12 ноября 1921 года по 6 февраля 1922 года, заинтересовала Владивосток ещё на стадии подготовки к ней. Изначально заявленная тема конференции — разоружение — лишь косвенно затрагивала Дальний Восток, однако вскоре выяснилось, что проблемы Азиатско-Тихоокеанского региона займут первое место в повестке [Безруков, 2015]. В принципе, противостояние большевизму могло быть увязано и с вопросами разоружения, о чём почти за 4 месяца до открытия конференции рассуждал И. Люблинский в «Слове». Мирного сосуществования государств, по мнению автора, можно достичь только после устранения главного источника агрессии — коммунистического режима в Москве. «Не мешает также помнить, что, приступая к гуманной идее ограничения вооружения, надо приступить с чистыми руками и чистой совестью. Возможен ли мир в то время, когда иностранные наемные полчища мадьяр, латышей, турок, китайцев и др. под руководством интернациональных большевиков разъедают и рвут на части тело России и производят избиение русского беззащитного народа на глазах у всего цивилизованного мира. Не должно ли послужить первой задачей созываемой конференции прекращение этого позорного дела» [Люблинский, 1921, с. 1]. Люблинский апеллировал ко вкладу России в победу союзников в первой мировой войне, в знак благодарности за который победители обязаны озаботиться ликвидацией большевизма.

Правительство заранее готовилось к отправке делегации в Вашингтон. Острогу этому вопросу добавляло соперничество с делегацией ДВР, которая также изъявила желание посетить конференцию. Обсуждался состав делегации, её представительность: кроме уполномоченных ВПП, в Вашингтон собирались поехать члены эмигрантских организаций из таких крупных центров «русского рассеяния», как Париж, Берлин и Константинополь. «Русский край» призывал к единению ради лучшей репрезентации на международной арене: «Русская национальная мысль должна сплотиться, чтобы не допустить новой продажи интересов России коммунистами в Вашингтоне, если проект о допущении туда большевиков будет близок к осуществлению» [Нельзя допустить, 1921, с. 1]. В приморскую делегацию, кроме членов правительства и совета управляющих ведомствами, предполагалось включить представителей Народного Собрания, военных и торгово-промышленников, но Указ ВПП № 52 от 16 ноября 1921 года

подтвердил участие лишь Н. Д. Меркулова, генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата, управляющего ведомством иностранных дел В. С. Колесникова и особоуполномоченного ВПП в США И. К. Окулича. В итоге в Вашингтон отправились только Колесников и Окулич [Цветков, 2016, с. 440].

Прецедент совместной работы разных центров антибольшевистского движения, как внутрироссийских (в лице прежде всего ВПП), так и эмигрантских, вдохновлял приморских публицистов. «Словом» был сделан вывод, что после подключения к конференции эмигрантов «в Вашингтоне образуется крупное несоциалистическое объединение русского представительства» [Приморцев, 1921, с. 1]. С другой стороны, возможность самостоятельных действий эмигрантов, не скованных обязательствами перед меркуловским режимом или даже скептически относившихся к ВПП, настораживала Владивосток. «Русский край» писал, что владивостокское правительство, которое «представляет собою небольшой клочок живого государства», лучше справится с представительством России на конференции, чем «остатки бюрократии», которые «представляют от имени очень крупного, но, к сожалению, безжизненного в настоящий момент государственного тела» [Должна быть послана делегация, 1921, с. 2] (под приведённую характеристику «бюрократии» подпадает, в частности, русское посольство в Вашингтоне во главе с Б. А. Бахметевым).

Главным идеологическим документом, призванным обозначить и укрепить позиции Приморья на Вашингтонской конференции, стал меморандум ВПП на имя государственного секретаря США Чарльза Хьюза. Он был передан американской стороне в конце декабря 1921 года, сразу по приезде В. С. Колесникова в США. Меморандум характеризовал ВПП как «временную организацию, которая существует для борьбы с большевизмом и для того, чтобы помочь возрождению Демократической России» [Цветков, 2016, с. 442]. В нём содержались основные сведения об истории прихода ВПП к власти, его программе, государственном устройстве Приморья, территориальных границах и населении, давалась взвешенная оценка японской интервенции [Там же, с. 442—443].

Окулич, имея собственные представления о внешнеполитических приоритетах Приморья, без согласования с Колесниковым предпринял самостоятельную попытку добиться расположения американских элит и 5 декабря представил в Государственный Департамент США сведения о насилиях японских войск на российском Дальнем Востоке, в особенности на русской части Сахалина. Используя статус особоуполномоченного ВПП, Окулич указал в рассылаемом на имя американских сенаторов и российских послов обращении на необходимость вывода японских войск с российской территории. Этот демарш осложнил положение ВПП, в результате

чего Окулич был лишён полномочий, а его поступок официально дезавуирован Колесниковым [Там же, с. 444].

Деятельность Колесникова в Вашингтоне не возымела практического эффекта. В письме управляющему ведомством иностранных дел во Владивостоке от 16 января 1922 года он сообщал, что американская пресса «куплена» большевиками, а интервью с ним «напечатали в таком извращенном виде, что просто оторопь берет» [Письмо В. С. Колесникова, 1922, с. 1]. Лоббирование интересов просоветского буфера выразилось в издании на английском языке конституции ДВР и брошюры «История возникновения ДВР». По словам Колесникова, большое влияние на общественное мнение оказывала работа американских журналистов, побывавших в ДВР: Аббота, Дэвиса и Ф. Маккормика. Истинное положение дел на Дальнем Востоке фальсифицировалось через некорректные картографические образы: «На изданной в Нью-Йорке карте ДВР тянется “от берегов Великого океана”, а Владивосток занят лишь “бандой реакционеров и контрреволюционеров”» [Там же]. Не удалось достичь взаимопонимания и с эмиграцией: приехавший в Вашингтон П. Н. Милюков рассматривал «белоповстанческий» поход на Хабаровск как чисто японское предприятие и поэтому относился к нему негативно, Б. А. Бахметев был недоволен тем, что меркуловское правительство носит титул регионального, а не всероссийского [Там же]. Несмотря на то, что главная цель — международное признание Приморского государственного образования — не была достигнута, во время пребывания на конференции В. С. Колесникову удалось завести полезные знакомства, потенциал которых мог быть раскрыт в будущем. Кроме того, ВПП получило ценный опыт переговоров с высшими должностными лицами иностранных государств.

4. Заключение

Таким образом, внешнеполитическая доктрина правительства С. Д. Меркулова имела основанием тезис о разнонаправленности интересов «подлинной России» (белого Приморья) и «Совдепии» / «Тобельсонии» (РСФСР и ДВР). Дипломатические усилия Владивостока были направлены на привлечение внимания иностранцев к перспективам сотрудничества с русскими антибольшевиками и, соответственно, к опасности любых контактов с Советской Россией как источником «революционной угрозы».

Приморская публицистика 1921—1922 годов не ограничивала себя исключительно дальневосточной проблематикой, но выходила на глобальный уровень обобщений — авторы пытались понять механику международных отношений внутри Версальской системы, прогнозировали те или иные межгосударственные союзы, ища в них возможную выгоду для Белого движения.

Отправка делегации ВПП на конференцию в Вашингтоне преследовала цель добиться официального признания со стороны мирового сообщества или, по крайней мере, помешать конкурентам из ДВР достигнуть того же. При этом посланники ВПП не нашли взаимопонимания с русскими эмигрантскими кругами, также проявившими интерес к конференции. Негативно сказались и противоречия между позициями особоуполномоченного в США И. К. Окулича и министра иностранных дел В. С. Колесникова. После неудачи с поездкой в США дальневосточным противникам большевизма оставалось надеяться только на отсрочку вывода японских войск из Приморья.

В целом же для идеологических программ антибольшевистских режимов в Приморье в 1921—1922 годах был характерен баланс между стремлением подтолкнуть иностранные государства к активной борьбе с большевизмом и задачей не допустить при этом ущемления интересов России.

Тема внешней политики ВПП, естественно, не исчерпывается «русским антибольшевистским взглядом» на мировые события. В дальнейших исследованиях предстоит выяснить, как белое Приморье 1921—1922 годов воспринималось в оптике иностранных внешнеполитических структур.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р936 (Управление делами Временного Приамурского Правительства. Владивосток). Оп. 1. Д. 11. Л. 144 (с об) ; Ф. Р942 (Управление иностранными делами Временного Приамурского Правительства. Владивосток). Оп. 1. Д. 54. Л. 3—3 об.

2. *Должна* быть послана делегация // Русский край : газета. — 1921. — № 137. — С. 2.

3. *Каве*. В день Св. князя Александра Невского / Каве // Русский край : газета. — 1921. — № 84. — С. 2.

4. *Каэль*. Мировые сдвиги / Каэль // Слово : газета. — 1921а. — № 330. — С. 1.

5. *Каэль*. Новое в русском вопросе / Каэль // Слово : газета. — 1921б. — № 346. — С. 4.

6. *Люблинский И.* Кое-что о Вашингтонской конференции / И. Люблинский // Слово : газета. — 1921. — № 361. — С. 1.

7. *О польско-советском соглашении* // Слово : газета. — 1921. — № 478. — С. 1.

8. *От Председателя Врем. Приамурского Правительства* // Вестник Временного Приамурского Правительства : газета. — 1922. — № 28. — С. 3.

9. *Письмо В. С. Колесникова* // Вечерняя газета : газета. — 1922. — № 231. — С. 1.

10. *Приморцев А. В* Вашингтоне / А. Приморцев // Слово : газета. — 1921. — № 434. — С. 1.

11. *Резолюция* несоциалистическ. организаций // Голос Родины : газета. — 1920. — № 106. — С. 2.

12. *Руднев С. П.* Воспоминания. При вечерних огнях / С. П. Руднев. — Харбин : Заря, 1927. — 467 с.

13. *Русский вопрос* — международный // Русский край : газета. — 1921. — № 77. — С. 1.

14. *Россия и соседи* // Слов : газета. — 1921. — № 430. — С. 1.

15. *Экономические перспективы* // Слово : газета. — 1921. — № 411. — С. 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безруков Д. А. Вашингтонская конференция по ограничению морских вооружений как фактор зарождения потенциальных узлов противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Д. А. Безруков // Вестник ВятГУ. — 2015. — № 5. — С. 30—34.
2. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918—1920 годах : Краткие очерки истории / В. И. Василевский. — Чита : Поиск, 2000. — 182 с. — ISBN 5-93119-044-9.
3. Кожевников В. А. Прогерманская ориентация в антибольшевистском движении в Сибири и на Дальнем Востоке / В. А. Кожевников // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.) : сборник научных статей. — Хабаровск : Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова, 2000. — Выпуск 2. — С. 25—35. — ISBN 5-87155-050-9.
4. Конев К. А. «Доблестные союзники» или «симулированные друзья» : интервенция США в изображении периодической печати Сибири и Дальнего Востока / К. А. Конев // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 2—6 (62). — С. 275—280.
5. Косых Е. С. Становление советско-американских торгово-экономических отношений (1918—1923 гг.) / Е. С. Косых // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 10—3 (60). — С. 99—102.
6. Кошкарева С. Г. Камчатка в системе АТР (Из исторического опыта первой половины XX века) / С. Г. Кошкарева // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. — 2018. — № 1 (31). — С. 9—14.
7. Ляхов Д. А. Небольшевистские модели политического устройства Дальнего Востока России (конец 1919—1922 гг.) / Д. А. Ляхов. — Хабаровск : Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова, 2015. — 188 с. — ISBN 978-5-94961-095-4.
8. Попов Ф. А. Закрытие российского посольства в Китае в контексте политико-идеологической борьбы на Дальнем Востоке России (1920) / Ф. А. Попов // История : факты и символы. — 2016. — № 4 (9). — С. 122—133.
9. Попов Ф. А. Образ японской интервенции в русской дальневосточной прессе : политика и повседневность (1920—1922) / Ф. А. Попов // История : факты и символы. — 2019. — № 3 (20). — С. 22—32. — DOI: 10.24888/2410-4205-2019-20-3-22-32.
10. Саблин И. Дальневосточная республика : от идеи до ликвидации / И. Саблин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2020. — 480 с. — ISBN 978-5-4448-1240-2.
11. Стельмак М. М. Образ Японии в антибольшевистской правительственной прессе Западной Сибири в период Российского правительства А. В. Колчака (ноябрь 1918 — декабрь 1919 г.) / М. М. Стельмак // Вестник Томского государственного университета. История. — 2021. — № 69. — С. 171—181. — DOI: 10.17223/19988613/69/25.
12. Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920—1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) / В. Ж. Цветков. — Москва : Достояние, 2016. — Ч. 2. — 640 с.
13. Ципкин Ю. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России : формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917—1922 гг.) / Ю. Н. Ципкин. — Хабаровск : Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова, 2012. — 246 с. — ISBN 978-5-94961-066-4.
14. Шишкин В. И. Геополитическая роль русского Дальнего Востока в период Великой войны 1914—1922 гг. / В. И. Шишкин // Гражданская война и иностранная интер-

венция на Российском Дальнем Востоке : уроки истории. Материалы второй Международной научной конференции, посвященной 90-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции на российском Дальнем Востоке (Владивосток, 25—27 октября 2012 г.). — Владивосток : Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. — С. 74—80.

15. Шмелев А. В. Внешняя политика правительства адмирала А. В. Колчака (1918—1919) / А. В. Шмелев. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 266 с. — ISBN 978-5-94380-221-8.

MATERIAL RESOURCES

- A delegation should be sent. (1921). *Russian Territory: gazeta*, 137: 2. (In Russ.).
- About the Polish-Soviet agreement. (1921). *Slovo: gazeta*, 478: 1. (In Russ.).
- Economic prospects. (1921). *Slovo: gazeta*, 411: 2. (In Russ.).
- From the Chairman Of the Time. The Amur Government. (1922). *Bulletin of the Provisional Amur Government: a newspaper*, 28: 3. (In Russ.).
- Kael. (1921). New in the Russian question. *Slovo: gazeta*, 346: 4. (In Russ.).
- Kael. (1921). World shifts. *Slovo: gazeta*, 330: 1. (In Russ.).
- Kave. (1921). On the day of St. Prince Alexander Nevsky. *Russian Krai: gazeta*, 84: 2. (In Russ.).
- Letter of V. S. Kolesnikov. (1922). *Evening newspaper: newspaper*, 231: 1. (In Russ.).
- Lublinsky, I. (1921). Something about the Washington conference. *Slovo: gazeta*, 361: 1. (In Russ.).
- Primortsev, A. (1921). In Washington. *Slovo: gazeta*, 434: 1. (In Russ.).
- Resolution of the non-socialist. Organizations. (1920). *Golos Rodina: gazeta*, 106: 2. (In Russ.).
- Rudnev, S. P. (1927). *Memoirs. At evening lights*. Harbin: Zarya. 467 p. (In Russ.).
- Russia and its neighbors. (1921). *Words: gazeta*, 430: 1. (In Russ.).
- Russian question-international. (1921). *Russky Krai: gazeta*, 77: 1. (In Russ.).
- State Archive of the Russian Federation. F. P936 (Department of Affairs of the Provisional Amur Government. Vladivostok). Op. 1. d. 11. l. 144 (with ob); F. P942 (Department of Foreign Affairs of the Provisional Amur Government. Vladivostok). Op. 1. d. 54. l. 3—3 vol.* (In Russ.).

REFERENCES

- Bezrukov, D. A. (2015). Washington conference on the limitation of naval armaments as a factor in the origin of the potential contradictions in the Asia-Pacific region. *Bulletin of Iyatgu*, 5: 30—34. (In Russ.).
- Konev, K. A. (2015). “Gallant allies” or “fake friends”: the US intervention in the image periodicals Siberia and the Far East. *Bulletin of Kemerovo state University*, 2—6 (62): 275—280. (In Russ.).
- Koshkareva, S. G. (2018). Kamchatka in the APR system (From the historical experience of the first half of the XX century). *Bulletin of KRAUNTS. Humanities*, 1 (31): 9—14. (In Russ.).
- Kosykh, E. S. (2015). The formation of Soviet-American trade and economic relations (1918—1923). Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural

- studies and art criticism. *Questions of theory and practice*, 10—3 (60): 99—102. (In Russ.).
- Kozhevnikov, V. A. (2000). Pro-German orientation in the anti-Bolshevik movement in Siberia and the Far East. In: *From the history of the Civil War in the Far East (1918—1922): A collection of scientific articles*, 2. Khabarovsk: Khabarovsk regional Museum named after N. I. Grodekova I. 25—35. ISBN 5-87155-050-9. (In Russ.).
- Lyakhov, D. A. (2015). *Non-Bolshevik models of the political structure of the Russian Far East (late 1919—1922)*. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov. 188 p. ISBN 978-5-94961-095-4. (In Russ.).
- Popov, F. A. (2016). The closure of the Russian Embassy in China in the context of the political and ideological struggle in the Russian Far East (1920). *History: facts and symbols*, 4 (9): 122—133. (In Russ.).
- Popov, F. A. (2019). The image of the Japanese intervention in the Russian Far Eastern press: politics and everyday life (1920—1922). *History: facts and symbols*, 3 (20): 22—32. DOI: 10.24888/2410-4205-2019-20-3-22-32. (In Russ.).
- Sablin, I. (2020). *The Far Eastern Republic: from the idea to liquidation*. Moscow: New Literary Review. 480 p. ISBN 978-5-4448-1240-2. (In Russ.).
- Shishkin, V. I. (2012). The geopolitical role of the Russian Far East during the Great War of 1914—1922. In: *Civil war and foreign intervention in the Russian Far East: lessons of history. Materials of the second International Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of the end of the Civil War and foreign intervention in the Russian Far East (Vladivostok, October 25—27, 2012)*. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University. 74—80. (In Russ.).
- Shmelev, A. V. (2017). *Foreign policy of the government of Admiral A. V. Kolchak (1918—1919)*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 266 p. ISBN 978-5-94380-221-8. (In Russ.).
- Stelmak, M. M. (2021). The image of Japan in the anti-Bolshevik government press of Western Siberia during the Russian government of A. V. Kolchak (November 1918 — December 1919). *Bulletin of the Tomsk State University. History*, 69: 171—181. DOI: 10.17223/19988613/69/25. (In Russ.).
- Tsipkin, Yu. N. (2012). *The Civil War in the Russian Far East: the formation of anti-Bolshevik regimes and their collapse (1917—1922)*. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov. 246 p. ISBN 978-5-94961-066-4. (In Russ.).
- Tsvetkov, V. Zh. (2016). *White business in Russia. 1920—1922 (formation and evolution of the political structures of the White Movement in Russia)*, 2. Moscow: Dignity. 640 p. (In Russ.).
- Vasilevsky, V. I. (2000). *Zabaykalsky white statehood in 1918—1920: a Brief history*. Chita: Search. 182 p. ISBN 5-93119-044-9. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Самохин К. В. Сезонная динамика брачности и рождаемости населения Тамбовской губернии в 1915—1916 годах : опыт модернизации / К. В. Самохин // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 450—467. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-450-467.

Samokhin, K. V. (2021). Seasonal Dynamics of Marriage and Fertility of Population of Tambov Province in 1915—1916: Experience of Modernization. *Nauchnyi dialog*, 9: 450-467. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-450-467. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-450-467

**Сезонная динамика
брачности и рождаемости
населения Тамбовской
губернии в 1915—
1916 годах:
опыт модернизации**

Самохин Константин Владимирович
orcid.org/0000-0002-0120-7682
кандидат исторических наук, доцент
кафедра «История философия»
kon-sam@yandex.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

**Seasonal Dynamics
of Marriage and Fertility
of Population of Tambov
Province in 1915—1916:
Experience of Modernization**

Konstantin V. Samokhin
orcid.org/0000-0002-0120-7682
PhD in History, Associate Professor
Department of History of Philosophy
kon-sam@yandex.ru

Tambov State
Technical University
(Tambov, Russia)

© Самохин К. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается помесечная брачность и рождаемость населения Тамбовской губернии в 1915—1916 годах. Методологической основой работы стала теория модернизации, которая автором в контексте истории России XIX — первой половины XX веков рассматривается в классической трактовке перехода от традиционного общества к современному. Новизна статьи заключается во введении данных о сезонной динамике брачности и рождаемости тамбовчан периода Первой мировой войны в научный оборот. Проводится компаративный анализ соответствующих числовых индикаторов у горожан и сельчан в 1915—1916 годах с показателями довоенного периода. Автор приходит к выводу, что сезонная динамика брачности и рождаемости может использоваться как количественное обоснование таких направлений духовной модернизации, как уровень секуляризации и склонность к инновациям. Проведенный анализ показывает, что общая модель демографического поведения тамбовчан в целом коррелирует с предыдущими периодами. Автор приходит к выводу, что выявленные различия между горожанами и сельчанами Тамбовской губернии в исследуемом плане свидетельствуют о большей склонности первых к инновациям и их более высоком уровне секуляризации, а это подтверждает положение о том, что тамбовский социум находился на начальном этапе духовной модернизации.

Ключевые слова:

брачность; рождаемость; сезонность; модернизация; Тамбовская губерния; Первая мировая война; уровень религиозности; склонность к инновациям; традиционность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The monthly marriage and birth rate of the population of the Tambov province in 1915—1916 is considered in the article. The methodological basis of the work was the theory of modernization, which is considered by the author in the context of the history of Russia in the 19th — first half of the 20th centuries in the classical interpretation of the transition from traditional society to modern. The novelty of the article lies in the introduction into the scientific circulation of data on the seasonal dynamics of marriage and fertility of the Tambovites during the First World War. A comparative analysis of the corresponding numerical indicators among the townspeople and villagers in 1915—1916 with the pre-war period is carried out. The author comes to the conclusion that the seasonal dynamics of marriage and fertility can be used as a quantitative substantiation of such directions of spiritual modernization as the level of secularization and the propensity to innovate. The analysis shows that the general model of the demographic behavior of Tambov residents is generally correlated with the previous periods. The author comes to the conclusion that the revealed differences between the townspeople and villagers of the Tambov province in the studied plan indicate a greater inclination of the former to innovations and their higher level of secularization, and this confirms the position that the Tambov society was only at the initial stage of spiritual modernization.

Key words:

marriage rate; fertility; seasonality; modernization; Tambov province; World War I; the level of religiosity; propensity for innovation; traditionality.

Сезонная динамика брачности и рождаемости населения Тамбовской губернии в 1915—1916 годах: опыт модернизации

© Самохин К. В., 2021

1. Сезонность брачности и рождаемости: проблемы исследования в отечественной истории

Сезонная динамика брачности и рождаемости населения Российской империи нечасто становилась объектом для исследования в отечественной исторической науке. Это объясняется тем, что указанные показатели нуждаются в специальном статистическом обосновании, а необходимые количественные данные нередко отсутствуют в архивных фондах. В качестве другой причины можно выделить наличие определенной направленности исторических исследований, которая обуславливалась идеологическими факторами, имевшими место в СССР. Еще одним немаловажным аспектом в данном случае является отсутствие долгое время соответствующей материальной-исследовательской базы как у отечественных дореволюционных, так и у советских историков и демографов, которая бы позволила не только вычислить, но и скоррелировать имеющиеся данные.

Кардинальные изменения произошли на рубеже 1980-х — 1990-х годов, когда компьютерные технологии стали активно включаться в проведение широкого круга научных работ, в том числе и историко-демографических. Другим фактором, определившим развитие последних, было то, что препоны, обусловленные «железным занавесом», во многом были сняты и наметилось достаточно деятельное сотрудничество отечественных специалистов с зарубежными [Кончаков, 2001, с. 21—33].

Все это привело к буму микроисторических исследований, которые сосредоточивались на глубоком анализе и проработке единичных фактов и явлений. Однако последние не всегда собирались в целостное полотно, дающее возможность вскрыть наметившиеся тенденции не только на макро-, но и на мезоисторическом уровне. При этом исследователи, работавшие в русле микроисторических концепций, отмечали определенную опасность для экстраполяции полученных результатов не только на макро-, но и даже на мезоуровень [Аврех и др., 2002, с. 4]. Конечно, последний также не исключает возможности ошибки в результате исторических обобщений, выводящих на макроуровень, тем не менее он является более предпочтительным в данном отношении. С учетом сказанного выше можно за-

ключить, что представленная в работе проблематика является достаточно актуальной и имеет, на наш взгляд, определенный исследовательский потенциал.

Еще одной причиной необходимости проведения исследований сезонной динамики брачности и рождаемости являются проблемы определения уровня духовной модернизации населения Российской империи. Этот процесс, на наш взгляд, имеет следующие характеристики: замена традиционного способа мышления инновационным; переход от коллективизма, основанного на общинных отношениях и патриархальных устоях, к индивидуализму; транзит от монархических представлений к либеральным ценностям, а также секуляризация общественного сознания. Именно на возможности определения первой и последней из перечисленных как наиболее близких к теме нашего исследования мы и обратим особое внимание.

Если говорить об историографии помесячной динамики брачности и рождаемости населения Тамбовской губернии, то на зависимость количества совершаемых браков и зачатий от ритма земледельческих работ, а также церковных правил обращали внимание еще в дореволюционный период. В частности, земский врач В. И. Никольский в своей диссертации отмечает минимальное количество браков на основе статистики по Тамбовскому уезду в 1871—1881 годах в августе (помимо марта и декабря, на которые приходились посты). Фиксируя максимум заключенных браков в октябрь-ноябре и январе-феврале, он делает вывод, что осенний период преобладает над зимним, и объясняет этот факт тем, что «население осенью чувствует себя наиболее состоятельным» [Никольский, 1885, с. 110—111].

Минимум зачатий у тамбовских крестьян в указанный выше период, что было установлено на основе факта минимума рождений в декабре, В. И. Никольский отмечает в марте, интерпретируя данное соотношение плохим питанием и Великим постом. Максимумы рождений, по мнению земского врача, приходятся на три периода: 1) бытовой (июнь-июль с зачатиями в сентябре-октябре); 2) праздничный — зимний — (октябрь с зачатиями в январе); 3) космический (февраль с зачатиями в мае). Последний выделяется на основе поправок, сделанных в связи с тем, что записи в метрических книгах священники заканчивали делать не в последний день декабря, а раньше, потому часть рождений записывалась январем.

Также тамбовский врач выделяет 3 периода минимума рождений: декабрьский (с зачатиями в марте), апрельский (с зачатиями в июле) и сентябрьский (с зачатиями в декабре). При этом, проводя корреляцию между количеством браков и зачатий, В. И. Никольский усматривает определенную зависимость, но считает ее неосновной. Главной причиной таких колебаний, по его мнению, является земледельческий календарь: загружен-

ность во время полевых работ или отдых от них, сытые месяцы после сбора урожая, обильность питания во время церковных праздников (Рождество) или его скудность после мясоеда, на которую накладываются ограничения Великого поста. При этом подъем рождаемости оценивается как менее значимый, поскольку организм крестьянина очень истощен [Никольский, 1885, с. 97—103]. Такой, по мнению дореволюционного тамбовского исследователя, выглядела модель сезонной брачности и рождаемости у сельского населения в Тамбовском уезде, которая фактически являлась одним из подтверждений приверженности тамбовских крестьян традиционному стилю ментальности, основывавшейся как на религиозности, так и на социальных нормах, складывавшихся у российского населения в течение многовекового периода его развития под воздействием социальной практики, связанной с циклом земледельческих работ.

Детальные исследования сезонной брачности и рождаемости начала прошлого столетия в масштабе Тамбовской губернии были продолжены лишь с 90-х годов XX века.

В. Л. Дьячков в качестве основного тезиса отстаивает следующее положение: «Крестьянин и в начале нашего столетия оставался по преимуществу биологическим, а не социальным существом, он жил прежде всего как часть биоценоза, а не ноосферы» [Дьячков, 2002, с. 18]. Исходя из этого утверждения, тамбовский историк с опорой на статистику родильных отделений фиксирует примерно равную во все времена года активность половой семейной жизни крестьян. При этом он отмечает ее небольшой рост в период свадеб и «мясоеда» и снижение в момент страды [Там же]. Также В. Л. Дьячков констатирует, что самая большая доля рождений приходится на июль — октябрь (30—50 %) [Там же].

Р. Б. Кончаков идет в своих исследованиях в общем русле концепции В. Л. Дьяčkова. В частности, он говорит о зависимости сезонной рождаемости сельского населения от физиологических, хозяйственных и в меньшей степени религиозных факторов традиционного общества. Пик рождаемости фиксируется тамбовским историком во второй половине лета и осенью, а наибольший спад — в декабре. Рост числа рождений объясняется наиболее благоприятными условиями для питания матери, когда уже собран урожай и обеспечен запас продовольствия на несколько месяцев вперед [Кончаков, 2001, с. 99—100].

Декабрьский минимум рождаемости, по мнению Р. Б. Кончакова, имеет достаточно дискуссионную объяснительную модель. Зависимость данного факта только лишь от степени благочестия паствы ставится им под сомнение. Он выделяет целый комплекс причин подобной статистики: природно-хозяйственный ритм, приводивший к падению брачной и поло-

вой активности к исходу зимы (в связи с истощением пищевых запасов) и ее повышению в весенний период; состояние здоровья крестьянки, зависящее от условий природы и труда и обуславливавшее сезонное падение регистрации новорожденных в связи с большим количеством выкидышей, мертворожденных и слабых новорожденных; церковные правила, запрещавшие регистрацию браков во время Рождественского и Великого постов, а также заставлявшие осуществлять перенос части фактов рождений и крещений при метрических записях с декабря на январь; и, наконец, относительно высокая степень суеверности крестьян, детерминировавшая перенос регистрации новорожденных с конца предыдущего года на начало нового [Кончаков, 2001, с. 100—113].

Также Р. Б. Кончаков фиксирует снижение рождаемости в апреле-мае. Апрельский минимум объясняется не столько падением половой активности крестьянства в конце июня — июле, сколько тяжелым трудом женщин в страду, приводившим к многочисленным выкидышам на ранних сроках беременности. Уменьшение рождаемости в мае в качестве причин могло иметь снижение половой активности в момент уборки урожая (август), а также в определенные периоды — голодные месяцы для крестьянок в момент рождения в отдельные годы [Там же, с. 114].

В. Б. Безгин с опорой на статистику, представленную в диссертации В. И. Никольского, приходит к выводу о том, что тамбовские крестьяне на рубеже XIX—XX веков в половых отношениях придерживались правил церковной регламентации [Безгин, 2017, с. 18].

Данные научные исследования дают представление о традиционной модели демографического поведения крестьянства Тамбовской губернии во второй половине XIX — начале XX веков. Они служат базой для сравнительной характеристики указанных показателей с периодом 1915—1916 годов, поскольку в этот момент Первая мировая война находилась в разгаре и оказывала влияние на демографическую ситуацию. Цель данной статьи — выяснить, насколько серьезно изменила Первая мировая война сезонную динамику брачности и рождаемости в Тамбовской губернии. Ответ на данный вопрос, по нашему мнению, позволит сделать определенные выводы о степени духовной модернизации населения региона, в частности, о его уровне религиозности и готовности к инновациям.

2. Влияние Первой мировой войны на показатели брачности и рождаемости в Тамбовской губернии

Проведем сравнительный анализ общего уровня брачности и рождаемости в Тамбовской губернии в 1915 и 1916 годах с показателями довоенного времени (табл. 1). В Государственном архиве Тамбовской области из

наиболее близких к началу Первой мировой войны имеются необходимые нам сведения только за 1910 год.

Таблица 1

Статистика брачности и рождаемости в Тамбовской губернии
в 1910, 1915 и 1916 годах

Место	1910 год		1915 год		1916 год	
	Браки	Рождения	Браки	Рождения	Браки	Рождения
По уезду			8325	137076	10090	103485
По городу			886	9942	1013	9358
Итого	23817	160186	9211	147018	11103	112843

Источник: [Обзор, 1912, с. 18—21; ГАТО, ф. 143, д. 10, л. 2—2 об, д. 12, л. 2—2 об.].

Опираясь на числовые данные, приведенные в таблице 1, необходимо констатировать сокращение количества заключенных браков на 61,33 % в 1915 году и на 53,38 % в 1916 году. Снижение данного показателя, безусловно, катастрофическое для тамбовского населения, было обусловлено призывом из сел и деревень Тамбовской губернии в действующую армию около 47,6 % мужчин трудоспособного возраста [Есиков, 1998, с. 43]. В целом намеченная тенденция соответствует сведениям, приведенным С. Д. Морозовым для 6 губерний Европейской России, Петрограда и Москвы. В частности, им отмечается падение числа заключенных браков по сравнению с 1913 годом на 46 % в 1915 году и на 44 % в 1916 году. При этом С. Д. Морозов фиксирует большую степень влияния реалий военного времени на брачность сельского населения по сравнению с городским. Такая особенность, по его мнению, связана с концентрацией военнотружеников, системой брони для мужчин, работавших на военных предприятиях и в некоторых гражданских учреждениях в городах [Морозов, 2014, с. 13—14]. Учитывая тот факт, что в Тамбовской губернии в исследуемый период преобладало сельское население, легко объяснить более существенный спад брачности в тамбовском регионе в сравнении с числовыми индикаторами, обозначенными С. Д. Морозовым.

Снижение количества рождений детей у тамбовского населения оказалось не таким радикальным: в частности, в 1915 году оно составило 8,2 %, а в 1916 году — уже 29,6 %. Причины подобного явления очевидны: мобилизации, проводимые в военный период и приводившие к сокращению уровня брачности; трудности военного времени, связанные с отсутствием нормальных условий для рождения детей и т. д. Различия, обнаруживающиеся при проведении корреляции между сокращением количества заключенных браков и рождений, объясняются наличием семей

со стажем, которые продолжали играть важную роль в воспроизводстве населения.

3. Помесячные показатели брачности населения Тамбовской губернии в 1915—1916 годах

Перейдем непосредственно к анализу месячной брачности и рождаемости в 1915 и 1916 годах в Тамбовской губернии для того, чтобы оценить радикальность влияния Первой мировой войны на эти показатели. Общие числовые данные приведены в таблице 2 представленной статьи. Для наглядности мы будем опираться на графики, построенные на основе процентной доли соответствующих цифр по каждому месяцу в общих показателях по губернии (см. табл. 3). При этом мы будем сосредоточивать свое внимание на различиях между городским и сельским населением, поскольку это сможет дать более объективное представление о степени религиозности и склонности к инновациям тамбовчан.

Для начала сравним общую тенденцию месячной брачности в уездах Тамбовской губернии в 1915 и 1916 годах (рис. 1).

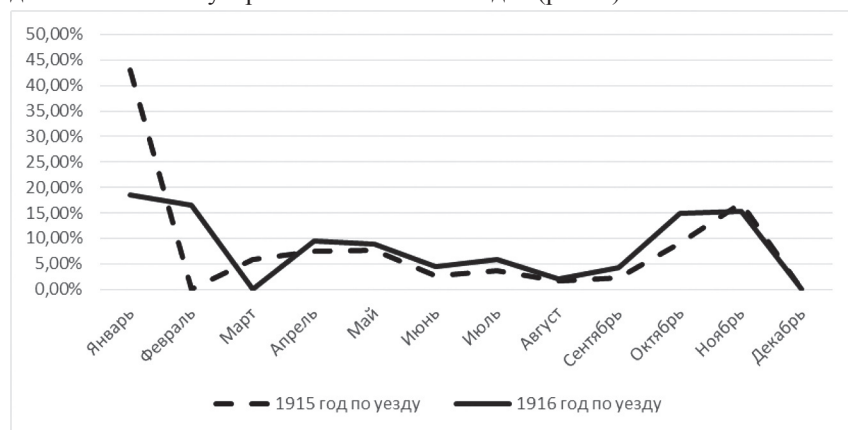

Рис. 1. Помесячная брачность в уездах в 1915 и 1916 годах

Обе кривые в целом имеют однообразные колебания. Существенные отличия отмечаются в январе — марте и октябре. В начальные месяцы года данная разница объясняется подвижностью Великого поста, который в 1915 году пришелся на период со 2 февраля по 21 марта, а в 1916 году — с 22 февраля по 9 апреля. Октябрьские же показатели могут быть объяснены, как мы предполагаем, следующим: возможно, в 1916 году в этом месяце в Тамбовскую губернию прибыло больше как беженцев, так и беглых

с фронта, тем более что такое явление регулярно отмечается начиная с октября 1915 года в отчетах темниковского исправника о состоянии дел во вверенном ему уезде [ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 9112, л. 13, д. 9658, л. 1, д. 9659, л. 8, д. 9662, л. 15—15 об., д. 9664, л. 3 об.].

Модель брачности в 1915—1916 годах мало чем отличалась от предыдущего времени. Пиковые значения приходятся на январь-февраль, а также ноябрь-декабрь. Минимум заключенных браков отмечается в феврале-марте (в зависимости от Великого поста), августе и декабре. Мы не видим оснований спорить с выводами предыдущих исследователей относительно причин выявленных нами колебаний: ритм сельскохозяйственных работ, обеспеченность крестьянского населения продуктами питания в соответствующие периоды, а также церковная регламентация.

Далее проанализируем помесечную брачность городского населения в Тамбовской губернии (рис. 2).

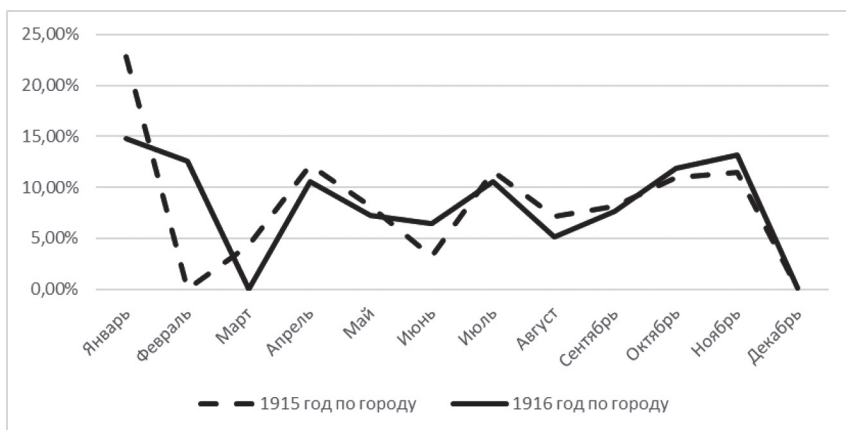

Рис. 2. Помесечные показатели брачности в городах в 1915 и 1916 годах

Общий рисунок для обеих кривых также свидетельствует об определенной корреляции. Как и у сельского населения, брачность горожан в 1915 и 1916 годах отличается существенно в январе — марте, что объясняется разницей в периоде Великого поста, в остальные месяцы (и даже в октябре) различия можно считать несущественными. Помесечные колебания в плане заключения браков среди горожан прослеживаются не столь явно, как среди крестьян. Те же пики отмечаются в январе-феврале и октябре-ноябре. Однако чуть менее «урожайными» в данном отношении будут апрель и июль. На городское население в этом случае практически не влиял ритм

сельскохозяйственных работ, потому в более явном виде прослеживается выполнение религиозных норм: апрель — период отложенных свадеб во время Великого поста, июль — время между Петровым и Успенскими постами. Минимум заключенных браков отмечен в феврале 1915 года и марте 1916 года (Великий пост); июне, августе и декабре — в оба года (соответственно, Апостольский, Успенский и Рождественские посты).

Сравнение уровня помесечной брачности для горожан и сельчан в 1915 и 1916 годах представлено на рис. 3 и 4.

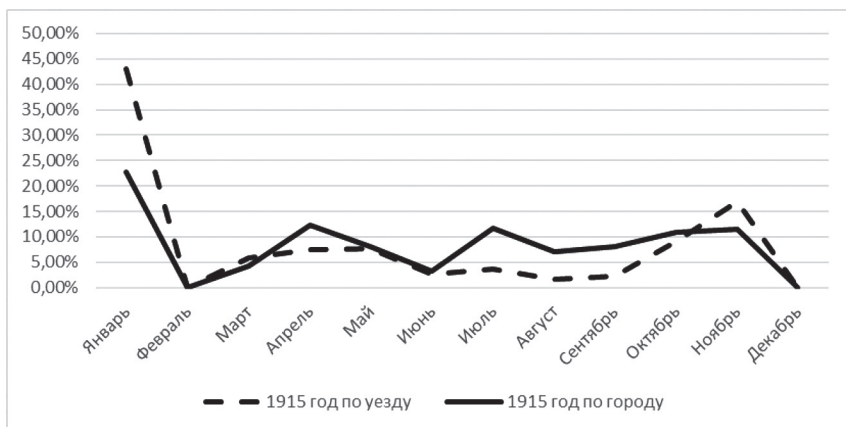

Рис. 3. Помесечная брачность в уездах и городах в 1915 году

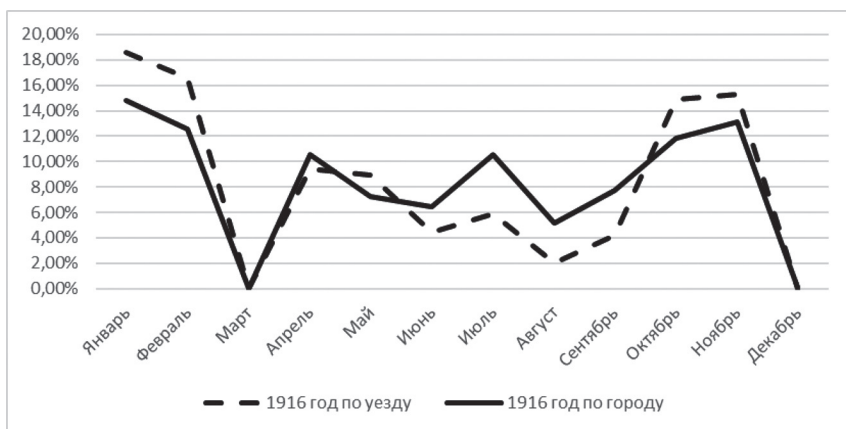

Рис. 4. Помесечная брачность в уездах и городах в 1916 году

Данные, представленные на графиках, в целом подтверждают высказанную нами мысль о том, что брачность городского населения в большей степени зависела от правил церковной регламентации. Здесь, на наш взгляд, следует говорить не столько об уровне религиозности, сколько о необходимости соблюдать церковные запреты: священники не решались брать на себя ответственность за венчание (или не хотели отражать факт венчания в метрических книгах) в запрещенные периоды, а другой формы заключения брака в дореволюционное время не было предусмотрено. Это не означает, что горожане Тамбовской губернии были в большей степени склонны соблюдать религиозные нормы, чем сельское население: в дополнение к церковным ограничениям на брачное поведение сельских жителей оказывал влияние цикл сельскохозяйственных работ.

4. Сезонная динамика рождаемости тамбовчан в 1915—1916 годах как фактор модернизации

В данной части исследования представим анализ сезонной динамики рождаемости, которая, на наш взгляд, более точно отражала степень секуляризации в ментальности российского социума в целом и тамбовчан, в частности.

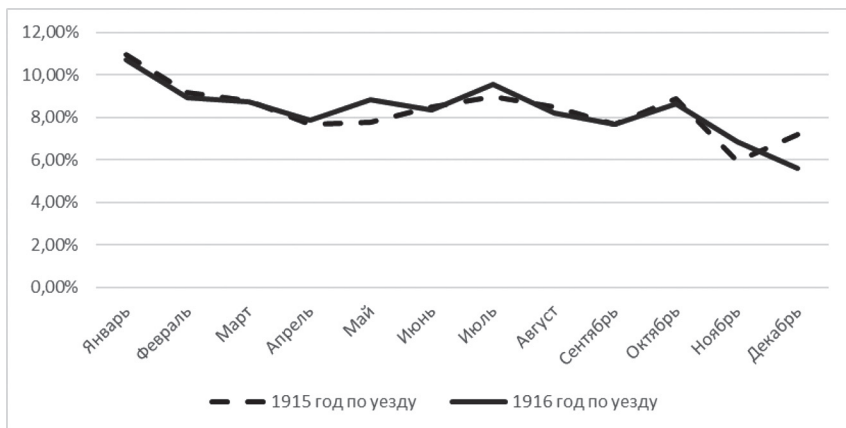

Рис. 5. Рождаемость в уездах в 1915, 1916 годах

Если сравнивать помесечное количество рождений в сельской местности в 1915 и 1916 годах (рис. 5), то, несмотря на существенное уменьшение абсолютных числовых данных, налицо почти полная синхронность кривых на рис. 5. Существенная разница отмечается в мае, ноябре и декабре.

Различия в цифровых индикаторах в конце года достаточно логично объясняются подвижностью Великого поста. Минимум рождений в 1915 году пришелся на ноябрь, что по зачатиям соответствует февралю, который полностью был охвачен церковными запретами на вкушение плотских радостей. Аналогично выглядит ситуация и в 1916 году, когда в декабре отмечено самое малое число рождений, коррелирующее по зачатиям с мартом, на который пришлось основное время Великого поста. Но как мы видим, это значение не нулевое, а чуть менее 6 %: конечно, в данном случае можно делать поправку на рождение недошенных детей, но определенный уровень секуляризации эта цифра отражает.

Что касается майской разницы, то речь в данном случае идет об 1 %, а это, на наш взгляд, не является существенным.

В целом по минимумам и максимумам сезонная рождаемость соответствует традиционной модели: пиковое число рождений фиксируется в январе-феврале, июле и октябре, самые малые значения отмечаются в ноябре-декабре, апреле и сентябре. Однако обе кривые в целом не дают каких-то серьезных расхождений по месяцам, за исключением ноябрьско-декабрьского минимума.

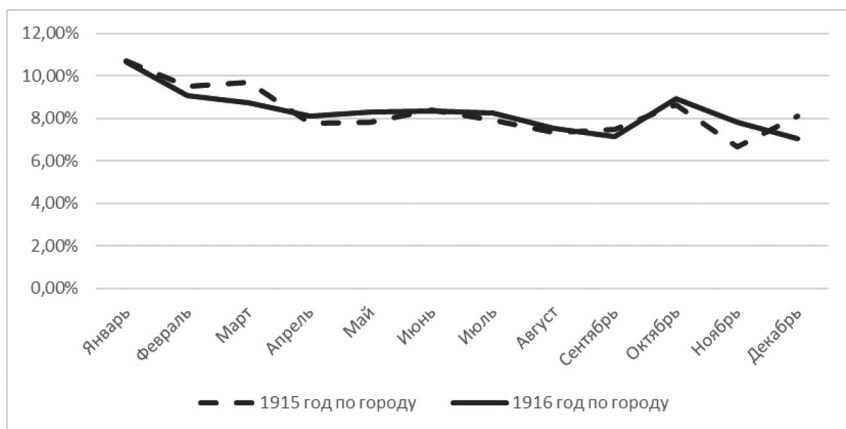

Рис. 6. Рождаемость в городах в 1915 и 1916 годах

Еще более ровной картина выглядит в отношении рождаемости в городах (рис. 6). Здесь также выделяются январско-февральский и октябрьский максимумы, а также сентябрьский и ноябрьско-декабрьский минимумы. Однако даже в конце года рождаемость в городах превышала 6 % от общего количества за год, что говорит о меньшей склонности горожан подчи-

няться правилам церковной регламентации, а следовательно, и о большей степени секуляризации их сознания. В наглядном виде этот вывод представлен на рис. 7 и 8.

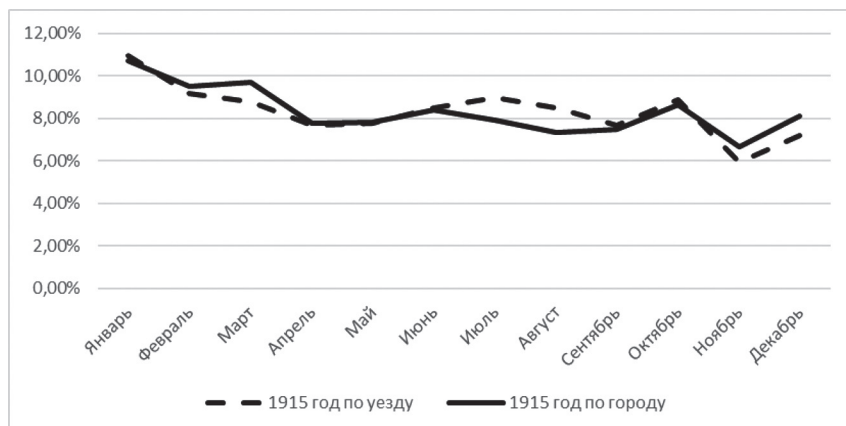

Рис. 7. Рождаемость в городах и уездах в 1915 году

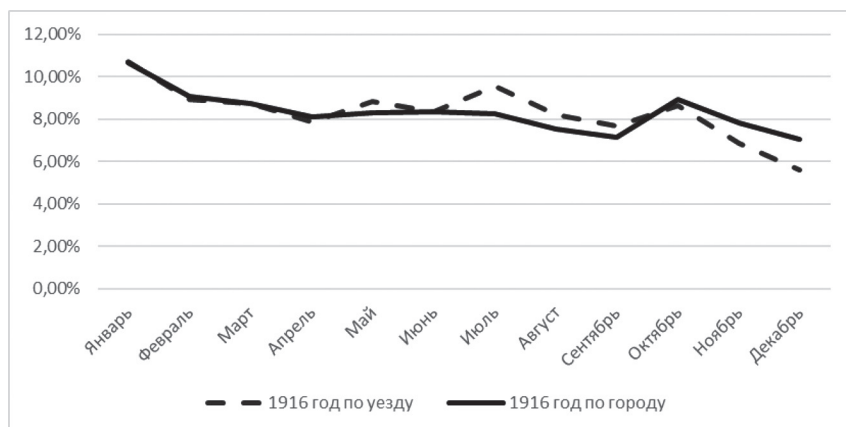

Рис. 8. Рождаемость в уездах и городах в 1916 году

Очевидно, что меньшая степень искривленности помесечного графика рождаемости характерна для городского населения, хотя влияние правил церковной регламентации он все равно отражает.

Далее (табл. 2 и 3) приведены обобщенные данные, иллюстрирующие ситуацию брачности и рождаемости в Тамбовской губернии в изучаемый период.

Помесячная брачность и рождаемость в Тамбовской губернии 1915—1916 годов

Подсчитано по: [ГАТО, ф. 143, д. 10, л. 2—20б, д. 12, л. 2—20б.]

Таблица 3

Помесячная брачность и рождаемость в Тамбовской губернии 1915—1916 годов (в %).

Месяцы	Количество браков				Количество рождений							
	1915 год			1916 год			1915 год			1916 год		
	По уез-ду	По го-роду	Итого	По уез-ду	По го-роду	Итого	По уез-ду	По го-роду	Итого	По уез-ду	По го-роду	Итого
Январь	42,98	22,80	41,04	18,57	14,81	18,23	10,98	10,70	10,96	10,74	10,66	10,73
Февраль	0,00	0,00	0,00	16,55	12,54	16,18	9,17	9,49	9,19	8,91	9,09	8,93
Март	5,87	4,29	5,72	0,00	0,00	0,00	8,81	9,68	8,87	8,75	8,75	8,76
Апрель	7,41	12,19	7,87	9,38	10,56	9,52	7,66	7,79	7,67	7,85	8,13	7,87
Май	7,71	8,13	7,75	8,92	7,21	8,76	7,75	7,80	7,75	8,83	8,29	8,79
Июнь	2,70	3,27	2,76	4,44	6,42	4,62	8,50	8,39	8,49	8,35	8,34	8,35
Июль	3,60	11,62	4,37	5,86	10,56	6,28	8,96	7,94	8,89	9,54	8,26	9,43
Август	1,61	7,11	2,13	1,98	5,13	2,27	8,49	7,32	8,42	8,23	7,55	8,17
Сентябрь	2,16	8,13	2,74	4,16	7,70	4,48	7,67	7,48	7,66	7,66	7,13	7,61
Октябрь	9,01	10,95	9,20	14,88	11,85	14,60	8,86	8,65	8,85	8,65	8,92	8,67
Ноябрь	16,94	11,51	16,42	15,26	13,13	15,06	5,95	6,67	5,99	6,87	7,81	6,95
Декабрь	0,01	0,00	0,00	0,00	0,09	0,00	7,20	8,09	7,26	5,62	7,07	5,74
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Подсчитано по: [ГАТО, ф. 143, д. 10, л. 2—2об, д. 12, л. 2—2об.]

5. Заключение

Таким образом, показатели сезонной брачности и рождаемости, особенно в компаративном аспекте, сельского и городского населения, вполне могут быть использованы в качестве одного из возможных индикаторов для определения уровня религиозности и склонности к инновациям российского социума. В данном случае важную роль играет отказ от традиционной модели брачности и рождаемости, которая сложилась в течение многовекового развития русского народа и определялась циклом земледельческих работ, а также правилами церковной регламентации.

В качестве объяснительной модели для обозначенных процессов, на наш взгляд, следует использовать теорию модернизации. При этом изменения сезонной брачности и рождаемости, которые в идеале должны приводить к примерно равному количеству заключенных браков и рождений, имеющих место каждый месяц, следует расценивать как одно из явных свидетельств модернизированности социума, особенно в плане его духовного перехода от традиционного общества к индустриальному.

Опираясь на проведенный выше анализ сезонной брачности и рождаемости в 1915 и 1916 годах в Тамбовской губернии, необходимо отметить, что уровень религиозности и склонности к инновациям еще не достиг необходимых значений для того, чтобы сделать вывод о состоявшейся духовной модернизации. Однако имеющиеся различия в демографическом поведении городского и сельского населения свидетельствуют о наметившейся тенденции в данном отношении. Даже такой крупномасштабный конфликт, как Первая мировая война, которая стала определенным водоразделом для развития западной цивилизации в модернизационном плане, не смогла оказать решающего воздействия, но свою лепту она в данном случае все-таки внесла. В частности, это международное противостояние отчасти привело к началу решения острой демографической проблемы, стоявшей перед русским социумом, аграрной перенаселенности. Об этом свидетельствуют сокращение числа заключенных браков и падение рождаемости по сравнению с довоенным периодом. Однако относительная стабильность сезонной брачности и рождаемости, которую демонстрировало тамбовское население в 1915 и 1916 годах, свидетельствует лишь о деформации традиционной модели демографического поведения.

Источники и принятые сокращения

1. ГАТО — *Государственный архив Тамбовской области*. Ф. 143 (Тамбовская губернская земская управа). Оп. 7. Д. 10. Л. 2—2 об. Д. 12. Л. 2—2 об.; Ф. 4 (Тамбовский наместник. Канцелярия Тамбовского губернатора). Оп. 1. Д. 9112. Л. 13. Д. 9658. Л. 1. Д. 9659. Л. 8. Д. 9662. Л. 15—15 об. Д. 9664. Л. 3 об.

2. *Обзор Тамбовской губернии за 1910 г.* — Тамбов, 1902. — С. 18—21.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврех А. Л. Естественнo-исторические условия модернизации аграрного общества. Тамбовская губерния, XIX—XX вв. Некоторые итоги и проблемы изучения / А. Л. Аврех, В. В. Канищев // Социальная история аграрной провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII—XX вв. : Материалы международной конференции (май 2002 г.) / отв. ред. В. В. Канищев. — Тамбов : Издательство ТГУ имени Г. Р. Державина, 2002. — С. 3—17.
2. Безгин В. Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи / В. Б. Безгин. — Москва : Ломоносовъ, 2017. — 248 с. — ISBN 978-5-91678-357-5.
3. Дьячков В. Л. Природно-демографические циклы как факторы российской истории, XIX — первая половина XX в. / В. Л. Дьячков // Социальная история аграрной провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII—XX вв. : Материалы международной конференции (май 2002 г.) / отв. ред. В. В. Канищев. — Тамбов : Издательство ТГУ имени Г. Р. Державина, 2002. — С. 17—31.
4. Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900—1921 гг.) / С. А. Есиков. — Тамбов : ТГТУ, 1998. — 108 с.
5. Кончаков Р. Б. Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX — начале XX в. Новые методы исследования : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Р. Б. Кончаков. — Тамбов, 2001. — 245 с.
6. Морозов С. Д. Мужчины и женщины России в годы Первой мировой войны : демографический кризис и потери населения / С. Д. Морозов // Женщина в российском обществе. — 2014. — № 3. — С. 10—20.
7. Никольский В. И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности : диссертация ... доктора медицины / В. И. Никольский. — Тамбов: Типография Дмит. Серг. Семенова, 1885. — 384 с.

MATERIAL RESOURCES

Review of the Tambov province for 1910. (1902). Tambov. 18—21. (In Russ.).
State Archive of the Tambov region. F. 143 (*Tambov provincial Zemstvo Council*). Op. 7. d. 10. L. 2—2 ob. D. 12. L. 2—2 ob; F. 4 (*Tambov governor. Office of the Tambov Governor*). Op. 1. D. 9112. L. 13. D. 9658. L. 1. D. 9659. L. 8. D. 9662. L. 15—15 vol. D. 9664. L. 3 vol. (In Russ.).

REFERENCES

- Avrek, A. L., Kanishchev, V. V. (2002). Natural-historical conditions of modernization of agrarian society. Tambov province, XIX—XX centuries. Some results and problems of studying. In: *Social history of the agrarian province in the context of modernization of the agr society in the XVIII—XX centuries: Materials of the international conference (May 2002)*. Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 3—17. (In Russ.).
- Bezgin, V. B. (2017). *The everyday world of a Russian peasant woman of the late Empire period*. Moscow: Lomonosov. 248 p. ISBN 978-5-91678-357-5. (In Russ.).
- Dyachkov, V. L., Kanishchev, V. V. (ed.). (2002). Natural and demographic cycles as factors of Russian history, XIX — the first half of the XX century. In: *Social history of the agrarian province in the context of modernization of the agr society in*

- the XVIII—XX centuries: Materials of the international conference (May 2002).* Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 17—31. (In Russ.).
- Konchakov, R. B. (2001). *Demographic behavior of the peasants of the Tambov province in the XIX — early XX century. New research methods.* PhD Diss, Tambov. 245 p. (In Russ.).
- Morozov, S. D. (2014). Men and women of Russia during the First World War: demographic crisis and population losses. *Woman in Russian society*, 3: 10—20. (In Russ.).
- Nikolsky, V. I. (1885). *Tambov district. Population statistics and morbidity.* Doct. Diss. Tambov: Dmit Printing House. Serg. Semenova. 384 p. (In Russ.).
- Yesikov, S. A. (1998). *Peasant economy of the Tambov province at the beginning of the twentieth century (1900—1921).* Tambov: TSTU. 108 p. (In Russ.).

Суслова Л. Н. Мистические секты на территории Тобольской губернии XVIII — начала XX веков : распространение и численность последователей / Л. Н. Суслова, И. В. Яркова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 468—485. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-468-485.

Suslova, L. N., Yarkova, I. V. (2021). Mystical Sects on Territory of Tobolsk Province of 18th — Early 20th Centuries: Distribution and Number of Followers. *Nauchnyi dialog*, 9: 468-485. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-468-485. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-468-485

Мистические секты на территории Тобольской губернии XVIII — начала XX веков: распространение и численность последователей

Суслова Людмила Николаевна
orcid.org/0000-0002-2426-2967
кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории, права, социально-
экономических дисциплин
и методик преподавания
lnsuslova@yandex.ru

Яркова Ирина Васильевна
orcid.org/0000-0002-6574-3695
кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории, права, социально-
экономических дисциплин
и методик преподавания
irina_19714@mail.ru

Тюменский государственный
университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при
финансовой поддержке РФФИ и
Тюменской области в рамках научного
проекта № 20-49-720013

Mystical Sects on Territory of Tobolsk Province of 18th — Early 20th Centuries: Distribution and Number of Followers

Ludmila N. Suslova
orcid.org/0000-0002-2426-2967
PhD in History, Associate Professor
Department of History,
Law, Socio-Economic Disciplines
and Teaching Methods
lnsuslova@yandex.ru

Irina V. Yarkova
orcid.org/0000-0002-6574-3695
PhD in History, Associate Professor
Department of History,
Law, Socio-Economic Disciplines
and Teaching Methods
irina_19714@mail.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:
The research was funded by RFBR
and Tyumen Region
project number 20-49-720013

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается история распространения мистического сектантства на территории Тобольской губернии в XVIII — начале XX веков. Выявлены основные группы мистических сект в Тобольской губернии. Проанализированы особенности вероучения сект. На конкретно-историческом материале вскрыт социально-опасный характер деятельности скопцов, причиняющих физический и моральный вред лицам, вовлекаемым в секту. Авторы приходят к выводу об относительности данных правительственной статистики о численности сектантов в регионе. Описаны способы взаимодействия сектантских общин с государством, а также меры, принятые для реализации конфессиональной политики на территории губернии. Анализ судебно-следственных источников позволяет заключить, что применение строгих мер наказания, в том числе тюремное заключение, лишение всех прав состояния и ссылка в отдаленные районы страны, во многом способствовало отходу скопцов от практики оскпления своих последователей. Рассмотрены в динамике степень распространения и характер расселения сектантов. Исследование проведено на основе анализа комплекса законодательных, статистических и делопроизводственных источников Российского государственного архива древних актов (г. Москва) и Государственного архива в г. Тобольске.

Ключевые слова:

сектантство; мистические секты; Тобольская губерния; хлысты; скопцы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the history of the mystical sectarianism spread on the territory of the Tobolsk province in the 18th—early 20th centuries. The main groups of mystical sects in the Tobolsk province are revealed. The features of the sects' doctrine are characterized. The socially dangerous nature of the activities of Eunuchs, causing physical and moral harm to persons involved in the sect, is characterized on specific historical material. The authors come to the conclusion about the relativity of government statistics on the number of sectarians in the region. The nature of the interaction of sectarian communities with the state, as well as the implementation of confessional policy on the territory of the province is presented in the work. Analysis of forensic sources allows us to conclude that the use of severe punishment, including imprisonment, deprivation of all rights of the state and exile to remote areas of the country, largely contributed to the departure of Eunuchs from the practice of castrating their followers, the use of less cruel methods of achieving "bodily purity". The dynamics of the degree of distribution and the nature of the settlement of sectarians are considered. The research was carried out on the basis of the analysis of the complex of legislative, statistical and record keeping sources of the Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow) and the State Archive in Tobolsk.

Key words:

sectarianism; mystical sects; Tobolsk province; Eunuchs; Skopets.

Мистические секты на территории Тобольской губернии XVIII — начала XX веков: распространение и численность последователей

© Сулова Л. Н., Яркова И. В., 2021

1. Введение

Целью данного исследования является изучение распространения мистического сектантства на территории Тобольской губернии XVIII — начала XX веков в контексте конфессиональной политики Российской империи. Исследователями в разные годы уже предпринимались попытки изучения мистического сектантства в различных аспектах [Гагарина, 2011; Клибанов, 2003; Корилов, 2011; Мельников, 1909; Панченко, 2002 и др.]. В данной работе предпринята попытка систематизировать имеющийся комплекс источников по истории сект мистического направления. Представляется актуальным рассмотрение регионального аспекта реализации взаимодействия государства, общества и религиозных конфессий. Важность этому придает тот факт, что с изменением подходов правового регулирования конфессиональных отношений на современном этапе возрастает необходимость обращения к историческому опыту отношения государства к таким религиозным объединениям, которые могли нанести вред здоровью и жизни человека. К числу подобных объединений относились и некоторые мистические секты, в частности скопцы.

Исследование проведено на основе опубликованных и архивных неопубликованных материалов. Нормативные акты центральных органов гражданской власти, дающие представление о правовом положении сектантов на территории всей империи, содержатся в фондах Российского государственного архива древних актов (г. Москва) и фондах архива г. Тобольска. Судебно-следственная документация, позволяющая проследить процесс реализации конфессиональной правительственной политики на территории Тобольской губернии в отношении сектантов, содержится в РГАДА в коллекции дел местных судебных учреждений и ГБУТО ГА в г. Тобольске в фондах Тобольского губернского управления, Тобольского статистического комитета и Тобольской духовной консистории. Статистические материалы представлены опубликованными источниками, из которых интерес представляют результаты проведения переписи населения 1897 года.

Особенностью подавляющей части источников по истории сектантства является, по нашему мнению, «властный» характер их происхождения.

Указы, распоряжения центральных, губернских и епархиальных властей, судебно-следственные дела, статистические ведомости возникают в сфере государственного и церковного управления центрального и местного уровней. «Голос» самих сектантов если и звучал, то только в материалах следственных допросов, добровольность которых относительна.

Отметим тесную связь количественного и качественного роста источниковой базы по сектантству с изменением отношения к этому социально-религиозному явлению в государстве, что выражается в направлении и мероприятиях конфессиональной политики. Поскольку сектантство рассматривалось государством как отклонение от официальной православной церкви, то и формирование законодательной базы, регулирующей положение сект, было тесно связано с указами, регламентирующими правовой статус церкви. Борьба с выявлением и распространением сект возлагалась на духовенство.

В первой четверти XVIII века основное внимание правительства было обращено на определение нового положения православной церкви в государстве, формирование комплекса как жестких карательных, так и дополнительных фискальных мер по отношению к церковному расколу и распространению старообрядчества. Главную опасность в первой половине XVIII века государство видело в массовых самосожжениях старообрядцев как радикальных форм сопротивления установлению идеологического контроля. В XVIII веке сектанты долгое время не воспринимались светскими властями как самостоятельная проблема, требующая решения. Первые судебные дела о сектантах хлыстах в центральных губерниях в 1717, 1733 годах рассматривались как частные случаи отступничества от православия. Это связано также и с тем, что сектантство в XVIII веке проходит стадию формирования. Сначала получили распространение секты мистического направления.

2. Особенности вероучения секты хлыстов

Одной из первых мистических сект, появившихся в России в XVIII веке, явилась *хлыстовщина*, или, как называли свое учение сами сектанты, *христова вера*. Помимо этого, хлысты известны под названиями *богомолов*, *лядов*, *шалопутов*, *духовных христиан* и т. д. [Хлысты, 1903, с. 403]. Название применялось для обозначения сектантов, которые устраивали «радения» как совокупность чтения, пения духовных стихов и движений в виде кружений и плясок, сопровождавшиеся «пророчествами» духовных лидеров общин. Обрядовая практика хлыстов основывалась на представлениях о том, что божественное начало может воплощаться в человеке.

Вопрос о происхождении и возникновении секты является дискуссионным. По вопросу о происхождении хлыстов в литературе существуют

различные позиции. И. Добротворский полагал, что происхождение хлыстов связано с влиянием иностранных идей [Добротворский, 1869]. Встречается мнение, согласно которому хлыстовщина является самобытным российским явлением, подобно старообрядчеству. Компромиссной позиции придерживался Н. И. Барсов, видевший в хлыстах соединение восточных еретических идей и особенностей традиционного русского мирозерцания [Барсов, 1892].

Структурно секта представляла собой совокупность самостоятельных общин («кораблей»), во главе которых стоял учитель («Христос»). Он руководил «кораблем» и по-своему толковал учение. «В молитвенных домах они собирались для радений. Радения проводились тайно, как правило, ночью и большей частью в праздничные дни. Если бы кто из посторонних лиц вошел в их собрание и спросил, для чего они собрались: то им было удобно сказать, проводить Праздник так, как учит Святая Церковь» [Айвазов, 1915, т. 1, с. 199]. Согласно представлениям хлыстов, противопоставлявших божественный дух и грешное тело, для того, чтобы душа смогла приблизиться к божественной чистоте, необходимо умертвить свои естественные потребности. Основные правила морали хлыстов были сформулированы в XVIII веке Даниилом Филипповичем в «12 заповедях». В них содержались следующие правила: «Хмельного не пейте и плотского греха не творите; не женитесь, а кто женат, тот жить с женою, как с сестрою; скверных слов и чернословия не произносить; не воровать; правила сии содержать в тайне»; основой всех заповедей считалась следующая: «Святому духу верьте» [Хлысты, 1903, с. 403.]. Воплощение Божества в человека могло происходить неопределенное количество раз, причем одновременно могло быть несколько «христов», так же, как и «богородиц» [Буткевич, 1910, с. 25.].

Социальный состав хлыстовщины был неоднородным. Основную массу хлыстов составляли крестьяне и мещане. Также эта секта была распространена среди купечества, ремесленников и представителей казачества [Айвазов, 1915, т. 1, с. 51—56].

Вследствие разнообразия во взглядах отдельных общин во второй половине XIX века хлыстовство дробится на отдельные толки. В начале XIX века в Тамбовской губернии возникло новое течение в хлыстовщине — постничество (богомолы, обновленные и первенствующие христиане), основанное крестьянином Аввакумом Копыловым [Там же, с. 141]. Главной особенностью учения Копылова является отрицание догмата хлыстов о перевоплощении Христа, а также усиление пищевых запретов. Он ввел «религиозное новшество» — учение о воплощении Христа не в каждом последователе хлыстовщины, а только в избранных людях, к которым относил себя, своего сына и невестку [Клибанов, 1965, с. 58]. Таким обра-

зом, изменение вероучения приводит к закреплению лидерства в отдельно взятой общине сектантов.

В конце 30-х годов XIX века из постничества выделилось направление, возглавляемое Перфилом Катасановым. В первоисточниках сектанты данного направления именуются *шалопутами* или *катасановцами* по фамилии их лидера. Позднее появилось другое название секты — *Старый Израиль* — в противовес основанному преемниками Катасанова *Новому Израилю*. [Клибанов, 1989, с. 601]. Отделившись, Катасанов и его последователи сохранили учение Аввакума Копылова о Христе, воплощавшемся в избранных людях. Был отменен ряд пищевых запретов постничества и разрешен брачный союз между мужчинами и женщинами, принадлежащими к секте. Учение Катасанова закрепилось на территории распространения «старой» хлыстовщины, в Тамбовской и Воронежской губерниях, а в 70-х и 80-х годах XIX века пришло на Северный Кавказ, а также в Смоленскую, Рязанскую, Самарскую и Астраханскую губернии. В 1880-х годах число последователей Перфила Катасанова в России составляло 25 тыс. человек. Но основная масса шалопутов была сосредоточена не в центральных, а в южных губерниях.

В конце XIX века в хлыстовщине появилось учение «Новый Израиль» [Бонч-Бруевич, 1911]. Основоположниками «Нового Израиля» В. Ф. Мокшиным и В. С. Лубковым была сохранена идея воплощения Христа в избранных людях. Отличием же «Нового Израиля» от других форм хлыстовщины является то, что была отменена практики радений. Они были заменены молитвенными собраниями, на которых единоверцы пели духовные песни и слушали наставления духовных лидеров общины. В. С. Лубков занимался организацией новоизраильской общины. Территория России была им разделена на семь частей, которым соответствовали семь поместных церквей, объединивших общины новоизраильтян. В каждую из семи «стран» были назначены «архангелы», которые осуществляли функции надзора, и начальники — главы поместных церквей. Общины имели своих «старших», руководивших богослужениями, совершением обрядов. Они избирались и сменялись общиной, но только с согласия «Христа».

Социальной основой новоизраильской общины служило крестьянство. Вступали в секту и городские обыватели: мелкие торговцы, ремесленники и мастера, служащие. Точную численность хлыстов определить сложно, поскольку хлысты посещали православные богослужения. По данным А. И. Клибанова, общая численность последователей христововерия не превышала 100 тыс. человек. К 1909 году христововерческие общины были представлены на территории более чем 30 губерний и областей. Во второй половине XIX века секта хлыстов постепенно теряет последователей, вы-

тесняется последователями рационалистического сектантства. Сохранившие своё прежнее название хлыстовские организации держались преимущественно в Тамбовской и Саратовской губерниях и на Кавказе. В 1911 году около двух тысяч последователей Нового Израиля со своим «Христом» В. С. Лубковым эмигрировали из России в Уругвай [Там же, с. 601].

3. Возникновение скопчества

Разрозненность общин хлыстовщины явилась причиной появления секты скопчества. Основателем нового мистического учения был Кондратий Селиванов, принадлежавший к сторонникам строгого соблюдения заповеди целомудрия, полного полового воздержания. Радикальным способом ее соблюдения явилось оскотление. Возникновение скопчества относится к 1772 году [Айвазов, 1916, с. 10]. Учение скопцов отличалось от хлыстовщины еще и отрицанием идеи перевоплощений Христа. Появление этой особенности можно объяснить нежеланием основателя скопчества Кондратия Селиванова делить свое влияние на настоящих и потенциальных последователей.

Характеризуя организационную структуру секты скопцов, надо сказать, что она состояла из отдельных общин, которые, в отличие от «кораблей» хлыстов, взаимодействовали друг с другом. Широкое распространение получает деятельность скопцов по привлечению в ряды своих последователей новых адептов, односельчан, родственников. Подтверждением сказанного служит прошение крестьянина Ивана Кислицына д. Чхейзовой (Елани) Байкаловской волости, Тобольского уезда епископу Антонию. Иван заявил, что проживает вместе с отцом, который «с давнего времени имеет ко мне злобу по двум причинам, а именно: об имущественном положении и преимущественно — по-видимому, что я не соучаствую в его скопческой секте, за каковой он вместе с другими был судим»; подтверждая, что отец его «продолжает прежнюю скопческую секту», И. Кислицын жаловался: «15 декабря 1899 года он с помощью двух своих внуков Семена и Федора Кислицыных производил надо мною безчеловеческие расправы» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и152, оп. 11, д. 1052, л. 8—9].

«Раскол» на отдельные толки в скопчестве происходил значительно медленнее, чем в хлыстовстве. Последователи так называемого «духовного скопчества» отказались от кастрации и проповедовали достижение телесной чистоты исключительно с помощью силы духа [Никольский, 1983, с. 365]. Появление «духовного скопчества» в Тобольской губернии относится к концу 80-х годов XIX века.

Трудно определить территориальную локализацию и численность скопчества. Скопцы так же, как и хлысты, скрывали свою принадлежность

к секте. В 1915 году по официальным источникам последователей скопчества насчитывалось до пяти-шести тысяч человек [Айвазов, 1915, с. 80].

4. Распространение мистических сект в Tobольской губернии

На территорию Tobольской губернии идеи мистических сект проникают вместе со ссыльными сектантами. Л. Соловьев утверждал, что со скопчеством Сибирь (и, в частности, Tobольская губерния) «познакомилась очень рано, в конце XVIII века, когда здешние места посетили основатели секты (по-видимому, имеется в виду Кондратий Селиванов)», однако сведений о том, что вероучение скопцов было принято местным населением, в указанный период не было выявлено [Соловьев, 1909, с. 497].

Интерес к численности сектантов и определению их социально-правового статуса со стороны светских властей активизируется во второй четверти XIX века в связи со стремлением правительства Николая I поставить под жесткий административный и идеологический контроль в духе официальной народности все категории населения.

Для сбора статистических сведений были разработаны ведомости «о числе раскольников, их молитвенных зданиях», которые ежегодно в виде приложений к губернаторским отчетам отправлялись в МВД.

Ведомости представляли собой таблицу, в которую вносились данные о количестве старообрядцев и сектантов по административно-территориальному принципу. Так, например, в ведомости за 1855 год в Ялуторовском округе отмечено молокан, духоборцев и иконоборцев 16 человек мужского пола и 11 женского. Однако какова доля представителей каждой секты, установить точно по данным материалам невозможно. Также ежегодно составлялись (с 1836 по 1862 годы) «именные списки скопцов», которые либо прилагались к ведомости «о числе раскольников ...», либо доставлялись отдельно. Первоначально ведомости составлялись на местах градской или земской полицией, затем доставлялись в Tobольское Губернское правление и в МВД. Характерной чертой является то, что Tobольская губерния являлась местом ссылки сектантов, в том числе скопцов. Чтобы пресечь распространение идей «скопческой ереси», сосланные из других губерний, они должны были поступать под надзор местной полиции, которая в свою очередь предоставляла сведения об их числе [ГБУТО ГА в г. Tobольске, ф. 329, оп. 3, д. 54, л. 7—7 об]. Именные списки скопцов не учитывали неоскопленных членов секты и последователей «духовного» скопчества, отвергших практику оскопления. Списки скопцов и ведомости о числе раскольников разных сект собирались негласно вплоть до 1917 года.

Относительность существующих форм учета сектантов и старообрядцев осознавали и в Министерстве внутренних дел. Так, Н. В. Варадинов,

систематизировавший распоряжения министерства по расколу, пришел к заключению о том, что «сведения Губернских начальств, далеко неполные, дают более или менее приблизительное понятие ... о местах существования раскола» [Варадинов, 1863, с. 138]. Данные, содержащиеся в ведомостях, позволяют нам судить об учете численности сектантов гражданскими властями, а не о фактической их численности.

Первые официальные данные о численности сектантов за 1826 год показывают, что на территории губернии было 14 скопцов [Там же, с. 167]. Именные ведомости скопцов, содержащие информацию о времени и месте оскпления, позволяют отметить, что практически все сектанты были сосланы из других губерний.

Во второй четверти XIX века начинаются массовые репрессии сектантов, а основным наказанием за соращение в раскол и оскпление становится ссылка в Западную Сибирь, вследствие чего число сектантов на территории Западной Сибири стало неуклонно расти. В 1837 году численность скопцов на территории Тобольского региона составила 92 человека [Варадинов, 1863, с. 373], в 1841 году — 109. К 1855 году последователей мистических ересей в Тобольской губернии насчитывалось 123 человека, из них 119 скопцов [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 152, оп. 31, д. 1307, л. 2 об, 30, 38—39].

Ссылаемые в Тобольскую губернию скопцы распределялись на жительство по округам и волостям региона, что создавало дополнительные трудности по надзору за ними. Гражданские власти не могли контролировать деятельность сосланных скопцов [Там же, оп. 31, д. 670, л. 115]. Таким образом, сектанты имели возможность соращать православных вследствие затруднительности установления за ними строгого надзора со стороны гражданских властей. В 1835 году генерал-губернаторам Сибири было приказано «размещать вновь открывающихся скопцов в отдаленные и притом не многие места и преимущественно между иноверцами» [Там же, оп. 3, д. 54, л. 1 об]. В Тобольской губернии было рекомендовано скопцов помещать преимущественно в г. Березов. Однако на практике «особенно вредных» сектантов продолжали распределять во все уезды губернии, причем Березовский округ не стал приоритетным местом ссылки. Несмотря на высочайший указ, Тобольские губернские власти продолжали размещать поступавших сектантов по 2—3 человека на волость, тем самым способствуя распространению скопчества. К 1855 году скопцы не значились только в Ишимском округе. Наибольшее их число находилось в Ялуторовском округе — 23 человека [Там же, оп. 31, д. 1307, л. 38—39].

Преследования сектантов во время царствования Николая I способствовали снижению численности «ересей». Часть последователей стала скрывать

своё вероисповедание и формально относить себя к числу православных. Возможно, именно с этим связано сокращение численности представителей мистических сект по данным правительственной статистики со 123 человек в 1855 году до 73 к 1867 году [Там же, оп. 32, д. 554, л. 1—13; д. 551, л. 29] Процесс сокращения численности сектантов продолжался и в период смягчения конфессиональной политики в 1860—1870-х годах [Списки населенных мест, 1871, с. CLXXXVII]. По официальным данным губернских отчетов за 1887 и 1888 годы, число скопцов составило 27 человек.

Данные первой всеобщей переписи населения, проведенной в 1897 году, показывают, что в Тобольской губернии не было ни одного представителя скопчества и хлыстовства, что, по нашему мнению, свидетельствует не об их отсутствии, а о нежелании показывать свою принадлежность к сектантству [Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам, 1901, с. 2—3].

В начале XX века, после издания манифеста о свободе вероотерпимости, проблемы роста численности скопцов обсуждались на четвертом всероссийском миссионерском съезде, проходившем в Киеве 12—26 июня 1908 года [Соловьев, 1909, с. 41—42].

Показать распространение учения скопцов помогают следственные дела, отчеты миссионеров, сохранившиеся в архивных делах или нашедшие отражение на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей».

В большинстве дел факты оскпления становились известны властям спустя десятилетия, когда лиц, виновных в оскплении, уже не было в живых. Об этом, например, свидетельствует дело об оскплении мещан г. Тобольска Василия и Дмитрия Кузнецовых трапезниками Захарьевской церкви Дроздовым и Балахонцовым.

В 1841 году тобольский мещанин Василий Григорьев Кузнецов с сыном Дмитрием обратились с прошением о помиловании в тобольское губернское правление, в котором объяснили, что «несчастное событие отстранило их от места своего жительства, из города Тобольска, где первый из них имел дом, торговал и служил в обществе почетные должности». В 1828 году они были «уловлены лъстецами». Трапезники Захарьевской церкви Григорий Павлов и Акиндин Иванов «вовлекли их в секту скопцов». Василий Кузнецов «предался их оболъстительному толкованию Священного Писания», Дмитрий Кузнецов, «имея тогда от роду 12 лет, решился следовать по примеру родителя соблазну тех трапезников». В марте 1828 года «рукою Акиндина Иванова они были оскплены». Спустя год, согласно их показаниям, они осознали, что за совершенное деяние они подлежат суровому наказанию. Тогда в 1829 году они продали дом и торговую лавку в Тобольске и поселились сначала в деревне Мельненке, а в 1831 году, опасаясь преследования,

оставили и это местожительство. Последующие 12 лет отец и сын Кузнецовы занимались продажей стекла в разных местах Тюкалинского округа. Следствие установило, что Василия Кузнецова, причастного к осклоплению своего сына, а также трапезников тобольской Воскресенской Захарьевской церкви Акиндина Иванова Балахонцова и Григория Павлова Дроздова нет в живых, повальный обыск двадцати четырех односельчан Дмитрия Кузнецова подтвердил его добропорядочность. Принимая за основание эти факты, Тобольский губернский суд признал Дмитрия Кузнецова свободным по этому делу, отдав его, впрочем, под надзор местной полиции [РГАДА, ф. 1431, оп. 1, д. 3684, л. 3—6 об].

Во время работы Обдорской ярмарки самоед И. Хенду «в молодых годах» работал у ссыльного скопца Анисима Коробова, который вечером напоил его чаем. От выпитого чая «самоедин» пришел «в беспамятство» и на следующее утро Хенду, почувствовав сильную боль, заметил, что у него отсутствуют «производительные части детородного уда». 28 декабря 1869 года узнавший об этом случае священник Обдорской церкви А. Тверитин пригласил в свою квартиру местного обдорского заседателя и четверых купцов, при которых инородец Хенду подтвердил свое показание и по освидетельствованию (врача) оказался действительно осклопленным [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 156, оп. 11, д. 1052, л. 8].

Священник Тверитин показал, что в с. Обдорском существовало «гнездо скопцов из коих два купца Астафьевых очень богатые и ведут обширную торговлю между инородцами». Благодаря своей обеспеченности Астафьевы «привлекли к себе почти всю орду и имеют на них большое влияние; а наших инородцев, по их доверчивости и дикости, очень легко совратить в подобную секту» [Там же, л. 1 об]. Данные сведения являются важным источником, учитывая, что, по официальным данным, в Березовском округе на жительство находилось всего 5 скопцов, состоящих под «строгим» надзором полиции. Таким образом, ссылка сектантов в село Обдорское привела к вовлечению в скопческую секту (иногда путем насилия) местного населения, а наличие купцов в среде сектантов давало больше возможностей для совращения православного и языческого населения.

Установленный в ходе судебного разбирательства факт дальнейшего распространения своего учения ссыльным поселенцем приводил к повторной ссылке в еще более отдаленные районы. В 1869 году был судим за распространение скопческого учения поселенец деревни Ушаковой Худяковской волости Тобольского округа Филипп Козлов. Ранее, в 1852 году он был сослан в Сибирь из Смоленской губернии за осклопление. По поводу этого Козлов показал на следствии, что был осклоплен во время бродяжничества в Калужской губернии крестьянином, «прозвания которого не пом-

нит». На месте новой ссылки Козлов продолжал менять жительство, «жил по билетам и без оных в разных городах: Тобольске, Тюмени». Эти сведения наглядно демонстрируют, что переход в секту сопровождался отходом от социума, прекращением традиционных семейных и общественных связей. Следственные показания обвиняемых в оскотлении свидетельствуют также о стремлении не называть имена лидеров скопцов. Обязательным элементом судебно-следственных мероприятий, на которых во многом строилось обвинение, было медицинское освидетельствование. 16 октября 1869 года врач Тобольской окружной управы Черемшанов произвел осмотр Ф. Козлова и представил его на усмотрение суда: «Телосложения посредственного, росту довольно высокого, имеет волосы на голове черные, обстриженные в кружок, на усах — весьма короткие и редкие волосы темно-русого цвета, на бороде волос почти совсем нет, замечен легкий пух, глаза карие, лицо бледное, голос тонкий. При осмотре оказалось, что у него детородного уда совсем нет, мошонка очень маленькая, на ней заметны рубцы от разрезов, яичек в мошонке нет. Рубец идет вокруг корня детородного органа, сделан давно». Ознакомившись с материалами дела, суд постановил сослать Козлова в отдаленный край Восточной Сибири [РГАДА, ф. 1431, оп. 1, д. 3914, л. 10, 190—191 об].

В 1890 году священник д. Медвежей Чинеевской волости Курганского уезда Н. Тихомиров обратил внимание властей на то, что «бывшие крестьяне д. Медвежей его прихода Иосиф Евсеев Юков и Федор Васильев Заворин распространяют среди окрестных жителей новую ересь, сходную со скопческой, с тою только разницей, что вместо практикуемых у скопцов телесных повреждений последователям дают какую-то микстуру или порошок, отчего принявшие имеют желтый цвет лица. Последователи имеют желтый цвет лица, отрицают брак, не едят мяса, и у них прекращается деторождение» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 156, оп. 27, д. 1103, л. 2—2 об]. К секте, по мнению священника, принадлежало двенадцать семейств общей численностью 22 человека. К руководителю скопческой секты Ф. В. Заворину в д. Медвежью периодически приезжала из г. Кургана А. Н. Буравцева. Она и занималась, по мнению Тихомирова, изготовлением «микстуры», лишаящей способности к деторождению. 21 июня 1892 года священником Н. Тихомировым была проведена публичная беседа с сектантами о безбрачии. Однако предпринятые меры, направленные на вразумление раскольников и сектантов, как показал опыт противораскольнической миссионерской деятельности в Тобольской епархии, не приносили желаемых результатов, тем более что упомянутые «духовные скопцы» и до раскрытия их «корабля» посещали церковь, были у исповеди и причастия. Священник Н. Тихомиров докладывал Тобольской духовной

консistorии: «Благодаря ли такого рода мерам или страх перед гражданскими властями, открывшими формальные следствия, Юков с Завориным прекратили пропаганду ереси, по крайней мере на время, не стало слышно о новых совращениях» [Там же, л. 18].

В д. Елани Байкаловской волости Тобольского округа в 1895 году была открыта секта скопцов, схожая с сектой д. Медвежей Курганского уезда. Впервые внимание местных властей к жителям этой деревни было обращено в 1861 году, когда участковый заседатель Тобольского земского суда Попов в донесении тобольскому земскому исправнику сообщил о том, что на его участке в деревне Чейзовой (она же Елань) Байкаловской волости некоторые крестьяне занимаются скопчеством. К следствию были привлечены 14 человек: Алексей Кислицын с женой Матреной и дочерью Акулиной, Василий Кислицын с женой Марьей и дочерьми Варварой и Домной, сыном Якимом и женой последнего Еленой, крестьянская вдова Прасковья Кислицына с сыном Максимом, крестьянка Марфа Кислицына, отставной солдат Николай Кислицын и его жена Татьяна. По сообщению участкового заседателя, эти крестьяне «хотя и ходят в церковь, исповедаются и причащаются Святых тайн, как исполняют это и самые скопцы; но в общежитии ведут себя сообразно со скопцами, мяса не едят, в одной компании с однодеревенцами не бывают, к уничтожению плотских страстей едят какую-то траву и у некоторых людей лица приняли вид скопцов, то есть бледноватый, во время Святой пасхи мужчины с женщинами не христосуются, говоря, что христос не на губах, и весьма скрытно отправляют богомолье на субботы в доме отставного солдата Николая Кислицына, жена которого Татьяна часто бывает под разными предлогами в Тюмени, где, как известно, находится корень этого зла ...» [РГАДА, ф. 1431, оп. 1, д. 3709, л. 6 об.—7 об.]. Материалы дела свидетельствуют о принадлежности этих крестьян к так называемому «духовному скопчеству», что подтвердил окружной врач Дьяков медицинским освидетельствованием, не обнаружив «разрушения способностей деторождения»: «Физических признаков оскопления никто из них не имеет» [Там же, л. 7 об.—8]. В результате Тобольский губернский суд в 1861 году освободил крестьян от суда.

Спустя тридцать лет факт принадлежности к скопчеству установить удалось. Полицией было проведено расследование, задержано несколько человек, которых в 1896 году сослали в Восточную Сибирь. Однако в 1899 году, когда часть сектантов вернулась из ссылки, ночные собрания продолжились. «Говорят про скопцов, что у них ныне кастрации не бывает; но употребляются какие-то травы, которые умерщвляют естественные побуждения» [РГАДА, ф. 1431, оп. 1, д. 3709, л. 6 об. — 10; ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 156, оп. 11, д. 1848, л. 2]. По настоянию благочинного

священника Н. Надежицкого против них было возбуждено уголовное дело, но обвиняемые в принадлежности к секте скопцов (6 человек) были оправданы и оставлены на свободе.

3 мая 1913 года священник В. Кремлев рапортовал Тобольскому епископу Алексею: «По частным слухам, в д. Елани есть уже полное общество склонных оскопиться, а один человек кажется даже и оскопился; из всего общества мне более известны человек до 17, которые часто собираются под видом гостеприимства» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 156, оп. 29, д. 2455, л. 1—1 об]. Таким образом, несмотря на принятие административных мер в 1896 году, секта скопцов не только не прекратила своего существования, но приняла в свое «общество» новых членов.

Скопчество также было распространено в д. Байкаловой Тобольского округа, с. Каргалинском Каргалинской волости Тарского уезда. По сведениям, сообщенным губернатору Тарским уездным исправником, здесь проживало «около 90 человек» [РГАДА, ф. 1431, оп. 1, д. 3900, л. 127—129, 186—187; ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 152, оп. 35, д. 846, л. 48], высланных по решению суда за распространение скопческой секты из Рязанской губернии. Проявлений к распространению этой секты со стороны сектантов уездный исправник не замечал. Однако эти сведения расходятся с данными Л. Соловьева, который отмечал, что сектанты проявляют «сравнительно энергичную деятельность» [Соловьев, 1909, с. 497]. Из следственных материалов видно, что на это у него имелись основания. Крестьяне Т. Н. Пронюшкин и И. Д. Марухин, сосланные из Рязанской губернии за распространение скопческой ереси, являлись виновниками оскопления девиц Е. Перепелкиной и Т. Рожковой, молодых людей В. Фетисова и В. Власова, уже находясь на жительстве в с. Каргалинском Тарского уезда Тобольской губернии. Брат Т. Рожковой, М. Рожков, нанявшийся на работу к И. Д. Пронюшкину, сообщил, что Пронюшкиным было «подрезано восемь человек» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 152, оп. 35, д. 846, л. 176 об]. М. Рожкову было предложено также вступить в секту, за что ему была обещана 1 тыс. рублей. Причем деятельность оскопителей не ограничивалась границами Тарского уезда. Местные жители и духовенство сообщали, что для совращения в свою секту Пронюшкин часто совершает поездки в г. Омск, где приобрел себе дом для данных целей [Там же, л. 184].

Хлыстовство, по мнению преподавателя Тобольской духовной семинарии Л. Соловьева, стало проникать на территорию Тобольской губернии в конце XIX — начале XX веков. «Занесению идей» хлыстовщины «наша местность обязана переселенцам, а отчасти ссыльным сектантам» [Соловьев, 1909, с. 498]. Привнесенные идеи сектантов дали свои плоды «во многих местах» Курганского и Тюменского уездов. Здесь вероучение

хлыстов было принято населением «некоторых» православных приходов. В связи с этим он приходит к выводу, что хлыстовство «грозит свить себе теплое гнездо» [Там же].

5. Заключение

Мистическое сектантство XVIII — начала XX веков представляло собой сложное социально-религиозное явление. Характерными особенностями учения мистических сект, дававшими основание государству относить их к разряду особо опасных, являлись случаи членовредительства, применения обмана при привлечении новых членов, экзальтированной богослужебной практики.

Особенности вероучения, допускавшие индивидуальную духовную практику, наличие многочисленных наставников, преследования сектантов, имевшие место на протяжении XVIII — начала XIX веков, привели к раздроблению сект на отдельные толки.

На территорию Тобольской губернии идеи мистических сект проникают, по мнению Л. Соловьева, в конце XVIII века со ссыльными сектантами, однако первые официальные данные относятся к середине 1820-х годов. Формальная принадлежность к православию затрудняла проведение эффективных мероприятий по выявлению сектантов местными светскими и церковными властями.

Законодательство, сформированное во второй четверти XIX века, относило мистические секты — скопчество, хлыстовщину — к наиболее опасным религиозным объединениям, учитывая не особенности вероучения, а степень вреда здоровью и жизни населения, их деструктивный характер.

Ужесточение правительственной политики по отношению к сектантам во второй четверти XIX века и назначение Тобольской губернии одним из мест ссылки иноверцев способствовали распространению идей «скопческой ереси» в регионе. Размещение ссыльных сектантов в населенные пункты с православным населением создавало благоприятные условия для распространения ими своего учения. Источники свидетельствуют о том, что во второй половине XIX — начале XX веков в Тобольской губернии сформировались очаги скопчества в Березовском, Тарском, Тобольском и Курганском уездах. Если в первых трех уездах существовало «традиционное» скопчество, то в Курганском населением было принято «духовное» скопчество, не использовавшее оскотление членов секты.

Официальные данные учета мистических сектантов не отражают реальную картину их численности. Можно констатировать лишь незначительный рост численности сектантства на территории Тобольской губернии на протяжении второй половины XIX века, сменившийся сокраще-

нием этого показателя к концу столетия, и увеличение в начале XX века. К факторам, способствующим распространению мистических учений в Тобольской губернии, можно отнести активную миссионерскую деятельность сектантов, материальную заинтересованность населения (освобождение от повинностей и сборов в пользу церкви, поддержка со стороны одноверцев), ссылку сектантов в Тобольскую губернию.

Источники и принятые сокращения

1. Айвазов И. Г. Материалы для исследования русских мистических сект / И. Г. Айвазов. — Петроград : Типография П. Я. Синченко, 1915. — Т. 1. — 648 с.
2. Айвазов И. Г. Материалы для исследования секты скопцов / И. Г. Айвазов. — Москва : Печатня А. И. Снегиревой, 1916. — 174 с.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. — Ф. И152. Тобольское губернское правление. Оп. 3. Д. 54 ; Оп. 11. Д. 1052 ; Оп. 31. Д. 670, 1307 ; Оп. 32. Д. 551, 554 ; Оп. 35. Д. 846. Ф. И156. Тобольская духовная консистория. Оп. 11. Д. 1052, 1848 ; Оп. 27. Д. 1103 ; Оп. 29. Д. 2455. Ф. 329. Общее губернское правление. Оп. 3. Д. 54.
4. РГАДА — *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 1431. Дела местных судебных учреждений о старообрядцах и сектантах. Оп. 1. Д. 3709, 3913, 3914.
5. *Распределение* старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. Разработано центральным статистическим комитетом МВД. — Санкт-Петербург, 1901. — 26 с.
6. *Российское* законодательство X—XX веков. Законодательство первой половины XIX века. — Москва : Юридическая литература, 1988. — Т. 6. — 432 с.
7. Соловьев Л. Четвертый всероссийский миссионерский съезд в Киеве 12—26 июня 1908 г. / Л. Соловьев // Тобольские епархиальные ведомости. — 1909. — № 3. — С. 38—47.
8. *Списки* населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : Издательство Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1861—1885. Выпуск 60 : Тобольская губерния : ... по сведениям 1868—1869 годов / обраб. ред. В. Зверинским ; составлен и издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, 1871. — CCLXXII. — 196 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсов Н. И. Существовала ли в России инквизиция? / Н. И. Барсов. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1892. — 20 с.
2. Бонч-Бруевич В. Д. «Новый Израиль» / В. Д. Бонч-Бруевич. — Санкт-Петербург : Типография Б. М. Вольфа, 1911. — 485 с.
3. Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков / Т. И. Буткевич. — Харьков : Типография губернского правления, 1910. — 608 с.
4. Варадинов Н. История министерства внутренних дел / Н. Варадинов. — Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел, 1863. — Книга 8. — 667 с.
5. Гагарина И. Ю. Русское мистическое сектантство XVIII — начала XXI в. : исторический и социально-психологический аспекты : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. Ю. Гагарина. — Москва, 2011. — 191 с.

6. *Добровольский И.* Люди Божии. Русская секта так называемых духовных христиан / И. Добровольский. — Казань : Университетская типография, 1869. — 200 с.
7. *Кориков Д. Г.* Государство, церковь и сектантство в России во второй половине XIX — начале XX вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. Г. Кориков. — Челябинск, 2011. — 26 с.
8. *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. 1917 г.) / А. И. Клибанов. — Москва : Наука, 1965. — 348 с.
9. *Клибанов А. И.* Народные противоцерковные движения / А. И. Клибанов // Русское православие : веки истории / под редакцией А. И. Клибанова. — Москва : Издательство политической литературы, 1989. — С. 562—615. — ISBN 5-250-00246-3.
10. *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем / А. И. Клибанов. — Москва : Наука, 1973. — 256 с.
11. *Мельников П. И.* Письма о расколе // Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андре Печерского) : в 7 т. / П. И. Мельников. — Санкт-Петербург : Издательство А. Ф. Маркс, 1909. — Т. 7. — 417 с.
12. *Никольский Н. М.* История русской церкви / Н. М. Никольский. — Москва : Политиздат, 1983. — 448 с.
13. *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество : фольклор и традиционная культура русских мистических сект / А. А. Панченко. — Москва : Объединенное гуманитарное издательство, 2002. — 544 с.
14. *Соловьев Л.* Сведения о современном состоянии раскола в Тобольской епархии / Л. Соловьев // Тобольские епархиальные ведомости. — 1909. — № 19. — С. 497—499.
15. *Хлысты* // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — Санкт-Петербург : Типография Акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1903. — Т. XXXVII. — С. 402—409.

MATERIAL RESOURCES

- Aivazov, I. G. (1915). *Materials for the study of Russian mystical sects, 1*. Petrograd: Printing house of P. Ya. Sinchenko. 648 p. (In Russ.).
- Aivazov, I. G. (1916). *Materials for the study of the sect of the Eunuchs*. Moscow: Printing house of A. I. Snegireva. 174 p. (In Russ.).
- Lists of populated places of the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs*, 60. (1871). St. Petersburg: Publishing House of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. 196 p. (In Russ.).
- Russian legislation of the X—XX centuries. Legislation of the first half of the XIX century*, 6. (1988). Moscow: Legal literature. 432 p. (In Russ.).
- Russian State Archive of Ancient Acts. F. 1431. Cases of local judicial institutions about Old Believers and sectarians. Op. 1. D. 3709, 3913, 3914*. (In Russ.).
- Solovyov, L. (1909). The Fourth All-Russian Missionary Congress in Kiev on June 12—26, 1908. *Tobolsk Diocesan Gazette*, 3: 38—47. (In Russ.).
- State budgetary institution of the Tyumen region State Archive in Tobolsk. F. 1152. Tobolsk provincial government. Op. 3. D. 54; Op. 11. D. 1052; Op. 31. D. 670, 1307; Op. 32. D. 551, 554; Op. 35. D. 846. F. 1156. Tobolsk Spiritual Consistory. Op. 11. d. 1052, 1848; Op. 27. D. 1103; Op. 29. D. 2455. F. 329. General provincial government. Op. 3. d. 54*. (In Russ.).

The distribution of Old Believers and sectarians by interpretation and sects. Developed by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1901). St. Petersburg. 26 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Barsov, N. I. (1892). *Did the Inquisition exist in Russia?* St. Petersburg: Printing house of A. S. Suvorin. 20 p. (In Russ.).
- Bonch-Bruevich, V. D. (1911). *"New Israel"*. St. Petersburg: Printing house of B. M. Wolf. 485 p. (In Russ.).
- Butkevich, T. I. (1910). *Review of Russian sects and their interpretations*. Kharkiv: Printing house of the provincial government. 608 p. (In Russ.).
- Dobrotvorsky, I. (1869). *People of God. The Russian sect of the so-called spiritual Christians*. Kazan: University printing house. 200 p. (In Russ.).
- Gagarina, I. Yu. (2011). *Russian mystical sectarianism of the XVIII — beginning of the XXI century: historical and socio-psychological aspects*. PhD Diss. Moscow. 191 p. (In Russ.).
- Khlysty. (1903). *Encyclopedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron, XXXVII*. St. Petersburg: Printing house of the Brockhaus-Efron Joint-Stock Company. 402—409. (In Russ.).
- Klibanov, A. I. (1965). *The history of religious sectarianism in Russia (the 60s of the XIX century. 1917)*. Moscow: Nauka. 348 p. (In Russ.).
- Klibanov, A. I. (1973). *Religious sectarianism in the past and present*. Moscow: Nauka. 256 p. (In Russ.).
- Klibanov, A. I. (1989). *Popular anti-church movements. Russian Orthodoxy: milestones of history*. Moscow: Publishing House of Political Literature. 562—615. ISBN 5-250-00246-3. (In Russ.).
- Korikov, D. G. (2011). *The state, the Church and sectarianism in Russia in the second half of the XIX — early XX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 26 p. (In Russ.).
- Melnikov, P. I. (1909). Letters about the split. In: *The complete works of P. I. Melnikov (Andre Pechersky): In 7 volumes, 7*. St. Petersburg: A. F. Marx Publishing House. 417 p. (In Russ.).
- Nikolsky, N. M. (1983). *The history of the Russian Church*. Moscow: Politizdat. 448 p. (In Russ.).
- Solovyov, L. (1909). Information about the current state of the schism in the Tobolsk diocese. *Tobolsk Diocesan Gazette*, 19: 497—499. (In Russ.).
- Panchenko, A. A. (2002). *Christian sects and the community of eunuchs: folklore and traditional culture of Russian mystical sects*. Moscow: United Humanitarian Publishing House. 544 p. (In Russ.).
- Varadinov, N. (1863). *History of the Ministry of Internal Affairs, 8*. St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 667 p. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Тиховодова А. В. Деятельность благотворительных обществ и заведений в Нижегородской губернии во второй половине XIX — начале XX веков / А. В. Тиховодова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 486—511. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-486-511.

Tikhovodova, A. V. (2021). Activities of Charitable Societies and Institutions in Nizhny Novgorod Province in Second Half of XIX — early XX Century. *Nauchnyi dialog*, 9: 486-511. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-486-511. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-486-511

**Деятельность
благотворительных
обществ и заведений
в Нижегородской
губернии во второй
половине XIX — начале
XX веков**

Тиховодова Анастасия Владимировна
orcid.org/0000-0003-2762-3999
кандидат философских наук, доцент
кафедра философии
и социально-правовых наук
tikhovodova@list.ru

Волжский государственный
университет водного транспорта
(Нижний Новгород, Россия)

**Activities of Charitable
Societies and Institutions
in Nizhny Novgorod Province
in Second Half of XIX —
early XX Century**

Anastasia V. Tikhovodova
orcid.org/0000-0003-2762-3999
PhD in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
and Social and Legal Sciences
tikhovodova@list.ru

Volga State University
of Water Transport
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Тиховодова А. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена работе в различных областях социальной сферы общественных благотворительных организаций и заведений Нижегородской губернии в пореформенной Российской империи. Актуальность исследования обусловлена развитием благотворительной деятельности в современной России, необходимостью знакомства с историческим опытом. Выполнен обзор деятельности добровольных обществ, как общероссийских, имеющих отделения в Нижнем Новгороде, так и собственно региональных, в сфере социального обеспечения, здравоохранения и народного образования. На основе уставов и отчетов обществ рассмотрены их цели, задачи, структура управления, источники финансовых средств, формы помощи нуждающимся. Автор показывает возможности общественной самоорганизации в условиях самодержавия, характер и способы сотрудничества гражданского общества и власти. Выявлены причины развития благотворительности в Нижегородской губернии во второй половине XIX века, мотивы, побуждающие различные слои населения ею заниматься. В статье подчеркнут универсализм работы организаций, то есть объединение в рамках одного общества разных направлений деятельности. Автор приходит к выводу, что вторая половина XIX — начало XX веков — это период активной деятельности благотворительных обществ и заведений, главным препятствием в достижении целей которых был недостаток средств.

Ключевые слова:

гражданское общество; благотворительные организации и заведения; богадельня; приют; общественное призрение; взаимодействие общества и государства.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the work of public charitable organizations and institutions in the Nizhny Novgorod province of the post-reform Russian Empire in various areas of the social sphere. The relevance of the study is due to the development of charitable activities in modern Russia, the need to get acquainted with the historical experience. A review of the activities of voluntary societies, both all-Russian, with branches in Nizhny Novgorod, and, in fact, regional, in the field of social security, health care and public education has been carried out. On the basis of the charters and reports of the companies, their goals, objectives, management structure, sources of funds, forms of assistance to those in need are considered. The author shows the possibilities of social self-organization in the conditions of autocracy, the nature and methods of cooperation between civil society and the authorities. The reasons for the development of charity in the Nizhny Novgorod province in the second half of the XIX century, the motives prompting various segments of the population to engage in it are revealed. The universalism of the work of organizations, in other words unification within the framework of one society of different areas of activity are emphasized in the article. The author comes to the conclusion that the second half of the 19th — the beginning of the 20th century was a period of activity of charitable societies and institutions, whose main obstacle in achieving their goals was a lack of funds.

Key words:

civil society; charities and institutions; almshouse; shelter; public charity; interaction between society and the state.

Деятельность благотворительных обществ и заведений в Нижегородской губернии во второй половине XIX — начале XX века

© Тиховодова А. В., 2021

1. Введение

Либеральные реформы Александра II открыли широкие возможности для общественной самоорганизации. Это привело к значительному росту числа общественных организаций. Под *общественной организацией* понимается «самостоятельный институт, способный установить собственный устав, находящийся вне прямого контроля со стороны вышестоящих политических, то есть государственных органов, имеющий свои обособленные или внутренние задачи и способный вести собственные дела» [Брэдли, 2012, с. 35]. Появлению добровольных обществ способствовало и отечественное законодательство. До начала 60-х годов XIX века для учреждения общества необходимо было испросить высочайшее разрешение через Комитет министров. Затем данная процедура стала чересчур обременительной, так как количество организаций стало быстро увеличиваться. Закон от 12 января 1862 года право учреждения общества «для взаимного вспомоществования или с другой благотворительной целью и общепольною целью, по соглашению с подлежащими ведомствами» предоставил министерству внутренних дел [Полное собрание законов ..., 1865, с. 26]. Высочайшее предписание от 3 января 1869 года делегировало министру внутренних дел право утверждать уставы частных и общественных, в том числе благотворительных, организаций. А «Временные правила об обществах и союзах» от 4 марта 1906 года передали благотворительные общества в ведение Губернского по делам об обществах присутствия — совещательного органа при губернаторе.

Наиболее многочисленными и влиятельными общественными объединениями в Нижегородской губернии во второй половине XIX века являлись благотворительные организации. Благотворительность, согласно энциклопедическому словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, который начал издаваться в конце XIX века, — это «проявление сострадания к ближнему, нравственная обязанность имущего спешить на помощь к неимущему» [Энциклопедический словарь ...]. Данное определение отражало представление современников авторов энциклопедии о данном явлении. Благотворительная деятельность в Нижегородской губернии в пореформенный

период была широко востребована и активно развивалась. Причины этого кроются в социально-экономической ситуации, сложившейся в регионе после Великих реформ. Отмена крепостного права привела к появлению большого количества социально незащищенного населения: бывшие дворовые слуги, мелкопоместные разорившиеся и обнищавшие дворяне, временнообязанные крестьяне, не нашедшие работу и не заплатившие недоимку по выкупным платежам. К тому же в пореформенный период в Нижегородской губернии начался быстрый рост промышленности, край из торгового стал превращаться в индустриальный. Развитие промышленности и пароходства по Оке и Волге создавало много дешевых рабочих мест, что привлекало в Нижний Новгород беднейшие слои населения из округи. Со всей России в Нижегородскую губернию съезжались тысячи рабочих. Данные официальной статистики показывают значительный прирост населения с 1866 по 1900 год. 1866 год — 1 257 601 человек; 1878 год — 1 347 708 человек; 1900 — 1 650 000 человек [Из истории благотворительности ...]. Также в Нижний Новгород периодически прибывали сезонные рабочие, которые не имели прописки, но постоянно проживали в губернии. Таким образом, проблема социального обеспечения города и уездов стояла достаточно остро: необходимо было обеспечить медицинскую помощь, жилье, образование. Наличие ярмарки всероссийского масштаба также привлекало в город население со всей России и иностранцев. В городе концентрировались капиталы и население.

В Нижнем Новгороде сложился влиятельный слой крупных купцов и пароходовладельцев. Пожертвования этих людей стали основой бюджета практически всех благотворительных организаций. А идейным, объединяющим началом благотворительных обществ являлся культурный слой городской интеллигенции: писатели, общественные деятели, работники земских учреждений, чиновники, врачи, педагоги, адвокаты и даже ссыльные. В результате развитию благотворительной деятельности в регионе способствовали экономические успехи и большое количество преуспевающих предпринимателей. Купцы, промышленники выделяли средства на благотворительные цели, а органы попечительства и добровольные общества направляли средства на социальные нужды.

Можно выделить следующие мотивы благотворительной деятельности.

1. Профессиональные мотивы: заинтересованность крупного предпринимателя в высококвалифицированном персонале, который сможет пользоваться новым оборудованием, применять новейшие приемы ведения капиталистического хозяйства. Поэтому промышленники способствовали развитию профессионального образования, совершенствованию образо-

вательного процесса в средних и высших образовательных учреждениях, поддерживали талантливых неимущих учащихся.

2. Нравственные мотивы: так выражалась внутренняя потребность помогать нуждающимся; благотворительность воспринималась как проявление христианской морали.

3. Желание поощрения: благотворительная деятельность давала возможность предпринимателям получить ордена, медали, звания и другие отличия. Профессиональной деятельностью заслужить их было практически нельзя. Участие в работе благотворительных обществ также помогало получить казенный подряд.

4. Личные мотивы: важную роль играли и личные обстоятельства, и субъективные побуждения. Например, не имеющие детей купцы Н. А. Бугров и В. М. Бурмистрова стремились, возможно, обеспечить себе посмертную благодарность земляков.

5. Социальные мотивы: благотворительность была также попыткой избежать социальных катаклизмов и сгладить социальные противоречия.

6. Сословная солидарность: благотворительность часто носила сословный характер, например, была направлена на развитие сословных образовательных учреждений (Женское дворянское общежитие, содержание детей малоимущих дворян в Нижегородском кадетском корпусе и Александровском дворянском институте, приюты для призрения бедных дворян).

7. Религиозные мотивы: благотворительность рассматривалась как средство искупления грехов, форма раскаяния. Например, помещик С. Мартынов и члены его семьи активно делали пожертвования (Н. Мартынов убил на дуэли поэта М. Ю. Лермонтова).

О масштабах благотворительности в Российской империи во второй половине XIX века говорят следующие данные. По сведениям Ведомства учреждений императрицы Марии, в 1896 году «всех благотворительных обществ, братств, попечительств, комитетов и благотворительных корпораций в Российской империи насчитывалось 1404, в том числе 334 в Санкт-Петербурге и 163 в Москве. Благотворительных учреждений всего в России насчитывалось 3555, в том числе в Санкт-Петербурге — 638, в Москве — 453» [Россия. Просвещение ...]. К концу XIX века благотворительные заведения учреждались и спонсировались Министерством внутренних дел (2772), благотворительными организациями (959), Духовным ведомством (713), Ведомством учреждений императрицы Марии (317), Министерством народного просвещения (90), Военным министерством (52).

В Нижегородской губернии к 1896 году насчитывалось 16 благотворительных обществ и 48 благотворительных заведений. Из них 18 богаделен, 2 дома трудолюбия, 1 ночлежный дом, 2 странноприимных дома, 16 дет-

ских приютов, 1 ясли, 3 школы благотворительного характера, 5 лечебниц. Число жителей Нижегородской губернии, воспользовавшихся благотворительной помощью, согласно данным, которые удалось собрать к 1896 году Собственной Е. И. В. канцелярией по учреждениям императрицы Марии, было следующим: дети (мальчики — 2611, девочки — 1891), взрослые (мужчины — 7, женщины — 1873), лица, чей возраст и пол не зафиксирован (14495). Капиталы обществ и заведений составляли 1 014 371 рубль, частные взносы — 27 552 рубля, разные поступления и пожертвования — 138 510 рублей, пособия — 42 306 рублей, приблизительная стоимость недвижимости — 1 170 910 рублей.

В Нижегородской губернии имелись отделения общероссийских обществ и собственные региональные организации. Наиболее влиятельными общероссийскими благотворительными ведомствами, которые имели отделения и заведения и в Нижнем Новгороде, были Собственная его императорского величества канцелярия по учреждениям императрицы Марии (1828 год) (1881 год — 459 благотворительных и учебных заведений); Императорское человеколюбивое общество (1802 год) (1913 год — 274 благотворительных заведения в Санкт-Петербурге, Москве и 37 губерниях России); Российское общество Красного Креста (400 учреждений по всей стране, в том числе 3 инвалидных дома, лечебницы, амбулатории); Попечительство о домах трудолюбия и работных домах, находившееся под покровительством Ее императорского величества императрицы Александры Федоровны (1895 год) (в 1898 году — 175 домов трудолюбия в различных губерниях Российской империи). Также многочисленными были благотворительные учреждения духовного ведомства.

Учреждались и различные местные благотворительные организации, например: Общество вспоможения бедным, Общество поощрения высшего образования. Е. М. Костина подразделяет благотворительные общества на более крупные, оказывавшие благотворительную помощь разным группам нуждающихся, и более мелкие, занимавшиеся отдельной небольшой группой социума, то есть помогавшие адресно [Костина, 2007, с. 67]. Благотворительные организации проявляли себя в разных направлениях деятельности.

2. Благотворительные общества и заведения в сфере социального обеспечения

Оказанием помощи неимущим занималось Общество вспоможения бедным, основанное в 1873 году. Согласно Уставу, цель Общества заключалась в доставлении «средств к улучшению нравственного и материального состояния бедных жителей Нижнего Новгорода» [Сборник ..., 1894, с. 345]. Общество обеспечивало подопечных одеждой, пищей и жильем, помогало

им искать место работы и выгодно продавать изделия, выдавало в случае необходимости пособия. Также Общество брало на себя обязательство помогать в воспитании сирот и детей бедных родителей, продавать книги для народного чтения с соблюдением установленных правил, снабжать бедных медицинскими пособиями, размещать престарелых и неизлечимо больных в богадельни, помогать неимущим средствами к существованию, способствовать в возвращении на родину. Общество занималось устройством на общем основании школ, сиротских домов, дешевых квартир, общего котла для снабжения дешевой пищей и т. п. благотворительных заведений. В члены Общества принимали неограниченное число людей, как мужчин, так и женщин, всех состояний и званий. Члены Общества делились на почетных членов (лица, оказавшие Обществу услуги или сделавшие значительные пожертвования) и действительных (лица, вносившие ежегодные взносы в размере, определяемом Обществом). Соревновательным членом считался человек, внесший взнос меньше установленного размера. Денежные средства могли заменяться личным трудом. Так, звание почетных членов получали врачи, оказывавшие свои услуги бесплатно; аптекари, снабжавшие подопечных Общества лекарствами по сниженной цене; учителя, безвозмездно обучавшие опекаемых детей; лица, взявшие на воспитание или на содержание кого-либо из бедных. Все члены Общества избирались Общим Собранием Общества через закрытую баллотировку. Капитал Общества формировали ежегодные взносы его членов, пожертвования посторонних лиц и кружечный сбор. Пожертвования принимались не только деньгами, но и вещами. Кружки выставлялись в разных местах с разрешения местного начальства. Для привлечения дополнительных средств Общество могло устраивать публичные чтения, спектакли, концерты, балы, лотереи и т. п. Часть ежегодных взносов составляла запасной капитал, средства которого расходовались только с разрешения Общего Собрания. В Правление Общества входили председательствующий, казначей, секретарь и 8 членов, избиравшихся на 3 года Общим Собранием. Правление собиралось 2 раза в месяц. Правление принимало решения большинством голосов наличных членов; в случае равенства голосов решающим являлось мнение председательствующего. В функции Правления входило распределение обязанностей между членами Общества, собрание сведений об опекаемых Общества, выделение пособий в размере насущной необходимости и в соответствии с возможностями Общества, вскрытие кружек и ежемесячный подсчет средств и имущества Общества, созыв Общих Собраний, взаимодействие с подлежащими Обществу местами и лицами, привлечение новых членов, организация спектаклей, концертов, лотерей, разработка способов достижения целей Общества, надзор за благотворительными учреждениями Общества и отдельными ли-

цами (сиротами), рассмотрение отдельных вопросов, составление отчета о действиях Общества за прошедший год. Для попадания в число опекаемых Обществом нуждающийся в помощи должен был обратиться с просьбой к кому-либо из членов Правления. Правление должно было собрать сведения об обратившемся за помощью и определить размер пособий или другие виды помощи. Общее Собрание проходило, как правило, раз в год, исключая чрезвычайные случаи. Для того, чтобы Собрание считалось состоявшимся, на нем должны были присутствовать не менее трети проживающих в Нижнем Новгороде членов Общества.

Деятельность Общества была строго подотчетной, отчеты публиковались в местных губернских ведомостях и периодическом издании МВД. Общество могло приобретать недвижимую собственность с благотворительной целью. Правительство и должностные лица могли оказывать Обществу помощь в его деятельности. В момент открытия в состав Общества входило 249 членов. Почетными членами являлись М. М. и И. М. Рукавишниковы, Н. А. Бугров, Ф. А. Блинов. Общество наблюдало за социальной ситуацией в городе, для этого город был разделен на 12 участков по числу кварталов. Все выдачи и выплаты осуществлялись после рассмотрения прошений. В основном объектами социальной опеки становились крестьяне, мещане и младшие воинские чины. В результате деятельности Нижегородского губернского земства и Нижегородского Общества вспоможения бедным по привлечению средств частных благотворителей на содержание заведений социальной защиты в городе появилась целая сеть богаделен и приютов.

На пожертвования частных благотворителей были открыты богадельни для одиноких, больных, престарелых и увечных мужчин и женщин: Николаевско-Мининская городская мужская и женская богадельни на 240 человек, Александровская городская женская богадельня на 80 человек, Ночлежный приют имени А. П. Бугрова на 450 мужчин и 45 женщин [Список...]. Например, Александровская богадельня существовала за счет Николаевского общественного банка, пожертвований купцов первых двух гильдий и пособия земств. В 1872 году купец А. С. Остатосников пожертвовал Александровской женской богадельне участок усадебной земли [Зрячева, 2007, с. 169]. При богадельне существовала бесплатная столовая, где бедняки ежедневно получали обед из двух блюд и хлеба. Также существовали небольшие богадельни в уездах Нижегородской губернии в Балахне, Семенове и других. В 1894 году Н. А. Бугров внес средства для создания Филипповской женской богадельни, в которой могли состоять 40 престарелых или увечных женщин, исповедовавших старообрядчество.

В 1887 году был открыт Городской общественный имени Блиновых и Бугровых Вдовий Дом. Цель его состояла в «доставлении удобных да-

ровых квартир неимущим вдовам с их малолетними детьми» [Из истории благотворительности ...]. Во Вдовьем Доме на площади Лядова располагалось 160 квартир, в которых размещались около 600 человек. Жители дома могли получать бесплатную медицинскую помощь и покупать лекарства по сниженной цене. Позднее при доме было открыто ремесленное училище, в котором обучались дети вдов. Вдовым Домом управлял комитет, пожизненными членами которого были благотворители. Председателем попечительского комитета являлся городской голова. Во Вдовьем Доме устраивались праздничные мероприятия, делался ремонт, регулярно подвозилось продовольствие. Благотворители оплачивали обучение детей вдов не только в начальных училищах, но и в средних учебных заведениях (гимназии, реальном училище, Дворянском институте).

В 1902 году в селе Сормово Балахнинского уезда было учреждено Общество попечения о бедных, во главе которого стояла В. Н. Мещерская и служащие заводов. Формы помощи Общества: выдача денежных пособий, обеспечение одеждой и обувью, материальная помощь ученикам из бедных семей. Уточнялись причины бедности, поэтому пьяницы получить в Обществе помощь не могли.

Сословный характер благотворительности проявлялся в учреждении обществ для представителей определенного сословия. Так, Нижегородское мещанское общество содержало Дом призрения для бедных мещан. А 28 октября 1878 года Министром внутренних дел был учрежден Приют для призрения бедных дворян Нижегородской губернии. Цель приюта — «призрение неимущих потомственных дворян Нижегородской губернии, православного исповедания, без различия пола и возраста» [Сборник..., 1894, с. 439]. Помещение для приюта было пожертвовано вдовой штабс-капитана Екатериной Дмитриевной Каратаевой, поэтому правом поступления в приют пользовались потомственные неимущие дворяне, находившиеся в родстве с ее мужем. В здании имелась придомовая церковь. Дети могли приниматься в приют только вместе с родственниками. В приют не принимались лица, ведущие порочный образ жизни, и лица, страдающие душевными заболеваниями, а также эпилепсией и хереей («пляска святого Вита»). Число призреваемых изначально было невелико (5 человек), но постепенно это число увеличивалось, дети принимались по особому распоряжению дворянского собрания в соответствии со средствами приюта и с вместимостью здания. Преимущество отдавалось дворянам более древнего происхождения. Призреваемые в приюте бесплатно пользовались помещением, содержанием, отоплением, освещением, лечением, прислугой, одеждой. По усмотрению Совета призреваемым могли выдаваться деньги на личные расходы. Лица, поступившие в приют, сохраняли за собой пол-

ную свободу действий, могли заниматься тем, чем пожелают. Исключение из приюта происходило по решению Совета, по собственному желанию или за поступки, не соответствующие богоугодному заведению. Приют содержался на проценты с принадлежащих ему капиталов. Также на нужды приюта шла часть ежегодной прибыли Александровского дворянского банка в размере 1500 рублей. Бывший губернский предводитель дворянства М. Б. Прутченко пожертвовал приюту 15 тысяч рублей. Данная сумма, с учетом процентов и пожертвований нижегородского дворянства, составляла основной капитал приюта (23 800 рублей). Управление приютом осуществлял Совет, в который входили губернский предводитель дворянства, почетный попечитель или попечительница, нижегородский уездный предводитель дворянства и три попечителя, избиравшиеся на 3 года. Звание почетного попечителя предоставлялось дворянским собранием пожизненно и утверждалось нижегородским губернатором. Его получали лица, оказавшие особую помощь в устройстве и содержании приюта. Непосредственным заведением приюта занималась смотритель или смотрительница, избиравшиеся Советом из числа посторонних лиц или из числа призреваемых дворян при условии их добровольного согласия. Смотрителю или смотрительнице выплачивалось жалование и предоставлялось содержание, отопление и освещение в помещении приюта. Совет вел точный учет выдаваемых смотрителю денежных средств. Отчет о средствах и расходах приюта ежегодно доводился до сведения губернского Дворянского Собрания. В приют приглашался священник из приходских церквей для совершения богослужения. Также в приюте имелся врач, который должен был регулярно посещать призреваемых и бесплатно лечить больных.

Особая группа населения, нуждающаяся в помощи, — это дети. 12 ноября 1892 года было открыто Убежище для призрения бедных детей. Убежище находилось под наблюдением Правления Общества вспоможения бедным и содержалось на средства Общества и на поступающие пожертвования. В Убежище могли содержаться 100 детей от 4 до 12 лет, как мальчики, так и девочки. Детям предоставлялось помещение, пища, одежда и уход. Также в случае необходимости детям оказывалась медицинская помощь. Дети обучались грамоте, рукоделию, ремеслам, занимались и другими работами. Они попадали в Убежище по личной просьбе, по просьбе родителей или опекунов, по указу полиции, по ходатайству представителей мещанского и ремесленного обществ. Делами Убежища заведовал Попечительский Совет, который избирался Правлением Общества вспоможения бедным и собирался еженедельно. Постоянное наблюдение за детьми, заведение хозяйством и его инвентарем поручалось надзирательнице, которая определялась и увольнялась Правлением Общества по представлению Попечительского

Совета. Убежище имело прислугу, число которой зависело от количества находящихся в заведении детей. Контроль за прислугой также осуществляла надзирательница. Суммы, отчисляемые на нужды Убежища, определялись Правлением Общества призрения бедных. Члены Попечительского Совета Убежища принимали участие в собраниях Правления Общества. Учет финансов велся казначеем Убежища, отчет о средствах заведения прилагался к ежегодному отчету Общества призрения бедных и также отправлялся в МВД. Таким образом, Убежище готовило детей к будущей взрослой жизни, прививало им необходимые знания и умения. В 12 лет дети возвращались родителям, родственникам или опекунам, а также в мастерские, школы и другие воспитательно-образовательные заведения.

В 1893 году было организовано также Убежище для дневного призрения бедных детей, оставшихся без надзора. Оно было учреждено Обществом «Ясли», которое преследовало цель «дать дневное призрение детям бедных жителей города Нижнего Новгорода, остающимся во время дневных работ их родителей или родственников без надзора» [Сборник..., 1894, с. 337]. Число детей, принимаемых в Общество, ограничено не было. Находиться там могли дети с 3 месяцев до 5 лет. Дети другого возраста брались под надзор в исключительных случаях. Пребывание детей было дневным, с 5 или 6 утра до 9 часов вечера, на ночь родители были обязаны их забрать. Во время нахождения в Убежище дети получали пищу, белье и одежду заведения. При заведении находился врач. Дети, страдающие инфекционными заболеваниями, в Убежище не принимались. Средства заведения складывались из пожертвований членов Общества и посторонних лиц деньгами и вещами, членских взносов, сумм, поступающих от членов по сборным книжкам, выдаваемым постановлением Правления. Последний сбор не должен был носить публичного характера. Также в пользу заведения устраивались лекции, спектакли, концерты и другие общественные развлечения. 5—10 % от финансов Общества отчислялись в запасной капитал. Эти деньги обменивались на государственные или гарантированные правительством процентные бумаги, которые хранились в банке, выбранном по усмотрению Правления.

Состав членов Общества «Ясли» был аналогичен другим организациям. Члены делились на почетных, действительных и соревновательных. Почетные — лица, сделавшие в пользу Общества значительные пожертвования (не менее 100 рублей) или оказавшие Обществу значительные услуги и выбранные на Общем Собрании. Действительные члены ежегодно вносили в пользу Общества 5 рублей, соревновательные — 3 рубля. В состав Правления Общества входили председатель и 5 членов, которые избирались на 1 год Общим Собранием простым большинством голосов.

Общество также находилось в ведении МВД. Ежегодно Общество направляло отчеты в местные ведомости и через губернатора в МВД.

В Нижнем Новгороде располагалось Нижегородское губернское попечительство детских приютов, относящихся к ведомству учреждений императрицы Марии. Согласно «Положению о детских приютах ...», целями их деятельности являлись «призрение бедных обоего пола, детей без различия звания, вероисповедования, сословий и происхождения; доставление им религиозно-нравственного воспитания и первоначального образования» [Сборник..., 1894, с. 170]. Оказывались следующие виды помощи: «1) дневное призрение детям, остающимся во время дневных работ их родителей без надзора, или лишенным возможности получить дома первоначальное образование и воспитание; 2) призрение на постоянном и полном содержании детей обоего пола, круглых сирот, полусирот и таких, родители которых не имеют средств для их воспитания и обучения; 3) призрение бесприютных младенцев обоего пола» [Там же, с. 171]. В ведении губернского попечительства находились Александровский приют (21 апреля 1845 года), Мариинский приют (20 ноября 1851 года), ремесленное училище при Александровском приюте, богадельня в селе Ключищи (23 ноября 1905 года) Помимо финансовой, члены Попечительского Совета оказывали приютам и другие виды помощи (например, бесплатное медицинское обслуживание). Нижегородские предприниматели передавали в приюты продукты, лакомства, подарки и т. п. Также частные благотворители в Нижнем Новгороде открыли Нижегородский городской воспитательный дом имени М. Ф. и Е. П. Сухаревых (в 1905 году — 59 детей), приют при Живоносном церковно-приходском попечительстве (в 1911 году — 48 детей) [Из истории благотворительности ...]. Приют подкидышей Нижегородского губернского земства существовал в основном на деньги частных благотворителей.

Нижегородский городской приют для малолетних имени графини О. В. Кутайсовой был открыт в 1875 году. Первоначальный капитал приюта в размере 25 тысяч рублей был пожертвован Ольгой Васильевной Кутайсовой — женой нижегородского губернатора графа П. И. Кутайсова. Ее начинание поддержал губернатор и император Александр II. Первые 3 года приют бесплатно располагался в доме М. Н. Колчигина. Затем для приюта был построен собственный дом, в котором были также школа и лазарет. Изначально он рассчитывался на 24 ребенка, но по мере увеличения средств приюта число призреваемых детей постоянно росло. Целью приюта стало «призрение малолетних детей, преимущественно круглых сирот обоего пола и всякого звания, а также тех детей, родителей которых, по болезни или другим причинам, не имеют возможности содержать их» [Сборник..., 1894, с. 381]. В приют принимались дети с грудного возраста и до 10 лет. При-

зреваемым давалось полное содержание: помещение, пища, одежда и надлежащий уход. Дети от 7 до 10 лет могли отправляться в другие приюты ведомства императрицы Марии. По достижении 10 лет дети передавались родителям, родственникам или опекунам. Если таковых не оказывалось, детей отправляли в мастерские, школы, приюты ведомства императрицы Марии или в услужение. При приюте имелось отделение яслей, в которое матери, занятые поденной работой, могли отдавать своих детей с 6 утра до 9 вечера для надежного попечения. Дети принимались в приют по заявлению родителей, родственников или опекунов. Дети должны были иметь при себе документы. Забрать детей из приюта можно было только с разрешения Правления Общества. Основным капитал для приюта (10 тысяч рублей) был собран Нижегородским обществом вспоможения бедным. На потребности приюта расходовался 1 % с основного капитала. Большую роль в финансировании заведения играли пожертвования. Значительные пожертвования внесли богатейшие промышленники и купцы Нижнего Новгорода: Я. Е. Башкиров, У. С. Курбатов, Ф. А. Блинов, Н. А. Бугров, А. Е. Зайцев, Н. Н. Жадовский.

Приют имел трех почетных покровителей, непосредственного попечителя, неограниченное число почетных попечителей, почетных и действительных членов, членов-соревнователей. В дальнейшем им могло быть присвоено звание почетных или действительных членов Общества вспоможения бедным. Почетными покровителями приюта являлись епископ Нижегородский и Арзамасский, губернатор и попечительница детских приютов ведомства императрицы Марии. Непосредственным попечителем приюта являлся нижегородский городской голова. Условия получения звания почетных и действительных членов были аналогичны правилам других заведений. Нужно было внести 500 рублей единовременно либо в течение 10 лет вносить ежегодно по 50 рублей. Члены-соревнователи жертвовали приюту не менее 3 рублей в год. Приют находился под главным наблюдением Правления Общества вспоможения бедным. Решение всех дел приюта зависело от Правления Общества вспоможения бедным. Избираемый Правлением комитет из числа членов Общества, состоявший из 5 человек, должен был наблюдать за правильностью исполнения постановлений Правления. Весь внутренний порядок и благоустройство приюта, его хозяйственные дела и все служащие приюта находились под непосредственным наблюдением комитета или лиц, его заменяющих. В обязанности комитета входило: хранение сумм и пожертвований; выдача переданных Правлением денег на расходы; найм и увольнение прислуги; правильное ведение приходно-расходных книг. Два раза в месяц, в дни заседаний Правления, Комитет представлял отчет о своих действиях, о расходовании сумм на содержание приюта. В конце года Комитет составлял годовой от-

чет в Правление Общества вспоможения бедным, который представлялся годовому Общему Собранию Общества. Служащими приюта являлись надзирательница, две ее помощницы (няньки) и прислуга. В обязанности надзирательницы входил контроль за исполнением всех правил и распоряжений, касающихся правильного ухода за детьми и внутреннего распорядка приюта. Надзирательница несла ответственность за все имущество приюта и всю его документацию, заводимую на призреваемых детей. При приюте находился врач, который посещал приют 1 раз в неделю. В случае заболевания ребенка врач обязан был посещать его по мере необходимости. В школе приюта преподавали выдающиеся педагоги, которые получали специальную прибавку к жалованию. В 1883 году в нем было 50 воспитанников, в 1890 году – 71 [Приложение..., 1886].

Подготовкой детей к будущей жизни занималось и Мининское братство, открытое 1 июля 1871 года. Это братство было учреждено при Космодамианской церкви. Цель деятельности общества — «бескорыстное, ради единой любви ко Христу, содействие образованию и нравственному воспитанию бедных» [Сборник ..., 1894, с. 401]. Деятельность братства благословил епископ Филарет. Мининское братство содержало в Нижнем Новгороде городское начальное училище, ремесленную школу (столярная, медно-жестяная, переплетная мастерские), приют для беднейших учеников. Наибольшее пожертвование в пользу братства внес купец А. Е. Зайцев, который был председателем Совета и смотрителем ремесленной школы. Купец Д. А. Обрядчиков завещал братству капитал, с которого ежегодно поступало более 1500 рублей процентных отчислений. Ежегодные взносы платили члены братства, чиновники, педагоги, зажиточные мещане. Братство получало субсидии от городского и сословного самоуправления.

По мере накопления средств братство стало предоставлять квартиру и пищу учащимся школы, которые не имели жилья и средств к существованию. Были открыты отделение для мальчиков и особое отделение для девочек. Кроме школьного обучения, братство прививало ученикам, как живущим в школе, так и приходящим в нее, навыки ремесленной деятельности, которые могли пригодиться им в будущей жизни. Братство через своих представителей имело право хлопотать об определении призреваемых им детей в казенные ремесленные и учебные заведения, а также и об устройстве их на частные места в частные заведения и мастерские, в услужение частным лицам. Частные лица и заведения обязаны были заключить контракт с братством, в случае нарушения которого дети либо возвращались в школу, либо переводились на другие места и к другим лицам.

При школе братства с целью нравственного воспитания имелась библиотека из книг религиозного содержания. Учащиеся могли свободно

пользоваться библиотекой как в самой квартире, так и у себя дома. В братство могли входить лица всех званий и состояний, без различия пола. Члены братства должны были вносить в кассу ежегодно не менее 2 рублей. Средства братства состояли из ежегодных взносов его членов, единовременных пожертвований деньгами как членов братства, так и посторонних благотворителей; из пожертвований вещами; кружечного сбора (осуществлялся в часовне и в квартире братства); денег, собираемых членами братства с помощью книжек, которые выдавались Советом братства. Делами братства управлял Совет братства и Общее собрание братства. Совет братства собирался на квартире братства 1 раз в месяц, все дела на Совете решались простым большинством голосов. Общие Собрания проводились 1 раз в год. После открытия призреваемых было 30 мальчиков, затем в ремесленном училище обучалось в 1872 году – 43, в 1873 году — 78, в 1874 и 1875 годах – до 90 человек [Галай ...]. Дети принадлежали к разным условиям. Обучение длилось 3 года, ученики были разделены на три отделения. Преподавание вели 2 учителя и 1 законоучитель (священник Космодамианской церкви). Братство прекратило свою деятельность в период Первой мировой войны. В целом в Нижегородской губернии во второй половине XIX — начале XX веков действовало около 20 разнообразных братств с нравственно-воспитательными, образовательными и другими благотворительными целями (Братство святых Кирилла и Мефодия, братство святого Георгия, братство святого Креста и другие).

Таким образом, благотворительная деятельность по организации приютов с привлечением государственных, общественных и частных средств была распространенной и эффективной.

3. Благотворительные организации и заведения в сфере народного образования

Необходимость в развитии и распространении народного образования была огромна. До проведения земской реформы состояние народного образования в Нижегородской губернии было плачевным. В 1860 году было всего 87 школ, их состояние оставляло желать лучшего. Земства стали принимать активное участие в открытии новых школ и увеличении расходов на народное образование. Земства выступают в союзе с общественными просветительскими организациями. По мнению Е. Г. Капановой, со второй половины XIX века общественная деятельность и инициатива выступает мощнейшим фактором развития образования [Капанова, 2007, с. 200]. В целях распространения образования благотворительная помощь оказывалась как обучающимся различных учебных заведений, так и учащимся отдельных учебных заведений.

Одним из старейших и наиболее активных было Общество распространения грамотности, основанное в 1872 году. С 1887 года организация стала называться Общество распространения начального образования. Общество имело 200 отделений в 11 уездах губернии. Его цель — «утверждение в народе религиозных и нравственных понятий и распространение сельскохозяйственных знаний как в существующих ныне начальных школах, так и в тех, которые будут открываться вновь» [Сборник..., 1894, с. 357]. Для достижения этой цели Общество обеспечивало школы лучшими учебниками, общедоступными сочинениями и статьями по сельскому хозяйству, одобренными Министерством народного просвещения, а также выписывало для школ новейшие руководства по обучению грамоте, книги, прописи и другие учебные пособия. В начале своей деятельности Общество ежегодно назначало определенную сумму для безвозвратной выдачи тем лицам, которые в местностях, где нет школ, обучали чтению и письму до 15 человек. Общество взяло на себя обязательство учреждать школы и для детей, и для взрослых, как мужские, так и женские. Объектом интересов Общества стало неграмотное или малограмотное крестьянское население, не посещавшее школы. Школы должны были находиться под непосредственным ведением приходских священников, которые и преподавали в этих школах. Общество назначало и выплачивало премии за составление для народных школ руководств по разным отраслям сельского хозяйства. Руководства рассматривались и одобрялись Ученым комитетом Министерства народного просвещения.

Общество состояло из членов-учредителей, действительных членов, членов-благотворителей и членов-соревнователей. Члены-учредители избирали из своей среды председателя Общества и 6 членов в Совет Общества. Члены Совета заведовали делопроизводством, казначейской частью и библиотекой. Члены Совета могли быть избираемы неоднократно. Члены-учредители и действительные члены обязаны были ежегодно вносить в кассу Общества 3 рубля. Членом-благотворителем можно было стать, внося единовременное крупное пожертвование, или взяв на содержание местную школу, или обеспечив школы нужными учебными пособиями. В члены-соревнователи приглашались лица, проживающие в уездах и известные Обществу своим попечением о народном образовании. Председателем совета Общества был действительный статский советник Петр Петрович Иванов. В совет входили 6 человек: баронесса Е. П. Фредерикс, В. Я. Распопова, П. И. Носович, М. В. Алаев, А. С. Гациский (председатель губернской ученой архивной комиссии), А. С. Кузнецов [Адрес-календарь..., 1873, с. 99]. В 1901 году Общество возглавил нижегородский адвокат А. И. Ланин (1845—1907), в конторе которого когда-то служил письмоводителем А. М. Горький. С именами А. И. Ланина, А. М. Горького, энтузиаста народного просвещения Н. Н. Иор-

данского (1863—1941) связан самый плодотворный период деятельности Общества (конец XIX — начало XX века).

Средства Общества состояли из ежегодных взносов членов-учредителей и действительных членов; пожертвований от членов-благотворителей и других лиц; из доходов от открываемых Советом подписок на дело распространения грамотности; из сборов от спектаклей и живых картин; из доходов от перепечатывания книг, статей и продажи их по установленной Собранием Общества цене; из пособий, выделенных губернским или уездным земством; пособий из сбора за право обучения в учебных заведениях (с разрешения учебного начальства). Расходы Общества делились на постоянные и единовременные. Постоянные шли на содержание учреждаемых Обществом школ по отдельным для каждой школы сметам. Единовременные производились по непосредственному назначению Совета (например, пособия лицам, способствующим распространению грамотности). Школы открывались Обществом на основании правил Положения о начальных народных училищах от 14 июня 1864 года и постановлений о народном образовании. Общество устраивало народные библиотеки, его члены читали публичные лекции для рабочих и крестьян. Таким образом, Общество заложило основы внешкольного образования в Нижегородской губернии.

В 1903 году Общество переехало в собственное здание — Народный дом. Возведение дома — результат эффективного сотрудничества гражданского общества и власти (центральной и местной). Городская управа выделила в бесплатное пользование участок земли, Министерство финансов предоставило крупную безвозвратную субсидию. В сборе средств среди нижегородской интеллигенции и купечества активное участие принимал А. М. Горький. Также свой вклад внесли известная просветительница С. В. Панина и великий певец Ф. И. Шаляпин. Народный дом был построен по проекту П. П. Машиновского. В нем проходили лекции, спектакли, литературно-музыкальные вечера. Сейчас в нем находится Оперный театр имени А. С. Пушкина.

Масштабной была работа Общества для пособия учащимся в начальных народных училищах, основанного 6 января 1892 года. Общество имело отделения в уездах (например, в Балахне). Его деятельность также не ограничивалась отдельными учебными заведениями. Цель работы Общества — «оказывать всякого рода помощь нуждающимся ученикам и ученицам Нижегородских начальных народных училищ» [Сборник..., 1894, с. 491]. Для осуществления этой цели Общество доставляло нуждающимся детям одежду, обувь, белье, книги и разные учебные пособия, медицинскую помощь. Также детям, оказавшимся совсем без средств к существованию, Общество предоставляло квартиру и пищу. Самым способным из нуждающихся учеников и учениц выделялись средства для продолжения образования в уезд-

ном, Кулибинском, Епархиальном училищах и других местных учебных заведениях. Также Общество содействовало устройству по программам, утвержденным ближайшим учебным начальством, школьных праздников, елок, бесед, образовательных прогулок и т. п. В Общество могли принимать неограниченное число лиц без различия пола и звания. Почетными членами Общества становились лица, внесшие единовременное пожертвование не менее 100 рублей, а также оказавшие Обществу важные услуги и выбранные на Общем Собрании. Действительные члены вносили ежегодный взнос в размере 5 рублей или единовременный взнос не менее 50 рублей. Члены-сотрудники избирались на Общем Собрании и, поскольку трудились на пользу учащимся в Нижегородских городских начальных училищах, могли не делать взносы. Таким образом, средства Общества складывались из членских взносов, доходов от чтений, спектаклей, концертов, пожертвований лиц и учреждений деньгами и вещами, сумм, поступающих по сборным книжкам членов Общества. Запасной капитал Общества складывался из взносов почетных и действительных членов, из 10 % от других доходов и хранился в банке. Правление Общества состояло из 5 членов, избираемых на 1 год на Общем Собрании его членов. Правление собиралось не реже 1 раза в месяц. Правление заведовало документацией, отчетностью и средствами Общества. Общие Собрания созывались 2 раза в год, но могли быть и экстренные. Дела в Общем Собрании решались простым большинством голосов. Общество могло приобретать недвижимое имущество и владеть им с благотворительной целью. Общество находилось в ведении МВД, поэтому изменение и дополнение устава было возможно только с его разрешения. Годовые отчеты общества печатались в местных ведомостях и направлялись через губернатора в МВД. Работа таких обществ была построена на увлечении общим полезным делом и самоотверженности отдельных людей.

Также создавались общества для помощи учащимся отдельных учебных заведений. Например, Кирилло-Мефодиевское братство обеспечивало учеников нижегородской губернской гимназии. Братство святых и равноапостольных Кирилла и Мефодия было учреждено при церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Нижнем Новгороде в 1871 году. Цель братства — «содействие религиозно-нравственному воспитанию бедных учеников Нижегородской губернской гимназии чрез помещение не имеющих в Нижнем Новгороде родителей и сирот в благонадежных семействах, чрез устройство для них общих ученических квартир; взносом установленной платы за учение, выдачу книг и других учебных пособий, доставлением неимущим обуви и платья и других принадлежностей, для ученика необходимых, а равно и медицинских пособий» [Сборник..., 1894, с. 419—420]. Члены братства делились на братчиков (ежегодный взнос не менее 5 рублей, об-

ладали правом голоса на собраниях), благотворителей (жертвовали деньгами или вещами по мере возможности), почетных братчиков (денежные пожертвования в значительном размере). Братство состояло под непосредственным покровительством епархиального архиерея и нижегородского губернатора, что способствовало активизации пожертвований. Деятельность братства определялась Общим Собранием братчиков, а исполнение всех решений Общего Собрания предоставлялось Совету братства. Из среды братчиков выбирались лица для выполнения определенных обязанностей (сбор денег в пользу братства, поиск средств на нужды учеников, оказание заболевшим ученикам помощи, уход за ними под руководством врача). Совет братства состоял из 9 членов, из которых 6 членов были выборные, а 3 постоянные (директор, инспектор и врач гимназии). Сначала председателем Совета братства стал М. М. Рукавишников, пожертвовавший 17 тысяч рублей на нужды организации. Проценты с этого капитала шли на содержание братства. Также Рукавишников построил дом для общежития братства. Семья Рукавишниковых выплачивала именную стипендию гимназистам, проживающим в общежитии братства. Позже председателем Совета был Алексей Иванович Узатис — видный ученый в области горного дела, управляющий судостроительным заводом в Сормове. Значительные средства в пользу братства вносили представители местного духовенства, интеллигенции и купечества. Большую роль в деятельности братства играл Константин Иванович Садоков — директор гимназии.

Средства братства также складывались из ежемесячных взносов братчиков, единовременных пожертвований благотворителей, платы учеников за проживание в общей ученической квартире. В одной ученической квартире, финансируемой братством, не должно было проживать более 10 человек. На квартиру принимались сироты и дети родителей, не проживающих в Нижнем Новгороде; дети, отличавшиеся хорошим поведением и по возможности одного возраста. Ученики помещались либо бесплатно, либо со взносом половины суммы, если родители имели такие средства. На каждого ученика отпускатся около 10 рублей в месяц. На эти деньги оплачивались: найм квартиры, освещение, стол, чай, прислуга, стирка белья, все, кроме платья и учебных пособий. Непосредственным управлением общей квартирой занимался специальный человек, выбранный Советом братства. Братство не исключало возможности оказывать помощь учащимся и других учебных заведений.

Также существовало Общество вспомоществования бедным ученицам Нижегородской Мариинской женской гимназии, основанное в 1892 году. Согласно Уставу Общества от 27 июля 1892 года, оказывались следующие виды помощи: «1) устройство для учениц общих квартир с полным содержанием, за умеренную плату или бесплатно; 2) взнос платы за право

учения; 3) бесплатная выдача учебников и учебных пособий; 4) снабжение одеждою, обувью и прочими необходимыми вещами; 5) уплата за квартиры с полным содержанием; 6) медицинские пособия» [Там же, с. 235]. Обучение в гимназии было платным, а ученицы были, как правило, из небогатых семей. Стоимость обучения составляла сначала 20, затем 60 и 80 рублей [Васильева, 2010, с. 8]. Одна ученица могла претендовать только на один вид помощи, решение о типе пособия принимало Общество. Средства общества суммировались из единовременных и ежегодных взносов членов, единовременных пожертвований разных учреждений и частных лиц, платы от платежеспособных учениц за проживание на квартирах, процентов с запасного и основного капиталов Общества, сборов с публичных чтений, спектаклей, концертов, литературных вечеров и других мероприятий, устраиваемых в пользу Общества. Также Общество проявляло заботу о дальнейшем образовании учащейся, но только в случае успешного окончания гимназии и поступления в высшее учебное заведение. Благодаря деятельности Общества наиболее талантливые нуждающиеся ученицы могли сделать карьеру на педагогическом или медицинском поприще.

Благотворительная помощь оказывалась и учащимся высших учебных заведений. В 1893 году было основано Общество поощрения высшего образования. Цель общества — «помощь для продолжения образования лицам обоего пола, жителям Нижегородской губернии или учившимся в средних учебных заведениях Нижегородской губернии» [Сборник..., 1894, с. 291]. Помощь выражалась во взносах за обучение тех студентов, кто в этом нуждался; в выдаче постоянных и единовременных денежных и других пособий; в предоставлении занятий. Лица, окончившие курс в высших учебных заведениях Нижегородской губернии при помощи Общества, могли получить от Общества долгосрочные и беспроцентные ссуды. Средства общества формировались из тех же источников, что и других благотворительных организаций. Помощь оказывалась в первую очередь студентам 1 курса, так как они меньше всего были приспособлены к новым условиям жизни. Общество оказывало в основном материальную помощь определённой группе учащихся, меньше внимания уделяя совершенствованию процесса обучения.

Материальная поддержка была необходима и педагогическому составу учебных заведений, поэтому в 1894 году было основано Общество взаимного вспомоществования учителям и учительницам Нижегородской губернии. Оно поставило перед собой цель «помогать нуждающимся учителям и учительницам денежными пособиями, поиском им занятий и другими видами материальной помощи. А также способствовать пополнению их педагогических знаний» [Там же, с. 269]. Действительными членами могли быть лица обоего пола всех сословий, педагоги (ежегодный взнос 3 рубля), почетным

членом мог стать человек, пожертвовавший одновременно большую сумму или оказавший значительную услугу, членами-сотрудниками считались все совершеннолетние лица, сочувствующие членам Общества, кроме учащих-ся (ежегодный взнос — 3 рубля). Для учителей взносы были уменьшены до 1 или 2 рублей в год в зависимости от оклада. Право на пособие имели действительные члены, которые состояли в Обществе не менее 3 лет. Единовременные пособия выдавались при острой необходимости, если член Общества потерял работу, заболел и т. п. Постоянные пособия выплачивались только тем лицам, которые не имели других средств к существованию. Помимо пособий, Общество занималось поиском места и занятий, заботилось о предоставлении приехавшим в Нижний Новгород учителям недорогих квартир, выполняло поручения от действительных членов Общества. Отчеты о деятельности Общества направлялись через губернатора в МВД и через попечителя учебного округа в Министерство народного просвещения. К 1 января 1903 года Общество насчитывало 1262 члена и имело отделения в Арзамасском, Горбатовском, Макарьевском и Нижегородском уездах [Из истории благотворительности ...]. В состав Правления входили выдающийся статистик Н. Ф. Анненский, председатель губернской земской управы П. А. Демидов, член губернской земской управы Г. Р. Килевейн и др. Капитал Общества активно пополнялся частными пожертвованиями от выдающихся людей того времени: историка С. Ф. Платонова, писателей А. И. Куприна, Л. Н. Андреева, А. М. Горького. Детям неимущих педагогов выплачивались стипендии, организовывалось их питание. Таким образом, основная деятельность Общества была направлена на повышение материального благополучия своих членов и их детей.

4. Благотворительные организации и заведения в сфере здравоохранения

В сфере здравоохранения также активно развивалась частная и общественная благотворительность. В Нижнем Новгороде существовало отделение Российского общества Красного креста, находившегося под непосредственным покровительством императрицы Марии Александровны. В 1867 году Александр II основал Российское общество попечения о раненых и больных воинах, переименованное в 1879 году в Российское общество Красного креста. Цель Общества — «помощь отечественной военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами во время войны и оказание им врачебной и другого рода вспомоществование» [Сборник..., 1894, с. 123]. Деятельность Общества в мирное время заключалась в подготовке к нуждам военного времени, помощи увечным воинским чинам из средств Общества, помощи пострадавшим от общественных бедствий. В случае

войны, в которой не участвовала Россия, Общество оказывало помощь воинам иностранных армий. Средства Общества складывались из ежегодных денежных взносов его членов, единовременных пожертвований деньгами, вещами и другого рода имуществом, различные сборы, разрешенные законом. Делами Общества ведали Главное, Окружное и Местное Управления. Главное управление находилось в Санкт-Петербурге, Окружное и Местное — в Москве и губернских городах (включая Нижний Новгород). По разным направлениям деятельности Общества в случае необходимости могли образовываться местные комитеты. Местные управления учреждались с разрешения генерал-губернаторов, когда число действительных членов Общества достигало в губернии 30 человек. Окружные и местные управления состояли из 8—16 действительных членов. Эти управления избирали из своей среды сроком на 2 года председателя или председательницу, их товарища, казначея и кандидата к нему. Главное управление координировало деятельность всех окружных и местных управлений. Главное управление организовывало общины сестер милосердия и отделы сестер Красного креста, но при условии подготовки сестер при местных медицинских заведениях. Местные управления были обязаны ежегодно представлять отчет о своей деятельности и средствах в Главное управление. В обязанности местных управлений входили образование общин сестер милосердия и санитарной прислуги; устройство складов и запасов предметов для оказания помощи больным и раненым; организация, на случай войны, подвижных и временных лазаретов; оказание помощи больным, раненым и вообще лицам, пострадавшим в результате общественных бедствий. Местные управления и комитеты ежегодно отсылали 10 % всех своих денежных средств в Главное управление на расходы по Обществу. В начале каждого года Окружные и Местные управления составляли общий годовой отчет, в котором указывались все виды деятельности и расходы местных органов.

Сначала председателем местного отделения в Нижнем Новгороде являлся губернатор. Согласно Отчету Нижегородского местного управления за 1898 год, в состав Общества входило 86 человек. В состав местного управления — 12 человек [Отчет ..., 1899, с. 3]. Председатель — губернатор Павел Федорович Унтербергер (1897—1905 годы). Женский санитарный персонал Общества на 1 января 1899 года включал в себя 8 сестер милосердия и 9 учениц, 26 человек числилось в запасе. Сестры милосердия работали в Нижегородском Аракчеевском кадетском корпусе и Нижегородском местном военном лазарете. Весь капитал Нижегородского местного управления в 1898 году составлял 51 115 рублей 57 копеек. Статьями расходов Общества были: содержание общины сестер милосердия (обмундирование, продовольствие, жалование и награды); практика сестер

милосердия в частных домах, в местном военном лазарете, работа в уездах; содержание, страхование, отопление и ремонт дома общины. Существовал Пенсионный фонд сестер общины, в который шли отчисления. Периодически Общество выплачивало единовременные пособия сестрам, переставшим работать. В неурожайный 1899 год был открыт сбор пожертвований на помощь пострадавшему населению (293 рубля). Деятельность нижегородского местного Управления была направлена главным образом на рост количества членов Общества и увеличение членских взносов.

Примером частной и общественной благотворительности является и деятельность Мариинского родовспомогательного заведения [Список...]. Оно было открыто в 1869 году в память о посещении Нижнего Новгорода наследником престола Александром Александровичем с женой Марией Федоровной. Заведением управлял попечительский комитет, привлекавший частные и общественные пожертвования. Изначально родовспомогательное заведение было рассчитано на 25 кроватей. В 1878 году благодаря взносу купца Я. М. Королева при заведении было открыто сиротопитательное отделение на 10 младенцев. Заведение оказывало следующую помощь: предоставление роженицам приюта на время родов, бесплатное содержание рожениц после родов; выдачу пособий акушеркам; обеспечение дальнейшего существования младенцам, оставшимся без родителей. Родовспомогательное заведение существовало за счет отчислений из городского бюджета и пожертвований из Николаевского общественного банка. Количество пациенток заведения постоянно росло (800—1890-е годы; 1800—1900-е годы) [Из истории благотворительности ...], поэтому и расходы на его содержание тоже увеличивались.

Примером сотрудничества власти и частных благотворителей в тюремно-исправительной сфере может служить Нижегородская исправительная земледельческая колония. Она ставила перед собой задачу религиозно-нравственного и трудового воспитания несовершеннолетних преступников и беспризорных детей. Воспитанникам колонии прививались практические навыки в сфере сельского хозяйства и ремесел. В целом в этой сфере частная и общественная благотворительность была очень незначительной. Комитеты типа «Нижегородского губернского попечительского комитета о тюрьмах» постепенно стали административно-совещательными органами и перестали привлекать частные пожертвования.

Активизация благотворительной деятельности происходила и в чрезвычайных ситуациях (эпидемии, голод и т. п.). Одним из известных деятелей, который участвовал в работе этого направления благотворительности, был писатель В. Г. Короленко, выступавший как частный благотворитель, он являлся членом продовольственной комиссии и благотворительного комитета.

5. Заключение

Итак, в результате исследования были выявлены разные виды благотворительной помощи, которые оказывались обществами в Нижнем Новгороде во второй половине XIX — начале XX веков: материальная помощь нуждающимся, выдача пособий, лечение неимущих больных, воспитание сирот и бездомных детей, призрение дряхлых, увечных и не способных к труду, помощь учащимся определенных или различных учебных заведений, помощь лицам по сословному, профессиональному и конфессиональному признаку. При этом спецификой организации благотворительности в России являлось отсутствие единого подхода к деятельности в данной сфере, не была четко определена степень участия в благотворительной деятельности общественных организаций, частных благотворителей, земских учреждений и государства. В то же время все благотворительные общества были подотчетны и подконтрольны исполнительной власти. Органы административного управления губерний и уездов определяли направления благотворительной деятельности и организовывали вложения средств. Расходование средств на благотворительность находилось под строгим контролем администрации. Благотворительные организации не только оказывали материальную помощь нуждающимся, но и занимались организацией досуга своих призреваемых, их образованием и воспитанием.

Для обществ данного периода, особенно в провинции, в частности в Нижегородской губернии, был характерен универсализм, работа в различных направлениях деятельности в рамках одной организации (обеспечение материальных нужд призреваемых, забота о здоровье и просвещение). В нижегородском обществе сложилась всеохватывающая система взаимопомощи, почти все население губернии участвовало в работе попечительств, благотворительных обществ пожертвованиями, оказанием бесплатных услуг, сбором средств и привлечением благотворителей. В общественном призрении, помимо купцов, участвовала и интеллигенция, общественные деятели, учащаяся молодежь. Таким образом, в Нижегородской губернии в пореформенный период активно развивались структуры гражданского общества, которые налаживали новые формы общения, самоидентификации и самоорганизации граждан. Люди получали возможность добиться признания, проявить свои организаторские и лидерские способности. Добровольные общества решали задачи, осуществить которые человек в одиночку не мог: помощь нуждающимся; содействие народному образованию, повышению уровня здравоохранения; информирование власти о социальных проблемах; реализация совместных проектов. В понимании принципов осуществления благотворительной деятельности в рос-

сийском обществе в XIX — начале XX веков, преемственности подобной работы в XXI веке заключается ценность данного исторического опыта.

Источники и принятые сокращения

1. *Адрес-календарь* Нижегородской губернии на 1873 год. — Нижний Новгород : Нижегородская губернская типография, 1873. — 285 с.
2. *Отчет* Нижегородского местного управления российского общества Красного креста за 1898 г. — Нижний Новгород : Типография П. И. Конышева, 1899. — 36 с.
3. *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XXXVII. Отделение 1.* 1862 г., Санкт-Петербург, 1865.
4. *Приложение к всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1885 год.* — Нижний-Новгород : Типография Губернского правления, 1886. — 42 с.
5. *Россия. Просвещение* : Общественное призрение и благотворительность в России. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://gufo.me/dict/brockhaus/> (дата обращения 19.02.2021).
6. *Сборник уставов и правил товариществ, частных предприятий и благотворительных учреждений в г. Нижнем Новгороде.* — Нижний Новгород : Типография Губернского правления, 1894. — 501 с.
7. *Список благотворительных заведений и обществ в Нижнем Новгороде*¹.
8. *Энциклопедический словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://gufo.me/dict/brockhaus/> (дата обращения 23.02.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брэдли Д.* Общественные организации в царской России : наука, патриотизм и гражданское общество : перевод с английского / Д. Брэдли. — Москва : Новый хронограф, 2012. — 448 с. — ISBN 978-5-94881-162-8.
2. *Васильева Е. А.* Помощь нуждающимся ученицам женских гимназий ведомства учреждений императрицы Марии / Е. А. Васильева // *Известия РГПУ имени А. И. Герцена.* — 2010. — № 123. — С. 7—11.
3. *Галай Ю. Г.* Мининское братство. [Электронный ресурс] / Ю. Г. Галай. — Режим доступа : <http://www.gorbibl.nnov.ru/bratstvo> (дата обращения 27.03.2021).
4. *Зрячева О. А.* Благотворительность нижегородских купцов в конце XIX века / О. А. Зрячева // *Наш Анабис.* — 2007. — № 4—5. — С. 167—171.
5. *Из истории* благотворительности в Нижегородской губернии в период XIX — начало XX вв. (по материалам Центрального архива Нижегородской области) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.old.zsno.ru/ru/obl/16012/16026/> (дата обращения 21.03.2021).
6. *Капанова Е. Г.* Общественная инициатива в деле народного образования (на примере Общества распространения начального образования в Нижегородской губернии) / Е. Г. Капанова // *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского.* — 2007. — № 2. — С. 200—206.
7. *Костина Е. М.* Благотворительные организации Нижнего Новгорода во второй половине XIX — начале XX века / Е. М. Костина // *Наш Анабис.* — 2007. — № 4—5. — С. 65—70.

1 Источник достоверно не известен. Предположительно это Приложение к Сборнику уставов и правил товариществ, частных предприятий и благотворительных учреждений в г. Нижнем Новгороде 1894 года.

MATERIAL RESOURCES

- Address-calendar of the Nizhny Novgorod province for 1873.* (1873). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod provincial printing house. 285 p. (In Russ).
- Appendix to the most comprehensive report on the state of the Nizhny Novgorod province for 1885.* (1886). Nizhny Novgorod: Printing house of the Provincial Government. 42 p. (In Russ).
- Collection of charters and rules of partnerships, private enterprises and charitable institutions in Nizhny Novgorod.* (1894). Nizhny Novgorod: Printing house of the Provincial Government. 501 p. (In Russ).
- Encyclopedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron.* Available at: <https://gufo.me/dict/brockhaus/> (accessed 23.02.2021). (In Russ).
- List of charitable institutions and societies in Nizhny Novgorod.* (In Russ).
- Report of the Nizhny Novgorod local administration of the Russian Red Cross Society for 1898.* (1899). Nizhny Novgorod: P. I. Konyshchev Printing House. 36 p. (In Russ).
- Russia. Enlightenment: Public Charity and Charity in Russia.* Brockhaus and Efron's Encyclopedic Dictionary. Available at: <https://gufo.me/dict/brockhaus/> (accessed 19.02.2021). (In Russ).
- The complete collection of laws of the Russian Empire. The Second Meeting, XXXVII (1).* 1862. (1865). St. Petersburg. (In Russ).

REFERENCES

- Bradley, D. (2012). *Public organizations in Tsarist Russia: science, patriotism and civil society: translated from English.* Moscow: New Chronograph. 448 p. ISBN 978-5-94881-162-8. (In Russ).
- From the history of charity in the Nizhny Novgorod province in the period of the XIX — early XX centuries. (based on the materials of the Central Archive of the Nizhny Novgorod region).* Available at: <http://www.old.zsno.ru/ru/obl/16012/16026/> (accessed 21.03.2021). (In Russ).
- Galai, Yu. G. *Mininsky brotherhood.* Available at: <http://www.gorbibl.nnov.ru/bratstvo> (accessed 27.03.2021). (In Russ).
- Kapranova, E. G. (2007). Public initiative in public education (on the example of the Society for the dissemination of primary education in the Nizhny Novgorod province). *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2: 200—206. (In Russ).
- Kostina, E. M. (2007). Charitable organizations of Nizhny Novgorod in the second half of the XIX — early XX century. *Our Anabasis*, 4—5: 65—70. (In Russ).
- Vasilyeva, E. A. (2010). Assistance to needy students of female gymnasiums of the department of institutions of the Empress Maria. *Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen*, 123: 7—11. (In Russ).
- Zryacheva, O. A. (2007). Charity of Nizhny Novgorod merchants at the end of the XIX century. *Our Anabasis*, 4—5: 167—171. (In Russ).

Тычинских З. А. «... И мечети их от церквей Божиих построить в дальних местах»: к вопросу о формировании межэтнических и межконфессиональных границ в Западной Сибири в XVIII веке / З. А. Тычинских, С. Р. Муратова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 512—536. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-512-536.

Tychinskikh, Z. A., Muratova, S. R. (2021). “... And Their Mosques From Churches of God to Build in Distant Places”: to Qquestion of Formation of Interethnic and Interfaith Borders in Western Siberia in 18th Century. *Nauchnyi dialog*, 9: 512-536. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-512-536. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-512-536

**«... И мечети их от церквей
Божиих построить в дальних
местах»: к вопросу
о формировании межэтнических
и межконфессиональных
границ в Западной Сибири
в XVIII веке**

Тычинских Зайтуна Антрашитовна¹

orcid.org/0000-0002-5378-8909
кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
zaituna.09@mail.ru

Муратова Светлана Раиловна²

orcid.org/0000-0001-9088-795X
кандидат исторических наук, доцент
s.r.muratova@utmn.ru

¹ Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения Российской академии наук
(Тобольск, Россия)

² Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке РФФИ и Тюменской области
в рамках научного проекта № 20-49-720012
«Концепты лимологии в изучении особенностей
объектов фортификации XVIII века на
территории Западной Сибири» и Минобрнауки
РФ в рамках темы ФНИ «Динамика
социокультурных процессов в Западной Сибири
как полиэтническом регионе в XVIII — начале
XX в.», номер государственного учета НИОКТР
AAAA-A19-119080790036-4

**“... And Their Mosques
From Churches of God
to Build in Distant Places”:
to Qquestion of Formation
of Interethnic and Interfaith
Borders in Western Siberia
in 18th Century**

Zaytuna A. Tychinskikh¹

orcid.org/0000-0002-5378-8909
PhD in History
Senior Researcher
zaituna.09@mail.ru

Svetlana R. Muratova²

orcid.org/0000-0001-9088-795X
PhD in History, Associate Professor
s.r.muratova@utmn.ru

¹ Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences
(Tobolsk, Russia)

² University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR
and the Tyumen Region within the framework
of the scientific project No. 20-49-720012
“Concepts of limology in the study of the objects
of fortification features of the 18th century on
the territory of Western Siberia” and the Ministry
of Education and Science of the Russian Federation
within the framework of the FSR theme “Dynamics
of sociocultural processes in Western Siberia
as a polyethnic region in the 18th — early 20th
centuries” AAAA-A19-119080790036-4

© Тычинских З. А., Муратова С. Р., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается процесс выстраивания в XVIII веке этнорелигиозных границ в социальном пространстве Западной Сибири на примере губернского центра — Тобольска. Актуальность исследования обусловлена трансформацией этноконфессиональности из культурного феномена в инструмент, который может использоваться в политических целях в современной России. Одним из методологических инструментов исследования является метод анализа «новой локальной истории», который позволяет создать целостное восприятие изучения общественной жизни прошлого «на локальном объекте». Выделяются основные этапы государственной этноконфессиональной политики в XVIII веке. Уточняются факты насильственной христианизации мусульман. Авторы обращают внимание на роль личностного (субъективного) фактора в исследуемых процессах. На примере деятельности митрополита Сильвестра Гловатского и губернатора Ф. И. Соимонова рассматривается вектор развития межконфессиональных отношений, часто зависящий от дальновидности и мировоззренческих установок местной власти. Особое внимание уделяется правительственным указам, отражающим позиции государства в этнорелигиозной сфере. Выявлены особенности и выделены основные этапы процесса христианизации сибирских мусульман в течение XVIII столетия. Проанализирован процесс становления межконфессиональных границ в полиэтническом сибирском регионе. Представлена историография изучаемой темы.

Ключевые слова:

Западная Сибирь; Тобольск; XVIII век; этноконфессиональная политика; межкультурные и межконфессиональные границы; локальная история; мусульмане; православное духовенство; митрополиты; татарско-бухарская слобода.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The process of building ethno-religious boundaries in the 18th century in the social space of Western Siberia is considered on the example of the provincial center — Tobolsk. The relevance of the study is due to the transformation of ethno-confessionalism from a cultural phenomenon into an instrument that can be used for political purposes in modern Russia. One of the methodological research tools is the method of analysis of the “new local history”, which allows you to create a holistic perception of the study of the social life of the past “at a local object”. The main stages of the state ethno-confessional policy in the 18th century are highlighted. The facts of the forced Christianization of Muslims are clarified. The authors draw attention to the role of the personal (subjective) factor in the processes under study. On the example of the activities of Metropolitan Sylvester Glovatsky and the governor F. I. Soimonov, the vector of the development of interfaith relations is considered, which often depends on the foresight and ideological attitudes of local authorities. Particular attention is paid to government decrees reflecting the position of the state in the ethno-religious sphere. The features are revealed and the main stages of the process of Christianization of Siberian Muslims during the 18th century are highlighted. The process of formation of interfaith boundaries in the multiethnic Siberian region is analyzed. The historiography of the topic under study is presented.

Key words:

Tobolsk; XVIII century; ethno-confessional policy; intercultural and interfaith boundaries; local history; Muslims; Orthodox clergy; metropolitans; Tatar-Bukhara settlement.

УДК 94:342.724(571.1)“17”+348.9/9

«...И мечети их от церквей Божиих построить в дальних местах»: к вопросу о формировании межэтнических и межконфессиональных границ в Западной Сибири в XVIII веке

© Тычинских З. А., Муратова С. Р., 2021

1. Введение

В современном мире религиозный и этнический факторы играют значимую роль в формировании глобальной повестки дня, поэтому проблемы этноконфессиональных отношений перестали быть лишь частью культуры и трансформировались в силу, способную оказывать воздействие на политические процессы. Регулирование этих вопросов является одной из функций государства, чрезвычайно важной в таком многонациональном и поликонфессиональном государстве, как Россия. В связи с этим изучение исторического опыта выстраивания государственной политики в этнорелигиозной сфере всегда будет актуальной задачей.

В статье на основе корпуса разноплановых источников (материалы центральных и региональных архивов, мемуары, нормативные акты и др.) предполагается рассмотрение этноконфессиональной ситуации в главном сибирском городе Тобольске в XVIII веке, наиболее драматичной в плане выстраивания взаимоотношений православной церкви и светской власти (как местной, так и центральной) с аборигенным татарским населением.

Методология исследования опирается как на исторические методы (ретроспективный, сравнительно-исторический и др.), так и общегуманитарные (нормативно-ценностный, институциональный, ситуативный, структурно-функциональный, деятельностный и др.), а также социально-философский метод исторических параллелей.

В качестве одного из методологических инструментов в данном исследовании нами использовано понятие «новой локальной истории», которое рассматривается как возможность целостного восприятия в процессе изучения общественной жизни прошлого «на локальном объекте». Как определяет С. И. Маловичко, «историографическая практика новой локальной истории основывается на способности видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать контекстность, глобальное и локальное» [Теория ..., 2014, с. 337—339]. Таким локальным объектом в работе выступает социокультурное пространство Западной Сибири, в частности г. Тобольск в XVIII веке. Авторами сделана попытка предста-

вить отношения исторических макро- и микроуровней в конкретном вопросе этноконфессиональной политики и ее преломления на конкретном локальном объекте. Выбор Тобольска в качестве такого объекта определяется его статусом административного и политического центра Западной Сибири, являвшегося площадкой для апробирования реформ и действий, транслируемых далее на периферию.

Другим методологическим инструментом стал концепт лимологии, который позволяет исследовать особенности влияния этнотерриториальных, межкультурных, межконфессиональных границ на исторические процессы, протекающие в поликультурном регионе.

2. Историографический обзор проблемы

Вопросы межконфессиональных и межэтнических отношений всегда затрагивались исследователями при изучении истории присоединения Сибири к Русскому государству. Специальному рассмотрению отдельных аспектов данной проблемы посвящены работы Х. З. Зияева [Зияев, 1968], Н. А. Миненко [Миненко, 1975], А. С. Зуева [Зуев, 2009], Е. М. Главацкой [Главацкая, 2002], А. Ю. Конева [Конев и др., 2005; Конев, 2014], Л. И. Шерстовой [Шерстова, 2017], В. Ю. Софронова [Софронов], В. П. Ключевой [Ключева, 2002; Ключева, 2004], Г. Т. Бакиевой [Бакиева, 2004; Бакиева, 2008] и др. Особо следует выделить трехтомную коллективную монографию под редакцией А. П. Яркова, второй том которой [Ислам ..., 2019] посвящен истории сибирского ислама в исследуемый нами период. Исследователи сходятся в том, что этноконфессиональная политика на разных исторических этапах была связана с теми политическими установками, которые были у государства в тот или иной период.

По мнению известного историка А. С. Зуева, на этапе присоединения Сибири (конец XVI — XVII века) государственная политика в отношении коренных жителей не имела выраженного идеологического оформления. Она определялась, прежде всего, экономическими и военно-политическими целями, стоявшими перед Москвой, заинтересованной в укреплении своих позиций на вновь приобретенных землях. При этом уплата ясака абorigенами, как считает исследователь, не только обеспечивала казну, но и являлась показателем признания ими своего подданства [Зуев, 2009, с. 9].

В этот период главную линию государственной этноконфессиональной политики в Сибири можно определить словами из направленного в 1685 году сибирским воеводам указа, в котором было прописано: «Для того что Сибирь Государство дальнее и состоит меж бусурманских и иных вер многих земель, чтоб тем Тобольских татар и Бухарцов и иных земель приезжих иноземцов не ожесточить, и от Государской милости их

не отгонять, и Сибирскому Государству какого повреждения не учинить» [ПСЗРИ, т. II, № 1117, с. 662—663]. Несмотря на то, что некоторые исследователи обращают внимание на декларативный характер данного указа [Конев и др., 2005, с. 168], мы согласимся с мнением Е. М. Главацкой, которая приходит к выводу, что в основе политики Москвы в XVII веке в отношении коренных народов края не было заложено элементов грубого религиозного или этнического угнетения. Она считает, что русская администрация, «взяв на себя ответственность за регулирование этнорелигиозных отношений в крае, делала все возможное, чтобы сгладить имевшиеся противоречия и не допустить возникновения вооруженных конфликтов» [Главацкая, 2002, с. 158]. Между тем процесс выстраивания межэтнических и религиозных границ был сложным и противоречивым.

Начало XVIII века связано с кардинальным изменением политики правительства, предопределенным стремлением Петра I к созданию сильного унитарного государства. Один из путей создания такого государства Петр I видел в унификации подданных, прежде всего по конфессиональному признаку. Для этого был взят курс на христианизацию аборигенного населения страны. Достаточно жестко и целенаправленно проводилась эта политика в период правления Петра I на территории Поволжья, причем в отношении как язычников, так и мусульман. Так, к примеру, Ф. Л. Шарифуллина сообщает об указах 1713 и 1715 годов, по которым инородцам-магометанам, владевшим вотчинами и поместьями, приказывалось перейти в православие. В противном случае их земли отходили крещеным родственникам или государю [Шарифуллина, 1991, с. 23].

Отправной точкой в курсе на христианизацию сибирских аборигенов стал указ 1714 года «Об уничтожении кумиров и кумирниц у вогуличей, у остяков, у татаров и якутов, и о крещении сих народов в христианскую веру» [Шерстова, 2017, с. 82—83]. Активная миссионерская деятельность Русской православной церкви в Сибири была поддержана правительством. Причем для ее проведения Петр I подбирал лучшие кадры в Киевской Духовной школе, назначая на сибирскую кафедру такого митрополита, который «мог Божию помощью, исподволь, в Китае и в Сибири ... закоснелых человек приводить в познание истинного Бога» [Софронов]. В Сибирь направляются специальные духовные миссии, начинается подготовка священников из крещеных аборигенов.

По мнению Л. И. Шерстовой, в результате целенаправленной политики Петра I и энергичной деятельности сибирского митрополита Филофея Лещинского и их преемников большая часть населения Сибири в течение первой половины XVIII века приняла христианство. Часто при этом применялись довольно жесткие методы. Как пишет исследователь, «поголов-

ное крещение, проводимое по всей Сибири с наказанием ослушников, сожжением и осквернением сакральных мест, вызвало массовое бегство ее обитателей за пределы досягаемости “просветителей”, в Сибири словно бы повторилась “пора завоевания”» [Шерстова, 2017, с. 84].

Вместе с тем, оценивая конфессиональную политику Российского государства в отношении сибирских «инородцев» в рассматриваемый период, Л. М. Дамешек говорит о ней как о необходимой составляющей имперской политики, а христианизацию аборигенов называет важным элементом политики интеграции [Дамешек, 2008, с. 303]. С данной позицией соглашается В. Ю. Софронов, по мнению которого христианизация являлась частью общей государственной политики в Сибири, целью которой была ассимиляция коренных народов, стирание этнокультурных границ и растворение их в православном российском социуме [Софронов]. При этом оба автора признают политическую и социокультурную значимость этих государственных задач.

На наш взгляд, наиболее близко к оценке этнорелигиозной политики в XVIII веке в Западной Сибири подошел А. Ю. Конев. В целом соглашаясь с тем, что сама христианизация проводилась при активной поддержке правительства, он все же склоняется к мнению, что корни такой политики следует искать прежде всего в мировоззренческих установках самой Русской православной церкви (далее — РПЦ) на процессы просветительства в Сибири, уточняя, что массовый характер христианизация здесь получает только при митрополичестве на Тобольской кафедре выходцев из Киево-Могилянской академии [Конев и др., 2005, с. 168—169].

В. Н. Асочакова, анализируя ситуацию с сибирскими инородцами Восточной Сибири, также приходит к выводу, что «государственная модель христианизации» реализовывалась двумя силами — государством и РПЦ. Она обращает внимание на то, что общая линия государства в отношении массовых крещений отличалась своей сдержанностью и терпимостью к верованиям местного населения. Но на местах, по её мнению, эта политика подвергалась корректировке со стороны РПЦ, которая, руководствуясь «узковедомственными интересами», допускала значительные перегибы в процессе христианизации [Асочакова, 2012, с. 39—43].

Как видим, исследователи едины во мнении, что миссионерская деятельность РПЦ в Сибири в первой половине XVIII века проводилась при активной поддержке правительства. Неслучайно известный сибиревед А. В. Головнев называл XVIII век этапом «конфессионального захвата» Сибири [Головнев, 1995, с. 90].

Обращаясь к ситуации с сибирскими татарами, обычно пишут об отказе от их насильственной христианизации, ссылаясь на заведомую бесперспек-

тивность такой политики в отношении мусульманских народов [Бакиева, 2008, с. 7—15; Софронов]. Исследователи считают, что исламская религия уже довольно прочно утвердилась среди тюркского населения Тоболо-Иртышского бассейна. Однако ситуация была не столь однозначна, и насильственная христианизация в XVIII веке, как показывают источники, хоть и непоследовательно, но проводилась в отношении сибирских мусульман.

3. «Чтоб ... Тобольских татар и Бухарцов и иных земель приезжих иноземцов не ожесточить ...»

Достаточно наглядно зигзаги и нюансы этноконфессиональной политики в отношении мусульманского населения в XVIII веке демонстрирует ситуация в главном сибирском городе — Тобольске.

Большинство жителей столичного центра Сибири были православными. Мусульмане, представленные татарами и бухарцами, составляли незначительное число. Они проживали в городе отдельно от русского населения, в татарско-бухарской слободе. Г. Ф. Миллер, побывавший в Тобольске в 30-е годы XVIII века, приводит ее описание: «Татарские и бухарские дома шли двойным рядом вдоль Иртыша, от устья Курдюмки. На берегу Иртыша находилась пристань. В этом районе нижнего посада велся оживленный торг с купцами из Средней Азии и Китая, из Казани и Ирана. Здесь постоянно останавливались караваны торговцев», «для исполнения служб мусульманскому богу» здесь имелись две мечети [Миллер, 2004, с. 21].

Население татарско-бухарской слободы в рассматриваемый период составляли служилые татары, юртовские и приезжие бухарцы, захребетные татары, а также их семьи. По переписной книге 1719 года, «Тобольских Юртовских татар и Бухарцов (коих де на нижнем посаде) ... 62 юрты: а живут в середине между Российскими стена об стену» [ПСЗРИ, т. 12, с. 765]. Согласно переписи 1736 года, общее число жилых домов в Тобольске составляло 3102 двора, в числе которых 17 дворов служилых татар, 1 из которых принадлежал татарскому голове, 24 двора ясачных татар и 51 двор бухарцев [Там же]. Таким образом, в первой половине XVIII века в городе насчитывалось 92 двора татар и бухарцев.

Жившие в центре города компактной слободой татары и бухарцы вели себя достаточно свободно и независимо. Не только местные, но и столичные власти старались сохранить с ними хорошие отношения. Однако в отличие от светских властей и русского населения города местное православное духовенство не желало мириться с соседством татар и всеми средствами пыталось их выселить из центральной части нижнего посада.

Еще в XVII веке тобольские митрополиты неоднократно обращались в столицу с просьбами переселить татар на Панин бугор или за территорию

Знаменского монастыря. Но, несмотря на эти обращения, татар оставляли жить на прежних местах: «А которые иноземцы¹ живут под горою в Тобольску и в иных местах меж русскими людьми; и тем иноземцом указали Великие Государи жить по-прежнему, а на Панин бугор их не переводить, чтоб им от того лишней тягости и разоренья не было ...» [ПСЗРИ, т. 2, с. 663].

4. «Чтоб в Тобольске мечетям татарским между церквями Божьими и жилищу их татарскому с христианы не быть ...»

В 1702 году на сибирскую митрополичью кафедру был назначен Филофей Лещинский (1702—1711), выходец из Киево-Могилянской школы и страстный ревнитель православной веры. С его именем связаны активизация христианизации и факты крещения, в том числе насильственного, сибирских татар. Так, в ходе миссионерской деятельности в 1718—1720 годах им были крещены туринские татары, а в 1720 году — обские и чулымские татары [Валеев, 1993, с. 173].

При митрополите Филофее начались новые активные попытки выселения татар из центральной части города. «Чтоб в Тобольске мечетям татарским между церквями Божьими и жилищу их татарскому с христианы не быть, потому что от мечетев церквам Божиим бывает перешкода, а христианам, живущим в соседстве с татарами, не без того, чтоб с ними не ели и не пили, и празднеств татарских не праздновали, и во блуди не впадали с поганы, а погане с христианами, и те их места отдать на двор гостиный, на церковь людям посадским», — писал в 1702 году в Москву Филофей [Сулоцкий, 2000, с. 78].

Пытаясь выстроить границы проживания православных и мусульман, митрополит в своем обращении просил поселить татар и бухарцев отдельной слободой за Знаменским монастырем на речке Княжухе. Татары обратились в Москву с просьбой оставить их на прежнем месте, так как выбранное митрополитом место было «сырое и непригодное для жилья».

В октябре 1703 года тобольским воеводам Черкасским было направлено распоряжение Сибирского приказа «о переводе татар и бухарцев из Тобольска на Панин бугор». В нем отмечалось: «Которые иноземцы юртовские служилые и захребетные татара и бухарцы живут в Тобольске под горою, в нижнем посаде меж Русскими людьми; и тем иноземцам жить в тех же местах по-прежнему, а за Знаменский монастырь не переводить,

1 *Иноземцы* — социополитоним, употреблявшийся по отношению к коренным народам Сибири в конце XVI — начале XVIII века. Применительно к народам Сибири имел преимущественно политическое звучание, означая переходное состояние от потенциального подданства к реальному, хотя и содержал в себе также этнокультурные и социально-правовые смыслы, степень проявления которых зависела от контекста употребления самого социополитонима [Цит. по: Зуев, 2016, с. 69)].

чтоб им от того лишней тягости и разоренья и в подводной гоньбе остановки не было» [ПСЗРИ, т. 4, с. 226].

В том же документе рекомендовалось мусульманам строить мечети в Тобольске в отдаленности от русских церквей, «чтобы живучи на старых своих местах, между русскими людьми, близ церквей Божиих, во время божественного пения не кричали и безчинства никакого, также и русским людям никакой препоны и обид не чинили и мечеть свою от церквей Божиих отнесли на дальние места, чтобы никакого крика и пения близ церквей Божиих не было» [Там же, с. 227].

Таким образом, предпринятые православным духовенством в начале XVIII века попытки выселения татар из центра на окраину города не увенчались успехом. Мусульманское население осталось жить на прежнем месте.

Несмотря на поставленную Петром I задачу конфессиональной унификации, довольно жестко реализовавшуюся в период его правления в Европейской части Российской империи, в Сибири старались придерживаться прежней линии «не жесточить» аборигенное население. По отношению к мусульманскому населению (сибирским татарам и бухарцам) здесь действовали сообразно обстоятельствам. На наш взгляд, такая осторожность была связана и с обострением геополитической ситуации на пограничном пространстве России между джунгарами, казахами, башкирами, а также с недостаточным русским военным присутствием на осваиваемой территории.

Правительственный указ «О некрещении Татар и других иноверцев против их воли» от 31 июля 1719 года, декларировавший, что «в неволю их иноверцов никого крестить не будут, разве которые пожелают волею своею креститься ...» [Там же, т. 5, с. 726—727], обращенный к Сибирскому губернатору, отражает определенную гибкость политики Петра I в отношении сибирских мусульман, с позициями которых пришлось считаться, несмотря на выбранный им конфессиональный курс.

С приходом к власти в 1741 году Елизаветы Петровны, продолжившей политику отца, в том числе в религиозном вопросе, происходит новый этап наступления на позиции мусульман. С началом ее правления связано появление указов 1742 и 1744 годов. Указ от 19 ноября 1742 года запретил мусульманам строить культовые сооружения в населенных пунктах, где они проживали совместно с христианами. Он коснулся Казанской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской губерний.

В результате реализации положений указа 1742 года в Сибирской губернии «в Тобольском уезде при 5843 душах 23 (мечетей осталось. — *З. Т., С. М.*), а разломано 66. В самой Тюмени и в уезде разломано 19, оставлено 13 (мечетей. — *З. Т., С. М.*)» [Там же, т. 12, с. 764]. В Тобольске в «в нижнем посаде две мечети сломаны», а тобольские мусульмане, татары и бу-

харцы, в количестве 290 душ, были приписаны к Медянской мечети, которая находилась от города в 6 верстах [Там же, с. 764].

Политика государства по уничтожению храмов мусульман вызвала массовое возмущение и потоки жалоб в центральные органы власти. В этих условиях совместное заседание Сената и Синода пришло к необходимости выработки нормативов для учреждения новых мечетей, «которые на фоне абсолютного запрета должны были выглядеть существенной “льготой” для мусульман» [Загидуллин, 2007, с. 58, 60].

И. К. Загидуллин предлагает рассматривать указ 1744 года как попытку налаживания цивилизованных государственно-исламских отношений. Он объясняет появление документа предупреждением возможной реакции в исламском мире на действия Российских властей ответными мерами в отношении православных храмов и прихожан за пределами страны [Там же, с. 60].

Вместе с тем православное духовенство, не останавливаясь только на уничтожении мусульманских храмов в Тобольске, в 1745 году предприняло очередную попытку выселения татар и бухарцев из города, требуя перевести мусульманское население для жительства на Панин бугор или к Чуваشمскому мысу. Мотивировалось это заботой «об преизяществе города» и о том, «что у берега судовая пристань», а потому «всяким купецким людям с товаром и хлебом весьма прилично построить» гостиный двор. Новая попытка выселения татар подкреплялась ссылкой духовенства на правительственные указы 1742 и 1744 годов, по которым было приказано сломать мечети в татарских населенных пунктах, где проживало менее 200 душ мужского пола [ПСЗРИ, т. 12, с. 767—768]. Эти действия активизировались при митрополите Антонии Нарожницком (1742—1748), также выходеце из Киево-Могилянської академии.

В январе 1745 года в Сибирскую губернскую канцелярию митрополитом Антонием была направлена промемория, в которой он, по-своему интерпретируя указы 1742 и 1744 годов, требовал «высылать» мусульман не только из деревень их совместного проживания с христианами и «новокрещенными», как было прописано в документах, но и из городов, ссылаясь на то, что «оное определение, по силе вышереченного ... указа о всех магометанах быти генеральное, а не частное» [Там же, с. 766—767].

Происходившие события вынудили татар и бухарцев Тобольска, Тюмени, Тары, Томска направить в Сенат челобитную с жалобами на действия митрополита. В челобитной мусульмане описывали затруднительные условия, в которых они оказались после уничтожения мечетей: «Для моления по их Магометанскому закону живущим, как в городе Тобольске Татарам и Бухарцам в Медянские юрты, и объявленных городов Тюменя, Тары и Томска

в уездах из деревень за дальностию расстояния ездить никак невозможно, в зимнее время от тяжких морозов, а в летнее за реками от великих погод, а паче Тобольским из города за великою рекою Иртышем, ибо моление происходит по закону их в каждые сутки по 5 раз» [Там же, с. 764—765].

Татарам вновь удалось опротестовать посягательство на их исконные места жительства. Сославшись на правительственные указы 1742 и 1744 годов, Сибирская губернская канцелярия отказалась переселять татар из центральной части нижнего посада.

5. «... Чинит тобольским и тарским татарам и бухарцам наглые и несносные обиды и нападки ...»

В 1749 году на кафедру в Тобольск приходит новый митрополит Сильвестр Гловатский (1749—1755), получивший образование в Киевской Духовной академии. До своего назначения в Сибирь он служил настоятелем Свяжского Богородицкого монастыря и начальником Поволжской Новокрещенской конторы, занимаясь обращением в христианство народов Поволжья [Софронов, 2004, с. 436]. Установки Новокрещенской конторы он переносит и в Сибирь. С его именем связана новая волна наступления на права мусульман. Стремясь расширить православную миссию, он берется за крещение тобольских татар и бухарцев.

Показательно в связи с этим, что в своих воспоминаниях бывший тобольский губернатор Ф. И. Соимонов, оценивая действия митрополита, писал: «Сильвестр, будучи ревнитель к православной вере, и желая последовать предкам своим, принял намерение обращать татар, которых под разными притеснениями забирал в свою консисторию, держал многих долговременно в железах и принуждал принимать крещение, почему будто бы некоторые волею и крещение восприяли» [Кравцов, 2014, с. 208]. Ф. И. Соимонов считал, что за этими действиями митрополита стояли прежде всего его личные амбиции: «... Это по большей части нечто иное, как архиерейская гордость и желание той чести и славы, что он мог не так, как прежние архиереи, остяков и вогулов, но магометан в христианский закон перевести. А прочие, как консистория, та и отцы крестные, поступили единственно по его приказаниям» [Там же, с. 208—209].

Действия православного духовенства вызвали массовые обращения татарского и бухарского населения с жалобами. Так, татары и бухарцы писали, что тобольский и сибирский митрополит пренебрегает указом «и чинит тобольским и тарским татарам и бухарцам наглые и несносные обиды и нападки», и описывали эти «обиды»: «... Прошлого 1750 года в разных месяцах Сильвестр из сибирской губернской канцелярии указ посланным к тобольскому татарскому голове Маметулаеву браны были силою рукою

татара и бухарцы також жены и дети и дворовые люди и особливо посланы были от оной губернской канцелярии сибирского гарнизона солдаты для того взятыя которые были привезены в Тобольск и отданы митрополичий двор которых его преосвященство держал под крепким и бесисвесным караулом и кованых железах и морил голодом и великим страхом под тяжким принуждением непожеланием их как выше показано силою рукою многих крестил в том числе многих малолетних и в несовершенном разуме ...» [РГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 7306, л. 6—6 об.].

В начале 50-х годов XVIII века была создана Следственная комиссия о татарах и бухарцах, главной целью которой было регулирование взаимоотношений мусульман и новокрещеных татар. Подробное описание хода событий, связанных с организацией комиссии и предвалявших ее, дает омская исследовательница А. А. Крих, которая на основе материалов центральных и местных архивов воссоздает драматичный характер ситуации, сложившейся в Тобольске [Крих, 2012, с. 87—92].

Осуществляемая митрополитом Сильвестром политика привела к тому, что в сентябре 1750 года по очередному судебному процессу было арестовано десять тобольских юртовских татар (2 мужчин и 8 женщин). В начале октября 1750 года татарам стало известно, что арестованные содержатся в консистории и часть из них уже принудили принять крещение. 3 октября на нижнем посаде города Тобольска на месте разрушенной мечети состоялся сход тобольских юртовских татар и бухарцев для составления прошения. Вскоре участники этого собрания по доносу были арестованы и отправлены в губернскую канцелярию, а затем в архиерейский дом [Там же, с. 88].

После того, как был арестован служилый татарин Ибраим Аширов, пытавшийся просить за своего племянника Турсуна Баюнова, к делу подключились служилые татары. В губернскую канцелярию была направлена коллективная челобитная от бухарцев, ясачных и служилых татар, в которой они просили отпустить из-под стражи тех, кто еще не принял православия. Также они требовали, чтобы Тобольская духовная консистория в письменном виде объяснила, зачем и по какому делу татары были арестованы, а если впредь будут задерживать татар по каким-либо делам, чтобы эти дела рассматривались в Сибирской губернской канцелярии, а не отсылались в консисторию [РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 843, л. 71].

Однако местная администрация оставила челобитную без ответа. В это время, не выдержав пыток во время допросов, некоторые из арестованных татар приняли православие. Так, крещены были Батыр Буранаков, Ибраим Аширов и Сундула Сеитов [Там же, л. 59, 68]. Всего в 1750 году в Тобольском уезде были крещены 26 мусульман [Крих, 2012, с. 88].

Безуспешные попытки достучаться до сибирского губернатора А. М. Сухарева привели мусульман к идее подачи жалобы на митрополита Сильвестра в Сенат. Как пишет Ф. И. Соймонов, «татарские и прочих народов, находящихся в Сибири, в Тобольске и в прочих городах магометанского закону немалое число, зная императорские указы, что неволею к вере никого принуждать не велено, не получа от губернатора никакой справедливости, просили в Правительствующем Сенате и на архиерея, и на губернатора» [Кравцов, 2014, с. 209].

Тобольских татар и бухарцев поддержали мусульмане Тюменского и Тарского уездов. В состав выбранной для поездки в столицу с челобитьем делегации вошли от Тобольска сын тобольского ахуна старшина Метелей Татжимов, служилый татарин Чюра Кутумов и его зять Мерзенер Меретев, от тарских бухарцев мулла Ибельямин хан Сеитов и купец Алим Шихов, от тюменских бухарцев Сеит Меметев. Для поездки делегации был организован сбор средств [РГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 7306, л. 15—15 об.].

В феврале 1751 года в Сибирской губернской канцелярии и духовной консистерии стало известно о сборе средств и организации челобитья в Сенат. В марте 1751 года сборщик средств Кулаш Килеев был арестован и вместе с Ибраимом Ашировым и Кучуком Изеньяровым отправлен в Канцелярию тайных дел. Несмотря на попытки митрополита не допустить челобитчиков в столицу, татарам удалось раздобыть необходимые для поездки документы, и в конце февраля 1751 года Ибельямин хан Сеитов и Алим Шихов выехали из Тары [Крих, 2012, с. 90].

О скандале, разразившемся в Тобольске в октябре 1750 года с участием тобольских мусульман и митрополита Сильвестра, стало известно в столице. Прокурор Сибирской губернии Егор Елисеев, присутствовавший на допросах арестованных татар и наблюдавший за ходом судебного разбирательства, 23 ноября 1750 года отправил доношение по поводу происходивших в Тобольске событий генерал-прокурору князю Н. Ю. Трубецкому. Сибирский прокурор обвинил сибирского губернатора «в сговоре» с сибирским митрополитом. 28 марта 1751 года Н. Ю. Трубецкой доложил о ситуации в Тобольске в Сенат, который запретил Сибирской губернской канцелярии отсылать содержащихся под арестом татар в духовную консистирию по требованию митрополита Сильвестра. Сенат потребовал от Синода выписку тех «великоважных духовных дел», из-за которых в сентябре и октябре 1750 года татары были арестованы. Было велено запретить митрополиту принуждать иноверцев к переходу в православие.

Чтобы соблюсти интересы как светской, так и духовной власти во время пребывания сибирских челобитчиков в столице, 23 октября 1751 года Синод предложил создать в Тобольске специальную следственную «ко-

миссию о татарах и бухарцах», куда бы вошли по два представителя от Сената и Синода [ГБУ ТО ГА в г. Тобольске, ф. 156, оп. 1, д. 1800, л. 18]. В комиссии должны были рассматриваться все дела, поступающие в Сибирскую губернскую канцелярию и Тобольскую духовную консисторию, касающиеся религиозных вопросов.

Организационный процесс создания следственной комиссии затянулся на несколько лет. 15 октября 1753 года Сенат издал распоряжение о порядке проведения расследования Тобольской следственной комиссией, с которым Синод согласился в декабре 1753 года. Между тем челобитчики, вернувшиеся из столицы в Тобольск в феврале 1754 года, не были наказаны, что вызвало недовольство митрополита.

12 апреля 1754 года вышел очередной указ в Синод о запрете сибирскому митрополиту отлучать татар от их домов и привлекать «неволею к крещению». А в 1755 году Сильвестр был переведен из Тобольска в Суздаль.

Члены следственной комиссии были определены и направлены в Тобольск в мае 1754 года. Показательна в этом плане оценка Ф. И. Соймоновым состава комиссии: в нее ввели «с татарской стороны — бригадира Чемодурова, и летами и умом совсем слабого, другого — надворного советника Льва Болтина, который хоть не летами, но умом слабого человека, третьего — Вологодского полку капитана Черкашенинова, который хотя и достойный того был, однако один против всех столько силы не имел. С архиерейской стороны — архимандрит Добрыня и 2 игумена, из которых один был и пьяница, и дурак, а другой из подьяческого рода проворный крючкотворец. Архимандрит Добрыня был достойный к тому делу человек, но прежде указу был от комиссии уволен и отпущен в Иверский монастырь» [Кравцов, 2014, с. 209].

Новый сибирский губернатор Ф. И. Соймонов, вступивший на эту должность в 1757 году, после смерти А. М. Сухарева и непродолжительного правления В. А. Метляева (1752—1757) посчитал, что комиссия за 6 лет существования не оправдала возложенных на нее задач, истратив при этом огромную сумму — 7000 рублей. Ф. И. Соймонов провел расследование о деятельности комиссии и ряде рассмотренных ею дел, в итоге которого «мы и решение учинили — татар оправали, а архиерея и прочих помощников ему обвинили, и деньги, издержанные в комиссии, расположили. А по архиерейском самовольстве и что он поступал против присяги и прав государственных, то предали на рассмотрение и для решения Святейшему Синоду. Однако он избавился тем, что за год до этого умер в Суздальской епархии. На то от Сената указ получили: комиссию уничтожить, а дела отдать в губернский архив» [Пузырев, 2019, с. 140].

Уже в 1757 году комиссия прекратила свою деятельность [Пузырев, 2019, с. 139]. А в середине 1760-х годов дела, ранее относящиеся к веде-

нию комиссии, разбирались как Духовной консисторией, так и Сибирской губернской канцелярией [Ключева, 2002, с. 188].

Вместе с тем, несмотря на негативную в целом оценку деятельности комиссии и митрополита Сильвестра губернатором Ф. И. Соймоновым, представляется показательной история строительства церкви Захарии и Елизаветы, которая была возведена в центре Татарской слободы в 1752 году при митрополите Сильвестре и под его непосредственным руководством. Проживавший в Тобольске крестьянин М. Мухин купил в татарской слободе пустопорожнее место и отдал его в распоряжение митрополиту Сильвестру, который решил построить на этом месте храм. Не сообщая никому о своем намерении, Преосвященный приказал рубить в Знаменском монастыре срубы, будто бы для больничной церкви. Когда срубы были готовы (а случилось это в воскресный день), 24 августа 1752 года, после литургии организовал крестный ход из собора. Шествие по приказанию митрополита Сильвестра направилось в татарские юрты прямо к тому месту, которое было куплено Мухиным. Это место было немедленно расчищено и освящено. Крестьяне митрополита подвезли срубы и все необходимое для строительства. Преосвященный тотчас заложил церковь и обратился к народу с просьбой содействия в ее построении, и через 10 дней она была готова и освящена во имя праведных Захарии и Елизаветы. Все это время татары волновались и чуть не убили крестьянина Мухина, после жаловались даже императрице Елизавете Петровне, но на этот раз безуспешно [ГЕВ, 1882, с. 385].

6. «... Разъехались жить к свойственникам и к другим своим в татарские деревни ...»

В 1757 году вспыхнул в нижнем посаде новый пожар, в котором погибли 92 татарские юрты. Место по Иртышу между Знаменским монастырем и р. Курдюмкой губернатором Соймоновым у татар было отобрано. В пожаре сгорела вместе с татарскими юртами и другими домами и деревянная Захарьевская церковь, построенная митрополитом Сильвестром. Вместо нее при губернаторе Ф. И. Соймонове в 1759 году была построена красивая каменная двухэтажная церковь с богатым внутренним убранством [Тычинских, 2008, с. 30].

Ф. И. Соймонов в своих воспоминаниях пишет об этих событиях следующее: «Те места, на которых пожар случался, было строение столь тесное, что и по улицам с нуждою с одною телегою проезжать было можно, а по переулкам одни пешие проходить могли. А строения так часто было, что с кровли на другую почти по всему строению переступить можно было. В том строении почти по большей части татарские дворы были, и хотя за 10 лет неоднократные из Сената указы были, чтоб всех татар переселить на

Панин бугор, однако татары почти на всякий полученный указ принуждены были ездить и просить; да в том об отсрочке и успех получали. Но при том случае, как строения их все без остатку погорели, и по указу ко мне из Сенату велено улицы шире назначить и под дворы обывательские земли отмерять, а татар по силе прежних указов переселить на Панин бугор или на другое способное место по моему рассмотрению» [Кравцов, 2014, с. 206].

Далее он пишет: «Я, видя татарское нежелание переить на Панин бугор, к тому же и по справедливости то неспособным было, потому что от реки Иртыша около двух верст, а от Курдюмки речки больше версты, а на бугре воды нет. Оной же так высок, что больше 30 сажень выше низких мест; и для того я определял для поселения повыше Ямской слободы на берегу Иртыша реки. Но татары принять того не похотели, будучи в той надежде — либо по прежним примерам упроят у Сената о отмене их на то определение, для чего и ездили, и в Сенате просили, однако, не получая ничего, кроме своего убытка, возвратились. Однако не хотели на отведенных мною им местах поселиться, разъехались жить к свойственникам и к другим своим в татарские деревни» [Там же].

Таким образом, православному духовенству, в определенной степени, удалось добиться исполнения своей давней цели — переселить татар. Но заслуга принадлежит Ф. И. Соимонову, сумевшему окончательно разрешить волновавший духовенство вопрос без больших потерь для мусульманского населения.

В пожаре 1757 года среди прочих строений сгорели также «лавки и анбары и погреб», принадлежавшие татарскому голове мурзе Кульмаметеву. Место «мерюю земли 196 сажень» на берегу Иртыша было пожаловано еще его деду Авазбакею Кульмаметеву по грамотам великих государей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича «за верные и беспорочные службы». Когда в результате пожара «на тех жалованных местах означенное строение погорело ... без остатку», Тобольская городская канцелярия и магистрат запретили Кульмаметевым строиться на прежнем месте «до получения из правительствующего Сената указа». Указом из Сената от 6 ноября 1760 года было велено Кульмаметеву «в особо отведенном с татарами месте поселиться, а пожелает остаться на прежнем месте, то ему и наследникам его по силе 1701 года жалованной грамоты под дворовое строение дать места столько же, сколько у него до пожара было» [Тычинских, 2008, с. 30—31]. Но на землях, принадлежавших ранее Кульмаметеву, уже были построены Гостиный двор и купеческие лавки. Кульмаметев обращался с неоднократными прошениями в губернскую канцелярию о возврате собственности. В прошении от 12 июля 1788 года на Высочайшее имя он просит вернуть ему прежнее место «по праву наследственному от

предков его идущему в вечное и потомственное владение и за прошедшие годы в каждой по 500 руб. сколько тобольское купечество пользовалось повелено было подлежащую сумму взыскать и его одного удовлетворить» [Там же]. Однако попытка оспорить Кульмаметевым решение канцелярии на лишение права владения наследственной землей не увенчалась успехом, несмотря на огромную власть и привилегии, которыми пользовались в тот период мурзы Кульмаметевы.

Коренным образом обстановку, сложившуюся в отношениях между государством и исламом, изменило вступление на престол Екатерины II, которая понимала необходимость регулирования религиозного вопроса во благо укрепления самодержавия [Загидуллин, 2007, с. 67].

Упразднение в 1764 году «Канторы новокрещенских дел» положительно повлияло на снятие напряженности в этноконфессиональных отношениях. С 1767 года решение вопросов исламского храмового строительства в Сибири стало входить в прерогативу сибирских губернаторов. Это было подтверждено указом 1769 года, в котором определялась нормативная база данного процесса [Там же].

Вместе с тем сибирское православное духовенство по-прежнему не мирилось с присутствием татар в Тобольске. В 1764 году митрополит Тобольский и Сибирский Павел II (1758—1768), который также был выпускником Киевской академии, обратился в Синод с просьбой о «недозволении татарам селиться и жить совместно с христианами» [Загидуллин, 2007, с. 67].

Митрополит Павел требовал от тобольских священников ежемесячные рапорты «о живущих в приходах их как у русских на подворьях, так и собственными их юртами некрещенных татар и бухарцах ... с показанием сколько в каждом приходе тех татар своими юртами и у кого у русских на подворьях. И как далеко от церквей святых. И с кем постоянно в близости жительство имеют» [ГБУТО ГА в Тобольске, ф. 156, оп. 2, ф. 1368, л. 1].

Приведем пример такого рапорта, иллюстрирующего ситуацию с расселением мусульман в Тобольске (табл. 1).

В 1766 году митрополит обращается к губернатору Д. И. Чичерину с требованием выслать из Тобольска некрещенных татар и запретить им селиться рядом с русскими: «... К общежительству с христианами <...> юртовских татар и бухарцов не допускать» [ГБУТО ГА в Тобольске, ф. 156, оп. 2, д. 1386, л. 20—20 об.].

В ответ из администрации губернатора 5 мая 1766 года митрополиту Павлу было направлено «Покорнейшее объявление», в котором губернатор отказывался от выполнения данной просьбы, ссылаясь на то, что у него в отношении татар есть определенное указание от верховной власти. Далее он отмечал: «А ежели де Его Преосвященство хочет тех татар жить с места,

Таблица 1

Данные отчета за 1766 год митрополиту Павлу о числе татар и бухарцев, живущих в г. Тобольске на территории церковных приходов

В Воскресенском приходе				
на русских подворьях и живущие своими юртами				
Юрт, дворов	мужского пола	женского пола	всего	расстояние от церкви
8	21	17	38	от 35 до 100 саж.
В Благовещенском приходе				
6	14	17	31	80—170 саж.
В Богоявленском приходе				
1	2	2	4	150 саж.
В Архангельском приходе				
1	1	1	2	73 саж.
В Христорождественском приходе				
у русских на подворье нет				
Всего в 5 приходах				
16	38	37	75	—
В Воскресенском приходе				
своими юртами				
4	4	число точно не известно	4	4
В Благовещенском приходе				
4	16	13	29	10—160 саж.
В Архангельском приходе				
живущих своими юртами нет				
В Христорождественском приходе				
1	1	3	4	250 саж.
Всего в 5 приходах				
9	21	16	37	—

то б сам от себя писал к Ея Императорскому Величеству. А я де того учинить не могу, что и Вашему преосвященству приказал объявить» [Там же, л. 25].

Таким образом, несмотря на очередные попытки притеснения мусульман со стороны РПЦ, местная власть по-прежнему проводила политику лояльности и терпимости в русле общегосударственного курса.

В 1782 году было зафиксировано в Тобольске 98 ревизских душ инородцев и 151 — новокрещенных, большинство из которых были татарами и их потомками. Таким образом, во второй половине XVIII века в Тоболь-

ске наблюдается заметное уменьшение числа мусульманского населения, что было связано с происходившими в середине столетия событиями, повлиявшими на значительный отток мусульманского населения из города. Происходит увеличение числа новокрещеных, большинство из которых в дальнейшем были ассимилированы, а их потомки вошли в состав русского населения.

В 1784 году был утвержден новый план города. По нему «иноверцам магометанского закона» предполагалось расселяться за Пиляцкой улицей ближе к Иртышу. Но татарам и бухарцам разрешалось жить также и в других частях города при условии строительства полагающихся для этих районов домов. Переселение татар из центральной части нижнего посада на окраину города, с одной стороны, несколько успокоило претензии РПЦ. Последовательная позиция светской власти, пресекающей перегибы со стороны тобольских митрополитов, вносила относительную стабильность в этноконфессиональный вопрос.

7. Заключение

Таким образом, нами рассмотрен региональный аспект этноконфессиональной политики государства в отношении сибирских мусульман в XVIII веке. На наш взгляд, в формировании межэтнических и межконфессиональных границ в Западной Сибири и столичном городе Тобольске в рассматриваемый период можно выделить три основных этапа:

I этап (начало XVIII века — 1740 год) был связан с проведением курса, заложенного Петром I, на унификацию населения страны, в том числе и Сибири. Одним из направлений этого курса стал процесс христианизации мусульман Сибири. Правительством придавалось ему особое значение как средству духовной колонизации новых территорий, при этом часто выбор способов достижения цели представителям православной церкви был не важен. Активными проводниками насильственной христианизации были Тобольские митрополиты — выходцы из Киево-Могилянской академии. Они же были сторонниками разграничения территории проживания мусульман и христиан.

Несмотря на жесткость выбранного общего курса этноконфессиональной политики, правительство стремилось продолжать в отношении сибирских мусульман курс на сотрудничество, как и в XVII веке, что было продиктовано более значимыми для государства целями, чем конфессиональная унификация: сохранение стабильной обстановки в приграничном регионе, лояльных отношений с бухарцами для поддержания сложившихся торговых связей на Востоке. Смеем предположить, что это было связано и с фронтирностью осваиваемого региона и признанием отсутствия

должных сил для сдерживания возможного протестного движения. Все это свидетельствует о более гибкой этнорелигиозной политике государства на рассматриваемой территории по сравнению с Поволжьем.

II этап (1740—1760 годы) характеризуется очередным наступлением на права мусульман, связанным с восшествием на престол Елизаветы Петровны и изданием указов 1742 и 1744 годов. Сибирь накрывает новая волна христианизации, отразившаяся и на мусульманах. Происходит сокращение количества исламских храмов, ущемление возможностей реализации религиозных потребностей. В связи с этим в Тобольске сокращается численность мусульманского населения. Тобольской митрополии удается достичь давней цели переселения мусульман (татар и бухарцев) из центра нижнего посада на окраину города. Этот период связан с противостоянием, с одной стороны, митрополита Сильвестра Гловацкого, проводившего насильственную христианизацию тобольских мусульман, и, с другой стороны, бухарцев и татар, вставших единым фронтом на защиту своих религиозных прав и выстраивавших стратегию противостояния политике насильственной христианизации.

На примере Тобольска мы видим, что этнорелигиозная ситуация на местах в этот период часто зависела от субъективных факторов, таких как рвение и амбиции на миссионерском поприще представителей православного духовенства, прибегавших к методам насилия в достижении своих целей, умелое или слабое администрирование местных чиновников. Вектор развития межэтнических и межконфессиональных отношений на местах часто зависел от дальновидности и мировоззренческих установок сибирских и тобольских губернаторов.

III этап (1764 — конец XVIII века) этноконфессиональной политики в отношении мусульман Сибири характеризуется сменой курса на сотрудничество с исламом, что было связано с приходом к власти Екатерины II и переориентацией политики в религиозной сфере. В этот период происходит формирование единого тюрко-мусульманского ареала с общими интересами и задачами по отстаиванию религиозных и этнических позиций, которое привело к участию мусульман в деятельности Уложенной комиссии, а в дальнейшем к учреждению Духовного управления мусульман Российской империи.

В этот период в Тобольске предпринимаются очередные попытки ущемления прав мусульман со стороны митрополита Павла II, но благодаря взвешенной политике светской власти, в частности губернатора Д. И. Чичерина, удается сохранить стабильность в межконфессиональных отношениях.

Исторический опыт показывает, что «предпочтение одной из конфессий либо одной из этнических групп неизбежно приводит к ситуациям, ка-

тализирующим конфликты» [Главацкая, 2002, с. 160]. На примере истории столичного центра Сибири наглядно просматривается правота данного положения. На всех этапах развития межэтнических и межконфессиональных отношений в XVIII веке мусульманское население Тобольска всеми средствами стремилось сохранить свои духовные устои. Для татар и бухарцев насаждение христианства не прошло бесследно: заметно сократилось городское население Тобольска — оно было вынуждено переселяться в места, где сохранились мечети. Эти процессы зримо перекроили территорию расселения татар и бухарцев в нижнем посаде Тобольска и в рассматриваемый период стали показателем отношения государственной власти к мусульманскому населению.

Источники и принятые сокращения

1. ГБУТО ГА в Тобольске — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»*. Ф. 156. Тобольская духовная консистория, г. Тобольск Тобольской губернии (1721—1922 гг.). Оп. 2. Д. 1368. Л. 1, 20—20 об.; Оп. 1. Д. 1800. Л. 18.
2. *Соймонов Ф. И.* Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея / Ф. И. Соймонов; составители Н. В. Горбушина, А. Е. Чекунова. — Москва: Государственный исторический музей, 2014. — 536 с. — ISBN 9786890762818.
3. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской империи* (далее). Собрание первое. — Т. 2. — № 1117. — С. 662—663; Т. 4. — № 1946. — С. 226; Т. V. — № 3410. — С. 726—727; Т. 12. — № 9446. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — С. 764, 765, 767—768.
4. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов*. Ф. 248. Сенат и его учреждения (объединение фондов). Оп. 1. Д. 7306. Л. 6—6 об., 15—15 об.; Оп. 113. Д. 843. Л. 71.
5. ТЕВ — *Тобольские Епархиальные ведомости*. — Тобольск, 1882. — № 17—18.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асочакова В. Н.* Политика христианизации коренных народов Сибири в XVII—XIX вв.: историографический аспект / В. Н. Асочакова // Вестник Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. — 2012. — № 1. — С. 39—43.
2. *Бакиева Г. Т.* Российское государство и сибирские татары в XVII — начало XX в.: конфессиональный аспект / Г. Т. Бакиева // Известия Алтайского государственного университета. История, политические науки. — 2008. — № 4. — Т. 4. — С. 7—15.
3. *Бакиева Г. Т.* К вопросу о взаимоотношениях мусульман и новокрещенных у сибирских татар / Г. Т. Бакиева // Социокультурная динамика и экономическое развитие Тюменского региона. XXI век: материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Тобольск: Издательство Тобольского государственного педагогического института, 2004. — С. 26—31.
4. *Валеев Ф. Т.* Сибирские татары / Ф. Т. Валеев. — Казань: Татарское книжное издательство, 1993. — 208 с. — ISBN 5-298-01049-0.

5. *Главацкая Е. М.* «Потому что от мечетей церквям Божиим бывает перешкода ...»: из истории этнорелигиозных контактов в Северо-Западной Сибири в XVII — начале XVIII в. / Е. М. Главацкая // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск-Омск : ОмГПУ, 2002. — С. 156—160.
6. *Головнев А. В.* Говорящие культуры : традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. — Екатеринбург : УрО РАН, 1995. — 608 с. — ISBN 5-7691-0548-8.
7. *Дамешек Л. М.* Конфессиональная политика империи в Азиатской России как составной элемент политики интеграции / Л. М. Дамешек // Иркутский историко-экономический ежегодник. — Иркутск : Иркутский государственный университет, 2008. — С. 303—306.
8. *Загидуллин И. К.* Исламские институты в Российской империи. Мечети в европейской части России и Сибири / И. К. Загидуллин. — Казань : Татарское книжное издательство, 2007. — 416 с. — ISBN 978-5-298-01534-9.
9. *Зияев Х. З.* Узбеки в Сибири (XVII—XIX вв.) / Х. З. Зияев. — Ташкент : Фан, 1968. — 74 с.
10. *Зуев А. С.* Аборигенная (инородческая) политика России в Сибири / А. С. Зуев // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / Главный редактор В. А. Ламин. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. — Т. 1. — С. 9—14. — ISBN 5-8402-0230-4.
11. *Зуев А. С.* «Иноземцы» — «свои» и «иные» : понятийно-терминологическая классификация социально-политического статуса сибирских аборигенов в Московском государстве (конец XVI — начало XVIII века) / А. С. Зуев, П. С. Игнаткин // Вестник НГУ. Серия : История, филология. — 2016. — Т. 15. — № 8 : История. — С. 67—85.
12. *Ислам на краю света.* Ислам на краю света : история ислама в Западной Сибири : в 3 т. Сибирский ислам в Средние века и Новое время [коллективная монография] под редакцией А. П. Яркова. — Москва : [б. и.], 2019. — Т. 2. — 368 с. — ISBN 978-5-89394-xxx-x.
13. *Клюева В. П.* К вопросу о деятельности Следственной о татарах и бухарцах комиссии (середина XVIII в.) / В. П. Клюева // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск-Омск : ОмГПУ, 2002. — С. 186—188.
14. *Клюева В. П.* Православие и ислам в Западной Сибири (конец XVII — середина XVIII в.) : проблемы взаимодействия / В. П. Клюева // ВААЭ. — 2004. — № 5. — С. 131—137.
15. *Конев А. Ю.* Конфессиональная политика России в отношении иноверцев Западной Сибири в XVIII веке в документах Государственного архива Тюменской области / А. Ю. Конев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 22 (351). История. — Выпуск 61. — С. 137—141.
16. *Конев А. Ю.* Социально-правовые аспекты конфессиональной политики Российского государства в Западной Сибири XVII — XIX вв. / А. Ю. Конев, Г. Т. Бакиева, В. П. Клюева // Проблемы взаимодействия человека и природной среды : Материалы итоговой научной сес. Учен. совета Ин-та проблем освоения Севера СО РАН 1999 г. — Тюмень : Издательство : ГУП Сибирский полиграф. предприятие «Наука» РАН, 2005. — С. 164—173.
17. *Крих А. А.* Взаимодействие сибирских татарских религиозных общин с имперскими властями : середина XVIII века / А. А. Крих // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII — начало XXI века). — Оренбург : Оренбургский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2012. — С. 87—92. — ISBN 978-5-91854-097-8.

18. Миллер Г. Ф. Курдюмка, Пилигримка, Княжева ... : Сибирская столица 1741 г. в описании академика Г. Ф. Миллера / Г. Ф. Миллер // «Родина». — 2004. — Специальный выпуск. — С. 17—21.

19. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк / Н. А. Миненко. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1975. — 306 с.

20. Пузырев И. Д. Роль губернаторов Ф. И. Соимонова и И. И. Неплюева в деятельности «татарской комиссии» г. Тобольска середины XVIII в. / И. Д. Пузырев // Сибирские татары : материалы Всероссийского (с международным участием) симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск : Тобольская типография, 2019. — С. 134—141. — ISBN 978-5-9909229-7-6.

21. Софронов В. Ю. Причины начала христианизации населения Западной Сибири в начале XVIII века [Электронный ресурс] / В. Ю. Софронов. — Режим доступа : <https://zaimka.ru/sofronov-missionary-activities> (дата обращения 15.06.2020).

22. Софронов В. Ю. Тобольский биографический словарь / В. Ю. Софронов. — Екатеринбург : «Уральский рабочий», 2004. — С. 436. — ISBN 5-85383-276-X.

23. Сулоцкий А. И. Челобитная митрополита Сибирского и Тобольского Филофея Лещинского Петру Великому и ответ сего Государя на нее. Сочинения в 3 т. / А. И. Сулоцкий. — Тюмень, 2000. — Т. 2. — С. 73—74.

24. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Ответственный редактор А. О. Чубарьян. — Москва : Аквилон, 2014. — С. 337—339. — ISBN 978-5-906578-03-7.

25. Тычинских З. А. Из истории тобольской татарской слободы / З. А. Тычинских // Провинция в русской культуре. Научная конференция II Ремезовские чтения : сборник научных статей. — Новосибирск : [б. и.], 2008. — С. 23—31. — ISBN 978-5-94560-119-2.

26. Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары / Ф. Л. Шарифуллина. — Казань : Татарское книжное издательство, 1991. — 127 с. — ISBN 5-298-00927-1.

27. Шерстова Л. И. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири : конец XVI — начало XX в. / Л. И. Шерстова. — Томск : Издательство Томского университета, 2017. — 252 с. — ISBN 978-5-7511-2513-4.

MATERIAL RESOURCES

Documents from the Russian state archive of ancient acts. F. 248. The Senate and its institutions (the Union funds). Op. 1. D. 7306. L. 6—6 vol., 15—15 vol.; Op. 113. D. 843. L. 71. (In Russ.).

Soimonov, F. I. (2014). *Manuscript heritage. From the funds of the Department of Written Sources of the Historical Museum*. Moscow: State Historical Museum. 536 p. ISBN 9786890762818. (In Russ.).

State budgetary institution of the Tyumen region "State archive in Tobolsk". F. 156. Spiritual Consistory Tobolsk, Tobolsk Tobolsk province (1721—1922 gg.). Op. 2. D. 1368. L. 1, 20—20; Op. 1. D. 1800. L. 18. (In Russ.).

The Complete collection of laws of the Russian Empire (hereinafter). The collection first, 2 (1117): 662—663; 4 (1946): 226 p.; V (3410): 726—727; 12 (9446). (1830). Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya His Imperial Majesty's Own Chancellery. 764, 765, 767—768. (In Russ.).

Tobolsk Diocesan Vedomosti, 17—18. (1882). Tobolsk. (In Russ.).

REFERENCES

- Asochakova, V. N. (2012). The policy of Christianization of the indigenous peoples of Siberia in the XVII—XIX centuries: historiographical aspect. *Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanov*, 1: 39—43. (In Russ.).
- Bakieva, G. T. (2004). On the issue of the relationship between Muslims and newly baptized among the Siberian Tatars. In: *Socio-cultural dynamics and economic development of the Tyumen region. XXI century: materials of the All-Russian scientific and Practical Conference*. Tobolsk: Publishing House of the Tobolsk State Pedagogical Institute. 26—31. (In Russ.).
- Bakieva, G. T. (2008). The Russian state and the Siberian Tatars in the XVII — beginning of the XX century: confessional aspect. *Proceedings of the Altai State University. History, political sciences*, 4 (4): 7—15. (In Russ.).
- Chubaryan, A. O. (ed.). (2014). *Theory and methodology of historical science. Terminology dictionary*. Moscow: Aquilon. 337—339. ISBN 978-5-906578-03-7. (In Russ.).
- Crich, A. A. (2012). Interaction Siberian Tatar religious communities with Imperial powers: the middle of the XVIII century. In: *Regional management and the problem of efficiency of power in Russia (XVIII — XXI century)*. Orenburg: Orenburg branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation. 87—92. ISBN 978-5-91854-097-8. (In Russ.).
- Dameshek, L. M. (2008). *Confessional policy of the Empire in Asian Russia as an integral element of the integration policy*. Irkutsk Historical and Economic Yearbook. Irkutsk: Irkutsk State University. 303—306. (In Russ.).
- Glavatskaya, E. M. (2002). “Because there is a cross-code from mosques to the churches of God...”: from the history of ethno-religious contacts in North-Western Siberia in the XVII — early XVIII centuries. In: *The Turkic peoples. Materials of the V-th Siberian Symposium “Cultural heritage of the peoples of Western Siberia”*. Tobolsk-Omsk: OmSPU. 156—160. (In Russ.).
- Golovnev, A. V. (1995). *Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians*. Yekaterinburg: UrO RAS. 608 p. ISBN 5-7691-0548-8. (In Russ.).
- Klyueva, V. P. (2002). On the question of the activities of the Investigative Commission on Tatars and Bukharans (mid — XVIII century). In: *The Turkic peoples. Materials of the V-th Siberian Symposium “Cultural heritage of the peoples of Western Siberia”*. Tobolsk-Omsk: OmSPU. 186—188. (In Russ.).
- Klyuev, V. P. (2004). Orthodoxy and Islam in Western Siberia (the late seventeenth to mid — eighteenth century): problems of interaction. *WAAA*, 5: 131—137. (In Russ.).
- Konev, A. Yu., Bakieva, G. T., Klyuev, V. P. (2005). Socio-legal aspects of the confessional policy of the Russian state in Western Siberia of the XVII—XIX centuries. In: *Problems of interaction between man and the natural environment: Materials of the final scientific session. Learned. Council of the Institute of Problems of development of the North SB RAS 1999*. Tyumen: Publisher: GUP Siberian polygraph. enterprise “Science” RAS. 164—173. (In Russ.).
- Konev, A. Yu. (2014). Confessional policy of Russia in relation to the gentiles of Western Siberia in the XVIII century in the documents of the State Archive of the Tyumen region. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 22 (351): *History* / 61: 137—141. (In Russ.).
- Miller, G. F. (2004). Kurdyumka, Pilgrim, Knyazheva ...: The Siberian capital of 1741 in the description of academician G. F. Miller. In: *“Rodina”. Special issue*. 17—21. (In Russ.).

- Minenko, N. A. (1975). *North-Western Siberia in the XVIII — first half of the XIX century. Historical and ethnographic essay*. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. 306 p. (In Russ.).
- Puzyrev, I. D. (2019). The role of governors F. I. Soymonov and I. I. Neplyuev in the activities of the “Tatar commission” of Tobolsk in the middle of the XVIII century. In: *Siberian Tatars: materials of All-Russian (with international participation) symposium. “Cultural heritage of the peoples of Western Siberia”*. Tobolsk: Tobolsk printing House. 134—141. ISBN 978-5-9909229-7-6. (In Russ.).
- Sharifullina, F. L. (1991). *Kasimov Tatars*. Kazan: Tatar Book Publishing House. 127 p. ISBN 5-298-00927-1. (In Russ.).
- Sherstova, L. I. (2017). *Aboriginal policy of Russia and ethnopolitical processes in Siberia: the end of the XVI — beginning of the XX century*. Tomsk: Tomsk University Press. 252 p. ISBN 978-5-7511-2513-4. (In Russ.).
- Sofronov, V. Yu. (2004). *Tobolsk biographical dictionary*. Yekaterinburg: “Ural Worker”. P. 436. ISBN 5-85383-276-X. (In Russ.).
- Sofronov, V. Yu. *The reasons for the beginning of the Christianization of the population of Western Siberia at the beginning of the XVIII century*. Available at: <https://zaimka.ru/sofronov-missionary-activities> (accessed 15.06.2020). (In Russ.).
- Sulotsky, A. I. (2000). Petition of Metropolitan Philotheus Leshchinsky of Siberia and Tobolsk to Peter the Great and the answer of this Sovereign to it. In: *Works in 3 volum, 2*. Tyumen. 73—74. (In Russ.).
- Tychinskikh, Z. A. (2008). From the history of the Tobolsk Tatar settlement. In: *Province in Russian culture. Scientific conference II Remezov readings: a collection of scientific articles*. Novosibirsk: [b. i.]. 23—31. ISBN 978-5-94560-119-2. (In Russ.).
- Valeev, F. T. (1993). *Siberian Tatars*. Kazan: Tatar Book Publishing House. 208 p. ISBN 5-298-01049-0. (In Russ.).
- Yarkov, A. P. (ed.). (2019). *Islam at the end of the world. Islam at the End of the world: the History of Islam in Western Siberia: in 3 volum, 2: Siberian Islam in the Middle Ages and Modern Times*. Moscow: [b. i.]. 368 p. ISBN 978-5-89394-xxx-x. (In Russ.).
- Zagidullin, I. K. (2007). *Islamic institutes in the Russian Empire. Mosques in the European part of Russia and Siberia*. Kazan: Tatar Book Publishing House. 416 p. ISBN 978-5-298-01534-9. (In Russ.).
- Ziyaev, H. Z. (1968). *Uzbeks in Siberia (XVII—XIX centuries)*. Tashkent: Fan. 74 p. (In Russ.).
- Zuev, A. S., Ignatkin, P. S. (2016). “Foreigners” — “their” and “additional”: terminological classification of socio-political status of the Siberian natives in the Moscow state (the end of XVI — the beginning of the XVIII century). *Bulletin of the NSU. Series: History, Philology*, 15 (8): History. 67—85. (In Russ.).
- Zuev, A. S., Lamin, V. A. (ed.). (2009). *Aboriginal (foreign) policy of Russia in Siberia. In: Historical Encyclopedia of Siberia: in 3 volum, 1*. Novosibirsk: Historical heritage of Siberia. 9—14. ISBN 5-8402-0230-4. (In Russ.).

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК**Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК**

10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издаётся с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащённость научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **60** дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее четырех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© **Иванова Анна Ивановна** (2021), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация – шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос... Уделяется внимание... Представлены результаты сопоставительного анализа... Поднимается вопрос о... Особое внимание уделяется... Новизна исследования видится в том, что... Актуальность исследования обусловлена... Приводятся определения... Автор останавливается на... Доказано, что... Предлагается классификация... Выполнен обзор... Представлена авторская разработка... Описан опыт многолетней работы автора ... и под.*).

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысло-

вые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001b]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (<http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html>). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать изда-

тельство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. Женщина — председатель колхоза // За Родину : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.
2. КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).
3. Николаев А. Председатель во хмелю / А. Николаев // Сталинский призыв : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.
4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.
5. СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.
6. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.
7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.
2. Вьюговская Е. Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / Е. Вьюговская, А. Ипатова, Д. Рогозин // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40—45.
3. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.
4. Матвеева А. С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 05.25.02 / А. С. Матвеева. — Краснодар, 2012. — 22 с.
5. Мунье Э. Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / Э. Мунье. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_s1.html.
6. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 118—127.
7. Собкин В. С. Психологический анализ уровней литературного развития старшеклассников : диссертация кандидата психологических наук / В. С. Собкин. — Москва, 1982. — 169 с.
8. Garibaldi L. Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.

9. Giglio C. Dodecaneso / C. Giglio // Oriente moderno. — 1929. — № 8. — P. 347.
10. Rosselli A. Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : <http://www.anpi.it/militari/rodi.html>.

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. **(343)3458984, 89120458984.**

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L.</i> Age-Old Path of Russian Terminology	9
<i>Burdaeva, T. V., Khalikov, M. M.</i> Complex Sentence as Sign of Syntactic Complexity, Realized on Basis of Principle of Iconicity (Experience of Researching German Scientific Discourse)	35
<i>Volkova, T. A.</i> Discourse and Communication Translation Model and Translation Strategy: an Experimental Study	55
<i>Grudeva, E. V., Diveeva, A. A.</i> Linguistic and Extralinguistic Aspects of Study of Modern Russian Rap Texts	74
<i>Zubakina, T. N., Sapko, E. D.</i> Decoding Cultural-Code Meaning of Allusion in Translations (Xi Jinping's Speech at Davos Forum 2021)	98
<i>Tregubova, Y. A., Lavrishcheva, E. V.</i> Methods of Modification and Semantics of Foreign Anthroponyms in Russian Internet Discourse (Example of Nomination of Members of British Royal Family)	113
<i>Chen Xue.</i> Features of Adaptation of English Borrowings in Chinese (Using of Word 'Hacker')	128

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

<i>Voronchenko, T. V., Fyodorova, E. V.</i> Evenk Literature and Folklore in Transboundary Space (Russia — China): a Review of Modern Domestic and Foreign Studies	142
<i>Martynenko, E. A.</i> "Scottish Question" and Its New Cultural Meanings in "Culture Capitalism" by Alasdair Gray	165
<i>Osmukhina, O. Y., Karpov, A. D., Beloglazova, E. A.</i> Christian Context of Historical Novel (Zakhar Prilepin's "Abode")	181
<i>Popova, G. V.</i> Organization of Artistic World of Fantastic Work: Categorical Concepts (dilog of O. Gromyko "Year of Rat")	200
<i>Prokopova, M. V., Faizullina, G. Ch., Ermakova, E. N.</i> Image of Giant in Mythology of Ob Ugrians and Zabolotny Tatars	217
<i>Sazonova, Yu. A., Yaroshovets, T. I.</i> Features of Galicia Sports Press Functioning in 1920s — 1930s.	232

HISTORICAL SCIENCES

<i>Baikalov, N. S.</i> System of Consumer Services for Population of Western Section of BAM Construction Areas (1974—1989)	257

<i>Burnasheva, N. I., Kovlekov, I. I.</i> Formation of Fuel and Energy System of Yakutia in 1920s—1930s.	278
<i>Kabakova, N. V.</i> “To Rewrite All Ranks of People and Newcomers from Russian and Pomor Cities”: Migrations in Tara District at End of 17 th Century	292
<i>Karmov, A. H.</i> Food Crises in Kabardino-Balkaria in 1920s.	309
<i>Klochkov, V. V., Nazarova, V. S.</i> Origin of Sovereignty and Boundaries of Royal Prerogative in Tory Political Controversy in Great Britain in Last Third of 18 th Century	324
<i>Kondakov, Yu. E., Fedotiev, D. S.</i> Russian “Jerusalem Project” of Mid-19 th Century : Activities of B. P. Mansurov and Russian Society of Shipping and Trade	342
<i>Korzhenevsky, K. B.</i> Territorial Delimitation Between Siberian Territory and Ural Region in 1923—1926	365
<i>Lapteva, M. Yu., Valitov, A. A., Fedotova, D. Yu.</i> Formation of Tobolsk Classical Hymnasium in First Decade of 19 th Century	385
<i>Ochirov, Ts. S.</i> Socio-Economic Development of Hulun Buir Aimag of Heilongjiang Province (PRC) in 1969—1976	400
<i>Peshkov, D. A., Fedirko, O. P.</i> Housing Construction on Territory of Baikal-Amur Mainline Building-up in 1970s—1980s (Khabarovsk Region)	417
<i>Popov, F. A., Tsvetkov, V. Z.</i> Foreign Policy of Provisional Priamur Government (1921—1922): Process of Formation and Basic Ideological Attitudes	431
<i>Samokhin, K. V.</i> Seasonal Dynamics of Marriage and Fertility of Population of Tambov Province in 1915—1916: Experience of Modernization	450
<i>Suslova, L. N., Yarkova, I. V.</i> Mystical Sects on Territory of Tobolsk Province of 18 th — Early 20 th Centuries: Distribution and Number of Followers	468
<i>Tikhovodova, A. V.</i> Activities of Charitable Societies and Institutions in Nizhny Novgorod Province in Second Half of XIX — early XX Century	486
<i>Tychinskikh, Z. A., Muratova, S. R.</i> “... And Their Mosques From Churches of God to Build in Distant Places”: to Qquestion of Formation of Interethnic and Interfaith Borders in Western Siberia in 18 th Century	512
TO AUTHORS	537

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий

Global Serials Directory Ulrichs Web

(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 24.09.2021. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 31,72. Тираж 500 экз. Заказ 24/09-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2021
Свободная цена